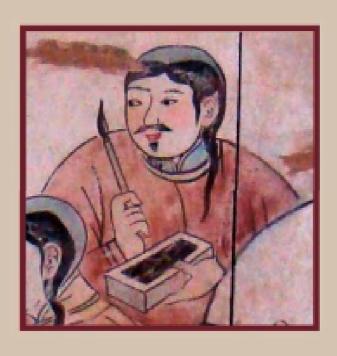
Г. Г. Пиков

Т ени минувших веков

(Очерки из цивилизационной истории восточноазиатского кочевого мира)

Учебное пособие

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Г. Г. Пиков

Тени минувших веков Очерки из цивилизационной истории восточноазиатского кочевого мира

Учебное пособие

Тени минувших веков Прошли предо мной в отдаленьи... М. Н. Суровцов УДК 930.85(5)(075) ББК 60.033.142я73+63.3(5)4я73 ПЗ2

Публикуется по решению УМК Гуманитарного института ФГАОУ ВО Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Пиков Г. Г.

Тени минувших веков (очерки из цивилизационной истории восточноазиатского кочевого мира) : учебное пособие / Γ . Γ . Пиков. — Москва ; Берлин : 658 с.

ISBN 978-5-4499-1784-3

Пособие подготовлено на кафедре всеобщей истории гуманитарного института Новосибирского государственного университета в соответствии с программами курсов «История Средних веков», «История средневековой культуры», «История цивилизаций», «История Центральной Азии», «История кочевых обществ», также может быть использовано и при изучении курсов «Философия истории», «Методология истории», на отделениях истории и археологии НГУ, а также в других вузах, где читаются аналогичные и близкие по содержанию курсы.

Оно составлено на основе тех лекций, которые читались в течение ряда лет студентам и преподавателям высших учебных заведений Новосибирска, и дает обзор вопросов, пользовавшихся наибольшим интересом со стороны слушателей.

В нем рассматриваются некоторые важные и сложные конкретноисторические и методологические проблемы, либо слабо затрагиваемые в исследовательской литературе, либо до сих пор не решенные однозначно. В этом плане, как по содержанию, так и по методологии, учебное издание имеет оригинальный авторский подход.

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Часть I. Методологические, историографические и	
исторические аспекты	22
1. О специфике современной исследовательской ситуал	ции
в области изучения кочевых обществ Восточной Азии в сре	едние
века	22
2. Проблема кочевой цивилизации	42
3. Кочевая империя как феномен истории евразийской	
кочевой цивилизации	62
4. Империя Ляо (907-1125) как классическая кочевая	
империя	84
5. Безмолвствующая культура киданей	111
6. О специфике использования восточноазиатских	
письменных источников по истории киданей и их государ	СТВ
(X-XIII BB.)	137
7. Специфика изучения киданьской проблематики	155
8. Латинские сочинения XIII в. и их влияние на изучени	1e
монгольских народов	168
9. Роль киданей и их элиты в формировании монголься	кой
цивилизационной зоны	211
Часть II. Социокультурные аспекты	297
10. Евразийский характер тюрко-монгольского единств	a
в X-XIII вв.	297
11. Дихотомия «север — юг» в истории Восточной Азии	ı 307
12. Феномен ксенократизма в истории киданей в конте	ксте
евразийского универсума	311
13. Этнокультурный трансфер в истории Центральной	
Азии	335
14 Специфика взаимоотношения кипаней и Китая	346

15. Особенности формирования и развития киданьского	
управляющего класса	361
16. Философия войны киданей	422
17. Макроэкономическая политика киданьской элиты	457
18. Место и роль ментальности в культуре киданьских	
государств Ляо (907-1125) и Си Ляо (1125-1218)	470
19. Проблема «киданьского ренессанса» и «имперский»	
характер киданьской духовной культуры	484
20. Между Западом и Востоком. Судьба киданьского	
эксклава в Центральной Азии	559
21. Киданьская идея государственности и феномен	
киданей в истории Центральной и Восточной Азии	629
Заключение	638
Приложения	641
Список источников и литературы	647
Сведения об авторе	657

Предисловие

Данное пособие подготовлено на кафедре всеобщей истории гуманитарного института Новосибирского государственного университета в соответствии с программами различных курсов по всеобщей истории» и затрагивает отдельные проблемы и темы, связанные с цивилизационной историей кочевого мира Центральной и Восточной Азии. Оно составлено на основе тех лекций, которые читались в течение ряда лет студентам и преподавателям высших учебных заведений Новосибирска, и дает обзор вопросов, пользовавшихся наибольшим интересом со стороны слушателей.

Пособие также может быть использовано при изучении курсов «История средних веков», «История средневековой культуры», «История цивилизаций», «История Центральной Азии», «История кочевых обществ», также может быть использовано и при изучении курсов «Философия истории», «Методология истории», на отделениях истории и археологии НГУ, а также в других вузах, где читаются аналогичные и близкие по содержанию курсы.

При подготовке пособия был учтен опыт обсуждения специалистами в области истории, философии, филологии, литературоведения и других гуманитарных дисциплин указанных проблем, возникших в последние годы. Сложность тем и определенная новизна подхода к их решению обусловила использование значительного круга источников и широкого спектра общенаучных и специально-исторических методов.

Одной из особенностей указанных курсов является рассмотрение отдельных проблем кочевой культуры в корреляции с соответствующими аспектами азиатской и мировой истории. Это становится особенно важным в настоящее время в связи с широко распространившимся методом мир-системного анализа, предусматривающим построение единой и максимально непротиворечивой картины развития сообщества евразийских цивилизаций. Сказанное повлияло на выбор тем для настоящего пособия.

Хотя по этой тематике уже существует достаточно обширная научная литература и в нашей стране, и за рубежом, в учебном плане она получила лишь частичное отражение. К тому же многие научные издания труднодоступны для студентов. Все это вызвало необходимость издания учебного пособия. В нем рассматриваются важные и сложные методологические проблемы, либо все же слабо затрагиваемые в исследовательской литературе, либо до сих пор не решенные однозначно. В этом плане, как по содержанию, так и по

методологии, учебное издание имеет оригинальный авторский подход. На примере тем, слабо освещенных в литературе или трудно поддающихся исторической реконструкции, студенты получат возможность ознакомиться со спецификой методов исторических и историко-культурных исследований и особенностями их методологии. Аналогичных изданий в нашей стране еще не выходило, хотя отдельные темы рассматривались в разных учебных пособиях. Данное пособие принципиально отличается тем, что опирается на широкий фактический материал и те наработки, которые сделаны в исторической и историко-культурной литературе.

В данной книге берутся лишь некоторые сюжеты, иллюстрирующие специфику развития кочевой цивилизации. Понятно, что все возможные аспекты и примеры собрать воедино не удастся никогда, уже хотя бы потому, что прошедшая человеческая история столь же необъятна, как Вселенная, и столь же неисчерпаема, как атом.

Данные сюжеты разрабатывались в свое время по причинам, которые к теме книги, строго говоря, не имели прямого отношения, тогда были свои причины и свои цели. Однако, собранные вместе, они все же дают возможность увидеть некоторые грани той пирамиды с бесконечным количеством плоскостей, которая именуется кочевой цивилизацией.

Думается, что подборка получилась интересной. Здесь затронуты и большие общецивилизационные проблемы (модель цивилизации, специфика кочевой империи, проблемы элитологии и этнополитической истории) и темы более частного характера (межцивилизационное общение в Азии, макроэкономические и культурологические аспекты истории).

Введение

История государственных образований и культуры кочевников в последнем столетии стала объектом особо пристального внимания не только со стороны профессиональных исследователей, но и со стороны самых различных кругов евразийских обществ. Вероятно, особую роль играет здесь ситуация кризиса, в котором оказаведущие цивилизации, созданные когда-то оседлыми народами. «Вывихнутый» XX век с его мощными геополитическими и социальными катаклизмами, культурно-идеологическими кризисами, стремлением к максимальной деидеологизации, доходящей до атеизации культуры, снова пересматривает «дорогу испытается увидеть потерянных тории» векторах нереализованные, но вполне реализуемые в новых условиях возможности дальнейшего развития. С одной стороны, это стимулирует переход к максимально объективному научному подходу к истории, но, с другой, ситуация информационного хаоса на планете усиливается необычайно и требует срочной ликвидации, которая вполне может произойти под эгидой новой идеологической схемы. Признаки ее становления уже заметны. Если в начале столетия неверие в возможности синтетического подхода к истории породили пестроту и противостояние идеологий (христианство, фашизм, марксизм, позитивизм, анархизм), в силу этого принципиальный отказ от множества схем, своего рода научную апатию и стремление понять «историю» через факт или отдельного человека (школа «Анналов»), то к концу века юная «демократическая» идея требует срочной историко-культурной «подпитки» и исторической аргументации. Есть соответствующая опасность, что либеральная идея, пришедшая на смену религиозной, создаст свою систему фильтров, через которые многим древним народам и прежде всего кочевым без новых потерь пройти не удастся. Их история будет осмысливаться к тому же через систему категорий, которая возникла на другом конце планеты и в другое историческое время.

В данном случае речь идет и о таких базовых для исторической картины понятиях, как «цивилизация», «культура» и «империя», в том числе и «кочевая империя». Насколько они применимы при реконструкции истории кочевых сообществ?

В научной литературе многие проблемы, связанные с историей кочевых обществ, их спецификой и уровнем исторического развития, стали предметом длительных и ожесточенных дискуссий. Неоднозначность используемых подходов, различия в методологии

и многоплановость проблемы обусловили наличие множества концепций, включая теорию о «кочевом феодализме», «предклассовую» и «раннеклассовую, «номадного» способа производства. Это связано и с тем, что данная проблема носит междисциплинарный характер и рассматривается, так или иначе, в исторических, этнографических, археологических, экономических, социологических и других исследованиях.

Не в последнюю очередь актуальность тематики исследования определяется и тем, что в монголоязычной зоне Восточной Азии впервые зарождается такая сложная форма государственности, как империя. Представляется крайне важным увидеть то, что она не только стала неизбежным итогом всего предшествующего цивилизационного развития региона, но и открыла путь для дальнейшего этатического развития населявших его народов. В этом плане неизбежно подвергается сомнению расхожие представления о глубокой цивилизационной пропасти между оседлым и кочевым мирами и о том, что «варвары» и кочевники не способны на сложтворчество оригинальное В области политического строительства. Усложнение социальной жизни вызывало сокращение возможностей для высокой мобильности и требовало переформатирования своего пространства на основе иных моделей, не являвшихся до той поры необходимыми кочевому обществу.

Фактором, усиливающим актуальность данного исследования, является вытекающая из аналитического рассмотрения социокультурной истории восточноазиатского народа киданей возможность оспорить по ряду моментов распространенное в историографии стремление рассматривать цивилизационную историю Восточной Азии через сосуществование оседлых и кочевых народов и, соответственно, через китайское влияние, определяющее основной вектор ее развития. Есть немало оснований увидеть одновременно и сложное и диалектическое взаимодействие двух цивилизационных зон, которое и обуславливает своеобразие великой восточноазиатской цивилизации в целом.

Сказанное неплохо иллюстрируется на частном примере именно киданей. Они занимали заметное место в истории центральноазиатского региона и сыграли значительную роль в бурных событиях предмонгольского периода, оказав огромное влияние на развитие культуры дальневосточной ойкумены. Киданьские племена не только объединились в рамках самой могущественной державы Восточной Азии того времени и «заставили мир дрожать»,

но и, используя достижения китайцев и покоренных народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира. Созданная ими империя Ляо, существовавшая более двухсот лет (907–1125), в период наибольшего могущества владела территорией Внутренней и Внешней Монголии и частью Северного Китая, влияла на политику Кореи, северокитайских династий Поздняя Цзинь, Поздняя Хань и Северная Хань (936–972), тангутского государства Западное Ся. В зависимости от нее находились даже южно-китайские царства Уюэ и Южное Тан.

История киданьского государства в определенном смысле – апогей развития кочевой традиции на востоке Азии, когда бывшие кочевники максимально отказываются от тактики набегов и грабежей (полного отказа от этой тактики нет даже в оседлом обществе, поскольку насилие — обязательный атрибут так называемой «феодальной» экономики) и пытаются построить свой «мир», но эта модель принципиально будет отличаться от китайской или римской именно тем, что здесь в качестве периферии выступают не номады или кочевники только, но и оседлые китайцы. Этот опыт киданей в той или иной мере будет изучаться всеми последующими завоевателями Китая, но там этнополитическая ситуация будет отличаться от киданьской. Если кидани начинали создавать баланс кочевых и оседлых районов, лавируя между ними, то чжурчжэни и монголы в большей степени склонялись к их иерархии и в результате в «угнетении» оказывались, прежде всего, кочевые народы. Естественно, что после изгнания кочевников, период их господства и «угнетения» стал восприниматься как своеобразные «средние века», лишенные культуры, почему эту культуру и не было необходимости изучать.

Киданьскому обществу фактически окончательно присваивается статус милитаристского. В XX в. своеобразным итогом этого станет концепция «завоевательных империй», одной из которых, разумеется, будет считаться киданьская. Представление о киданях как варварах перейдет потом в справочную литературу, где будет говориться о том, что киданьская империя была создана «племенами» кочевников, впрочем, как и чжурчженьская и монгольская. После монгольского завоевания окончательно складывается представление об особом менталитете и неуемном воинственном духе кочевников, их пассионарности.

Таким образом, киданьскую культуру можно образно назвать безмолвствующей. В результате «сотрудничества» Европы и Китая ее история оказалась полна множества штампов и предстает в виде

серии образов, совокупность которых фактически ставит вопрос о том, что мы практически не знаем ее. «Голос» киданей не дошел до нас.

Соответственно неизбежной и изначально обязательной задачей является рассмотрение истории киданей максимально деидеологизировано, беспристрастно, объективно и научно. Облегчает это разрешение другой методологически и конкретно исторически важной проблемы, связанной с ролью элиты в развитии того или иного социума. Рассмотрение конкретной истории общества сквозь призму деятельности его элиты выявляет сущностные особенности его развития.

Одной из вечных тем исторической науки была и остается история различных социальных слоев. Если до недавнего времени основное внимание уделялось низам общества, истории их сопротивления «угнетению» и «эксплуатации», то в прошлом веке сформировался устойчивый интерес как ко всей социальной «анатомии», так и к функционированию тех слоев общества, которые принято именовать элитными, «верхами общества», хотя интерес к прошлому и настоящему тех слоев населения, которые заняты управлением общества, существует на самом деле на всем протяжении человеческой истории во всех цивилизациях. Можно сказать, что это одна из вечных исторических и политологических проблем. Естественно, что каждая цивилизация для обозначения управленцев выработала свои наименования. В рамках европейской общественной мысли сложилось несколько таких терминов. Это, прежде всего, «знать», «аристократия», «элита», «правящий класс». Все они возникли в разное время и в разных обществах, однако во многих ситуациях, особенно в публицистике, рассматриваются как синонимы. Понятия «аристократия» и «знать» часто используются в негативном смысле, особенно в марксистской литературе. Это особенно характерно для российской науки в настоящее время, когда мы, безусловно, наблюдаем в некотором смысле плохо контролируемый информационно-терминологический хаос. Разумеется, надо учитывать, что эти термины появились в разные эпохи и в разных регионах, хотя и на более или менее близкой стадии развития, когда выстраивалась иерархия родов и племен, шла ожесточенная борьба их друг с другом и вырабатывались нормы и рецепты их сосуществования. Ни один из данных терминов из европейской и русской культур выбросить невозможно, и уже хотя бы поэтому делаются попытки разобраться в их соотношении. Предпочесть один какой-то не хватает достаточных оснований, и поэтому они чаще всего используются одновременно. Однако, думается, они, с учетом их специфичности, могут быть расположены в определенной иерархии. Именно элитологическая история киданьского общества позволяет это проиллюстрировать достаточно ярко. Кидани, существовавшие на протяжении тысячи лет (III-XIII вв.) в одном из самых сложных и густонаселенных регионов мира (Восточная Азия), создали и развивали в рамках ряда государств (Великая Ляо, Западная Ляо, Северная Ляо, Восточная Ляо) весьма совершенную управленческую структуру, опыт которой изучался на протяжении всех последующих столетий чжурчжэнями, монголами, китайцами, маньчжурами, корейцами. История изучения киданей, по сути, есть история изучения деятельности именно элиты. Политическая история киданьского государства есть квинтэссенция информации о жизни и деятельности этого своеобразного народа-элиты. Материал по киданьской элите накопился уже немалый, вряд ли хотя бы в ближайшем будущем будут найдены новые текстовые свидетельства. В любом случае они уже будут лапидарны и случайны. Текстов энциклопедического масштаба, адекватных «Цидань го чжи» и «Ляо ши», в природе больше не существует. Новые сведения могут дать археологические исследования, но и они уже не совершат революции, тем более, что их информация касается лишь быта, хозяйства, топографии и т. д.

Своеобразным недостатком современных исследований, вероятно, стоит считать то, что элита чаще всего рассматривается вне определенных исторических рамок, как своего рода универсальный общественный феномен. Да, элита была, есть и будет в истории человечества всегда, в то же время вряд ли спорным покажется утверждение, что она имеет свои исторические, этнические и социальные отличия, что при всей своей похожести европейская элита имеет и свои существенные отличия от азиатской. Элита в средние века не то же самое, что современная элита. Сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда, не изучив досконально конкретно-исторические варианты, мы торопимся создать некую абстрактную модель элиты вообще. Не менее часто мы «читаем», скажем, ту же азиатскую элиту через европейскую и достаточно механически переносим «признаки» и «функции» европейской элиты на Восток. Не удивительно, что при этом у нас появляются «основания» говорить о некоей «недоразвитости» восточных «феодалов» или современной азиатской этнонациональной знати. Мы забываем, что «иное» не есть «меньшее» или «худшее». Если сказанное имеет отношение к оседлой восточной элите, то кочевников нередко вообще

выводят за рамки соответствующего исследования. Между тем хочется сказать, и надеюсь, приводимый ниже материал засвидетельствует это, что именно у кочевников многие аспекты социальной структуры выражены гораздо рельефнее, четче, чем у оседлых. В частности, кочевая элита в своей жизнедеятельности меньше «отвлекается» на многие проблемы экономики или культуры, например, на философские, литературные или религиозные споры и часто старается лишь «сражаться» и «править», что позволяет, на мой взгляд, четче увидеть главное в ней и сущностное. Модель кочевой элиты, буде она воссоздана окончательно, может быть, станет выглядеть этаким пробирочно чистым вариантом.

Изучение данной проблематики имеет практическое значение не только в научном плане, поскольку отказ от односторонних оценок истории «древних» или так называемых тупиковых обществ, каковым считаются, прежде всего, кочевники, важно и в мировоззренческом смысле, ибо помогает выработке и развитию объективного и адекватного отношению к истории всего человечества, каким бы вариантом существования оно не было представлено.

Историография проблем, связанных с данной темой, невероятно обширна, нет даже физической возможности перечислить все опубликованные работы, ибо это историография, по сути, сразу нескольких направлений, а не тем, а именно элитологии, теоретического кочевниковедения и истории киданей. Работы элитологов и кочевниковедов, задействованы если не во всей полноте (речь идет в данном случае лишь о зарубежной элитологии), то в виде особо значимых трудов, имеющих важное методологическое значение. Так как акцент делается именно на методологии, то необходимость в них возникала при анализе конкретных проблем.

Парадоксально, но фактически почти нет историографии кочевой элиты, хотя сам этот термин постоянно мелькает в исследовательской литературе. Оценка вклада тех или иных исследователей в данную сферу, по сути, распылена у археологов и историков. Тема, безусловно, интересна в научном отношении и должна стать объектом будущего специального исследования, пока же, по мере необходимости, она отражена в основной части диссертации. Упреков в чей-либо адрес здесь быть не может, ибо тема еще только возникает.

Все же следует отметить следующее.

История киданьского этноса и его государственности, равно как и другие аспекты интересующей нас проблематики, отражены в достаточно большом количестве монографий и статей. Почти все

из них, кроме, разумеется, археологической литературы, фактически не выходят за пределы информации, содержащейся в так называемых источниках, и сводятся в массе своей к общим очеркам той или иной степени широты и полноты истории киданей. Однако, эти публикации отражают важные и своеобразные особенности изучения кочевых обществ, обусловленные наличием множества мировоззренческих клише и штампов. Они интересны не столько с точки зрения накопления знаний и прояснения темных мест, сколько в концептуально-мировоззренческом отношении. Этот историографический массив требует отдельного рассмотрения, чему и посвящена особая глава исследования.

Историю собственно изучения киданей и, тем более, его элиты, еще никто детально и концептуально не анализировал. Разумеется, существует оценки вкладов тех или иных исследователей, в массе своей вполне справедливые, но увидеть в этом обилии публикаций особый историографический феномен еще никто не попытался. Думается, что главной причиной этого является представление о киданях, как об одном из «племен», «чистых кочевниках», «бандитах» и т. п. Только изменение мировоззренческого подхода может помочь увидеть не только своеобразие киданьской социокультурной модели, но и их истинный вклад в историю восточноазиатского метарегиона.

За всю историю изучения киданей предпринимались, справедливости ради надо сказать, попытки решения отдельных проблем. В этом плане обязательно надо указать на исследования В. С. Таскина, прежде всего на его глубокие аналитические комментарии к своему переводу «Цидань го чжи» и ряд статей на данную тематику, Е. И. Кычанова и, разумеется, фундаментальный труд К. А. Витфогеля и Фэн Цзяшэна Все они имеют безусловную научную ценность, однако в настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть эти же проблемы с оригинальной в методологическом плане позиции. Эта попытка является

 $^{^1}$ *Е Лун-ли*. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введение, комментарий и приложения В.С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с.

² *Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010. 364 с.; *Он же.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. 319 с.

³ Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125) // Transactions of the American philosophical Society, new series. Volume 36. Philadelphia, 1949. — 752 p.

своего рода обобщением тех авторских исследований, которые предпринимались ранее в частном порядке.

Соответственно, непростой представляется проблема источниковой базы исследования. От киданьской эпохи дошли лишь развалины различных зданий, отдельные предметы быта и утвари, да переписанные киданьскими монахами буддийские тексты. Юридические или хозяйственные документы были последовательно уничтожены противниками киданей и временем. То, что всеми исследователями именуется письменными источниками, представляет собой сочинения, написанные либо современниками киданей, как правило, в виде кратких экскурсов в их историю, составленных на основе отчетов послов (династийные истории китайских государств), либо китайскими авторами, работавшими уже с остатками артефактов киданьской империи. Работы эти в массе своей компилятивны, часто повторяют друг друга, очень лапидарны. Мусульманские и европейские авторы были представителями иных цивилизаций и их интересовали лишь военно-политические аспекты киданьской истории. Два основных свода информации о киданьском государстве, «Ляо ши» и «Цидань го чжи», были составлены высокопрофессиональными исследователями. В их сочинения вошли в большом количестве отрывки из киданьских государственных документов. Они и считаются современными исследователями основными источниками по киданьской истории. Однако, как будет показано в отдельной главе, отбор текстов был сделан намеренно, очень тщательно и профессионально и осуществлен с целью скрупулезной иллюстрации своего, а не киданьского, концептуального видения ляоского мира.

В силу сказанного эти тексты не могут быть использованы лишь в качестве источников необходимой информации, но в гораздо большей мере должны считаться фактами историографии. Тем не менее, в целом исследование опирается на вполне репрезентативное сочетание источников, которое необходимо для любого исторического исследования. Поскольку многие проблемы киданьского социума, безусловно, имеют в качестве важнейшего источниковедческий аспект, были использованы не только оригиналы этих текстов, но и их переводы, выполненные высокопрофессиональными исследователями и имеющие тщательные комментарии.

О киданях до обидного мало информации у средневековых восточноазиатских и центральноазиатских авторов. Тому есть свои причины. Кидани и их социальная верхушка, по мнению соседей, мало чем отличались от остальных народов и казались потому не

интересными, тем более, что свои государства они создали позже, например, хунну, уйгуров или тангутов. С другой стороны, киданьская элита и ее культура во многом были просто уникальны, что обнаруживалось при близком знакомстве с ними, но «туристического» интереса в те времена быть не могло, а с практической точки зрения их опыт оказывался не нужен ни Китаю, ни тангутам. В результате прагматичные авторы собирали информацию лишь о их политической активности, к тому же, в связи с политической историей («Сун ши», «Юань ши», сочинения Рашид ад-Дина, Джувейни). Именно здесь один из истоков формирования представления об их только политической активности и «бандитизме». А ведь киданьские империи Ляо (907-1125) и Си Ляо (1128-1218) были крупными и развитыми государствами, их культуру уважали писатели, художники, историки, географы из соседних государств. Тогдашние политики много говорили о их политической роли, но культура мало кого интересовала.

База данных по киданям существует, и она представлена «Цидань го чжи» и «Ляо ши». Однако это не сухая и абстрактная информация. Сам отбор фактов, не говоря уже об их оценке и трактовке, свидетельствуют об определенной концепции истории киданьской элиты. До недавнего времени это нас устраивало с фактологической, мировоззренческой и историософской точек зрения, но эти точки зрения покоились на таких методологических постулатах, которые вольно или невольно искажали историю кочевников в целом и киданей в частности. Это оседлоцентризм, европоцентризм, китаецентризм, номадоцентризм, модернизм. Это, строго говоря, не научные подходы, а идеологические, существующие, к тому же, часто в форме обывательских измышлений. Они во многом породили существовавшую несколько столетий уверенность исследователей в том, что история кочевников может быть описана с помощью простых и «очевидных» законов и идиологем. Не отбрасывая их совсем и пользуясь ими крайне осторожно, в то же время мы должны дополнить их и максимально исправить с помощью новых методологических ракурсов. Это объективно-исторический подход, отказ от вульгарной и упрощенной трактовки человеческого прогресса, политкорректность в отношении не только современных этнических групп и коллективов, но и тех, которые выступали на исторической сцене ранее. Такие же методологические подходы, как, скажем, расизм, должны быть исключительно отброшены, как произвольно искажающие историческую действительность.

Именно неравномерное изучение различных аспектов киданьской истории, зачастую тенденциозный и ангажированный подход к ней в целом и помогли увидеть и сформулировать научную и учебную проблематику, которая связана с необходимостью исследования двух важнейших факторов этой истории — феномена кочевой империи и роли элиты в ее создании и развитии. Такая уникальная форма государства, как кочевая империя, есть продукт деятельности именно элиты и это обуславливает необходимость комплексного изучения проблематики. Если вспомнить старое марксистское положение о том, что государство создают господствующие классы в качестве машины подавления сопротивления эксплуатируемых слоев населения, то с первой его частью, безусловно, можно согласиться, сделав естественную и необходимую оговорку, что цели и задачи этатической конструкции гораздо более обширны и глубоки.

Достаточна обширна литература по теоретическим и методологическим аспектам элитологии как науки. Интерес к прошлому и настоящему тех слоев населения, которые заняты управлением общества, существует на всем протяжении человеческой истории во всех цивилизациях. Можно сказать, что это одна из вечных исторических и политологических проблем. Естественно, что каждая цивилизация для обозначения управленцев выработала свои наименования. В рамках европейской общественной мысли сложилось несколько таких терминов. Это, прежде всего, «знать», «аристократия», «элита», «правящий класс». Все они возникли в разное время и в разных обществах, однако, во многих ситуациях, особенно в публицистике, рассматриваются как синонимы. Понятия «аристократия» и «знать» часто используются в негативном смысле, особенно в марксистской литературе. Это особенно характерно для российской науки в настоящее время, когда мы, безусловно, наблюдаем в некотором смысле плохо контролируемый информационно-терминологический хаос. Предпочесть один какой-то не хватает достаточных оснований и поэтому они чаще всего используются одновременно. Однако, думается, даже в этом случае они, с учетом их специфичности, могут быть расположены в определенной иерархии. Именно элитологическая история киданьского общества позволяет это проиллюстрировать достаточно ярко. Соответствующий материал может восприниматься как своего рода эталонный для решения тех или иных проблем кочевой элитологии.

Здесь необходимо отметить еще один аспект. Содержание данного исследования в некотором смысле становится шире назва-

ния и это не случайно, ведь в данном случае мы имеем дело с удивительным феноменом — весь народ фактически превратился в элиту. Соответственно приходится говорить не только о его структуре, его судьбе, но и о том, что он оставил после себя: развитое хозяйство, культуру, уникальный тип государства (первая имперская конструкция в монголоязычной зоне) и т. д.

Новое отношение к древней и средневековой элите «проснулось» сначала у практических исследователей, а именно у археологов, но в последние десятилетия затронуло и историю, политологию. О необходимости развития элитологии как «новой комплексной гуманитарно-социологической научной дисциплины, конституирующейся в структуре отечественного обществоведения» активно заговорили философы.

Принципиально важным является рассмотрение элиты в историческом контексте, а, значит, учитывание специфики этой империи. Поскольку империя Ляо рассматривается как вершина этатического развития монгольских народов в период до монгольских завоеваний, это позволяет достаточно четко обозначить проблематику последующего комплексного изучения как кочевой империи, так и кочевой элиты как совокупных феноменов.

Целью является изучение роли киданьской элиты в создании и развитии кочевой империи Ляо и в итоге демонстрация особой значимости этого фактора в цивилизационно-государственной истории региона.

Теоретико-методологическая основа включает совокупность взаимопроникающих и взаимодополняющих теоретических представлений, составляющих соответственно три уровня исследования (макро-, мезо- и микроуровни).

Высший уровень сформирован из теоретико-исторических подходов и разработок.

В основе современной методологии исторического исследования часто лежит необходимость в междисциплинарном синтезе и это неизбежно порой приводит к методологической полифонии, тематической, идейной и структурной сложности этой методологии, ее многоаспектности. На этой основе Л. П. Репина сформулировала принцип взаимодополнительности различных научных парадигм. Из сказанного, прежде всего, следует, что в исследовании такого рода очень важна концепция, которая при прочих равных условиях способна интегрировать наибольшее число подходов и найти возможность их соединения и соподчинения. Именно по этой причине в основу методологического видения темы положен принцип

междисциплинарности, означающий, как свободу выбора методологической ориентации, так и взаимодействие различных познавательных приемов.

Тема данной работы к тому же связана с такими феноменами, как империя и элита, которая давно, а в последнее время особенно, привлекают внимание исследователей. Эта проблематика полифонична и многоаспектна. Она требует не только синтеза различных исторических технологий, но и в значительной степени выхода за пределы тех мировоззренческих и идеологических конструкций, которые эти технологии породили. Изучение «цивилизации» как континуума и «культуры» как механизма ее адаптации к определенной пространственно-временной ситуации подразумевает, что выбор лишь одной из этих технологий не возможен в принципе, ибо в данном случае значимы как изменение среды обитания «человечества» («бытие»), так и сознательное его стремление создать оптимальную социокультурную модель («сознание»).

Важнейшим методологическим принципом, обязательным для данного исследования, является представление о диалектическом развитии цивилизации. Системный подход помог подойти к цивилизации, культуре, империи как к целостным явлениям. Вполне естественно, что при проведении исследования автор руководствовался принципами объективизма, историзма, комплексности и системности. Идеи и подходы концептуального характера представителей школы «Анналов» М. Блока, Л. Февра и работы современных отечественных исследователей по теории и методологии исторической науки А. Я. Гуревича, Л. П. Репиной использованы для того, чтобы внимательнее отнестись, помимо социальных, политических и экономических, к таким факторам, как религиозный, ментальный, антропологический, культурный.

Нашли также применение как методологически значимые представления о культуре, религии и цивилизации многих зарубежных и отечественных авторов — Л. Уайта, О. Шпенглера, А. Швейцера, Т. Парсонса, М. Вебера, Ю. М. Лотмана и др. В исследовании в определенной мере были задействованы и методы социальной и культурной антропологии, в основе которых лежат методы структурной антропологии (К. Леви-Стросс, П. Бурдьё).

При работе над темой невозможно в той или иной мере обойтись и без методов исследования ментальностей ученых, принадлежащих к «школе Анналов», для которых ментальность — это результат взаимодействия, трения социальных статусов, а также

направление, которое исследует структуры и способы организации повествования, «нарратива» (П. Рикёр, Ф. Анкерсмит, Х. Уайт, Р. Барт, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин), считающих, что описанное событие неотделимо от ментальности описавшего его.

Поскольку рассмотрение такой темы требует работы, как минимум, на двух уровнях исследования (история общества как эмпирический и фактологический уровень, философия культуры — метатеоретический уровень), то, естественно, потребовалось использование самых различных исторических и культурологических методов. Были использованы методы перехода от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнения и обобщения, «восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному», системного анализа, классификации и т. п.

В качестве принципов и методов среднего уровня оптимальными представляются следующие. Особо необходимо отметить применение системного подхода, основанного на диалектических принципах взаимосвязи части и целого, а также взаимосвязи частей в целом, при анализе объектов как систем. Необходимым для нашей исследовательской методологии является принцип историзма, рассматривающий каждое культурное явление в процессе развития и одновременно в связи с конкретной исторической обстановкой. Он подразумевает рассмотрение исторических процессов и явлений в их развитии, взаимосвязи и взаимодействии, и принцип детерминизма, признающий обусловленность исторических событий политическим, экономическим, культурным контекстом. Принцип историзма помог, прежде всего, в решении наиболее сложных и важных вопросов — эволюции киданьского общества и его элиты. В частности, именно на основе данного принципа были выявлены факторы, обусловившие его возникновение и развитие.

Особенностью данного сочинения является рассмотрение в той или степени трансформационных процессов в средневековой социуме, в результате чего оправданным становится применение метода исторических аналогий и сравнительно-исторического метода. Этот метод включает в себя свойственный конкретно-историческому познанию критический анализ текстовых источников.

Погико-исторический метод послужил в качестве конкретного способа организации и анализа материала. Все явления и процессы рассматриваются в историческом плане, как не только проявление какой-то универсальной, общечеловеческой тенденции, но и порождение специфической исторической ситуации. Диссертационное

исследование опирается на диалектическое осмысление прошлых и современных социокультурных явлений и максимально активно исторического использует традиционные методы структурно-функциональный, историко-генетический, историкотипологический, проблемно-хронологический, ретроспективный, историко-биографический, принцип объективности, терминологический анализ, метод актуализации, метод периодизации, прием перспективности. Принцип объективности потребовал опираться исключительно на факты, полученные после тщательного анализа исторических текстов. Среди методов, основанных на опыте исторической науки, применялся и ретроспективный метод, подразумевающий последовательное проникновение в историческое прошлое с целью определения причины того или иного события.

Кроме того, были использованы методы герменевтики. Для правильного понимания письменного источника надо помнить, что анализ того или иного текста должен производиться в условиях исторического контекста, а терминология, использованная в тексте, не имеет однозначного перевода даже в рамках текстов одного периода.

Важен и культурно-антропологический подход, в рамках которого акцентируется внимание как на актах творчества, так и на личности того или иного деятеля общества и культуры, формирование и деятельность которого протекали в определенных исторических условиях. Он дает, таким образом, возможность достаточно всесторонне и адекватно оценивать тексты — особо важный продукт средневековой цивилизации. Это важно еще и потому, что историческое и культурологическое изучение всегда диалогично, ибо этот процесс представляет собой диалог двух культур — автора и исследователя текста.

Работа имеет дело с конкретным историческим материалом и потому активно опирается на приемы обработки этого материала, иной раз и на микроуровне, выработанные одновременно именно в исторической науке. Это интерпретативный метод, позволяющий выявить основные характеристики отражения проблемы в конкретном тексте; метод культурно-контекстуального анализа, позволяющий определить взаимосвязь произведения и культурно-исторического контекста его создания и рецепции путем изучения внутренней связи текста с общими тенденциями и идейными характеристиками эпохи возникновения, контекстуально обусловленных особенностей восприятия текста (в различные эпохи), а также значения заключенных в тексте идей в контексте мировой

культуры; компаративный метод, позволяющий провести сравнительный анализ различных путей осмысления определенного феномена или проблемы; аксиологический метод в изучении ценностных ориентации сознания через определение их отношения к той или иной проблеме.

Кроме того, по мере необходимости был реализован подход, заключающийся в использовании методов и приемов, выработанных не только историей, но и культурологией, философией, экономикой, социологией.

При работе над темой очень рано выявилась необходимость отрефлексировать свое понимание терминов, которые широко и даже несколько беспорядочно используются в науке, дать их применимое к данной проблематике «рабочее» значение. Термины «цивилизация», «культура», «религия», «парадигма», «империя» особенно необходимы при анализе комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями различных цивилизаций.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании основы для более глубокой и перспективной концептуализации этой истории, выработке идейных и структурных предпосылок для развития дальнейших исследований в этой сфере. Это способствует расширению предметного поля востоковедения в целом и кочевниковедения в частности и новой интерпретации терминологического аппарата в соответствующих сферах, открывает новые научные перспективы.

Основания для этого коренятся в открывшихся научных перспективах, адекватной репрезентативности источников и очевидной подготовленности исследований в данном направлении во многом также благодаря разработке ряда важнейших методологических концепций в современных гуманитарных науках — комплексе исторических наук, культурологии, социологии.

Практическая значимость работы заключается, прежде всего, в привлечении внимания к цивилизационным и элитологическим аспектам истории киданей и их государств, во вводе в научный оборот обоснования необходимости новых ракурсов рассмотрения этой истории.

Часть І

Методологические, историографические и исторические аспекты

1. О специфике современной исследовательской ситуации в области изучения кочевых обществ Восточной Азии в средние века

В кочевниковедении в настоящее время сложилась непростая исследовательская и информационная ситуация, причем, особо надо отметить, что она отмечается, на самом деле, не только в нашей стране, но и в других странах. Как все сферы исторического знания оно вызывает огромный и неподдельный интерес, к тому же продиктованный только политическим не заказом конъюнктурой клановых интересов, а искренним стремлением самых широких слоев населения узнать историческую правду о предках современных евразийских народов. Усилилось влияние некоторых восточных стран на мировую экономику и историю отдельных регионов и там оживилось то, что можно назвать этническим ренессансом, в рамках которого делается попытка утвердить собственный взгляд на отечественную историю. Соответственно расширяется исследовательская сфера, смыкающаяся с публицистикой. Накоплен новый археологический материал, достигнуты определенные успехи в филологии, антропологии и этнографии. Труды отдельных западных и отечественных востоковедов привлекли внимание к конкретным народам, к их истории и характеру взаимоотношений. В результате конкретная история реконструирована до мелочей. В прошлом веке ее научно обработали и пропустили через марксизм, европоцентризм, оседлоцентризм, китаецентризм.

История кочевников и их государственности в особенности актуальна для нашей страны, Китая и Монголии, поскольку кочевники жили и продолжают жить в них. Есть они и в новых центральноазиатских государствах. В целом они составляют большую часть тюрко-монгольского мира.

В то же время кочевниковедение, по крайней мере, связанное с изучением восточноазиатских кочевников, переживает очень

серьезный кризис, нашедший особо болезненное отражение в работе над письменными источниками и в фактическом отсутствии действенной и научной методологии.

В отечественном изучении восточноазиатских кочевников в последние десятилетия оказались прерванными сложившиеся с XIX в. традиционные линии. Одна линия была связана с переводами средневековых текстов на русский язык. Особенно ярко она представлена трудами Н. Я. Бичурина, С. А. Козина, В. С. Таскина, Н. Ц. Мункуева. Именно эти переводы являются основной источниковой базой для подавляющего большинства исследователей, которые не могут по тем или иным причинам работать с оригиналами. Они сделаны на высочайшем профессиональном уровне и, тем не менее, не лишены некоторых мелких недостатков. В. С. Таскин впервые в новейшей отечественной науке раскрывает содержание, композиционное построение и историю создания основных источников по истории империи Ляо — «Цидань го чжи» и «Ляо ши» и сделал попытки раскрыть на основе этих источников важные аспекты истории киданьского государства. Им был осуществлен и полный перевод «Цидань го чжи», а также целого ряда отрывков из различных китайских источников, в которых даются сведения о кочевых народах группы дунху, в том числе и о киданях. В итоге этот текст оказался очень востребованным не только специалистами и стал, в то же время, мощной основой для стимулирования исследований в области не только киданеведения, но и номадологии в целом. Ссылки на источники и труды отечественных и зарубежных исследователей позволяют судить о широком научном кругозоре автора.

Работы В. С. Таскина и других отечественных авторов (А. Г. Малявкин, В. Е. Ларичев, М. В. Воробьев) являются свидетельством того, что в изучении дальневосточных государственных образований в целом и киданей в частности начался новый этап. Если раньше писались общие истории киданей, в которых социально-экономические аспекты занимали второстепенное место, то теперь именно они стали выдвигаться на первое место.

Работа над совершенствованием этих переводов и, главное, над переводами других текстов, несомненно, должна продолжаться, а переводить предстоит очень и очень многое. Достаточно напомнить, что до сих пор не существует достойных и полных переводов на русский язык даже династийных историй, являющихся методологическим фундаментом корпуса восточноазиатских исторических сочинений.

Вторая линия, тоже блестяще представленная в отечественном кочевниковедении, была ориентирована на тщательную разработку одного какого-то источника, как правило, занимающего центральное положение в определенной области. Эта традиция была заложена еще членами Российской духовной миссии в Пекине, продолжена Н. Я. Бичуриным, В. П. Васильевым и его школой. Блестящий анализ информации из «Ляо ши» («История династии Ляо») осуществил в позапрошлом веке М. Н. Суровцов, создавший первый в нашей стране монографический очерк истории киданей. Огромной популярностью в нашей стране пользуется совместный труд К. А. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, которые для реконструкции некоторых аспектов истории и культуры киданей, перевели отрывки из «Ляо ши» на современный английский язык. Наши отечественные исследователи, в частности В.С.Таскин, не рискнули работать в этом ключе со средневековым китайским языком, и на долгие десятилетия книга этих авторов стала «библией» киданеведения.

Была достаточно развита и такая крайне необходимая для исследователей третья линия, в рамках которой создавались обобщающие труды по истории отдельных кочевых народов или территорий, опиравшиеся на самостоятельное и глубокое изучение оригинальных источников. Помимо Н. Я. Бичурина или В. П. Васильева, здесь надо, разумеется, упомянуть работы Н. В. Кюнера, и особенно Е. И. Кычанова, А. Г. Малявкина и М. В. Воробьева. Последний создал уникальные по информативности и глубине исследования работы по истории чжурчжэней и их государства Цзинь.

Все эти направления не только заложили источниковедческую и историографическую базу отечественного кочевниковедения, но и позволили ему во многом сравняться с зарубежной историографией. А в мировом кочевниковедении в XX в. постепенно сформировался объемный корпус исследований, посвященных истории отдельных кочевых народов, в том числе киданей, чжурчжэней и монголов. Появилась необходимость заново перевести источники (Штейн перевел на фр. яз. «Ляо ши») и аналити-(Виттфогель, исследования Фэн Цзяшэн). способствовало широкое распространение цивилизационного подхода и методологии системного анализа. Однако разочарование в идеологиях и отказ от них, внедрение в историческую науку позитивистской методологии, коммерциализация исторической науки сдерживали этот процесс.

Сказался и такой фактор. Для российской и советской историографии долго характерно было стремление расколоть сложившееся в китайской исторической науке представление о единстве дальневосточной цивилизации, чтобы затруднить ее новое (уже после маньчжуров) объединение под эгидой китайцев или японцев. Здесь сказалось и соперничество двух супердержав, одинаково претендующих на необъятные просторы немусульманской («желтой») Азии. Это позволяло обратить дополнительное внимание на историю и культуру северных народов, однако, для адекватной картины не хватало более взвешенной и научной оценки взаимоотношений этих народов с Китаем. Последнее является одной из насущных исследовательских задач в настоящее время.

В настоящее время чаще всего идет сравнение цивилизаций (сравнительно-цивилизационный подход), однако постепенно выявляется потребность перехода на второй уровень, дабы адекватно понять и оценить цивилизационную специфику и роль всех народов, их креативную роль (не количественное измерение, а глубина). Критерий — не способность народа к захвату территории (пространства) или длительность его существования (время), а обустройство мира.

Уход марксизма создал своеобразную историографическую яму в кочевниковедении, в которую тут же пришли более мелкие идеологемы Сибири, Монголии, восточноазиатская историография. Благодаря деятельности ряда отечественных исследователей, например, Н. Н. Крадина, шло активное заимствование представлений западных ученых. Последнее стало одной из составляющих вестернизации, идущей в стране. Ей в определенной степени скрыто противостояла истернизация, что проявлялось в усилении контактов с исследователями Монголии, Китая, публикации их работ. Происходило заметное накопление археологического материала. В итоге стала заметно усиливаться аналитически-обобщающая составляющая кочевниковедения. Однако обратной ее стороной стала своего рода какофония историографий. Изучение кочевников все еще идет в рамках прочтения их истории европейцами XIII в., хотя и в новой форме, с иной риторикой, с подбором большого количества тенденциозно подобранных фактов. Если в эпоху «монгольских ураганов» XIII–XIV вв. под негативное отношение к кочевникам были подведены европоцентризм, христианство и прагматизм нарождающегося буржуазного мировосприятия, то сейчас таким «фундаментом» становятся «общечеловеческие

ценности», к тому же осмысленные «гуманистически», представление о единой истории человечества, где главной становится идея прогресса, а кочевники являют собой яркий пример регрессивного развития, акцент на критериях именно оседлой цивилизации (наличие религии, философии, литературы, материальной культуры). Обосновывается это и с помощью науки, а не религии, как прежде, выводы выглядят научно, а тенденциозность их не очевидна. Кочевой цивилизации больше не существует, отдельные отряды сохранившихся номадов не в счет, возражать некому. Наличие такого рода подходов и их наукообразность есть не результат излишней идеологизации или депрофессионализации исследователей, а продолжение традиционного многовекового информационного противостояния оседлых и кочевых народов. Налицо сохранение «черной легенды», но раскрашенной во все цвета радуги. Это одна из болевых точек, как науки, так и общечеловеческой культуры. Думается, что одна из основных задач науки сейчас не возвеличивание кочевников, а показ их как части человечества, а не генетического мусора, изучение механизмов функционирования их уникальной цивилизации, впрочем, не более уникальной, чем любая другая. Кочевники не «братья наши меньшие», а иные, вероятно, максимально иные по сравнению с «правильной культурой» Европы или оседлого Востока. Сейчас на основе достигнутых историей успехов фактически создается новая классификация народов. Если удастся доказать, что у тюрко-монгольского мира не было «истории», то не трудно будет утверждать, что у него нет ни настоящего, ни перспективного будущего. Наносится квалифицированный информационный удар по исторической памяти этого мира. Накопление археологического, исторического и историографического материала случайным не бывает. Прежние методологии (христианство, марксизм) уже не играют прежней роли, но сохраняются европоцентризм и оседлоцентризм и это они осуществляют новое наступление.

Недостаточность теоретизирования в востоковедении требует не только реконструкции истории, но и ее углубленного анализа с помощью тех или иных старых и новых тем и методологических формул и концепций. Они уже обозначаются.

Важной темой снова становятся, соответственно, этнические передвижения. Они всегда были в центре внимания культур и народов. В историографии, однако, как справедливо отметил один из пионеров идеи кочевой цивилизации в нашей стране А. И. Мартынов, взаимоотношения обществ оседлых цивилизаций и степной

Евразии все еще не рассматривались как система отношений двух параллельно развивающихся миров и это связано с тем, что оседлые общества — явление историческое, а степная Евразия, прежде всего, археологическое, добавим, и филологическое, т. е. описываемое все еще достаточно тенденциозно, в значительной степени на основе тех оценок, которые давали современники кочевой цивилизации.

В научной историографии, по понятным причинам, не только утвердилось и широко тиражируется мнение о драматическом противостоянии оседлых и кочевых народов в целом и Степи и Китая, Руси и степняков в частности.

Долгие века оседлые народы медленно продвигались на кочевые земли. Они — «бесплодны» и «бесхозны», но и кочевникам нечего делать на улицах Пекина или Шанхая. А в средние века речь никогда не шла о завоеваниях, а лишь об обмене ударами. И кочевники вспоминают об этом с легким сердцем, а оседлые твердят о «бандитизме» «варваров».

В традиционном обществе широко представлен милитаризм, который, однако, двоесущен. Исторический материал явственно демонстрирует, что везде он используется, прежде всего, для выполнения полицейских функций и обороны. Однако в оседлых государствах он становится еще и основой территориальной экспансии, целью которой является решение проблем, возникающих из-за недостатка пригодных земель и перенаселения. Именно в оседлых государствах формируется регулярная и огромная армия.

Этим занимаются все оседлые народы Евразии, и лишь Европа, помимо широкомасштабных попыток захватить чужие земли (Крестовые походы, Великие географические открытия, Тридцатилетняя война как передел Европы) идет еще и по пути «капитализма». Эффект этого проекта был значительно усилен за счет того, что европейцы получили огромные «свободные» территории в Америках.

Для восточноазиатских кочевников главным «агрессором» в это время были китайские династии. Одним из видов продвижения оседлых государств на север стало создание «серой зоны». На границах миров селятся и кочевники, и крестьяне, растут города. На юге киданьской империи Ляо живут «хань эр» (китаизированные) и собственно китайцы.

Гибель империи Ляо в первой четверти XII в. в значительной степени была результатом натравливания на киданей их полуоседлых восточных соседей — чжурчжэней. Новая Золотая (Цзинь)

империя, подчинившая основную территорию киданьского государства (кроме западных и северных районов), получила земли, на которых проживало большое количество кочевников. На них уже были созданы политические и хозяйственные механизмы, регулировавшие взаимоотношение сложных и, казалось бы, несовместимых экономик – кочевой и оседлой. В Ляо на практике проводилась политика «одно государство – две экономики». Однако если киданьское государство было формой управления, прежде всего, кочевниками, то чжурчжэньская «химера», по сути, стала формой и средством экспансии оседлого мира на кочевую территорию. Поскольку на землях новой империи продолжало проживать преимущественно кочевое и полукочевое население, она вынуждена была проводить самостоятельную политику, и не стала новой китайской династией. Таковой она будет объявлена вкупе с киданьской империей Ляо и монгольской империей Юань лишь в XIII в.

Все же de facto в интересах оседлой зоны это государство пыталось подчинить себе другие монгольские районы. Цзинь была вынуждена проводить несколько иную политику в Степи, чем киданьская империя Ляо. Чжурчжэни были выходцами с самой восточной окраины кочевого мира и фактически принадлежали к иной племенной и языковой группе. Им еще предстояло доказать свое право возглавить кочевой восточноазиатский мир. К тому же они по сравнению с киданями гораздо глубже вошли в пределы оседлой зоны Восточной Азии и все их внимание так или иначе было сосредоточено на отношениях с Южной Сун и Западным Ся. Чжурчжэни старались не заходить в Монголию. В результате монгольские районы, которые раньше контролировались Ляо и пресекались ею малейшие попытки усиления здесь какой-либо власти, теперь оказались вакуумом. Это означало фактически, что значительная часть Монголии оказалась вне контроля со стороны оседлого государства, каковым являлась чжурчжэьская империя. Более того, чжурчжэни же не были в состоянии осуществлять контроль над этими районами в той форме, какая была во времена Ляо и для сдерживания вынуждены были применять репрессивные меры. Цзиньский император Ши-цзун (1161—1189) как-то сказал: «Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!». Фактически начала осуществляться политика геноцида под циничным начисленности совершеннолетних». именованием «сокращение Монгольские народы оказались перед угрозой истребления. По слухам, эта агрессия началась после того, как какой-то гадатель предсказал чжурчженьскому императору гибель его державы от кочевников.

Кочевники, возглавляемые Чингисханом, вынуждены были «мстить». Это нашло внешнее проявление в том, что кочевники «обрушились» на Китай. Как в Европе, когда средиземноморская Римская империя начала теснить германцев, и они пошли на Рим, так и здесь монголы пришли на юг. Конечно, в обоих случаях важны были и внутренние проблемы «варваров», но фактом является и то, что таким образом они отвечали и на медленное, ползучее, но неуклонное продвижение на север оседлых народов.

В обоих случаях итогом этих битв стало катастрофообразное соединение двух зон, сложное и проблемное взаимоотношение между которыми осуществлялось уже не одну сотню лет. В обоих случаях был нанесен смертельный удар по южным империям, а «варвары» смогли создать свои империи: в Европе — Каролинги, Священная Римская империя, в Восточной Азии — Ляо, Цзинь, Юань, а потом и маньчжурская династия Цин.

В Восточной Азии мы имеем дело с уникальным опытом взаимодействия двух хозяйственных зон. Кочевая зона — почти чисто аграрная. Здесь город присутствует минимально и потому слаб. Потому и существует эффект отсталости, когда кочевники «опаздывают» на тысячу лет. Даже после империи Юань и фактически до сих пор города здесь представляют собой архипелаг.

«Цивилизация» же понятие по происхождению оседлое и городское. Именно здесь город играет важнейшую роль, даже в «темные века» средневековья существует система замков. Замок — уже не деревня, хотя и не классический еще город. Это переходная для аграрной экономики форма, причем для экономики аграрноземледельческой. Пастбищам дороги мешают, они рвут пространство. Полям большие города тоже не нужны и все же земледелие нуждается в торговле больше, чем скотоводство. Пастбище предельно автономно, а деревня ведомая. Она производит продукты не только для себя, но и на рынок, а сама нуждается в городских товарах и инструментах. По этой причине «городской архипелаг» в оседлой зоне более плотен и обширен. И «цивилизация» здесь возникает раньше, и необходимость в механизме, распределяющем продукты («феодальная лестница») все время растет. Именно из этого регулирующего и распределительного механизма и вырастает государство, которое быстро приобретает и массу иных функции.

Характер развития кочевниковедения на данном этапе и специфика вновь поднимаемых необходимых и перспективных в научном отношении тем позволяют говорить о необходимости признания нового подхода к истории кочевников, основные контуры которого уже складываются.

На данном этапе развития истории как науки наблюдается своеобразный методологический вакуум, фактическое отсутствие адекватных и перспективных макроисторических и макросоциологических концепций, которые могли бы оценить такой специфический исторический материал. Естественно, что в условиях, когда нельзя к материалу идти «сверху», остается только один путь — исходить из самого материала.

Поэтому сразу необходимо подчеркнуть, что он является предельно дисперсным, раздробленным, обусловленным рядом разнохарактерных требований к нему. Это не теоретическая, а практическая методология, хотя они и неизбежно переплетены. Иначе говоря, идеи, лежащие в основе практических исследований, должны выдвигаться на основе практического изучения, а не быть взятыми из какой-либо идеологии или философии, хотя и с привлечением все же той общенаучной терминологии, которая была выработана в Европе.

Этот подход должен быть научным, а не идеологическим. Вроде, избитая мысль, более того, мы уверены в том, что именно с позиций науки и занимаемся изучением конкретной истории. Однако именно последние десятилетия показывает, что историческую науку активно используют чаще всего для обоснования тех или иных идиологем или этнополитических взглядов. Максимальная деидеологизированность и использование строго научных методов работы с фактическим материалом, сформировавшихся в истории, политологии, социологии — единственно возможная парадигма такого рода исследования.

Здесь важно все явления и процессы рассматривать в историческом плане, как не только проявление какой-то универсальной, общечеловеческой тенденции, но и порождение специфической исторической ситуации.

Предельно необходим своего рода апофатический или отрицающий подход. Он будет успешным, к тому же, только в том случае, если исследователь максимально дистанцируется и от таких неизбежных спутников любого человека, как оседлоцентризм, номадоцентризм, европоцентризм, азиацентризм, китаецентризм и т. п. Необходимо максимально отказываться от дихотомийного принципа: оседлые — кочевые, Восток — Запад, Китай — кочевники, богатые — бедные, прогресс — регресс, положительное значе-

ние (роль) — отрицательное. Разумеется, все эти дихотомии в том или ином масштабе присутствуют в истории, но превращение их в системообразующие приводит к существенному или даже сущностному искажению картины истории. Чаще всего такие призывы не воспринимаются всерьез, однако именно эти стереотипы до сих пор являются методологической основой многих исследований. Очень часто, в условиях ослабления позиций тех или иных методологий мезоуровня, например, марксизма или христианства, в наступление на освободившееся место переходят и существенно усиливают свое мировоззренческое значение европоцентризм и оседлоцентризм.

Общемировоззренческие принципы являются основой любой методологии. Если мы исходим из оседло- или номадоцентризма, этноцентризма, идеализма или материализма, то будут выстраиваться и разные картины истории. Они обязательно будут логически строго выверены, выстроены высокопрофессионально и проиллюстрированы обильным количеством фактов. С профессиональной точки зрения они, по сути, безупречны и непоколебимы. «Ахиллесова пята» их находится в мировоззренческой плоскости. Сказываются, разумеется, и чисто практические нужды, и коньюнктурные соображения. Иначе говоря, сказывается социокультурная и этнополитическая принадлежность исследователя, то, с чем он чаще всего и не видит необходимости «выяснять отношения».

Сам по себе оседлоцентристский подход не является «правильным» или «неправильным», как не является таковым его визави – номадоцентризм. Он создал очень мощную историографическую традицию, позволявшую на протяжении длинного ряда тысячелетий выстраивать эффективную политику противостояния кочевникам, которые до такой степени осмысления своей истории, надо признать, не поднялись. Благодаря работам исследователей на протяжении последних двух столетий он был научно и концептуально оформлен. Мне кажется, именно выход на эту финитную стадию и позволяет не просто «бороться» с ним, а сформировать параллельно ему или даже в чем-то в противовес качественно иное отношение к кочевникам, их истории и культуре, не скатываясь на позиции только номадоцентризма. В конце концов, речь идет не об «оправдании» скотоводства или земледелия как таковых, а об объективном отношении именно к цивилизации кочевников, в данном случае, преимущественно тюрко-монгольской.

Методология должна носить рабочий характер и быть предназначенной именно для решения специфического комплекса проблем, связанного с кочевниковедением в целом. Это, понятно, не означает, что она должна основываться на какой-либо очередной «плодотворной» общемировоззренческой идее. По крайней мере, в настоящее время трудно рассматривать совокупно оседлые и кочевые народы в истории через призму неких общечеловеческих ценностей, но и номадоцентризм как антитеза оседлоцентризму здесь абсолютно не подойдет. С другой стороны, свести такой рабочий подход к сумме неких специфических методов физически невозможно. Пусть историологический инструментарий создан и эффективно апробирован на материале классических оседлых народов, альтернативы ему нет. Для понимания кочевников также необходимо чтение источников из разных времен и народов,

Центральным здесь является понятие «цивилизация», которое в настоящее время имеет два основных значения — стадиальное и локальное.

Оседлые народы в соответствии с этим подходом, равно как с обыденным представлением, значительно оторвались в своем развитии от кочевников и достигли весьма высокого уровня. Однако и то «плато», на котором они находились, существовало почти без изменений на протяжении нескольких тысяч лет. Это есть так называемый «исторический период», т. е. время существования крупных государств имперского типа (Китай, Средиземноморье, Византия, средневековые европейские империи и др.). Кочевники же остались на стадии до государственного развития и так и не смогли подняться выше. Их «квазигосударства» есть лишь обезьяна оседлых этатических конструкций и механизмы эксплуатации оседлого мира.

Это обусловлено, прежде всего, тем, что кочевниковедение — самая специфическая сфера исторического знания. Само понятие «история» родилось в оседлом мире и там показало всю свою эффективность. Оттуда же родом и такие термины, как «цивилизация», «культура», более узкие — «империя», «государство». А в кочевом мире они в своем классическом виде не работают. Уже одно это порождает желание вывести кочевников за скобки «человечества» вообще. Между тем, уже средневековые авторы признавали кочевые народы «варварами» как постепенно переходящими на стадию цивилизации через «примитивное» и неосознанное копирование оседлых институтов и понятий. При этом, с их точки зре-

ния, шло «извращение», создавались «квазигосударства». Иначе говоря, уже в то время активно использовался цивилизационный подход и применялся, в том числе, и для анализа развития кочевых народов.

Как и тогда, так и сейчас цивилизационный подход используется, прежде всего, по горизонтали, т. е. в компаративистском ключе. Сравниваются разные зоны Евразии, в том числе и кочевая. Остается лишь признать, что «кочевой архипелаг» такая же цивилизационная зона, «Pax Nomadica». Именно в этом плане наука должна максимально уходить от своей публицистичности, от предпочтения одной какой-то цивилизации, через которую прочитываются все остальные. Необходимо формулировать общие кри-«цивилизованности», терии общую модель цивилизации. Цивилизационный подход более значим для изучения всеобщей истории, чем формационный для Европы. Пока же он выступает чаще всего лишь как средство примирения разъяренных цивилизаций.

При решении универсальных проблем истории всегда необходимо помнить, что сами по себе конкретные факты, взятые из материала одной цивилизации, редко совпадают с конкретикой другой цивилизации. Если мы изучаем, например, восточное общество, сравнивая его с западным, которое является для нас наиболее изученным и соответственно волей-неволей эталонным, то очень быстро появляется уверенность в том, что мы имеем дело не с цивилизацией, и, в лучшем случае, с чем-то «примитивным». То же самое можно сказать о сравнении кочевого общества с оседлым. Однако если мы априори не будем отказывать Востоку или Степи в цивилизованности, то легче убедимся в том, что мы имеем дело с частным проявлением общего и закономерного.

Сама история логики научного исследования подводит нас к этому. До XX в. развитие научной мысли шло по традиционному пути. В рамках традиционного общества применялся этнополитический подход, когда кочевники рассматривались как соседи, поведение которых чаще всего было непредсказуемым и агрессивным. В Новое время возобладал формационный подход, в рамках которого кочевникам вообще не находилось места в хозяйственном развитии человечества. Их стали именовать «трутнями», «бомжами», роющимися на «помойках цивилизаций». На данном этапе цивилизационный подход все же позволяет выяснить их креативную роль в истории, т. е. некую пользу для развития человечества. Пусть так, с этой ступени будет легче прийти к признанию их самобытности.

Эта задача не только научная, но и цивилизационная. Давно пора вывести из тени т. н. кочевые народы, показать, что у них были не только сила, войны, склоки, но и высокая и уникальная культура.

Из глубины веков, что в Европе, что на востоке Азии, идет утверждение об «отсталости» «варваров», которым самой логикой истории предназначено переходить на «магистральный путь развития всего человечества». Стоит, наконец, понять, что они в силу своей экономики и ментальности сами не идут в «цивилизацию» и не претендуют на ее территорию. Это цивилизация в виде городской экономики и торговли приходит в аграрный сектор. Сначала город подчиняет и максимально растворяет деревню, ассимилирует ее культуру. Только деревня находится в оседлой зоне, и потому нет внешнего эффекта уничтожения целой цивилизации. Кочевники же гибнут уже под натиском государства. Аграрии в этом плане уникальны, а кочевники аномальны, но и те, и другие рано или поздно поглощаются городской цивилизацией. У крестьян это происходит раньше, хотя хронологически уход скотоводства и земледелия как аграрных занятий происходит практически одновременно, в начале второй половины прошлого тысячелетия. К этому времени усиливается натиск на их земли, и они вынуждены более ожесточенно обороняться. И полей, и пастбищ уже недостаточно для нормального существования, необходимо усиление связей между отдельными районами и начинают появляться достаточно большие государства (кочевые империи).

Кочевая цивилизация связана с землей, и она уходит как «феодализм», т. е. аграрное общество. Феодализм свергается революциями, а кочевники разбиты извне, ибо внутри их общества еще существовали возможности развития в сколько-нибудь обозримом будущем. Их земля, элементарно говоря, понадобилась для существования оседлых сообществ.

В целом же кочевая цивилизация существовала столько же, сколько и оседлая деревня. Это городу как центру экономической жизни всего тысяча лет.

Надо перестать «читать» историю с помощью того ограниченного набора глагольных форм, которые понятны и простительны в контексте информационных войн или в сказках: нападать, грабить, угнетать, захватывать, завоевывать, обороняться и т. п. Реальная история есть грандиозная мистерия с невероятным количеством действующих сил. Это внешне клубок, броуновское движение. Любой «исторический источник» дает лишь собственную интерпретацию событий и процессов, далеко не однозначную

и не безупречную. Понять логику этого можно только отказавшись от стереотипов и «интересов», понимая, что в данном «спектакле» все «актеры» «одновременно правы и не правы», обладают своей «правдой». Любая иерархия фактов, исходящая из представлений о некоей чьей-то недоразвитости или ущербности, есть просто выдумка, наивное или подлое рассуждение, в крайнем случае, всего лишь интеллектуальное упражнение и развлечение. Наивными или непродуманными могут быть поступки людей, но не работы исследователей, их изучающих. Непродуманность и использование вульгарно-бытовых штампов не меньший грех для исследователя, чем корыстные цели или стремление создать себе репутацию с помощью тех идей, которых ждет от него обыватель, читающий перед сном занимательный или пошлый «исторический» роман.

Объяснять историю стран Востока и, тем более, кочевников, с помощью терминологии, разработанной на материале западноевропейской истории, стало сложнее, однако это не только возможно, но и неизбежно.

Феодализм нигде и никогда не был локальным или региональным. Можно не называть его формацией и искать только в Европе, но если это слово оставить за этапом развития всего человечества, когда на первый план выходит земля (аграрная цивилизация), то воспринимать это надо как универсальный, общечеловеческий строй.

Эффективность европейской модели связана с тем, что в ней максимально отчетливо видны универсальные черты, присущие и любой другой цивилизации, и специфические. Это и позволяет назвать ее моделью, и использовать в качестве таковой.

В применении к исторической науке это и означает, что любая цивилизация, но в значительной степени и цивилизационная зона как зачаточное ядро будущей цивилизации, должна иметь два уровня построения: универсальные и специфические черты.

Таким образом, использование европейской модели дает максимальную возможность определить характер и уровень развития того или иного метарегиона. Цивилизация и цивилизационная зона в данном случае будут отличаться только масштабом. Примерно так отличаются ребенок и взрослый человек.

Здесь важна еще одна методологическая проблема. Традиционно принято делить любую историографию на донаучный и научный период. Это деление имеет европейское происхождение и берет начало с эпохи Возрождения и становления нововременной науки. Именно тогда в экономике и обществе происходил процесс

десакрализации и бывший «христианский мир» встал на путь научно-технического прогресса. Но в истории, как известно, «швов» не бывает, поэтому нельзя недооценивать тот объем информации, который накоплен в доньютонову эпоху. Праздностью средневековые историки никогда не отличались, и китайские в этом плане не исключение. Можно говорить о кумулятивном характере развития процесса познания окружающего мира человечеством. К тому же, если исторические и политические деятели могли в какой-то мере дистанцироваться от той или иной религиозно-философской системы, то перестать быть представителями определенной цивилизации они в принципе не могли. Это, собственно говоря, и демонстрируют так называемые европейская, китайская и другие историографические традиции. Менялись цели исторического исследования, его характер и методы, но обязательно сохранялась преемственность. Тексты этого периода, описывающие кочевников и их общество, на самом деле были написаны после исчезновения кочевой цивилизации, хотя часто и на основе в той или иной мере легенд и тех записей, которые велись представителями самих кочевников. Однако эти записи до нас дошли не полностью, что и позволяет назвать их классическую культуру безмолвствующей. Например, и «Ляо ши», и «Цидань го чжи» – это тексты не самих киданей, а о киданях. В этом плане называть их письменными источниками в реалии можно лишь условно, они скорее являются фактом историографии. Понятие «письменные источники» нельзя в данном случае и игнорировать, ибо эти тексты все же принципиально отличаются от текстов нововременных, для которых характерно преимущественно изучение киданей с позиций не столько религии или иной идеологии, сколько науки. Средневековые тексты написаны людьми, находящимися в принципе на той же стадии развития (традиционное общество), что и кидани. В них отражена фактически та же ментальность, что была присуща во многом и кочевникам или оседлым людям несколько более раннего времени. Мы, разумеется, можем брать из них какие-то факты, но не надо забывать, что сам подбор этих фактов, их сведение в единый текст осуществлены не киданями и потому представляют взгляд не самих киданей, а их соседей.

Стоит, наверное, добавить, что воспринимать любые средневековые тексты лишь как источники необходимой нам информации, это значит игнорировать взгляд их авторов на историю. Е Лунли или Абульгази-хан — такие же исследователи, как и наши современники, только у них, может быть, несколько

иные задачи и методы исследования. И в этом можно увидеть оседлоцентризма, европоцентризма, следствие китаецентризма. Так часто делают не только европейцы, но китайцы или современные потомки кочевников. Мы понимаем, что они располагали наибольшей массой информации (не вся еще погибла на тот момент) и именно у них мы можем ее максимально найти, но мы должны рассматривать их и как исследователей, прежде всего (у которых, к тому же, было больше возможностей, чем у нас). Работа этих авторов особо значима, ибо они первыми реконструировали историю киданей, создали, так сказать, скелет. Часто последующим поколениям и этого хватает, но все же реконструкция XIII-XVI вв. – не весь «человек». Собственно историография может быть начата с нововременной эпохи, когда люди во многом уже иной культуры и ментальности пытаются понять кочевой феномен.

Методологически эта проблематика тесно связана еще с некоторыми методологическими дискурсами, в частности, с рассуждением о соотношении в истории и культуре «своих», «чужих» и «иных». Всегда выделяются особо авторитетные тексты (династийные истории, «священные тексты»), которые сосредоточены на создании имиджа «своих», который бы работал, прежде всего, в создаваемом ими собственном «мире». Остальные народы прочитываются через свою культуру, и во многом через этот имидж.

В отношении «иных» всегда априори было стремление вывести их за скобки культуры. Кочевники в принципе не могли быть «чужими», т. е. носителями иной истины. Во-первых, двух истин не бывает, есть только одна и люди принимают ее или не принимают. Во-вторых, где бы они ни жили, с какой бы истиной не имели дело, они ее не принимают вообще, в любой конфигурации или интерпретации. Кочевники — «иные». Это одна из основных предпосылок выделения их вообще из состава «человечества». При этом не имеет значения, что они по численности не меньше оседлых.

Здесь непонимание того, что у кочевников все же есть своя парадигма, но иная. Ее еще надо реконструировать. Это сейчас мы понимаем, что она аналогична оседлым парадигмам. Так же есть два мира, естественный и сверхъестественный, выполнение сверхъестественной воли. Кочевники еще раньше, чем оседлые, и решительнее выступили против «поисков» истины и требовали выполнения того, что дано свыше. И у них есть строительство оптимальной и вечной социокультурной модели. И у них есть все

возрастающий акцент на внутренних проблемах. Сначала кочевые общества, как и оседлые, практикуют внешнюю экспансию в виде переселений или набегов, но стадии империи, собственно уже у хүнну, идет структурирование пространства и складывается свое понимание культуры и того, каким должен быть «правильный мир». Есть у них и своя мировая религия на базе синкретизма как отражения кочевой демократии. Их монархическая структура подобна монархиям оседлых государств. Есть свое представление о харизме правителя, акцент на семье, отцовстве и сыновстве, этикосоциальные рецепты, аналогичные заповедям, верность как соблюдение традиций, акцент на этатизме в понимании «истории». И у них подчеркивается особая роль в истории общества человека. Они постоянно апеллируют к «древности», но чаще не к «древней» модели, как, скажем, в Китае, а к «духу отцов». Это акцент на идеях, заповедях, а не конструкциях. В этом плане их, может быть, даже более гибкая, чем, например, европейская, которая ищет образец для подражания либо за пределами свое зоны, либо в своей собственной «античности». Их культура не менее «агрессивна» в цивилизационном отношении, ибо они видят весь мир «от рассвета до заката». Они и не менее «любознательны», ибо понимают, что без подпитки извне существовать не могут. Они активно заимствуют чужие культурные достижения, но одновременно их и «искажают», т. е. фильтруют и интерпретируют в соответствии со своей парадигмой. Наконец, сами кочевники были враждебны по отношению к оседлым, якобы из зависти, и это позволяло оседлым народам максимально дистанцироваться от них. На самом деле, у кочевников есть понимание того, что в чистом виде кочевое хозяйство существовать не может, и они выступают за активное общение с оседлым миром. Просто, оседлые люди, как, впрочем, и кочевники, чаще запоминают обмен ударами, а не дарами.

История и культура кочевников удивительно уязвимы для разного рода стереотипов и, прежде всего, для понимания их, как неких недоразвитых существ, почти животных, неспособных даже на примитивное культурное строительство. Давно уже отмечено, что в истории человечества идут параллельно два процесса. Растет численность населения, люди сосредоточиваются в большом количестве в отдельных местах, меняется социальная структура, инициируются новые социальные процессы и создаются новые социальные институты. Одновременно люди развиваются духовно, осваивают мир и лучше понимают себя, создают новую культуру. В отношении же кочевников получается, что часть человечества, и

немалая, как бы остановилась и в том, и в другом развитии. Они убивают друг друга и тем самым решают многие проблемы. Это и «недоразвитость» их природы не требуют-де от них духовности, и стимулирует их развитие по криминальному варианту.

Вероятно, одной из причин такого стереотипа является разное отношение кочевников и оседлых народов к миру. Оседлые народы создают искусственную картину мира, своего рода проект его развития. Они «строят» мир в соответствии со своей базовой парадигмой и тем самым изменяют этот мир. Кочевники же встраиваются в ритмы этого мира и не ставят перед собой такой задачи в принципе. «Конец света» может быть только у оседлых народов, кочевник мыслит свое существование бесконечно долгим и неизменным. Быть может, это дает для кого-то достаточное основание рассматривать их в качестве чего-то вроде «родственников» животных. Им не нужна «техническая» (искусственная) картина мира, их описание мира конкретно и предельно реалистично, лишено неизбежной для оседлых людей его идеализации. Они не подгоняют ради перспективных и «прогрессивных» целей свое знание под информационные и бытовые стандарты, оно у них более естественное и реалистичное.

Есть смысл еще с одной стороны посмотреть на термин «седентаризация». Он появился в свое время в медицинской сфере и означал малоподвижный образ жизни. В русской литературе чаще используется его синоним «гиподинамия». Постепенно он, как и многие другие слова из естественных и даже точных наук, проник в гуманитарную сферу. Окончательно «прижился» он в истории и до сих пор применяется по отношению к кочевникам, означая процесс оседания их на землю. Получилось так, что в отношении многих людей (кочевников) использовался термин «седентаризация», в отношении одного человека — «гиподинамия».

Это слово из научного обихода уже не уберешь, как и многие другие, каким бы ни было их происхождение, ничего общего не имеющее с современной наукой («средние века», «возрождение», «варвары»). Нам, так или иначе, приходится его употреблять, но изучение истории не стоит на месте и очень многие слова приобретают в результате этого процесса все новые и новые значения. То же самое стоит сказать и о данном термине. Понятно, что изначальное буквальное его толкование уже забыто окончательно, но трактовка «оседание на землю» еще может быть использована.

Что значит «оседание»? Понятно, что это не гигантский «прыжок с коня на грядки», не переход от скотоводства к

садово-огородному хозяйству. Это переход от динамичного образа жизни к оседлому, но ведь в оседлом хозяйстве может быть немалый удельный вес животноводства, а в скотоводческом пространстве могут существовать земледельческие зоны и города.

Основой «оседания» является переход к жизни в рамках определенного земельного пространства. Крестьяне работают на больших полях, многие средневековые города владели полями на десятках и даже сотнях километров. Здесь же были и пастбища. Крестьяне просто не выходили за пределы этого ограниченного пространства, но ведь и кочевники Восточной Азии, прежде всего Монголии и Южной Сибири, тоже кочевали в пределах ограниченных зон. Отсюда и наименования типа «киданьская земля», «земля найманов» и т. п. Не есть ли это тоже своего рода оседание на землю?! Здесь же тоже речь идет об использовании определенных участков земли. Иначе говоря, не стоит ли ввести еще одно расширение толкования термина «седентаризация» в виде обозначения привязки к определенной территории. Если речь идет об аграрной экономике в целом, то почему нужно говорить только об одной ее сфере? Обе сферы представляют собой комплексное хозяйство, только в одной доминирует земледелие (оно в «числителе» некоей дроби), а в другой скотоводство. В «чистом» виде обе эти сферы никогда не существовали. Человек и животное уже как минимум миллион лет идут вместе по планете.

Есть некоторого рода опасности, которые таит в себе компаративистский подход. Мы можем сравнивать какие-либо этнополитические или, даже, экономические и культурные процессы в Европе и в Восточной Азии, и исходить при этом из того, что в обеих зонах наблюдается примерно одинаковый уровень цивилизационного развития. Хотя этот фактор, безусловно, необходимо учитывать в исследования, не следует забывать и о том, что мы при этом вольно или невольно опираемся на европоцентристский подход, иначе говоря, мы «прочитываем» восточноазиатскую историю через европейские модели, давно уже сформированные в исследовательской практике и показавшиеся свою эффективность в решении проблем традиционного общества в Европе. К тому же в обоих случаях, северные соседи могущественных империй именуются «варварами» и играют существенную роль в своем метарегионе. Соответственно появляется большой соблазн применить исследовательские технологии и концепции, разработанные на европейском материале, к азиатской истории и, в итоге, не учесть существенные различия двух зон.

В Европе «валентность» «имперской» и «варварской» зон, т. е. тяготение друг к другу, их связанность больше, ибо на севере уже в первом тысячелетии до н. э. активно шла седентаризация и «чистых» кочевников не было. Не менее активно шли двумя волнами варваризация римской империи, т. е. инфильтрация кельтов и германцев во внутренние районы, и христианизация всего субконтинента, хотя первоначально и в разных формах (римская и византийская «ортодоксии» и «ереси»).

По этим причинам конвергенция двух зон, хотя и происходила порой катастрофообразно (падение Западной Римской империи), происходила достаточно быстро и в первом тысячелетии н. э. завершилась. В последующие столетия происходило развитие «феодализма» и «капитализма» как общеевропейских процессов.

В Восточной Азии вплоть до недавнего времени проблемно сосуществовали две диаметрально разных экономики — скотоводство и земледелие. Здесь долго сохранялись «чистые» кочевники, далеко и внешне беспорядочно кочевавшие. Столь же интенсивной, как в Европе, варваризации здесь не было, скорее, наоборот, более существенной была синизация, тоже по своим масштабам отличавшаяся от европейской романизации и латинизации. Иначе говоря, здесь «юг», нуждающийся в земле, всегда неуклонно продвигался на «север», а не наоборот.

Здесь до сих пор сохраняются сущностные языковые различия. В Китае налицо развитый письменный язык, литература, на Севере — бесписьменные культуры. Импульс к развитию письменности придадут киданей, а потом этот процесс будет активно идти у чжурчжэней и особенно монголов. Однако, это в свою очередь лишь усилит водораздел между письменностями. Монгольский и китайский языки не слились, а в Европе новые языки складывались как романо-германские. Языки Монголии, Якутии, Бурятии и всей Сибири предельно оригинальны. Здесь развито двуязычие, когда аборигены знают еще русский или другие языки, но не создают их симбиоз со своим и не жертвуют своим языком. Это явственный признак особой цивилизационной зоны.

В Европе формирование и развитие феодализма хорошо описывает синтезная теория, в соответствии с которой на континенте активно взаимодействуют два «начала» — романское и германское. В Восточной Азии этого не могло быть — на севере существовала очень специфичная экономика. Поэтому, если в Европе земледельческий феодализм «дитя двух родителей», то в Восточной Азии он развивался лишь на территории Китая. У

«варваров» или в Западном Ся идет более медленное движение в этом направлении, хотя у тангутов и быстрее и они после монгольского завоевания быстрее станут частью Китая, а не Монголии.

Сторонники «германизма» еще в XVIII в. считали, что в Европе синтез двух начал, одновременно и двух рас, идет более успешно, если варвары более развиты. Однако складывание классической феодальной модели оказалось связано с «примитивными» франками, тогда как основная масса других расселившихся на просторах Римской империи «варваров» (готы, бургунды, вандалы, свевы и др.) лишь некоторое время существовали в качестве народов-элит и впоследствии уже оказались втянуты в процесс феодализации. Они вставали над обществом на покоренных территориях, тогда как франки производили инфильтрацию в свои регионы, сливались с местным населением. Даже франки, а тем более остальные «варвары» стали из-за длительного передвижения своего рода милитаристским обществом. Они фактически присвоили себе управленческие и оборонные функции, делали акцент на политической власти, войне и господстве над покоренным населением, которое их воспринимало лишь в качестве «оккупантов». Это предопределило менее заметное их участие в производстве и, соответственно, недолговечность существования их «варварских королевств».

В Восточной Азии в государствах киданей и чжурчжэней существовала сложная, комплексная экономика, хотя акцент на аномальном для региона в целом скотоводстве обусловил из автаркизованное существование. «Север» и «Юг» в Восточной Азии стали сливаться уже только в прошлом веке и здесь наибольшая «заслуга» именно у «Юга».

2. Проблема кочевой цивилизации

Рубеж тысячелетий стал одним из «переломных моментов» всемирной истории не только в чисто хронологическом смысле, изза магии смены времени, но и в культурно-идейном плане. В самых различных цивилизациях налицо методологический кризис, когда прежняя номенклатура терминов и понятий, особенно в гуманитарных науках, не справляется с критической массой общественных явлений. Особенно заметно это в истории, которую соответственно дружно обвиняют в ангажированности и неспособности создать объективную картину истории. Именно у исторической науки одной из задач всегда было создание

определенных терминов и понятий, с помощью которых можно было бы как-то структурировать и упорядочить безбрежный океан фактов, событий, имен и идей.

Анализ этих понятий все же показывает, что они вполне в состоянии обеспечить новые формы и уровни понимания развития общества. Есть основания уже сейчас попытаться дать некоторую первоначальную сводку тех терминов и понятий, которые наиболее часто используются во всеобщей медиевистике в целом и в кочевниковедении в частности или могут быть использованы. Помимо чисто практической пользы от этого, связанной с лучшим пониманием этимологии и значения применяемых терминов, есть возможность и в концептуальном увидеть некоторые смысле восприятия новые нюансы средневековой эпохи.

Центральным здесь является понятие «цивилизация», которое последние полвека «хранилось где-то на задворках нашего коллективного сознания». В настоящее время оно имеет два основных значения — стадиальное и локальное.

Появилось это слово в рамках Просвещения и сразу начало искать свой аутентичный смысл. Естественно, оно могло появиться только в первом значении и сначала под «цивилизацией» понимался наивысший уровень развития, именно этот смысл и был инициативным, первичным, Европейская культура в эйфории от удачи в складывании нового культурного синтеза, именно его и обозначила как тот уровень общественного развития материальной культуры, связанный с разделением духовной рационализацией производства, потребления и распределения, формированием гражданского общества, к которому и должны стремиться все народы планеты. Именно так трактовал это понятие А. Фергюссон («Опыт истории гражданского общества», 1768), а впоследствии Л. Г. Морган и Ф. Энгельс. А. Фергюссон осуществил практически первую теоретическую разработку периодизации по трем периодам как стадиям развития: дикость, варварство и цивилизация, что свидетельствовало и о возникновении определенной классификации социально-исторических организмов и их достаточно четкой типологии, причем как типологии стадиальной. Это можно назвать первой нововременной концепцией мировой истории. Л. Г. Морган в своем «Древнем обществе» (1877) разработал лишь две первые стадии, разделив каждую из них на три ступени (низшую, среднюю и высшую) и выделив признаки, характеризующие эти ступени. Цивилизации он фактически не касался. Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение, семьи, частной собственности и государства» (1884) трехчленная периодизация истории человеческого общества превращается в двухчленную (дикость и варварство). Эта периодизация существует до сих пор.

Освальд Шпенглер в своем известном сочинении «Закат западного мира» (Der Untergang des Abendlandes, 2 тт., 1918–1922) развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов», выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл, длящийся около тысячелетия. культур или, точнее, «органических» Этих исторических типов восемь: египетская, индийская, вавилонская, аполлоновская (греко-римская), (византийско-арабская), фаустовская (западноевропейская) и майя. Девятая – культура будущего, русско-сибирская. По его мнению, умирая, культура перерождается в свою противоположность цивилизацию и умирает. Появление такой трактовки понятия объясняется широко распространившимися в конце XIX в. пессимистическими настроениями в отношении будущего Европы. Достаточно вспомнить ленинское учение об империализме как стадии загнивания капитализма. На самом деле начинался невиданный доселе по своим масштабам процесс, получивший впоследствии название глобализации.

Устами О. Шпенглера «цивилизация» была обозначена как период агонии европейской культуры. Ф. Ницше торжественно объявил о смерти Бога, а К. Маркс вообще объявил его несуществующим. По инерции с судьбой культуры связывали именно религию и ее уход воспринимался как момент смерти культуры в целом.

Это примеры крайностей, в которые общество попадает, когда впервые начинает работать с такого рода понятиями. Одновременно все же стали появляться достаточно оптимистические представления о сложном развитии культур. На протяжении того же XIX в. в цивилизации стали видеть не только высший уровень развития культуры или стадию агонии, но и своеобразный исторический феномен. Здесь определенную роль сыграл дарвинизм со своей сущностной ревизией библейских представлений о единовременном творении всего сущего. В определенном смысле теория Дарвина была перенесением на животный и растительный мир, а оттуда и на историю, идеи капиталистической экономической конкуренции. Мощное

развитие получила и сама идея эволюционизма. Начиная с издания труда Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) эволюционизм фактически полностью сменяет креационизм и начинает играть его роль в развитии культуры, являясь методологической базой всех типов наук. Сторонники «замкнутых цивилизаций» фактически считали, что их может быть сколько угодно и «каждая культура находится в непосредственной связи с Богом» (Л. фон Ранке). Г. Рюккерт в своем «Учебнике всемирной истории в органическом изложении» заявил, что «историческая действительность не может быть логически правильно расположена в виде одной линии». Любопытно, что именно в России фактически рождается представление о цивилизациях как пространственно-временных конструкциях (теория «культурно-исторических типов» как «действующих лиц истории» Н. Я. Данилевского, российские востоковеды первой половины XIX в. (Н. Я. Бичурин, архимандрит Петр Каменский, М. Н. Суровцов). Т. Н. Грановский), но наиболее аргументированное выражение такой подход нашел в работах Арнольда Тойнби. Н. Я Данилевский предложил, правда, тоже отталкиваясь от своей критики общечеловеческой культуры, концепцию культурно-исторического типа, состоящего из четырёх основ: религия, культура (наука, искусство, техника), политика, общественно-экономический уклад. А «ход развития культурноисторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста неопределенно продолжителен, период но плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу». 12-томный труд А. Тойнби «Постижение истории» (A Study of History, 1934-61) посвящен анализу возникновения, развития и умирания мировых цивилизаций. Тойнби выделял 21 цивилизацию, для которых характерны уникальные универсальные религии, мировые государства и философии (впоследствии – 36 цивилизаций и 5 «живых» цивилизаций третьего поколения). Цивилизация для него — это стран и народов, связанных общей судьбой мировоззрением, и она противостоит примитивным обществам. Причинами роста и развития цивилизации являются «вызов» и наличие творческого меньшинства.

Несмотря на то, что в трудах различных историков и философов это понимание нашло самую широкую поддержку, его все же, по большому счету, можно обвинить во все еще

сохраняющемся просветительском понимании цивилизации как самого высокого уровня развития общества.

Между тем, здесь, вероятно, точнее будет средневековое понимание «мира» (рах). На рубеже тысячелетий, который все «миры» не случайно воспринимали как знаковую веху в своей собственной и всемирной истории, закончилось образование евразийских цивилизаций («миров») по широте и сложился окончательно так называемый «пояс цивилизаций» от Атлантики до Тихого океана. Оформились «миры», которые условно можно (христианский, мусульманский, «материнскими» буддийский, конфуцианский), оформлялись они с помощью идеологической экспансии, путем распространения «истины» («идите и несите всей твари на земле истину»). Именно на это обратил в свое время внимание К. Ясперс, выдвинувший идею «Осевого времени» и сделавший акцент лишь на двух параметрах этого процесса, – оформлении Текстов и появлении Учителей. В завершился процесс антропогенизации вмещающего ландшафта⁴ и переход к пашенному земледелию, созданы «первый витраж, первый готический свод, первая героическая поэма» (М. Блок).

Ho средневековые цивилизации – ЭТО комплексные конструкции, в рамках их зарождения и эволюции обязательно процесса, – складывание не только цивилизационной парадигмы на основе «мировой религии», но и оформление геополитической конструкции в форме «империи». Первоначальное распространение шло по освоенным ранее в рамках первых протомиров - «оазисов» пригодным землям за счет их объединения. Эти «материнские цивилизации» условно могут быть названы аграрными, ибо в них на первый план выходит земля как преимущественная сфера применения человеческого труда в области земледелия или скотоводства.

Именно история этих классических цивилизаций и дает возможность выделить наиболее характерные черты этой конструкции. При этом необходимо подчеркнуть, что методологический анализ их истории проводился, как правило, в европейской культуре, которая до сих пор пытается сочетать два

46

⁴«Вмещающий ландшафт», по определению Кульпина Э. С., — «жизненное пространство Человека хозяйствующего на уровне этноса и суперэтноса» (Кульпин — Губайдуллин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского

подхода — конфессиональный и секулярный. Если до эпохи Возрождения «миром» считалось пространство Истины (отсюда миры именовались «христианским», «мусульманским», «буддийским и т. п.), то под влиянием широко распространившейся идеи научно-технического прогресса, в «мире» стали видеть определенную стадию социального и технического прогресса. Эти два подхода кардинально разошлись именно в период эпохи Просвещения

Если исходить из логики исторического процесса, под «цивилизацией» следует понимать не уровень развития того или иного общества. Такой подход был характерен для XVIII — начала XIX вв., когда на базе традиционной историко-культурной европейской парадигмы, основывающейся на эволюционном подходе, складывались первоначальные светские однолинейные теории развития (теория континуитета, марксизм, неоэволюционизм, теории модернизации и др.). Впоследствии стал формироваться и широко распространяться цивилизационный подход, рассматривающий всемирную историю как результат взаимодействия отдельных культурных ареалов (Данилевский Н. Я., Шпенглер О., Тойнби А., Сорокин П. и др.).

Спор формационного и цивилизационного который происходит на наших глазах сейчас, на самом деле, всего лишь частный случай вечного их противостояния. Любое историческое явление необходимо смотреть по горизонтали (в пространстве) и вертикали (во времени). В рамках средневекового периода, когда активно шло становление «миров», этот процесс просматривался, прежде всего, во времени, «сверху вниз». явилась вертикальная модель формационный подход как деление этой истории на значимые части (периоды, эоны, формации). Формационный марксистский определенном смысле апогей предел подход рассмотрения.

История отдельных периодов оценивалась с точки зрения их «вклада в историю», иначе говоря, значимости для нововременной культуры, но в итоге получалось порой так, что любая доиндустриальная, догоризонтальная стадия в любой цивилизации стала именоваться пустой.

Двадцатый век с подачи девятнадцатого, пытавшегося понять причины культурного шока, пережитого европейской культурой при встрече с «чужими» культурами в процессе колониальной и миссионерской экспансии XIV—XIX вв., стал смотреть «по

горизонтали» и сравнивать европейский опыт строительства цивилизации с опытом иных миров.

Время показало, что это тоже была крайность, ибо даже это сравнение могло приводить к весьма неприятным результатам⁵.

Необходимый симбиоз В некоторых своих фиксируется к концу XX в., чему, вероятно, способствовала и ситуация активно идущей деидеологизации и конвергенции евразийских культур. Были выделены не только древние и средневековые цивилизации и начато их комплексное сравнительное изучение, но даже заговорили о некоторых зонах как цивилизационных, например, «кочевой цивилизации».

В итоге можно сказать, что «цивилизация» — это определенный «мир» как пространственно — временной культурный континуум, у которого есть «своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» (О. Шпенглер).

⁵Одним из последствий этого стал разнобой в понимании «цивилизации»:

> «Цивилизация представляет собой некую культурную сущность...наивысшего ранга... самый широкий уровень культурной идентичности людей» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / / Полис. 1994. № 1. С. 34).

^{ightharpoonup} «Цивилизация — это совокупность материальных, политических и духовно — нравственных средств, которыми данное сообщество вооружает каждое поколение его членов, вступающих в состояние «взрослости», «дееспособности», «полноправия» (Барг М. Категория «цивилизация» как метод сравнительного исторического исследования (человеческое измерение) // История СССР. 1991. № 1. С. 72).

^{≽«}Цивилизация — мера развития общества, социума; культура — мера развития личности, а также системы ценностей и способа деятельности» (Ланда В. Г. Восток: цивилизация, формация, социум // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 52).

^{➤ «}Цивилизация — это сообщество людей, объединенных основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющие устойчивые особые черты в социально — политической организации, культуре, экономике и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу» (Семеникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994. С. 37).

^{ightarrow} «Цивилизация — это исторически устойчивая совокупность этносов, имеющих письменность, государственность, связанных общностью ядерных социальных отношений, культурных традиций и идей» ($Posob\ H.\ C.\ C$ труктура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. $C.\ 88-89$).

[≽] Быть может, действительно все дело в том, что сама по себе «история человечества дает бесконечное разнообразие материала для формирования разнообразных классификационных схем цивилизаций» (Ахиезер А. С. Диахронность и синхронность цивилизаций: теория и методология исследования / Дивилизации. М., 1993. Вып. 2).

Сказанное можно применить и по отношению к кочевому обществу.

Уже в конце прошлого столетия произошел весьма ощутимый и значимый сдвиг от реконструктивно-описательной истории к аналитической, что продиктовано было не только наличием дошедшего до критической массы исторического материала, но и безусловным кризисом прежних методологий и технологий исторического исследования. Одним из аспектов нового по характеру историософского интереса стало переосмысление таких традиционных дефиниций, как «цивилизация» и «империя». Дискуссии о них развернулись практически сразу не только среди историков, но и среди философов, социологов, экономистов, культурологов. Было сделано немало для реконструкции истории и понимания специфики многих евразийских цивилизаций.

Однако, если история земледельческих «миров» уже не раз проходила через порожденные ею самой «фильтры» разнообразных методологических систем, то история кочевников во многом еще находится на описательно-реконструктивной стадии. Они настолько отличаются от оседлых обществ, что вполне закономерно встает вопрос, а можем ли мы применять термины «кочевая цивилизация» и «кочевая империя» к их «ордам» и «бандам».

В кочевниковедении наработан столь огромный материал в виде фактов и идей и отмечено столь значительное количество особенностей развития кочевого сообщества, не характерных как для земледельческих областей, так и для районов с присваивающей экономикой, что не видеть или игнорировать специфику развития и устройства обществ евразийского степного коридора уже невозможно. В историографии, однако, как справедливо отметил пионер идеи кочевой цивилизации в нашей стране А. И. Мартынов, взаимоотношения обществ оседлых цивилизаций и степной Евразии все еще не рассматривались как система отношений двух параллельно развивающихся миров и это связано с тем, что оседлые общества — явление историческое, а степная Евразия, прежде всего, археологическое, добавим, и филологическое, т. е. описываемое все еще достаточно тенденциозно, в значительной степени на основе тех оценок, которые давали современники кочевой цивилизации.

Все же надо отметить, что идея кочевой цивилизации, пусть и медленно, чаще с приставкой «квази», с опровержением самой идеи, с указанием на то, что все еще не выработаны критерии для ее выделения, пробивает дорогу.

Кочевничество становится основным направлением хозяйственно-культурного развития евразийских племен, как минимум, с середины I тыс. до н. э. Выделение этой цивилизации вполне можно назвать степной революцией, которая имела не меньшее значение для человечества, чем городская или земледельческая. Кочевая цивилизация — это особый мир, отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации, а степной образ жизни такой же исторический феномен, как и городской, сельский, морской.

Введенный в научный и общественный оборот фактический материал позволяет выделить по аналогии с оседлыми цивилизациями цивилизационные или «мировые» признаки территории расселения кочевников. Неудивительно, что они практически полностью совпадают с признаками модели оседлой цивилизации:

- определенность территории обычно обусловлена географическими «пределами» в виде гор, морей, пустынь и лесов и этногенетической близостью живущих здесь племен и народов. Здесь она может быть определена как совокупность степи и травянистой пустыни, лежащая во внутренней части Евразии и окаймленная с севера гигантским лесным массивом. Чаще всего данная территория почти совпадает с аридной областью.
- определенность исторического периода. Начало его фактически определил К. Ясперс, предложивший понятие «осевого времени» (Achsenzeit, 800 – 200 гг. до н. э.) и выделил несколько его признаков: растущая демифологизация, интеллектуализация, рост интереса к человеку, к индивиду, оживление культурных контактов, «человеческая экзистенция как история становится предметом размышлений», «возник тот человек, существует сегодня» и др. В общем это есть время зарождения «первичных» цивилизаций, образование которых произошло в ходе внутренних процессов и не было осложнено влиянием более развитых соседей. В целом период существования классических цивилизаций определен самой историей. Римская, Византийская и Китайская империи целый ряд столетий боролись с «варварами». Renovatio («возрождение») как «возвращение в первобытное состояние», по мнению, скажем, итальянских гуманистов, состоится только к середине XVI в. Промежуточное время они и назовут «средними веками».

Кочевая цивилизация формировалась одновременно с другими (в основном, первое тысячелетие до н. э.). В Восточной Азии «освободительная борьба» с «варварами» (гуннами,

киданями, чжурчжэнями, монголами, маньчжурами) завершилась лишь в начале прошлого столетия. Таким образом, «средневековый период» может быть обозначен и как время непосредственного взаимодействия двух цивилизационных зон (в Европе «романского» и «германского» начал, в Восточной Азии ханьского по происхождению Китая и «кочевых империй» тюркомонгольского ареала).

- *стабильность и длительность* существования данной цивилизационной зоны. Эту классическую эпоху существования кочевой цивилизации можно разделить на три периода:
- 1. гуннский (III в. до н. э. V в. н. э.) эпоха великого переселения народов, когда происходит изменение политической карты Великой Степи и сопредельных территорий (Китай, Индия, Европа), формирование новых этнокультурных сообществ.
- **2.** *тюркский* (VI-XII вв. н. э.) тюркизация Центральной Азии, Степи, Южной Сибири.
- 3. монгольский (XII—XIV вв.). Апогеем станет существование державы Чингисхана. В итоге сложится новая этническая и политическая карта.
 - уникальность исторического развития.
- Этноцентризм, доходящий до представления о «избранности» народа и идеализирования своей территории.
- Этнокультурная «гибридность». В зоне степей взаимодействуют различные субкультуры и в результате рождается новый культурный синтез. Это мешает интенсификации культурных процессов, но дает возможность для формирования культурного плюрализма, поэтому у кочевников практически не наблюдается идейных споров, а камнем преткновения являются в основном практические проблемы.
- особый алгоритм социо-культурной жизни гетерономический. Слово «гетерономия» (от греч. гетерос / иной / и номос / закон/) в данном случае используется для обозначения такой ситуации, при которой один субъект вынужден следовать нормам, особенно религиозным и правовым, установленным другим субъектом. Это несамостоятельное поведение, так или иначе, механическое, в отличие от «автономии», допускающей и даже предписывающей обоим субъектам наличие имманентных собственных закономерностей существования и развития. В результате различные племена и народы, как правило, объединяются вокруг одного «титульного» этноса, что дает возможность маркировать «миры» и по этносу

(арабский, китайский, франкский, индийский, тюркский, монгольский).

- ullet самобытность и оригинальность культурных представлений и традиций и их близость.
- этно-культурный экспансионизм, доходящий до навязывания своей цивилизационной парадигмы. Первая сторона этого процесса (широкое проникновение кочевых этносов на территорию оседлых обществ) очевидна и она рассматривалась негативно, как уничтожение культуры бескультурными кочевниками. Тем не менее, можно говорить и о значительном культурном экспансионизме кочевников.

Примеров тому много.

- Культурные процессы, происходившие в степной Азии, были не менее важны для всемирной истории, чем те, что происходили в оседлой зоне. Все крупные регионы (Европа, Ислам, Индия, Китай и Золотая Орда) во многом благодаря и кочевникам оказались интегрированными в единое геокультурное и макроэкономическое пространство. Кочевники активно участвовали в создании общих евразийских культурных ценностей, социальных институтов, активном освоении новых земель, влияли на темпы и направление развития многих народов и государств, участвовали в возникновении международных коммуникаций и ретрансляции созданной в культурных центрах информации. Одним из важнейших результатов конвергенции кочевых и оседлых обществ станет подпитка ислама одной из древнейших азиатских культур тюркской.
- XIII—XIV вв. стали особым «швом» в евразийской истории и именно кочевники сыграли ключевую роль в создании новой геополитической конструкции Азии. Этот особо ощутимый вклад кочевников практически до сих пор оценивается исключительно негативно, как разрушительный. Между тем, передвижения кочевников являются всего лишь частью огромного евразийского, фактически «второго великого переселения народов». Для этой первой фазы складывания нового миропорядка характерны традиционные методы решения назревших проблем (внешняя экспансия, переселения). Необходимо было снятие прежней «феодальной» структуры общества, которая уже изживала себя сама. Об этом свидетельствует широкое распространение по всей Евразии городов, становящихся не только политическими или военными центрами, но и центрами ремесла и торговли. В Европе происходит выделение так называемой «католической» зоны, отличающейся акцентом

на развитии городской экономики, внешней торговли, «общественно полезного» научного знания и рационалистической философии. Азиатские цивилизации начинают экономическую переориентацию на океаны. Передвижения кочевников оказались наиболее эффективным средством окончательного снятия остатков родоплеменной арматуры. В итоге складывается новая, дошедшая до нас, этническая карта Евразии. В Европе наблюдается похожая картина, когда на смену прежним франкам, готам, кельтам и др. окончательно приходят французы, немцы, англичане, русские. Снята была насильственно и «героическая» феодальная верхушка, ориентированная на аграрную экономику и разбой. Налажены новые трансконтинентальные связи. Появилась и новая культурная карта. Кочевники во всех этих процессах играли не просто роль «дворников», но и участвовали в этническом, политическом и культурном структурировании пространства.

- С XIII в. по всей Евразии разворачивается новая по характеру культурная революция в форме «возрождения» (европейские ренессансы, китайский ренессанс, средневосточное возрождение, кавказские и византийские ренессансы, «ренессансные явления» на Руси) и везде будет присутствовать некая антикочевая составляющая. Это не удивительно, ведь мощный выплеск «бессловесной» кочевой массы, затопившей всю Азию, стал «вызовом» практически для всех оседлых цивилизаций. Надо было «навести порядок» после этого наводнения и в этой деятельности явственно видна огромная и тяжелая работа по фильтрации не столько иной этнической массы, сколько по упорядочиванию достаточно бессистемно вброшенной идейно-культурной информации.
- С монголов начинается этническая стадия формирования цивилизационного пространства будущей России. Сначала сложно соединились Южная Сибирь и Степь и сформировалась своеобразная «зона Чингисхана», где общность прослеживалась через него и его деяния. В религиозно-культурном плане здесь наблюдается большая пестрота (ислам, буддизм, шаманизм), но связующими факторами являются следование «пути отцов» и «духу Чингиса».
- Медленно начинает складываться русско-татарский симбиоз. Русичи проникают в Степь (до Монголии), татары оседают на Руси и начинает оформляться единое экономическое и, в какой-то степени, культурное пространство.
- Определенную роль в складывании российской цивилизационной зоны сыграла и культурообразующая идея «Москва третий Рим», в которой можно проследить некоторое азиатское

влияние. Здесь кроме следов новозаветного универсализма прослеживаются элементы характерного для Степи понимания того, что Бескрайнее Небо управляет всеми народами ойкумены. В результате появляется замечательная формула «Рим весь мир», одним из оснований которой является и то, что «вся христианская царства преидоша в конец» (Послание Филофея). Фактически здесь можно увидеть заявление о том, что отныне «Рим» как оптимальная социо-культурная модель возможен только за пределами той зоны, в рамках которой он родился и свершил до конца свой «жизненный путь».

- Привлекательность «имиджа» для других народов, недаром во многих оседлых культурах даже существовал образ «благородного дикаря», общество которого чуждо наживы, социального неравенства, несправедливости, частной собственности, изощренной и безутешной культуры.
- Умение «уживаться» с ними. Вероятно, есть смысл видеть в истории взаимоотношений кочевых и оседлых обществ не только «политику умиротворения» «воинственных варваров», но и сознательное стремление кочевых союзов к «добрососедским отношениям» с южанами.
- Традиционализм. Традиции кочевников были не менее крепки, чем традиции оседлых обществ и играли, быть может, даже большую роль в общественной жизни. Налицо и тесная связь идеологии и психологии: идеология «рассыпана» в традициях, обычаях, языке, морали, способах мировосприятия и миропонимания.
- Цивилизационный коллективизм. Кочевникам близок идеал с акцентом на идее максимально полного растворения человека в массе. Здесь на первом плане дихотомии «человек человек» и «человек общество».
- Специфический «мировой язык» как синтетический, впитывающий в себя в той или иной мере лексику и терминологию всех народов и племен цивилизационной зоны. Примером тому может служить так называемый «киданьский» язык. Известно, что и монголы создавали свою письменность искусственно.
- Противопоставление себя остальным народам и особенно цивилизациям.
- Это особая стадия развития общества, когда возникает сложная социальная структура и начинают складываться *трансрегиональные этнические и социальные группы*. Они именуются в соответствии с образом жизни и занятиями (крестьяне, рыцари,

клирики) или в зависимости от происхождения (франки – французы, англы – англичане), но появляется необходимость и более общих универсальных обозначений. На смену этнонимам приходят конфессионемы (христиане, мусульмане, буддисты). Жизнь и судьба крупных человеческих организмов подчиняется уже не локальным традициям, а транснациональным интересам и правилам. Начинают вырабатываться такие понятия, как «человечество», «народ», которые приходят на смену «родам» и «племенам». Происходит включение во всемирную историю всех народов без различия этнической принадлежности при условии «мировой принятия религии». универсальная ими Эта историософема провиденционализма впоследствии будет разветвляться и на ее основе возникнут и теория прогресса (регресса) и теория возрастов, что ярко выражено в философии Аврелия Августина (354-430) и Иоахима Флорского (1132-1202). Нужно отметить, однако, что здесь налицо определенного рода противоречие с базовым представлением, ибо смысл истории предполагает обязательно ее замкнутость во времени, тогда как признание бесконечного регресса или прогресса свидетельствует о ее бессмысленности. Естественно, что и в культуре происходят трансформации, начинается существенные так сакрализация культуры, когда религия выходит на первый план и становится системообразующим фактором. У отдельного индивида не только расширяется культурный горизонт, когда в круг необходимых ему знаний входит информация о других народах и странах, но и он сам поднимается до осознания сопричастности к судьбам всей «вселенной».

• Особое значение и оформление принимает взаимодействие различных этнических и социальных групп в цивилизации. Базовым здесь является представление об «избранном народе».

Классическим примером этой идеи, разумеется, является библейское (ветхозаветное) понимание «избранности». Однако в христианском «мире» эта идея была выведена за пределы своеобразной (евреев) путем отдельного этноса только цивилизационной революции Христа и апостолов. «Избранными» стали считаться не те, кто принадлежал к этому этносу, а все, независимо от этнической, социальной и даже расовой принадлежности («нет ни эллина, ни эфиопа, ни иудея, ни раба...»), кто «уверовал» в Христа. Ветхозаветное понимание (евреям истины оказалось этнически узким практически лишь выживать в полиэтничном и мультикультурном

евро-афро-азиатском мире). Однако для нужд формирующихся «миров» эта идея идеально подходила, поэтому Христос и выводит ее на максимально универсальный уровень. В дальнейшем судьбы двух трактовок этой идеи и их взаимоотношений часто принимают даже трагический характер. Еврейская цивилизация с помощью нового Текста (Талмуд) создавала парадигму рассеянного этноса, в которой места идеям Христа не было (евреев поэтому и обвиняют в vбийстве Бога – Христа). Нарождающаяся деициде или бороться христианская цивилизация активно будет ветхозаветным пониманием «избранности» и соответственно с его носителями (поэтому христиан и обвиняют в геноциде или преследовании евреев).

В восточноазиатском мире работал изобретенный еще в древнем Китае комплекс Чжунго / Тянься (Срединное государство / Поднебесная империя), который фактически и основывался на традиционной для периода зарождения этнических государств идее «избранного народа». В Китае соединилось то, что на Западе оказалось разорвано: этническое понимание «избранного народа» как определенного этноса дополнилось идеей всеобщего и «правильного» мира. Ханьцы по сути стали титульной нацией и понесли свою «истину» всем остальным народам, которые в целом вынужденно или добровольно принимают их парадигму.

Сказанное означает, что под «христианизацией» или «китаизацией» следует, строго говоря, понимать не этнический процесс, причем именно как процесс поглощения одним народом малых этнических организмов, а идеологическую форму существования цивилизации («мира»).

- своеобразие форм государственного и социального развития, связанное со сложной социальной структурой, имеющей «вертикальный» характер, где различные слои располагаются как бы друг над другом («феодальная лестница»), и с формированием властных элит, слоев населения, которые не связаны напрямую с сельскохозяйственной сферой, и т. д.
- возможность складывания предельно централизованного государства и особая сила «верховной власти». Государство не является изобретением только оседлых обществ, оно общецивилизационный феномен и такой же обязательный признак цивилизации как и город, письменность, религия, язык. Если учитывать, что в рамках средневековья государство прежде всего организующая и регулирующая сила, то государственные образования кочевников ни в чем не отличались от оседлых государств. Здесь тоже проявляется

цивилизационная специфика — все они так или иначе были завязаны на вождя, существовала определенная пестрота государственных форм (существенный признак цивилизации — децентрализация). В кочевых империях впервые в рамках средневекового периода истории Евразии появляется постоянная армия, которая, например, при Ляо была объявлена «оплотом государства», при монголах стала средством невиданной доселе атаки.

- Одним из отличительных признаков любой цивилизации была монархическая форма правления и особая роль правителя. Его «заветам», как, например, заветам Чингисхана, могли следовать очень длительное время. Со временем они теряли свою привязанность к определенной пространственно-временной точке и трансформировались из сложной парадигмы в систему морально-нравственных императивов. Так, от «закона Моисея» брались фактически только «десять заповедей», от «Ясы» Чингисхана «дух великого предка».
- очень своеобразное отношение к миру, которое можно назвать «искусственным». Это принцип и он находит свое выражение в постижении «воли Неба», долге как основе универсальной морали, цели истории как принятии «небесного порядка» и т. д. Любая «цивилизация» сама себя «строит» и этот признак, вероятно, следует признать центральным, ибо именно он дает возможность отличить цивилизацию от иных природно-климатических и хозяйственно-культурных зон (охотников собирателей Австралии или арктических охотников и рыболовов), которые ориентируются не на интенсивную, производящую, а экстенсивную, присваивающую экономику.
- специфический «религиозный» комплекс идей и рецептов, который объединяет и регулирует этнические и социальные группы и маркирует цивилизацию, отличая ее от соседей («Небо» как «начало» «избранности» того или иного народа). Религиозные представления кочевников были очень специфическими (это еще одна из особенностей их цивилизации). Кочевников обвиняли не только в том, что они не «доросли» до религии, но и в том, что они «искажали» любые мировые религии, а это еще одна цивилизационная особенность фильтрация любой культурной информации, которая приходит извне.
- особое значение и оформление принимает взаимодействие различных этнических и социальных групп в цивилизации. Базовым здесь является представление об «избранном роде», а потом и «избранном народе».

- специфика представления о сакральном и сверхъестественном «начале» (*«тэнгри» «Небо»*). Оно легло в основу особой религиозной системы (*«тэнгрианство»*). Оформление ее было связано не только с естественной потребностью человека найти защиту от грозных природных сил, но и от нарождающихся социальных проблем (явный признак цивилизации).
- специфический аксиологический набор как комплекс моральных норм, социальных рецептов и их обоснований. Специфика кочевой аксиологии в значительной мере связана с консервацией тех социально-нравственных норм, которые характерны для периода евразийской античности. Иными словами, средневековые кочевники как бы продолжали жить в бронзовом и железном веках. Более того, создается по-своему уникальная ситуация. Кочевники жили динамично, отсюда и понимание Неба как вечного движения и беспредельности. Бескрайнее Небо, по их мнению, не только простирается над бескрайней Землей, но и управляет ею в любой ее точке. Именно это оправдывало претензии кочевников на их вмешательство в дела любых племен и народов и давало право на их покорение, причем не «словом», а «делом». С другой стороны, здесь можно увидеть одно из первоначальных оформлений идеи равенства всех народов – Небо покровительствует любому, а не только, скажем, ханьцу.
- особое представление об «истории», которое способствовало выводу полиэтничного и мультикультурного общества из ситуации противостояния культур периода «язычества» (столпотворения культур) в диалог, становясь необходимым дискурсом ответов. История вместе с географией помогала маркировать ойкумену как «мир», создать что-то вроде историко-культурного атласа, из которого было бы видно, какие «народы» населяют его, что между ними общего и различного. Стоит заметить и определенную близость историографических моделей традиционных «миров». Конечно, есть принципиальное отличие европейской модели, как своего рода «эталона», и китайской, но, если не сводить истоки первой лишь к греческой мысли, а видеть их в культурах различных регионов, то можно провести ряд существенных параллелей. Многофакторность исторического процесса сознательно искажается и идет редукция «исторического материала» ради той цели, которую ставит «современность». Выделяется масса «точечных событий» и превращается в цепочку как интервал истории («шаг»). Каждое следующее событие диалектично по отношению к первому, ибо отрицает и развивает его.

- особое значение литературы и письменности. Культуру в целом можно назвать своеобразной программой достижения некоей «цели», а она определяется базовой идеей или «словом». У кочевников таким «словом» было «Небо». Именно оно стало «ядром» и отправной точки для разветвленной системы мифов, легенд и сказаний как «литературы», а впоследствии, на наивысшей стадии развития кочевой цивилизации, и письменных текстов (литература у киданей и чжурчжэней, «Сокровенное сказание»).
- особая роль и преимущественная ценность земли и др. Хозяйственная деятельность связана с преобладанием скотоводства. Налицо и характерная для средневековых цивилизаций идея землепользования, а не землевладения, когда все от имени Неба лишь распоряжались землей (хан, тысячники, дарханы, родоначальники) и это пользование регулировалась обычаями и традициями.
- Важен и природно экологический показатель сложное взаимоотношение человека и природы. Человек эпохи цивилизации принципиально отличается от традиционного человека первобытно общинного периода именно тем, что уже не является частью природного мира, не просто выделяется из него, но и начинает строить свой собственный «мир».
- Система налогов и дани. Этот фактор связан с планированием, воспроизводством отношений собственности, самой собственности, государственным аппаратом. Такая задача требует постоянного сбора, обработки и донесения до исполнителей огромного объема конкретной и точной информации, а в конечном итоге и появления письменности.

Разумеется, это далеко не полный список черт, определяющих специфику этно-культурного и социально-политического развития цивилизации, но он намеренно составлен таким образом, чтобы подчеркнуть в качестве маркеров не только экономические или природные факторы, но и комплекс традиций и идей.

Необходимо также учитывать и другие составляющие цивилизационной конструкции, связанные с геополитическими реалиями и экономикой. Модель цивилизации можно выразить дробью, где в числителе находится парадигма, а в знаменателе эмпирические конструкции, прежде всего государство. Государство не является продуктом лишь оседлого общества, оно есть и у кочевников и, следовательно, оно такой же обязательный признак цивилизации, как и город, письменность, религия, язык, философия.

Экономика тоже придает своеобразие той или иной цивилизации, ведь каждая из них связана с определенной природно — климатической зоной, но все же надо отметить определенную маргинальность этих зон и присутствие в них как сельскохозяйственного сектора, так и городского, огромную роль торговли.

Главным для маркирования цивилизации представляется выделить ее парадигму как алгоритм осмысления мира на основе определенных идей, взглядов и понятий. В применении к кочевникам можно говорить об особой роли таких понятий, как Небо, Правитель, Харизма, Долг и др. Модель цивилизации можно выразить дробью, где в числителе находится парадигма, а в знаменателе эмпирические конструкции, прежде всего государство. Слово происходит от греч. Παράδειγμα («пример, модель, образец») и получило широкое распространение в гуманитарной сфере, особенно с конца 60-х годов XX в. – в грамматике и в философии и социологии науки для обозначения исходной концептуальной схемы, совокупности ценностей, методов и средств в рамках устоявшейся традиции В определенный период Общеупотребительно представление о том, что смена парадигм представляет собой научную революцию и эволюционный переход. Часто говорят о парадигме социального поведения, т. е. форме понимания поведения человека в виде ответной реакции на внешние раздражители.

В любой цивилизации можно выделить две зоны - геополитическое «ядро» и этнокультурную периферию. Под «ядром» в данном случае есть смысл подразумевать регион, характеризующийся относительной этнической, государственной, политической, экономической и культурной гомогенностью и стабильностью, под «периферией» – располагающиеся вокруг этносы и субэтносы, развитие которых связано с близкими, но и несколько иными характеристиками (более низкий уровень или лежащая в основе иная экономика) и не отличается необходимой устойчивостью и однородностью. Но обязательной особенностью периферии является идейно-культурная и экономическая близость с центром. Самое яркое выражение эта модель нашла на «плечах» Евразии, в Европе и Китае, где в «центре» существовали империи («Средиземное море», «Срединное государство» в междуречье Хуанхэ и Янцзы) и на периферии «варвары». В этих центрах зарождается и оформляется цивилизационная парадигма и из этих «островов» она идет до границ периферии.

Границы культурной периферии неопределенны, границы же «ядра» достаточно четки. На Западе «ядерная» зона была ограничена пустынями, морями и «римскими валами», в Китае – мо-Гималаями и Великой стеной. Зона христианской культуры в средние века доходила до Урала, китайской – до берегов Северного Ледовитого океана. Если сравнить с некоторыми современными представлениями о человеке, то можно говорить о «физическом теле» цивилизации и «астральном». Кочевая цивилизация находилась в «средиземье», т. е. между различными цивилизационными зонами – Сибирью, Китаем, Средним Востоком, Византией, славянским миром и лишь отчасти христианско-европейским «рах»'ом.

Есть смысл обратить внимание и на то, что это промежуточное «средиземное» положение основной массы кочевых областей мешало их вхождению в какую-то одну цивилизационную зону и требовало формирования своей собственной более сложной и оригинальной культуры. Единство трех зон (Сибирь, кочевой коридор, южные оседлые цивилизации) невозможно в принципе. Выход один — быть неким проливом между урало-сибирской Сциллой и оседлой Харибдой, образно говоря, дорогой, вдоль которой расположены различные "миры".

На протяжении нескольких тысячелетий межцивилизационную «почту» переносил конь — «автомобиль веков». Как «почтальоны» кочевники были нужны почти три тысячелетия. «Цивилизации» всегда нуждались друг в друге, подпитке своей парадигмы со стороны других культурных ценностей и для всех нужна была общая картина «ойкумены», а не только своего «мира». До сих пор многие исследователи предпочитают говорить, что необходимо «для анализа особенностей развития кочевых обществ руководствоваться больше идеями диффузионизма, чем эволюционизма» [Бубенок], однако, здесь налицо незаметная ежедневная культурная эстафета.

В целом на исчезновение кочевой цивилизации повлияли как минимум два фактора:

- 1. экономический сократилась роль в кочевников экономике Евразии.
- 2. культурный когда оседлые цивилизации установили иные пути коммуникации, от «услуг» кочевников отказались.

3. Кочевая империя как феномен истории евразийской кочевой цивилизации

Термин «кочевые империи» сравнительно молод, но появился он как закономерный результат многолетних споров и размышлений о происхождении, развитии и месте в мировой истории кочевых народов.

Как уже было сказано, империя, - это не просто форма государства, а особая его стадия, для которой характерно наличие преимущественно аграрной экономики («феодализм»). «Империи» воспринимаются как центр — «orbis terrarum». Так трактуется не только классическая Римская империя, но и различные средневековые имперские образования. По мнению Григория Турского, Византия – это мировая держава, имеющая свои интересы во всех концах христианского мира и способная «побуждать» (inpellentibus missis imperiabilus) местных правителей подчиняться имперским требованиям. Византийский император, каролингские правители часто именуются «отцами», которые проявляют «отеческую заботу» обо всех народах и людях. Император как бы воспитывает своих сыновей – правителей подвластных территорий и готовит их к самостоятельной жизни. Именно в «средние века» имперская идея переживает свой золотой век, поскольку только в этот период существуют те факторы, которые обусловили существование такого рода государства (слаборазвитая экономика, решающая роль земледелия или скотоводства, особое значение насилия как второго после аграрных отношений «средства» решения экономических и социальных проблем, этносы, пестрота экономик, языков, культур, необходимость сопротивления культурному и военному натиску извне, четкое оформление цивилизационного ареала). Империя здесь – алгоритм оформления цивилизации и ее апогей и механизм сопротивления военному и культурному натиску извне. Она – апогей цивилизационного государства.

Кочевники занимают особое место в процессах политогенеза и это позволило даже поставить вопрос о том, можно ли кочевые образования считать государствами? Способны ли они были подняться до уровня такой сложной системы, как империя? Поскольку в понимании кочевников главное в империи ее политическая составляющая, вертикаль власти, это дало основание многим исследователям говорить о существовании у кочевников особой формы империи — кочевой. Сами названия «кочевая империя», «империя завоевания» есть в то же время результат

гиперболизации таких факторов в истории кочевников, как милитаризация, внешняя экспансия, воинственный дух и пр. и противопоставления их в этой связи оседлым народам. Это не просто неверно, но обидно и вряд ли применимо к многочисленным народам Азии и Африки, в конечном итоге почти к половине тогдашнего человечества.

Вероятно, впервые в отечественной литературе понятие «кочевая империя» было введено в оборот М. Н. Суровцовым⁶. Как строго научный термин в рамках своей типологии кочевых образований его применила С. А. Плетнева⁷. Этот термин уже не раз становился предметом полемики. Насколько имеет существование сам термин «кочевая империя» и как его трактовать? Может ли эта империя считаться государством? По этому поводу высказывалось множество самых разнообразных мнений и, вероятно, все они должны быть так или иначе учтены, в том числе: климатические изменения (усыхание степей по А. Тойнби и Г. Е. Грумм-Гржимайло, увлажнение по Л. Н Гумилеву), комплекс Марса — бога войны в менталитете кочевников, перенаселенность степи, усложнение социальных процессов, ослабление земледельческих обществ (феодальная раздробленность), уменьшение заинтересованности земледельческих обществ в торговле с номадами, появление у кочевников харизматических фигур, пассионарность (по Л. Н. Гумилеву) и др. Но, вероятно, прежде всего, нужно учитывать то, что любая цивилизация есть не уровень развития общества, а сложное и противоречивое движение, а имперские конструкции в любой цивилизации возникают на стадии ее максимального развития.

Задача любой «империи», и кочевники не исключение, — не завоевания, а максимально упорядоченное структурирование определенного пространства, для которого характерна пестрота и иерархия различных «лоскутков» — экономик (кочевой в разной степени развитости у монголоязычных и тюркоязычных племен и оседлой у различных подчиненных народов), языков, культур. Эти «лоскутки» «сшивались» в пестротканое полотно империи и «коммунальная квартира» постепенно превращалась в единую «семью». Шло это в виде разрушения локальных социально-экономических и политических организмов и медленного

 $^{^6}$ Суровцов М. Н. О владычестве киданей в Средней Азии. // История Железной империи. Новосибирск, 2007.

 $^{^7}$ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 40–72.

складывания региональной системы. Ни одна известная в истории империя не проводила сколько-нибудь масштабных завоеваний, а больше оборонялась. Здесь есть смысл акцентировать внимание на двух интересных точках зрения. По мнению Кычанова Е. И., государства кочевников возникали в результате процессов имущественного и классового расслоения в самом кочевом обществе. Как считает Н. Ди Космо, изначальной предпосылкой создания степной империи является структурный кризис внутри общества номадов, который дополняется сложной внешнеполитической ситуацией.

Функции любой империи, в том числе кочевой, помимо этого: организация регулярности общерегиональных торговых и культурных связей, продукто- и товарообмена, совместной обороны, совместной экспансии, единой религиозно — культурной системы, способной противостоять вызову (вызовам) извне и изнутри, единого идеологического пространства, распространение единого, универсального образца, в конечном итоге, объединение региона и упрочение этого территориального объединения, ибо «империя» — механизм организации пространства в борьбе с многочисленными врагами (внешними и внутренними), сохранение традиций, выработка универсального права и др.

Отсюда для кочевой империи во многом характерны те же *признаки*, которые можно найти и у империй земледельческих, поскольку империи являются «ядрами» цивилизаций, то многие их признаки, естественно, являются признаками цивилизациями в целом:

- определенность («замкнутость») региона, основанная на этнокультурной близости, политико-экономической целесообразности, близости или идентичности социального развития;
 - недостаток свободных земель;
- ❖ сложно развивающаяся экономика с обязательным присутствием земледелия;
 - сложившиеся экономические связи;
 - монархическая форма правления;
- сакрализация власти правителя, который являлся наместником Неба на Земле и обладал правом на управление всем миром и даже правом «творить свой миропорядок», покорять соседние народы;
- из-за отсутствия необходимости в полицентризме форм высшей власти и специфики экономики (кочевое скотоводство,

равно, как и земледелие) ограничение вариативности государственных конструкций и их завязанность на вождя;

- «номинальность» центральной власти, которая выступает регулятором отношений многочисленных социальных и этнических прослоек;
- большая роль династического фактора в истории государства и этнополитическая интеграция в форме династического государства;
 - наличие иерархии этнических и социальных групп;
- ❖ «этажность» общества, многоступенчатая социальная структура с резкими полюсами;
- ❖ многоуровневая социальная организация, где низшие звенья основаны на узах кровного родства, а высшие — на военноадминистративных связях и фиктивном генеалогическом родстве;
- ❖ использование традиции в качестве регулирующего фактора;
 - особая роль насилия.

Менталитету центрально-азиатских кочевников приписывали особую страсть к убийствам. Кочевые завоевания всегда, начиная с глубокой древности, воспринимались как крупномасштабные катастрофы и в прошедшем столетии стали считаться одним из факторов, обусловившим так называемое «отставание» Востока от Запада. Не стоит, однако забывать, что историческая наука как инструмент идеологии или, наоборот, как максимально деидеологизированная номенклатура понятий и методов, сформировалась в оседлом мире и принять до конца видение кочевников на исторические события и процессы все еще способна. Бандитизм же явление в некотором роде нововременное и есть смысл отличать его от средневекового разбоя. В средние века разбой и грабеж были нормальным явлением во внешней сфере, но внутри государства рассматривалось как незаконное деяние. Бандитами считались лишь те, кто нарушал юридическую договоренность традиции. Только в новое время, когда наблюдается своеобразное противостояние власти, бизнеса и криминала, возникает само понятие бандитизма как универсальное, не связанное ни с какими этническими или политическими границами. И именно тогда под него, прежде всего, подпадают кочевники, но отнюдь представители иных цивилизаций.

- единое универсальное право;
- акцент в нем на поземельных отношениях;

- жесткие законы;
- ❖ максимально, насколько это необходимо, развитая пенитенциарная система;
- развитая система управления, связанная с военными и административными функциями. Она сочеталась с типичной феодально-кочевой практикой управления;
- ❖ иерархическая система государственных чиновников, дополняемая традицией передачи должности по наследству;
- переход от дуального (крылья) к триадному (центр крылья) принципу административного деления (существование нескольких столиц во главе с Верховной, что отражало концепцию «одного ствола и множества ветвей»);
- ❖ бицефализм власти: «со-правление» родов (в Ляо Елюй и Сяо);
- акцент на экономике во внешней политике на получении прибавочного продукта за счет грабежа, контрибуций, военной добычи, дани, «подарков», транзитного торгового обмена, неэквивалентной торговли;
 - особая роль дипломатии;
- формирование регулярной армии, дополняемой отрядами отдельных феодалов. В кочевых империях, пожалуй, впервые в средние века появилась постоянная армия (кидани, чжурчжэни, монголы). При Ляо она была объявлена «оплотом государства»;
- незначительная роль внутренних форм эксплуатации, в том числе рабства;
- ❖ большое развитие внешнеполитических отношений и «данничества»;
 - единое летоисчисление;
 - единая картина истории;
- синкретическая «имперская» культура, в которой «материнская» (киданьская, чжурчжэньская, монгольская) культура используется небывало активно, но искусственно, т. е. фактически осуществляется своеобразное «возрождение» «сверху», которое носит служебный характер;
- ❖ медленное складывание синкретической религиозной системы;
 - ❖ амбивалентность («двуличность») сознания;
- ❖ общегосударственная письменность и наличие «искусственного» языка и др.

Классическая модель империи, известная по истории земледельческих районов, в Степи невозможна, хотя сама по себе имперская конструкция была необходима. Естественно, что, создавая ее, кочевники делали акцент на вертикали власти, и одно это обстоятельство само по себе стимулировало превышение необходимой дозы милитаризации страны. Для кочевников милитаризм необходим уже потому, что их государство не может оттородиться от остальных «варваров» «китайскими стенами» и вынуждено постоянно держать наготове огромные армии, которые нужны и для акций против оседлых районов.

Одним из камней преткновения здесь видится уникальность кочевой цивилизации, которую до сих пор часто рассматривают через призму европоцентризма. Мало того, что европейская цивилизационная модель предельно самобытна и нельзя ее институты искать в других «мирах», в том числе и оседлых, но и сама постановка вопроса о том, могут ли кочевники создавать свое государство или нет, отдает пренебрежением к ним, укоренившимся представлением о том, что государство возможно лишь у оседлых народов, что наличие государственности а la Europa обязательный критерий развитости общества, что эволюционизм есть прямолинейное восхождение по ступенькам «наверх», что векторно развивается все органическое.

«Кочевой» империей нельзя считать любое государственное образование, в создании которого принимали участие кочевники.

Такое представление достаточно широко распространено не только в науке двух прошлых веков, но и в настоящее время. Так, например, кочевыми империями называют государства, созданные тюрками на Среднем Востоке и в Малой Азии. Скорее можно говорить о попытках кочевников контролировать те или иные оседлые области. С таким же успехом можно было бы тогда говорить о том, что древняя Русь, в развитии которой принимали активное участие выходцы из Скандинавии, является скандинавским государством.

В данном случае под «кочевой империей» понимается такое государственное образование, политические, экономические и культурные центры которого находится в степной зоне, хотя со временем в него и входят те или иные оседлые районы.

Оно есть результат не захвата, а тех внутренних процессов, которые шли именно в кочевой зоне.

Кочевой империей нельзя считать любое крупное государственное объединение, созданное непосредственно кочевниками.

Хотя в каждом государственном образовании в средние века, что у оседлых народов, что у кочевых, присутствует имперская идея, классическими кочевыми империями можно назвать державы Хунну, Ляо, Цзинь, Юань. Традиционно считается, что одним из главных признаков любой империи является обширность территории, между тем эта территория всегда ограничена географически-(море, пустыня, горы) государственными образованиями и для нее характерна этнокультурная и политико-экономическая близость входящих в нее зон. Разумеется, империя – государственное образование, выходящее за пределы узкоэтнического или традиционно-государственного пространства, но быть беспредельной она не может и возможности объединять всю цивилизационную зону никогда нет⁸, а это означает, что внутри нее может быть в определенный исторический момент только одна империя, на руинах которой впоследствии возникает новая конструкция. Как социокультурная модель империя весьма эффективна, об этом говорит длительность ее существования: государственность Хунну так или иначе просуществовала с III в. до н. э. по V в. н. э., империя Ляо (907-1125) около 200 лет, империя Цзинь (1125-1234) - чуть больше 100, империя Юань (начало XIII в. — 1368) — около полутора столетий. Одна эта хронология говорит, что кочевые государства стали возникать практически одновременно с оседлыми. В Степи новый этап наступает с конца III в. до н.э. – усиливается мобильность населения, складывается новая военная система, новая политическая ситуация, в которой основными силами становятся не скифы, саки и другие народы скифо-сибирского мира, а хунны и сарматы.

На эволюцию и длительность имперской традиции повлияла и геополитическая история Евразии. «Рубеж эр» не случайно практически во всей Евразии стал знаковой вехой. Уже в первом веке начинается так называемое Великое переселение народов (I–VII вв.), результатом которого станет окончательное складывание новой цивилизационной и этнополитической карты. Этот процесс смог решить многие геополитические и макроэкономические проблемы, вставшие перед прежним миром. Он же прервал фактически не только существование первой «кочевой империи» Хунну, но и повлиял на дальнейшую тенденцию к образованию империй у кочевников. Хунну были типичными кочевниками и в их культуре

 $^{^{8}}$ Отсюда и деление цивилизации на геополитическое «ядро» и культурную «периферию».

одновременно прослеживаются традиции скифского «звериного стиля» и более позднего тюркоязычного кочевнического мира. Империя Хунну возникла в восточной части имперской зоны и объединяла в основном тюркоязычные племена. Речь идет о Центральной Азией, под которой понимается район внутренней части азиатского материка, ограниченный горными системами Алтая (север), Тибета (юг), Памира (запад) и Хингана (восток). В цивилизационном плане под «Центральной Азией» следует понимать не просто географическое понятие, а историкокультурный феномен, один из древнейших очагов цивилизации. Обитавшие восточнее протомонгольские племена ухуань и сяньби (появились после разгрома конгломерата дунху), хотя и были кочевниками, еще не вышли на уровень имперской организации. Правда, сяньби во II в. н. э. смогли контролировать обширную территорию («на юге она доходила до границ Хань, на севере – до динлинов, на востоке – до фуюй, на западе – до усуней»), но необходимости имперской конструкции здесь не было. Если будущая «Монголия» еще не «созрела» для империи, то Центральная Азия в результате Переселения народов стала своего рода «проходным двором» и волны племен породили здесь лишь множественные кратковременные и региональные образования.

Сказался, видимо, и такой фактор, как хаотичное этнополитическое развитие Евразии в первые века н. э. В Европе наступили «темные века», когда усиливается натиск «варваров» на Римскую империю и возникают «варварские королевства». На Ближнем и Среднем Востоке положение начнет меняться лишь с возникновением Византийской империи и Сасанидского государства, которые, правда, будут находиться в достаточно жесткой конфронтации друг с другом вплоть до арабских завоеваний. В Восточной Азии после падения Ханьской империи начнется период Троецарствия (Саньго). Усилились брожения в Кочевой степи, в которые активно вмешивался и Китай. С кризисом раньше справились оседлые цивилизации.

Возможно, на судьбу кочевых империй повлияли и природные циклы, по крайней мере, любопытен сам факт практически тысячелетнего перерыва между двумя крупнейшими и влиятельными имперскими образованиями — Хунну на западе и Ляо на востоке. Сказался и такой региональный фактор, как постепенное усиление монгольских и маньчжурских племен. Монголия выходит на уровень империи и это сказалось непосредственно на судьбе Ляо и Цзинь.

«Кочевая империя» – восточноазиатский феномен.

Она не могла появиться в других районах Евразии. В классическом виде империи существуют на обоих полюсах Евразии – в Европе и Китае. В обоих случаях при всех естественных различиях проглядывается общая конструкция — центральная территория, где впервые появляется «истина» (Римская империя, Хань), и «варварская» периферия, постепенно принимающая цивилизационную парадигму. Естественно, что «варвары» вместе с «мировой» религией перенимают и идею «империи». Нужно учитывать, что Европа с «чистыми» кочевниками имела дело только изредка (скифы в древнегреческой истории, гунны, монголы) и вблизи нее не было возможности вести классическое кочевое хозяйство. Европейцы были знакомы преимущественно с номадами, т. е. людьми, которые вели присваивающее хозяйство. По этой причине «translatio imperii romanorum» («возрождение римской империи») происходило здесь после гибели Западной Римской империи и было в той или иной мере воспроизведением классической модели, на Дальнем же Востоке «translatio imperii sinicorum» («возрождение китайской империи») проходило при «живой» китайской империи, на Западе внутри оседлого мира, а здесь — за его пределами. Западные кидани вообще понесут эту идею в кочевой тюркский мир. Си Ляо – фактически еще одна трансляция. Вдобавок на территории кочевников была особая экономическая и этническая ситуация, где «классическая» империя просто не могла существовать.

На основной части Азии (от Гималаев до Средиземного моря) сложилась «кустовая» система халифата, когда различные культуры (сирийская, коптская, иранская, североафриканская и др.) располагались скорее «по горизонтали», чем «по вертикали». Кочевники здесь представлены в основном тюрками, которые фактически находились на стадии формирования ранних военных государств в отличие от «арабов», у которых халифат представлял собой форму монархической теократии. Основной тенденцией здесь является не столько создание своих собственных государств в кочевой зоне, сколько проникновение в оседлые районы.

Кочевая империя как восточноазиатский феномен появляется на таком этапе развития кочевой цивилизации, когда она, впрочем, как и другие евразийские «миры», достигла предела своего внутреннего развития. Все земли были поделены, а рост населения принял характер демографического взрыва. Максимально освоены и степные районы, даже места и пути дальних перекочевок контролировались и осваивались кем-нибудь. А. Кордье некогда гру-

стно заметил: «Приходится признать, что этот период истории Китая имеет лишь посредственный интерес. Эти вожди, которые жаждали императорского титула, не имея на него других прав, кроме захвата земель у своих соседей, движимые только гордостью, выгодой и боевой доблестью, без общей идеи; люди грубые, невоспитанные, суеверные, не боящиеся ничего, кроме колдовства и волшебства, напоминают баронов нашего феодализма, настоящих хищников, выслеживавших жертву, чтобы броситься на нее в удобный момент, грабивших города и деревни ради добычи, которую они накапливали в своих замках. Ни одной общественной идеи, ни одной моральной, ничего благородного, только грубая сила была средством их действий, а грабеж и убийство — целью. А если они и воздерживались от жестокостей, то не под влиянием истинных религиозных чувств, но из страха перед сверхъестественными силами, которых они не понимали, но воздействия коих весьма опасались».

Этот период займет, как в Восточной Азии, так и в Европе, около 300 лет. Начало II тыс. – противостояние различных миров, в том числе и кочевников, и оседлых народов. Цивилизации достигают апогея своего развития, их парадигмы складываются окончательно и соответственно обостряется и культурное противостояние «миров». Активизируется информационное давление цивилизаций друг на друга (интервенция исламской культуры в Европу, проникновение католиков в славянские земли, миссионерское движение, появление энциклопедических трудов о Востоке Г. Рубрука, П. Карпини, М. Поло, формирование кочевых государств с опорой на китайскую модель). Можно сказать, что начинается период «религиозных войн» (примерно XI-XV вв.). «Миры» не могут больше распространять свои «истины» так, как это некогда делали апостолы, проповедью, и происходит широкое распространение миссионерского движения. Миссионеры должны не столько знакомить с «истиной» представителей других цивилизаций, сколько бороться с чужими идеями. Идеи «евангелия» («благой вести») и «джихада» становятся идеологическим обоснованием территориальной экспансии. «Религиозные войны» (Крестовые походы, Реконкиста, исполнение воли Неба Чингисханом) как никогда беспощадны и фанатичны.

Это было время, когда во всех цивилизациях достаточно четко оформляются геополитические «ядра», ибо остро начинает ощущаться нехватка земель и растет количество междоусобиц, усиливается милитаризация общества и «миры» начинают активно использовать внешнеполитическую экспансию с целью решения,

прежде всего, этих внутренних проблем. Активизируется информационное давление цивилизаций друг на друга (интервенция исламской культуры в Европу, проникновение католиков в славянские земли, миссионерское движение, появление энциклопедических трудов о Востоке Г. Рубрука, П. Карпини, М. Поло, формирование кочевых государств с опорой на китайскую модель). Практика набегов, получения дани и «подарков», «прибивания щитов к вратам Царьграда» сменяется на планомерный захват земель (Крестовые походы, «натиск на восток», Реконкиста, завоевание Англии, экспансия киданей, чжурчжэней и монголов). Начинается, по сути, эра завоеваний-переселений. Это и есть время существования классических евразийских империй.

Зона обитания восточноазиатских кочевников фактически выделяется в глубокой древности как особая фронтирная территория взаимодействия и конвергенции восточноазиатской и кочевой цивилизаций.

Об этом говорят многие китайские тексты. Достаточно сослаться на «Цидань го чжи», которая в основу историософии помимо прочих кладет и географический фактор, утверждая, что «климатические и природные условия отделили юг от севера». В то же время эта территория по своим географическим характеристикам и образу жизни людей отделяется и от территории Восточной Сибири. Китайские исторические и географические тексты, начиная с глубокой древности, описывают ее как территорию «варваров» и подробно рассказывают об образовании различных химерических союзов, «инородческих» по происхождению и этническому составу, но стремящихся оспорить «срединное положение» Китая. Именно здесь создавались все классические кочевые империи.

В хозяйственно-экономическом отношении эта территория может быть отнесена к так называемым маргинальным районам, где возможны оба неразрывно связанных с историей кочевых обществ процесса — седентаризации и номадизации. В источниках говорится и о широком распространении земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел и особо важной роли скотоводства. С глубокой древности это была зона контактов различных цивилизационных потоков. В этом плане ее можно рассматривать как историко-культурный феномен, один из древнейших очагов цивилизации. Если в оседлых районах объединялись культуры, опиравшиеся на древние письменные традиции, то здесь происходило объединение бесписьменных культур, опиравшихся, прежде всего, на устные традиции.

Зона состояла из двух тесно связанных друг с другом территорий, занятых тюркскими и монгольскими племенами, и распола-

гавшихся от Трансоксании на западе до российского Приморья на востоке. Это была зона необычайно активного этнического смешения, поэтому — то проблемы происхождения восточноазиатских народов трудно решать до сих пор. Естественно, что она стала и «перекрестьем религий», т. е. зоной религиозного синкретизма. Здесь сосуществовали и причудливо переплетались элементы самых различных религиозных верований (несторианство, буддизм Махаяны, манихейство, тенгриизм, конфуцианство, ислам) и этот информационно — культурный хаос был одним из наиболее важных факторов, затруднявших складывание здесь долговременной государственности.

Формирование этой зоны прошло несколько этапов. Еще в «древности» здесь наблюдаются такие естественные процессы, как демографический рост, усложнение социальной структуры и трансформация этнических массивов из союза кровно-родственных объединений в этно-политические конгломераты. Помимо стремительной конвергенции множества субкультур отдельных родов и присоединенных племен начинается достаточно осознанный процесс искусственного строительства новых культур с ориентацией на китайский образец. Однако в результате появляется два серьезных фактора, которые вступают во взаимное противоречие внутри самой зоны. Во-первых, в новой социально-политической ситуации встретились и вынуждены были вести совместную жизнь разделенные ранее в соответствии с природно-климатической дихотомией северной и южной половин Китая носители разных культур – оседлой и кочевой. Во-вторых, усиливается синизация социальных верхов кочевых обществ. Естественным следствием этого является то, что традиционные ценности и формы культуры отходят на задний план и в текстах того времени практически не отражаются. «Ученая» культура ориентируется на строительство нового «мира» и подавляющее большинство населения формирующихся государств становится «безмолвствующим». К тому же в этой фронтирной зоне незавершенность перехода от концепций, связанных с военным и политическим преобладанием над окружающим миром, к имперскому миропониманию значительно ослабляла племенное сообщество не столько перед лицом китайской опасности, сколько опасности со стороны кочевого мира.

Определенную роль в складывании «жизненного пространства» кочевых империй сыграла политика китайских империй. Некоторые кочевые народы (начиная, как минимум, с хунну) уже в последние века до нашей эры устанавливали с Китаем постоянные

контакты и получали оттуда такие продукты земледельческого производства и ремесла, как зерно, ткани, лаковые изделия и пр. Взамен Китай получал своего рода буферную зону из «мирных» варваров (такие зоны есть у всех евразийских «миров») и этническое лицо ее постепенно стали представлять не какие-то отдельные роды и племена, а формирующиеся путем смешивания, подчас искусственного, новые этносы как конгломераты племен. Так появляются хунну, кидани, монголы. Большинство этих племен (сяньби, хунну, цяны, ди, динлины), имели политические и культурные контакты с китайцами еще в эпоху империй Цинь и Хань, но в миграционный поток были вовлечены и другие этнические группы, ранее не имевшие прямых контактов с китайским населением. Для Китая основной целью таких мероприятий было использование их для защиты приграничных областей от нападений извне.

Таким образом, создавалась этногенетическая основа для имперского населения в будущем. Нужно учитывать и то, что пришельцы активно постигали культурный и политический опыт китайских империй. В Европе классические империи (Каролингская, Священная Римская) тоже возникли в некогда буферной зоне, где впоследствии активно шла «христианизация». Здесь же активно распространялись китайская культура и конфуцианство и, можно сказать, существовала «школа по созданию империй», где у китайских учителей были весьма прилежные ученики.

Особую роль в оформлении зоны сыграли три великих империи — киданьская, чжурчжэньская и монгольская, которые насколько это было возможным нивелировали культурнорелигиозные различия оседлых и кочевых народов.

Это было время складывания уникальной в истории Восточной Азии ситуации «ди го» — двоецарствия. По «Сун шу», «Срединная столица утратила единовластие» (цз. 95), тогда как одной из базовых идей китайской идеологии было: «На небе нет двух солнц, на земле нет двух правителей».

Рядом с древним, исконно китайским «миром», складывается новый. Первый киданьский император Елюй Абаоцзи «объединил все тридцать шесть иноземных народов». В этом районе сложилась аналогичная китайской модель «цивилизация — варвары», где в качестве культурного центра выступала именно новая империя. Она создала свой «мир», став «коренным государством» («бень-го») для своих соседей и заняла особое место в восточноазиатском метарегионе, ибо постепенно кидани начали строить свой «мир» как

«тянься» («поднебесный»), занимающий срединное, т. е. универсальное, связующее положение в общей трехчастной схеме миропорядка — «сань цай» (Небо, Человек, Земля), и пытались играть роль «чжунго» («срединного государства») вместо Китая для остальных кочевых народов как четырехчастной периферии («сы и») и даже в идеале всей ойкумены. Империя киданей стала своеобразным «наконечником копья», которое нацелила кочевая цивилизация в самое сердце Китая.

Можно сказать, что начиная с киданей, начинается формирование «северного» варианта «империи», что найдет то или иное воплощение в империях Ляо, Цзинь, Юань и Цин. В итоге «историческими народами», т. е. народами, творящими историю, наравне с китайцами станут и северные народы (кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры). И в итоге можно говорить о том, что кочевые империи занимали определенное место в истории противостояния двух тенденций «мироустроения» — кочевой и оседлой («южный» вариант): Ляо (Железная империя) — Цзинь (Золотая) — Юань (Небесная) – Цин (Чистая); Суй – Тан – Сун – Южная Сун — Мин. «Цветная» линия полукочевых государственных образований находилась в перманентном конфликте с созвездием оседлых государств, делавших акцент на постоянном возвращении к «древним» традициям и паттернам. Со времени начала «осевого» цикла это был уже второй этап противостояния двух общественноэкономических систем. Первый связан был с постепенным вытеснением индоевропейских номадов из зоны контактов с оседлыми народами, второй – тюркоязычных народов. Можно сказать, что этот этап, когда на авансцену выходит конгломерат монголоязычных и тунгусо-маньчжурских народов, начинается именно с киданей. Закончится он разделом Россией и Китаем Центральной Азии на соответствующие сферы влияния в XVIII в.

В период существования государств киданей, чжурчжэней и кара-китаев медленно шла интеграция различных племенных объединений и окончательное оформление зоны, что, по сути, стало первой стадией вычленения будущей «Монголии». Еще в период Ляо (X-XII вв.) происходило дисперсное расселение киданей и подчиненных им племен на территорию Центральной и Средней Азии, где проживало обширное тюркоязычное и ираноязычное население. Обоснованным кажется вывод о том, что «период господства киданей в Центральной Азии способствовал сближению оставшихся там тюркских племен с монгольскими и подготовил почву для формирования этих разнообразных племен в единую

народность». К XIII в. в сознании современников и появилось представление о двух «Китаях». Второй частью этой зоны станет Восточный Туркестан, который, начиная с глубокой древности, был зоной контактов различных цивилизационных потоков.

«Кочевые империи» Ляо, Си Ляо и Цзинь, объединяя контактную зону, стали своеобразным буфером между кочевыми и оседлыми народами. Неудивительно, что они проводили двойственную и «неискреннюю» политику с точки зрения обоих сторон.

Стоит обратить внимание и на то, что расцвет кочевых и оседлых империй происходит в одно и то же время, а именно в X-XIII вв. (Священная Римская империя в Европе, Македонская династия в Византии, империя Маджапахит на Яве Сунская империя в Китае, кочевые империи Ляо, Цзинь, Юань). Уже поэтому их роль в истории явно не меньше, чем классических империй в оседлой зоне.

Период существования этих государств выделяется как особый и иногда именуется «предмонгольским» в широком смысле этого слова. Действительно, есть основание в особом сгущении кросскультурных контактов увидеть прежде всего специфический этап развития евразийского сообщества народов в целом. Территория «цидань» начинает превращаться в «Монголию» и здесь формируется ряд ранних монгольско-тюркских государств. Именно тогда кидани стали рассматриваться как инициаторы последовательного захвата кочевниками Китая, проложившие дорогу чжурчженям, монголам, а впоследствии и маньчжурам. Киданьскому обществу фактически окончательно присваивается статус милитаристского. В XX в. своеобразным итогом этого станет концепция «степных», «завоевательных» или «кочевых» империй, одной из которых, разумеется, будет считаться киданьская.

На рубеже тысячелетий, который все «миры» не случайно воспринимали как знаковую веху в своей собственной и всемирной истории, закончилось образование евразийских цивилизаций («миров») по широте и сложился окончательно так называемый «пояс цивилизаций» от Атлантики до Тихого океана. Оформились «миры», которые условно можно назвать «материнскими» (христианский, мусульманский, буддийский, конфуцианский), оформлялись они с помощью идеологической экспансии, путем распространения «истины» («идите и несите всей твари на земле истину»). Но средневековые цивилизации — это комплексные конструкции, в рамках их зарождения и эволюции обязательно идут два процесса, — складывание не только общецивилизационной

парадигмы на основе «мировой религии», но и оформление геополитической конструкции в форме «империи». Первоначальное распространение шло по освоенным ранее в рамках первых протомиров — «оазисов» пригодным землям за счет их объединения. Эти «материнские цивилизации» условно могут быть названы аграрными, ибо в них на первый план выходит земля как сфера применения земледелия.

Когда эти земли были освоены и возможности аграрного варианта развития фактически исчерпаны, складывается ситуация всестороннего общественного кризиса, из которого все «миры» пытаются выйти прежде всего традиционными путями — внутренним переделом владений и усилением внешней экспансии, идущей под религиозными лозунгами.

Вместо присущей «материнским» цивилизациям дихотомии «запад – восток» начинает оформляться дихотомия «север – юг». Расширение за счет соседних «миров» было практически невозможно, что показали конфликты между этими территориями (Крестовые походы, «Натиск на Восток», Реконкиста) и цивилизации идут в наступление на прежние «варварские» территории. Однако у «варваров» тоже фактически были исчерпаны прежние ресурсы развития, и они также нуждались в расширении своей зоны обитания. Ситуация перенаселения здесь обострялась в силу сохранения доцивилизационной комплексной экономики, где в комплексе сочетались различные отрасли хозяйства. Война являлась обязательной составляющей этого комплекса. Усиливают натиск на юг викинги, славяне, тюрки. Особенно сложное, по сути, критическое положение сложилось в зоне кочевой цивилизации, контакты которой с оседлыми «мирами» минимизируются, ибо те все больше пользуются результатами торговых обменов друг с другом и технического развития.

В результате оформляется взаимодействие всех цивилизационных зон по меридиональному варианту. Китай оттеснен со своих западных территорий (Средняя и Центральная Азия), увяз в борьбе с потомками хунну и дунху и практически спрятался за Великую стену. Европейская восточная экспансия была остановлена еще в римские времена, когда продвижение империи было блокировано в Месопотамии и на первый план выходят «галльские войны». Мощный прорыв был сделан первоначальным исламом в рамках Омейядского халифата, но мусульманский «мир», объединенный Багдадским халифатом, вплотную столкнулся с тюркской экспансией.

Именно в этой зоне сформировался образ кочевника — разрушителя и представление об особом менталитете и неуемном

воинственном духе кочевников, их пассионарности. Впоследствии образ кочевника как разрушителя культурных ценностей, делающего акцент в своей культуре не на «общечеловеческих» ценностях, а почти исключительно на культе силы, использовался и во вполне корыстных целях.

Усиление милитаризации общества, на самом деле, происходит не только у кочевников, но и в оседлых «мирах». Это связано, прежде всего, с тем, что все «миры» (цивилизации) в первой половине второго тысячелетия встали перед необходимостью бифуркации как скачка в иное политическое, социальное, экономическое и культурное состояние. И этот скачок будет происходить, но кочевники не могли это сделать, ибо достигли естественного предела своей цивилизации. Это был пик развития кочевой организации, максимум того, что она могла достигнуть. Ярким признаком этого является то, что кочевники переживают, как и все другие миры, недостаток территории (дальше нет возможности расширяться и начинается «война миров») и начинают включать в свои крупные государственные образования оседлые земли. Если раньше они использовали такие методы, как набеги, вымогание подарков, то сейчас они используют внешние войны как способы решения внутренних проблем, которые иначе уже не решаются.

Все известные империи свои силы бросали на решение различных внутренних проблем, которые порождает это сложное сочетание, ибо «корневое» значение и назначение термина «империя» — регулирование различных процессов.

Как любая империя, кочевая имеет свои исторические границы.

Она начинает сходить со сцены примерно в то же время, что и классические империи. Следовательно, здесь надо видеть не только региональные факторы, способствовавшие этому, но и причины общие для всей Евразии.

Можно смело предполагать, что причины падения любой кочевой империи связана со спецификой ее развития как имперского государства, а это значит, что надо видеть совокупность факторов.

Поскольку имперская система у кочевников есть непрерывный, сложный и противоречивый процесс трансформации родоплеменной системы, в ней самой изначально заложены возможность, опасность и даже неизбежность ее гибели. Это связано, во-первых, с тем, что входящие в империю отдельные районы получают небывалые доселе возможности роста и расцвета. Они исторически гораздо быстрее переходят на новый уровень развития, скажем, из

племен становятся народностями, из народностей народами. Им не надо тратить силы, людские ресурсы и средства на оборону, на развитие самодостаточной, а, значит, и автаркизованной, замкнутой экономики. Во-вторых, процесс трансформации подразумевает ломку прежних этнических, политических, социальных, экономических структур и определенное культурное «столпотворение». В целом и итоге это означает, что империя становится уязвимой, колоссом на глиняных ногах и достаточно случайного, не очень сильного толчка, чтобы она распалась.

Китайские авторы традиционно рассматривали историю в категориях «расцвета и упадка» (шэн-шуай) империй. Западные и отечественные исследователи это тоже часто признают «внутренней логикой китайской истории». Невольно вспоминается и концепция Ибн-Хальдуна (1332–1406), в соответствии с которой кочевники создают асабийю (систему родственных групп с общими интересами, захватывают земледельцев, и эта асабийя становится «ксенократическим» государством (государством чужих), которое существует 3-4 поколения (около 120 лет). Первое поколение — захватчики, второе живет в цивилизации, т. е. в изнеженности и роскоши. Затем асабийя раскалывается, проявляется сепаратизм и в конечном итоге достается «держава не тем, кто ее создавал, а слава — не тем, кто ее добывал». Уже здесь проявляется такой деструктивный процесс, как «перепроизводство политической элиты» (рост в клане лидера числа претендующих на участие во власти). В третьем поколении увеличивается тяга к роскоши и начинается энтропия власти «пока не пропадет, подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

Этих причин недостаточно для падения государства, но для ослабления вполне достаточно. Реальная военная мощь все же будет существовать.

Решающую роль сыграют внешние факторы. Это, прежде всего, такой региональный фактор, как постепенное усиление монгольских и маньчжурских племен. Монголия выходит на уровень империи и это сказалось непосредственно на судьбе Ляо и Цзинь. Но еще важнее был евразийский фактор, когда оседлые цивилизации должны были выйти на иной уровень развития. Кочевой мир как цивилизация должен был исчезнуть и спасти его было уже невозможно. Оставалась только безумная попытка сделать шаг назад и «отомстить» оседлым народам, что и сделал Чингис и тем самым окончательно погубил кочевую Степь. «Движения народов под предводительством Чингисхана и Тамерлана... все растаптывали,

а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет жизненного начала». XIII век вообще стал несчастливым и для кочевников, которых «монгольский буран» разметал по земле.

Момент был удачным, удар сильным, но одного военного удара оказалось мало. «Сила» уступила «слову», и кочевники стали отходить под натиском оседлых миров, территории их обитания стали превращаться в резервации. Это было вполне логично. Если развитая земледельческая территория пытается зону номадной или кочевой экономики сделать своей периферией («колонией»), то кочевые империи делают наоборот. Обе зоны нуждаются друг в друге. Перспектива за оседлым вариантом, ибо кочевой вариант запрограммирован на хозяйственную экспансию и здесь не может быть перехода на торгово-промышленный и научно-технический вариант, который станет доминирующим на планете во второй половине второго тысячелетия.

И все же необходимость существования кочевой скотоводческой экономики сохранялась, ибо еще оставались массы пригодных лишь для нее земель и массы людей, задействованных в ней, но оседлый мир перешел в наступление, активно используя огнестрельное оружие, мировые религии, нетипичные формы идеологии. Кочевники не нужны уже оседлым обществам в той мере, что раньше. У жителей оседлых районов снижается потребность в кочевых продуктах. Налаживаются свои коммуникации, расширяется торговля по океану. Необходимые продукты и рынки сбыта можно было найти в любой точке планеты. В оседлых обществах идет сложная работа с собственной системой ценностей в целях их приспособления к новым реалиям, меняется отношение к христианству и исламу (уходят средневековые варианты этих религий). У кочевников отношение к своей религии и прочим мировым религиям измениться не может в принципе — протестантизм не для них.

Сами же кочевники изменились, как и американские индейцы, они неумолимо опускались на самый низ социальной лестницы. Их деградации способствовало и то, что в зоны их проживания начинают активно проникать представители оседлых обществ, но уже не с целью налаживания контактов с ними и помощи в развитии ремесел и торговли, а прежде всего наживы. Это характерно для всех цивилизаций, но особенно для европейцев, причем, обыкновенно первыми носителями «цивилизации» являются не лучшие, а скорее худшие ее элементы. Это хорошо известно на

примере «культуртрегерской» деятельности англичан в южной Африке, однако постепенно такие люди появляются и в центре Азии. Эта парацивилизация деформирует кочевые ценности сильнее христианства или иной идеологии. Губительное действие, несомненно, оказывают спирт, сифилис, оспа, дизентерия и другие болезни, а также истребительные войны с белыми, вооруженными усовершенствованным оружием. Кочевники не в состоянии вести масштабные войны с оседлыми мирами и оказались способны лишь на партизанскую войну (афганские войны с англичанами, русскими, американцами).

Однако именно по этим, поздним кочевникам, исследователи часто судили об уровне развития кочевников средневековых. Это можно признать одной из методологических ошибок, хотя все еще практически господствующей не только в специальной литературе, но и в сознании людей. Действительно, кочевники последних четырех веков не строили городов, не владели металлообработкой, не знали рынка и денег и занимались земледелием лишь в наиболее простых и примитивных формах, т. е. занимались, так сказать, чистым скотоводством. Уровень материальной культуры классических кочевников был, по меньшей мере, качественно сопоставим с уровнем современных им «классических» цивилизаций Запада и Востока.

Исчезновение кочевых империй и конец «господства варваров» для оседлого восточноазиатского мира будет означать конец «средневековья». Такое восприятие появится уже в эпоху Мин, когда патриотически настроенные китайские историки будут считать, что именно национально-освободительная борьба привела к разгрому «варваров». Окончательно этот подход возобладает в республиканском Китае.

Кочевники больше нуждаются в продуктах земледелия, чем оседлые народы в продуктах кочевого хозяйства. Поэтому оседлые страны стараются отгородиться «китайскими стенами» и «римскими валами» и тем самым свести контакты на уровень лишь торговых. Только в классическое средневековье, когда наблюдается дефицит земли, начинается наступление не только на соседние миры, но и на свою собственную периферию. В Европе это будет проходить в форме борьбы с «язычеством» и «варварством», начнется «Возрождение» как отрицание «варварства» и «средневековья». Новая цивилизация начнет разрабатывать новую культурную парадигму, связанную с переосмыслением идей Христа и активным использованием греко-римской культуры с акцентом на законе и индивидуализме. Начнется период «модернизации».

В Восточной Азии сложилась другая ситуация. Здесь налицо цивилизационная какофония за счет сосуществования треножника государств, сначала Сун, Ляо и Ся, а потом Цзинь, Южная Сун и Ся. В этой ситуации информационного хаоса монголы предложили киданьский вариант новой династии. Однако в этой монгольской династии был излишний акцент на внешнеполитической экспансии. Непротиворечивый синтез Великой Степи и Китая был к тому же невозможен. Это были самостоятельные и различные цивилизации с различными историческими, культурными и политическими традициями. Завоевания монголов привели к борьбе миров.

В Цинской империи отношение к кочевым империям было более сложным. Им оказался необходим их опыт, но не экономики, а именно политического строительства. Кочевая цивилизация уже умерла, и бывшие кочевники находились на более высокой стадии привязанности к оседлым районам, да и самой новой империи в экономическом плане прежние кочевые территории нужны для поддержки земледелия, расселения излишков населения. Именно по этой причине опыт кочевых империй долго еще высоко котировался среди ранних маньчжур.

Можно выделить три стадии развития кочевой империи. На первой осуществлялась этнополитическая организация пространства. Идет процесс налаживания этнических и политических связей. Собственно, социокультурное оформление начинается уже на следующей стадии. Земледельческие области долго были оазисами среди тайги, болот, степей и гор, но постепенно создалась такая ситуация, когда уже кочевые районы оказались замкнутым пространством. Но степи бескрайни, всегда текут как реки среди гор и долин и скотоводство требует постоянной динамики и широкого пространства, ибо земля быстро истощается, а ее культивировать искусственно невозможно. Это приводит к осложнению отношений кочевников и оседлых жителей, а в итоге и к третьей стадии, когда кочевники пытаются выйти за пределы тех загонов, в которых оказались. «Китайские стены» как плотины не давали течь степным «рекам».

Эти три стадии развития кочевой империи представлены в Восточной Азии хуннусской, киданьской, чжурчжэньской и монгольской империями. Это именно три стадии, а не три варианта империй. Нельзя сополагать их как варианты, добавляя сюда еще и иные кочевые государственные образования, ведь время существования даже последних трех государств почти пятьсот лет. Стремле-

ние рассматривать этатические конструкции в статике простительна для социологии, но в истории просто нетерпима.

Именно история киданьского государства как типичной кочевой империей в определенном смысле есть апогей развития кочевой традиции на востоке Азии, когда бывшие кочевники максимально отказываются от тактики набегов и грабежей и пытаются построить свой «мир», но эта модель принципиально будет отличаться от китайской или римской именно тем, что здесь в качестве периферии выступают не номады или кочевники только, но и оседлые китайцы. Этот опыт киданей в той или иной мере будет изучаться всеми последующими завоевателями Китая, но там этнополитическая ситуация будет отличаться от киданьской. Ляо своего рода идеальное государство и ей подражали, но безуспешно, ибо консенсус с оседлыми мирами уже недостижим. Если кидани начинали создавать баланс кочевых и оседлых районов, лавируя между ними, то чжурчжэни и монголы в большей степени склонялись к их иерархии и в результате в «угнетении» оказывались, прежде всего, оседлые народы. Ляо смогло просуществовать более двух столетий, что само по себе стало рекордом в истории Восточной Азии. Развивавшие этот алгоритм чжурчжэни продержались столетие с небольшим, монголы фактически и того менее.

Империя как форма организации пространства с переходом на индустриальный уровень уступает место национальному государству. Раньше всего это произошло в Европе, на востоке Азии задержалось по разного рода причинам до XX в. Попытки «брачного союза» кочевых и оседлых районов в рамках кочевых империй оказались бесполезны, настолько разными были не только экономические ситуации в двух мирах, но и их культура.

Но существование кочевой цивилизации имело и свои последствия — ее «дети» «поженились» с «детьми» оседлых обществ. Там, где этот «брак» не был мезальянсом, можно говорить об особенно удачных феноменах — Турции, России, Китае, Казахстане. Именно эти государства максимально полно использовали опыт общения с кочевниками. Разумеется, были и другие феномены — США, Япония, а, значит, надо говорить о многовариантности развития человечества.

4. Империя Ляо (907–1125) как классическая кочевая империя

Кидани занимали особое место в истории центральноазиатского региона и сыграли значительную роль в бурных событиях предмонгольского периода, оказав огромное влияние на развитие культуры дальневосточной ойкумены. Киданьские племена не только объединились в рамках самой могущественной державы Восточной Азии того времени и «заставили мир дрожать», но и, используя достижения китайцев и покоренных народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира.

История Ляо особенно ярко демонстрирует то, что «империи» являются особым вариантом цивилизационного геополитического «ядра» и есть не просто форма государства, а особая его стадия. Прежде всего, надо отметить, что период, в который укладывается история Ляо, – особый в истории Евразии, занявший почти тысячелетие (приблизительно 500 г. н. э. – XIV-XV вв.) и имеющий целый ряд особенностей. Это период т. наз. «поздних кочевников» и бурного развития различных евразийских оседлых цивилизаций. К началу его мы можем говорить о некотором «затухании» жизни. Целый ряд исследователей (Э. Поньон, М. Блок, П. Шонье, Р. Дион, Ш. Игуне и др.) подчеркивают «низкий старт» этой эпохи и, действительно, создается такое впечатление, что «темные века» (dark ages) были не только в культуре. Для всей Евразии так или иначе характерен переход к экономике, в которой земледелие было основой или играло весьма заметную роль. Стремительно уходил в прошлое период, для которого было характерно «много деревьев и мало людей». Начинается расчистка целинных и заброшенных земель. Широкое распространение получают «мировые религии» как религии метарегиона («мира»). Медленно, но неуклонно растет численность населения. Из этого факта Пьер Шонье даже сделал вывод о том, что цивилизация прогрессирует именно в связи с этим фактором.

Период X—XII вв. тоже занимает особое место в истории Евразии. Практически все регионы этого полицентричного мира вышли на новый виток своего развития. К началу II тыс. н. э. все пригодные для земледелия и скотоводства территории были поделены и стала ощущаться острая нехватка земли. Ценность ее резко повышается. Она либо становится основным видом богатства (Европа), либо роль ее и связанного с ней земледелия резко повышает-

ся (Византия, Дальний Восток, Южная Азия). Происходит существенный рост населения, близкий к демографическому взрыву. Образуются региональные центры (Дальний Восток, Индия, арабский халифат, Русь, Византия, Западная Европа). Наряду с ростом значения земледелия повышается роль войны как средства решения широкого комплекса политических, социальных, экономических, демографических, религиозно-идеологических проблем. В отдельных районах начинает играть более заметную роль городская экономика, основой развития которой пока являются только торговля и отдельные ремесла, как правило, обслуживающие торговлю. Земледелие и городская экономика не в состоянии были стать эффективными средствами решения этих проблем. Отсюда резко повышается потребность в государстве как регуляторе отношений различных этносов, пестрых социальных групп, экономических укладов, культур и языков. Государство же начинает играть роль организатора широкой внешней экспансии как традиционного для феодально-аграрной экономики метода приведения в соответствие ресурсов и потребностей.

На Западе начинаются межрегиональные файды (войны графств, герцогств и королевств), усиливается противостояние светской и духовной властей (борьба за инвеституру, иконоборческое движение), организуются завоевательные походы (образование Священной Римской империи в 962 г. с ее расширением в сторону «итальянского коридора», ведущего в Левант, Реконкиста, Крестовые походы, натиск на славян, завоевание Англии, походы викингов). На Востоке образуются достаточно долговечные и могущественные империи (Сунская империя, усиление домов Фудзивара, Тайра и Минамото в Японии, Аббасидский халифат, Фатимидское государство).

Изменения происходили и в кочевом мире. Указанные выше процессы отмечаются и здесь. К тому же они совпадают со сложными природно-климатическими процессами в Степи, неблагоприятным воздействием космических процессов. Процессы государствообразования значительно усиливаются (Сельджукиды, Газневиды, Караханиды, уйгурские государства, Западное Ся). У кочевников, как и в оседлом мире, наблюдается процесс развития государства в форме империи. Здесь и кроется существенная причина слабости как оседлых, так и кочевых империй. Это — государства молодые, медленно эволюционирующие от оборонительнонаступательных союзов к территориально-бюрократическому государству. Кроме того, входящие в их состав земледельческие и

скотоводческие земли еще не настолько нуждаются друг в друге, чтобы создалась экономическая основа для государства. Отсюда и политическая нестабильность, поиски добычи для восполнения запасов.

Империя Ляо, созданная киданями, на фоне указанных событий и процессов, представляет собой закономерное звено в цепочке государств-империй того времени. Практически с самого начала она складывалась как полиэтническое образование. Уже сам факт установления господства киданей над соседними кочевыми и оседлыми народами неизбежно приводил к сложной этнополитической ситуации. Переход под их власть исконно ханьских районов заставлял ляоских правителей формировать и совершенствовать особую политику взаимоотношений с внутренними и внешними, чужими племенами и народностями. История этого государства ярко демонстрирует модель развития типичной кочевой империи. Все сказанное находит достаточно полное освещение в письменных источниках киданьско-ляоского происхождения и в текстах, созданных представителями других народов.

Хотя идея «империи» формировалась параллельно в двух великих государствах древности — Римском и Китайском, совокупная модель вряд ли будет полна и исчерпывающа без учета тех особенностей, которые складывались на определенном историческом этапе и в других государствах, в том числе и кочевых. Империя киданей вполне может быть использована в качестве примера, ибо является типичной кочевой империей и ее развитие отражает те закономерности, которые прослеживаются и в других империях, особенно современных ей. В то же время мы можем говорить об уникальном в средневековой истории не только Востока, но и всего мира, одновременном существовании в рамках одного государственного образования двух различных хозяйственных укладов — кочевых скотоводов и оседлых земледельцев.

Возникновение киданьской империи выглядит «случайным», но определялось совокупно целым комплексом внутренних и внешних факторов. Сказалась достаточно благоприятная для расширения сферы обитания экологическая ситуация с необходимым набором природно-климатических и почвенных условий. Об этом важном для кочевников факторе в свое время много говорил Л. Н. Гумилев.

На территории обитания киданьских и родственных им племен, или зависимых от них, происходит существенный рост населения. Его нельзя назвать демографическим взрывом, но

соотношение численности населения и источников потребления стало конфликтным. Этот мальтузианский закон проявился достаточно четко. Территория же обитания оказалась ограниченной. В традиционном обществе в таких случаях выручали либо «исход», т. е. переселение на другую территорию, либо обширная внешняя экспансия. Первое было абсолютно невозможно, ибо кидани оказались стиснуты между двумя мирами — скотоводческо-кочевыми племенами Северной Монголии и Южной Сибири и собственно Китаем. Налицо ситуация «слоеного пирога», где киданям досталась опасная участь быть «вкусной начинкой».

Отсюда неизбежно было развитие киданьского общества не вширь, а вглубь. Здесь можно наблюдать ситуацию, подобную той, что существовала на территории средневекового и нововременного Запада. Образование государств и наций там связано с определенными древнейшими очагами культуры: Италия, Греция, Галлия, Германия. Территория, контролировавшаяся киданями, фактически тоже находилась в такой зоне. Именно в ней издавна заметна тенденция к образованию сложных культурно-хозяйственных организмов (тюрки, уйгуры, кидани, чжурчжэни, монголы, современная Монголия). Киданьское государство, таким образом, есть закономерное звено в этой цепочке.

В состав этой Кидании неизбежно должны были войти земледельческие области, ибо единственной основой потенциального государства кочевое скотоводство стать не могло. Присоединение земледельческих территорий (Янь, Бохай) было вполне возможно в условиях явного ослабления китайского и бохайского государств. Пала танская династия и начался период «Пяти династий и десяти царств». Кидани блестяще реализовали представившуюся возможность. В 907 г. Елюй Апоки приходит к власти, в 916 г. объявляет себя императором. В 20-е гт. Х в. присоединяется бохайская территория Дунданьго, к середине века захвачены окончательно т. наз. «шестнадцать префектур» Янь с центром в совр. Пекине. Этих земель вполне хватило для поддержки буксующей кочевой экономики. Недостающее кидани добывали уже другими путями.

Можно предположить, что определенную роль в возникновении государства киданей сыграла и поддержка Китая. Звучит подобное утверждение странно, но лишь на первый взгляд. На самом деле все империи, как правило, создавали в средние века буферный пояс из полузависимых от нее и даже независимых государств (Византия — Русь, Болгария, Чешско-Моравская держава). Варварский мир, тем более кочевой, всегда был страшен своей

«непредсказуемостью» и хаотичностью оседлым народам, и они стремились отгородиться от него подобной стеной. Кидани же находились под существенным культурно-идеологическим влиянием Китая, на что особо указывали авторы «Цидань го чжи» (Е Лунли) и «Ляо ши» (Токто и др.). Многие китайцы приезжают к киданям и учат их развивать ремесла, торговлю, строить города, переходить к письменности.

Пестрота социальных и этнических групп у киданей была дополнительным фактором, стимулирующим переход к имперской системе. Добавим, что после вхождения оседлых районов в состав государства у киданьских правителей появилась дополнительная головная боль, связанная с необходимостью решать социальные проблемы новых подданных (конфликты феодалов и крестьян, групп феодалов), регулировать отношения их с кочевыми племенами. Это нашло отражение и в появившемся еще в древности противопоставлении своего мира и чужого. Оно характерно и для цивилизаций, но в империях, собственно, это и есть «имперская идея».

Историю киданьской государственности можно разделить на пва этапа:

- 1. 907/916 1125 эпоха Ляо
- 2. 1125—1218— трансформация имперской системы в каганат и образование Си (Западного) Ляо.

Движение к универсальной государственной форме началось, как это убедительно показали Н. Я. Бичурин, М. Н. Суровцов, Фэн Цзяшэн, К. А. Виттфогель, Л. Н. Рудов, Е. И Кычанов, Н. Н. Крадин и др., не в X веке даже. Прелюдией оказалась борьба между крупными киданьскими вождями за первенство. С 80-х гг. VI в. до 716 г. доминировал род Дахэ, до 907 г. – Яолянь. Империю создаст род Ила (Елюй). Его приход к власти можно назвать своеобразной революцией, ибо произведенный переворот и особенно социально-политические и административные преобразования Абаоцзи и Дэгуана вызвали протест родовой знати и серию мятежей, в т. ч. даже связанных с родственниками императоров. Эта резначимости, видимо, нисколько не волюция по перевороту Пипина Короткого, имевшего своим итогом образование империи Каролингов. Елюй Апоки в борьбе за трон существенно помогали выходцы из уйгурского по происхождению рода Сяо. Именно они помогли устранить братьев и дядей императора и тем самым укрепить возможность наследования власти не от брата к брату, а от отца к сыну. Род Елюй в благодарность «поделился» властью с Сяо и в результате возникла бицефальная (двуглавая) система власти (император — из рода Елюй, императрица — из рода Сяо).

Приходу к власти Елюй Апоки способствовала и внешнеполитическая обстановка: незадолго до этого на востоке из местных племен мохэ и когурёских беженцев было образовано государство Бохай. В Китае заканчивала свое существование династия Тан. В степях Центральной Азии продолжала царить анархия, вызванная падением Уйгурского ханства (745—840) и киргизским вторжением 840 г. Поэтому ни на западе, ни на юге не было силы, которая могла бы помешать завоеваниям киданей.

Итак, возникшая киданьская держава оказалась между двумя мирами, которые были заинтересованы в общении друг с другом. Это — северные монгольские племена, на которые на исходе империи сделает ставку, бежавший от чжурчжэней принц Елюй Даши, образовавший на время государство Бэй Ляо (Северное Ляо). С другой стороны, две могущественные «южные» державы — Китай и Западное (Си) Ся тангутов. Ляо облегчит им контакты и станет посредником в международной торговле восточноазиатского региона. Для киданей эта торговля будет именно посреднической, поэтому можно говорить, что она была одним из факторов, способствовавших достаточно длительному существованию империи. Важна и возможность проведения экзополитарной деятельности, которая возможна только в условиях близости к развитому оседлому государству.

Одним из отличительных признаков киданьской империи была монархическая форма правления. Принятие Апоки в 916 г. императорского титула Тянь-хуан-ван в соответствии с нормами китайского этикета приводило к серьезным изменениям в формах и методах правления. Император становится «начальной функцией всех дел в государстве». Киданьский правитель пользовался неограниченным авторитетом, его деятельность невозможно «мерить ... меркой нынешней цивилизации». Это роднит его с фигурой китайского императора. В отечественной синологической литературе уже писалось об особой функции императорской власти в Китае, называемой мироустроением. Великое значение мироустроительной функции китайского императора заключалось в том, что его «политическая власть не ограничивалась миром людей, а распространялась на всю природу в целом». Это способствогосударственной становлению элементов власти, формированию бюрократического аппарата.

От Китая было перенято представление об императоре как Сыне Неба (тянь цзу), который получил «мандат Неба» (тянь мин) на правление. Более того, он взял из монгольской традиции право на управление всем миром. Это дает ему Вечное Небо (mőngke tengri — Eternal Heaven). Фактически он становился наместником Неба на Земле, что позволяет ему также быть правителем правителей (наподобие шахиншаха иранской империи). Власть Неба обязательно сочеталась с личной харизмой. В итоге обосновывалось право и обязанность императора быть членом особого, так сказать, императорского рода.

Кроме китайской и родовой монгольской традиций на сакрализацию верховного правителя повлияли уйгурская и тюркская. В орхонских текстах видно, что правитель получает два мандата — от Неба вверху и от Земли внизу. У хунну, Тоба-вэй тоже можно наблюдать нечто подобное.

Собственно киданьские представления, безусловно, тоже повлияли на это. Сказался культ великого предка, которому, разумеется, помогало Небо. Он фактически «оправдал» надежды рода, «выведя» его наверх к власти. Род правителя происходит от прародителей всех людей. Перед битвой обязательно приносились жертвы предкам, но прежде всего Небу. Свои победы (а он обязан был побеждать — вспомните подобную обязанность у римских императоров) правитель объяснял поддержкой Неба. Не случайно в китайской религиозной традиции Небо выделялось среди других божеств. Как и монголы впоследствии, кидани приписывали Небу универсальные черты (вечное, высокое). Еще в орхонских надписях (VII – VIII вв.) говорилось о высоком синем Небе, но через киданей к монголам придет акцент на воле и силе Неба. «Сила» правителя тождественна силе Неба, сульдэ — «связь миров», основа самоорганизации мира и император – ее достойный посредник. Правитель создает иерархическую лестницу «с Неба на Землю» и утверждает единый закон Неба на Земле. Небо становится делателем королей. Опять невольно вспоминается начавшееся с Пипина Короткого представление о правителе как помазаннике божьем, однако, обратите внимание, акцент этот столь значителен и существен, что фактически игнорирует отчуждение от кочевого мира с его формальным равенством.

Киданьский правитель получал в результате право даже творить свой особый мир (миропорядок) и подчинять ему все пространство на вечные времена. Все империи претендуют на это и кидани не исключение. Все соседние народы воспринимались как

потенциальные члены новой мировой империи. Фактически переосмысливается понятие ойкумены. Это уже не просто населенная людьми зона, а мир своих людей, «наших», до горизонта культуры. Войны против не желающих присоединиться к империи оправдывались морально и идеологически, более того, они обязательны, ибо те не хотят жить «по божеским законами». Так же в Европе оправдывались крестовые походы против альбигойцев. Императора может и обязан поддержать весь культурный мир. Фактически только с Хубилая появляется в монгольском мире представление о равноправии других стран. Правда, кидани, не признавая бохайцев и чжурчжэней равными, вынуждены были считаться с китайской и тангутской империями.

Отношения с другими народами находили отражение в символике вассальных отношений, которая фактически копировала внутрисемейные отношения (отец — сын и др.). Не желающие присоединиться к державе воспринимались как противники конкретно императора как проводника воли Неба.

На практике правитель должен был считаться со сложным характером взаимодействия различных этнических и социальных слоев, политических групп, культур, религиозных представлений, традиций и обычаев. Отсюда т. наз. «номинальность» центральной власти, когда император наподобие западноевропейских средневековых монархов был «первым среди равных» (primus inter pares).

Все эти нюансы фиксируются в имперском праве. Чингисхан создаст особый текст — Ясу, но кидани соединяли эту «теорию» с историческими хрониками. В частности, в «Ляо ши» для этой цели специально выделены особые главы по праву (например, 62 цзю-ань — «уголовное законодательство»). Это опять же напоминает раннефеодальные «варварские» государства Европы (события истории как правовой прецедент у Григория Турского, Беды Достопочтенного).

У императора, символизировавшего собой государство, были сложнейшие и ответственные задачи (кроме указанных выше): более рационально распределять и перераспределять пастбища и водные ресурсы, координировать перекочевки, охранять кочевья от множества врагов и разбойников («людей длинной воли» по «Сокровенному сказанию»), налаживать торговые связи с зарубежьем, упорядочивать политические связи внутри империи и даже за ее пределами.

На локальном уровне этим занимались (и успешно!) кочевые аристократы, но теперь масштаб проблем увеличился и за их

решение должна взяться универсальная держава. Здесь и проявляется так называемое «корневое» значение и назначение термина «империя», сформулированное еще в рамках Римского государства: регулирование различных отношений. Это – отношения между этносами, членами соседской территориальной общины. Если в родовой общине отношения ее членов регулировались с помощью, выработанной тысячелетиями или даже в чем-то заимствованной из животного царства поло-возрастной иерархией (все обозначения «родства», т. е. дед, отец, сын, внук, мать, тесть etc. обязательно имели функциональную нагрузку), то теперь нужна была другая система. Она тоже должна была быть иерархична (традиционное общество в принципе не приемлет идею равенства, эта идея появляется только в мозгу горожанина эпохи процесса первоначального накопления капитала) и пользоваться терминами родства, наполняя их, по сути, иным содержанием. Вспомним античную или средневековую дипломатию: могут быть «братские» отношения между государями, но могут быть и отношения типа отец — сын, отец — внук и даже дед — внук.

Таким образом, киданьская империя была сложной общественной системой. В ней явно выделяется «ядро» и периферия, правда, не только земледельческая. Киданям приходилось иметь дело даже с охотничьими племенами. В X–XII вв. кидани владели обширными степными районами Центральной Азии на западе, вплоть до Алтайских гор (Цзин-шаня — Золотых гор), и около 60 правителей этих мест признавали власть Ляо.

Можно говорить о существовании некоей «клетки», в которой находилась империя, т. е. ограниченного пространства, где складывалась ситуация дефицита земли и налицо было нарушение прежнего баланса-симбиоза с другими кочевыми и земледельческими цивилизациями.

В империи киданей шли сложные экономические и политические процессы, следствием которых было разрушение локальных социально-экономических организмов и очень медленное складывание организма регионального. Существование на территории государства этнически разнородного населения составляло естественную основу для политической раздробленности.

Количество полусамостоятельных владений в империи подсчитать трудно, однако Чингисхану пришлось иметь дело впоследствии даже с «сорока государствами». Империя и была формой контактов разных регионов и освоения пространства. В этом смысле киданьская империя внесла существенный вклад в трансформа-

цию восточноазиатской экономики. При ней существенно увеличились темпы перехода от присваивающей экономики, производящей что-то для лишь для себя, к производящей товары на любой рынок. О широком развитии ремесел и торговли свидетельствуют киданьские тексты («Цидань го чжи», «Ляо ши»).

Здесь неизбежно встает вопрос о характере киданьской империи. Н. Н. Крадиным употребляется для таких случаев понятиятермины «внешнеэксплуататорская деятельность», «экзополитарность», «ксенократия». Он вывел эти понятия на максимально выуровень. На деле экзополитарность ксенократия характерны для разных миров, в том числе для «христианского» и «европейского» миров (гегемонистские устремления Священной Римской империи, Австро-Венгерской монархии, Наполеона I Бонапарта, Адольфа Гитлера). Материал киданьской истории позволяет увидеть этот механизм в действии. Мы увидим, что эти понятия не подразумевают лишь подчинение земледельческих цивилизаций кочевникам, хотя наличие земледельческой периферии обязательно для кочевого «ядра», которое использует «дистанционную эксплуатацию», по выражению А.И.Фурсова, хотя слово «эксплуатация» в данном контексте, по крайней мере, вполне можно считать анахронизмом. Скорее речь должна идти об отношениях симбиозных - «сотрудничество». Части империи объединяют сложные экономические и политические связи, для которых характерно разрушение локальных социально-экономических и политических организмов и медленное складывание региональной системы. Развитие киданьской империи типично и можно разделить ее историю на две фазы — раннюю и позднюю, которые представлены двумя типами идеологии: «экспансионистской» и «управленческой». «Упрощения» завоеванных территорий, т. е. их приспосабливания к собственно киданьским экономическим и политическим институтам «с помощью» сворачивания городской и земледельческой экономики не могло быть в данном случае в принципе, ибо кидани еще в додинастический период уверенно шли к комплексной экономике. К тому же имперская форма государства сама по себе подразумевает сосуществование различных экономических укладов. По этим причинам Апоки и его ближайшие преемники («время Цзу и Цзунов», по выражению М. Н. Суровцова) вступили на путь многоплановой интеграции политических, экономических и социальных институтов, что привело к созданию в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части: «из учреждений имеются

киданьское управление важнейших секретных дел и управления главноначальствующего походными дворцами. Эти учреждения называются северными, так как они стоят к северу от юрты императора. Ведают делами, связанными с варварами. Имеются также китайское управление важнейших секретных дел, управление дворцового секретариата и управление главноначальствующего походными ставками. Эти учреждения называются южными, так как стоят к югу от юрты императора. Ведают делами, связанными с китайцами» (Е Лунли. Циданьго чжи).

Вряд ли можно всерьез говорить, что кочевники являются преимущественными или даже единственными врагами земледельцев. Кочевники нужны им как:

- сфера сбыта товаров металлургии, текстильного производства, предметов роскоши, оружия и т. п.
 - барьер от других миров,
- средство устрашения, подавления, разгрома других земледельческих цивилизаций и т. п.

Кочевники сыграли особую роль в этнополитической истории Евразии. Они участвовали в радикальных изменениях политических границ, культурных обменах между самими оседлыми обществами, влияли на оседлые культуры.

Таким образом, видно, что «экзополитарность» имеет различные формы и степени. Действительно, существенным барьером для развития общества является технологический. Многие страны пытаются преодолеть его по-разному. Европа использовала в конце концов идею научно-технического прогресса. Средневековые народы, в том числе кидани, пытаются свою технологическую слабость преодолеть с помощью насилия, хотя и дозированного.

Для киданьской империи характерна пестрота:

- экономик:
- кочевая в разной степени развитости у монголоязычных, тюркоязычных и тунгусских племен,
 - оседлая у различных подчиненных народов и народностей,
 - языков,
 - культур:
- клерикальная (буддистская, даосская, конфуцианская, шаманизм),
 - средневековая китайская,
 - городская,
 - крестьянская,

• субэтнические, иноземные (китайцы, бохайцы, чжурчжэни и т. д.). В империи кидани составляли всего пятую часть населения (750 тыс. чел.). Кроме них в состав империи входили земледельцы — китайцы — более половины населения (2400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы. Общая численность населения державы составляла 3 млн 800 тыс. чел.

Экономическая ситуация на территории обитания киданей благоприятствовала складыванию империи. Хозяйство киданей, так же, как и родственных им си (хи), было многоотраслевым. Еще империя Тан и Когурё старались подчинить себе киданей, чтобы взимать с них большую дань, так как земли киданей были богаты природными ресурсами: пушниной (соболь, енот, рысь, лисица белка), золотом, жемчугом, жэньшенем, рыбой; земли были пригодны и для земледелия. В лесных районах население занималось охотой на пушных зверей. В «Бэйши» сообщается, что кидани торговали с Китаем преимущественно лошадьми и соболями. В районах, пригодных для земледелия, кроме проса гороха, ячменя, пшеницы возделывались конопля, огородные и бахчевые культуры. Е. М. Залкинд еще в 30-х годах обратил внимание на то, что исследователями недооценивалась роль земледелия в культуре киданей, у которых были местные названия для бахчевых культур. Экономика киданей была неоднородна, и в ней большое значение имели районы с местным оседлым, земледельческим хозяйством. Об этом есть записи и в «Ляоши», где в I цз. говорится о развитии земледелия, скотоводства и ремесел. Земледелие, где большое место занимало огородничество, садоводство и выращивание технических культур у киданей достигло высокого по тем временам уровня. Из полевых культур кидани сеяли просо, ячмень, бобы, горох. Из садовых, огородных и технических выращивали груши, дыни, коноплю, тутовые деревья. Развитие земледелия было связано с имущественной дифференциацией. Правители киданей поощряли развитие ремесел и даже переход к оседлости. Особое внимание было обращено на добычу и обработку железной руды, изготовление оружия, шелководство, выращивание тутовых деревьев, конопли, ткачество. Кидани постепенно становились поставщиками сельскохозяйственной и ремесленной продукции для соседних кочевников и охотников. «Наличие ремесел, скотоводства, земледелия и охоты создавало реальные возможности и для развития внутреннего рынка, который укреплял связи, усиливал коммуникации между отдельными районами и подготавливал экономические условия для консолидации населения в единую киданьскую народность».

Территория империи была пригодной и для скотоводства. В «Мэнгу ю муцзи» («Записки о монгольских кочевьях») указывается, что земли около Шанцзина (Верхней столицы киданей) были «по тучности пригодны для земледелия, а по обилию травы и воды — для скотоводства».

При Дэгуане (927—947) к государству было присоединено 16 округов в северной Шаньси, Хэбэе и Чахаре. Эти земли составляли около 1/15 части всей территории империи. Завоевание районов в Центральной Азии, Бохая и земель, на которых некогда обитали сяньбийцы и южные хунну превратило империю в одно из крупнейших государств Востока. Кидани стали контролировать караванные пути в Восточный Туркестан и Среднюю Азию в обход Шелкового пути. С империей установили дипломатические отношения («союзы мира и родства») Корея, Китай, уйгурские государства Восточного Туркестана, Средний Восток, Япония и даже арабские государства. Тангутское государство Си Ся считалось вассалом киданей. Ее международные связи и известность в истории того времени во многом объяснялись объемом киданьской торговли с соседними и отдаленными странами (Викторова). В Самарканде восточные ворота города так и назывались «киданьскими».

Медленно формировалась имперская культура. Этот процесс неплохо был рассмотрен А. Л. Ивлиевым, который особо отметил, что «в империи Ляо на полиэтнической основе были выработаны новые элементы культуры, отличавшие ее от изначальных культур составивших империю народов». Он на широком культурном материале (письменность, одежда, праздники, склепы, посуда) прискладывании «ляосского выводу o народа» «синкретической культуры государства». «Знака равенства между культурой киданей и культурой империи Ляо нет». В империи Ляо на полиэтнической основе вырабатывались новые элементы культуры, отличавшие ее от изначальных культур, составивших импекиданьская письменность, народов: официальная дуалистическая система одежды ляоских чиновников (чиновники Северной администрации во главе с императрицей носили киданьскую одежду, а чиновники Южной администрации во главе с императором – ханьскую, своеобразная система государственных праздников, синкретически соединяющая в себе буддийские и конфуцианские воззрения с древней религией и обрядами киданей, специфическое устройство могильных склепов ляоской знати. Аналогичные явления в различной степени происходили во всех средневековых государствах, образованных кочевыми народами.

Для киданьской империи характерен еще ряд признаков:

- Развитая система управления, связанная с военными и административными функциями. Она сочеталась с типичной феодально-кочевой практикой управления («кочевые короли»): v киданей существовала перенятая от бохайцев система пяти столиц во главе с Верховной, что отражает концепцию «одного ствола и множества ветвей». Две столицы были распложены в зонах обитания скотоводческих племен: Верхняя – недалеко от р. Шара-Мурэн в окрестностях современного города Боро-Хотон во Внутренней Монголии КНР, Средняя столица – около места впадения Шара-Мурэн в Ляохэ. Восточная столица на бохайской территории, около города Ляоян. На китайских землях существовали Западная столица (современный город Датун в пров. Шэнси) и Южная (современный Пекин). Ляосские императоры передвигались от одной подобной резиденции к другой и на местах решали все необходимые проблемы. В походах и постоянных перекочевках проводил время и Хубилай. По сообщению Франсуа Бернье, такой же практики придерживались и Великие Моголы. Походный режим был характерен и для маньчжурских правителей цинского Китая.
- \bullet Получение прибавочного продукта за счет военной добычи, дани, транзитного торгового обмена.
- Многоступенчатая социальная структура с резкими полюсами. Помощь голодающим в 1100 г. обнаруживает, что даже в двух главных кланах существовала имущественная дифференциация. Один из представителей клана Елюй не имел даже верховой лошади и был вынужден приехать ко двору верхом на быке, одетым в овчинный тулуп.
- Сочетание горизонтальной (в пределах рода или социального слоя) мобильности и вертикальной. Из Китая активно заимствовалась система экзаменов на должность. С 988 г. она была введена и в Ляо: раз в три года проводились экзамены в волостях, областях и при управлении государственной канцелярии. Выдержавшие экзамены в волостях, назывались сяньцзянь, в области фуцзе, в управлении государственной канцелярии цзиньши. Разумеется, существовала и возможность достижения более высокого положения за счет личной преданности: «Всех, кто пользовался его расположением и доверием, император повышал в должности через ступени, не придерживаясь обычных правил повышения по службе». В 981 г. император сделал генерал-губернаторами более 30 музыкантов.

- Многоуровневая социальная организация, где низшие звенья основаны на узах кровного родства, а высшие на военноадминистративных связях и фиктивном генеалогическом родстве.
- Происходил переход от этнополитического принципа общественного устройства к социально-политическому. Кочевники делились на подразделения по десятичному принципу и лишь часть их участвовала в военных действиях, а «остальные воины всегда оставались на месте в качестве основы племени». Прежде независимые или автономные племена становились в период империи главными административными единицами. Их новые функции приходили в противоречие с их прежними занятиями. Племенные отряды входили в состав имперского войска наряду с профессиональными подразделениями дружинного характера. Каждое племя получало знамя определенного цвета. На севере страны племена считались основными административными единицами. Каждое племя проживало и кочевало на определенной территории. Иногда племенам предоставляли новые земли. Самое, может быть, главное племена стали фискальными и податными единицами.
- Незначительная роль внутренних форм эксплуатации, в том числе рабства. Все несвободное население империи Ляо можно разбить на две группы. Буцюй принадлежали отдельным лицам. Это были бывшие рабы или их потомки, подаренные киданьским аристократам или китайским чиновникам. Они обрабатывали землю, строили дома и города, несли пограничную службу за своих хозяев. Гунху, гуньфэху, чжуаньху лица, приписанные к императорским дворцам, ордо киданей. Казне принадлежали ремесленники «полусвободного типа». Самым низшим социальным слоем киданьского общества были рабы. Источники рабства были разнообразны: захват пленных, угон жителей с соседних территорий, продажа и самопродажа в рабство за долги, обращение в рабство за преступления и др.
- Большое развитие внешнеэксплуататорских отношений, данничества. Из Китая в основном получали шелк и денежные субсидии. Так, например, после подписания мирного договора в 1005 г. Сунская династия должна была выплачивать Ляо ежегодно 100 тыс. монет серебра и 200 тыс. кусков шелка. В 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. монет и до 300 тыс. кусков шелка. С северных народов дань взималась лошадьми, мехами, охотничьими соколами, жемчугом, рыбой и т. д.
 - Развитая экономика с присутствием земледелия.

- Регулярная армия, дополняемая отрядами отдельных феодалов.
 - Жесткие законы.
 - Достаточно развитая пенитенциарная система.
- Иерархическая система государственных чиновников, дополняемая традицией передачи должности по наследству.
- Медленное складывание синкретической религиозной системы.
- Акцент на экономике во внешней политике (грабеж, контрибуции, «подарки», неэквивалентная торговля, данничество).
- Переход от дуального (крылья) к триадному (центр крылья) принципу административного деления.
- Бицефализм власти: «соправление» императорского клана Елюй и клана императрицы Сяо. Их представители занимали подавляющее большинство часть наиболее важных военных и гражадминистрации. Клан Елюй в имперской данских постов происходил от племени шели, получившего название от одноименного места, где оно кочевало: «Шели – место в двухстах ли к востоку от Верхней Столицы (ныне существует река Шили моли и при переводе этого названия на китайский появилась фамилия Елюй». Клан со времени правления Абаоцзи делился на «пять подразделений» (северная часть) и «шесть подразделений» (южная часть). Они управлялись «великими князьями» (да ванами). Семья императора относилась к «пяти подразделениям», прямые потомки Абаоцзи выделялись как «поперечные» («горизонтальные») шатры, а потомки его дядей и братьев - как «три патриархальных хозяйства». Клан императрицы Сяо имел уйгурское происхождение и тоже делился на несколько линиджей, он являлся традиционным брачным «партнером» рода Елюй: «По законам варваров род правителей может заключать браки только с родом императрицы, независимо от того, высокое или низкое положение занимают представители этих родов. Семьи двух племен, к которым относится род правителей и род императриц, не могут вступать в браки с другими племенами без разрешения правителя киданей. Это не распространяется на браки между остальными племенами».
 - Особая роль женщин как ставленников Сяо.
- Образование государства путем узурпации (монгольский вариант).
- Большая роль династического фактора в истории государства.

- Этнополитическая интеграция в форме династического государства.
- Переход от типичной (дистанционной) модели империи к даннической.
- Внутренняя седентаризация (складывание «химерического» этнического образования «хань эр»).

Одним из мероприятий, имевших принципиальное значение для складывания имперской культуры, было изобретение собственной киданьской письменности. О богатстве и многообразии киданьского языка можно судить по упоминаниям многочисленных литературных произведений, созданных киданями. Киданьский язык можно назвать «искусственной» коммуникативной системой. Он был языком межплеменного, межгосударственного и межкультурного общения.

Отдельной и безусловно важной является тема гибели империи. Что касается причин гибели, то, безусловно, одной какойлибо просто нет, как нет и некоей «случайности», а есть комплекс внутренних и внешних факторов.

Государство оказалось безоружным в идеологическом плане. Родовые культы исчезали или сочетались с буддизмом и в результате не хватало необходимых социальных и политических рецептов и лозунгов. Другие мировые религии (христианство, ислам, конфуцианство) не столько сосуществовали друг с другом, сколько боролись. К тому же, они все еще понимались слишком рационалистично, а, следовательно, более индивидуально, чем коллективно. Ни одна из этих религий не могла играть роль идеологии метарегиона. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в «варварских» королевствах Запада (Бургундском, Вестготском), которые исчезли под натиском стоящих на позициях католицизма франков или принявших ислам берберов. Понятие «родины», хотя и складывалось (его использовал в своей речи перед представителями 18 племен Монголии на западной границе Елюй Даши), но не основывалось ни на экономической основе, ни на религиозной идее и было фактически элитарным, характерным для верхушки общества.

Широкое внедрение земледельческой экономики в жизнь киданьского общества привело к существенному сворачиванию собственно киданьской кочевой экономики. Экономической базы для длительной и ожесточенной борьбы не сложилось. Кидани растеряли боевой опыт и дух. Оседая на землю, они могли выставить против врага лишь отдельные отряды и дружины, а чжурчжэни практически все были воинами. Знаменательно, что

победителями киданей были не цивилизованные китайцы, а «примитивные» чжурчжэни.

В результате инфильтрации кочевников на территории «твердой земли» (terra firma) у них нарушился механизм противостояния регулярным изменениям природно-климатических условий жизни. Приливно-отливное взаимодействие аридизации и гумидизации для полуоседлого государства киданей оказалось, если пользоваться терминологией А. Тойнби, таким «Вызовом» (Challenge), на который оно не нашло соответствующего «Ответа» (Response). Это нашло отражение в неожиданной для многих современников и стремительной гибели империи Ляо. За «неразумного правителя» Тянь-цзо искренне болит сердце даже у Е Лунли. Общество уже было нездорово, и вся деятельность последнего правителя преследовала достаточно скоромную цель — «не своими деяниями на военной сцене, а внутренней работой, знаменательной идеей пересоздать общество и отвратить его падение». Между тем, с точки зрения климатологической теории здесь нет ничего странного, ведь переход государства от процветания к упадку происходит более резко, чем от упадка к процветанию.

Важно и то, что, как справедливо заметил А. Тойнби, кочевник, ставший «пастухом людей», становится паразитом, экономически не нужным. Кочевые империи, действительно, достаточно эфемерны и неизбежно играют роль «сорока разбойников» в экономически и этнически чуждых им зонах.

Определенную роль в истории киданьского государства явно играли и разного рода циклы, большие и малые. В различных историософских концепциях (античные идеи круговорота, средневековое движение от Первородного греха к Страшному Суду, марксистское «строительство» коммунистического общества, современное создание правового государства, теория Л. Н. Гумилева о затухающем колебательном контуре и т. д.) подчеркивается цикличность истории, повторяемость составляющих ее процессов. Это же обстоятельство стало одним из решающих при возникновении истории как науки в XVII–XVIII вв. Ф. Бродель выдвинул гипотезу о существовании вековых циклов (trend как вековая тенденция) в экономической истории средневековой Европы: «малозаметная в каждый данный момент, но идущая своим неброским путем всегда в одном и том же направлении, эта тенденция есть процесс кумулятивный» кумулятивный». По его мнению, это связано с циклами Н. Д. Кондратьева. А. Л. Чижевский в свое время, пытаясь установить связь между космосом, временем и историей, отмечал влияние

одиннадцатилетнего цикла солнечной активности на социальную деятельность человечества. Позднее он выдели еще двадцатидвухлетний «магнитный период солнечных пятен». Все столетие у него укладывалось в «трижды тройной солнечный цикл».

В истории киданьского государства особенно заметна цикличность, связанная с экономическими и политическими факторами. За единицу измерения вполне можно взять время жизни одного поколения, которое, по мнению О. Шпенглера, является «числовым значением почти мистического свойства». Выделяется несколько этапов.

В течение первого (почти весь X век) проходила деятельность «отца» Абаоцзи («начал»), «сына» Дэгуана («продолжил») и «внука» Ши цзуна («завершил»): «возвышение Тай-цзу было подобно степному пожару. Его дело продолжил Тай-цзун», при Шицзуне «военное могущество сохранялось». Решающим было начало десятого века, когда вырабатывалась долгосрочная программа преобразований и начиналась ее реализация. Апоки подчинил своей власти различные племена и появилась альтернатива: объединение кочевых областей и внешнеполитическая экспансия. Второй вариант был предпочтителен и неизбежен. Для возникающего государства крайне важно было убрать многовековую опасность со стороны опасных соседей, особенно Китая. Кидани уже далеко продвинулись по пути складывания государственности и синизации. Они стали лидерами кочевого мира в борьбе с южным регионом и были уверены в поддержке остальных кочевников. Это было время, если так можно выразиться, чистой экзополитарности. На базе антикитаизма идет организация совместной экспансии кочевых племен, организация культуры и государственности, объединение региона и упрочение территориального организма при сохранении традиций. Кидани пытаются создать общегосударственную синкретическую идеологию, используя буддизм и сочетая различные варианты (бохайский, китайский, киданьский), но в основе ее четко прослеживается идея «семьи» (улус). Оформляется система Север – Юг.

Время правления Ши-цзуна — середина цикла — «золотой век», достижение «конца истории». Тrend завершается, и «правнуки» начинают новый цикл, «они сняли латы и шлемы в женских покоях». Это период правления «ленивых» правителей, «осень» киданьской истории — время сбора плодов и подведения итогов, время «тучных коров», за которым можно уже разглядеть период «тощих коров». Фактически заканчивается период экспансии и за-

хвата «жизненного пространства», правители «сохраняют» доставшееся им «наследство». Этим правителям «повезло»: «благодаря длительному миру и огромному увеличению ежегодных подарков со стороны династии Сун были накоплены большие богатства». Это — время все же экзополитарной активности, но и медленной и болезненной трансформации «случайного» государства в империю. Экспансия на юг останавливается, т. к. империя Сун смогла отстоять самостоятельность своего региона. Кидани уже пытаются не захватить Юг, а «открыть» его для активной торговли, для чего совершают регулярные набеги на Китай подобные набегам русских на Царьград (Константинополь). Апофеозом этой политики станет Шаньюаньский договор 1004 г. Север становится мало интересен киданям: Ляо - полуоседлое государство. Оно отходит от чистой кочевой экономики и «плывет» за счет седентаризации. Паразитический характер государства обусловил его перерождение в деспотическое. Эволюционируя к деспотизму, Ляо была «избавлена» от необходимости переходить до конца на интенсивный путь развития. Как Испания, захватившая в ходе «географических открытий» американские земли и превратившая их в гигантский «огород», эволюционировала от абсолютистского варианта к деспотическому, так и Ляо была «избавлена» от необходимости переходить до конца на интенсивный путь развития. Начинается период стагнации и спада. И, как точно подмечает Е Лунли, «если гибнет одна деспотическая династия, на смену ей обязательно приходит другая, поэтому Агуда, живший при императоре Тяньцзо, — это тот же Абаоцзи, живший при Поздней династии Тан». История государства киданей ничем в этом плане не отличается от истории дальневосточного мира в целом, для которого характерен циклический характер исторической эволюции. Китайские авторы традиционно рассматривали историю в категориях «расцвета и упадка» (шэн-шуай) империй. Западные и отечественные исследователи это тоже часто признают «внутренней логикой китайской истории».

Невольно снова вспоминается и концепция Ибн-Хальдуна (1332—1406), в соответствии с которой кочевники создают асабийю (систему родственных групп с общими интересами, захватывают земледельцев и эта асабийя становится «ксенократическим» государством (государством чужих), которое существует 3—4 поколения (ок. 120 лет). Первое поколение — захватчики, второе живет в цивилизации, т. е. в изнеженности и роскоши. Затем асабийя раскалывается, проявляется сепаратизм и в конечном итоге достается

«держава не тем, кто ее создавал, а слава — не тем, кто ее добывал». В третьем поколении увеличивается тяга к роскоши и начинается энтропия власти «пока не пропадет, подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

Государство стремительно слабело при последних правителях. Этому способствовали борьба антикитайской и прокитайской партий при дворе и, говоря словами Л. Н. Гумилева, пассионариев и гармоников (представителей родовой знати). Чрезмерная бюрократизация привела к своеобразному «перепроизводству» кочевой аристократии и, как следствие, к усилению центробежных тенденций, автаркизации отдельных хозяйств.

Сыграла свою роль и выявленная Т. Барфильдом борьба приверженцев конфедеративного и автократического путей развития общества. Соправительство с Сяо приводило, как справедливо отмечал В. В. Трепавлов, к ослаблению автократии и усилению трансформации в конфедерацию.

Во главе управленческого аппарата находились, как правило, сами кидани или представители родственных им племен. Для управления земледельческими территориями необходима была особая административная система. Поэтому кидани в 947 г. были вынуждены издать декрет о формировании двух самостоятельных аппаратов управления. Северная администрация воспроизводила традиционные «варварские» институты кочевников. администрация состояла из китайских чиновников и управляла завоеванными оседло-земледельческими территориями. Для дополнительного контроля над покоренными китайцами была создана система военных лагерей ордо. Бохайцы и китайцы привлекались по мере необходимости. Это означает, что ляосские чиновники не обладали ни опытом или навыками управления такой сложной общественной системы, как империя, ни соответствующим бюрократическим менталитетом. Подобную политику проводили чжурчжэни, у которых привлекались «сперва чжурчжэни, затем бохайцы, затем кидане, а затем уже китайцы». Пытался так поступать и Чингисхан, но его остановил мудрый Елюй Чуцай, заявивший, что нельзя управлять государством, «сидя на лошади».

Завоеванное население стало существенно преобладать над киданями (китайцы -63 %, бохайцы -12 %, некиданьские племена -5 %). Созданная киданями империя Ляо была полиэтнична. В ее состав входили кидани, подчиненные им кочевые скотоводческие монголоязычные и тюркоязычные племена и покоренные ими земледельческие народы (ханьцы и бохайцы). Из них кидани, как

уже говорилось, составляли всего 1/5 часть. Скотоводческое население обитало в степных северных, северо-западных и центральных районах империи, а земледельческое в основном концентрировалось в традиционных районах его обитания — на завоеванных киданями китайских и бохайских землях на юге и востоке империи, а также на территории нынешней Монголии, в долинах рек Орхона и Керулена, где земледелием продолжало заниматься бывшее население Уйгурского каганата. Кроме того, в результате активной политики киданьских императоров по переселению покоренных народов значительные массы бохайцев (до половины их общего числа) и ханьцев занимались земледелием в собственно киданьских землях — в окрестностях Верхней и Центральной столиц киданьской империи Ляо.

Киданям приходилось увеличивать количество и численность гарнизонов. Покоренные, но не покорившиеся народы сыграли роль «пятой колонны» при приближении сунских и чжурчжэньских армий. Так же когда-то помогли этнические меньшинства Кортесу победить ацтеков, а братьям Писарро — инков.

Кидани постепенно перенимали китайские представления о том, что империя должна преобладать в культурном, а не политическом плане. В современной историографии эта имперская доктрина получила наименование доктрины «универсального государства» или «мироустроительной монархии» монархии». Эта дихотомия обозначается как «хуа и» («Китай и варвары»). Само Небо отделило земли империи от остального мира различными естественными преградами. Связывает дуальный мир воедино только власть императора, который осуществляет мироустроительные функции и поддерживает правильное течение космических процессов.

Одной из центральных проблем киданьской историографии по этой причине и была проблема влияния киданей на общественное развитие дальневосточных и восточноазиатских регионов. Киданьские историки стремились доказать, что кидани сменили китайцев или другие народы (уйгуры, тангуты, тюрки) в роли «исторических народов» и отныне именно они являются организаторами и устроителями мира, созидателями культуры. Именно по этой причине исторические тексты киданей неспроста составляются вначале на собственном языке. Переход к китайскому языку во многом обусловлен сделать свои концепции более известными.

История у киданей понималась как некое исследование не только прошлого, но и настоящего и, таким образом, происходило

медленное отделение истории как рассказа о событиях прошлого от истории как рассказа о настоящем для современников и потомков. Неслучайно историк обязан был записывать все события, буквально ежедневно отсеивая из общей массы те, которые могли быть использованы для крепления престижа и авторитета рода или правящей династии и ее идеологии. Почитание божеств и исполнение правителем религиозного ритуала выступает в качестве главного фактора истории. Киданьские правители довольно быстро поняли значение истории как орудия политической пропаганды.

Представление о прошлом опиралось на традицию, с помощью которой объясняли настоящее. Родословные предков, существовавшие в различных слоях киданьского общества, были основой и одной из первоначальных форм хронологии. Но с формированием государства, быстрым развитием и широким применением письменности отбор и письменная регистрация событий монополизируется правящей элитой, и история начинает использоваться в качестве идеологического средства. Родовые предания, мифы, фольклорные произведения не отбрасываются, но подвергаются существенной переработке в соответствии с интересами верхов общества. Хронологическая последовательность событий определялась сменой правителей и счетом годов каждого периода правления. Политическая тенденция была выражена в стремлении возвеличить императора, показать его исполнителем воли сверхъестественных сил. История довольно часто фальсифицируется путем раздувания размеров военной добычи или умолчания о потерях и поражениях. Формируется и еще одна историческая концепция: смена правителей, падение одних и возвышение других, рассматривается как результат вмешательства божественных сил.

Киданьские исторические тексты представляют особый интерес как одна из наиболее ранних попыток дать на основе родовых и племенных преданий, устного творчества историю народа, который сыграл особую роль в истории Восточной Азии.

Эта практика перейдет к чжурчжэням, а потом и к монголам. Снова вспоминается, естественно, имя Елюй Чуцая, секретаря и астролога Чингисхана (1189—1243).

В целом, можно говорить о том, что киданьское государство действительно занимало определенное место в истории противостояния двух тенденций «мироустроения» — кочевой и оседлой: Ляо (Железная империя) — Цзинь (Золотая) — Юань (Небесная) — Цин (Чистая); Суй — Тан — Сун — Мин.

Незавершенность перехода от концепций, связанных с военным и политическим преобладанием над окружающим миром, к имперскому миропониманию значительно ослабляла киданьское государство не столько перед лицом китайской опасности, сколько опасности со стороны кочевого мира. Кидани ушли от этноцентрической концепции, но «не успели» сформировать новую «мироустроительную» региональную концепцию. Более «примитивные» народы и сыграли роковую роль в истории Ляо. К тому же, лучшие пастбища, без которых кидани еще не могли обойтись, находились в не подконтрольной им Степи. Не случайно, как киданьские, так и чжурчжэньские правители постоянно сетовали, что варвары одерживают свои победы, опираясь «на силу коней севера» и «ремесла Китая».

Ослабляла государство и специфическая конфессиональная ситуация в империи. Яркой ее особенностью было сосуществование различных культов и религиозных направлений, в том числе крупнейших. Такая ситуация сохранялась и в западнокиданьском государстве. Как сообщает Ауфи, кара-кидани частью поклонялись солнцу, частью были христианами; вообще же среди них встречались все религии, кроме еврейской. Кидани покровительствовали всем религиям и в этом плане, считает Джузджани, они поступали справедливо.

Для новой имперской картины мира гораздо больше подходило конфуцианство, но в государстве киданей широкое распространение получил буддизм, вступивший в противоречие с традиционными китайскими учениями.

Киданьское государство создавалось в обстановке противоречий и борьбы с китайской империей, стремившейся не допустить усиления «варваров». Восстание Хуан Чао и Ван Сяньчжи и нашествие шатосской конницы Ли Кэюна опрокинули Танскую династию, но не уничтожили успевшей уже укрепиться ненависти киданей к Китаю. «Он негодует на китайскую империю, которая убила наших предков, и думает о мести ей днем и ночью», — говорит о своем брате посланный к западнокиданьским родам Холу. Антикитаизм в данном случае был основой для формирования новой культурной парадигмы.

Как справедливо замечает К. А. Виттфогель, если они и приняли охотно буддийские идеи, то сделали это не из-за их популярности в самом Китае, а потому, что эти идеи легко сочетались с традициями киданьской религиозной жизни.

Фактически же наблюдается хорошо изученное на материале раннесредневекового средиземноморского Запада противостояние «двух градов» — земного и небесного. В условиях всестороннего, в том числе и культурно-идеологического, кризиса повышается сакрализация индивидуального сознания, религия играет компенсаторную («утешительную») роль и уменьшается «мироустроительное» значение идеологии. Буддизм в дальневосточном мире воспринимался как «внутреннее наставление, обращенное к духу», а конфуцианство — как «внешнее» учение, «заботящееся о теле», раскрывающее «близкое и явленное». А. Тойнби считал, что религии оседлых народов вообще играли роль «социальных растворителей», разрушавших моральный дух кочевников и ускорявших их политическое крушение.

Можно сказать и о глубоком противоречии между менталитетом киданей и имперской идеологией. Менталитет как матрица есть совокупность разного рода установок социальной и этнической общности действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Он формируется спонтанно, как «естественный» способ когнитивного и аффективного реагирования вовне. На его основе возникает сумма «естественных» чувств, настроений, обычаев, традиций. Идеология же как более «высокий» элемент общественного сознания разрабатывается верхушкой определенной социальной группы или класса и привносится в массы. Здесь всегда присутствует момент интеллектуального и ценностного насилия. Многое зависит от того, насколько совпадают ценностные ориентации основной массы населения и правящей этносоциальной группы. Ценностные ориентации же этнических общностей кристаллизуются, прежде всего, в религиозных верованиях (М. Вебер, Н. А. Бердяев, А. Панарин). В государстве киданей буддизм оказался ближе к традиционным ценностям и менталитету кочевников, тогда как конфуцианство и даосизм были более понятны и привычны для «китайского» сектора. Два «учения» находились в ситуации перманентного конфликта и в этих условиях создать единую идеологическую систему было сложно, если вообще возможно.

Киданьское право также оказалось специфичным. Оно предстает как достаточно типичное для своего времени и, в то же время, как обладающее значительной спецификой. Универсальными его характеристиками являются акцент на политико-административных и поземельных отношениях, идея сосуществования различных правовых подсистем, сочетание обязательности

для всех и «этажности» («равенство равных и неравенство неравных»), широкое использование традиции в качестве регулирующего фактора. Имперский период стал особым в истории киданьского права. В это время значительно расширяется правовое поле, появляется необходимость в фиксации обычных норм и разработке первых кодексов. Предельно четко оформляется юридически положение этнических, социальных, возрастных и половых групп. Начинает юридически оформляться представление о «человеке». В это же время четко проявляются специфические черты киданьского права, ставшие к тому же причинами его недолговечности. «Права человека» были трудно совместимы с кочевым менталитетом. Сосуществование кочевого и оседлого (обычного и ученого) права зачастую было эклектичным и механическим. Усиливающаяся идеологизированность права вступала в противоречие с акцентом на этнической исключительности. Сказалось и влияние китайского права. Из Китая перенималась, как правило, лишь система наказаний, т. е. правовая рецептура как особенная часть, но не общая. Это – тоже причина ментального конфликта, ибо в киданьском менталитете главное — этническое публичное осуждение, а не физическое увечье. Существенный отход от традиционных религиозных представлений и невозможность принять какуюто одну из «мировых» религий, обострявшаяся в условиях их противоборства в регионе способствовали неустойчивости киданьской правовой системы и некоторой хаотичности ее развития. Не сложилась и единая экономическая основа для развития права, поскольку территория обитания киданей была своеобразной маргинальной зоной, где долго было возможно и необходимо сосуществование кочевого и оседлого уклада.

Беда киданей и в том, что они оказались слишком китаизированы. Практически весь мир стал воспринимать их частью Китая. Отсюда, кстати, и пошло название «Китай». В сознании людей, знакомых с китайским миром со стороны континента, кидани и Китай слились в одно название «Катай». К тому же, кидани захватили своеобразный сакральный центр Китая — земли Янь. Возможно и то, что в это время кидани, сознательно или нет, способствовали формированию, по крайней мере, среди окружающих Китай народов, представления о том, что Ляо становится одним из «двух государств» («ди го») мира, двух «супердержав». Трансформация классической ситуации взаимодействия китайского «мира-империи» и степной «полупериферии» (концепция Н. Н. Крадина) приняла катастрофические масштабы.

Образование киданьского государства происходило в условиях серьезного политического, социального, экономического и культурного кризиса (interregnum) в северных регионах Китая. Это и было объективной предпосылкой небывалого усиления киданей. Как писал Е Лунли, «они никогда не искали случаев для ссоры с Центральной равниной в таких больших размерах, как при Тайцзу». Это связано было, по его мнению, с тем, что «в конце династии Тан все генерал-губернаторства окутала тьма от спустившегося тумана, над пятью горными вершинами воцарился мрак от поднявшейся пыли. Китай превратился в развалины, зал Цзычэнь пришлось перенести в другое место». Как следствие этого, «южные земли оказались отрезанными от северных»! Привычная для дальневосточного мира вертикаль сменилась бицефальным устройством мира: Китай – Ляо. Не трудно заметить, что здесь сказалась не этно-государственная, но просто природноклиматическая дихотомия северной и южной половин Китая.

В результате, кочевники отчуждались от китаизированных киданей, а Китай их презирал. В перспективе киданям не находилось места в мире. Как оседлые китайцы, так и кочевые племена в принципе не принимали такую ситуацию, когда в мире могут быть два центра. Для дальневосточного мира, как и для средиземноморско-европейского, характерна «монокультурная» концепция, подразумевающая распространение культуры из одного центра, «строительство» «мира» как «космоса» — порядка на основе культуры метарегиона. Для межплеменных отношений характерны постоянные миграции, военные походы, соперничество, создание и распад союзов племен. Кидани же достаточно искусственно переносили в Степь такую концепцию государственного строительства и межгосударственных отношений, которая характерна для «оседлого» мира и практически только там эффективна. Характерен в этом плане отказ монгольских племен присоединиться к плану Елюй Даши реставрировать киданьскую империю, перенеся ее политический и сакральный центр в западные регионы.

Но связь с Китаем привела и к другой беде. Социальные противоречия киданьского общества наложились на социальные противоречия земледельческих китайских районов. В результате это повело к социальной нестабильности Ляо. Столь же слабыми и по той же причине оказались поселившиеся в Галлии племена вестготов и бургундов, легко сокрушенные более «примитивными» франками.

Кидани проиграли «холодную войну» Китаю. Китайская политика вкупе с другими факторами сыграла свою роль. Происходило элементарное спаивание верхов и низов. Развивались социальная апатия, лень, менялась система ценностей.

Японский историк Тамура Дзицудзо в свое время выделил два больших цикла в истории Евразии: 1) древние империи кочевников засушливой зоны Внутренней Азии (II в. до н.э. — IX в. н.э.): хунну, сяньби, жужани, тюрки, уйгуры; 2) средневековые завоевательные династии из таежной (чжурчжэни, маньчжуры) или степной (кидани, монголы) зоны (X — начало XX в.): Ляо, Цзинь, Юань, Цин. Древние империи взаимодействовали с Китаем на расстоянии, средневековые завоевывали земледельческий Юг. Но и между ними были отличия. Кидани выступили первыми и Ляо пришлось противостоять сунскому Китаю один на один. Чжурчжэни и монголы в борьбе с Китаем уже постепенно объединяли весь Север.

Подвластные Ляо племена в период агонии империи получили, если воспользоваться мыслью Ж. П. Сартра, наибольшей свободы — свободы выбора между сопротивлением и покорностью. Возникла ситуация «экзистенциального выбора». Имперский философ Конфуций сказал: «Народ можно заставить подчиняться, но нельзя заставить понять, почему». Империя как раз хочет заставить каждого разделить желания, мировоззрения и философию ее элиты и, когда она гибнет, племена и отдельные индивиды воспринимают этот как свой «звездный час».

5. Безмолвствующая культура киданей

Конец II тысячелетия обозначил сам себя в качестве первого этапа складывающегося в глобальном масштабе информационного общества. Действительно, особое значение начинает приобретать распространение информации, которая проникает во все уголки планеты и во все поры человеческого сообщества, резко стимулируя геополитические, макроэкономические и этнокультурные процессы. Однако обратной стороной информационной революции совершенно очевидно является ситуация информационного хаоса. По словам Вальтера Беньямина (1892—1940), в культуре XX века идет борьба народов за право регистрировать свою историю. О новом видении исторического процесса начинают активно говорить новые и старые европейские и азиатские общества (советское марксистское понимание истории, пересмотр истории исследователями из бывших советских республик, базовой методологической осуждение европоцентризма как посылки в странах Азии и Африки и т. д.). В то же время во весь

рост встает и проблема аутентичности исторической методологии в отношении древних и древнейших культур. Все формы культур, древних или средневековых (кроме археологических), давно уже изучаются лишь специалистами, историками или филологами на основе прежде всего письменных источников. Однако культуры можно образно назвать безмолвствующими, описывающие их тексты прошли достаточно суровую обработку временем, с каждым новым поколением они обрастали все большим количеством комментариев, без которых трудно понять не только ушедшие исторические реалии, но и многие культурные явления того времени. В результате можно говорить, что в ряду множества сложностей и опасностей, сопровождающих работу историка, есть и такая, когда приходится иметь дело с теми фактами из истории и культуры того или иного народа, которые отбирали не столько сами носители этой культуры, сколько их соседи или даже потомки этих соседей. Так складывается по сути ряд образов ушедшей культуры, необходимых на том или ином этапе развития определенным цивилизациям или народам, проблемы решающим с их помощью практические использующим их для создания своей картины мира.

Сказанное неплохо иллюстрируется на частном примере одного из выдающихся народов средневековой Восточной Азии, – занимали Они заметное место центральноазиатского региона и сыграли значительную роль в бурных событиях предмонгольского периода, оказав огромное влияние на развитие культуры дальневосточной ойкумены. Киданьские племена не только объединились в рамках самой могущественной державы Восточной Азии того времени и «заставили мир дрожать», но и, используя достижения китайцев и покоренных народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира. Созданная ими империя Ляо, существовавшая более двухсот лет (907—1125), в период наибольшего могущества владела территорией Внутренней и Внешней Монголии и частью Северного Китая, влияла на политику Кореи, северокитайских династий Поздняя Цзинь, Поздняя Хань и Северная Хань (936—972), тангутского государства Западное Ся. В зависимости от нее находились даже южнокитайские царства Уюэ и Южное Тан.

На трактовке характера киданьской культуры и специфики их исторического развития сказалась уже китайская цивилизационная парадигма. Идеи «Поднебесной» (Тянься) и

«Срединной» (Чжунго) лежали в основе такого рода иерархии мировых этносов и социумов, которая, с точки зрения китайской мироустроительной доктрины, определяла необходимость и неизбежность их постепенного перехода на «магистральный путь развития». Уже одно то, что кидани попали в число «северных варваров» определяло их как потенциальных врагов цивилизации, которых необходимо «перевоспитывать» или «сдерживать». Сразу появлялся интерес к их внутреннему миру, но этот интерес был предельно прагматичен. Кидани в момент своего появления на сцене дальневосточного «театра» не были важны и тем более нужны для империи в экономическом и культурном плане, во всех смыслах они были реально или потенциально опасны. Нужно учитывать и то, что любая имперская историография традиционно далека от признания равноценности или самобытности другой культуры. Китайская, быть может, особенно, ибо основывалась на очень мощной и перспективной культурной парадигме.

Фактически с момента начала киданьской истории в отношении окружающего мира к киданям выстраивается, и выстраивается на века, одна константа — они рассматриваются как потенциальные разрушители культуры, которым доверять нельзя ни при каких обстоятельствах. Основанияее лежат в противопоставлении цивилизации и ее периферии, в противостоянии оседлых и кочевых народов, а впоследствии и в том, что кидани первыми смогли захватить часть Китая. По словам В. С. Таскина, «этот народ как бы открыл новую страницу в отношениях между Китаем и кочевой степью. Дело в том, что до киданей все вожди враждовавших с Китаем племен либо признавали превосходство китайского императора, либо считали себя равными ему. Киданьский же император Тай-цзун в результате военных побед сам возвел на китайский престол угодного ему императора, который официально признал его отцом, а себя сыном, что выражает, по китайским понятиям, отношения подданного к государю. Другими словами, впервые в своей истории Китай признал чужеземное господство.

Кроме того, если раньше в результате военных поражений Китай соглашался платить унизительную для себя дань, называя последнюю подарками, то возведенный киданями император помимо ежегодного предоставления подарков уступил кочевникам шестнадцать китайских областей. По этому поводу В. П. Васильев в свое время писал: «Это событие имело решительное влияние на дальнейшие происшествия. Допущение инородцев не грабить,

а уже властвовать над китайскими городами было пятном, которое стремились смыть все китайские государи. Из-за этого они воевали с киданями, вступили в союз с маньчжурами (т. е. Чжурчжэнями — П. Г.) и против них с монголами, и все это для того, чтобы отдать последним весь Китай. Со своей стороны, обладание китайскими землями должно было произвести великий переворот и между обитателями Монголии: они научились владеть китайскими землями и увидели, что можно этот первый опыт повторить и в более общирных размерах».

Тенденциозное и прагматичное отношение к этносу и его культуре проявилось и в названии народа «цидань», которое было присвоено ему как своего рода программа дальнейшего развития.

Этноним как «имя» отражает и обозначает место того или иного этноса в определенном пространственно — временном континууме («мире»). Чем малочисленнее этнос, тем труднее ему оставаться «свободным», он вынужден строить «добрососедские» отношения с кем-то.

Очень долго в отечественной историографии выражение «китаизация» воспринималось только негативно, как отражение великоханьских настроений, шовинистических по своей сути и ведущих к неизбежной гибели самобытных культур. Разумеется, складывание идеологии в том или ином метарегионе приводило к естественной трансформации «языческих» и «варварских» культур, но так называемая «имперская» ситуация вовсе не подразумевает геноцид. Сам термин «империя» уже нельзя воспринимать внеисторически. Применительно к восточно-азиатскому региону это означает, что под «китаизацией» нужно понимать идущий на всем протяжении существования китайской государственности процесс складывания китаецентричного «мира», символическим образом которого может быть названо «дерево» («один ствол и множество ветвей»). По Сюньцзы, «(люди, живущие) меж четырех морей, подобны одной семье». Дальневосточный регион как «культурно-исторический ареал» был мегасоциумом, состоящий из макро- и микросоциумов (различные государства, народы, племенные союзы, племена и т. д.). Главным здесь было не административное, а духовное взаимодействие. На практике это находило отражение в «даннической системе», идейной основой которой была доктрина «мироустроительной монархии». В рамках этого мира каждый этнос имеет свое определенное место, хотя не исключено и даже обязательно его «движение» в рамках этой сложной системы. Это неплохо иллюстрируется именно киданьской историей.

Старейшей проблемой киданеведения является вопрос о происхождении этнонима «цидань»: китайское ли это обозначение или самоназвание киданей. Сам этноним «цидань» однако не является самоназванием киданей и его необходимо рассматривать в двух планах. Как любой другой, он «родом из прошлого» и его происхождение и первоначальное значение важны прежде всего для самих киданей, но его история является уже достоянием всей восточноазиатской истории и он имел исключительное значение для истории народов Восточной, Центральной и Средней Азии.

Можно предположить, что исходным и этнообразующим элементом является не язык, религия или общность занятий, а именно происхождение. «Единство» происхождения — важнейший параметр «истории» и его необходимо обязательно маркировать. За основу берется такое событие, которое в состоянии отделить предшествующую историю настоящей. Складывается ОТ необходимая для картины «истории» трихотомия – «прошлое», «настоящее», «будущее». Иудейская «история» начинается с «исхода» из Египта, римская — с бегства Энея из Трои, монгольская — с походов Чингис-хана. В начале киданьской этнической «истории» тоже лежат события. Событие, как правило, дает начало «истории», но одновременно ставит задачу достижения ее «конца», каковым будет создание своего «мира» или даже всеобщего. Однако, если у оседлых народов «началом» «истории» является нарушение связи «избранного народа» со своим «богом» («первородный грех»), т. е. нарушение традиции, что и приводит к усилению внутренних противоречий и натиску воинственных соседей извне, то у кочевников «история» носит дисперсный характер: «началом» ее является отделение от других этнических групп как «спасение» или бегство на новую территорию, которая отныне становится «Землей обетованной» (библейский «исход»). Кидани в условиях седентаризации находились на стадии перехода от «горизонтальной» модели истории к «вертикальной», что выглядело в глазах и кочевников, и оседлых народов как двуличность и отсутствие культуры.

В I тыс. н. э. начинают оформляться евразийские «миры» и одним из последствий этого процесса становится четкое обозначение всех известных племен и народов, их наименования составляют своего рода «периодическую таблицу» того или иного густонаселенного метарегиона и отражают наличие и изменение

«политического веса» каждого из «элементов». Усиление взаимосвязей между племенами и народами, невиданный прежде размах межкультурного общения, значительный рост миграционных потоков приводили к изменению оценки народа или человека в различных этнокультурных и политических измерениях. Китайская модель «хуа-и» («цивилизованный Китай» и «нецивилизованная» «варварская» периферия) усложняется и «варвары» начинают делиться на «близких», почти «своих» и «далеких» («немирных»).

Это неплохо видно именно из анализа этнонима «цидань». Иероглиф «ци» среди прочих (топливо для гадательного огня, бирка, купчая, как ЦЕ – разлука) имеет и такие важные значения, как «уговор», «договор», «условие», «чувствовать симпатию». Помимо таких значений, как красный цвет, киноварь, иероглиф «дань» означает также «область», «преданный», «искренний». Если суммировать, то получается, что речь идет о территории, которую некие роды (мы не знаем, как называли себя в то время кидани) заняли на основе определенного («искреннего») договора с теми племенами и народностями, которые составляли так называемый китаеязычный регион. Название киданей не самоназванием, а четко прослеживается желание киданей быть частью китайского мира, перейти из внешней впоследствии Кидани маркировали внутреннюю. тоже окружающие их империю племена. Так, слово «чжурчжэнь» было не самоназванием , а обозначением «непокорного народа». Этот термин может быть назван «термином статуса» (Исаева М. В.). Как любые другие «варвары», кидани в то время еще воспринимали китайскую культуру в качестве образцовой. Может быть, именно поэтому у киданей, в отличие от многих других восточноазиатских и центральноазиатских племен ведущий этноним оказался не связан с наименованием рода вождя (Ёлюй).

В качестве основы для этнонима в силу сказанного не случайно были избранны именно китайские слова, ибо именно китайский язык в то время был языком восточно-азиатского метарегиона. Логично предположить, что выборочное принятие китайской лексики, прежде всего этнополитической и стало для ранних киданей первой фазой их синизации.

Постепенно кидани приняли этот термин в качестве самоназвания и начали «читать» свое обозначение иначе, благо основа «ци» давала возможность создавать различные семантические графемы со знаками «чжу» (главный, хозяин), «ли» (сила),

«да» (большой). Иероглиф «да» (большой, прежде — просто «человек») давал возможность выделять себя из остальной племенной массы, приравнивая себя к «людям» в том смысле, который придавал этому слову китайский язык. Начинается «движение» киданей в рамках восточноазиатской этнополитической системы. Видимо, окончательно термин «цидань» в качестве самоназвания они принимают во второй половине V в.

Однако, если в начале киданьской истории этот этноним был своего рода слоганом и демонстрировал желание киданей и остальных членов дальневосточной «семьи» народов жить во взаимном мире и новом согласии, то постепенно его значение начинает меняться. Сразу надо заметить, что этот факт демонстрирует не только такие естественные процессы, как демографический рост, усложнение социальной структуры и трансформацию киданьского этнического массива из союза кровно-родственных объединений в этно-политический конгломерат. Начинаются процессы усыхания восточно-азиатской степи, многие роды и племена переселяются в лесостепную зону или откочевывают на запад. Кидани получили возможность резкого усиления и воспользовались этим. На культуре это отразится самым прямым образом. Помимо стремительной конвергенции множества субкультур отдельных родов и присоединенных племен начинается достаточно осознанный процесс искусственного строительства новой культуры с ориентацией на китайский образец. Однако в результате появляется два серьезных фактора, которые вступают во взаимное противоречие внутри самой киданьской культуры. Во-первых, на киданьской территории в новой социально-политической ситуации встретились вынуждены были вести совместную жизнь разделенные ранее в соответствии с природно-климатической дихотомией северной и южной половин Китая носители разных культур – оседлой и кочевой. Во-вторых, усиливается синизация социальных верхов киданьского общества. Естественным следствием этого является то, что традиционные киданьские ценности и формы культуры отходят на задний план и в текстах того времени практически не отражаются. «Ученая» культура ориентируется на строительство «мира» и подавляющее большинство населения формирующегося государства становится «безмолвствующим». Можно сказать и о глубоком противоречии между менталитетом рядовых киданей и имперской идеологией. Менталитет как матрица есть совокупность разного рода установок социальной и

этнической общности действовать, мыслить, чувствовать воспринимать мир определенным образом. Он формируется спонтанно, как «естественный» способ когнитивного аффективного реагирования вовне. На его основе возникает сумма «естественных» чувств, настроений, обычаев, традиций. Идеология же как более «высокий» элемент общественного сознания разрабатывается верхушкой определенной социальной группы или класса и привносится в массы. Здесь всегда присутствует момент интеллектуального и ценностного насилия. Многое зависит от того, насколько совпадают ценностные ориентации основной массы населения и правящей этно-социальной группы. Ценностные ориентации же этнических общностей кристаллизуются, прежде всего, в религиозных верованиях (М. Вебер, Н. А. Бердяев, А. Панарин). В государстве киданей буддизм оказался ближе к традиционным ценностям и менталитету кочевников, тогда как конфуцианство и даосизм были более понятны и привычны для «китайского» сектора. Два «учения» находились в ситуации перманентного конфликта и в этих единую идеологическую vсловиях создать соответствующую культуру было сложно, если вообще возможно.

Незавершенность перехода от концепций, связанных с военным и политическим преобладанием над окружающим миром, к имперскому миропониманию значительно ослабляла киданьское сообщество не столько перед лицом китайской опасности, сколько опасности со стороны кочевого мира. Кидани этноцентрической концепции, но «не успели» «мироустроительную» новую сформировать региональную концепцию, между тем «южные земли оказались отрезанными от северных». Более «примитивные» народы и сыграли роковую роль в истории Ляо. К тому же, лучшие пастбища, без которых кидани еще не могли обойтись, находились в неподконтрольной им Степи. Не случайно, как киданьские, так и чжурчжэньские правители постоянно сетовали, что варвары одерживают свои победы, опираясь «на силу коней севера» и «ремесла Китая».

Естественная в этих условиях ситуация информационного хаоса описывалась лишь с точки зрения этно-политических контактов и конфликтов, а информационные сражения и войны внутри культуры авторами как киданьских, так впоследствии и китайских, монгольских и маньчжурских сочинений просто не замечались. В любые переходные периоды из истории «уходит» Сверхъестественное (в данном случае комплекс традиций), а его

место занимают политические интриги, социальная борьба, межэтнические столкновения, «столпотворение» «богов» и «языков». Информацию о культуре исследователям последующих столетий в значительной мере придется извлекать с помощью археологических методов, но и археология не «знает» всего.

Необходимо отметить и то, что культура в эйфории от открывшихся перспектив строительства нового «мира» «забывает» свое прошлое, т. е. прежнюю модель культуры. «Забывание» происходит стремительно. Империю создаст род Ила (Елюй). Его приход к власти можно назвать своеобразной революцией, ибо произведенный переворот и особенно социально-политические и административные преобразования Абаоцзи и Дэгуана вызвали протест родовой знати и серию мятежей, в т. ч. даже связанных с родственниками императоров. Эта революция по значимости, видимо, нисколько не уступала перевороту Пипина Короткого, имевшего своим итогом образование империи Каролингов. Елюй Абаоцзи в борьбе за трон существенно помогали выходцы из уйгурского по происхождению рода Сяо. Именно они помогли устранить братьев и дядей императора и тем самым укрепить возможность наследования власти не от брата к брату, а от отца к сыну.

В 926 г. Абаоцзи принял титул Тай-цзу («великий предок», ЛШ 2, 7б) — храмовый титул, который ранее давался только китайским императорам, положившим начало новой династии. Тем самым он отказался от прежней автономии и приравнял свою власть китайской, но пока только приравнял. Однако в следующий период существования государства (982—1074) сложилась новая геополитическая реальность и проявилось иное отношение киданей к себе и своей собственной истории. Это было время складывания уникальной в истории Восточной Азии ситуации «ди го» — двоецарствия. По «Сун шу», «Срединная столица утратила единовластие» (цз. 95), тогда как одной из базовых идей китайской идеологии было: «На небе нет двух солнц, на земле нет двух правителей».

Рядом с древним, исконно китайским «миром», складывается новый, который в соответствии с западной традицией, уже давно и достаточно успешно изучающей этот феномен, можно назвать «рах cidanica» (в противовес «рах sinica») или, по аналогии с феодальными Бургундией, Германией, Англией, Русью, можно назвать «Киданией», т. е территорией, контролируемой киданями. Они в это время уже выступают в роли «мироносцев», которые к

тому же оберегают свою «отчизну» от «агрессоров». На смену правителям из прежних родов (Дахэ и др.) приходят Елюевичи. Елюй Абаоцзи «объединил все тридцать шесть иноземных народов». В этом районе сложилась аналогичная китайской модель «цивилизация — варвары», где в качестве культурного центра выступала именно новая империя. Не случайно кидани продолжают сохранять термин «цидань», что, как и в китайской культуре («цинь», «хань»), свидетельствует о совпадении в их сознании понятий «культурный» и «киданьский».

Империя создала свой «мир», став «коренным государством» («бень-го») для своих соседей. Для него характерны замкнутость в политических границах, географическая и климатическая локальность, киданецентризм, т. е. этноцентризм, традиционализм, длительность существования, стабильность и «древность» зарождения, самобытность и оригинальность, уникальность исторического развития, цивилизационно-культурный экспансионизм, привлекательность «имиджа» для других народов, не только «соседних», но и отдаленных, умение «уживаться» с ними, наличие «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и, в то же время, являлось для народа «сдерживающей силой» от преступлений, особое значение литературы и письменности, предельная централизация государства и особая сила «верховной власти». Все эти факторы говорят о существовании совершенно новой культурноидеологической ситуации. Идея «бень-го» становится маркером и новой геополитической реалии. Здесь налицо разрушительный, по словам М. Н. Суровцова, характер китайского влияния на киданей. Кидани еще стремительнее начинают утрачивать особенности своей культуры, что и было «причиной их скорого исчезновения с политического, а затем и с физического горизонтов» (л. 21, 75). Добавим, что новая конструкция в силу указанных причин не могла быть долговечной и не стала арматурой новой культуры, просуществовав к тому же недолго. Китаизация оказалась лишь средством достижения политических целей и к тому же в определенной степени нежелательной даже для верхов общества. Но практически весь мир стал воспринимать их частью Китая. Отсюда, кстати, и пошли такие названия, как «Катай» и «Китай». В сознании людей, знакомых с китайским миром со стороны континента, кидани и Китай слились в одно название «Катай». Даже в Европе «Катай» воспринимался как могучее и агрессивное царство Великого Хана.

К тому же, кидани захватили своеобразный сакральный центр Китая— земли Янь. Трансформация классической ситуации взаимодействия китайского «мира-империи» и степной «полупериферии» (концепция Н. Н. Крадина) приняла катастрофические масштабы.

В результате, кочевники отчуждались от китаизированных киданей, а Китай их презирал. В перспективе киданям не находилось места в мире. Как оседлые китайцы, так и кочевые племена в принципе не принимали такую ситуацию, когда в мире могут быть два центра. Для дальневосточного мира, как и для средиземноморско-европейского, характерна «монокультурная» концепция, подразумевающая распространение культуры одного центра, «строительство» «мира» как «космоса» — порядка на основе культуры метарегиона. Для межплеменных отношений постоянные миграции, характерны военные соперничество, создание и распад союзов племен. Кидани же достаточно искусственно переносили в Степь такую концепцию государственного строительства межгосударственных И которая характерна для «оседлого» практически только там эффективна. Монархическая модель общества отодвигает на задний план предка («деда», «прадеда») и государство становится «отчизной». Таковой оно начинает восприниматься и подвластными народами. Император начинает рассматриваться как отец всех и вся (народов, миров, правителей, отдельных людей). «Оборотной стороной», естественно, станет самовластье императоров конца империи. В значительной мере поэтому западно-монгольские племена отказались присоединиться к плану члена императорского дома Елюй Даши реставрировать киданьскую империю, перенеся ее политический и сакральный центр в западные регионы. Это еще одна из причин наличия скудной информации об истории китаизированной культуре «западных» киданей. В китайской историографии о западных киданях долго сообщали лишь отдельные сведения или, в крайнем случае, использовали энциклопедический жанр «бэнь мо» – краткие заметки о том или ином сюжете.

Налицо также расцвет такой культуры, формулой которой, если так можно выразиться, было сочетание киданьской государственности, конфуцианской учености и буддийской нравственности. Однако три великих Елюевича (Абаоцзи, Дэгуан и Ши-цзун) из всего конфуцианского культурно-идеологического

наследия сделали акцент на идее «империи», сведя ее к тому же к системе **управления**. феномену личной власти И «варварством» они уже станут понимать децентрализацию и развал государственной машины. Преодолеть это можно было только с помощью идеи «империи» и интернационального языка, каковым сначала выступал китайский язык, но потом все большую роль начнет играть созданный, фактически искусственный, «киданьский» язык. В итоге идею «translatio imperii sinicorum» сформулировали не сами китайцы, а именно северные «варвары». Если в Европе «translatio imperii romanorum» («возрождение римской империи») проходило после гибели Западной Римской империи, то на Дальнем Востоке «translatio imperii sinicorum» («возрождение китайской империи») проходило при «живой» китайской империи, на Западе внутри оседлого мира, а здесь – практически за его пределами. Западные кидани вообще понесут эту идею в кочевой тюркский мир.

территории Влобавок киданей была особая на экономическая и этническая ситуация, где «классическая» империя просто не могла существовать. Можно сказать, что именно с киданей, начинается формирование «северного» «империи», что найдет то или иное воплощение в империях Ляо, Цзинь, Юань и Цин. «Южный» вариант некоторое время будет представлен в империях Сун и Южная Сун и частично воспроизведен в империи Мин В целом, можно говорить о том, что киданьское государство занимало определенное место в истории противостояния двух тенденций «мироустроения» – кочевой и оседлой: Ляо (Железная империя) – Цзинь (Золотая) – Юань (Небесная) — Цин (Чистая); Суй — Тан — Сун — Мин. «Цветная» линия полукочевых государственных образований находилась в перманентном конфликте с созвездием оседлых государств, делавших акцент на постоянном возвращении к «древним» традициям и паттернам. Со времени начала «осевого» цикла это был уже второй этап противостояния двух общественноэкономических систем. Первый связан был с постепенным вытеснением индоевропейских номадов из зоны контактов с оседлыми народами, второй – тюркоязычных народов. Можно сказать, что это этап, когда на авансцену выходит конгломерат монголоязычных и тунгусо-маньчжурских народов, начинается именно с киданей. Закончится он разделом Россией и Китаем Центральной Азии на соответствующие сферы влияния в XVIII в.

В итоге «историческими народами», т. е. народами, творящими историю, наравне с китайцами станут и северные народы (кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры). Но, обратим внимание, здесь под «историей», как правило, будут пониматься геополитические процессы. Хотя кочевники конечно же и в этом плане внесли немалый вклад в развитие всего человечества и создали свой вариант развития, в частности, свой вариант государственности, но он будет планомерно уничтожаться китайцами, что тоже приведет к дефициту информации.

История киданьского государства в определенном смысле апогей развития кочевой традиции на востоке Азии, когда бывшие кочевники максимально отказываются от тактики набегов и грабежей⁹ и пытаются построить свой «мир», но эта модель принципиально будет отличаться от китайской или римской именно тем, что здесь в качестве периферии выступают не номады или кочевники только, но и оседлые китайцы. Этот опыт киданей в той или иной мере будет изучаться всеми последующими завоевателями Китая, но там этнополитическая ситуация будет отличаться от киданьской. Если кидани начинали создавать баланс кочевых и оседлых районов, лавируя между ними, то чжурчжэни и монголы в большей степени склонялись к их иерархии и в результате в «угнетении» оказывались прежде всего оседлые народы. Естественно, что после изгнания кочевников, период их господства и «угнетения» стал восприниматься как своеобразные «средние века», лишенные культуры, почему эту культуру и не было необходимости изучать.

В целом идея «бень-го» была чужда кочевому миру, а китайцы не считали, что кидани вообще способны создавать такие конструкции, оставаясь «варварами». Однако эта идеологема изучается активно, начиная с современных киданям китайцев, и оставляет в тени все многообразие киданьской культуры.

Скрадывает это многообразие и появившаяся уже в новое время формула «кочевая империя», ставшая очень популярной на исходе XX века, но в отечественной исследовательской литературе впервые употребленной М. Н. Суровцовым. Как строго научный термин в рамках своей типологии кочевых образований применила С. А. Плетнева. Этот термин уже не раз становился предметом полемики. Еще Ибн Халдун в своей «Мукаддиме» обозначил

⁹ Полного отказа от этой тактики нет даже в оседлом обществе, поскольку насилие — обязательный атрибут так называемой «феодальной» экономики.

кочевое государство как особый вариант развития человечества (добавим, начиная с «Осевого времени»), он лишь в последнее время начал изучаться, а не описываться. Однако все еще можно говорить, что история кочевников воспринимается как нечто динамичное, непостоянное, но не как детерминированный исторический процесс. Прежде всего в этой формуле исследователей привлекает слово «империя», которое к тому же все еще понимается непозволительно традиционно. Двумя определяющими признаками империи с начала XVIII в. считаются обширность территории и этническая разнородность населения. Этим, по мнению французского исследователя того времени Г. Жерара, империя отличается от царства, которое меньше по территории и этнически однородно.

Как ни странно, определенная фальсификация киданьской истории связана и с названием империи.

Хотя империя киданей и является типичной кочевой империей, и ее развитие отражает те закономерности, которые прослеживаются и в других империях, особенно современных ей, мы можем одновременно говорить об уникальном в средневековой истории не только Востока, но и всего мира, одновременном существовании в рамках одного государственного образования двух различных хозяйственных укладов — кочевых скотоводов и оседлых земледельцев.

Следствием складывания новой геополитической этносоциальной ситуации был естественный отказ от акцента на этническом аспекте. Как это было в древнем и средневековом императорском Китае, в киданьском государстве постепенно складывалась новая общность, к которой традиционно применялось самоназвание киданей. Несмотря не то, что в государстве проживало огромное количество самых различных этнических групп¹⁰, империя считалась киданьской. Однако сами ее правители пытались избежать нежелательного проявления национальных противоречий, постоянно перемешивая население переселения различных семей и родов, поселения среди них чуждых, но необходимых государству, как правило, захваченных в плен ремесленников, крестьян и прочих специалистов, проводя социальную политику, в чем-то копировавшую китайские методы Нашло это отражение и программы и др.

 $^{^{10}}$ По образному выражению Ф. Шиллера, различные народы толпятся вокруг главного народа как дети вокруг взрослого человека.

административных реформ, среди которых следует упомянуть прежде всего изменение названия государства на Ляо в 947 г. Оно знаменательно именно тем, что является выражением достаточно киданьских осознанного стремления властей, характерного фактически для любого имперского образования, этнический принцип административного деления территории на географический¹¹. Еще любопытнее то, что новоиспеченный топоним очень быстро стал превращаться в этноним. Не только в киданьских или китайских официальных или частных текстах (династийные истории, договоры, дипломатические документы, дорожники), но и в документах и легендах более позднего времени (чжурчжэньских, монгольских, маньчжурских) кидани очень часто именовались просто «ляо» («ляосцы» в переводе на русский язык). явление перешло и в исследовательскую литературу. Разумеется, процесс складывания нового суперэтноса шел сложно и мелленно и не был завершен в силу недолговечности существования государства, но он шел.

V термина «ляо» были весьма значительные шансы стать этнонимом, ибо, как и «цидань», он основывался на определенном маркере, который должен был четко обозначить место киданей в регионе. Если «цидань» означало то, что кидани вошли в региональную этно-политическую систему в качестве мельчайшего элемента, то теперь это было обозначением и претензией на самое высокое в ней место, девизом всей жизни и деятельности новой империи, своеобразным слоганом династии. Иероглиф «ляо» традиционно переводится как «железный» и империя киданей как Железная. Эта традиция появилась, по мнению исследователей, в минскую эпоху, когда китайцы сбросили ненавистное монгольское иго и иначе стали «читать» историю взаимоотношений своего государства с северными варварами. Это прочтение основывалось не только на том, что слова «железо» и «железный» у многих монгольских племен было синонимом слов «сила» и «могучий», но имело и подтекст «железные оковы», «кандалы». Можно, вероятно, предположить, что мы имеем дело и с эволюцией термина, в ходе которой он менялся, теряя одни значения и приобретая другие, и вполне сознательным, предельно политизированным, его «прочтением» патриотически

 $^{^{11}}$ Киданьские названия тоже можно и нужно переводить, а не просто транскрибировать. Как в случае с Чжунго, которое употребляется редко, а чаще переводится как «Срединное государство» (Middle kingdom).

настроенными китайцами. Вполне возможно, что «железную» версию создал еще первый чжурчжэньский император Агуда, сказавший при вступлении на престол: «Государство Ляо взяло для своего названия слово «железо», так как оно прочно. Однако, хотя железо и прочно, оно в конце концов изменяется и разрушается, не изменяется и не разрушается только золото» (Цзинь ши, цз. 2). Антикиданьский подтекст этого пассажа очевиден и фальсификация ситуации мятежным Агудой весьма вероятна.

Имперский характер киданьского государства, сама логика внутренней политики его правителей, позволяет согласиться с возможностью существования в период Ляо другого значения, принципиально важного для киданей — «чистое серебро». Действительно, есть возможность именно такого прочтения данного иероглифа (с ключом цзинь – 'металл'), но можно вспомнить и то, что одна из столиц Ляо была расположена в долине Серебряной реки (Иньчуань), и уже упомянутый географический принцип структурирования государства взамен этнического. Важно и то, что монголоязычные кидани более ценили серебро, а не золото или железо. Этноним «монгол», как бы его ни переводить, в любом случае связан с монгольским словом «монго» (серебро, белый, чистый), а монголы, как впоследствии и маньчжуры считали киданьскую империю своеобразным образцом для подражания. По сообщению Пэн Дая, именно в противовес мкнежичжи татары назвали свое государство Маньчжуры, приступая серебряной династией». ĸ грандиозному проекту по переводу официальных историй трех великих средневековых империй (Ляо ши, Цзинь ши, Юань ши), выделяли их них, как ни странно, именно киданьскую.

Нужно учитывать и то, что письменные источники по нашей теме тоже далеки от праздного любопытства и создают необходимый для той или иной цели банк информации об этом народе и соответствующий его образ. Оба главных текста — «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История династии Ляо») создавались после исчезновения империи. Сочинение Е Лунли (1180 г.) предназначалось для южносунского императора Сяо-цзуна, который хотел иметь изложенную в последовательном порядке историю Ляо. Это сочинение своего рода знаковое. Среди многочисленных китайских исторических сочинений это первая, дошедшая до нашего времени самостоятельная работа, посвященная истории другого государства. До этого все имеющиеся сведения о соседних

народах давались китайскими авторами как приложения к отдельным династийным историям. регионов. Южносунские историки уже не могли замалчивать тот факт, что кидани первыми из «варваров» стали на один уровень с китайцами, сменив привычную для дальневосточного мира вертикаль бицефальным устройством мира: Китай — Ляо. Доходило до того, что киданьские историки стремились доказать, что кидани сменили китайцев или другие народы (уйгуров, тангутов, тюрок) в роли «исторических народов» и отныне именно они являются организаторами и устроителями мира, созидателями культуры. Именно по этой причине исторические тексты киданей неспроста составляются вначале на собственном языке. Переход к китайскому языку во многом был обусловлен стремлением сделать свои концепции более известными.

Чтобы объяснить этот факт и умалить значение киданей в истории дальневосточного региона используются самые различные методы¹². Самым неудачным из них надо признать тот, который отразился в названии сочинения, когда киданьский этнополитический конструкт именовался всего лишь «государством» («го»). Кроме того история киданей упорно излагалась лишь в связи с историей Китая. Многие события в истории взаимоотношения двух империй сознательно фальсифицировались. впервые история киданей излагается в Конечно, здесь систематическом виде и оказалась «уже выполненной совершенно или отчасти та полумеханическая работа, которая так трудно дается европейцам» Позднеев Д. К.), но стремление найти для киданей нишу именно в ханьской истории тоже налицо. Вряд ли здесь можно видеть сознательную фальсификацию киданьской истории, скорее это соответствующая своему времени и своей ментальности попытка осознать киданьский феномен. Даже то обилие информации о быте, культуре и обычаях киданей и окружавших их народов говорит о сохранении отношения к ним как к «варварам» («Ляо ши» сделает акцент на имперских традициях и церемониях). Этнографический материал таким образом тоже не демонстрирует нам все многообразие, целостность и самобытность киданьской культуры 13 .

¹² Против кочевников в той или иной степени были направлены и средневековые китайские ренессансы, особенно сунский, где антикиданьская тенденция прямо заметна.

¹³ Надо заметить и то, что киданьские тексты или тексты о киданях писались учеными людьми, поэтому основная масса населения представляет собой безмолвствующее большинство.

В отличие от «Цидань го чжи» «Ляо ши» делает упор не на политических или военных аспектах, а на внутренней жизни киданьского народа. Отказ от прежней традиции интерпретации можно объяснить вероятно тем, что монголам понадобилось воспринимать Ляо, одного из своих предшественников, как более масштабное государственное образование и отнюдь не узурпаторское. Так впервые дальневосточная культура признала притязания киданьских правителей на императорский статус. Понадобился и киданьский опыт имперского строительства, а для его обобщения мог быть использован только жанр династийной истории.

Крайне любопытен тот спор, который разгорелся среди составителей хроники. Одна группа чиновников утверждала, что кидани узурпировали власть на территории китайской империи и поэтому их история должна быть включена в историю сунской династии. Другая группа настаивала, что Ляо была независимым северным государством и что она даже китайских императоров заставляла признавать вассальную зависимость, поэтому история Ляо должна быть представлена как самостоятельное сочинение. Можно предположить, что спор был замаскированной формой другой проблемы – обсуждения где цивилизации, на севере или на юге, в кочевом секторе или оседлом. Антимонгольский подтекст второй точки зрения и накал страстей были излишне заметны, поэтому, вероятно, монгол Токто (Тото) в 1343 г. попытался их примирить. Его решение, для того времени компромиссное (монголы стремились не раздражать лишний раз завоеванных китайцев), на самом деле стимулировало движение к концепции «одного ствола и множества ветвей»: Ляо, Цзинь и Сун были признаны одинаково ортодоксальными династиями и потому история каждой из них была датирована в соответствии с ее собственным календарем.

В первой точке зрения можно видеть стремление резко принизить роль киданей в истории региона и тем самым, учитывая их несомненную этногенетическую связь с монголами и то, что сами монголы эту связь ощущали, создать исторический аргумент в борьбе за освобождение от монгольского гнета. Можно говорить, что тем самым всем последующим поколениям на века вперед задается проблема для обсуждения, которая безусловно не давала возможности не то, что реконструировать во всем объеме киданьскую историю и культуру, но и рассматривать их объективно.

Китайская историография периода монгольского господства расставила еще ряд акцентов в киданьской проблематике и даже, можно сказать, проложила дорогу в определенном направлении для последующего изучения киданей. Именно тогда окончательно кидани стали рассматриваться как инициаторы последовательного захвата кочевниками Китая, проложившие дорогу чжурчженям, монголам, а впоследствии и маньчжурам. Тема взаимоотношений кочевого севера и оседлого юга будет варьироваться от борьбы империи с варварами до национально-освободительных войн китайского народа. Киданьскому обществу фактически окончательно присваивается статус милитаристского. своеобразным итогом этого станет концепция «завоевательных империй», одной из которых, разумеется, будет считаться киданьская. Представление о киданях как варварах перейдет потом в справочную литературу, где будет говориться о том, что киданьская империя была создана «племенами» кочевников, впрочем, как и чжурчженьская и монгольская. После монгольского завоевания окончательно складывается представление об особом менталитете и неуемном воинственном духе кочевников, их пассионарности¹⁴.

О киданьской культуре и ее происхождении очень часто ее феномена как такого собственная основе письменность. Считалось, что язык является самым убедительным свидетельством не только величественности культуры, но и ее самобытности. К настоящему времени сложилось несколько основных гипотез происхождения киданьского языка и этноса: «тюркоязычная» (Сюэ Цзюй-чжэн), «тунгусоязычная» (Оуян Сю, А. Ремюза, Г. Клапрот, К. Риттер, В. П. Васильев, Е. В. Бретшнейдер, Паркер), «смешанная монголо-тунгусская» (Г. Хауорс, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Бартольд), «монгольская» (Н. Я. Бичурин, О. Ковалевский, Р. Тории, Д. Тамура, Л. Л. Викторова, В. С. Стариков, В. С. Таскин, С. А. Токарев, Л. Котвич, Л. Р. Кызласов, К. А. Виттфогель, Фэн Цзя-шэн, Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав, Санжеев Г. Д., Е. М. Залкинд, Кондратов А. М., Наделяев В. М.).

¹⁴ В некотором смысле стремление понять исторический процесс исходя из пассионарных устремлений, хотя и стремительно выводит кочевников из «тени» истории, все же принижает роль культурного строительства в любом государственном образовании, будь то кочевое или оседлое, — история же многофакторный процесс.

Между тем, история развития киданьской письменности и литературы позволяет сделать вывод о том, что мы имеем дело с довольно типичным для эпохи древности и средневековья явлением. В любом языке есть элементы сознательного отношения к языку, т. е. регулирование, нормирование и пр. В результате серии языковых реформ и сознательной языковой политики правительства эти элементы были усилены и киданьский язык претерпел ЭВОЛЮЦИЮ ОТ («национального») к плановому как языку обширного региона, международным. Киданьский язык онжом «искусственной» коммуникативной системой. Даже не полное до сих пор изучение киданьского языка и письменности позволяет сделать вывод о том, что он в эпоху Ляо достиг настолько высокого уровня, что играл роль некоей «лингвистической арматуры» в сложной общественной, экономической и культурной жизни киданей и их «мира». Он выработал свой собственный набор необходимых для этих областей терминов, имел сложный и многогранный словарный состав, достаточно далеко отошел от терминологической простоты предшествующих ему языков и диалектов. Наличие слов и выражений из соседних языков и даже свидетельствует семей не только культурных и языковых контактах в Восточной Азии (даже корейские юноши в большом количестве ездили в 995 г. в империю изучать киданьский язык), но и сознательной политике киданьских чиновников и правителей по созданию синкретической языковой структуры, которая должна была отражать наличие в империи, и в дальневосточном культурном регионе в целом синкретизма экономического, политического и культурного. За время своего существования киданьский письменный язык западноевропейской латыни. Он был языком межплеменного, межгосударственного и межкультурного общения. «искусственный» характер письменности привел к исчезновению этого языка после крушения империи Ляо. Западные кидани пытались что-то писать на нем (Рашид ад-Дин упоминает даже официальную историю), но широкого распространения в Си Ляо, где был более велик удельный вес тюркоязычных племен, он не получил.

История трех великих империй (Ляо, Цзинь, Юань) по новому поставила и проблему роли личности в истории. Если идеалом классического Китая был конфуциански образованный император, получающий мандат на управление от Неба, то он явно

оказался «посрамлен» «невежественными» предводителями «диких» племен. Первым из них оказался основатель киданьского государства Абаоцзи, потом чжурчженьский Агуда, но их со временем естественно затмит «дикий» и «необузданный» Чингизхан¹⁵. А причину успехов «героя Чингиса», как и его предшественников, напуганный оседлый мир увидит в том, что он «ни Бога... не знал, ни человеков правил/ Едину силу лишь в закон всего поставил»¹⁶.

В этот же период интерес к восточноазиатским кочевникам возник и в Европе. Поводом послужили сначала слухи о том, что «нечестивое полчище тартарейское многие земли разорило» и это «нечестивое» племя пришло с неких «островов», а затем «наводнило (собою) поверхность земли». Именно в это время в Европе широко распространяется легенда о государстве пресвитера Иоанна (Иоанна или Иоганна у крестоносцев-германцев, Жана — у франков, «попа Ивана», пресвитера или протопресвитера в русской литературе 19–20 вв.). Вероятным поводом для возникновения этой легенды стало поражение в 1141 г. в Катванской степи под Самаркандом «последнего великого Сельджука» султана Санджара от кара-китаев, создавших свое государство на территории Средней Азии и Казахстана. Появляются и обстоятельные компендиумы информации Г. Рубрука, П. Карпини, М. Поло.

Особо следует подчеркнуть и то, что анализ ведется теперь, правило, с учетом развития экономических, как идеологических процессов. Появление иноземцев для формирующейся городской экономики казалось большей катастрофой, чем для «деревенской» Европы VIII в. Потому Европа и старается просчитать все возможные варианты изменения внешнеполитического положения континента. К тому же принцип расчета и выгоды уже выходит на первое место в европейской системе ценностей. От рационального ведения хозяйства происходил переход к рациональной организации государства. Появлялись сложные органы управления и контроля, система налогов и формировалась государственного кредита, политика,

¹⁵ Образа «благородного дикаря», как в тюркской или американской культурах, в дальневосточной литературе так и не появилось.

¹⁶ Каменский П. Мысль к стихам почерпнутым из дел Мунгальского Героя Чингис хана. Где сравниваются дела великих Героев: Древнего Александра, Юлия Кесаря, Чингиса и Петра Великого // Архив Востоковедов СПБФ ИВ РАН. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр.25. Л. 356.

взвешивающая все мыслимые факты и возможности, даже характеры политических деятелей, в ранг высокого искусства возводилась изворотливая дипломатия. Идет процесс перерастания средневековых народностей в нации, и уже не только и не столько на этнической, сколько на экономической основе формируется нравственно-политический принцип патриотизма.

Все это не могло не повлиять на восприятие кочевой культуры в целом и киданей в частности. Достаточно упомянуть, что через сочинения М. Поло, Г. Рубрука и П. Карпини кидани стали известны европейцам. И практически сразу же налицо попытка анализа некоторых проблем, связанных с ними. Имеется в виду прежде всего Роджер Бэкон (1214—1292), «ученый, вызывающий удивление», казавшийся вначале «червонцем, застрявшим в навозе своего века» (Вольтер), но представший перед потомками «царем мысли средних веков» (Э. Ренан), который подобно гностикам пытался получить истинную картину мира в результате синтеза сведений из всевозможных наук. Именно он, по словам М. П. Алексеева, дал «связный географический очерк Азии основании критического сопоставления новых данных, полученных опытным путем, и всей существующей литературы». Традиционно он дает описание трех частей света Европы, Азии и Африки и ссылается на античных авторов (Аристотеля, Плиния и др.), но основной фактический материал берет у своих современников, в том числе, говоря об Азии, у францисканских монахов Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрука. Однако «бесхитростные и во многом наивные рассказы» Карпини и Рубрука он анализирует очень тщательно и компонует материал так, что тот лишь подтверждает его научную концепцию.

История различных народов, населявших Центральную Азию в 13 в., интересует Роджера Бэкона прежде всего «из-за самого народа, который теперь очень известен и попирает мир ногами своими», т. е. из-за «татар». Их происхождение он связывает с подвижками племен в Центральной Азии и, в частности, с историей государства кара-китаев (1124–1218).

На страхи Европы он, отталкиваясь от рациональных доказательств, отвечает, что «тартарское нашествие еще не является признаком того, что грядет время пришествия Антихриста, но требуются и другие доказательства, дабы объяснить последствия». Подробно описывает Бэкон и конфессиональную ситуацию, давая исчерпывающие для XIII в. сведения о религии и верованиях «татар» и других центрально — азиатских племен и народов, о

различных христианских общинах и сектах в Азии («от центра Черной Катайи до самых восточных границ живут преимущественно идолопоклонники, но примешаны к ним сарацины и тартары и несториане»), о религиозной политике монгольских правителей. Пытается он понять и причины возвышения тех или иных племен (тюрок, найман, уйгуров, киданей, монголов), то говоря о неожиданно возникающей «страсти к владычеству», то связывая это с численным ростом восточного населения и, как следствие того, борьбой за пастбища и угодья.

Любопытно свидетельство Р. Бэкона о значении слова «хан»: «хам — титул и означает то же, что прорицатель» (Cham est nomen dignitatis, et sonat idem quod divinator). Тем самым подтверждается совмещение в лице правителя западных киданей духовной и светской власти по т. н. «китайскому» варианту. Бэкон ошибочно воспринимает «Коир» как «имя собственное» (nomen proprium), тогда как это слово является искаженным «гур» и означает «всеобщий», а весь титул читается как «хан всех племен».

Он первым из крупнейших средневековых мыслителей, по сути, сформулировал идею неизбежной будущей конвергенции христианского и языческого миров, причем на основе диалога культур, а не их борьбы.

В то же время в европейских сочинениях этого периода проявляется несколько моментов, свидетельствующих о том, что история кочевников ими также воспринимается через определенные идиологемы. Как в любой цивилизации, в «христианском мире» был свой геополитический «крест», который составляли две «Запад — Восток» (сложные взаимодействия цивилизациями, оседлыми прежде мусульманской) и «Юг – Север» (противостояние с номадами – кельтами и германцами). Естественно, что европейцам оказалась близка и понятна идея «варваров», тем более, что и в их цивилизации тоже существовала клеточная модель Неудивительно, периферия). протяжении что на последующих столетий на историю киданей, как и других кочевых народов они смотрели глазами китайцев и практически без малейшей критики восприняли их исторические схемы.

Определенную роль здесь сыграл и европоцентризм. Под ним обычно понимается восприятие окружающего мира с позиций цивилизационного центризма. Он проявляется во многом, в том числе в пренебрежительном отношении к другим культурам,

религиям и идеологиям. В сознании отдельных представителей европейской цивилизации, как, например, у Р. Бэкона, рождалась идея конвергенции если и не цивилизаций, то народов¹⁷. Однако идеи, рожденные Ренессансом, Реформацией и Просвещением, модификации способствовали западной цивилизационной парадигмы, которая стала активно транслироваться во времени и пространстве. Итогом станет концепция «магистрального пути развития человечества», по которому идут европейцы и на который рано или поздно должны выйти все остальные народы. Естественно они соответствовать определенным должны стандартам и кочевники как «недоразвитые», которые ничего не «человечеству», были объявлены «ТУПИКОВЫМ» могут дать вариантом развития. Явно сказался и веками выработанный страх оседлой цивилизации перед кочевниками, поэтому европейцев очень долго интересовали исключительно военные аспекты истории кочевых народов.

Нужно учитывать и то, что в Европе на протяжении всей истории был накоплен богатейший опыт изучения истории вообще и истории «варваров» в частности, разработаны исторические, филологические, сравнительные методы, выработана определенная номенклатура понятий и исторических схем, которая до сих пор пользуется немалым успехом и в других цивилизациях. Этот строго научный подход вывел историю изучения кочевников, в том числе и киданей, на более высокий уровень анализа и синтеза и значительно усилил сложившиеся на Западе и Востоке историологические стереотипы и штампы.

Нередко образ кочевника как разрушителя культурных ценностей, делающего акцент в своей культуре не на «общечеловеческих» ценностях, а почти исключительно на культе силы, использовался и во вполне корыстных целях. Так, образ могучего Великого Хана «Катая», сформированный с помощью «Книги» М. Поло, дал основание Х. Колумбу и последующим конкистадорам возглавлять многочисленные и хорошо вооруженные военные отряды для «открытия» Азии, которая на деле оказалась новым материком. То, что такие названия, как «Катай» и «Индии» использовались «атлантическими нациями»

¹⁷ Лишь к концу второго тысячелетия, в условиях активно идущих процессов глобализации, идеи конвергенции стали популярны как своеобразная альтернатива гегемонистской модели объединения народов (фашизм, советский марксизм, современная политика США).

Европы вплоть до конца XVIII в., вряд ли можно объяснить только их географическим «невежеством».

Образ «восточных иноземцев» активно использовался и в период противостояния цивилизаций, как, например, это имело место в СССР, когда он столкнулся с «территориальными» притязаниями маоистского Китая. Именно тогда был придан дополнительный и очень мощный импульс к изучению «государственных образований на северной окраине средневекового Китая». Политическая ангажированность исторических исследований в нашей стране в это время была очевидной, хотя, надо признать, что соответствующие идеологические штампы и лозунги не помешали и в это время накопить достаточно обширный фактический материал, подготовить и опубликовать целый ряд ценнейших источников и исследований.

Выработала определенный имидж киданьской культуры и маньчжурская историческая литература. В этом плане особое место занимает грандиозный маньчжурский проект по переводу летописей империй Ляо, Цзинь и Юань. В 1646 г. вышел в свет перевод «Ляо ши». Он был составлен группой чиновников под общим руководством министра по обнародованию законов Хифэ. В переводе были выпущены «непригодные места», возвеличены «все удачи добрых дел» и рассмотрены «неудачи злых дел». Налицо сознательная фильтрация текста и использование только того материала, который был пригоден в нуждах государственного строительства. Можно говорить, что акцент был сделан на Ляо как могущественной империи, умело управлявшей подвластными китайцами. Маньчжуров фактически интересовали лишь военные и административные аспекты киданьской истории и культуры.

«Вывихнутый» XX век с его мощными геополитическими и социальными катаклизмами, культурно-идеологическими кризисами, стремлением к максимальной деидеологизации, доходящей до атеизации культуры, снова пересматривает «дорогу истории» и пытается увидеть в потерянных векторах нереализованные, но вполне реализуемые в новых условиях возможности дальнейшего развития. С одной стороны, это стимулирует переход к максимально объективному научному подходу к истории, но, с другой, ситуация информационного хаоса на планете усиливается необычайно и требует срочной ликвидации, которая вполне может произойти под эгидой новой идеологической схемы. Признаки ее становления уже заметны. Если в начале столетия неверие в возможности синтетического подхода к истории породили

пестроту и противостояние идеологий (христианство, фашизм, марксизм, позитивизм, анархизм), в силу этого принципиальный отказ от множества схем, своего рода научную апатию и стремление понять «историю» через факт или отдельного человека (школа «Анналов»), то к концу века юная «демократическая» идея требует срочной историко-культурной «подпитки» и исторической аргументации. Есть соответствующая опасность, что либеральная идея, пришедшая на смену религиозной, создаст свою систему фильтров, через которые многим древним народам и прежде всего кочевым без новых потерь пройти не удастся. Их история будет осмысливаться к тому же через систему категорий, которая возникла на другом конце планеты и в другое историческое время.

Таким образом, киданьскую культуру действительно можно образно назвать безмолвствующей. В результате «сотрудничества» Европы и Китая ее история оказалась полна множества штампов и предстает в виде серии образов, совокупность которых фактически ставит вопрос о том, что мы практически не знаем ее. «Голос» киданей не дошел до нас. Те высказывания отдельных людей, которые приводят в своих сочинениях китайские историки или путешественники, подбираются и используются ими для вполне определенных целей. В то время не были нужны и не проводились социологические опросы в нашем понимании. Собеседники китайцев не были респондентами, а это значит, что мы через эти достаточно случайные цитаты не узнаем, что сама культура думала о себе.

Можно утверждать, что киданьская культура сознательно уничтожалась, ибо во многих своих аспектах была опасна для соседей и их потомков. Она воспринималась прежде всего такой, какой должна быть, а не той, какой являлась. Отсюда чаще всего крайне негативное отношение к ней и лишь изредка ее идеализация, что, в свою очередь, тоже было крайностью.

Это не означает, что изучение было не эффективным и оно бесперспективно, просто надо учитывать, что история кочевников изучалась не менее тенденциозно, чем история оседлых сообществ, что и кочевники проходили через многочисленные мировоззренческие и идеологические «фильтры» оседлых цивилизаций 18.

¹⁸ Не менее любопытно было бы посмотреть, какие образы оседлых культур возникали в сознании тех или иных оседлых народов.

Если сами кидани когда-то искали свое место на карте «мира», то теперь стоит задача найти ей место уже на карте «истории», не только региональной, но и всемирной.

6. О специфике использования восточноазиатских письменных источников по истории киданей и их государств (X-XIII вв.)

Письменные источники до сих пор являются не только наиболее популярными, но и наиболее важными и репрезентативными в плане получения необходимой информации для изучения той или иной исторической темы. Между тем, тексты далеких эпох до сих пор часто не воспринимались в качестве авторских произведений. В них не видят авторской позиции, субъективных целей и желаний, ангажированности, наличия тех или иных мировоззренческих штампов и идиологем. Их авторы воспринимаются, как некие объективно мыслящие «историки» или «географы», а их принадлежность к той или иной историографической традиции остается в тени. В результате многие выводы авторов воспринимаются некритично и с необоснованным доверием. Между тем, понимание специфики этих источников может помочь пересмотреть или хотя бы уточнить давно устоявшиеся оценки и характеристики.

В данном случае речь пойдет о трактовке истории довольно могущественного народа, который был известен тысячу лет. Киданьский этнос с III в., занимал заметное место в истории центрально-азиатского региона и сыграл значительную роль в бурных событиях предмонгольского периода, оказав огромное влияние на развитие культуры дальневосточной ойкумены. Киданьские племена не только объединились в рамках самой могущественной державы Восточной Азии того времени, империи Ляо, существовавшей более двухсот лет (907—1125), и «заставили мир дрожать», но и, используя достижения китайцев и покоренных народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира.

Именно китайские исторические тексты имеют особенно большое значение при изучении истории и культуры киданей, рассмотрении различных вопросов образования государства, его общественного строя, экономической и политической обстановки в Восточной Азии. Исследователи стали использовать их уже несколько столетий назад, активно их цитируя и иллюстрируя фактами из них свои труды.

Систематическое изложение истории киданей, где об их государстве и культуре можно найти относительно подробные сведения, содержится практически только в двух исторических сочинениях — «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История [династии] Ляо»).

Необходимо отметить, что эти два текста типичны для традиционной восточноазиатской исторической мысли и именно здесь применительно к киданям максимально полно была применена китайская цивилизационная парадигма. Естественно, главной задачей здесь является доказывание особой роли китайского идеала, ибо, по мнению китайских историков, государственность может появиться только под влиянием Китая. Не менее важной является и проблема долговременности ее существования: почему киданьское государство так долго существовало, и какой из этого можно извлечь опыт? И, наконец, причины его гибели. Главной причиной не может быть просто отказ от идеала — он доказал эффективность своей многовековой историей в рамках китайской империи. Важнее для китайских историков с помощью анализа исторического материала доказать иное - то, что «варвары» не способны следовать ему долго и в состоянии создавать лишь недолговечные образования, а вечна лишь китайская империя.

Необходимо отметить и то, что «Ляо ши» и «Цидань го чжи» как бы дополняют друг друга, что, возможно, и стало одной из существенных причин сохранения в истории этих сочинений. «Цидань го чжи» представляет собой в большей степени историю киданьского этноса, тогда как «Ляо ши» — это история династии, т. е. этатической конструкции. В результате мы имеем максимально возможное в те времена проникновение в две наиболее важных темы — народ как геополитический актор и государство как цивилизационно-этатическая конструкция.

Автором «*Цидань го чжи*» ¹⁹ был помощник начальника императорского книгохранилища Е Лунли, который свое сочинение написал и представил южносунскому императору Сяо-цзуну (1163–1189) в 3-й луне 7-го года эры правления Чунь-си (1180 г.). Сделал он это по повелению императора, который хотел иметь изложенную в последовательном порядке историю государства Ляо. Состоял этот труд из 27 глав и пяти дополнений. Незначительное количество источников по раннему периоду истории киданей не

¹⁹ Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М.: Наука, 1979.

могло не повлиять на структуру «Цидань го чжи». Основное внимание уделено периоду существования империи Ляо. История киданей излагается со времени появления основателя государства Елюй Апоки 20 и доводится до 1125 года, т. е. до распада этой империи. Между тем, первые сведения о киданях относятся к IV в., то есть, из поля зрения автора «Цидань го чжи» выпало пять веков, предшествовавших образованию киданьского государства.

В этом труде содержится множество сведений о политической истории киданей, особенно о взаимоотношениях Ляо и Сун, приводятся дипломатические документы, дорожные записи китайцев, ездивших в киданьские земли, сообщается о быте, культуре и обычаях киданей и окружавших их народов.

Однако существенной особенностью сочинения «История государства киданей» является то, что история киданей излагается в нем лишь в связи с историей Китая. Причиной тому издавна господствовавший в китайской исторической науке взгляд на историю как на науку, призванную быть лишь служанкой политики.

Одним из последствий применения этого метода явилось и то, что на страницах «Цидань го чжи» нет даже упоминания о так называемых западных киданях, которые после гибели империи создали второе киданьское государство Си Ляо (Западное Ляо, 1128–1218) на территории Центральной Азии. В 19-й главе приводится краткая биография основателя западнокиданьского государства Елюй Даши, заимствованная из «Сунмо цзивэнь» и мимоходом сообщается о смерти Даши и о том, что «потомки их сообщников все еще живут на земле, где они остановились». История последних для южносунского сановника показалась слабо связанной с историей его родины, поэтому он и не обратил на нее внимания.

Среди многочисленных китайских исторических сочинений это первая, дошедшая до нашего времени самостоятельная работа, посвященная истории другого государства. До этого все имеющиеся сведения о соседних народах давались китайскими авторами как приложения к отдельным династийным историям.

«Цидань го чжи» — классическое китайское историческое сочинение. Это видно уже из того, что его автор пишет не ради праздного любопытства, а преследует важную и актуальную цель. Государство Ляо лишь недавно перестало существовать, но сыграло заметную, если не сказать, исключительную роль в истории региона. Эту роль в соответствии с традициями китайского историописания необходимо было осмыслить и найти ей место во всеобщей

.

²⁰ У Е Лунли используется китаизированное имя Абаоцзи.

истории. Е Лунли тщательно сравнивает киданьское государство с китайской моделью, намеренно ищет их отличия и в итоге пытается доказать, что именно извращение этой модели приводит к строительству «бандитского» государства кочевников. Дихотомия династий Ляо — Сун рассматривается им как антиномия государство и антигосударство.

В методологии Е Лунли четко прослеживаются важнейшие общемировоззренческие установки классической китайской историографии: китаецентризм, оседлоцентризм, дихотомии ханьфань и культура — натура. Профессиональный этос историка базируется на принципах историографии, сформулированных еще Сыма Цянем, на методе компилятивности как продолжении и развитии трудов предшествующих авторов. Он придавал большое значение политике. Для реализации этих целей использовались традиционные жанры «ши» (династийная история) и «чжи» (исторические записки). Е Лунли опирался на богатый опыт описания китайцами окружающих народов.

В самом Китае был собран обширный материал о киданях и их государстве, Е Лунли работал с еще сохранявшимися в то время киданьскими материалами. Это позволило создать не этнографический очерк, а текст именно о государстве и его элите. До XII в., по сути, существовала одна позиция по отношению к киданям, основывающаяся на концепции сдерживания их роста и натиска. Наиболее ярко она представлена в сочинении сунского историка Оуян Сю «Удай шицзи» (Записи по истории Пяти династий): «Хотя в зависимости от расцвета или упадка варваров их иногда оставляли вне управления, однако нельзя упускать возможностей держать варваров на привязи и случаев проявления милостей и величия. Приобретение варваров не обязательно приносит пользу, но их потеря достаточна, чтобы они стали источником бедствий, поэтому разве можно не быть осмотрительным!» Здесь речь идет о варварах вообще и преимущественно о том периоде их развития, когда еще не сложилась элита.

В общеметодологическом смысле Е Лунли продолжает эту традицию. Варвары в его понимании обладают иной природой, иной доисторией, не просто отсутствием культуры, а бескультурьем как извечным и вечным состоянием, бандитской ментальностью и иной экономикой, на базе которой «история» невозможна в принципе.

Особое беспокойство у него вызывает то обстоятельство, что кидани создали свое собственное квазигосударство, скопировав мо-

дель классической китайской династии. Бескультурные и бесписьменные варвары в принципе не способны создать имперское государство. Именно ханьцы смогли этого добиться и создали модель оптимальную, устойчивую и соблазнительную для других.

Сравнивая два государства, китайское и киданьское, он пытается доказать, что именно извращение варварами «порядка» приводит к строительству бандитского государства. Отсюда особая методологическая значимость его, ведь впервые в китайской литературе о варварах было написано как о смертельной опасности. Это отражало новую цивилизационную ситуацию в Восточной Азии. Кончилась цивилизационная изоляция Китая и рядом вырос монголоязычный центр (Ляо, Цзинь, Юань), который будет сущностно влиять на развитие метарегиона полтысячелетия. Китайцы это воспринимали как угрозу самой своей цивилизации, ибо варвары уже не нападали (лишь выравнивали границы), а «искажали» культуру, т. е. брали, как они считали, китайскую модель и рецепты, но использовали это против Китая.

«Извращение» же, по его мнению, обусловлено экзистенциальными факторами. Китайские исторические и географические тексты подчеркивали, что кочевники иные по образу жизни, хозяйственной деятельности, языку, обычаям. Е Лунли обосновывает это географически — разделением Восточной Азии на «Север» и «Юг». По Е Лунли, «живущие в различных местах люди действуют как им удобно».

Для оседлого и кочевого простонародья срабатывал образ киданей-бандитов, а для элиты китайского государства надо было киданьский феномен изучать самым тщательным образом. Е Лунли и пишет свой труд «по повелению императора», т. е. для китайской элиты, а не для толпы. Это и обусловило, то, что он находился в своеобразном тогдашнем «спецхране», был малоизвестен, и с ним работали преимущественно лишь «историки».

Е Лунли подчеркивает, что кидани не имеют отношения к китайской истории и культуре, этим и объясняется их агрессивность и постоянная борьба с Китаем. Соответственно, они и не интересовали китайцев: «начало киданей не записано на бамбуковых табличках китайской истории». Причина их отсталости для китайского историка очевидна — они сформировались еще в диком состоянии, так примерно рождаются животные: «далекие предки киданей на заре своей жизни, когда они не вышли еще из дикого состояния, тем более не имели записей». Здесь просматривается классическое общеевразийское отделение людей, в данном случае

«хань», от животных («фань»), находящихся за пределами фактического мира людей. Именно отсталость киданей на протяжении всей их истории и фактическое нахождение в животном состоянии обусловили то, что они были и останутся для китайского мира, по сути, чужими или даже иными.

Е Лунли высокопрофессионально пытается доказать, прежде всего, на тщательном отборе фактического материала, причины и предпосылки «усиления» киданей, пытается обнаружить и внутренние факторы, но в итоге все же все сводит к их воинственной ментальности и особой роли личностей (Апоки), а также слабости Китая, чем и «воспользовались» кидани. а «слабость» китайской династии Тан произошла из-за ее отхода от пути дао.

Захват киданями оседлых районов на Юге приводит, по его мнению, к перенесению «гнета» кочевников на китайцев. В принципе на этой же основе возникла в свое время и теория «монголотатарского гнета». Эта концепция лишь сейчас начинает корректироваться, о чем свидетельствует представление о «семье» восточноазиатских народов, памятники дружбе китайского и киданьского народов.

В историографии очень долго господствовало представление о том, что кидани первыми начали завоевание Китая. Как писал В. С. Таскин, «впервые в своей истории Китай признал чужеземное господство». Эту практику продолжат впоследствии чжурчжени, монголы и маньчжуры. Об этом же на самом деле говорит уже Е Лунли: «если гибнет одна деспотическая династия, на смену ей обязательно приходит другая».

Известный востоковед XIX в. В. П. Васильев и его подопечный студент М. Н. Суровцов, автор первой крупной работы по истории киданей в нашей стране, вторят Е Лунли и утверждают, что кидани сумели установить свою власть над Китаем в результате «допущение инородцев не грабить, а уже властвовать над китайскими городами было пятном, которое стремились смыть все китайские государи». Даже В. С. Таскин очень много говорит о давлении киданей на южных соседей, а ведь он не просто перевел труд Е Лунли, но и решил много конкретных проблем киданьской истории, неплохо ориентировался в истории восточноазиатских кочевников, знал китайскую философию историю.

В. П. Васильев и многие другие исследователи видят неумение киданей управлять завоеванными землями и объясняют их успехи лишь их силой и удачей. В. П. Васильев видит все же и положительное в приходе киданей в Китай, ведь они «научились

владеть» оседлыми землями, причину чего связывает с цивилизационным воздействием («влияние») Китая. И здесь можно увидеть воздействие труда Е Лунли, одной из целей которого было показать цивилизационное воздействие Китая.

Однако кидани быстро учились и в результате создали первое объединение двух цивилизационных секторов как прообраз объединения всей Восточной Азии, тогда как традиционный Китай смог объединить лишь центральный регион. Это означает, что здесь уже не может работать лишь китайская рецептура (дао) в отдельности и необходимо сочетать кочевые и земледельческие традиции. На аналогичном алгоритме в Европе была основана «renovation imperii romanorum» Карла Великого, который тоже делал акцент на особой роли Севера.

Все же Е Лунли смотрит на историю киданей сложнее и видит опасность в том, что кидани не шли путем дао. Даже китайские династии свергаются из-за отхода от этого пути, а здесь налицо принципиальное неприятие его варварами. Для него Ляо априори незаконное государство.

У Е Лунли налицо конфуцианское представление, аналог которого можно найти в любой цивилизации. Для борьбы с варварапорядок» «навести главное себя, социокультурную модель, которая была бы оптимальной и устойчивой, соблазнительной для других народов. По мнению В. С. Таскина, эта концепция нашла отражение в трактате «Ли цзи» («Записки о благопристойности», «Книга ритуалов»), приписываемом Конфуцию и его ученикам, но дополненному сочинениями эпохи династии Хань, где отмечается ряд условий: «В древности тот, кто хотел распространить свои светлые добродетели на всю Поднебесную, приводил сначала в порядок свое владение; тот, кто хотел привести в порядок свое владение, приводил сначала в порядок свою семью; тот, кто хотел привести в порядок свою семью, совершенствовал сначала себя».

Е Лунли без особого удовлетворения пишет, что кидани все же научились воевать с Китаем и видит их могущество, но все сводит лишь к военным победам. Именно от Е Лунли идет акцент в истории киданей на военно-политических аспектах.

На самом деле кидани создали своеобразную матрицу дальнейшего развития кочевого общества, которая перейдет к чжурчженям и монголам, и те будут исходить из идеи равенства с китайцами и отрицания ярлыка «варваров». Если кидани предложили идею соправления зоной, ибо считали себя вправе управлять

всей Восточной Азией, то монголы уже настаивали на единоличном правлении.

Экономика и культура киданей были мало интересны для Е Лунли и он старательно фиксирует их реальную и потенциальную военную опасность. В его сочинении обильно упоминаются «столкновения», «набеги», «давление». В результате он фактически к этому и сводит всю историю киданей, де факто его труд посвящен истории взаимоотношений с Китаем. Главное у китайцев, подчеркивает Е Лунли, и это отличает их от киданей и других кочевников, «наличие плана».

Длительные войны были не выгодны обеим сторонам, ибо истощали людей и ресурсы и потому чаще применялась тактика набегов (блиц-кригов). К тому же образы жизни и хозяйства кочевников и земледельцев были настолько уникальны, что в итоге возможно было лишь сосуществование. Это особо отмечает Е Лунли. За всю свою историю кидани не провели ни одной масштабной войны. Она была необходима только для переселения, но необходимости в этом не было. Даже вторжение в Китае при Дэгуане не преследовало цели захватить его. Все киданьские сражения локальны и малочисленны, часто преследовали лишь цель демонстрации силы. Одно сражение было вполне достаточным для решения основной проблемы.

Самим китайцам на Севере, где мало благоприятных условий для земледельческой цивилизации, жить невозможно. Земли северян мало интересны южанам: малоплодородны, засушливы, там были сильные морозы, использовались стадные животные, широко были распространены охота и рыболовство. И в то же время эти земли неизбежно должны были войти в орбиту восточноазиатской цивилизации и, значит, северян надо было «воспитывать» и подтягивать до своего уровня. Отсюда и соответствующая тактика: доходить лишь до границы и «оттонять» варваров, но не идти дальше. Так же поступали кидани и другие северяне, в том числе и в Европе (римляне, германцы).

Завоевать Север для Китая было не так уж сложно, но управлять этой территорией и держать в повиновении трудно, ведь здесь надо будет держать войска и бороться с сопротивлением местного населения.

Земли на Севере уникальны, поэтому колонизация шла медленно и трудно. Фактически только в последнем столетии это стало возможным, поскольку на эту территорию приходит уже не сельское хозяйство, а торговля и промышленность.

Большое значение Е Лунли придает также описанию внутренних конфликтов в киданьском государстве, подчас сводя все к описанию внутренних склок. Действительно внутренние причины социальной трансформации очень важны. В последние два столетия историческая наука даже считала их определяющими (например, марксистская концепция революции). Однако, позиция Е Лунли не есть «марксизм» до марксизма. Восточная Азия в целом и Китай в частности не сталкивались с иными цивилизациями и жили в ситуации своеобразной изоляции. Принципиальное отличие всех средневековых евразийских социальных и политических конфликтов от нововременных связано было с тем, что в то время шли споры за власть, а не против нее. Различные группировки и даже слои пытались активнее участвовать во власти, а не свергать ее. Внутренние проблемы и пороки решались с помощью традиций или войск.

Е Лунли видит, что серьезной оппозиции элитным родам Елюй и Сяо и имперской конструкции в варварском обществе нет. Нововведения киданей изучаются и используются остальными варварами уже в большей степени, нежели традиции Китая. Кидани не просто строили новую этатическую конструкцию, а основывали это строительство в значительной степени на степных традициях. Она не интересна китайцам, только при монголах киданьский опыт будет обобщен и признан достаточным для основания классической династии, что и найдет отражение в составлении «Ляо ши» («Истории династии Ляо»), одной из двадцати четырех китайских династийных историй.

Значение труда Е Лунли огромнейшее. Можно видеть не только то, что это первое развернутое сочинение о северных варварах, но и методологически четкое выверенное и фактологически насыщенное повествование о народе, играющем нестандартную роль в истории метарегиона. Многое роднит с европейскими историками эпохи поздней античности и раннего средневековья. В Европе тоже происходило принижение развития северных народов. Тацит в своем сочинении «О местожительстве и быте германцев» (98 г. н. э.) вслед за Г. Ю. Цезарем («Записки о галльской войне», 52 г. до н. э.) акцент делал на военной опасности германцев, обусловленной их животным образом жизни. Только звери способны на нападения. И на Западе, и на Востоке об иных народах, особенно о северных варварах, говорят лишь в связи с историей своей цивилизации. В обоих регионах уже существовала и была широко распространена идея своего развития как магистрального пути.

Она фактически блокировала саму возможность рассмотрения чужой культуры как равноправной. Даже тогда, когда варвары набирают свою цивилизационную силу, пишут лишь о их военном потенциале.

Именно материал истории киданей, достигших апогея силы и опасности и создавших могущественное государство, позволил Е Лунли проиллюстрировать универсальные принципы отношения к кочевникам в целом. Игнорировать феномен варварской империи он не мог, но тщательно пытается доказать, что это образование не больше, чем квазигосударство. Для этого он набирает огромнейшее количество фактов о военных столкновениях киданей с окружающими народами и явно преувеличивает информацию о внутренних конфликтах в Ляо. По его мнению, кочевники в принципе не могут создать нормальное государство, ибо в основе его должна быть письменная культура, а не варварская ментальность (обычаи и нравы).

В отличие от «Цидань го чжи» «Ляо ши» («История династии Ляо») делает упор не на политическом или военном аспектах, а на внутренней жизни киданьского народа, его общественном и государственном строе, культуре, религии, обычаях, праве и др. Это основной источник наших сведений о киданях. Однако эти сведения подаются в очень краткой форме и, к тому же, содержат множество сокращений и ошибок, что, по мнению некоторых исследователей, делает этот труд, возможно, самым слабым среди всех династийных историй. Тем не менее, поскольку «Ляо ши» составлена по большей части киданями или китайцами, состоявшими у них на службе, она, в какой-то мере, выражает точку зрение самих киданей, что предоставляет уникальную возможность постоянно сравнивать сведения об одних и тех же событиях с источниками, отражающими китайскую версию, в частности, с той же «Цидань го чжи».

Приказ о составлении истории династии Ляо отдал цзиньский император Си-цзун. Работу начал Ила Цзыцзин, а после его смерти продолжил и закончил Сяо Юнци. Этот труд из 75 цзюаней (известный как «история Сяо Юнци») был представлен императору в 1148 году, но вскоре был признан неудовлетворительным, так как многие чиновники возражали вообще против написания стандартной истории для «варварской» династии киданей. С 1189 по 1207 гг. 13 чиновников трудились над составлением нового варианта; половина из них была киданями. Новый вариант получил название «история Чэнь Дажэня». Окончательно работа была завершена

лишь при монгольской династии Юань (1271-1368 гг.). В 1343 г. специальный комитет из 23 человек во главе с монголом Токто возобновил работу, «чтобы не лишиться источника сведений». Среди составителей «Ляо ши» развернулся серьезный спор, в процессе которого одна группа чиновников утверждала, что, поскольку кидани узурпировали власть на территории китайской империи, поэтому, их история должна быть включена в историю Сунской династии, а другая группа настаивала на том, что Ляо было независимым северным государством, которое даже китайских императопризнавать вассальную заставило зависимость, следовательно, история Ляо должна быть написана как самостоятельное произведение. Можно предположить, что спор был замасдругой проблемы – формой обсуждения кированной находится центр цивилизации, на севере или на юге, в кочевом секторе или оседлом.

В 1343 г. специальный комитет из 23 человек во главе с монголом Токто (Тото) признал Ляо, Цзинь и Сун одинаково ортодоксальными династиями и потому история каждой из них была датирована в соответствии с ее собственным календарем. Так появился современный вариант «Ляо ши», являющейся одной из 24 китайских династийных историй.

В летописи четыре традиционных раздела (бэньцзи, няньбао, шу и лечжуань), 116 цзюаней (глав). Описываются события 916-1125 гг. Первые 30 глав занимает раздел «Бэньцзи» («Основные записи»), где события, имевшие место при отдельных императорах, излагаются в хронологической последовательности. Следующие три главы объединены в раздел «Инвэй чжи». Эти «Записки о защите лагеря» характеризуют кочевой быт киданей. В них содержатся сведения о киданьских ордо, походных лагерях киданьских императоров, различных киданьских племенах, а также о народах, зависимых от киданьского государства. В 34-36-й главах описываются военная организация империи и система комплектования армии. В 37-41-й главах дается географическое описание киданьского государства, в 42-44-й — система летоисчисления, в 49-53-й — описание светских и религиозных церемоний, 54-я глава посвящена музыке, 55-57-я — колесницам, одежде и придворному ритуалу, 59-60-я системе землевладения. Главы 63-70 представляют собой раздел бяо (таблицы), где содержатся сведения о киданях до образования ими государства, даются биографии детей и других близких родственников императоров, перечисляются зависимые племена. Биографиям императриц и наиболее крупных чиновников посвящены

главы 71–114. В 115-й приводятся сведения о соседних государствах Гаоли и Си (Западное) Ся. В последней (116-й) главе находится словарь киданьских слов, записанных китайской иероглификой, большая часть которых является или именами собственными, или названиями титулов и должностей киданьских и китайских чиновников. Таким образом, в «Ляо ши» содержится огромный фактический материал, необходимый для исследования общественного и государственного строя киданьской империи Ляо.

«Ляо ши» привлекает нас не только тем, что мы можем извлечь из нее массу сведений о социально-экономическом строе киданьских племен. В конце 30-й главы раздела «Бэньцзи» содержится особый параграф, посвященный истории Си Ляо. Сведения из него, а также сведения из других глав о последних днях существования империи Ляо более полны по сравнению с данными «Цидань го чжи». Уже ко времени создания цзиньского варианта «Ляо ши» (История Чень Да-женя) государство западных киданей было широко известным в Центральной Азии, к тому же оно было заклятым врагом чжурчжэней. Западнокиданьские эмиссары неоднократно подстрекали киданей – подданных Цзинь на восстания. Сунские императоры радовались этим «инцидентам» и поддерживали с Си Ляо активные отношения. А монгольским воинам пришлось вести непосредственные военные действия против западных киданей. Западнокиданьское государство было существенной преградой на пути Чингисхана к мировому господству. Естественно поэтому, что монгольская историография, которая должна была обосновать «право» монгольских хаганов на мировое господство, не преминула ввести его историю на страницы «Истории династии Ляо». Характерно, что государство западных киданей в «Ляо ши» рассматривается как прямое продолжение киданьской империи во времени и пространстве. Это опущение преемственности особенно ярко видно из названия государства – Си Ляо, т. е. Западное Ляо.

«Ляо ши» дает более или менее подробную хронологию событий в отличие от мусульманских и некоторых китайских источников. Однако не все периоды истории западных киданей и освещены ею одинаково. Очень скупо говорит она о Даши до его похода на запад. Это можно объяснить его явно двусмысленной ролью в событиях периода разгрома Ляо. Зато остальные сунские источники не считают нужным скрывать ни его службу в цзиньской армии, ни прочие неблаговидные поступки. Очень мало сообщает «Ляо ши» о финальном периоде. Это тоже понятно, ибо

мусульманские авторы больше интересовались военными походами Чингисхана.

На трактовке характера киданьской культуры и специфики их исторического развития в «Ляо ши» и, разумеется, в «Цидань го чжи», сказалась уже китайская цивилизационная парадигма. Идеи «Поднебесной» (Тянься) и «Срединной» (Чжунго) лежали в основе такого рода иерархии мировых этносов и социумов, которая, с точки зрения китайской мироустроительной доктрины, определяла необходимость и неизбежность их постепенного перехода на «магистральный путь развития». Уже одно то, что кидани попали в число «северных варваров» определяло их как потенциальных врагов цивилизации, которых необходимо «перевоспитывать» или «сдерживать».

Китайская историография периода монгольского господства замечательна еще и тем, что расставила еще ряд акцентов в киданьской проблематике и даже, можно сказать, проложила дорогу в определенном направлении для последующего изучения киданей. Именно тогда окончательно кидани стали рассматриваться как инициаторы последовательного захвата кочевниками Китая, проложившие дорогу чжурчженям, монголам, а впоследствии и маньчжурам. Киданьскому обществу фактически окончательно присваивается статус милитаристского.

Фактически именно в это время в восточноазиатских текстах рождаются традиционные образы киданьского государства и его культуры.

Нужно учитывать и то, что письменные источники по нашей теме тоже далеки от праздного любопытства и создают необходимый для той или иной цели банк информации об этом народе и соответствующий его образ. Оба главных текста — «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История династии Ляо») создавались после исчезновения империи.

Сам жанр данных работ, особенно «Ляо ши», требовал широкого использования всех возможных источников информации. Мы и отмечаем традиционно, что их авторы не писали вольные сочинения на заданную тему, а были составителями, иначе говоря, проводили мощную синтетическую работу с целью доказать определенные постулаты. Именно эти постулаты, а также поднятые в хронике темы, и составляют «тело» концепции киданьской истории. Однако обоснование берется из предшествующих текстов, причем, преимущественно текстов времени существования киданьского государства.

Именно здесь сказалось еще одно важнейшее обстоятельство. Для современных историков это важнейшая методологическая проблема. Тексты этого периода, описывающие киданей и их общество, на самом деле были написаны после исчезновения самого государства, хотя и на основе в той или иной мере тех записей, которые велись самими киданями. Однако записи киданей до нас не дошли, что и позволяет назвать киданьскую культуру безмолвствующей. И «Ляо ши», и «Цидань го чжи» – это тексты не самих киданей, а о киданях. В этом плане называть их письменными источниками в реалии можно лишь условно, они скорее являются фактом историографии. Понятие «письменные источники», однако, нельзя в данном случае и игнорировать, ибо эти тексты все же принципиально отличаются от текстов нововременных, для которых характерно преимущественно изучение киданей с позиций не столько религии или иной идеологии, сколько науки. Средневековые тексты написаны людьми, находящимися в принципе на той же стадии развития (традиционное общество), что и кидани. В них отражена фактически та же ментальность, что была присуща во многом и кочевникам или оседлым людям несколько более раннего времени.

Мы, разумеется, можем брать из них какие-то факты, но не надо забывать, что сам подбор этих фактов, их сведение в единый текст осуществлены не киданями и потому представляют взгляд не самих киданей, а их соседей. «Ляо ши» — монгольско-китайский текст, а не киданьский, к тому же написанный спустя сотню лет. Подобные «источники» есть специфическая форма изучения.

Стоит, наверное, добавить, что воспринимать любые средневековые тексты лишь как источники необходимой нам информации, это значит игнорировать взгляд их авторов на историю. Они такие же исследователи, как и наши современники, только у них, может быть, несколько иные задачи и методы исследования. И в этом можно увидеть влияние и следствие оседлоцентризма, европоцентризма, китаецентризма.

Понятно, что центральной для «Ляо ши» является проблема происхождения династии. Эта специфическая проблема повлияла на отношение составителей хроники к догосударственному периоду. Додинастическая история киданей занимает обширный исторический период, более полутысячелетия (примерно с 235 по 907 гг.). «Ляо ши» соответственно не могла ее полностью игнорировать и, хотя почти ее не рассматривает, все же намечает периодизацию этой истории, с которой можно согласиться и поныне. На первой

стадии (с III в. и до конца династии Суй, 618) кидани существовали в виде нестабильной конфедерации восьми племен. Вторая стадия представлена племенной конфедерацией Дахэ (начало VII в. — 730 г.), а третья — племенной конфедерацией Яонянь (730–907).

Китайские историки считают, что доистория киданей ничтожна, ибо в ней нет государства и культуры. Позиции самих киданей принципиально иная. Представители киданьской элиты, начиная с Елюй Апоки, обращаются не к какой-то модели (у них ее действительно не было), а к первопредкам и предкам вообще за «мудростью», т. е. за «правильным» пониманием истории. Тем самым они реабилитируют доисторию и даже в чем-то противопоставляют ее китайской, а по большому счету восточноазиатской в целом, истории. Для них главное не тексты и артефакты, а идеи и деяния.

Важнейшей проблемой, в качестве составной, доставшейся этим историкам, является проблема происхождения киданей, которая имела прямой выход на проблему цивилизационной принадлежности киданей.

В этом плане составители «Ляо ши» придавали большое значение этнониму «цидань». Приняв китайский термин «цидань» в качестве самоназвания, кидани тем самым перешли из внешней («немирной») сферы в пределы дальневосточного культурного ареала. История движения киданей внутри этого «мира» показывает, как далеко порой они отходили от своего первоначального намерения, становясь опасными для этого этнокультурного сообщества. Неудивительно, что китайские авторы все более тщательно начали изучать общественный и экономический строй киданей.

«Ляо ши» не видит иных этнических названий для киданей, кроме «цидань», хотя, вполне возможно, они и существовали на заре киданьской истории. Независимо от того, сами ли кидани создали этот этноним, китайский ли он по происхождению, или раннесредневековые китайцы присвоили им его, он стал своего рода программой их дальнейшего развития. В этом тоже видно тенденциозное и прагматичное отношение к киданьскому этносу и его культуре.

Кидани одни из первых стали осознавать себя «народом», т. е. искусственным образованием, которое осуществляло переход от родственно-родовой структуры к территориальной. Они создавали эту структуру не как экстраординарную, скажем, для переселения, а на века, как форму своего развития. Составители «Ляо ши»

не захотели это понять и фактически воспринимали возникновение империи как случайность, узурпацию власти.

Не захотели они увидеть и своеобразную киданьскую революцию, нашедшую отражение в выделении своей национальной истории в качестве не составной части китайской или кочевой истории, а как самостоятельной. По императорскому декрету 1044 г. история рассматривалась «от предшествующих поколений до настоящего времени». Это произошло впервые среди кочевников. Составители «Ляо ши» все сделали для того, чтобы сделать империю Ляо «китайской». Большая информация о быте и культуре киданей, собранная в период династии киданьскими историками, осталась неиспользованной.

Китайская модель «хуа-и» («цивилизованный Китай» и «нецивилизованная» «варварская» периферия стимулировала появление еще одной проблемы, связанной с определением места киданей в кочевом мире. Для «Ляо ши» кидани не простые кочевники. Они выделяются среди степняков своей предприимчивостью, жаждой обогащения с помощью силы и, в то же время, готовы и способны принять многие китайские идеи. Они никогда не станут «цивилизованными», но их вполне можно использовать в качестве своеобразного заслона против остальных кочевников.

Естественно, что это предопределило изучение в средневековом Китае еще одной важнейшей проблемы — основательное изучение социально-экономического и общественного строя государства Ляо.

Одной из центральных проблем восточноазиатской историографии по этой причине и была проблема влияния киданей на общественное развитие дальневосточных и восточноазиатских регионов. Чтобы объяснить этот факт и умалить значение киданей в истории региона используются самые различные методы. Самым неудачным из них надо признать тот, который отразился в названии сочинения, когда киданьский этнополитический конструкт именовался всего лишь «государством» («го»). Кроме того, история киданей упорно излагалась лишь в связи с историей Китая.

В отличие от «Цидань го чжи» «Ляо ши», как уже говорилось, делает упор не на политических или военных аспектах, а на внутренней жизни киданьского народа. Отказ от прежней традиции интерпретации можно объяснить, вероятно, тем, что монголам понадобилось воспринимать Ляо, одного из своих предшественников, как более масштабное государственное образование и отнюдь не узурпаторское. Так впервые дальневосточная культура признала притязания киданьских правителей на императорский статус. По-

надобился и киданьский опыт имперского строительства, а для его обобщения мог быть использован только жанр династийной истории.

Информация о киданях все же была собрана и уцелела во многом благодаря победе китайской точки зрения, которая нашла отражение в «Ляо ши», традиционной китайской династийной истории. Стоит попутно отметить, что ислам и Европа долго не признавали этот подход, и этот текст считался лишь «историческим источником», т. е. источником информации, не более. Однако «Ляо ши» создавалась в период катастроф, время политического «Большого взрыва» (XIII–XVII вв.), и, справедливости ради надо сказать, что эта процедура складывания нового историко-этнического атласа все же хотя бы сохранила память о киданях.

Китайская историография — уникальный набор текстов, которые рассматривают историю через государство, точнее, даже через династию, т. е. видят решающую роль именно элиты. Деление людей на социальные группы и сословия, их положение в иерархии государственной службы Ляо неплохо отражены в китайских текстах. Это означает, заметим попутно, что они признавали движение Ляо по традиционному для всех народов пути. И потом, при составлении «Ляо ши», учли это особо.

Политическая история киданьского государства, тщательно проанализированная составителя «Ляо ши», есть, в частности, квинтэссенция информации о жизни и деятельности этого уникального народа-элиты.

Очень популярной и даже востребованной в последующие столетия оказалась идея угнетения подвластных народов, активно использованная при разрушении Ляо Агудой, а, может быть, и сотворенная им. Нашла она отражение и в скрупулезном обзоре внутренних конфликтов в «Ляо ши». Китайцы на протяжении почти двух сотен лет, отчаянно и мужественно боровшиеся с монголами, великолепно и эффективно использовали ее в своей борьбе.

«Ляо ши» является и наиболее полным источником сведений о киданьском уголовном праве, особенно ее главы 61 и 62, объединенные общим названием «Син фа чжи» («Трактат о наказаниях»). В этих главах в хронологическом порядке излагаются сведения о киданьском праве, заимствованные из различных разделов «Ляо ши», прежде всего из «Бэнь цзи» («Основные записи») и биографий членов правящего рода различных известных государственных деятелей империи.

«Ляо ши» является основным источником нашей информации и о чиновничьей системе киданей, хотя и там упоминаются не

все чиновничьи должности и титулы, которые существовали в киданьском государстве. Кроме этого, многие из них только перечисляются без комментариев, одни и те же должности часто называются по-разному и, наоборот, разным государственным органам даются одинаковые названия, поэтому более или менее полная и точная информация может быть получена лишь о высших органах власти и управления.

История трех великих империй (Ляо, Цзинь, Юань) поновому поставила и проблему роли личности в истории. Если идеалом классического Китая был конфуциански образованный император, получающий мандат на управление от Неба, то он явно оказался «посрамлен» «невежественными» предводителями «диких» племен. Первым из них оказался основатель киданьского государства Апоки, потом чжурчженьский Агуда, но их со временем естественно затмит «дикий» и «необузданный» Чингизхан. Неудивительно, что все три династийных хроники уделили этим фигурам особое внимание. По этой причине в хронике дается первый и подробнейший социально-психологический портрет кочевого правителя Елюй Апоки. Детально описываются его детство, физическое развитие, интеллект, ментальность, роль в истории, средства и методы, окружение (в том числе жена императрица Шулюй), действия в особых ситуациях.

Многие страницы «Ляо ши» также посвящены участию киданьских женщин не только в экономической, политической и религиозной, но даже в военной жизни своего народа. Это подтверждают и другие источники.

Китайцы справедливо отделяли себя от «варваров», ибо ханьская культура уникальна и четко выделяется на фоне всей восточноазиатской, хотя есть и общее. Здесь нет пренебрежения. Им подражали, но и «извращали» эту культуру, т. е. фильтровали ее и понимали по-своему. В этом контексте «Ляо ши», «Цзинь ши» («История династии Цзинь») и «Юань ши» («История династии Юань») — энциклопедические своды, создававшиеся с целью понять кочевников (киданей, чжурчжэней и монголов) и их «государства» путем сравнения со своими. Эти «государства» были более опасны, чем племена.

Киданьский материал практически всегда в этой династийной истории использовался лишь как иллюстративный, а не изучался сам по себе. «Ляо ши» рисует «северный» вариант китайской империи. В определенном смысле она противостоит «Цидань го чжи». Чжурчжэни активно уничтожали обильную киданьскую ли-

тературу, взамен которой с помощью сочинения Е Лунли наносили своим бывшим хозяевам гигантский информационный удар. Империи Ляо приписывался бандитский характер и примитивная культура. По сути, это была история «варварского народа», а не государства, с акцентом на извлечении лишь полезной информации. Аналогом этому тексту можно назвать «Германию» Тацита, который хотя и посвятил свое сочинение германцам, но создавал их «варварский» образ. «Ляо ши» по сравнению с работой Е Лунли все же более объективна и научна.

Таким образом, база данных по киданям существует, и она представлена, прежде всего, «Цидань го чжи» и «Ляо ши». Однако это не сухая и абстрактная информация. Сам отбор фактов, не говоря уже об их оценке и трактовке, свидетельствуют об определенной концепции киданьской истории. До недавнего времени это нас устраивало с фактологической, мировоззренческой и историософской точек зрения, но эти точки зрения покоились на таких методологических постулатах, которые вольно или невольно искажали историю кочевников в целом и киданей в частности. Это оседлоцентризм, европоцентризм, китаецентризм, номадоцентризм, модернизм. Это, строго говоря, не научные подходы, а идеологические, существующие, к тому же, часто в форме обывательских измышлений.

7. Специфика изучения киданьской проблематики

Кочевники играли важную роль в истории многих народов и государств. Для многих обществ они были транслятором идей, технологий, товаров и продуктов, внесли вклад в их этническую историю, в сокровищницу мировой культуры. Недаром уже в XIX в. было заявлено о важности изучения кочевничества, его становление было объявлено одной из важных вех в истории человечества. Ф. Энгельс назвал это «первым крупным общественным разделением труда».

Кочевники в принципе не могли быть «чужими», т. е. носителями иной истины. Во-первых, двух истин не бывает, есть только одна и люди принимают ее или не принимают. Во-вторых, где бы они не жили, с какой бы истиной не имели дело, они ее не принимают вообще, в любой конфигурации или интерпретации. Кочевники — «иные». Это одна из основных предпосылок выделения их вообще из состава «человечества». При этом не имеет значения, что они по численности не меньше оседлых.

Стоит обратить внимание на то, что кочевников не понимают и не принимают уже парадигмальные тексты — Библия, Коран, сочинения Геродота, Страбона, Сыма Цяня, Бань Гу. Можно выделить три зоны оседлых обществ, где пристально рассматривается «тайна» кочевников (иудейско-библейский, греко-римский, восточноазиатский миры) и везде не они не рассматриваются как культурные народы, а лишь подчеркивается их хозяйственная принадлежность (номады у греков, скотоводы в Библии, кочевники в Восточной Азии). В «древности» там четко оформляется дихотомия экономика/культура и складывается своего рода протомарксистское утверждение о том, что бытие определяет сознание. Это станет сквозной идеей для всех цивилизаций. В XIV в. Ибн-Халдун, по сути, повторит это и приведет свою аргументацию.

Это станет тоже одной из предпосылок отделения кочевников от «человечества».

Третья предпосылка будет связана с тем, что кочевники жили на периферии «миров» или даже за их пределами и, естественно, считались «недоразвитыми».

Четвертая предпосылка обусловлена тем, что они жили на территории, где не могли существовать оседлые земледельческие цивилизации.

Пятая предпосылка связана с тем, что их культура не прочитывается через «слово», т. е. те религиозно-философские комплексы, которые создавались оседлыми народами (иудаизм, христианство, ислам, конфуцианство). Здесь непонимание того, что у кочевников все же есть своя парадигма, но иная. Ее еще надо реконструировать. Это сейчас мы понимаем, что ее логична аналогична оседлым парадигмам. Так же есть два мира, естественный и сверхъестественный, выполнение сверхъестественной воли. Кочевники еще раньше, чем оседлые, и решительнее выступили против «поисков» истины и требовали выполнения того, что дано свыше.

 ${\it W}$ у них есть строительство оптимальной и вечной социо-культурной модели.

И у них есть все возрастающий акцент на внутренних проблемах. Сначала кочевые общества, как и оседлые, практикуют внешнюю экспансию в виде переселений или набегов, но стадии империи, собственно уже у хунну, идет структурирование пространства и складывается свое понимание культуры и того, каким должен быть «правильный мир». Есть у них и своя мировая религия на базе синкретизма как отражения кочевой демократии. Их монархическая структура подобна монархиям оседлых государств.

Есть свое представление о харизме правителя, акцент на семье, отцовстве и сыновстве, этико-социальные рецепты, аналогичные заповедям, верность как соблюдение традиций, акцент на этатизме в понимании «истории». И у них подчеркивается особая роль в истории общества человека. Они постоянно апеллируют к «древности», но чаще не к «древней» модели, как, скажем, в Китае, а к «духу отцов». Это акцент на идеях, заповедях, а не конструкциях. В этом плане их, может быть, даже более гибкая, чем, например, европейская, которая ищет образец для подражания либо за пределами свое зоны, либо в своей собственной «античности». Их культура не менее «агрессивна» в цивилизационном отношении, ибо они видят весь мир «от рассвета до заката». Они и не менее «любознательны», ибо понимают, что без подпитки извне существовать не могут. Они активно заимствуют чужие культурные достижения, но одновременно их и «искажают», т. е. фильтруют и интерпретируют в соответствии со своей парадигмой. Их даже можно «обвинить» в «православности», т. е. навязывании своей культуры.

Наконец, сами кочевники были враждебны по отношению к оседлым, якобы из зависти, и это позволяло оседлым народам максимально дистанцироваться от них. На самом деле, у кочевников есть понимание того, что в чистом виде кочевое хозяйство существовать не может, и они выступают за активное общение с оседлым миром. Просто, оседлые люди, как, впрочем, и кочевники, чаще запоминают обмен ударами, а не дарами.

Все же вплоть до настоящего времени очень многие теоретические проблемы номадизма²¹ остаются дискуссионными. Между тем, решение этих проблем имеет большое методологическое, философское и историческое значение и непосредственно влияет на многие остродискуссионные общесоциологические проблемы (механизмы и формы разложения первобытнообщинного строя, формирование раннеклассовых обществ, соотношение процессов классообразования и политогенеза, соотношение цикличного и линейного развития, многолинейность и многовариантность

²¹ Слово «номадизм» («номад», «номады») греческого происхождения. В форме «nomas», «nomadis» упоминается у Плиния Младшего, Вергилия, Силия Италика, Секста Проперция и означает нумидийца — жителя провинции Нумидия, который вел кочевой образ жизни. Слово «кочевой» тюркского происхождения (от тюрк. кон — переходить, передвигаться) и означает в целом периодическое перемещение семьи с подвижным жилищем.

общественного развития, типология обществ, взаимоотношение обществ, стоящих на различных ступенях развития и др.)

История Востока традиционно вызывает большой интерес у исследователей. В последнее время интерес этот заметно вырос, что обусловлено целым рядом факторов:

- 1. Усилилось влияние некоторых восточных стран на мировую экономику и историю отдельных регионов.
 - 2. Накоплен новый археологический материал.
- 3. Достигнуты определенные успехи в филологии, антропологии и этнографии. Объяснять историю стран Востока с помощью терминологии, разработанной на материале западноевропейской истории, стало сложнее.
- 4. Развился и широко применяется в исследовательской практике цивилизационный метод, позволивший конкретизировать само понятие «Восток».
- 5. Ведется поиск новых средств и методов для изучения восточного мира.

Труды отдельных западных и отечественных востоковедов привлекли внимание к конкретным народам, к их истории и характеру взаимоотношений.

История изучения киданей, их общественного строя, государственности и культуры в целом развивалась достаточно стандартно. Количество текстов, в которых хотя бы раз упоминаются кидани, огромно. Оно росло с каждым столетием. В данном случае неизбежно был использован довольно широкий круг литературы, что обусловлено тем, что за последние три столетия действительно написано огромное количество работ, игнорировать которые в данной ситуации просто никак невозможно. Все же основное внимание уделено литературе, которая обсуждала историю киданей и методологию рассмотрения проблем, связанных с историей элит, империй и т. п.

Неудивительно, что основные проблемы истории и культуры киданей были поставлены буквально в начале этой истории.

История киданей, как это ни парадоксально, оказалась в тени двух великих восточноазиатских государственных образований — империи Хунну и Монгольской империи. Ляо рассматривается как некое подобие Хунну. По словам Т. Барфилда, организационные принципы и политическая стратегия хунну сыграли ключевую роль в истории более поздних государств. В то же время киданьское государство считается неким несовершенным предшественником государства Чингисидов. Думается, что в данном случае надо все

же учитывать ряд факторов. Между государствами Хунну и Ляо лежит период в добрую тысячу лет и вряд ли можно уверенно говорить, что при всей инертности и замедленности развития кочевников опыт шаньюев в прежней цельности дошел до киданьских императоров и использовался ими «под копирку». Монгольское государство возникло в результате необычайного по своим масштабам и общеазиатского по своей территории кризиса. Монголы не могли в свое время использовать сколько-нибудь полно и эффективно опыт тюркских шаньюев и киданей.

Наконец, вряд ли стоит преуменьшать значимость и оригинальность собственно киданьского политогенеза. Дело не в приоритете киданей, а в том, что в данном случае не учитывается специфика киданьского этно- и политогенеза и географические и исторические особенности.

Коротко говоря, мы имеем дело не с одной эпохой, а с тремя разными. Рассматривать почти полторы тысячи лет в статике столь же чревато многими возможными ошибочными суждениями, как и аналогичное рассмотрение, допустим, европейской истории от кельтов I тыс. до н. э. до Священной Римской империи (нач. II тыс. н. э.). Если в последнем случае мы рискуем не заметить самобытность древнегреческой цивилизации и история Римского государства, то в первом мы опустим вниз историю, скажем, уйгуров, киданей, чжурчжэней и других восточноазиатских и центральноазиатских народов. Внешние рамки в обоих случаях создаются яркими феноменами, но не менее ярка и их сердцевина.

Попутно необходимо сделать еще одно важное замечание методологического плана. Традиционно принято делить любую историографию на донаучный и научный период. Это деление имеет европейское происхождение и берет начало с эпохи Возрождения и становления нововременной науки. Именно тогда в экономике и обществе происходил процесс десакрализации и бывший «христианский мир» встал на путь научно-технического прогресса. Но в истории, как известно, «швов» не бывает, поэтому нельзя недооценивать тот объем информации, который накоплен в доньютонову эпоху. Праздностью средневековые историки никогда не отличались, и китайские в этом плане не исключение. Можно говорить о кумулятивном характере развития процесса познания окружающего мира человечеством. К тому же, если исторические и политические деятели могли в какой-то мере дистанцироваться от той или иной религиозно-философской системы, то перестать быть представителями определенной цивилизации они в принципе

не могли. Это, собственно говоря, и демонстрируют так называемые европейская, китайская и другие историографические традиции. Менялись цели исторического исследования, его характер и методы, но обязательно сохранялась преемственность. История киданеведения это хорошо демонстрирует.

История изучения киданей — это одновременно реконструирование их культуры и попытки понять ее «тайну». Можно говорить о складывании и сосуществовании различных имиджей киданей.

Имидж, который еще предстоит реконструировать, был создан самими киданями в период своего существования. Он не дошел до нас, ибо огромное количество их текстов и артефактов было уничтожено временем и потомками.

В средневековый период сложились две крайние позиции. Мусульмане считали их дикарями, осколками народа, отсюда и основное значение слова «кара», а китайцы их династию называли ортодоксальной, но китайской. Самим киданям слова не дали и, разумеется, никто не собирался признавать высоту их культуры, самобытность. Информация о киданях все же была собрана и уцелела во многом благодаря победе китайской точки зрения, которая нашла отражение в «Ляо ши», традиционной китайской династийной истории. Стоит попутно отметить, что ислам и Европа долго не признавали этот подход, и этот текст считался лишь «историческим источником», т. е. источником информации, не более. Однако «Ляо ши» создавалась в период катастроф, время политического «Большого взрыва» (XIII-XVII вв.), и, справедливости ради надо сказать, что эта процедура складывания нового историкоэтнического атласа все же хотя бы сохранила память о киданях.

В нововременной период шла интенсивная информационная борьба Запада с Востоком, в том числе и с Китаем, и акцент стал делаться в противовес китайской историографии на самобытности киданьской истории и культуры. Однако и в это время на киданей смотрели через уменьшительное стекло оседлоцентризма и продолжали считать их дикарями, «племенами».

Во второй половине XX в. происходит методологический взрыв, своего рода «Большой взрыв» истории, и она из гуманитарной и служебной начинает развиваться в нечто иное. Это своеобразные роды новой конфигурации древней науки. Пока она озирается в мультикультурном и многополярном мире. Процесс глобализации стремится не к унитарности, а к конфедерации, синтезу и сейчас требуется методология в виде не набора методов и

ракурсов, а нового рода системы. Первой попыткой разработки такой методологии можно считать марксизм, предложивший смотреть через специфику развития самого общества и его отношения с другими социосистемами (колониализм). Другая «вчерашняя» методология, христианство, также продолжает настаивать на сохранении своей историософии.

В истории изучения киданей и их государств четко выделяются четыре особо крупных направления:

- 1) дальневосточное (киданьская, китайская и монгольская историография);
- 2) евро-американское (французская, английская, немецкая и североамериканская литература);
 - 3) русское;
 - 4) средневековое арабо-персидское.

Естественно, начало изучению было положено непосредственными соседями киданей — китайцами. Как это было и с другими европейскими или азиатскими народами и государствами, первый этого изучения можно назвать собирательным. Он пришелся на время формирования самого этноса, т. е., как это иногда обозначается в историографии, на додинастийный период (III-IX вв.). В это время китайские хронисты, государственные и политические деятели, писатели и чиновники собирали и обобщали всю необходимую или доступную информацию, пытаясь не столько удовлетворить свой «этнографический» голод, сколько понять специфику положения киданьского племенного конгломерата в тогдашнем восточноазиатском «мире», а также возможности и опасности его полудобровольного вхождения в него.

- Своеобразным свидетельством начала этого изучения является само появление этнонима «цидань».
- Второй важнейшей проблемой, доставшейся историкам от того времени, является проблема происхождения киданей.
- Важнейшей практической проблемой, которая, тем не менее, имела и историографический аспект, стала проблема цивилизационной принадлежности киданей. Приняв термин «цидань» в качестве самоназвания, они тем самым перешли из внешней («немирной») сферы в пределы дальневосточного культурного ареала. История движения киданей внутри этого «мира» показывает, как далеко порой они отходили от своего первоначального намерения, становясь опасными для этого этнокультурного сообщества. Неудивительно, что китайские авторы все более тщательно начали изучать общественный и экономический строй киданей. Это

изучение шло с определенной целью — «перевоспитание». Оно помогло киданям перейти от «варварства» к «цивилизации». Насколько успешно шел этот процесс, видно хотя бы из того, что кидани из северных «инородцев» смогли «дорасти» до одной из великих неханьских империй. Медленно внедряемая на протяжении ряда столетий культурная дальневосточная парадигма дала свои плоды: киданьская династия Ляо стала одной из 24 официальных «китайских» империй и одной из важнейших «ветвей» дальневосточного «древа»

Эта проблема может быть непонятна современным историкам именно потому, что носит, скорее, прикладной, а не фундаментальный характер, но такова специфика тогдашнего интереса к прошлому и настоящему различных народов.

Выделенные проблемы не случайно возникают именно в это время. Кидани играют одну из самых заметных партий на восточноазиатской геополитической шахматной доске и крайне необходимо определить их связь с тем или иным конгломератом народов и племен, тюрками или монголами (проблема происхождения этноса), и отношение к оседлым народам (проблема отношения к Китаю как цивилизационный выбор). Строго говоря, отбор информации о киданях идет почти исключительно по этим магистралям.

Второй период (династический) занимает особое место в истории дальневосточной киданеведческой традиции. В это время существенно расширилась и качественно изменилась источниковая база. В целях обоснования легитимности существования новой династии и созданного ею государства появились официальные тексты, которые богато иллюстрируют официальную идеологию. Систематизация и фильтрация киданьских легенд и преданий, а также китайских письменных текстов дали важный качественный скачок - устная традиция окончательно уступила место письменной. Если мифы играли больше педагогическую роль, чем мировоззренческую (кидани практически в самом начале своей истории стали перенимать китайскую космогонию, но от своих этических норм не торопились отказываться), то создаваемые на вновь изобретенном киданьском языке исторические сочинения послужили складыванию фундамента имперской идеологии. Особого внимания заслуживает хроника «Ляо ши» («История династии Ляо»).

Проблема происхождения киданей как этноса в официальной имперской историографии начинает подменяться проблемой происхождения династии.

Китайская модель «хуа-и» («цивилизованный Китай» и «нецивилизованная» «варварская» периферия, где проживали «близкие», почти «свои» «варвары», а за ними «далекие», «немирные») перенималась киданями. Это стимулировало появление еще одной проблемы, связанной с определением места киданей в кочевом мире.

Фактически с этого периода началось основательное изучение социально-экономического и общественного строя государства Ляо.

Здесь важна еще одна методологическая проблема. Тексты этого периода, описывающие киданей и их общество, на самом деле были написаны после исчезновения самого государства, хотя и на основе в той или иной мере тех записей, которые велись самими киданями. Однако записи киданей до нас не дошли, что и позволяет назвать киданьскую культуру безмолвствующей. И «Ляо ши», и «Цидань го чжи» – это тексты не самих киданей, а о киданях. В этом плане называть их письменными источниками в реалии можно лишь условно, они скорее являются фактом историографии. Понятие «письменные источники» нельзя в данном случае и игнорировать, ибо эти тексты все же принципиально отличаются от текстов нововременных, для которых характерно преимущественно изучение киданей с позиций не столько религии или иной идеологии, сколько науки. Средневековые тексты написаны людьми, находящимися в принципе на той же стадии развития (традиционное общество), что и кидани. В них отражена фактически та же ментальность, что была присуща во многом и кочевникам или оседлым людям несколько более раннего времени.

Мы, разумеется, можем брать из них какие-то факты, но не надо забывать, что сам подбор этих фактов, их сведение в единый текст осуществлены не киданями и потому представляют взгляд не самих киданей, а их соседей²². «Ляо ши» — монгольско-китайский текст, а не киданьский, к тому же написанный спустя сотню лет. Подобные «источники» есть специфическая форма изучения. Здесь дело не только в том, что у кочевников почти нет источников, и их заменяет археология и обрывочные сведения в работах ближайших современников, но и в том, что киданьские документы безжалостно уничтожали их противники (чжурчжэни, китайцы). Уже ко времени монголов, когда и была написана «Ляо ши», ее составители с трудом разыскивали необходимые исходные материалы.

163

²²Эти тексты чем-то напоминают студенческие доклады, в которых из литературы выписывают лишь необходимую информацию, соответственно и хранятся они весьма небрежно.

Даже эти материалы практически не сохранились. Они сыграли роль сырья, не более того.

Выделяются два комплекса текстов, дошедших до нас. Это сочинения современников (послов, торговцев), которые непосредственно посещали Ляо, и синтетические тексты периода катастроф (XIV-XVI вв.), когда благодаря монголам произошел большой политический взрыв, раскаты которого дотянулись до эпохи Цин.

Стоит, наверное, добавить, что воспринимать любые средневековые тексты лишь как источники необходимой нам информации, это значит игнорировать взгляд их авторов на историю. Е Лунли или Абульгази-хан — такие же исследователи, как и наши современники, только у них, может быть, несколько иные задачи и методы исследования. Й в этом можно увидеть влияние и следствие оседлоцентризма, европоцентризма, китаецентризма. Так часто делают не только европейцы, но китайцы или современные потомки кочевников. Мы понимаем, что они располагали наибольшей массой информации (не вся еще погибла на тот момент) и именно у них мы можем ее максимально найти, но мы должны рассматривать их и как исследователей прежде всего (у которых, к тому же, было больше возможностей, чем у нас). Работа этих авторов особо значима, ибо они первыми реконструировали историю киданей, создали, так сказать, скелет. Часто последующим поколениям и этого хватает, но все же реконструкция XIII-XVI вв. - не весь «человек». Важна работа и далеких потомков киданей.

В итоге мы можем самые разные тексты о киданях осторожно развести по двум сферам. Тексты, написанные в рамках традиционного общества, в большей степени важны как источник непосредственной информации, собранной людьми, либо контактировавшими с сами киданями, либо жившими в условиях близких реалий и традиций. Это и есть «письменные источники».

Собственно историография может быть начата с нововременной эпохи, когда люди во многом уже иной культуры и ментальности пытаются понять киданьский феномен.

Методологически эта проблематика тесно связана еще с некоторыми методологическими дискурсами, в частности, с рассуждением о соотношении в истории и культуре «своих», «чужих» и «иных». Всегда выделяются особо авторитетные тексты (династийные истории, «священные тексты»), которые сосредоточены на создании имиджа «своих», который бы работал, прежде всего, в создаваемом ими собственном «мире». Ярчайший пример — библейский текст, создающий нетленный до сих пор образ «избранного народа». Действительно, любая культура чуть ли не главной целью своей имеет задачу объединения на основе такого рода имиджа «ближних своих» и сплочения их для строительства оптимальной социокультурной модели и ее трансляции во времени и пространстве. Остальные народы прочитываются через свою культуру, и во многом через этот имидж. Они делятся на такие категории:

- «чужие», т. е. относительно знакомые и понятные. Их все равно будут описывать не такими, какие они есть, а такими, какими они должны быть с точки зрения своей культуры. Это описание позволяет сдерживать нежелательное взаимодействие «своих» и «чужих» и наносить по последним необходимые информационные удары.
- «иные» те, с которыми не сталкивались ни в «древности» («священной истории»), ни в истории профанной. «Иных» находят на иных континентах, когда приходят туда (индейцы), однако чаще они сами приходят (кочевники).

В отношении «иных» всегда априори было стремление вывести их за скобки культуры.

История изучения киданей это и история попыток понять их на фоне создания непротиворечивой картины истории в рамках той или иной идеологии, т. е. история разных методологических подходов, прежде всего самых крупных. В средневековый период превалировал этнополитический подход, в рамках которого диалектически сосуществовали две методологии: через религию (т. е. цивилизацию) и через государство. Именно в это время появляются и разные имиджи их, которые существуют до сих пор. Кочевников в целом и киданей в частности оценивают преимущественно соседи с севера и юга, т. е. сами кочевники (в мифах и легендах) и китайцы. По этой причине кидани чаще всего рассматриваются амбивалентно. В мусульманской литературе они рассматриваются как чуть ли не дикари («кара» — «черные», квазинарод). Китайцы в конце концов стали воспринимать их как ортодоксальное общество, но китайское. Самим киданям слова так и не дали.

Третий период начался после крушения киданьской империи и в рамках дальневосточного региона продолжается до сих пор. В его начале использовался и адаптировался богатый киданьский «опыт» для новой государственности и ситуации (монголы, маньчжуры).

Китайская историография на этом практически остановилась, поскольку в той или иной степени до сих пор стоит на

позициях китаецентризма. В стране осуществляется грандиозная археологическая и филологическая работа, но философия истории современного Китая фактически основывается на двух идеях — исключительности китайской цивилизации и марксистской трактовке формационного подхода. Именно они основательно иллюстрируются на богатейшем фактическом материале. Это, в свою очередь, работает и на изучение специфики развития киданьского общества. В силу дефицита информации и энциклопедического подхода к ней изучение языка, материальных остатков культуры, скрупулезное сканирование письменных текстов независимо от целей исследования и его идеологического оформления все больше и больше «проявляют» истинный облик загадочной культуры.

Европейцы воспринимают китайское понимание Ляо как машины истребления и покорения. Стремясь завязать оживленные отношения с ханьцами, они фактически переняли концепцию китаецентризма. В условиях широкого распространения филоориентализма θ Новое время историко-этнографический материал использовался и в дидактических целях. Это обусловило не столько скрупулезное исследование, сколько пересказ источников и чисто повествовательный стиль.

В XX в. постепенно сформировался объемный корпус исследований, посвященных истории отдельных кочевых народов, в том числе и киданей. Происходило подлинное становление различных наук, освобождающихся от диктата всевозможных идеологий. К тому же выявилась особая роль Востока в мировой истории, что стимулировало увеличение количества и изменение характера исследований в области номадистики. Появилась необходимость заново перевести источники (Штейн перевел на фр. яз. «Ляо ши») и аналитические исследования (Виттфогель, Фэн Цзяшэн). Этому

²³Энциклопедизм — одно из важнейших свойств культуры, результатом чего является складывание «правильного» имиджа этноса и его культуры. Кидани, как и другие народы, чаще воспринимаются не такими, каковы они на самом деле, а такими, какими они должны быть с точки зрения изучающего общества. Хотя слово «энциклопедия» (новолат. encyclopaedia; от др.-греч. γκύκλιος παιδεία — «обучение в полном круге», κύκλος — круг и παιδεία — обучение / иногда cyclopaedia — циклопедия от др.-греч. κύκλιος παιδεία — «круговое обучение») стало широко употребляться в Европе с XVI в. для обозначения систематического обозрения всех отраслей человеческого знания («Естественная история» Плиния Старшего как прообраз и образец), на самом деле подобного рода сочинения обязательно основаны на того или иного рода методологии (наприм., европоцентризм) или идеологии (марксизм, христианство) и, проводя редукцию «ненужного» знания, отражают не знание «вообще», а то, что «надо знать».

способствовало широкое распространение цивилизационного подхода и методологии системного анализа. В то же время разочарование в идеологиях и отказ от них, внедрение в историческую науку позитивистской методологии, коммерциализация исторической науки сдерживали этот процесс.

Для российской и советской историографии долго характерно было стремление расколоть сложившееся в китайской исторической науке представление о единстве дальневосточной цивилизации, чтобы затруднить ее новое (уже после маньчжуров) объединение под эгидой китайцев или японцев. Здесь сказалось и соперничество двух супердержав, одинаково претендующих на необъятные просторы немусульманской («желтой») Азии.

Во второй половине прошлого века происходит Большой методологический взрыв в истории, и она из гуманитарной и служебной медленно начинает развиваться в иную. На первой стадии этого процесса чаще всего идет сравнение цивилизаций (сравнительно-цивилизационный подход), однако постепенно выявляется потребность перехода на второй уровень, дабы адекватно понять и оценить цивилизационную специфику и роль θcex народов, их креативную роль (не количественное измерение, а глубина). Критерий — не способность народа к захвату территории (пространства) или длительность его существования (время), а обустройство мира.

Ослабление в последние десятилетия роли России на международной арене и желание понять ее место в новой геополитической и социокультурной ситуации, становление деидеологизированной науки (хотя и не свободной от цивилизационной парадигмы) стимулировали не столько накопление исторического материала для иллюстрации идеологических схем, что характерно для периода господства марксизма, сколько переосмысление уже накопленного. Отсюда появление новых методологий и попытки не описать, а объяснить суть исторических процессов, а не фактов. Но складывается и ситуация своеобразного методологического наводнения. В противовес монизму и эволюционизму широко распространяются представления о полилинейном развитии истории и переосмысление терминологии, попытки создать новый понятийный аппарат. Его пытаются вывести из исторического материала.

8. Латинские сочинения XIII в. и их влияние на изучение монгольских народов

Речь идет о группе латинских текстов, созданных в XIII в. Они не содержат значительной фактологической информации о киданях, которые в это время активно объединялись с монголами, но во многом именно они заложили методологическую основу для последующей трактовки не только монгольской, но и киданьской истории и культуры. Вместе с китайской трактовкой она остается принципиально важной до сих пор, хотя по ряду параметров и не должна уже считаться приемлемой.

Образование Монгольской империи произвело огромное впечатление на современников в разных районах Евразии. Более того, можно сказать, что это событие и до сих пор является в некотором смысле актуальным. Образование державы Александра Македонского или Римской империи сейчас обсуждают фактически только специалисты, а о личности Чингисхана и его деяниях спорят самые разные люди, и спорят весьма эмоционально. Аналогов этому событию не было в истории ни до, ни после. «Вашингтон пост» в декабре 2005 г. назвала Чингисхана «самым важным человеком последнего тысячелетия», ибо «самое знаменательное событие прошлого тысячелетия — это то, что один-единственный род сумел распространить свою полную власть на всю землю». «Мистер Хан» стал легендарной фигурой. Империя Чингисхана уникальна, ни до, ни после не было такого обширного и могучего государства и созданного так быстро и прочно. Ни одно из оседлых государств, включая ставшую образцом Римскую империю, не идет в сравнение с ним, да и государства, создававшиеся другими кочевниками (скифы, гунны, тюрки, кидани, чжурчжэни) существовали фактически на более меньших по размеру территориях и во многом были химеричны. Нет ни одной евразийской страны, частью истории которой не была бы монгольская империя.

Стоит обратить внимание и на то, что произошло оно в условиях существования достаточно развитых цивилизаций («миров») с их мощными культурными парадигмами. Это привело к тому, что уже в XIII в. появились специфические образы «Потрясателя Вселенной» (восточноазиатский, монголо-сибирский, исламский, европейский), которые до сих пор не могут «найти общего языка».

Европейский или латино-христианский взгляд на события XIII в. все еще имеет особое значение в их исследовании, что во многом связано с господством при описании всеобщей истории

именно европейской общенаучной и конкретно-исторической методологии. И дело здесь не только в том, что фактически складывающаяся общепланетарная культура является, если так можно выразиться, латинской, и не просто по происхождению. Не только греко-латинская бытовая лексика широко проникла в различные языки, в том числе и восточные, практически все народы на Земле используют преимущественно латинско-европейскую терминологию – научную, общественно-политическую и даже моральноэтическую. Вероятно, это не случайно и связано с целым рядом факторов. Европейская культура за время своего существования с помощью религии, торговли и науки широко распространилась по всему земному шару и совершенно не случайно была принята другими народами. Европейская цивилизация молода. Временем ее «рождения», т. е. окончательного складывания, можно назвать пресловутый V в., когда внешне катастрофообразно произошло объединение «римской» и «варварской» зон и появился «христианский мир». За полтора тысячелетия своего существования она развивалась очень динамично, постоянно испытывая «вызовы» эндогенного (социальная борьба, политические конфликты, ренессансы, ереси и др.) и экзогенного (информационные интервенции других цивилизаций) характера. Именно то, что она испытывала не столько военные, сколько информационные удары извне, заставляло ее постоянно корректировать свою парадигму. В европейской картине мира оказались фактически соединены картины мира самых различных культур и не только на «аврамическом» пространстве, что само по себе делало ее максимально универсальной, узнаваемой и привлекательной для них. В этом плане есть смысл опасаться европоцентризма в политической сфере, но не в научной. Аналогов европейской терминологии, столь же эффективных, универсальных и точных терминов, никакая другая цивилизация пока еще не создала.

Контакты с далеким востоком, в том числе с Китаем, у Европы были и в древности, хотя и достаточно случайные. По «Шелковому пути» римляне получали шелк из таинственной «страны серов» (от лат. sericum «шелк»), а до Китая доходили западные товары (стекло, монеты, украшения). Первыми европейцами на Дальнем Востоке стали несториане, которые уже в VI в. пришли в Чанъань (совр. Сиань). Однако в первые века II тыс. н. э. этим отношениям был придан новый импульс. Надо особо подчеркнуть, что именно монгольские завоевания XIII в. облегчили контакты между Европой и Азией, которая основной своей частью входила

в пределы практически одного государства. Есть упоминание о приходе европейских купцов из Страны полночного солнца, возможно, скандинавских или новгородских. Во время пребывания М. Поло в Китае в Европу приехал уроженец Пекина Раббан Саума. В 1997 г. Дэвидом Селбурном был опубликован текст итальянского еврейского учёного и купца Якова из Анконы (Jacob d'Ancona), якобы побывавшего в Китае в 1270—1271 гг. Подавляющее большинство специалистов, правда, считают его мистификацией. Речь идет о трактате «Город света» (The City of Light), который, сразу надо отметить, ни в каких других средневековых текстах больше не упоминается. По словам самого Селбурна, ему предложили эту рукопись в 1990 г. Это были 280 листов, переплетённых в пергамент и представлявших древний перевод на итальянский язык с иврита. Селбурн перевёл рукопись на английский язык и издал. Гебраисты (Хилель Халкин) и китаисты (Джонатан Спенс, Т. Х. Баррет) отметили многочисленные фактические ошибки, неправильные транскрипции, отсутствие подлинника, что делает невозможным палеографический анализ.

Среди всех источников информации по интересующей нас теме выделяется ряд сочинений. В них не просто упоминаются монголы или приводятся какие-то небезынтересные факты о них самих или о взаимоотношениях с ними, а делаются попытки создать своего рода энциклопедические своды.

1. Прежде всего, это сочинение Джованни Плано дель Карпини (Иоанн из Пьян дель Карпине, Giovanni da Pian del Carpine; лат. Iohannes de Plano Carpini; ок. 1182 — 1 апреля 1252) — итальянский францисканец, первым из европейцев до Рубрука и Андре де Лонжюмо, посетивший Монгольскую империю, в возрасте шестидесяти трех лет, и оставивший описание своего путешествия. Итальянский монах, направленный папой Иннокентием IV в земли, захваченные монголо-татарами, должен был установить дипломатические отношения с монгольскими ханами и склонить их к союзу против исламских государств. Свой опыт посещения империи Йоанн изложил в рукописях Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus («История Монгалов, которых мы называем Татарами») и Liber Tartarorum («Книга о Татарах»), переведённых на многие языки, в том числе и на русский. Путешествие Джиованни дель Плано Карпини открыло список великих путешествий европейцев в Азию и его отчет о путешествии впервые познакомил Европу с миром Востока тех лет.

2. Виллем (Гильом) де Рубрук (франц. Rubrouck, флам. Roebroeck, лат. Rubruquis, ок. 1215 — ок. 1295), фламандец, рыцарь французского короля Людовика IX Святого, участник крестовых походов, затем монах-францисканец, в 1253 г. был послан Людовиком IX для установления контактов с христианами, проживавшими в пределах Монгольской империи. Помня о неуспехе посольства Андре де Лонжюмо, миссия которого завершилась безрезультатно, Людовик посоветовал Рубруку скрывать дипломатический характер поездки и путешествовать в качестве миссионера. Успех его предприятия казался достижимым в свете широко распространившейся к тому времени в Европе легенды о большом христианском царстве Пресвитера Иоанна, да и монгольский мир был склонен к контактам с населением окружающих стран, в том числе европейских. Рубрук побывал в кочевой ставке Батыя, центр монгольской державы Каракоруме, встречался с ханом Хулагу и многими представителями высшей монгольской знати. Именно Рубрук выяснил, что данные европейских географов во многом были неточными. Он оставил очень подробный письменный отчет о поездке, адресованный Людовику IX, а позднее помог своему сокурснику по университету Роджеру Бэкону сделать уточнения в его трудах относительно географической картины азиатского материка.

Это было самое значительное до Марко Поло путешествие европейца по внутренней Азии, а его сочинение «Путешествие в восточные страны» по вкладу в средневековую географическую литературу часто сопоставляют с вкладом Марко Поло. Видный немецкий географ XIX в. О. Пешель назвал его «величайшим географическим шедевром Средневековья». Составленное на латинском языке оно было впервые опубликовано в 1589 г.

3. Особое место занимают сочинения известного английского средневекового философа, францисканского монаха Роджера Бэкона (англ. Roger Bacon, известен также как Удивительный доктор — лат. Doctor Mirabilis; ок. 1214, Илчестер, графство Сомерсет — после 1294). Его сочинения многочисленны, он считал их подготовительными к задуманной обширной энциклопедии наук. Около 1257 г. генерал ордена Бонавентура запретил лекции Бэкона в Оксфорде и отдал его под надзор ордена во францисканский монастырь в Париже. Только благодаря покровительству папы Климента IV, занявшего престол в 1265 г., Бэкон получил возможность опубликовать три больших трактата: «Большой труд» (Ориз maius), «Меньший труд» (Ориз minus) и «Третий труд» (Ориз tertium). Большое значение имеет и его «Компендий философии»

(«Compendium Studii Philosophiae»). В плане темы имеет смысл отметить его «Opus Majus» который включает ряд географических сведений, полученных в Европе благодаря монахампутешественникам, которые побывали у монголов.

4. Марко Поло (12 сентября 1254— 8 января 1324)— итальянский купец и путешественник, представивший историю своего путешествия по Азии в знаменитой «Книге о разнообразии мира». Она служит ценным источником по географии, этнографии, истории целого ряда азиатских стран (Азербайджана, Армении, Ирана, Китая, Монголии, Индии, Индонезии) и оказала значительное влияние на мореплавателей, картографов и писателей XIV-XVI вв.

В 1260 г. Николо, отец Марко, вместе со своим братом Маффео отправились в Крым (в Судак), где у их третьего брата был свой торговый дом. Далее они двинулись по тому же маршруту, по которому в 1253 г. прошёл Гийом де Рубрук и в конечном итоге посетили Бухару и Ханбалык (современный Пекин), где были приняты Хубилаем, который дал им золотую пайзу для свободной дороги назад и попросил их передать послание папе римскому.

Во втором своем путешествии семейство Поло добралось до летней резиденции Хубилая в Шанду (в современной провинции Ганьсу). По словам самого Марко Поло, хан был им восхищён и даже в течение трёх лет держал его губернатором города Янчжоу (Глава СХLIV, Книга 2). В 1291 г. хан выдал одну из монгольских принцесс за персидского ильхана Аргуна и, снарядив для ее отправки отряд из четырнадцати кораблей, разрешил семейству Поло присоединиться в качестве официальных представителей хана. Через Суматру, Цейлон, Иран и Чёрное море все Поло вернулись в Венецию в 1295 г.

Около 1298 г. Поло попал в плен к генуэзцам и во время пребывания в тюрьме его рассказы о путешествиях были записаны ещё одним заключенным, Рустикелло (Рустичано).

Вскоре после своего появления книга была переведена на венетский и латинский языки. Книга становится очень популярной. Флорентийский историк XIV в. Джованни Виллани краткий рассказ о происхождении монголов, заканчивает следующей фразой: «Кто хочет лучше познакомиться с их деяниями, пусть отыщет книгу монаха Айтона, государя Колха Армянского, написанную им по поручению папы Климента V, а также книгу под названием «Миллион» мессера Марко Поло из Венеции. Ее автор много рассказывает о подвластных татарам краях и об их государстве, где он долго жил». В севильской Колумбовой библиотеке сохранился эк-

земпляр «Книги» Поло с пометками самого Колумба на полях. Этот том был выпущен на латыни между 1485 и 1490 годами, перед первым путешествием мореплавателя.

До сих пор «Книга» Марко Поло принадлежит к числу тех редких средневековых сочинений, которые читаются и перечитываются. Она вошла в золотой фонд мировой литературы, переведена на многие языки, издается и переиздается во многих странах мира. Историк литературы И. Н. Голенищев-Кутузов так оценивает книгу: «Марко Поло и его редактор создали один из самых интересных в средневековой литературе приключенческих романов и в то же время одно из наиболее обстоятельных описаний труднейшего и наиболее длинного в истории человечества путешествия. Изыскания поколений географов, этнографов и антропологов подтвердили точность многих рассказов итальянского путешественника». По мнению немецкого географа Рихарда Хеннига, «эта книга своим великолепным описанием различных стран и народов открыла людям того времени широкие географические горизонты, показав им дотоле закрытый для них мир».

Практически с этого же времени, правда, существует достаточно устойчивое недоверие к сочинению венецианца. Основная причина этого, видимо, в том, что его описание величественной монгольской империи резко противоречило традиционному западному представлению о варварах. Книга Марко Поло, изданная в средневековой Франции, была даже названа «Книгой чудес».

В 1966 г. немецкий монголовед Герберт Франке из Мюнхена в своей статье «Отношения Китая с Западом во времена Монгольской империи» утверждал, что М. Поло в Китае не был, а главы, посвященные Китаю, заимствовал из ныне утерянной арабской энциклопедии. Директор Китайского отделения Британской национальной библиотеки Франсез Вуд в 1995 г. даже выпустила книгу под претенциозным названием «Действительно ли Марко Поло был в Китае?», в которой, в частности, отметила, что Поло по непонятным причинам не упоминает иероглифы, книгопечатание, чай, фарфор, практику бинтования ног женщин, Великую китайскую стену. В итоге она приходит к выводу, что тот не путешествовал за пределы Малой Азии и Чёрного моря, не был в Китае, а являлся простым компилятором. Дитмар Хенце в 1999 г. всю книгу М. Поло грандиозной мистификацией («der kolossalste Schwindel»).

Европа вначале довольно равнодушно отнеслась к известию о появлении татар, не видя в них отличия от других кочевников. В анналах Мельрозского монастыря за 1238 год спокойно отмечается,

что «впервые прошел слух по земле нашей, что нечестивое полчище тартарейское многие земли разорило; истинно ли это, будущее покажет». О том, как плохо представляли европейцы, кто такие монголы, говорит и то, что, узнав о их появлении, автор «Хроники монастыря св. Эдминда» Джон из Тэкстера предположил, что это «нечестивое» племя пришло с неких «островов» и затем «наводнило (собою) поверхность земли»; «Племя нечестивое, называемое тартаринс, которое, недавно нахлынув с островов, наводнило [собою] поверхность земли, опустошило Венгрию с прилежащими к ней областями». Составители «Анналов Тыоксберийского монастыря» продолжили традицию Беды Достопочтенного и монголов тоже отнесли к *«сынам* Измаиловым», «вышедшим из пещер (числом) до 30 миллионов и более». Подобная позиция дольше сохранялась на Востоке. В Лаврентьевской летописи под 1224 годом значится: «Приде неслыханная рать безбожнии моавитяне, рекомыи Татаръве». «По грехом нашим придоша языци незнаеми, их же добре ни кто не весть кто суть, и отколь изыдаша, и язык их, и которого племени суть, и что вера их. А зовуться Татары, а инии глаголют: Таурмени (Туркмены, Тавромены?) а другии Печенези...Бог един весть кто суть, и отколь изыдоша». В Ипатьевской летописи о татарах сказано, что они безбожники: «Приде неслыхана рать, безбожнии Моавитане, рекомыи Татареве, придоша на землю Половецкую...». Вопрос о татарах был даже специально поставлен на известном Лионском соборе 1245 г. наряду с другими острыми политическими проблемами, такими как борьба с германским императором Фридрихом II, походы в «Святую Землю», судьба Латинской империи. Первый Лионский собор (28 июня – 17 июля 1245) — вселенский собор римско-католической церкви, созванный в главном храме Лиона (Cathedral Saint-Jean-Baptiste de Lyon) бежавшим из Рима от Фридриха II Штауфена папой Иннокентием IV (1243–1254) для того, чтобы отлучить от церкви этого своего врага, а также португальского короля Саншу II. На собор съехались около 150 епископов, а также некоторые светские лица (французский король Людовик IX, латинский император Балдуин II, правители ряда немецких княжеств, Генуи, Венеции, аббатов Клюни, Сито и Клерво). Епископы объявили императора Фридриха II низложенным за вероломство, нарушение мира, святотатство и еретичество, после чего Германским императором был избран Генрих Распетюрингенский (1246—1247). Папа, пропев «Veni creator» («Приди, Создатель!»), произнес речь, содержанием которой были пять скорбей, которыми он был терзаем, уподобленные пяти язвам Спасителя мира, распятого на кресте. Первой скорбью было вторжение татар, второй – раскол в Греции, третьей – нашествие хорезмийцев на Святую землю; четвертой – успех еретических учений, пятой, наконец, – преследование со стороны Фридриха. Были выслушаны доклады о политической обстановке на Востоке и в Восточной Европе латинских патриархов Иерусалима и Константинополя и русского архиепископа Петра Акеровича, привезшего в Рим ценные сведения о татаро-монгольской армии. Незадолго до собора ухудшилось положение христиан на Востоке: в 1244 г. турки осадили Йерусалим и разбили крестоносцев у Газы; войска короля Венгрии и Польши Белы IV были разбиты армией хана Огедая, возникла серьезная необходимость объединения духовных и военных сил Европы. Собор призвал все страны поддержать седьмой крестовый поход, подготовкой которого занимался Людовик. На этом Лионском соборе в первый раз кардиналы облеклись в красную одежду — символ их крови, готовой излиться ради торжества истины. Собор сыграл важную роль в преодолении кризиса духовной и политической власти в Европе и во взаимоотношениях между Восточной и Западной церквами. Среди важнейших документов собора – постановления о юридических правах Церкви, об осуждении клятвопреступлений и кощунств, об осуждении наемных убийств, о равных правах латинского и греческого патриархатов в Константинополе, о юридических полномочиях папы низлагать германского императора. Архиепископ из Руси Петр Акерович происхождение татар попытался понять традиционно, на основе Библии, и пересказывает их историю так: «последние из мадианитов, бежав от лица Гедеона до отдаленных частей востока, удалились в некую пустыню, которая называется Этрев. И было у них 12 вождей, главного среди которых звали Татаркан, от которого они нареклись тартарами. А от него произошел Чиркам, имевший троих сыновей. Имя перворожденного – Тессирикан, имя второго – Куртикан, имя третьего – Бататаркан. Огни, хотя были окружены высочайшими и будто бы непроходимыми горами, однако, вызванные Курцевзой, внуком Сальбатина, повелителя одного из городов, который называется Орнак, вышли, а именно отец и трое его сыновей с великим множеством вооруженных воинов; и убив Сальбатина, и Орнак, город его, захватив, Курцевзу, внука его, преследовали по многим провинциям. А провинции, дававшие ему убежище, они опустошали; среди них в большей части опустошена Руссия. Прошло уже 26 лет. По смерти же отца три брата между собой разделились». Общее с Лаврентьевской летописью здесь то, что и мадианитяне, и моавитяне мстили за свои былые поражения.

Однако, после того как Европа непосредственно столкнулась с монголами ситуация резко изменилась. Прежде всего, надо

отметить, что европейцев буквально потряс сам приход безвестных кочевников в глубь христианского «мира».

Монголы оказались в Европе в ходе так называемого Западного (Кипчакского) похода в 1236—1242 гг. во главе с Бату-ханом и военачальником Чингисхана Субэдэем. Эта операция может быть отнесена к одной из самых блестящих в истории военного искусства. За несколько месяцев были захвачены огромные территории и фактически уничтожены вооруженные силы двух сильнейших европейских держав, Польши и Венгрии. Кампания 1242 г. ясно покаевропейских армий и реальную окончательного порабощения всей Европы монголами. Действительно, отчасти простая случайность спасла католический мир. В окончательном итоге сложился новый огромный монгольский «мир». Монголосфера включала в себя пространство от Китая до Балкан и в сравнении с ней древнегреческая ойкумена или orbis terrarum (круг земной) римлян представляли собой сравнительно небольшие острова.

Монголы еще неоднократно впоследствии совершали походы в Европу, но аналогичного вторжения этот континент не знал ни до, ни после. Неудивительно, что страны Европы надолго запомнили испытанный ими ужас. В хронике монастыря св. Пантелеона (Кельн) говорилось о том, что «значительный страх перед этим варварским народом охватил отдаленные страны, не только Францию, по и Бургундию и Испанию, которым имя татар было дотоле неизвестно». Геравзий Кентерберийский в «Деяниях королей» (1240) писал о том, что «бесчисленное множество варваров, нахлынув с востока, все королевства, вплоть до Венгрии и Руси, невзирая ни на образ жизни, ни на вероисповедание, без различия уничтожило. Они татарами зовутся». Во французской хронике отмечено, что страх перед монголами во Франции повлиял даже на состояние торговли. Английский хронист Матвей Парижский сообщает, что на время прервалась торговля Англии с континентом. Он под 1237 г. занес в свою «Chronica Major» сообщение о небывалом падении цен на сельдь в Ярмуте. Купцы из Готланда и Фрисландии, обычно скупавшие значительную часть улова британских рыбаков, опасаясь монголов, не поехали в Англию, а «жители Готии и Фризии убоявшись их нашествия, не пришли в Англию, в Гернему, как у них заведено, во время лова сельди, которой они обычно нагружали свои суда. А потому сельдь в этом году в Англии из-за обилия [ее шла] почти за бесценок – даже в отдаленных от моря местностях до сорока или пятидесяти штук, даже самую отборную, продавали за одну серебряную монету». В Германии даже возникла молитва: «Господи, избави нас от ярости татар». Матвей Парижский утверждал, что некоторые из западных правителей готовы были подчиниться монголам: «когда сей ужасный Поток Гнева Господня господствовал над нами, королева Бланш (мать короля Франции) вскричала, слушая эти новости: "Король Людовик, сын мой, где вы?" Он, подойдя, спросил: "Мать моя, что вам угодно?" Тогда она, испуская глубокие вздохи и разражаясь потоками слез, сказала ему в рассуждение опасности сей как женщина, но с решительностью незаурядной дамы: "Что же делать, сын мой, при сем ужасном обстоятельстве, невыносимый шум от которого доносится до нас? Мы все, как и святая блаженная Церковь, осуждены на общую погибель от сих татар!" На эти слова король ответил печально, но не без божественного вдохновения: "Небесное утешение поддерживает нас! Ибо если эти татары, как они себя именуют, дойдут до нас или мы пойдем за ними в те места, где они живут, то все равно — мы пойдем на небеса". Таким образом он сказал: побъем ли мы их, или сами будем побиты ими – мы все равно пойдем к Богу, как верующие ли, как мученики ли. И замечательное слово это ободрило и воодушевило не только дворян Франции, но и простых горожан всех городов". Во всех городах Европы, служили молебны об отвращении страшной опасности. Как писал император Фридрих II королю Англии, «таким образом, страх и трепет возникли среди нас, побуждаемые яростью этих стремительных захватчиков». Европейцам вторили мусульманские авторы: «Не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества, и не будет ничего подобного до скончания веков и до страшного суда» (средневековый арабский историк Ибн аль-Асир). Сохранилась гравюра XIII в. под названием «Зверства монголов», написанная, видимо, китайским или арабским художниизображены монгольские воины, отрубленные человеческие ноги и руки. Над костром, на вертеле – человеческое тело.

Представления европейцев эпохи «монгольских ураганов» (XIII—XIV вв.) выделяются на общем фоне, безусловно, уже потому, что в них впервые, пожалуй, была сделана попытка увидеть события как факт общечеловеческой или «всемирной» истории.

 $C\ X$ в. начинается мощная экспансия монголоязычных и тунгусо-маньчжурских племен на северные окраины Китая, результатом чего станет возникновение трех великих империй — Железной империи киданей (Ляо, 907—1125), Золотой империи чжурчжэней

(Цзинь, 1125—1234), Небесной империи монголов (Юань, 1279—1368). Монгольская империя оказалась непрочной. Монголы растянулись длинным поясом Китай — Монголия — Сибирь — Русь, слишком растянутым и к тому же в силу ориентации на океаны быстро дробившемся. В конечном итоге судьба монголов предрешена: они частично откатываются в пределы Монголии, а частично входят в состав славянского мира, идя по пути прежних соседей Киевской Руси. Монголы сменили «Дикое поле», т. е. произошел переход от враждебности к состязанию и симбиозу. Эти соседи стали восприниматься «нашими погаными», «надобными Руси».

XIII век вообще стал несчастливым и для кочевников, которых «монгольский буран» разметал по земле. Удар Тамерлана и его «гулямов» (удальцов, т. е. профессиональных воинов с железной дисциплиной) довершил начатое Чингисханом.

Монголы не смогли создать долговременных государственных образований и потому, что, отказываясь от своих традиционных верований, они сложно воспринимали те «мировые» религии, с которыми познакомились во время своей экспансии (конфуцианство, ислам, христианство). Ислам они знали прежде всего в «тюркской» интерпретации. Этот «героический» ислам был годен для завоеваний, но не для стационарных государств. В государствах монголов буддизм оказался во многом ближе к традиционным ценностям и менталитету кочевников, тогда как ислам был более понятен и привычен для «оседлого» сектора. Два «учения» находились в ситуации длительного конфликта и в этих условиях быстро создать единую идеологическую систему было сложно, если вообще возможно. В итоге монгольские потоки начинают разветвляться и оттягиваются в область тогдашних «мировых» религий (конфуцианство (Китай и Монголия); христианство (Русь); ислам (Сибирь, Средняя Азия).

В результате в XII—XIV вв. в Азии складываются три больших пояса: на севере русско-монгольско-китайский, на юге— арабско-мусульманский, посредине— тюркский.

Тюрки и монголы («индейцы» Евразии по словам Л. Н. Гумилева) стали восприниматься Европой в качестве врагов цивилизации, но европейцы не торопились поддержать стремление Руси не допустить распространение тюркской экспансии на запад. Европа не верила православным и продолжала «натиск на Восток». Даже в XIX в. это оправдывалось: «бороться с турками с такими союзниками варварами то же, что изгонять беса силою Вельзевула». По словам Астольфа фон Кюстина, «и под внешним

лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохраняет медвежью шкуру — они лишь надели ее мехом внутрь». Романо-германская католическая Европа православные страны объявила своими противниками еще в XIII в.

В Европе отношение к монгольским народам было более сложным и разнообразным, что в значительной степени связано с тем, что континент сохранил свободу и потому реагировал на пришельцев не столько эмоционально, сколько логически, обращая внимание не на межэтнические противоречия, а на место этих событий в «священной истории», т. е. их связь с общецивилизационной парадигмой. Встреча двух цивилизаций всегда порождает необходимость, осмысляя неожиданное появление «чужих», связать их со своей собственной историей, найти им «нишу» в освященной традициями и религией цепочке значимых событий. В средние века только так можно было понять феномен иной культуры, попытаться предвидеть возможные последствия этой встречи. При этом, разумеется, до конца средневековья «фундаментальная противоположность «своего» и «чужого» имела формы устойчивого противопоставления».

К тому же надо учитывать еще одну особенность истории Европы – она практически не знала серьезных военных ударов извне и опустошительных вторжений. Если в Китае практически каждая династия умирала не только из-за накапливающихся внутренних противоречий, но и из-за внешних ударов, то Европа фактически лишь трижды столкнулась с серьезными внешнеполитическими осложнениями. Это германские «нашествия», которые скорее были логическим продолжением традиционного противостояния средиземноморского греко-римского Юга и европейского (ultra montes – за горами, т. е. за Альпами) «варварского» Севера. «Падение» Западно-римской империи было катастрофообразным объединением этих двух зон в «христианский мир». Идея «падения» во многом идет от итальянских гуманистов, которые таким образом объясняли исчезновение великой античной культуры. Бельгийский историк А. Пиренн считал, что окончательное падение античного мира произошло не в результате варварских расселений, а в ходе арабских завоеваний, когда арабы захватили три из четырех берегов Средиземного моря и тем самым заставили Европу ориентироваться на Север. Вместо широтного варианта развития Европа переходит на меридиональный. Монголы «случайно» не захватили ее и фактически в экономическом и политическом плане не оказали почти никакого влияния на ее развитие. Турки были

остановлены под Веной, но тоже не повлияли на развитие центральных европейских регионов. Тем не менее, внешние факторы играли в истории континента не меньшую роль, чем внутренние. Речь идет о том, что практически на протяжении всей своей Европа испытывала очень сильную информационную осаду. Мусульманская культура представила свою оригинальную трактовку традиционных для христианского мира греко-римских «античных» представлений христианской религиозной традиции, что неоднократно резко усиливало «еретические» настроения внутри европейской культуры. Монголы, этот грязный, нечистоплотный народ (gens immunda) с точки зрения христиан, смогли в одночасье сделать то, чего европейцы не могли добиться в течение тысячелетия, а именно подчинить себе всю Азию. Сделали они это с помощью силы, а не «слова», ибо «культуры» европейцы у кочевников вообще и монголов в частности не видели.

Здесь сказывалась присущая изначально оседлым народам неприязнь по отношению к людям, экономика которых основывается на скотоводстве, следы чего можно видеть уже в библейском рассказе о споре Каина и Авеля. Не случайно по отношению к этим народам и в античной литературе, и в библейской традиции сложился особый подход. Их культура и экономика оцениваются с позиций средиземноморской цивилизации, где главными критериями являются наличие государственности, демократических ценностей, права, литературы и т. д. Сочинения «отца истории» Геродота и «отца географии» Страбона, по сути, заложили основы историко-географического маркирования всей ойкумены. Именно тогда с помощью разного рода штампов («бородатые варвары в женском платье», «культура низка и недостойна», порочность, рабство и др.) фактически на восточные народы был перенесен образ противника. Очень долго о людях с динамичной скотоводческой экономикой судили по номадам, проживавшим в непосредственной близости от греко-римского мира. По сути, это было только начало формирования скотоводства и эти племена вели так называемую присваивающую экономику, в рамках которой вполне возможно было и земледелие.

Стоит отметить, что история изучения кочевников уже с того времени проходила через многочисленные мировоззренческие и идеологические «фильтры» оседлых цивилизаций. Практически все исследователи подчеркивали несоответствие кочевников всем мыслимым критериям цивилизованности. Античные и средневе-

ковые дипломаты и купцы в своих рассказах и отчетах многое домысливали, тем более, что тогдашняя наука важнейшим считала определение степени близости и похожести чужого на свое, а кочевники, разумеется, были иными. Они считали, что номады — это варвары, «с конями мчащимися, огнем пышущими, искры копытами высекающими», несущие чаще всего смерть и разрушение. Как писал Климент Александрийский, «взяв коня и сев на него, скиф несется куда хочет». По словам Овидия, «враг, сильный конем и далеко летящей стрелой, широко опустошает соседнюю землю». Ему «вторит» Евсевий Иероним: «Они всюду являлись нежданными и, своею быстротою предупреждая слух, не щадили ни религии, ни достоинств, ни возраста»; «из самых далеких скал Кавказа... северные волки в короткое время обрыскали столь обширные провинции». Китайские авторы подчеркивали, что «они бушуют как буря и молния и не знают устойчивого боевого порядка». В средневековой Европе их именовали «бичом Божьим».

Пожалуй, впервые европейцы столкнулись с кочевниками как особыми народами во времена Великого переселения народов, которое охватило всю Евразию в I тыс. н. э. Поскольку восточные племена находились на стадии переселения, их общества были предельно милитаризованы и шли на любые средства ради захвата добычи и территорий. Неудивительно, что уже тогда сложилось достаточно стереотипное представление о кочевниках как разрушителях культуры. Поскольку основные удары по культурным районам наносили не сами эти пришельцы, а сдвинутые ими с места германские племена, то европейцев больше интересовали «варвары». По сочинения Аммиана Марцеллина и Павла Орозия можно судить о некотором равнодушии к племенам, пришедшим непонятно откуда: «новые необычные обстоятельства взбудоражили северные народы...множество неведомых варварских народов, прогнанных неожиданной силой со своих мест, кочует со своими семьями»; «никто не может сказать ничего определенного о том, откуда вышли гунны». Политоним «гунны» сменил «скифов». Уже одно это приковало внимание европейцев к «глубинам» Азии. Это не Дальний Восток, где живут «серы», т. е. народы, изготавливающие шелковые ткани, а районы, куда «ступит нога» белого человека именно во времена монгольских завоеваний, те места, которые в последние десятилетия все чаще именуются «Внутренней Азией» (Кашгария, Джунгария, Монголия, Тибет). Здесь проживали Гог и Магог, из этой «черной дыры», уверены будут авторы эпохи Возрождения и Просвещения, выходят все «бандиты». Это самый

настоящий край света, не случайно П. Карпини писал о монголах как о людях, по европейским меркам существующих на грани выживания. И этот «край света» не в Африке или в Атлантическом океане, где помещали Аид!

Но там же, как прекрасно узнали в средние века, существовала и могущественная Циньская империя, где правил Циньши хуанди, и «Катай», правителем которого был Великий хан. Это пугало средневековую Европу, еще не очень четко понимающую, чего ждать от заисламской Азии — военного удара или культурной атаки.

Любопытно, что появление татар и в Европе было воспринято в традиционном духе как естественное и неизбежное наказание за *«грехи мира»*, но под последними понимались уже те кризисные явления, которые связаны были не с абстрактными грехами, а с вполне конкретными негативными явлениями в общественной и хозяйственной жизни Европы XIII в.

Монголы не казались пока европейцам опасными по разным причинам. Во-первых, в предложенной в свое время Аврелием Августином классификации народов в соответствии с их отношением к христианству (1 - 3нают и хотят знать, 2 -не знают, но хотят знать, 3 - 3нают и не хотят знать, 4 -не знают и не хотят знать) эти племена явно должны занимать либо второе, либо даже первое место, ведь среди них было немало христиан. Во-вторых, монголы оказались в стороне от традиционной библейской альтернативы «люди, вошедшие в Завет – люди, не вошедшие в Завет». Под второй категорией в это время понимались «измаильтяне» или «агаряне», т. е. арабы, мусульмане. В-третьих, они располагались все-таки далеко от границ христианского мира. И, наконец, в-четвертых, они явно враждовали с арабами, европейцы надеялись, что враг врага вполне может стать другом. Именно этот первый вариант и был испробован в первую очередь. Задуманный еще Иннокентием III пятый крестовый поход состоялся в 1217—1221 гг. И папский легат Пелагий, по сообщению арабского историка Ибн аль-Алефа, начал переговоры с Чингисханом, вторгшимся в Персию. Усиленное муссирование слухов о государстве пресвитера Иоанна наводит на мысль, что желание военного союза христиан и монголов не казалось необычным.

Неудачи крестовых походов в XIII в. помимо внутриевропейских причин, были обусловлены и внешними факторами, в частности, возросшим могуществом египетского султаната, который, по сути, занял в то время ведущее положение в арабском мире. Но

египетские мамлюки нанесли жестокое поражение и монгольским отрядам. Этим в значительной степени объясняется взаимная заинтересованность предводителей крестоносцев и монгольских ханов в создании антиегипетской коалиции.

Первыми активность, естественно, проявили римские папы. В середине XIII в. на восток отправляется сразу несколько миссий. Именно папа Иннокентий IV в 1245 г. направил в Каракорум к великому хану Гуюку миссию францисканца Джованни Плано Карпини. В 1249 г. в путь на восток отправилось французское посольство Андре Лонжюмо от короля Людовика IX Святого. Андре из Лонжюмо (André de Longiumeau; ум. ок. 1253) — французский доминиканский монах. Впервые упоминается как один из миссионеров, направленных на Восток генералом доминиканского ордена Йорданом Саксонским в 1228 г. В 1245 году Андре был направлен папой Иннокентием IV на Ближний Восток к патриархам восточных церквей для переговоров об унии с католической церковью. В декабре 1248 г. к Людовику IX Французскому, находившемуся в Никосии на Кипре прибыли Давид (Сейф ад-Дин Дауд) и Марк, послы монгольского наместника Эдьджигидея. Они передали королю через Андре де Лонжюмо письмо, в котором было сказано, что великий хан Гуюк и сам Эльджигидей перешли в христианскую веру. С помощью этой дезинформации Эльджигидей хотел уверить Людовика, что монголы не собираются вторгаться во владения франков, хотя наместник в действительности собирался атаковать Багдад и опасался противодействия Египта. В ответ король направил Андре, вместе с его братом-монахом и семью спутниками, с посланием ко двору Гуюка. Оказалось, однако, что Гуюк к тому времени умер, а всеми делами ведала вдова хана Огуль-Гаймыш, которая грубо ответила на французское предложение союза. В рассказах Лонжюмо реалии перемешаны с неподтвержденными фактами вроде известий о войнах Чингисхана с пресвитером Иоанном. Рубрук сообщает, что лично беседовал с Лонжюмо и что его наблюдения о нравах и обычаях монголов нашли полное подтверждение во время его собственного путешествия в ставку хана.

Потерпевший в Седьмом крестовом походе поражение французский король активно поддержал усилия папы Иннокентия и отослал к преемнику Гуюка хану Мункэ в 1253 г. доминиканскофранцисканскую миссию фламандца Гийома Рубрука уже с прямым предложением антимусульманского союза, но хитрый монгольский правитель потребовал невозможного, а именно подчинения Франции монголам. Причины столь массированного

дипломатического «наступления» Запада разнообразны. Кроме прощупывания возможности военного союза, являвшегося в их сознании скорее перспективой, чем реальностью, европейцы хотели разузнать ближайшие планы «завоевателей мира», их реальные и потенциальные силы. Завоевание обширных районов Азии и поход в Юго-Восточную Европу (1222—1224) произвели столь сильное впечатление, что о монголах стали говорить, как о величайшем бедствии человечества. По всем городам Европы служили молебны об отвращении страшной опасности. Можно предположить, что монахи должны были выяснить также возможность проповеди христианства среди монголов. Идея миссионерской деятельности уже достаточно широко была распространена в Европе, ее высказывали по разным причинам и с разной целью толедский архиепископ Евлогий (IX в.), аббат Клюнийского монастыря Петр Достопочтенный (1095—1156), Фома Аквинский и Франциск Ассизский в XIII в. Все основывались на словах Христа «идите по всему миру и проповедуите Евангелие всей твари» (Мк 16-15).

Во второй половине XIII в. уже монгольские ильханы Хулагуидского улуса, охватывавшего Иран, Ирак, Закавказье, стали оббивать европейские пороги. Хулагуиды ведут активные дипломатические переговоры с римскими папами Климентом IV, Григорием X, Николаем III, с Генуей и королями Англии и Франции. В 1287–88 гг. посол ильхана Аргуна несторианский монах, уйгур по происхождению Раббан Саума побывал в Риме, Генуе, Франции. Его попытка сколотить антиегипетский союз не удалась.

Отношения монголов с Европой принимают более спокойный характер в конце XIII в. В 1294 г. в столицу юаньского Китая Даду (монг. Ханбалык) прибыл посланец папы Бонифация VIII Дж. Монтекорвино. Блаженный Джованни из Монтекорвино (Иоанн Монтекорвинский, 1246–1328) — францисканский миссионер, первый в истории архиепископ пекинский. В 1272 г. был направлен Михаилом VIII Палеологом к папе Григорию X для ведения переговоров о воссоединении церквей, с 1272 по 1289 гг. по поручению папы вел миссионерскую деятельность на Ближнем Востоке. В 1289 г. папа Николай IV снабдил его письмами к Кубла-хану, к ильхану, татарским мурзам, армянскому царю и патриарху иаковитов и отправил его в Китай. Несмотря на противодействие пекинских несториан, тот развернул бурную миссионерскую деятельность и построил первую католическую церковь в Китае (1299). За 12 лет жизни в Китае он изучил язык, перевёл на него Новый Завет и

Псалтырь. Католическая церковь сохраняла присутствие в Китае до восстания Красных повязок.

Хубилай (Шуцзу) даровал разрешение остаться в столице и построить там церковь. При монгольском дворе было много христиан, в том числе и европейцев — итальянцев, французов, немцев. Вместе с другими представителями стран к западу от Китая они считались сословием «сэму» («цветноглазые» по-китайски).

В 1298 г. вышла в свет «Книга» венецианского купца Марко Поло, который долгие годы провел в Китае и сообщил об этой стране самые невероятные и фантастические, с точки зрения современников, сведения. С этой книги начнется новый этап в развитии интереса Европы к Востоку.

На восприятие же европейцами монголов в целом повлиял целый ряд факторов. Прежде всего, это та опасность, которую представляли монголы. Если появление арабов в VIII в. почти вся Европа восприняла равнодушно, и Беда Достопочтенный пытался понять их лишь с точки зрения эсхатологии, теперь европейцы применили к пришельцам те методы, с помощью которых они анализировали внутриполитические конфликты. Мусульмане, захватившие все Южное и Восточное Средиземноморье, оттеснили христиан от общения с остальным миром, мусульманское окружение создало некую «мусульманскую стену». Кругозор европейцев практически до самого начала Крестовых походов не менялся. Вильям Мальмсберийский (1090—1142) считал, что весь мир, кроме Европы, принадлежит мусульманам. Петр Достопочтенный (сер. XII в.) полагал, что ислам исповедует треть или даже половина народов всего мира. Однако, после захвата монголами Азии, европейцы воспрянули духом. Интеллектуалами того времени было предложено несколько вариантов возможного дальнейшего развития событий. Один, первый по времени, основывался на идее возможного военного союза с монголами против мусульман.

Особо следует подчеркнуть и то, что анализ ведется теперь, как правило, с учетом развития экономических, а не идеологических процессов.

К этому времени меняется значение термина «исторические народы», под ними начинают понимать уже не только и не столько жителей Римской империи, сколько бывших «варваров». Широкое применение в историографии этого периода имеют также схема Евсевия — Иеронима и идеи Аврелия Августина, в соответствии с чем «профанная» история понимается как часть истории священной, как ее продолжение и завершение. Все известные европейцам

народы имеют свое строго определенное место в этом процессе, вплоть до загадочных серов.

Вся ученая Европа пытается определить происхождение «татар» и их родственную связь с уже известными народами. Раньше это делалось с помощью Библии, ибо в то время почти исключительно она помогала объяснить происхождение и предпосылки современных событий, в частности, давала возможность найти следы древнейших упоминаний каких-либо народов в ветхозаветной истории и установить их родство с известными народами и религиями. Она же давала ответ и на вопрос о дальнейшей их судьбе, их месте в предстоящем конце всего сущего.

Появление иноземцев для формирующейся городской экономики казалось большей катастрофой, чем для «деревенской» Европы VIII в. Потому Европа и старается просчитать все возможные варианты изменения внешнеполитического положения континента. К тому же принцип расчета и выгоды уже выходит на первое место в европейской системе ценностей. От рационального ведения хозяйства происходил переход к рациональной организации государства. Появлялись сложные органы управления и контроля, система налогов и государственного кредита, формировалась политика, взвешивающая все мыслимые факты и возможности, даже характеры политических деятелей, в ранг высокого искусства возводилась изворотливая дипломатия. Идет процесс перерастания средневековых народностей в нации, и уже не только и не столько на этнической, сколько на экономической основе формируется нравственно-политический принцип патриотизма.

Рационализм широко проникает и в область идеологии. Еще *Иоанн Скотт Эриугена* (810–877), крупнейший представитель неоплатоновского движения в средние века, создатель пантеистической онтологии, выдвинул принцип свободного поиска истины с помощью разума. Идеи *Беренгария Турского* (1010—1088), *Пьера Абеляра* (1079—1142), *Ибн Рошда* (*Аберроэса*, 1126—1198) и *Сигера Брабантского* (1240—1284) закладывали основы принципа религиозного плюрализма, первые проявления которого имелись в учениях катаров и альбигойцев, равенства религий и возможности их независимого сосуществования. Один из первых серьезных кризисов средневекового христианства, имевший место именно в XIII в. и вызванный формированием городской культуры, внушительной интервенцией мусульманского свободомыслия, антиталмудической критикой мистиков-каббалистов, затронувших и ряд общих с христианством догматов, возродил интеллектуальные поиски «истинной филосо-

фии» первых веков нашей эры. Неудивительно и появление в этих условиях такой фигуры, как Роджер Бэкон (1214—1292). Этот «ученый, вызывающий удивление», казавшийся вначале «червонцем, застрявшим в навозе своего века» (Вольтер), но представший перед потомками «царем мысли средних веков» (Э. Ренан), подобно гностикам пытался получить истинную картину мира в результате синтеза сведений из всевозможных наук. Вся его жизнь «была страшной борьбой за право научной мысли. Жестокое преследование он навлек на себя не только резкими нападками на церковь и обличениями испорченности церковной иерархии, но также гениальносмелой критикой схоластической догмы и проповедью новой научной методологии»

Одним из источников науки для него является «философия древних», т. е. античная культура и мораль. Именно он, по словам М. П. Алексеева, дал «связный географический очерк Азии на основании критического сопоставления новых данных, полученных опытным путем, и всей существующей литературы». Он первым из крупнейших средневековых мыслителей, по сути, сформулировал идею неизбежной будущей конвергенции христианского и языческого миров, причем на основе диалога культур, а не их борьбы.

Появление монгольских армий тоже потребовало ответа на вопрос: признак ли это конца света. Роджер Бэкон, однако, отказывается, по существу, от использования Библии в качестве единственного «ключа» к тайне происхождения «татар» и привлекает сведения античных и прежде всего современных авторов.

Традиционно он дает описание трех частей света Европы, Азии и Африки и ссылается на античных авторов (Аристотеля, Плиния и др.), но основной фактический материал берет у своих современников — францисканских монахов Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрука. Однако «бесхитростные и во многом наивные рассказы» Карпини и Рубрука он анализирует очень тщательно и компонует материал так, что тот лишь подтверждает его научную концепцию. Отказываясь, по существу, от использования Библии в качестве единственного «ключа» к тайне происхождения «татар», он привлекает сведения античных и прежде всего современных авторов. Происхождение этого народа, который «теперь очень известен и попирает мир ногами своими», он связывает с подвижками племен в Центральной Азии и, в частности, с историей государства кара-китаев (1124–1218). Государственное устройство и состояние наук у татар Бэкон оценивает весьма высоко, предполагая, что по уровню своего развития они мало уступают

европейцам, а в чем-то даже превосходят их, «ведь предводители там управляют народом с помощью прорицаний и наук, которые сообщают людям о будущем, или являются частями философии, как астрономия и наука об опыте, или магическими искусствами, которым предан и которыми пропитан весь восток». На страхи Европы он, отталкиваясь от рациональных доказательств, отвечает, что *«тартарское нашествие* еще не является признаком того, что грядет время пришествия Антихриста, но требуются и другие доказательства, дабы объяснить последствия». Подробно описывает Бэкон конфессиональную И ситуацию, давая исчерпывающие для XIII в. сведения о религии и верованиях «татар» и других центрально-азиатских племен и народов, о различных христианских общинах и сектах в Азии, о религиозной политике монгольских правителей. Пытается он понять и причины возвышения тех или иных племен, то, говоря о неожиданно возникающей «страсти к владычеству», то связывая это с численным ростом восточного населения и, как следствие того, борьбой за пастбища и угодья.

Роджера Бэкона интересует и история различных народов, населявших Центральную Азию в XIII в., прежде всего «из-за самого народа, который теперь очень известен и попирает мир ногами своими», т. е. из-за «татар». Их происхождение он связывает с подвижками племен в Центральной Азии и, в частности, с историей государства кара-китаев (1124-1218). Государственное устройство и состояние наук у татар Бэкон оценивает весьма высоко, предполагая, что по уровню своего развития они мало уступают европейцам, а в чем-то даже превосходят их, «ведь предводители там управляют народом с помощью прорицаний и наук, которые сообщают людям о будущем, или являются частями философии, как астрономия и наука об опыте, или магическими искусствами, которым предан и которыми пропитан весь восток». На страхи Европы он, отталкиваясь от рациональных доказательств, отвечает, что «тартарское нашествие еще не является признаком того, что грядет время пришествия Антихриста, но требуются и другие доказательства, дабы объяснить последствия». Подробно описывает Бэкон и конфессиональную ситуацию, давая исчерпывающие для XIII в. сведения о религии и верованиях «татар» и других центрально-азиатских племен и народов, о различных христианских общинах и сектах в Азии («от центра Черной Катайи до самых восточных границ живут преимущественно идолопоклонники, но примешаны к ним сарацины и тартары и несториане»), о религиозной политике монгольских правителей. Пытается он понять и причины возвышения тех или иных племен (тюрок, найман, уйгуров, киданей, монголов), то говоря о неожиданно возникающей «страсти к владычеству», то связывая это с численным ростом восточного населения и, как следствие того, борьбой за пастбища и угодья.

Особое значение имеют сведения Р. Бэкона о западных киданях. Сообщения европейских авторов о них довольно редки, но именно на примере информации Бэкона видна их важность. Время правления западнокиданьских правителей-гурханов он начинает с событий под Антиохией, т. е. с 1098 г. Известно, однако, что государство Си Ляо появляется только в 20-х годах XII в. Вероятно, основанием для утверждения Р. Бэкону послужили перемещений центральноазиатских и южносибирских племен перед падением восточной киданьской империи. В 90-х годах XI в. произошли важные события в районах Алтая и Южной Сибири. В 1089 г. во главе племенного союза, ядром которого явились цзубу, встал дальновидный политики и талантливый полководец Могусы. Во 2-м месяце 1093 г. он, разгромив посланные против него войска, вторгся на территорию Ляо и тем спровоцировал выступление ряда внутренних племен. Лишь к 1100 г. этот «мятеж» был подавлен. Можно предположить, что, либо к Могусы, контролировавшему некоторое время часть территории будущего «Каракатая», либо в империю Ляо «турки послали за помощью против франков», по свидетельству «истории антиохийской».

Любопытно свидетельство Р. Бэкона о значении слова «хан»: «хам — титул и означает то же, что прорицатель» (Cham est nomen dignitatis, et sonat idem quod divinator). Тем самым подтверждается совмещение в лице правителя западных киданей духовной и светской власти по т. н. «китайскому» варианту. Бэкон ошибочно воспринимает «Коир» как «имя собственное» (nomen proprium), тогда как это слово является искаженным «гур» и означает «всеобщий», а весь титул читается как «хан всех племен». Термин этот издавна привлек внимание исследователей. Принятие его первым западнокиданьским правителем Елюй Даши казалось необычным таким историкам, как М. Дегинь, П. де Майа, К. Д'Эрбло, С. де Саси, М. Клапрот. Источники, откуда кидани заимствовали этот титул, пытались найти В. Григорьев, И. Березин, К. Риттер, К. Менгес, К. А. Виттфогель, Фэн Цзяшэн и ряд других отечественных и зарубежных исследователей. В киданьской династийной истории «Ляо ши» прямо говорится, что гурхан — это почетный титул правителей монгольских племен. Корень «гур» в монгольском языке имеет два значения: первое – большой, всеобщий, второй – народ

(собрание племен). Титул «гурхан» в этом случае означает выборного хана, поставленного во главе какого-либо племенного союза. Именно в таком, видимо, значении он встречается в «Юань чао би ши», где рассказывается о том, как в 1201 г. некоторые монгольские племена, собравшись на реке Кем, избрали своим вождем Джамуху с присвоением ему титула гурхан, т. е. великий хан. Можно предположить, что на протяжении XII–XIV вв. Значение этого титула претерпело значительную эволюцию. Джувейни объясняет его как «хан ханов», а Рашид Ад-Дин трактует — «великий хан, всеобщий хан»». В отдельных тюркских и монгольских языках это слово произносится с некоторым удлинением и обозначает «универсальный правитель, хан с огромной властью, верховный правитель». Титул этот пользовался большим уважением у многих правителей, в частности, «любил видеть свое имя с этим прозванием Тимур».

Таким образом, выход монголов на мировую арену, помимо всего прочего, настолько сильно повлиял на кругозор европейцев, что можно говорить о влиянии и этого фактора на начало процесса складывания новой географической науки. Ее основателем будет справедливо считать Роджера Бэкона.

Стоит отметить, что первая реакция европейцев на монголов по-своему замечательна, ибо свидетельствует о понимании европейцами многовековой связи внешних вызовов с внутренними кризисами и видении системности охватившего весь «христианский мир» кризиса. Примеры такого понимания можно найти уже в Библии, где четко проводится мысль о том, что враг не придет в ту страну, которая «сильна», где есть «вера», т. е. есть этническая и культурная сплоченность. Эта библейская методология, как показывают латинские сочинения, все еще активно использовалась. Именно она помогла в VIII в. решить «загадку» арабов Беде Достопочтенному, который нашел для них «нишу» в «священной истории» и признал их «своими». К тому же арабы не были для европейцев в полном смысле кочевниками. Здесь впервые, пожалуй, цивилизационная парадигма была применена к кочевникам. Можно даже увидеть здесь признание их в качестве некоей части «человечества» в целом, хотя и примитивной.

Активно используется вначале Библия для идентификации монголов с каким-либо из известных уже этносов. Неудивительно, что первыми в этом ряду стали Гог и Магог. Магог появляется в книге Бытие (10:2) как один из сыновей Иафета (Вот родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета. После потопа родились у них дети. / 2. Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас). В

Книге пророка Иезекииля (Иез. 38:2–3; 39) Гог, «князь Роша, Мешеха и Тувала», и «земля Магог» будут среди «великого сборища полчищ», которые вторгнутся под предводительством Гога в Землю Израиля «в последние дни... как буря... от пределов севера», чтобы грабить и опустошать, и падут в ней от руки Господней. Магога, внука Ноя. В Талмуде Гог и Магог — это жестокие народы, последние битвы которых с другими народами мира произойдут перед приходом Мессии. Иосиф Флавий отождествил их в свое время со скифами. В Апокалипсисе Иоанна (20: 7) говорится, что они появятся после тысячелетнего царства в конце времен, чтобы предстать перед Страшным Судом, но будут поражены огнём с небес.

По Корану (18:93–99; 21:96) Зуль-Карнайн (Александр Македонский Двурогий) по приказу Аллаха доходит до народа между двумя горами, который обратился к нему с просьбой спасти их от притеснения народов Яджудж и Маджудж, которых было четыреста тысяч. Он воздвигает мощную стену из бронзы, смолы и серы, за которой он запер эти дикие народы до той поры, пока они не вырвутся на волю в день Страшного суда. Пока же они пытаются прорвать ее ежедневно с наступлением утра и до вечера.

Амвросий первым из христианских авторов обратился к образу этих племен и в своих комментариях к Иезекиилю (39:10-11) написал «Gog iste Gothus est» (Гог — это Готы). Иероним Блаженный в середине 390-х не согласился с ним и в своем комментарии на книгу Бытие (10:2) и отождествил их с фракийскими Гетами. Иордан в своей «Гетике» в 551 г., основанной на утерянной «Истории» Флавия Кассиодора, писал уже не только о Готах, но и о Скифах.

В сочинении Гонория Августодунского «Об образе мира» (начало XII в.), которое для того времени наиболее полно отражало существовавшие в Европе представления о мире и вселенной, говорится, что за Каспийскими горами, т. е. именно в северной части Азии, живут самые жестокие на свете племена Гог и Магог, которых когда-то обнес стеной Александр Великий. Они питаются сырым мясом диких зверей и людей. Об этих племенах упоминает и Оттон Фрейзингенский. Во времена императора Гераклия агаряне уничтожили часть его армии Гераклия, тот в отместку отворил Каспийские Ворота и выпустил эти племена.

В «Великой хронике» Матвея Парижского под 1240 г. впервые прямо указывается, что это были татары, народ внезапно появившийся из местности, окруженной горами, пробившийся сквозь камни. Именно поэтому они и были названы Тартарами (выходцами из

Тартара). Любопытно, что он прямо пытается их связать со священной историей и говорит о том, что они происходят от десяти племен, отвергнув их закон Моисеев и право ради золотых тельцов. На его карте Палестины Матфея Парижского даже обозначены пресловутые стены, за которыми некогда томились Гог и Магог, а в пояснительной ремарке указывается, что оттуда же прибыли и татары.

При чтении латинских текстов XIII в. сразу бросаются в глаза довольно напряженные отношения между новой империей и Европой. Плано Карпини, в частности, удивляет наличие, кроме языческих, буддийских храмов, двух мечетей и одной христианской (несторианской) церкви. Он не понимает причины непонятной и неприемлемой для средневековых католиков веротерпимости монголов. Для европейца это свидетельство существования «язычества», с которым христиане боролись практически всю свою историю. Само понятие в Европе этого времени воспринимается сложно. С одной стороны, язычество, на Руси известное как «поганство», это не просто многобожие, а, по сути, ситуация столкновения многих культур («столпотворение богов») как информационного хаоса. Эта ситуация периодически возникает в истории любой цивилизации и воспринимается в конечном итоге как нетерпимый кризис и проявление антицивилизационного развития. Против язычества именно в этом смысле выступали в свое время ранние христиане. Веротерпимость монголов и станет для европейцев главным свидетельством отсутствия у них самой возможности развития по цивилизационному варианту. Крушение монгольской империи, с точки зрения латинских авторов, является решающим доказательством искусственности (не божественного происхождения) ее. Отсюда во многом также идет представление о принципиальном отличии кочевников от оседлых народов, восприятие их как бандитов и квазиобщество.

Монголы нарушают, прежде всего, уголовное право, а ведь оно со времен Моисея — одна из основ цивилизации. Монголы обрушились на святые места (Иерусалим, Индия, Азию, где появился человек и находился «рай»). Это подчеркивало их необычность — никто еще, особенно после принятия христианства, не нападал на эти места. Европа видит в Чингисхане не просто «чужого», а «иного», что помимо всего прочего говорит и о том, что христианская цивилизационная парадигма не дает возможности его понять. Перед культурой фактически ставится задача изучать его так, как мы бы стали изучать инопланетянина. И она это делает, свидетельст-

вом чему страницы самых различных текстов, посвященные ему. Это изучение в определенном смысле можно уподобить изучению раннехристианской Европой фигуры Иисуса Христа, только если Христа изучали как «бога», то здесь налицо всестороннее исследование именно человеческой личности. Пожалуй, нигде, кроме Европы это больше не делалось в то время.

Любопытно, что армянские христиане, желавшие привлечь монголов на свою сторону в борьбе с мусульманами, именно для европейцев пытаются создать некий положительный образ монголов и это означает, что европейцы фактически уже создали для восточных кочевников имидж бандитов и непримиримых разрушителей оседлой культуры.

Монголы кстати готовы были контактировать с восточными христианами (несториане, православные и др.), но очень неохотно шли на контакт с очевидно боевитой и экспансионистской католической религией.

Европа проводит доскональный и всесторонний анализ монгольского феномена, причем, стоит заметить, что христианский мир заботит не столько военная опасность, сколько цивилизационная. По сути, монголы особо опасны были лишь «плечам» Евразии — Европе и Китаю, ибо там существовали специфические парадигмы, ориентированные на ограниченное пространство. Мусульманский «куст» имел все возможности ассимилировать пришельцев, что и произошло в итоге. Лишь Европа увидела еще одну опасность — монголы захватили весь «мир» без всякого «слова».

Европейцы начинают писать свои труды тогда, когда завоевания фактически уже прекратились и установилась новая геополитическая ситуация. Молодая католическая цивилизация потерпела поражение в стремлении установить свое господство хотя бы даже над аврамическим пространством, которое осталось под властью мусульман. В этом смысле Крестовые походы как форма расширения своей территории потерпели поражение. К тому же оба традиционных мира, христианский и мусульманский, должны приноравливаться к новым азиатским «хозяевам» — тюркам и монголам. Об огромной власти монголов свидетельствовало присутствие в ханском лагере многочисленных посланников и правителей подвластных, общее число которых приближалось к четырем тысячам. Католическая «революция» победила лишь в рамках европейского субконтинента и в результате Европа вынуждена отказаться от экстенсивного («феодального») варианта развития и

пытается выбрать новые методы и средства решения комплекса проблем переходного периода.

Если учесть формирующиеся в это время в Европе возрожденческие представления с их культом «героя» и активной критикой церкви как института, то само по себе появление такой фигуры, как Чингисхан, было серьезным информационным вызовом для европейской культуры. История трех великих империй (Ляо, Цзинь, Юань) по-новому поставила проблему роли личности в истории и для Запада, и для Востока. Если идеалом классического Китая был конфуциански образованный император, получающий мандат на управление от Неба, то он явно оказался «посрамлен» «невежественными» предводителями «диких» племен. Первым из них оказался основатель киданьского государства Абаоцзи, потом чжурчженьский Агуда, но их со временем, естественно, затмит «дикий» и «необузданный» Чингиз-хан. А причину успехов «героя Чингиса», как и его предшественников, напуганный оседлый мир увидит в том, что он «ни Бога... не знал, ни человеков правил / Едину силу лишь в закон всего поставил»²⁴. Еще один парадокс заключался в том, что, пожалуй, впервые Европа признала героем выходца не из средиземноморской или христианской зон. Этому способствовал характер личности Чингисхана, масштаб его завоеваний, грандиозность планов. Вряд ли европейцы знали его знаменитое высказывание «у нас всюду враг от заката солнца и до восхода его» («Сокровенное сказание»), но монголы после его смерти завоевание всего известного мира воспринимали как его прямой завет. Упоминают латинские авторы и метод ведения войны Чингиз-хана, который, по сути, сводился к беспредельной жестокости и отрицанию всяческих правил. Как любил повторять Чингиз-хан, «мертвые не бунтуют». Понятно, что общее число жертв монгольских войн изрядно преувеличено хронистами, однако, можно предполагать, что оно достигало все же нескольких миллионов че-

Уже в XIII в. произведен отбор сочинений о Чингисхане. Разумеется, это делалось и в Китае, Монголии, мусульманских государствах, т. е. по всему периметру и, конечно же, в центре Монгольской империи. Общее, что объединяет все эти сочине-

 $^{^{24}}$ *Каменский П.* Мысль к стихам, почерпнутым из дел Мунгальского Героя Чингис-хана: Где сравниваются дела великих Героев: Древнего Александра, Юлия Кесаря, Чингиса и Петра Великого // Архив востоковедов СПБФ ИВ РАН. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 356.

ния - образ великого завоевателя с акцентом на организаторских способностях, психологических особенностях (мотив мести), биографии, борьбе. Результатом этого станут достаточно отличающиеся друг от друга образы великого монгола. Он становится безусловным героем тюрко-монгольской зоны, ибо возвеличил населяющие ее народы, отсюда соответствующий образ пойдет в Сибирь, Поволжье. Китайцы не видят в нем «чужого», признают своей созданную благодаря его завоеваниям династию Юань и анализируют ее историю в традициях исконно китайского историописания. Желтая раса, с их точки зрения, вполне могла дать не только Цинь Шихуана, но и Чингисхана. В восточноазиатской литературе того времени достаточно спокойно обсуждается проблема единства монголо-маньчжурского-китайского мира и анализируются ошибки в достижении этого. Мусульмане, особенно три великих историка (Джувейни, Ибн аль Асир, Рашид ад-дин), считают, что он многое сделал для объединения тюркского мира. Он один из героев этого мира, вышел из него. Об этом свидетельствуют не только работы современных центральноазиатских историков и публицистов, в том числе националистических, но и такие факты из истории монгольских завоеваний: завоевание Средней Азии и борьба с Си Ляо и Хорезмом как одна из основных жизненных целей Чингисхана, отказ от завоевания других территорий, кроме восточноазиатских. Поход на Запад фактически свелся к набегу, и над завоеванными там территориями было установлено своего рода дистанционное управление. плане мусульманско-В ЭТОМ среднеазиатская и восточноазиатская традиции достаточно одинаково превозносят Чингисхана, но спор о нем практически превращается в межцивилизационный.

На Руси образ Чингисхана отрицательный, ведь он известен своими «зверствами» и создал грабительскую державу, а «монголотатарское иго» существенно замедлило социально-экономическое и культурное развитие славян.

И только в Европе складывается особая ситуация. Герои, использующие силу и хитрость (Геракл) здесь уже не в почете, над рыцарством с его культом физической силы смеются (Дон Кихот). К XIII в. в результате развития схоластики складывается уже достаточно рациональное понимание истории и культуры. Побеждает идея надъестественного и внемирового Бога и монгольское понимание Неба как части мира кажется «варварской» глупостью и пережитком язычества. Все это влияет и на отношение к Чингисхану. Европейцы охотно берут информацию латинских путешественни-

ков, но в конечном итоге образ Завоевателя в европейском сознании проделал путь от Героя до Бандита. Восторги от успехов монголов, особенно когда они наносили удары по старинным врагам Европы славянам и мусульманам сменились глубоким разочарованием, когда католики поняли, что в Евразии сложилась совершенно новая геополитическая ситуация и ничего хорошего Европе она не сулит.

Стоит отметить разнообразие жанров и ракурсов, используемых для описания монголов. Это отчеты послов (Рубрук, Карпини), схоластические «суммы» (Р. Бэкон) и даже своеобразный «роман» («книга» М. Поло). Если «Сокровенное сказание» в некотором смысле отражало «программу» развития кочевников, то «Книга» Марко Поло была своего рода программой отношения к кочевникам, если можно так выразиться «кочевой энциклопедией», где были собраны все те знания о них, которыми должны обладать христиане. А. Г. Юрченко считает, что это сочинение является имперской космографией, а не записками путешественника, о чем свидетельствует систематизированный характер описаний и полнота охвата материала (около пятисот городов и провинций мира).

Идет очень сложное сканирование истории и географии новой империи. Этим интересуются европейские правители (король, папа) и даже простые люди, если вспомнить необычайную популярность «записок» итальянца М. Поло. Этот материал крайне важен для новой картины физического и социального мира, которая строится трудами схоластов (Р. Бэкон) и появляющихся гуманистов.

У европейцев нет праздного («туристического») интереса к монголам и достаточно четко выделяются темы, связанные прежде всего с общецивилизационной парадигмой: связаны ли каким-то образом монголы со Священной историей (этот вопрос обсуждается на соборе во Львове 1254 г. и в сочинениях Р. Бэкона); готовы ли они принять «истину» (к какой из четырех зон их можно отнести и какой тип людей в этом плане они представляют, ибо зона и человек в традиционной культуре должны быть связаны и едины); есть ли у них связь именно с европейской античностью.

Это означает, что новый мир интересует всю культуру, он ей непонятен и она предпринимает мощный интеллектуальный штурм нового явления и пытается, хотя это и не очень получается, составить некий энциклопедический очерк о нем. Папского посла П. Карпини интересуют прежде всего церковно-религиозные проблемы и интересы римской курии, королевского посла Г. Рубрука

политические нюансы, полуторговца-полулазутчика М. Поло — экономические проблемы. Это три «ответа», которые как бы синтезируют информацию по этим аспектам. Основа уже была — работа с «возрождаемой» античностью и ее иной трактовкой мусульманами, соответственно идейная борьба с исламом и, разумеется, ориентация на новые ценности — рационализм, демократию, гуманизм, индивидуализм, экономические интересы.

Распад монгольской державы, стабилизация геополитической ситуации в Азии и сложность проблем, вставших перед Европой в эпоху Возрождения – Реформации, переведет проблему монголов в разряд второстепенных и многие посвященные им тексты будут забыты надолго. И все же останутся, в том или ином смысле спровоцированные и монголами, проблемы, которые будут интересовать европейских мыслителей в следующие столетия: 1) что такое культура и какова ее роль в развитии социального мира и 2) что такое кочевники. Монгольский мир или даже более широко кочевой не вписывался в средневековую картину мира, построенную на идеях и ценностях земледельцев. Эти «грязные» «варвары» не имели культуры в том понимании, которое было во всех оседлых мирах, но масштаб их удивительных деяний явно превосходил все, что до сих пор знали цивилизации. Аналогов этому феномену нет в Книге книг — Библии. Еще не работает античная культура и в частности любопытные историософские наблюдения Платона, а Библия как историко-географический атлас уже буксует. Нужны иные аналитические формы, но их даст Просвещение, когда уже будет во многом иная парадигма, связанная не только с христианством, и когда будет существовать более сложное и в чем-то даже более объективное отношение к самим монголам и к созданным в XIII в. текстам, во многом тенденциозным и антикочевым.

Именно в XIII в. складываются основные имиджи монголов. Единый образ Чингисхана возможен в едином государстве, но монгольская империя распалась. Русь сравнивает их со своими «погаными». Уцелевшие кидани, потерявшие свою империю задолго до монголов, воспринимают их как своих потомков и надеются, что они не только избавят их от власти тунгусских чжерчжэней, но и помогут воссоздать Ляо. На кочевом и полукочевом Востоке его почитают с помощью буддизма и шаманизма как Предка, Основателя династии. По-разному воспринимали Чингисхана и его империю торговцы, которым объединение Евразии принесло немалые барыши, и крестьяне, поля которых уничтожались во время этого

объединения. Европейские интеллектуалы не очень их жалуют, примером чему прежде всего язвительные замечания в их адрес Р. Бэкона. Огромно влияние исламского мира, который смог в итоге остановить кочевой смерч, но окончательно раскололся на субкультурные регионы. Все образы этого «куста» имели право на существование, хотя Чингисхан и стал своеобразным антиподом Мохаммеда, который принес «истину» для всех, а монгольский правитель един лишь как завоеватель и разрушитель (фигура, воспринимавшаяся либо как вечный варвар — разрушитель, либо как появляющаяся в канун гибели мира). Коранический образ «посланника Аллаха» был призван показать, что все человечество может быть спасено в рамках созданных им культур и государств, а образ Чингисхана, даже разбросанный по монгольским, китайским, мусульманским и латинским сочинениям, работал на характерную для кризиса актуальную эсхатологию и демонстрировал в общем-то традиционный «бич Божий», призванный наказать людей за потерю ими «веры». Соответственно каждая из покоренных им территорий предъявляла ему свой культурный счет. Нужно учитывать и своеобразную «подсказку» Востока, который уже в ходе самих монгольских завоеваний стремился принизить их масштаб, последствия, свести образ завоевателя к «дикому кочевнику», благо такой имидж уже сложился на «плечах» Евразии, во многом на основе борьбы с хунну — гуннами.

В европейских сочинениях этого периода четко проявляется несколько моментов, свидетельствующих о том, что история кочевников ими воспринимается через определенные идиологемы. Как в любой цивилизации, в «христианском мире» был свой геополитический «крест», который составляли две дихотомии: «Запад — Восвзаимодействия (сложные С соседними цивилизациями, прежде всего с мусульманской) и «Юг – Север» (противостояние с номадами - кельтами и германцами). Естественно, что европейцам оказалась близка и понятна идея «варваров», тем более, что и в их цивилизации тоже существовала клеточная модель (ядро – периферия). Неудивительно, что на протяжении всех последующих столетий на историю монголов, как и других кочевых народов, они смотрели глазами китайцев и практически без малейшей критики восприняли их исторические схемы.

Определенную роль здесь сыграл и европоцентризм. Под ним обычно понимается восприятие окружающего мира с позиций цивилизационного центризма. Он проявляется во многом, в том числе в пренебрежительном отношении к другим культурам, ре-

лигиям и идеологиям. В сознании отдельных представителей европейской цивилизации, как, например, у Р. Бэкона, рождалась идея конвергенции если и не цивилизаций, то народов. Однако идеи, рожденные Ренессансом, Реформацией и Просвещением, способствовали модификации западной цивилизационной парадигмы, которая стала активно транслироваться во времени и пространстве. Итогом станет концепция «магистрального пути развития человечества», по которому идут европейцы и на который рано или поздно должны выйти все остальные народы. Естественно они должны соответствовать определенным стандартам и кочевники как «недоразвитые», которые ничего не могут дать «человечеству», были объявлены «тупиковым» вариантом развития. Явно сказался и веками выработанный страх оседлой цивилизации перед кочевниками, поэтому европейцев очень долго интересовали исключительно военные аспекты истории кочевых народов.

Нужно учитывать и то, что в Европе на протяжении всей истории был накоплен богатейший опыт изучения истории вообще и истории «варваров» в частности, разработаны исторические, филологические, сравнительные методы, выработана определенная номенклатура понятий и исторических схем, которая до сих пор пользуется немалым успехом и в других цивилизациях. Этот строго научный подход вывел историю изучения кочевников, в том числе и киданей, на более высокий уровень анализа и синтеза и значительно усилил сложившиеся на Западе и Востоке историологические стереотипы и штампы.

Нередко образ кочевника как разрушителя культурных ценностей, делающего акцент в своей культуре не на «общечеловеческих» ценностях, а почти исключительно на культе силы, использовался и во вполне корыстных целях. Так, образ могучего Великого Хана «Катая», сформированный с помощью «Книги» М. Поло, дал основание Х. Колумбу и последующим конкистадорам возглавлять многочисленные и хорошо вооруженные военные отряды для «открытия» Азии, которая на деле оказалась новым материком. То, что такие названия, как «Катай» и «Индии» использовались «атлантическими нациями» Европы вплоть до конца XVIII в., вряд ли можно объяснить только их географическим «невежеством».

Идейное противостояние кочевников и европейского мира прошло свою острую стадию не только потому, что монголы быстро ушли из Европы и их империя распалась, а потом и кочевники фактически были загнаны оседлыми мирами в своеобразные

«резервации». Если тюрки для христиан представляли вполне реальную двойную опасность, осуществляя территориальную экспансию и предъявляя претензии на европейскую «античность» и иудео-христианско-мусульманскую традицию, то монголы стали для них всего лишь «ураганом», который пронесся над всей Евразией, но также неожиданно, как появился, так и исчез.

Европейцы фактически не победили их парадигму, а вывели ее за скобки культуры, объявив создание империи результатом силы, разбоя, разрушения, сатанинским деянием. На это повлияло и отрицание «средневековья» как периода господства «орд» варваров. Стоит еще раз повторить, что акцент практически всегда делался на многочисленности монголов, на самом деле кочевников было не больше, чем оседлых, а скорее даже меньше. Просто у кочевников все мужчины были воинами, а в оседлых обществах существовали профессиональные военные дружины.

Менталитету центральноазиатских кочевников часто приписывали особую страсть к убийствам. Кочевые завоевания всегда, начиная с глубокой древности, воспринимались как крупномасштабные катастрофы и в прошедшем столетии стали считаться одним из факторов, обусловившим так называемое «отставание» Востока от Запада. Не стоит, однако, забывать, что историческая наука как инструмент идеологии или, наоборот, как максимально деидеологизированная номенклатура понятий и методов, сформировалась в оседлом мире и принять до конца видение кочевников на исторические события и процессы все еще не способна. Бандитизм же явление в некотором роде нововременное и есть смысл отличать его от средневекового разбоя. В средние века разбой и грабеж были нормальным явлением во внешней сфере, но внутри государства это рассматривалось как незаконное деяние. Бандитами считались лишь те, кто нарушал юридическую договоренность или традиции. Только в новое время, когда наблюдается своеобразное противостояние власти, бизнеса и криминала, возникает само понятие бандитизма как универсальное, не связанное ни с какими этническими или политическими границами. И именно тогда под него, прежде всего, подпадают кочевники, но отнюдь не представители иных цивилизаций.

Европейцы использовали и китайское понимание «варваров». Если мусульмане все же частично восприняли элементы культуры кочевников (достаточно вспомнить широко распространенный в Сибири и Центральной Азии культ Чингисхана), то два близких по своему устройству имперских общества (европейское и китайское) отрицали у кочевников наличие культуры в целом. Для китайцев кочевники были «извратителями» восточноазиатской парадигмы, но латинская Европа имела свои причины утверждать подобное.

Вопрос о смысле истории — один из сложнейших в истории человечества. В «монгольский» период все еще господствовал религиозный подход к этой проблеме. Он был широко распространен в период, когда существовали «миры» и только религия смогла сыграть роль единой идеологии для них, предлагая, разумеется, для каждого из них разные формы и конструкции. Религия исходила из статического понимания реальности и социокультурную модель воспринимала как особую конструкцию, которую надо построить, распространить, сохранить. Культура была своеобразным механизмом адаптации к определенной пространственно-временной ситуации и механизмом оптимальной трансляции социокультурной модели во времени и пространстве. Культура, следовательно, не только деятельность, но и трансляция опыта этой деятельности.

Главным в культуре считались религия и язык. Для латинских авторов монголы «бескультурны», ибо у них неразвитый язык и отсутствует литература, язык отличается от известных европейцам языков по структуре и более близок к иероглифам, от которых Европа уже отказалась. Внешне монголы принципиальные антиинтеллектуалы, у них нет философских школ, буддизм или христианство они берут больше в практике, а не теории. С точки зрения европейцев, у них нет устойчивых традиций воспитания и образования и они больше похожи в этом плане на европейских бродяг с их раскрепощенным сознанием. У них нет единой культуры, каждое племя придерживается своих традиций. К тому же завоевания Чингисхана открыли в Монголию дорогу различным культурам, носители которых часто насильственно переселялись туда. В итоге часто монгольские «завоеватели» растворялись в разных зонах, а Монголия не стала политическим и культурным центром всех зон. Чингисхан не стал культурным героем, а так и остался завоевателем.

Это не могло не повлиять на их оценку интеллектуалами (М. Поло и др.), которые связаны с католической парадигмой и «через нее» «прочитывают» неизвестную доселе Европе культуру. Вот поэтому-то монголов и не признают ни за другую культуру, ни за ересь, а видят в их обществе и представлениях признаки антицивилизации. И это была серьезнейшая опасность для христианского мира, ибо воспринималось как информационный хаос.

Монголы же и не могли предпочитать одну какую-то культуру, ибо империя политэтнична, и в ней налицо все еще ситуация обострения межэтнических противоречий и соревнования известных мировых религий. Мироустроительная функция культуры еще недостаточно была развита. Для реального объединения нового «мира» нужны были культурные деятели (Моисей, Христос, Мохаммед), а не военные вожди. Как прекрасно сказал помощник Чингисхана Елюй Чуцай, завоевать империю сидя на коне можно, но управлять ею сидя на коне нельзя.

Монголы придавали больше значения этносу и сформировали свое понимание религии. Если в Европе религия была культурообразующим фактором, то у монголов эту роль играл, по сути, этнос как «избранный народ» (как и в раннем иудаизме). Поэтомуто, скажем, христианство было для них национальной культурой «франков». Фактически здесь первообраз идеи культуры как механизма адаптации к определенной пространственно-временной ситуации. Европа ведь уже выходила на региональный уровень, формировала «общечеловеческий» подход и работала при этом с огромным материалом как по своей собственной истории, так и по истории иных мировых религий.

Отсутствие у монголов «культуры» (в понимании латинян) было связано и с тем, что империя представляла собой геополитическое ядро при слабом присутствии всех остальных компонентов «классической» цивилизации (торговля, достаточно жесткая и вочиственная парадигма программа строительства и трансляции «мира», развитая экономика). Отсюда особое значение в империи приобретали властные отношения, а не экономические или культурные процессы.

Военную опасность со стороны монголов Европа тоже видела, но уже не в том, в чем она шла от германцев или гуннов. Эти народы громили в основном деревни и избегали городов и крепостей, а теперь им уже не настолько нужны продукты сельского хозяйства или рабы, сколько средства для торговли и обмена (не случайно именно город особенно испугался пришельцев), ведь кочевники, как и оседлые народы, тоже выходили на новый экономический уровень и отсюда на новый этап отношений с оседлыми. Степь в это время воюет не столько с деревней, сколько с городом и его культурой. В этом смысле Европа для монголов был серьезным врагом, к тому же она принадлежала к другой цивилизационной зоны и в принципе не принимала кочевников и скотоводство. Можно сказать, что кочевники оставались на стадии тех представ-

лений о «культуре», которые сформировались на базе первой формы производящей экономики (земледелие и скотоводство), а Европа (в какой-то мере и Китай, хотя он для монголов все же «свой») уже переходит к «цивилизации». Слово «цивилизация», появившееся в XVIII в., происходит от лат. Civilis (гражданский, государственный) и связано, по сути, с той стадией развития общества, для которой характерен акцент на торговле, промышленности, науке. В Европе это капитализм.

У католической Европы, пожалуй, сама жесткая и непримиримая в христианском мире парадигма и максимально далекий от кочевников мир. И Европа, и монголы используют идею избранности, но в Европе она основывается на формирующейся капиталистической идеологии, а в Монголии на идее суперэтноса (монголы). Оба общества фактически претендуют на всю ойкумену. Если монголы предпринимают попытку захватить мир военным путем, то католический мир широко рассылает по нему своих миссионеров.

Европейцы впервые столкнулись с неизвестными им кочевниками, своего рода «чистыми». До сих пор они имели дело с номадами или народами, находящимися на стадии переселения (венгры), военного марша (германцы), оседания (скифы, арабы, Румский султанат). Теперь же они быстро отметили особость монголов, т. е. уловили приход не просто чужих или «варваров», а «иных» — новых людей с новой ментальностью. Эти «пришельцы» фактически создавали новый миропорядок. Приход людей с иной ментальностью всегда имел универсальные и глобальные последствия, достаточно вспомнить, как менялась ситуация в глубочайшей древности с появлением homo sapiens, ариев, евреев в «Земле Обетованной», персов, римлян в Средиземноморье, русских на Кавказе, в Средней Азии, Сибири, европейцев в Америке и Африке. В этом плане можно говорить о своеобразной евразийской революции, которая естественно своими составляющими имела не только этнические изменения, связанные с монголами, но и переход на капиталистический вариант развития, расселение европейцев за пределами материка. Складывался новый «Восток», и Европа начинает его не только посещать, но и изучать. Новое, аналогичное библейскому или римскому по степени понимания «знание» Востока в чем-то не сложилось до сих пор. Достаточно вспомнить расхожие фразы о «загадочной душе» восточного человека, «Восток – дело тонкое». Европейцы хорошо знали Восток персидский, егиарабский, но здесь фактически формируется петский и

тюрко-монгольский. Эти «иные» принесли не только иную ментальность, но и иную культуру, экономику, политическую систему. Этот Восток и более динамичен, и менее предсказуем, ситуация там постоянно меняется. Чингисхана поддержали многие восточные народы, ибо войны решали разного рода накопившиеся проблемы, однако попытка реально объединить Евразию под эгидой кочевников была обречена на провал, их вариант в тех условиях был действительно нежизнеспособным. Все «миры» (цивилизации) в первой половине второго тысячелетия встали перед необходимостью бифуркации как скачка в иное политическое, социальное, экономическое и культурное состояние. И этот скачок будет происходить, но кочевники не могли это сделать, ибо достигли естественного предела своей цивилизации. Это был пик развития кочевой организации, максимум того, что она могла достигнуть. Ярким признаком этого является то, что кочевники переживают, как и все другие миры, недостаток территории (дальше нет возможности расширяться и начинается «война миров») и начинают включать в свои крупные государственные образования оседлые земли. Кочевой мир как цивилизация должен был исчезнуть, и спасти его было уже невозможно. Оставалась только безумная попытка сделать шаг назад и «отомстить» оседлым народам, что и сделал Чингис и тем самым окончательно погубил кочевую Степь. Момент был удачным, удар сильным, но одного военного удара оказалось мало. Грабеж быстро истощил завоеванные территории. Не было объединяющей идеи. На территории Евразии сосуществовали по сути разные расы и евразийская империя в те времена была просто невозможна.

«Сила» уступила «слову», и кочевники стали отходить под натиском оседлых миров, территории их обитания стали превращаться в резервации. Это было вполне логично. Если развитая земледельческая территория пытается зону номадной или кочевой экономики сделать своей периферией («колонией»), то кочевые империи делают наоборот. Обе зоны нуждаются друг в друге. Перспектива за оседлым вариантом, ибо кочевой вариант запрограммирован на хозяйственную экспансию и здесь не может быть перехода на торгово-промышленный и научно-технический вариант, который станет доминирующим на планете во второй половине второго тысячелетия.

Кочевники больше нуждаются в продуктах земледелия, чем оседлые народы в продуктах кочевого хозяйства. Поэтому оседлые страны стараются отгородиться «китайскими стенами» и «римски-

ми валами» и тем самым свести контакты на уровень лишь торговых. Только в классическое средневековье, когда наблюдается дефицит земли, начинается наступление не только на соседние миры, но и на свою собственную периферию.

Чингисхан к тому же решал проблемы Азии, но у Европы другие проблемы и она их решать станет в форме перехода к капитализму, борьбы с «язычеством» и «варварством», начнется «Возрождение» как отрицание «варварства» и «средневековья». Новая цивилизация начнет разрабатывать новую культурную парадигму, связанную с переосмыслением идей Христа и активным использованием греко-римской культуры с акцентом на законе и индивидуализме. Начнется период «модернизации».

Необходимо заметить, что на всю историю и культуру кочевников, по сути, переворачивается ситуация XIII в., когда они занимались почти исключительно войной, между тем к войне они прибегают тогда, когда не работают естественные социальноэкономические механизмы. Оседлые народы запоминают преимущественно военные удары и далеко не всегда «помнят» свою вину. Именно они все чаще воспринимают кочевников как «бандитов», «бродяг», «бескультурных», извратителей культуры. Латинские же авторы, описывая монгольское общество, в общем-то говорят об исключительности ситуации и пытаются понять причины того, что кочевники «сорвались» с места. Для них монголы лишь часть кочевников и дабы понять причины их поведения, евразийские авторы пытаются увидеть историю всех евразийских кочевников. Любопытно, что именно история кочевников придала мощный импульс формированию цивилизационного подхода. Первой комплексной попыткой рассмотреть прошлое и настоящее кочевников с точки зрения цивилизации была особая концепция («марксизм до Маркса») Ибн-Хальдуна (1332—1406), которую, безусловно, можно считать реакцией на монгольские завоевания. Он сравнивает не ислам и другие религии, отдельные направления в исламе, а именно земледельцев и кочевников, т. е. цивилизационный подход ему был нужен, чтобы не понять, а обосновать преимущества своего «мира». Апофатический подход давал возможность увидеть у себя то, чего нет у других. Он считал, что есть две формы примитивности – община земледельцев и кочевые скотоводы. Земледельцы переходят к государственности (цивилизации) «органично», т. е. в силу внутренних факторов, а скотоводы — «самые дикие из людей и по отношению к цивилизованным людям занимают ступень дикого, необузданного и хищного животного». Именно они создают

асабийю (система родственных групп с общими интересами), и захватывают земледельцев, и эта асабийя становится государством. Это «ксенократическое» государство (государство чужих) и существует оно 3—4 поколения (ок. 120 лет). Первое поколение — чистые захватчики, второе живет в цивилизации, т. е. в изнеженности и роскопии, члены асабийи раскалываются и начинают проводить сепаратистскую политику. В конечном итоге «держава достается не тем, кто ее создавал, а слава — не тем, кто ее добывал». В третьем поколении происходит увеличение роскоши и как следствие этого энтропия власти, «пока не пропадет, подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

Можно сделать вывод, что уже на этом этапе, когда, собственно, реально и существуют цивилизации, в том числе и кочевая, представители оседлых «миров» воспринимали их как особую «силу», отличая от примитивных народов и признавая за ними право на определенную территорию, экономику, обычаи и традиции. С африканскими или сибирскими племенами такого жесткого противостояния Европа или Китай не знали. По сути, это можно считать одним из редких в то время примеров цивилизационного противоборства. Несомненно, это одновременно и признак складывания представления о всемирности истории, ибо кочевников видят везде и понимают не как региональную часть, а часть человечества в целом.

XIII – XIV вв. стали особым «швом» в евразийской истории и именно кочевники сыграли ключевую роль в создании новой геополитической конструкции Азии. Этот особо ощутимый вклад кочевников практически до сих пор оценивается исключительно негативно, как разрушительный. Между тем, передвижения кочевников являются всего лишь частью огромного евразийского, фактически «второго великого переселения народов». Для этой первой фазы складывания нового миропорядка характерны традиционные методы решения назревших проблем (внешняя экспансия, переселения). Необходимо было снятие прежней «феодальной» структуры общества, которая уже изживала себя сама. Об этом свидетельствует широкое распространение по всей Евразии городов, становящихся не только политическими или военными центрами, но и центрами ремесла и торговли. В Европе происходит выделение так называемой «католической» зоны, отличающейся акцентом на развитии городской экономики, внешней торговли, «общественного полезного» научного знания и рационалистической философии. Азиатские цивилизации начинают экономическую переориентацию на океаны. Передвижения кочевников, в том числе и монгольские завоевания, оказались наиболее эффективным средством окончательного снятия остатков родоплеменной арматуры в Азии. Новые племена ведут свое происхождение уже не от некоего первопредка, а от героя времен монголов. В их названии часто встречается уже не слово «люди», а «народ» («хоро»). В итоге складывается новая, дошедшая до нас, этническая карта Евразии. В Европе наблюдается похожая картина, когда на смену прежним франкам, готам, кельтам и др. окончательно приходят французы, немцы, англичане, русские. Снята была насильственно и «героическая» феодальная верхушка, ориентированная на аграрную экономику и разбой. Налажены новые трансконтинентальные связи. Появилась и новая культурная карта. Аврамическая зона окончательно превращается в исламскую. То, что начали в VII в. арабы, продолжили в X-XI вв. тюрки и завершили в этот период монголы. Именно монгольские завоевания стали основным механизмом снятия прежней модели в Азии («арабской»), а монголы выступили в своеобразной роли «агрессора». Под этим словом в данном случае стоит понимать не просто государство, которое совершает некую военную агрессию как нападение. В истории неоднократно бывали ситуации, когда отдельные народы и созданные ими государства играли особую роль в историческом процессе. Их действия в конечном итоге приводили к перекройке геополитической карты и, как следствие, к серьезным цивилизационным изменениям. Таковы были когда-то ассирийцы, персы, германцы, наполеоновская Франция, гитлеровский Рейх. Агрессор — своеобразный таран, но победу получают те, кто его победил и воспользовался результатами этой агрессии. Он наносит внешний удар, но подвергшаяся агрессии территория уже фактически «съедена» изнутри коррозией прежней модели. Монголы нанесли сокрушительный удар по феодальной структуре Азии.

Однако, кочевники и прежде всего монголы во всех этих процессах играли не просто роль «дворников», но и участвовали в этническом, политическом и культурном структурировании пространства. Новым содержанием во много характеризуются христианства (католицизм, православие) и ислам. Это уже не «деревенские», экспансионистские религии, а «городские». Особое значение приобретают такие фигуры, как папа Григорий VII, Мартин Лютер, Чжу Си в Китае. Кочевники внесли свой универсалистские идеи в ислам. Запад в ответ на деяния Чингисхана, впоследствии походы турок и мощное возвышение Руси

стремительно корректирует свою парадигму. С XIII в. в Европе начинается общерегиональное Возрождение, которое углубило идущую культурную революцию. Ислам вступает в первое противостояние с православием. Все эти процессы оказались во многом связаны и с походами монголов и в чем-то исправляли сложившуюся в их ходе ситуацию, «убирали» за Чингисханом.

В Евразии в это время наблюдается своего рода ситуация сообщающихся сосудов, когда происходит «перетекание силы» от «франков» (Священная Римская империя) к монголам, а на территории ислама переход «власти» от «арабов» к «тюркам». «Медждуцарствием» в исламе и воспользовались Дальний Запад и дальний Восток, которые накинулись на исламские земли с обоих сторон (Крестовые походы и монгольские завоевания). Это говорит о том, что внутриазиатские районы имеют еще некоторое значение для развития Азии. Передел Среднего Востока стал тогдашней «мировой войной», которая шла в специфической форме, когда на первом месте были отдельные локальные сражения и войны и грабеж как самое эффективное средство решения своих проблем, дающий немедленные результаты. Кочевая цивилизация пускает многочисленные метастазы в самых разных оседлых «мирах» и понадобится ряд столетий, чтобы окончательно ассимилировать кочевников.

Понятно, что цели у «агрессоров» уже довольно разные. Кочевники пытаются создать новый баланс сил под своим контролем и для них это довесок к кочевой экономике. Для Европы уже характерны болезненные демографические проблемы, злободневной становится «проблема золота» и крайне важно, пусть даже и насильственное, подключение к азиатским рынкам. Она вместе с территориальной экспансией практикует и экономическую, но, как писал еще К. Маркс, впереди завоевателей идут миссионеры.

Наступал критический момент разбегания Запада и Востока, назревала евразийская бифуркация. Евразия в это время резко регионализируется, идут дезинтеграционные процессы как результат сочетания феодальной дисперсии и уже капиталистической регионализации. Становится понятным, что свободное расширение всех миров (христианского, исламского, восточноазиатского, кочевого) уже невозможно и нужен иной алгоритм развития. Везде в Евразии сетуют также на появление «развратных» и «злых» народов, что явно свидетельствует не только о серьезном внутреннем кризисе «миров», но и попытках решения комплекса проблем с помощью традиционного метода «исхода», т. е. либо переселения, либо захвата новых территорий. На этом фоне явно выделяются

подходы Европы, которая переходит на интенсивный вариант развития, стимулируя развитие науки и промышленности, и монголов, по сути пытающихся создать совершенно новую структуру мира вообще.

С этого момента Запад начинает «опережать» Восток. Именно неудачная «феодальная» составляющая азиатской экспансии показала, что будущее не за «исходом», а интенсивным вариантом, который для кочевников невозможен в принципе. Отсюда, кстати, и разные оценки деятельности и личности Чингисхана.

С XIII в. по всей Евразии разворачивается новая по характеру культурная революция в форме «возрождения» (европейские ренессансы, китайский ренессанс, средневосточное возрождение, кавказские и византийские ренессансы, «ренессансные явления» на Руси) и везде будет присутствовать некая антикочевая составляющая. Это не удивительно, ведь мощный выплеск «бессловесной» кочевой массы, затопившей всю Азию, стал «вызовом» практически для всех оседлых цивилизаций. Надо было «навести порядок» после этого наводнения и в этой деятельности явственно видна огромная и тяжелая работа по фильтрации не столько иной этнической массы, сколько по упорядочиванию достаточно бессистемно вброшенной идейно-культурной информации.

Стоит отметить еще одно обстоятельство. Возрождение, прежде всего, европейское традиционно исследовалось в качестве особого этапа развития общества, находящегося между феодализмом и капитализмом («по вертикали»). Исследования Н. И. Конрада и ряда других авторов поставили вопрос о существовании и восточных «ренессансов». В конечном итоге можно говорить о «возрождении» как особенности развития культуры. Когда общество попадает в ситуацию выбора, трансформации, «стресса», неопределенности, интервенций любого рода и т. п., оно обращается в поисках ответа на возникающие вопросы, прежде всего к своему прошлому («античности»). Геополитическая и религиозно-культурная история Евразии середины II тыс. н. э. позволяет предположить, что в условиях сложнейшего кризиса буквально всех «миров» (восточноазиатская, центральноазиатская, средневосточная, славянская цивилизационные зоны) помимо традиционных методов решения проблем (войны, социальные движения, миграции и т. д.) везде идет обращение к «древности». Налицо многие признаки «ренессанса» не только в Европе или в оседлых «мирах» (Танское и Сунское возрождения в Китае, средневосточный ренессанс, «ренессансные явления» / выражение Н. И. Конрада/

в Индии, Вьетнаме, на Руси), но и в кочевых сообществах. Не случайно выделяются в качестве достаточно развитых и оригинальных уйгурская, киданьская, чжурчжэньская или монгольская культуры. Везде резко повышается интерес к Человеку и человеческим «наукам» и «истине». Проблемным становится соотношение Неба и Человека и в кочевых империях (Ляо, Цзинь, Юань). Акцент на героизме и фигуре «героя» характерен не только для европейских гуманистов, но и для монгольских сказаний этого периода. Если европейские гуманисты разрабатывали основы теоретической политики, то кочевники и, прежде всего, именно монголы создавали шедевры практической политики. Историю любого евразийского «возрождения» сопровождают войны и социальные движения (Крестовые походы, Столетняя война, монгольские «ураганы», крестьянские войны). Огромную роль в этих войнах играют не столько численность или какое-либо новое оружие, сколько дипломатия, расцвет которой наблюдается как на Западе, так и на Востоке. Это время обращения к опыту «предков», интереса к «древности» («античности» и небывалого ее авторитета. XIII в. – период максимального взлета религии во всей Евразии, особенно повышается ее значение во внешнеполитической сфере, ибо мироустроительная ее функция отходит на задний план (внутренние проблемы решают формирующиеся национальные государства), но в условиях апогея противостояния «миров» разворачиваются «религиозные войны» (Крестовые походы, конфликты внутри ислама, выполнение «воли Неба» Чингисханом). Если на Западе «возрождение» есть «воспоминание» опыта «античности», то у монголов налицо тоже своеобразная «революция назад» и эта «кочевая революция» преследует, по сути, ту же цель, что и западная — создание «великого» и «правильного» государства, выход на «магистральный путь развития всего человечества», переход к господству «новой истины».

Подводя итог, можно сказать, что латинские авторы XIII в. создали средневековый образ монгольских народов в целом и Чингисхана. Он фактически стал архетипическим, базовым. Именно так понимает монгольский феномен традиционное общество. Возрождение, Реформация и Просвещения лишь закрепили ее, и в итоге окончательно сложилась доминирующая в развитых странах оценка, которая существует до сих пор. И до сих пор она является камнем преткновения между центральноазиатскими и сибирскими народами с одной стороны и всем, по сути, остальным миром с другой.

Чингисхан для Европы стал своего рода новым антиподом Христа. Формирующаяся католическая цивилизация делает особый акцент на фигуре Бога-Сына, именно он в это время снова «дает истину». Чингисхана в Европе никогда связывали с фигурой Антихриста, ведь он не пришел ни с другим «словом», ни с извращением уже известного «слова». Вместо этого предпочитает силу, разрушение, гнет, раздоры. Чингисхан не стал Антихристом, но его «разбой» воспринимался как один из последних признаков наступления «субботы», т. е. близости «конца света» (идея, предложенная еще в VIII в. Бедой Достопочтенным в связи с появлением арабов).

XIII в. не просто открыл кочевников, он породил «тайну кочевников». До сих пор о них судили по номадам и потому сразу не могли понять и Чингисхана. Когда его и его воинство объявили «бандитами», «связь времен» восстановилась и только в наше время эти события вновь стали восприниматься как проблемные и снова стала изучаться «тайна Чингисхана». Тогда же решающий бой с кочевниками, закончившийся внешне их поражением, спровоцировал то, что именно Европа создала законченный образ кочевника как дикаря. Это был смертельный информационный удар по кочевникам, ибо они оказались окончательно выведены за пределы любой оседлой парадигмы, стали исторически не легитимны.

9. Роль киданей и их элиты в формировании монгольской цивилизационной зоны

Данная глава является своего рода ответом на вопрос, заданный во Введении о месте этого народа и его элиты в истории, и отвечать на него имеет смысл перед конкретно-аналитическим обзором истории и деятельности киданьского общества. Это попытка сформулировать общее и главное, чтобы затем это проиллюстрировать.

Возможны разные структурные варианты этого ответа, своего рода сочетание которых представляется наиболее приемлемым и репрезентативным.

Киданей надо рассматривать в нескольких ракурсах — цивилизационном (их роль в истории зоны), этническом (их роль в становлении монголоязычного конгломерата), политическом (их роль в формировании политического созвездия в регионе). Это подразумевает рассмотрение роли киданей в формировании монгольской цивилизационной зоны, киданьской культуры как

неотъемлемой части культуры Восточной Азии и Сибири и важной страницы ее истории и значения деятельности киданьской элиты для дальнейшего развития восточноазиатского метарегиона.

Это неизбежно требует сочетания трех уровней подхода.

Высший, общецивилизационный позволяет увидеть созданную киданьской элитой империю Ляо в качестве вершины этатической истории восточноазиатских кочевников, ее классической модели. Чжурчжэни в большей мере копировали и соединяли киданьский и китайский опыт. Энергия монголов ушла на завоевания и строительство этатических конструкций во всей Евразии с учетом не только восточноазиатского опыта. Послеляоское этатическое развитие диалектично — это не только более активное использование опыта оседлых народов, но и сползание вниз с того плато, на котором было создано киданьское детище. Развитие собственно монгольско-восточноазиатского этатического процесса было по разного рода причинам приостановлено.

Если этот процесс представить некоей «дробью», то у киданей в числителе находился «север», а в знаменателе «юг», а соотношение их было примерно 10:2. У чжурчжэней конфигурация примерно та же, только соотношение выглядит как 2:1, к тому же в «север» включались тунгусоманьчжурские элементы. Монголы «дробь», по сути, перевернули: Юг / Север как 2:1. Добавился и средневосточный «Запад».

Кидани создали не менее оригинальную цивилизацию, чем европейцы и мусульмане. Ментальная культура монгольского мира в этом отношении не уступала им. Киданьская культура стала первым синтезом монголо-сибирских культур.

Понятно, что эти тезисы еще нуждаются в более тщательном исследовании и требуемая при этом окончательная реабилитация киданьского феномена долгое дело, но главным пока видится восстановление той цельной картины, которая оказалась разбита временем и врагами киданей.

На мезоуровне, хочется надеяться, более заметным становится место киданей в истории Восточной Азии в целом и в истории Монголии и Сибири в частности, в дихотомии Север — Юг, в «розе ветров» — экономика, политика, культура.

Микроуровень позволяет рассмотреть или даже решить некоторые конкретные проблемы развития общества на фоне аналогичных у других кочевников.

В общем, главное, о чем пойдет речь ниже, — реконструкция самой киданьской модели, что в дальнейшем, естественно, потре-

бует более основательного сравнения с моделями других кочевых обществ, рассмотрения их в историческом контексте, а не в статике. Основной методологический посыл здесь — кочевое общество не «останавливалось в своем развитии» ни на минуту, а тоже претерпело эволюцию и не менее сложную, и значимую для истории, что и осеплое.

1. Выделение монголоязычной зоны есть результат многовекового совместного сотрудничества разных народов.

Кочевая цивилизация возникла и существовала на всем своем протяжении как своеобразный «пролив» между зоной древнейших оседлых миров и североевразийскими регионами. В природноклиматическом отношении это были районы минимально пригодные для развития тогдашнего земледелия, но удобные для существования скотоводческого хозяйства. Вероятно, изначально эти районы осваивались мало и случайно и сюда попадали так называемые лишние родовые группы или отдельные люди с юга и севера. Результатом этого стало перманентное и этническое перемешивание, своего рода постоянная «встреча» Юга и Севера, что и обусловило существующую до сих пор этнокультурную близость обоих зон. Таким образом можно наблюдать выделение еще в древности дихотомии «север – юг» и своеобразной вертикали (империя-варвары-сибирские народы), наподобие европейской, на значительной части этой территории, оформившейся в модель империя-варвары (хань-фань). Причин складывания этой цивилизационной специфики немало, но данную можно назвать одной из основополагающих. Объединяет эти народы и культурная близость, выразившаяся в целом комплексе идей, объединенных представлением об особой роли в развитии мира и общества Неба.

Эта зона является одной из составных частей тюркомонгольского мира, который существует уже несколько тысячелетий.

По горизонтали промежуточная зона была двойной и состояла из двух этнических конгломератов хунну и дунху, оказавших большое влияние на формирование будущих суперэтносов тюрок и монголов. Эта дихотомия «запад-восток» стала второй составляющей восточноазиатского цивилизационного «креста», определявшего специфику развития Восточной Азии на протяжении всех последующих столетий. Образовавшийся кочевой «залив» можно рассматривать как своеобразное «устье» восточноазиатского цивилизационного потока, выходящего в

евразийский «океан». Одновременно восточноазиатская кочевая зона стала как бы мостом между Срединной Азией и Восточной Азией и можно говорить о геополитической и макроэкономической значимости ее для обоих «миров».

Формирование «хунну» и «дунху» хронологически совпало с так называемым «Осевым временем» (800–200 гг. до н. э., выражение К. Ясперса), когда активно формировались евразийские цивилизации. Этот процесс впервые в полном объеме отразил оформление будущего тюрко-монгольского мира.

Первой универсальной этнополитической конструкцией в этом регионе могла быть только тюркская, ибо тюрки в результате действия сложного комплекса внутренних и внешних факторов вынуждены были раньше других азиатских народов вступить на путь государственного строительства. І тыс. н. э. как время между хуннуской «древностью» и «ренессансом» великих кочевых империй в монголоязычной подзоне (Ляо, Цзинь, Юань) можно назвать своеобразным «средневековьем» кочевого мира. Термин «средние века» вполне может быть применен не только к западноевропейской, но и к восточноазиатской истории. Это время не только складывания так называемой «феодальной экономики», но и этап строительства евразийских цивилизаций, когда самые разные народы (франки, византийцы, арабы, русские) строили свои «миры». И в это же время на авансцену мировой истории выходят народы, ведущие номадную активно экономику.

То, что выделение восточной окраины кочевого «мира» произошло в древности не случайно, а в соответствии с общей тенденцией в развитии евразийских цивилизаций, видно и из того, процесса были закономерные этого политические, экономические и культурные причины. Здесь медленно формировалась своя цивилизационная зона, развитие которой подчинялось общим закономерностям и, в то же время, отличалось необходимой спецификой. Налицо этногенетическая близость родов и племен, схожий алгоритм их политической трансформации из полицентричного конгломерата в имперскую моноцентричную конструкцию, присущую средневековью, специфическая экономическая ситуация и складывание относительно однородной программы культурного развития. Сравнительно небольшая территория обитания восточноазиатских кочевых племен и невозможность свободного выхода за пределы этой стимулировали преимущественное «клетки» использование внутренних факторов развития, одним из последствий чего стало сгущение кросс-культурных контактов на севере Восточной Азии как необходимая предпосылка трансформации полицентричного и мультикультурного пространства в моноцентричную геополитическую конструкцию.

В то же время у этой зоны всегда были глубокие генетические связи с восточноазиатской зоной. Это обусловило ее существование на протяжении длинного ряда столетий в качестве периферийной и в некоторых отношениях маргинальной по отношению к обоим «мирам» — тюркскому и восточноазиатскому.

Активная фаза становления ее в качестве самостоятельной цивилизационной зоны начинается с событий Великого Переселения народов и продолжается на протяжении всего первого тысячелетия н. э.

Феодализм нигде и никогда не был локальным или региональным. Можно не называть его формацией и искать только в Европе, но если это слово оставить в качестве обозначения этапа развития всего человечества, когда на первый план выходит земля (аграрная цивилизация), то воспринимать это надо как универсальный, общечеловеческий строй.

В Восточной Азии он тоже существовал, но одновременно здесь складывается крайне индивидуальная и уникальная цивилизационная ситуация. Если в Европе при «феодализме» господствовало земледелие, то здесь, особенно на север от Китая, не меньшее значение имело и скотоводство. Пожалуй, нигде больше на планете не было подобного места. После турбулентного периода монгольских завоеваний скотоводство и кочевая культура не исчезли, а сложно, пусть и катастрофообразно трансформировались в часть сложносоставной экономики II тыс. н. э.

В Восточной Азии были сложны межкультурные отношения. Это были не просто разные культуры, а разные варианты одной и той же цивилизации и им было что «делить» между собой.

Чтобы явственнее была видна значимость киданьского государства, необходимо отметить, что за период феодализма здесь решается еще одна большая проблема.

В период Ляо (X-XII вв.) в Восточной Монголии, с одной стороны, накопились стимулирующие общественное развитие кочевников факторы (сравнительно небольшая территория, замкнутость, ситуация перенаселения, невозможность расширения или внешней экспансии и т. п.), а, с другой, — были достаточные внутренние ресурсы и возможность «построить» новую модель.

В период чжурчжэньской империи Цзинь (XII-XIII вв.) произошло соединение трех взаимозависимых зон (Восточная Монголия, Маньчжурия, Заречье Китая /Северный Китай/) и сложилась соответствующая синкретическая модель, которая после монгольских ураганов начнет развиваться. В будущем этот опыт будет актично использован во времена маньчжурской династии Цин (XVII-XX вв.).

В период монгольской империи Юань (XIII-XIV вв.). были активно задействованы западномонгольские регионы и формирующаяся модель была перенесена на широкие евразийские просторы.

Восточноазиатская кочевая цивилизация в это время создала возможности для необходимого прогресса во всей Евразии. Будущему «капитализму» было расчищено пространство посредством этнополитического переформатирования пространства.

За этот примерно 600-летний период произошло существенное:

- 1) Этнополитическое и социально-экономическое переформатирование пространства.
- 2) Оттеснение на задний план аграрной экономики с акцентом на скотоводстве. В Европе в это же время существенно уменьшается роль аграрной экономики с акцентом на земледелии.
 - 3) Выход на уровень общецивилизационной зоны.
- 4) Создана модель будущего развития уже по цивилизационному варианту.
- 5) Выведена липпняя масса населения за периметр зоны и вариант дальнейшего использования метода «исхода», т. е. переселения вовне больше работать не сможет. Аналогично в Европе в это же время происходит массовый выброс излишков населения в Америку и частично Азию. Америка не может больше брать в тех же пропорциях мигрантов из Европы, а Азия из Восточной Азии.
- 6) Ликвидирован бицефализм зоны— тюрки/монголы в пределах Восточной Азии.
 - 7) Проведена монголизация всей зоны.

Тюрко-монгольский мир будет развиваться далее за счет уже не сочетания Запада (тюрки) и Востока (монголы), а в результате взаимодействия трех более мощных зон — Общая Монголия, тюркский мир, «Сибирь» (от Волги до Чукотки). Начинается новый, по сути, этап развития кочевых по происхождению

народов. Безусловно оседлый. Развитие идет в принципе по тому же сценарию, что и у других оседлых народов.

Иначе говря, кочевая цивилизация не погибла, а медленно, сложно, во многом катастрофообразно трансформировалась. Множество «катастроф» в это время пройдет и в Европе: «падение» Римской империи, Великие Географические открытия, мировые войны, революции.

2. Из монголоязычных народов самую активную роль в истории ее становления и первоначальной эволюции сыграли именно кидани.

Есть некоторый парадокс в отношении к киданям их современников и потомков. Сам факт образования кочевниками государства сначала привел соседей в замешательство, а потом и в серьезный шок. Он усилился и перерос в неприязнь и страх после того, как под контролем киданей оказались китайские земледельческие районы. Это стало еще одним доказательством того, что начался совершенно новый этап во взаимоотношениях Севера и Юга, варваров и империи. Естественно, что все прежние многочисленные обвинения северян переросли в утверждение, что они окончательно стали бандитами и вымогателями. Такое представление даже сегодня кажется для большинства людей аксиоматичным.

Понятно, что подобные идеи возникают не на пустом месте. «Север» действительно двинулся на «Юг», но происходило это во всей Евразии. В III-VIII вв. в Западной Европе образуется ряд германских «варварских королевств», славяне начинают проникать в пределы Византии, на рубеже I-II тыс. н. э. тюрки прорвали северную границу халифата и устремились на юг.

Эти события везде стали завершением периода формирования евразийских цивилизаций.

С IX — начала X вв. и до XIV в. наблюдается новый оригинальный период в истории северной зоны Восточной Азии. Условной датой его начала можно назвать 907 г., с которого ведет свою историю и киданьское государство, а конец можно датировать 1368 г., с которого началась династия Мин в Китае, восставшая против господства монголов. В это время и происходит, по сути, трансформация этого региона в особую цивилизационную зону. Она не выходит на уровень классических евразийских средневековых «миров», но развитие ее весьма своеобразно и перспективно в этнополитическом и культурно-цивилизационном плане. Любопытно, что подобные зоны наблюдаются и в других местах планеты. По ряду параметров к ним можно отнести,

например, территорию Киевской Руси или языковую зону чибчамуисков на островах Центральной Америки и северном побережье Южной, которые воспринимаются как «варварские» или «недоразвитые».

Развитие зоны в этот обширный и сложный период было непростым. Естественным следствием трансформационного процесса было стремление расшириться, прежде всего, в сторону оседло-земледельческого Юга, который пытался сдержать эту экспансию. И без того проблемные отношения между «империей» и «варварами» легко и быстро в конфликтные. Китай представлял собой уникальную цивилизацию и не мог стать периферией кочевников. Это показал и опыт пребывания его в составе кочевой монгольской империи Юань. Однако и кочевники уже не могли оставаться периферией Китая. Эта борьба на протяжении практически всего данного периода была острой и шла, как говорится, с переменным успехом. С ликвидацией юаньской империи и приходом к власти в Китае династии Мин опасная возможность вхождения Китая в новую зону в качестве периферии была наконец-то блокирована, и состоялся окончательный «развод». Можно сказать, что произошла окончательная демаркация границ.

специфическая ситуация повторится Разумеется, маньчжурский период, когда Китай формально попал под власть пришельцев с севера. Все же династию Цин по многим параметрам можно считать китайской династией, каковой ее фактически и провозгласили китайские историки. На первом месте в ее деятельности оставались китайские проблемы, интересы, методы цивилизационная vправления, китайская Маньчжурским оставался лишь «фасад». Это, если позволите, напоминает спектакль по Шекспиру в каком-нибудь современном оперном или драматическом театре. Одежды средневековые, все остальное, включая даже язык, современное и отношение к истории и культуре в духе современности.

Этот большой период, в свою очередь, делится на три этапа, которые внешне парадоксально совпадают с тремя кочевыми империями — киданей (Ляо), чжурчжэней (Цзинь) и монголов (Юань).

Первые два этапа связаны с восточными землями этой зоны, т. е. территорией, где постепенно складывались два конгломерата — монголоязычный и тунгусо-маньчжуроязычный. Они между собой очень активно взаимодействовали и в этом плане

можно говорить о наличии монголо-тунгусо-маньчжурского региона. Западные районы, хотя тоже взаимодействовали с этим регионом, одновременно были связаны и с тюркским миром. Эта маргинальная территория была окраиной сразу двух миров, западного и восточного, их перекрестием.

Центром всей зоны в это время можно назвать регион образования в будущем государства киданей – Восточную Монголию и Северо-Восточный Китай. Именно в этом центре начинается строительство геополитического ядра. Об особенностях развития этой зоны хорошо сказал в свое время М. В. Воробьев: «Характер источников вынуждает нас подходить к региону как к окраине Срединной империи, что с неизбежностью влечет за собой известную запрограммированность самого исследования. Между тем, регион в естественно-географическом, демографическом, историко-культурном отношениях является, скорее, окраиной Сибирского ареала. Эта окраина отнюдь не чужда внутренней пестроты по вем перечисленным направлениям, но еще боее резко выделялась из окружающего мира степями и пустынями на западе, морями на востоке, рекой Амуром на севере. Открыта она была только на юг – на Северо-Китайскую равнину. Возникновение, формирование и трансформация тяги к этой равнине явились весьма ощутимыми факторами в жизни обитателей региона»²⁵.

В некотором смысле процесс можно уподобить образованию Римской империи. Италия была географическим центром Средиземноморья, откуда были легко достижимы любые его пределы, западные и восточные, и потому управлять всей территорией становилось не трудно. Сюда в ходе завоеваний стекалось большое количество носителей других европейского субконтинента. Италия, в отличие от Древней Греции, становилась перекрестком мощных культурных потоков Востока, Запада и Севера – этрусской, греческой, финикийской, египетской, варварских.

В этом плане территория Ляо тоже стала своеобразным центром и перекрестком культур – сибирских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, китайских. Тандем Елюй-Сяо отражает сохраняющийся в той или иной мере монголо-тюркский синтез в государстве. Именно здесь и стал образовываться новый этнополитический и культурный центр. Он сохранился и при

²⁵Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. М.: Наука. 1983. C. 355.

чжурчжэнях. Территория стала одновременно и территорией чжурчжэньской империи, хотя в нее были включены и восточные районы, которые, однако, значительно уступали центру по уровню экономического и политического развития.

Эти два этапа — время строительства, перехода на цивилизационный уровень. Появляются очень многие признаки цивилизации, начинают формироваться, конечно, в своеобразной форме. Например, киданьский язык. Он изначально формируется, прежде всего, как конкретно киданьский, а не общемонгольский, но, как выяснили исследователи, в нем очень много монгольских элементов, которые, безусловно, уже преобладали. Естественно, что он формируется с активным участием китайского как языка метарегиона, образца для подражания. Аналогичная ситуация наблюдалась в средневековом славянском мире во время реформы Солунских братьев Кирилла и Мефодия, создавших письменность для живого славянского языка.

Формируется и развивается своя литература, своя династийная история, свои географические представления, свое понимание буддизма. Все это осуществляется в рамках своего рода «киданьского ренессанса», который с этой точки зрения можно рассматривать как механизм формирования собственной цивилизационной парадигмы. Конечно, эта парадигма еще несовершенна, узка, связана в основном только с киданями, однако, надо учитывать, что кидани в это время уже не племя, а довольно крупный племенной союз, объединение, которое с самого начала поставило перед собой, может быть, еще и не очень осознанно, очень перспективную задачу — возглавить зону «цидань» в соответствии с правилами жизни всего метарегиона. Невольно напрашивается параллель восточными славянами, принимавшими христианство и одновременно понимавшими его по-своему.

Киданьская территория получила шанс стать центром формирующегося «мира». Она жила по своим законам, во многом не совпадающим ни с кочевыми, ни с китайскими традициями и нормами. Центром будущей «Монголии» все же станут другие земли, и во многом это будет связано с судьбой этой территории в период правления чжурчжэней.

Регион, который в данный период возглавила империя Ляо, не был еще «Монголией» в цивилизационном смысле. По сути его развитие как самостоятельной цивилизационной зоны только начиналось. Все же можно сказать, что ляоский период имеет ключе-

вое значение для этого процесса и может быть уподоблен этапу существования Римского государства в контексте истории Европы.

Римское государство возникло в одном из «медвежьих углов» тогдашнего обширного пространства, населенного этногенетически и культурно близкими народами. Оно не могло не воспользоваться цивилизационным опытом этрусков и греков, однако римляне создали свой собственный, «варварский», с точки зрения покоренных народов, вариант государственности и культуры. По сути, они предложили вначале вариант лишь политического объединения западного Средиземноморья как основы для дальнейшего консолидированного развития всего региона. Они стояли у истоков формирования особой цивилизационной зоны, которая только спустя века и во многом благодаря объединению с «варварами» разовьется в особый «мир» (христианский).

Территория доминирования киданей тоже не могла быть в то время цивилизацией, а представляла собой лишь зародыш будущей цивилизационной зоны.

Прежде всего, это было связано с тем, что это была своего рода окраина тогдашней кочевой цивилизации. Эта цивилизация очень специфична и одной из ее особенностей является самое большое в истории пространство существования. Уже одно это всячески препятствовало созданию компактной империи, аналогичной римской или китайской. К тому же на этом пространстве существовала необычайная пестрота экономик, этносов, культур, языков. Объединяло этот аморфный конгломерат доминирование скотоводства, языковая близость, общность истории и культуры. Однако всего этого было мало для создания единого государства. Даже хуннуское объединение, несмотря на то, что контролировало в той или иной степени огромнейшие пространства поистине всей Евразии, не стало этатическим ядром всей цивилизации. Кочевая цивилизация единственная из всех никогда не имела общецивилизационной имперской конструкции. Только Чингизиды сделали попытку создать такую империю, но она создавалась в специфических условиях, специфическими средствами и в результате в ней никогда не существовало необходимое цивилизационное единство.

Киданьская имперская культура стала лишь локальным синтезом, своеобразным вариантом, не более. Монгольский мир еще только начинал формироваться и не отпочковался окончательно от тюркского, а территория империи охватывала отнюдь не всю Монголию.

Внутри империи действовали автономные этнокультурные потоки — монгольский, тунгусо-маньчжурский, китайский. Они

были очень оригинальны, свидетельством чего станет создание ими своих государств (Монгольская империя, Сун, маньчжурская империя Цин). Пока же они находились на разных этапах движения к государственности.

Киданьская культура не успела выработать свою объединяющую все пространство культурную идею или творчески обработать какую-то иную. Римская империя породила христианство, о чем с благодарностью вспоминали христиане впоследствии. Восточноазиатская ментальность еще не вышла на уровень выработки достаточно мощной культурной традиции, а буддизм и конфуцианство кидани лишь включили в свой религиозно-культурный синкретизм, не сделав их новой «мировой» религией.

В итоге, как и в случае с ранним римским государством, регион объединяла лишь этатическая конструкция. Для развития же цивилизации необходима культурная составляющая. В Китае особую роль сыграло конфуцианство, в Европе — христианство, на Среднем и Ближнем Востоке — ислам.

Можно говорить, что кочевые восточноазиатские империи представляют собой ранние государственные образования в данной зоне, являются тем семенем, которое лишь со временем даст более представительные и влиятельные всходы. Однако, если посмотреть с другой стороны, то и Римская империя была таким семенем для будущего христианского мира. От нее идет так называемое романское начало – идея государственности (империя, республика), латинский язык, римское право. Это секулярная составляющая будущей цивилизации, в которую широкими волнами придет христианство и «варварская» культура, однако «романское начало» – фундамент будущей цивилизации. Так и от Ляо через века пойдет идея империи. Она практически полностью будет скопирована чжурчжэнями (Цзинь), но впоследствии, в новых и специфических условиях, будет браться только «опыт» киданей по сотрудничеству с Китаем, строительству государства и управлению «инородцами». Однако, если выразиться иначе, это и есть аналог «романского начала», «римской идеи». В отличие от европейцев, преемники киданей будут создавать государства не за пределами зоны, а внутри нее, что опять же говорит о далеко не полностью использованных ресурсах зоны и ее перспективных потенциях.

Любая евразийская империя есть итоговая форма развития региональной ментальности, однако у кочевников ее специфика в том, что морфологически она представляет собой совокупность

государств, а не областей, как это было в римской державе или китайских империях. Ханьцы ломали этносы и на их месте создавали губернии. Для варваров (фань) роды важнее. Поскольку китайцы создали имперскую конструкцию раньше, то считалось, что все последующие народы, в том числе, разумеется, и кидани, «извращали» ее. На самом деле кидани, которые до поры до времени эту идею просто не понимали, к X в. «доросли» до нее. Она созрела внутри общества, логически стремившегося к созданию центрального государства. Варварам нужна своя «империя», но пока ее модель не была выработана, они «примеряли» чужую, как одежду, которую по необходимости подшивают, укорачивают и т. п. Кидани попытались скопировать китайскую модель, однако она не подошла их обществу, и киданей обвинили в постоянном ее извращении. В Ляо были свои задачи и проблемы, здесь нужна была родовая элита, а не «ученое сословие» (бюрократия). На юге больше социальных и экономических проблем, ибо там существовала сложносоставная экономическая и социальная структура. На Севере аналогичные проблемы решаются родами и племенами, соответственно там более заметны и существенны проблемы политические, регулирование взаимодействия полусамостоятельных территорий, отсюда и большая значимость властной составляющей. Оседлые народы своего рода стайеры, которые должны и могут долго работать на одном месте, кочевники же — спринтеры, их хозяйственная и политическая жизнь более динамична и стремительна.

Киданьская территория получила шанс стать центром формирующегося «мира». Она жила по своим законам, во многом не совпадающим ни с кочевыми, ни с китайскими традициями и нормами. Центром будущей «Монголии» все же станут другие земли, и во многом это будет связано с деградацией этой территории в период правления чжурчжэней.

Кидани фактически первыми предложили идею единства всех народов и племен в промежуточной зоне между Китаем и исламскими территориями, первыми попытались обосновать со стороны кочевников идею культурного единства всего метарегиона. Это был фактический отказ от идеи «варварства»: фань — не варвары, а другие.

Это не удалось довести до конца в период Ляо и Цзинь, но на рубеже XII-XIII вв. она, пусть и в особых условиях и специфическими средствами была реализована. Стоит подчеркнуть, что кидани выдвигали ее, основываясь не на политических основаниях и в

противовес Китаю, а на факторе самобытности культуры этих народов, во многом принципиально отличающейся от китайской культуры. Если китайцы свою культуру, особенно ханьский ее вариант, старались сделать ядром всей восточноазиатской культуры, и некоторые основания для этого, разумеется, были, то кидани, прежде всего, в начале своей династийной истории говорили о некоем всеединстве народов этого «мира», о важности вклада каждого из народов. Здесь, вероятно, стоит увидеть проявление кочевой ментальности. Мысль об иерархии народов и культур не могла возникнуть в мозгу кочевника. Кочевники никогда не ставили свое общество и свою культуру выше других, они просто любили их больше других. Они одинаково не уважали и того, кто заносится выше других, и того, кто унижается перед другими. Жить с досто-инством должен как высокородный хан, так и простой воин-пастух.

Любой кризис в Восточной Азии был «всеобщим», ибо все роды и племена были тесно связаны друг с другом. Это была реально самостоятельная цивилизационная зона. Создание Ляо вполне можно считать общим проектом, хотя именно кидани предложили идею. Собственно, любые «возвышения» народов — общий проект.

«Ляо ши» и «Цзинь ши» рассматривают дуалистическую модель кочевой империи в период ее складывания и расцвета, а «Юань ши» и другие источники XIII-XIV вв. описывают ее разрушение и историю экспансии монголоязычных племен в Азию. Сама гибель прежних кочевых империй объясняется политическими причинами – деятельностью внутренних врагов Темуджина и происками чжурчжэней и китайцев. Внутренних причин гибели киданьской и чжурчжэньской империй не видят ни монголы, ни китайцы, ни представители мусульманской общественно-исторической мысли. Китайские авторы считали эту гибель неизбежной еще потому, что эти империи искажением и варваризацией классической китайской модели. Варварская «обезьяна» ханьской империи, по их мнению, держалась только на «силе коней севера». Монголы акцентировали внимание на ползучей экспансии китайской культуры и фактическом геноциде северных народов.

Социальные и политические конфликты действительно имели место в Степи и этим спешили воспользоваться китайцы, чтобы не только вернуть потерянное в противостоянии с киданями и чжурчжэнями, но и захватить исконные кочевые земли. «Месть» Чингисхана стала своего рода превентивным ударом,

деятельностью на опережение и возвращение к некоей классической «древности», под которой легко угадывается время существования киданьской империи и сложившееся тогда относительное равновесие этнополитических сил на территории Монголии.

После монгольских завоеваний у кочевников фактически никогда уже не будет спокойной жизни и «древностью» станет уже героический век Чингисхана как время наивысшего внешнеполитического престижа кочевников. Киданьский опыт государственного структурирования пространства и управленческий опыт элиты не будет больше нужен, ибо кочевники постепенно уходят в «резервации», а их земли все активнее осваиваются выходцами из оседлых районов. Равновесие кочевого и оседлого секторов больше невозможно и экономическое будущее определяется стратегией оседлого общества. Память о киданях для большинства людей сохраняется лишь в названии «Китай».

Однако по многим параметрам модель кочевой империи еще будет нужна и чжурчжэни, монголы, маньчжуры будут ею интересоваться. Эти в некотором смысле наследники киданей будут проводить ее решительную модификацию применительно к новым ситуациям. Схема взаимодействия с северными народами станет одним из истоков будущей модели «одного ствола и множества ветвей». Роль киданей в трансформации традиционной китайской модели хуа-и (?) (империя-варвары) очень заметна и важна. Тем самым кидани вывели монгольские племена из тени и «варвары», которые для китайцев были фактически все на одно представляли военную лишь опасность, реабилитированы. Стала видна их важная роль не только в политической, но и цивилизационной истории.

Вместе с тем, разумеется, с появлением феномена кочевой империи складывается новая цивилизационная ситуация. Киданьская империя естественным образом получает возможности трансформироваться в новое тело цивилизации, а киданьский народ в ее этническое ядро. До конца этот процесс не сможет реализоваться, ибо роль ханьской культуры и цивилизации в те времена оставалась решающей. Максимум, что могло дать и дало «возвышение» киданей это изменение цивилизационного статуса зоны «фань». Бицефализм, т. е. существование двух общецивилизационных центров, не мог сложиться. Однако, начиная с этого времени, наблюдается явственный рост статусности «Севера» и объединения его культур. Этому способствовали как войны Ляо (уничтожение Бохая

как своего рода культурного сепаратизма), так и два объединения этой зоны — чжурчжэнями и монголами.

Кидани действительно были уникальным народом, который по-своему осмыслил свое происхождение, приобрел особый статус и играл особую роль в регионе. Им всегда нужно было доказывать свою «избранность», что позволяло им всегда держать себя в тонусе. Обратной стороной этого станет медленно рождающееся высокомерие киданей по отношению к своим подданным и другим народам.

3. Кидани первыми из монголоязычных этнических групп полностью прошли весь путь от случайного осколка прежнего метаэтнического конгломерата до почти полноценного народа и стали первым народом в истории зоны. Впоследствии они считались образцом в процессе этнообразования всех народов.

Если после сяньбийской катастрофы кидани, носившие еще какое-то иное имя, нам неизвестное, готовы были лишь, как многие этнические маргиналы, жить в новой среде по законам фронтирномаргинальной зоны, не более, то после долгих мытарств и катастроф они возглавили регион и сыграли в его развитии ключевую роль.

Мы имеем дело и с уникальным вариантом истории: народ изначально стал жить по искусственным законам, правилам временной фронтирной зоны, развивался, дробился, истреблялся, воскресал почти из ничего. В таких условиях этот народ не просто смог выжить, просуществовать на протяжении восьми веков, но подняться на немыслимую прежде в этой зоне высоту, создав уникальное кочевое государство. Вытесненные на окраину двух миров, оседлого и кочевого, они пошли на невиданный и уникальный этатический эксперимент.

Нужно учитывать, что пространство империи замкнуто, ограничено рельефом (горы, реки, Бохайский залив). Здесь своеобразная почва, растительность. Для проживающих здесь племен характерна этногенетическая близость. В целом можно говорить о существовании здесь субцивилизационной зоны.

В силу этого здесь возможна и необходима цивилизационная, а не племенная конструкция, однако она могла быть связана в тот период только с кочевниками в силу превалирования скотоводства. Земледелие здесь необходимо, но лишь консортное по отношению к скотоводству, более простое, чем в оседлых районах.

Кочевники создавали лишь такие формы, как союз племен (оборонительный или наступательный) и каганат как вертикальную модель общества, единственно возможную в Степи.

Имперская конструкция создана исключительно в оседлых районах, ибо подразумевает приоритет земледелия, широкое развитие ремесел, городов и торговли. Киданьское государство Ляо — это первая попытка перенести эту модель в Степь. Естественно, что эта модель была «извращена» кочевыми киданями, которые сделали акцент на властной составляющей.

Территория, на которую оказались оттеснены кидани, была спорной, местом частых стычек и конфликтов. способствовало стабильному существованию здесь нормальному экономическому развитию. Фактически территория все больше и больше приходила в запустение. Кидани, пришедшие сюда как маргиналы, постепенно стали ощущать себя в качестве хозяев собственной территории. Именно это они и подчеркивали, давая своему государству название «Ляо» по имени протекавшей здесь реки и повышая его статус иероглифом «Великое» (Да). Они навели здесь порядок в экономической и политической сферах, упорядочили взаимоотношения родов и племен. Программа преобразований, по сути, видна в словах основателя государства Елюй Апоки, который гордился тем, что киданьское не хуже китайского. Они перестали быть маргиналами и по некоторым параметрам действительно их общество и культура были не ниже, чем в Китае.

В это же специфическое время постепенно выявляется и своеобразная роль западномонгольских районов, находившихся на стыке между тюрками и восточными иноземцами. Они оказались основательно отдалены не только от восточных районов, но и от тунгусо-маньчжурских племен, и, тем не менее, связи с востоком начинают налаживаться и усиливаться.

Центр империи был не только административным, но и стратегическим. Это приводило к тому, что многие районы, ранее игравшие заметную роль в этнополитической истории. Одним из таких районов стала Монголия, где некогда доминировали уйгуры, ушедшие на запад и потерявшие интерес к прежней родине. Об этом свидетельствует письмо Елюй Даши уйгурскому правителю Билэгэ, которого он собирался использовать в качестве своего союзника в борьбе с чжурчжэнями: «В прошлом мой великий предок император Тай-цзу во время северного военного похода направил в Ганьчжоу с императорским манифестом к вашему предку

У-му-чжу, в котором говорилось: «Думаете ли вы о своей прежней родине? Мы тогда вернем ее вам. Если вы не сможете вернуться, тогда возьмем эти земли себе». Ваш предок выразил благодарность и сообщил, что они перенесли государство в нынешние места более десяти поколений тому назад. Армия и народ все спокойно живут и потому не станут возвращаться». Равнодушие уйгуров к этой территории развязало руки местным родам в их борьбе за господство там. Сказалось и то, что Монголия оказалась на периферии киданьского внимания.

Кидани были частью большого пояса монголоязычных племен, населявших территорию Маньчжурии и Восточной Монголии (кидани, си, шивэй). Киданьское государство станет своеобразным мостом между Сибирью и Восточной Азией.

По сообщению «Бэй ши», приведенному Е Лунли, «шивейцы относятся к киданьской ветви: живущих на юге называют киданями, живущих на севере – шивейцами. Если выехать из Хэлуна на север и проехать более тысячи ли, прибываешь во владения шивейцев, которые одинаковы с сисцами и киданями». По мнению Э. В. Шавкунова, часть шивэй говорила на языке, близком или даже одинаковом с мохэ. Это означает определенную культурную общность киданей и народов восточных регионов, вплоть до тунгусских племен. Эта связь могла существовать со времен противостояния дунху и хунну. Монголоязычные племена в первые века н. э. продвинулись сразу в нескольких направлениях – на юг, в сторону Китая, и на восток, вероятно, вплоть до Приморья. В тот же период устанавливаются серьезные связи с западными регионами. По мнению Л. Р. Кызласова, «историческое исследование монгольских языков показало, что монголы имеют свои термины для обозначения речных рыб, лесных диких животных (северный олень), но употребляют тюркские заимствованные слова для некоторых злаков, степных диких животных (лисица-корсак, дикий козел-антилопа). Собственные термины для домашних животных относятся лишь к собаке, лошади, свинье. Весь скотоводческий лексикон, термины для обозначения быков, овец, верблюдов и мулов монголы полностью заимствовали у тюрок». Как считает С. М. Акимбеков, идти о части монголоязычных речь должна устремившихся на запад из Восточной Маньчжурии.

Несмотря на это, вплоть до образования империи можно говорить о наличии трех этноязыковых зон, между которыми одновременно существовали и связи, и труднопреодолимые

различия. Среди тунгусских племен выделялось государство Бохай, в степной зоне Маньчжурии доминировали кидани и си. Кидани постепенно усиливаются и освобождаются от контроля со стороны тюрок, а затем и китайцев. Отношения между родственными киданями и си носят весьма проблемный характер. Часть си вынуждена была подчиниться киданям, а часть ушла на запад. По гипотезе С. М. Ахинжанова, именно ее арабы назовут кимаками, которые вскоре войдут в кипчакский племенной союз.

«Киданьский народ» не успел сложиться до конца во многом кидани остались над обществом, производственную связь с землей. Подвластные племена в массе своей находились на некоторой дистанции от элиты и часто ощущали это как ситуацию подчинения господству. Однако это стало первой стадией формирования единой общности. При хкнежичжи более активно присоединена была маньчжурская зона, а при монголах оказались объединены все зоны, смешение, конвергенция пошли стремительно и, наконец, сложилась единая общность «монголы».

Киданей можно назвать первым на территории Монголии максимально сформировавшимся «на-родом». Они «народились», т. е. стали развиваться естественно на искусственной основе, не вошли в состав других племен, а всегда занимали отдельное место в союзах племен (сяньби) и имели самостоятельные отношения с другими (Китай). В значительной степени неосознанно они имели своеобразную программу существования независимо и неслиянно, всегда сознавали свою идентичность и завещали это своим потом-кам. Это говорит о медленно формирующемся чувстве своего рода «избранного народа». Этой самоидентичности хватило на тысячу лет.

«Киданьский народ» не сложился, да и не мог сложиться в том числе и потому, что такого рода этнические конструкции были «рамочными народами», в рамках которых вызревали новые народы.

Кидани стали первым крупным народом в истории кочевой зоны. Даже хунну в большей степени были все еще конгломератом родов и племен. Новое для кочевой зоны состояние бывшего племенного союза подтверждается как численностью киданей (750 тысяч из четырех миллионов) и степенью интеграции родов. По сути, шел процесса складывания «киданьского народа» в чем-то сродни процессу складывания «советского народа», т. е. имперского конгломерата. Естественно, что процесс этот идет, как и других

евразийских империях, противоречиво и неустойчиво, однако кидани, по сути, первыми из кочевников вышли на нижний уровень народности. Любопытно, что хронологически это происходит синхронно с другими народностями оседлого мира. Понятно, что так создавалась серьезная база для формирования в будущем монгольской этно-социальной общности.

Империю Ляо в этно-социальном плане можно уподобить своеобразному трансформеру. Основой его являются кидани, процесс интеграции которых развивается достаточно быстро в пределах определенного пространства, а остальные части подвижны и в какой-то мере изменчивы. Какие-то роды приходят, какие-то уходят с территории киданей, подчиняются, восстают. Однако все эти процессы не имеют принципиального значения для империи в целом.

Строго говоря, в их сознании уже в ранние века усматривается своего рода парадигмальная мировоззренческая матрица, которая формируется на основе «цидань». Как «евреи», бежавшие из египетского плена, от этого события начали отсчитывать свою этническую судьбу, так и слово «цидань», зажившее своей самостоятельной жизнью, открыло путь к формированию специфической идентичности. именно фактор выбора «слова», которое будет «в начале» и благодаря которому «все станет в нем». Это придает «избранность» народу, а то, что «вокруг враги» позволяет искать место для строительства своего рода «островной модели», крепости в окружении. Через эту фазу проходит большинство народовстроителей. «Цидань» требует аллертности, которая присуща всем живущим на фронтире. К тому же выжить в бездомном состоянии было невозможно, любые бомжи рано или поздно исчезают. Нужна была своя территория, а ее можно было только отвоевывать. Сразу появляется ряд целей, достижение которых потребует много времени, а значит, будет формироваться долгосрочная эффективная программа этно-национального развития. Необходимо укрепление вертикали власти, а, следовательно, стимулируется формирование «феодальной лестницы», т. е. иерархической вертикальной модели. Этот полуосознанный проект ориентировался на строительство государственности. Понятно, что не об «империи» идет речь, но хотя бы о тех структурах, которые уже существовали в Степи. Собственно, Елюй Апоки и начнет с провозглашения своеобразной автономии в рамках обширного и эфемерного пространства. Так поступит и Пипин Короткий,

провозгласивший себя управляющим франкской территорией от имени не ведавшей об этом византийской императрицы Ирины. Апоки пойдет дальше и сделает то, что сделал сын Пипина Короткого Карл Великий — провозгласит империю. Как и Каролингская империя, Ляо станет центром самостоятельного «мира».

Киданьская империя (модель) создавалась физически (в истории), информационно (осмысливалась в свое время) и научно (изучалась исследователями) как универсальная («мировая»), т. е. региональная. Изначально она не была и не воспринималась как рядовое государство.

В последние десятилетия широко распространено представление о том, что возникновение государства у кочевников является результатом не внутренних социально-политических процессов, а стремления тех или иных кочевых лидеров оказывать давление на крупные соседние государства с целью получения от них товаров и продуктов. По сути, это высказанная новыми словами старая традиционная точка зрения о грабительской природе кочевых сообществ и паразитическом способе их существования. Наиболее неполиткорректно она высказывается людьми, не имеющими никакого представления о кочевниках и их истории: «Сама по себе концепция существования кочевого государства лишена смысла. В современном мире таких государств не наблюдается, очевидно, их не было и в прошлом. У кочевников нет городов, нет устойчивых каналов коммуникации, нет государственного аппарата, нет письменности и нет истории. Наконец, кочевые народы крайне малочисленны. Легенды о «полчищах кочевников» ни на чём не основаны. Пищевая база кочевых племён настолько мала, что их плотность на два порядка меньше плотности самого примитивного земледельческого народа. В обычных условиях земледельцы механически вытесняют кочевников, которые просто растворяются среди миллионов «производителей хлеба и каши». И наоборот, сколько-нибудь значительной численности кочевники достигают только в периферийной зоне контакта с земледельцами, так сказать в «зоне плова», где возможна интенсивная меновая торговля и кочевое хищничество. То, что впоследствии по смутным воспоминаниям воспринимается колонистами-земледельцами как «нашествие», есть набеги мелких паразитов, которые размножились как крысы на ворованном или обмененном хлебе и рисе. По мере косвенного окультуривания кочевники включаются в политическую борьбу земледельческого государства. Отдельные кланы скотоводов, всё время враждующие друг с другом, становятся на-ёмниками, получают плату, оружие, начатки образования. Из-за привычки к набегам такие отряды могут быть эффективной воинской силой и при симбиотическом сращивании с земледельческими городами становятся основой для создания крупных государств. Так возник огромный Китай с династией маньчжуров, Персия с тюркскими правителями, империя моголов в Индии, Османская империя и допетровская Россия с татарским войском и татарскими князьями. Но все эти государства по историческим меркам мгновенно ассимилировали захватчиков, и наоборот, кочевники смогли сыграть серьёзную роль в их становлении, лишь предварительно окультурившись и в той или иной степени этнически переродившись».

Оставляя в стороне эту проблему как требующую специального исследования, можно сказать, что как минимум пример киданьской и чжурчжэньской империй можно рассматривать как исключение из этого «правила».

В результате в киданьской истории четко выделяются два бифуркационных момента. Один связан с обретением идеи «цидань», а второй с началом строительства своего государства, которое неизбежно может быть лишь оборонительным в условиях своей слабости и существования многих достаточно сильных противников. Даже распавшийся после династии Тан Китай отнюдь был не по зубам кому-либо. Никто из кочевников, вплоть до Чингисхана, и не помышлял о его завоевании. Это было невозможно с военной точки зрения и не нужно с экономической.

Из триады общественных процессов (экономические, политические, культурные) у кочевников на первом месте находились политические. Именно поэтому государства у кочевников возникают в экстраординарных случаях. И у земледельцев переход к государству после «падени» Западной Римской империи занял несколько столетий и во многом потому, что территория «христианского мира» оказалась зажата между Атлантическим океаном и «бурлящим» Востоком.

В особых ситуациях кочевники создают оборонительные или наступательные союзы, которые оседлые авторы и именуют «государствами». Проект «Ляо» и стал таким же экстраординарным мероприятием, только он перерос границы обычной ситуации. Сложное положение у скотоводов к северу от Китая сохранялось несколько столетий и на всем протяжении этого периода и

существовали три великих кочевых империи — Ляо, Цзинь и Юань.

Государство перейдет к активной обороне, карательным акциям, дипломатии. Развалить его можно было только в двух случаях, если бы появилось более сильное и агрессивное государство, а таковых не было, или государство, созданное преступным путем. Именно в измене как государственном преступлении узурпации власти долго И чжурчжэньского вождя Агуду, который пришел к своей власти под лозунгом освобождения от ляоского гнета. Это тоже довольно нечастый случай в истории. Другие правители приходили к власти, используя систему выборов (Апоки, Чингисхан) или объявив о своей принадлежности к легитимной и свергнутой несправедливо династии (Елюй Даши). Агуда активно использовал революционную риторику, а Даши создавал правительство в изгнании, став в отличие от «красного» чжурчжэньского правителя «белым». Такова, собственно, модель всех революций: «уходящие» держатся за прежнюю модель, а новые выступают против ее «гнета».

У киданьского этноса налицо два алгоритма развития.

Первый — вертикальный. Этнос, развиваясь, сам по себе перерастает в суперэтнос, первый вариант монголоязычной народности, начинает играть роль элиты в созданной империи.

Второй — горизонтальный. Этнос перерастает в суперэтнос за счет складывания связанных с ним других этнических групп, складывания иерархии этносов. Подобные процессы шли в Римской империи, Советском Союзе, когда в итоге медленно складывались «римский народ» и «советский народ».

Однако здесь довольно существенное отличие. Италийскосредиземноморский или китайский суперэтнос складывались за счет интеграции близких в этническом отношении групп, а в Ляо кроме кочевников на севере и западе на юге и востоке были китайцы, бохайцы, тунгусо-маньчжуры, т. е. представители иной этничности и ментальности. Кроме того, если упомянутые выше «миры» складывались в достаточно однородных экономических зонах, то у киданей прослеживаются принципиально отличающиеся друг от друга зоны — кочевая, городская, лесная. Их экономическое взаимодействие более сложное и складывание единого экономического пространства идет крайне медленно.

Единственным средством обеспечения идущей медленно и противоречиво интеграции была власть. В государстве киданей,

строго говоря, и рождается впервые в таком объеме феномен политической власти. Это приводило к диктатуре киданей и, естественно, что одним из следствий этого было то, что киданей очень скоро стали воспринимать как оккупантов, узурпаторов власти, угнетателей. Кочевые народы долго терпели их как своего роду плотину от Китая. Точно так же будут воспринимать и каракитаев мусульмане и тюрки в более позднее время.

История народа — не curriculum vitae, а биография. Пишется не в период существоания (если не брать современность), а postfactum, т. е. есть возможность и необходимость понять смысл существования народа. Это не случайная этноконфигурация, не фон, не ураган, а действующее лицо всемирноисторического театра.

«Кидань» — первая форма понятия «монгол», как и «франк» — первая форма понятия «европеец». Как франки в раннесредневековой Европе этнически объединили и смешали различные этнические группы, так и кидани сделали то же самое в монгольской цивилизационной зоне. Неважно, откуда взялись слова «кидань» и «монгол», важно, что ими стали те, кто проживал на территории Монголии, кто пошел за Елюй Апоки и Чингисханом, в отличие от тех, кто пошел с ним в качестве попутчиков (представители покоренных народов). Они играли такую же системообразующую роль в истории цивилизации, как «христиане», пошедшие за Христом. Они фактически первыми стали создавать новый мир.

Кидани — этническое объединение, монголы — политическое. Однако второе невозможно без первого. После распада империи «монголы» остались на территории Монголии, т. е. там, где их объединили еще кидани, остальные превратились в «татар» или сибирские народы, которые ведут свою особую историю со времени Чингисхана, но это во многом уже отдельная история (буряты и др.).

Благодаря киданьскому феномену, закрепленному чжурчжэнями, создана экономическая основа и этнополитическая модель, которые, по сути, лежат в основе развития и современной Монголии (важная роль закон, значимость правительства, сознательное экономическое строительство, особая роль народа, идея общественного единства, партнерские отношения с Китаем и Сибирью, понимание под монгольской античностью времени существования Ляо, Цзинь и Юань, народное благосостояние как

цель развития, активное культурное сотрудничество окружающим миром).

Киданьские лидеры, создавая свои государства, убеждены были в том, что создают не только «справедливую», т. е. оптимальную, модель, но и создают ее на века. Залогом этого оптимизма является неуклонное их следование воле Неба. Если Китай или мусульманский мир раздирают противоречия и войны, то кидани создают общество, развивающееся стабильно и неуклонно. Если и случаются какие-то кризисы (мятежи, заговоры, недоброжелательство соседей), то они вполне благополучно и достаточно мирно разрешаются.

4. Кидани первыми объединили большое количество монгольских племен и создали на этой основе первое собственно монгольское государство.

У кочевников, как достаточно дружно отмечают все оседлые авторы, либо нет государств, либо, если они и создают их, то довольно поздно и под влиянием оседлых государств, в крайнем случае есть некие их подобия, квази-государства, которые случайно создаются и быстро распадаются. Это и является, по мнению древних и средневековых авторов, свидетельством их недоразвитости.

Однако, здесь скорее нужно видеть особенность общественно-экономического развития кочевников. Стоит обратить внимание на то, что кочевники до самого конца своей истории так и не «научились» создавать государства. После неолитической революции и появления земледелия и скотоводства оседлые народы уже в IV-III тыс. до н. э. стали переходить к ним, а у кочевников будто бы не хватило ума.

Как земледельцам, так и скотоводам государство в целом не нужно. Локальная экономика и община все неизбежные проблемы решают на основе многовекового опыта общения с землей. Государство же необходимо для решения как минимум региональных, а чаще метарегиональных проблем. Именно оно и может наиболее успешно решать вопросы защиты территории и необходимого или даже неизбежного регулирования экономических и культурных связей, а это необходимо не всегда. Отсюда и существует эффект «невидимого» государства в средние века. Многие путешественники писали о наличии региональных правителей, но не видели власти правителя всей страны. Ричард I Львиное Сердце из десяти лет своего правления непосредственно в Англии не находился и десяти месяцев, однако, все продолжали считать его королем.

Если такая ситуация встречается постоянно в оседлом секторе, территориально очень ограниченном, то в скотоводческом «мире» с его бескрайними просторами «от рассвета до заката» ее существование еще более закономерно. Маршруты перекочевок существуют столетиями, торговые пути считаются неприкосновенными, обмен новыми идеями минимален, большие опустошительные походы в Степи крайне редки, ибо локальные стычки, угон скота, грабеж вполне дополняют традиционную экономику. Экономические и культурные задачи в метарегиональном плане возникают значительно реже, чем в оседлом мире. Оседлые народы не проявляют большого интереса к пастбищам, хотя, если просмотреть историю взаимоотношений кочевников и земледельцев, то можно все же обнаружить медленное, но и неуклонное поглощение степных просторов поселками, огородами и полями.

Кочевая история динамична, непостоянна и не требует соблюдения одной-единственной модели, созданной в «античности». Она напоминает игру в шахматы, где есть, разумеется, определенные правила, но развитие цивилизации непредсказуемо. И в шахматах, как модели жизни, есть войско, и есть элита. Задача — защищать свою половину, а, если нападут, одержать победу, вплоть до тотального уничтожения противника. Шахматы, вероятно, действительно были изобретены в оседлом обществе, но популярны в Евразии стали в период Великого Переселения народов благодаря кочевникам.

Киданьская империя не создавалась в результате завоеваний. Кидани не выходили за пределы своей зоны. Она — их дом. Здесь протекала практически вся их история и деятельность.

Этот народ – элита стал арматурой конгломерата родов и племен, аналогом «хунну», «тюрок». Кидани станут одним из истоков разных родов и племен во всей Евразии и составным элементом других групп (чжурчжэни, монголы, казахи, киргизы, буряты). Они сыграли особую роль в формировании социальной, а только этнической структуры (т. н. «феодализация»), способствовали перемешиванию родов, разрыву родовых связей. Благодаря им произошло максимальное очищение зоны от тюрок и локализация тунгусо-маньчжур. Они предприняли сформировать синкретическую этническую («земля киданей») политическую зону C минимальными контактами с Вотоком и Западом - своего рода этнополитический «трансформер». Тем самым новая общность «народность» складывалась на основе нового критерия — преданности не своему роду, а киданям, т. е. государству.

Если Хунну создали более широкое и аморфное, более этническое, чем политическое объединение, то у киданей был больший удельный вес политического, социального и культурного. Монголы в экстраординарной ситуации пойдут на экстрапроект в виде военно-политического объединения. Оно будет создано быстро, но просуществует недолго. Кидани действовали медленнее, но связали роды сильнее и те уже в новом состоянии перейдут к чжурчжэням (экономика, этноструктура).

Интересно, что созданию киданьской государственности предшествовали «беспорядки» (обострение разного рода противоречий, как этнополитических, так и социальных) на киданьской и китайской территориях, которые происходили одновременно, но кочевники «навели порядок» на полсотни лет раньше. Елюй Апоки оказался «поставлен Небом» раньше, он и взял на себя потом задачу помогать Югу.

Киданьские войны были разными по масштабам и всегда преследовали определенные цели. Здесь видны экономические интересы, в том числе и захват добычи, но в этом плане кидани не были исключением среди евразийских народов. Они, как и охота, были формой тренировки. Это важно для скотовода, может быть, еще больше, чем для земледельца. Однако и оседлые феодалы этим занимались. Среди «семи рыцарских добродетелей» европейских рыцарей значились и стояли на первом месте умение ездить верхом, владеть копьем, фехтовать, плавать, охотиться. Этому учили их с младых ногтей. Средневековые феодалы прекрасно три процесса, идущие в человеке – физическое, интеллектуальное развитие. Олицетворением духовное последнего была способность управлять феодом. Одна была особенно важна, но основа ее формировалась именно в военнофизическом воспитании. Если оседлый феодал часто был защищен стенами и другими укреплениями, то кочевой феодал большую часть своей жизни проводил на природе, где неизбежны были столкновения со зверями и другими людьми.

В этом плане процесс образования империи не только совпал с периодом турбулентности в регионе, но он же станет довольно мощным стимулом к передвижениям различных племен и в итоге их существенной конвергенции, ибо именно кидани фактически первыми предложили идею единства всех народов и племен в промежуточной зоне между Китаем и исламскими территориями.

Это не удалось сделать в период Ляо и Цзинь, но на рубеже XII-XIII вв. она, пусть и в особых условиях и специфическими средствами была реализована. Стоит подчеркнуть, что кидани выдвигали ее, основываясь не на политических основаниях и в противовес Китаю, а на факторе самобытности культуры этих народов, во многом принципиально отличающейся от китайской культуры. Если китайцы свою культуру, особенно ханьский ее вариант, старались сделать ядром всей восточноазиатской культуры, и основания для этого, разумеется, были, то кидани, прежде всего, в начале своей династийной истории говорили о некоем всеединстве народов этого «мира», о важности вклада каждого из народов. Здесь, вероятно, стоит увидеть проявление кочевой ментальности. Мысль об иерархии народов и культур не могла возникнуть в мозгу кочевника. Кочевники никогда не ставили свое общество и свою культуру выше других, они просто любили их больше других. Они одинаково не уважали и того, кто заносится выше других, и того, кто унижается перед другими. Жить с достоинством должен как высокородный хан, так и простой воин-пастух.

Вместе с тем, разумеется, с появлением феномена кочевой складывается цивилизационная ситуация. новая Киданьская империя естественным образом получает возможности трансформироваться в новое тело цивилизации, а киданьский народ в ее этническое ядро. До конца этот процесс не сможет реализоваться, ибо роль ханьской культуры и цивилизации в те времена оставалась решающей. Максимум, что могло дать и дало «возвышение» киданей это изменение цивилизационного статуса «варварской» зоны «фань». Бицефализм, т. е. существование двух общецивилизационных центров, не мог сложиться. Однако, времени, наблюдается явственный рост статусности «Севера» и объединения его культур. Этому способствовали как войны Ляо (уничтожение Бохая как своего рода культурного сепаратизма), так и два объединения этой зоны – чжурчжэнями и монголами.

На территории динамичных народов невозможны цивилизации типа классических земледельческих (мало земель, пригодных для земледелия, много степей, гор и лесов), поэтому они развиваются сразу несколькими путями. Усиливается внутренняя борьба и создаются разного размера этнические конгломераты. Это и огромные по размеру, но достаточно рыхлые — кельты на территории Европы и хунну в Восточной

Азии. Однако в целом этническая структура динамичных народов носит «кустовый» характер. Создаются союзы племен из кельтов, германцев, славян, тюркских и монголоязычных осколков. Они трудно перерастают в региональные системы, не могут связать жизнь с четко определенным будущую пространством, ориентированы фактически лишь на оборону или нападение. Довольно часто они распадаются, и из мелких пазлов формируются другие конфигурации. Они пытаются вторгаться на территорию оседлых государств: германцы на территорию Средиземноморья, тюрки – Византии, хунны и их потомки – Китая. Какие-то из них проходят огромные расстояния, прежде чем попытаются создать государства — гунны, готы. Создаются синтезные государства – кочевые империи (Ляо, Цзинь). С оседлыми государствами выстраиваются непростые отношения – интенсивный межкультурный диалог, пограничные столкновения. номады исчезают полностью (хунну, чжурчжэни), какие-то становятся частью средневековых этносов (франки постепенно эволюционируют во французов и немцев). Номады или их потомки ощущают свое принципиальное отличие от оседлых народов и, пытаясь работать с общецивилизационной парадигмой, идут все же своим путем. Перспективное развитие региона, где они располагаются, уже полностью определяется ими. Так появляются европейские средневековые империи (Каролинская, Священная Римская), кочевые империи Восточной Азии (Ляо, Цзинь, Юань). Хунну значительно повлияли на прекращение роста древнекитайской государственности, которая «прячется» за Стену. Все последующие китайские династии (Суй, Тан, Сун, Мин) лишь обороняют и отстаивают свою территорию.

Здесь важны также два момента.

Во-первых, складывается синкретическая имперская культура, которая достаточно энергично и широко распространяется во все стороны. С неизбежной фильтрацией, но ее, однако, принимают в тех или иных аспектах многие племена. На востоке, после крушения бохайского государства, вал киданьской культуры докатится до корейских земель.

Второй аспект связан с усилением этнополитических миграционных процессов. За IX-XI вв. произошло несколько серьезных передвижений.

Кроме си на запад уходили разные племена. Часть ушла, спасаясь от киданьской экспедиции 924–925 гг. О том, что западные районы Монголии изрядно опустели, свидетельствует

предложение Елюй Даши уйгурам: «В прошлом мой великий предок император Тай-цзу во время северного военного похода направил письмо в Ганьчжоу с императорским манифестом к вашему предку У-му-чжу, в котором говорилось: «Думаете ли вы о своей прежней родине? Мы тогда вернем ее вам. Если вы сможете вернуться, тогда возьмем эти земли себе». Ваш предок выразил благодарность и сообщил, что они перенесли государство в нынешние места более десяти поколений тому назад. Армия и народ все спокойно живут и потому не станут возвращаться».

Действительно, после разгрома кыргызами уйгурского каганата в IX в., туда и по собственной инициативе устремлялись племена даже из Восточной Маньчжурии. Они часто шли полосой между сибирскими лесами и степью и в их хозяйстве долго сохранялись самые различные сферы, от скотоводства до лесной охоты. Например, монголоязычные племена ойратов и туматов в X в. появлялись в верховьях Енисея и Селенги. Даже при Чингисхане они продолжали считаться «лесными».

Даже отдельные «лишние» киданьские роды уходили далеко на запад. В начале 30-х гг. XI в куны «из земли Китай», спасаясь от киданьского правительства, прошли через всю Среднюю Азию. Под 1068 г. они упоминаются в венгерских хрониках как «черные» и «белые» куны. На пребывание их в половецкой степи указывают и русские летописи. В 1095 г. был убит половецкий князь Китан. Под 1103 г. упоминается целый род киданей — Китан-опа. Отражение имени кун видно в имени половецкого хана Кунуя.

Для киданей западные районы были малоинтересны, как я уже писал, в экономическом и политическом отношениях. Для контроля над ними «были созданы: западное управление главного воеводы-усмирителя, охрана из племени аовэй, управление военного инспектора на реке Люйцзюй, различные военные отряды для усмирения племен дадань, мэнгу, диле». «Был принят закон, воспитывающий людей отдаленных (владений): если одно племя отложится от подданства, то заставлять ближайшее к нему племя усмирять (его), и каждое (племя) заставлять взаимно следить за силой (других племен)».

Территория Монголии медленно наполнялась людьми, и это обстоятельство вместе с довольно жестким контролем со стороны Ляо обусловило фактическое отсутствие здесь существенного этнополитического брожения. Здесь, можно сказать, абсолютно доминировало кочевое скотоводство, для которого были достаточны формы семейной или родовой организации. К тому же

кидани не видели большой опасности со стороны переселения туда отдельных племенных групп с востока.

Эту практику до некоторой степени приняли потом чжурчжэни. Северо-западные и юго-западные губернии Ляо были превращены в 1127 г. в верховные комиссариаты, которые стали высшей военной и гражданской властью на местах. Их возглавляли кидани. Они помогали чжурчжэням проводить «политику покорения Севера».

В итоге можно говорить о довольно широком процессе конвергенции различных племен на территории к северу от Китая, начавшемся при киданях и продолжившемся при чжурчжэнях и монголах. Так был резко стимулирован сложный процесс формирования монгольской общности.

Если чжурчжэни лишь сохраняли основные механизмы и формы начавшейся при киданях интеграции, то монголы сделали, во многом именно на киданьской основе, дальнейший шаг вперед. Кидани контролировали, направляли и регулировали монгольские регионы, чжурчжэни, на самом деле, лишь оборонялись от них. В результате они стали предоставлены самим себе и в них начались усобицы, в которых победителем оказался Чингисхан. Единственным выходом из «клетки», в которой оказались племена, была внешняя экспансия. Отдельные кочевые правители, к которым, похоже, принадлежали Джамуха, Ван-хан, Теб-Тенгри, пытались отстаивать аристократическую модель, но она уже мало кому казалась оптимальной. К тому же монгольские племена уже испытали на себе влияние имперской киданьской парадигмы, и идея личной власти сказывалась и на поведении противников Чингисхана. Аристократическая модель уходила, хотя и идея строительства имперского государства в какой-то мере была скомпрометирована во время существования чжурчжэньской империи. Региональная кочевая империя типа киданьской или чжурчжэньской уже не могла быть создана и будущее оказалось за новой уникальной моделью. Монголы совершили своеобразный «прыжок» через идею императора к статусу универсального хана, хана всех людей.

Своеобразной предтечей Чингисхана был Елюй Даши, который хотел объединить воедино тогдашний тюркомонгольский мир. Он великолепно соединил титулы киданьского императора, гурхана монгольских племен и вождя тюрков. Однако Чингисхан предложил совершенно новый подход и фактически изобрел новый титул.

Чингисхан нанес одновременно мощный информационный удар по киданьской имперской идее в целом и своеобразным планам западных киданей, начиная от Елюй Даши и вплоть до Кучлука создать на территории Центральной Азии некий центр тюрко-монгольского мира. Давно надо понять, что это был не только, а, может быть, и не столько гениальный полководец, сколько человек, обладавший редким даром цивилизационного мышления и видения. Несколько последовательно реализуемых им идей имели в этом плане принципиальное значение. Специфику своего времени и особенности положения в тюркском и монгольском мирах он гениально отразил в формуле «у нас враги от рассвета до заката». Это объединяло людей, и главным здесь был этими врагами, перед стремление страх а самобытность кочевой независимость и всей удивительно, что этой ситуации далеко на задний план уходили идея «гурхана» как первого среди равных, координатора и «отца тюрок» как хранителя вековечной степной мудрости и традиции. Здесь был нужен военный вождь, который способен не только отбить натиск извне, но и уничтожить врагов полностью. Успешный боевой опыт Темуджина и идея «Чингисхана» давали ему необходимый кредит доверия, хотя, само собой разумеется, под огромнейший процент. Он должен был решить задачу спасения своего мира любой ценой. И он нашел средство решения этой задачи, ведь «Чингисхан» мыслился не как предводитель всех монголов, а как верховный вождь всех людей. Никаких монголов не хватило бы на развернувшиеся сразу же завоевания «от рассвета до заката», но эту идею, пусть и не сразу перенимали уйгуры, а потом и все тюрки, кроме разве что самых западных на Ближнем Востоке. На какое-то время ее приняли даже китайцы, пусть и не самые близкие родственники кочевников, но люди, живущие во многом близкими цивилизационными ценностями. Там, где разъединяла экономика, противопоставляя скотоводов оседлым, соединяли ментально-религиозные скрепы многовековая И история.

Все эти идеи по существу играли ту же самую роль объединения и трансляции культуры, что и призывы к распространению Слова Божьего и джихаду. Монголия, а не Си Ляо или Китай, Цзинь или Хорезм, стала «святой землей» и центром стремительно возникающего на пустом, казалось бы, месте нового «мира». Потенции, и не только военные, у него были очевидны, и судьба казалась вполне перспективной.

Это, попутно не могу не заметить, пример, и не из частых, гениального совпадения воли народа и воли человека, многовековой работы кочевой элиты и открывшихся невиданных доселе возможностей общеевразийской бифуркации.

Нужно было стремительно решать проблемы и завершать киданями дело. V киданей была возможность, отгородившись укреплениями и своей силой от Китая, блокировав его, медленно развивать строительство. За двести лет своего имперского состояния они фактически возвели фундамент будущего здания единой общности, чжурчжэни возвели стены и создали окончательно ту зону, которая сейчас именуется «Монголией». Для понимания этой ситуации можно привести пример из истории средневековой Европы. Первой «христианской» Римской империей считается Каролингская, которая создала основу средневековой имперской традиции, выдвинула парадигму с основными идеями, базовую общеевропейской империей стала Оттоновская. В Восточной Азии самую большую до монголов территорию объединили чжурчжэни, но основы этого успеха заложили именно кидани. Чингис-хан же катастрофообразно объединил почти весь тюрко-монгольский мир.

5. Кидани создали первую монгольскую кочевую империю, которая станет впоследствии образцом для государственных образований в этой зоне — чжурчженьского, монгольского, маньчжурского. Киданьская элита создает один их самых совершенных этатических механизмов в Евразии, стоящий в одном ряду с крупнейшими империями средневековья.

Кидани были первым кочевым народом, который создал не временный союз племен, а государство. Если вспомнить, что франки, основавшие свои государства, в начале их истории насчитывали по разным оценкам от 80 до 120 тыс. человек, а все население Галлии около 16,5 млн человек, то кидани, составлявшие более одной пятой части населения, имели гораздо большее право считать государство своим по названию, нежели франки.

Империя сначала была скорее всего экстраординарным проектом, но потом стала жить своей жизнью.

Благодаря киданьской элите, которая интуитивно строила государство, начала разрабатываться идея государственности. Исчерпывающее изложение ее дать сложно из-за специфики подачи этой информации в источниках, однако вполне репрезентативный обзор возможен.

Одним из основополагающих понятий ее был «народ». Для киданей это был не просто нарост (на-род), а источник государственности на земле. Он — этнополитическое сообщество, стратифицированное, с горизонтальной гентильной организацией и включает племена, роды, большие отцовские семьи, которые достаточно автономны и имеют своих глав, знамена, отряды.

Об идее государственности у киданей свидетельствует ее богоданность, сакральность, признание народа ее носителем, допущение элементов федерализма, отсутствие четкого размежевания функций и сфер власти, категорическое требование законности и справедливости.

Конечно, многое из этого существовало и в ментальной культуре, но гораздо четче прописывается и используется более широко в период существования государства.

Можно говорить, что благодаря киданям в монголоязычной зоне впервые происходит появление феномена развитой политической власти. Властные отношения не новость для кочевников. У хунну была идея шаньюя как некоего «великого князя», шахиншаха, стоявшего над максимально свободными сообществами. Такую же примерно роль играл средневековый император Священной Римской империи, который выходил из курфюрстов и стоял над ними. Возможно, так же понимался и «гурхан», идею которого использовали Елюй Даши, Джамуха, Тимур. Региональным правителем в Степи был каган.

Ляоский правитель — это новое для всей Азии. Здесь объявлялось, что новое государство представляет интересы всех племен, а в зоне проживали не только монголы, но и тюрки, тунгусо-маньчжуры, китайцы. Хотя прямо не говорилось об этом, но потенциально эта империя могла бы быть объединением всех, живущих «от рассвета до заката». Впоследствии эту идею гениально использует Чингисхан.

Однако киданьский император отличается не только от «северных» правителей, но и от южных. На юге была более сложная социальная и экономическая ситуация, дисперсность социальных слоев, развитые ремесла, земледелие, торговля. Неудивительно, что здесь особую роль играла социальная элита. На севере экономика регулировалась веками сложившимися механизмами, и какой-либо хаос здесь был редок. Проблемными были оборона и участие в торговых связях с другими странами. Здесь существовала необходимость в формировании политической элиты и Ляо стала первой гигантской ее школой. Особо следует

подчеркнуть, что специфика социальных, экономических и этнических проблем обусловила необходимость их решения с помощью не завоеваний, а регулирования. В условиях политической нестабильности в регионе, одним из последствий чего и стал распад империи Тан, необходимо было обезопасить его от этой турбулентности, организовав эффективную и целостную оборону. Военные операции Апоки, а в какой-то степени и его преемника Дэгуана, можно назвать, используя современную терминологию, антитеррористическими операциями, превентивдействиями, военными наказанием нарушение договоренностей и т. п. Естественно, что прямым последствием их стало и установление прочного господства в регионе киданей, но так или иначе это было в интересах всех северных племен. Ни разу в своей истории кидани не ставили задачу захвата чужой земли.

Империю Ляо (907-1125)онжом считать этатического развития восточноазиатских кочевников. По территории и степени внешнеполитической активности она уступала Монгольской империи, а в чем-то и империи Хунну, однако, если главным в имперской конструкции считать не «захватническую деятельность», а переформатирование этнополитического пространства и регулирование социокультурных и макроэкономических процессов внутри государства, поскольку империя не просто форма государства, а своеобразный механизм формирования цивилизации и сопротивления военному культурному апогей цивилизационного натиску извне, государства, то кочевая цивилизация на Востоке Азии вышла на этот уровень именно к рубежу тысячелетий. Строго говоря, киданьская «идея», если так можно выразиться, и сводилась к строительству самобытного государства, а не завоеваниям земель соседей. В ее политике четко виден принципиальный отказ от внешнеполитической экспансии и акцент на мироустроении, что и привело, как в случаях с другими классическими империями (Римская, Каролингская, Священная Римская), к перманентной слабости.

Сама модель империи подразумевает такое государство, для которого важнее внутренние, а не внешние проблемы. Таковы все западные (Рим, Византия, Каролингская и Священная Римская) и все восточные (китайские) империи. Они располагаются на обширной территории и осуществляют ее переформатирование.

Если мы посмотрим всю военную историю Ляо, то, кроме набегов, которыми не меньше занимались и китайские оседлые

государства, увидим войны, связанные с оформлением единого политического пространства и защитой его рубежей. Под ударами киданей оказались опасные для существования только возникшего государства бохайцы и поддерживавшие их корейцы. Для демонстрации силы были предприняты походы в Западную Монголию и в сибирские районы. Основная военная активность киданей связана с противостоянием Сунской империи, защитой своих южных регионов, населенных «китаизированными» («хань эр»), и строительством пограничных укреплений. Это даже позволяло почти всем исследователям истории Ляо говорить о постепенном выветривании боевого духа киданей, что и сказалось самым катастрофичным образом в момент выступления сокрушивших их чжурчжэней.

Здесь были своя социальная ситуация и своя экономика, которые отличались от соседских и нужно было создавать самобытные социальные программы и проводить специфические экономические преобразования, на помощь соседей рассчитывать почти не приходилось.

Резко повышалась роль этатической конструкции. Только «государство», а не «племя» или даже «ханство» могли решать стоящие перед обществом проблемы. Авторитет империи Ляо был очень велик в Степи.

Через всю историю любого государственного образования кочевников красной нитью проходит задача укрепления и мирного развития этнополитической структуры. Задача сокрушения и завоевания соседей или, тем более, отдаленных стран не значится вовсе. Даже Чингисхан, призывавший к тому, что силу монголов знали все народы «от заката солнца и до восхода его», по сути, озабочен лишь тем, чтобы его родину оставили в покое.

Если выстроить иерархию приоритетов кочевой цивилизации, то военная составляющая находится в ней далеко не на первых местах, уступая пальму первенства хозяйственным, социальным и педагогическим сферам. Не случайно в образе кочевого героя-богатыря на первом месте стоит защита справедливости, покровительство обиженным и угнетенным.

В Ляо встретились три варианта развития (кочевой, ханьскосунский, киданьский) и их синтез оказался настолько самобытным, что повторить его смогли и то не в полной мере лишь чжурчжени и монголы. Особо, думается, надо подчеркнуть, что киданьский элемент не есть всего лишь разновидность кочевого, а есть все основания рассматривать его в качестве самостоятельного цивилизационного сформировавшегося потока, предшествующие семьсот лет. Три полноводных «реки» (кочевая, киданьская, китайская) впадали в озеро «Ляо», а из него вышла лишь одна «река», которая через чжурчженьскую империю докатилась до монгольского океана, в котором и растворилась. Кидани, единственные из всего конгломерата постхуннуских племен, не только сохранились этнополитически, но и сумели создать собственную уникальную и высокую культуру, если не цивилизацию, даже которую, увы, надо потерянной.

В то же время стоит отметить, что киданьская модель — апогей цивилизационного конструирования кочевников, ибо они фактически использовали и исчерпали все средства строительства синкретического мира. Далеко не случайно чжурчжени и монголы во многом копировали киданьскую модель.

Зародившееся при киданях представление об особой роли в истории региона кочевников и их культуры, несмотря на некоторые естественные преувеличения, в наши дни совершенно без видимой связи с киданями широко идет по Монголии и Сибири.

История киданей — это подъем на плато кочевой истории. При Цзинь начинается спуск, ибо уже нечего было строить, и чжурчжени лишь скопировали Ляоскую модель, и это работало еще сотню лет. Потом возникла дилемма: либо Юг приходит в северные земли, либо Север подчиняет юг. У Южной Сун достаточных для колонизации сил не было, но монголы, пытаясь сначала решить свои внутренние проблемы с помощью территориальной экспансии, предприняли веерную атаку на всю Азию.

Если бы не мятеж чжурчженей, кидани теоретически могли еще сотню лет иметь свою государственность, но потом все равно бы ушли. Их вариант — апогей сочетания потенций оседлого Юга и кочевого Севера.

Образование киданьской империи в X в. удивительных процессов в восточноазиатской истории, который вывел социально-политическую эволюцию кочевых народов на наивысший уровень. Именно киданями была классическая кочевая империя. При складывании новой державы шло и активное сканирование и различных иноземных вариантов конфуцианского, TOM числе культуры, идеи империи, заимствование китайской титулатуры. Отсюда яркими особенностями киданьской культуры является ее синкретичность, сложность и уникальность.

Киданьское государство стало «узлом», связавшим векторы активности Юга и Севера Восточной Азии. Эта зона стала своеобразным треугольником встречи разных цивилизационных интересов. Из Китая сюда шли технологии, капитал, квалифицированные специалисты, достаточно развитые коммерческая и материальная структуры. Маньчжуро-корейский регион был заинтересован в бесперебойном функционировании «окна» в Китай, ориентировался в той или иной степени на китайскую торговлю, культуру, надеялся на военную помощь со стороны региональных структур (киданей, китайцев, бохайцев). Кидани «предлагали» метарегиону земельные массивы, неосвоенные неквалифицированную рабочую территории, нуждались в общении с Китаем и даже во многом ориентировались на него.

«Квадрат» закрывался не и превращался не самостоятельную геополитическую и макроэкономическую зону во многом из-за того, что мешала Западная Монголия, тяготевшая к кочевым районам и Сибири. Это одна из причин того, что зона «цидань» не стала ни «Ганзой», активно занимавшейся торговым посредничеством, ни «санкт-петербургским окном» на запад, а осталась «островом», своеобразной «луной» Китая. Она стала эксклавом одновременно и Китая, и кочевников, хотя связи с Китаем очень долго для нее значили больше, чем связи с кочевым миром. Кидани ушли от этноцентрической концепции, но «не сформировать новую «мироустроительную» нальную концепцию, между тем «южные земли оказались отрезанными от северных».

Сопротивление кочевой культуры было почти сломлено, и она «ограничилась» северными и западными районами, но формирование городской экономики на юге приводило к усилению городского населения, прежде всего китайского. Психология этих людей опиралась не только на китайскую культуру, но и на прагматизм и рационализм.

После освоения киданями этой территории на нее стали претендовать не столько южные или западные соседи, сколько восточные. Китай был оттеснен далеко на юг, западные племена по сути проводили политику самоизоляции, что и стало одной из причин стремительно идущего процесса становления государственности и привело к появлению государства Чингисхана. Именно

он и замкнет этот квадрат, связав между собой «четыре стороны света».

В истории киданьского правящего класса модно выделить два периода. В додинастийный происходило формирование знати и аристократии. Основание династии стало революцией, свершившейся неизбежно в условиях, когда стали возникать метарегиональные проблемы, которая аристократия не могла решать в принципе. Это могла сделать только элита. На базе «династийного рода» как своего рода семейной корпорации создавалось нечто вроде «семейной фирмы», «цеха» (universitas). Именно поэтому правители везде ставят своих родственников, которые, по сути, специализируются именно на управлении, осуществлении власти, солидарны со своим родом, отделяются от остальных родов даже ментальностью, обречены на отчужденность и параллельное существование со всем народом, а в случае кризиса или гибели государства стихийно или сознательно уничтожаются.

Ляо была *первым* сложным кочевым государством в монгольской зоне и в ней первой произошло renovatio imperii sinicorum. Так же Каролингская империя, хотя и уступала по масштабам Оттоновской, стала классической не римской и христианской империей.

Империя Ляо — цивилизационно-культурный феномен. Она уникальная, как любая другая империя.

Из триады общественных процессов (экономические, политические, культурные) у кочевников на первом месте находились политические. Именно поэтому государства у кочевников возникают в экстраординарных случаях. И у земледельцев переход к государству после «падения» Западной Римской империи занял несколько столетий и во многом потому, что территория «христианского мира» оказалась зажата между Атлантическим океаном и «бурлящим» Востоком.

В особых ситуациях кочевники создают оборонительные или наступательные союзы, которые оседлые авторы и именуют «государствами». Проект «Ляо» и стал таким же экстраординарным мероприятием, только он перерос границы обычной ситуации. Сложное положение у скотоводов к северу от Китая сохранялось несколько столетий и на всем протяжении этого периода и существовали три великих кочевых империи — Ляо, Цзинь и Юань.

Рост значения власти правителя в данном случае стоит объяснять не присущей якобы кочевникам авторитарной власти,

это миф, а сложной этносоциальной ситуацией, когда к этническим проблемным отношениям, как это и бывает в переходные периоды, добавляются конфликтные социальные, выпивающиеся в противоречия. Это как в средневековой, так и исследовательской литературе получило наименование «разложение строя».

Внешнеполитическая активность киданей минимальна. Хотя они эпизодически устанавливают контакты даже с Кореей и Японией, общение идет фактически лишь с «ближним зарубежьем». Это можно объяснить молодостью киданьского «мира» и тем, что он находится еще только на стадии своего первоначального строительства.

Существование империи Ляо китайцам было выгодно не столько с экономической точки зрения, хотя и здесь были свои военно-политической. Наступало время резоны, сколько с серьезных трений между мирами, которые стремились расшириться за счет друг друга. Чтобы «Север» снова не двинулся на «Юг», против него нужно было воздвигнуть своего рода «плотину», которой и стало киданьское государство. Так поступали все империи, которые стремились поддержать приграничные государства, создав своего рода санитарный кордон против непредсказуемого иного мира, почему и пользовались поддержкой «сильных мира сего» Боспор или Парфия, Русь или Болгарское царство. А для кочевников и полукочевников Севера и Запада Ляо было неплохим заслоном от Китая. Именно так оценивали в свое время кара-китайскую державу некоторые мусульманские авторы.

Одной из особенностей киданьской ментальности все китайские, а потом и мусульманские, авторы отмечают их непокорность и неуживчивость. Думается, что это одна из важнейших предпосылок трансформации этой этнической группы в народ-элиту. Как неугомонные франки²⁶ долго не могли ужиться со своими соседями и в конце концов потеснили их, так и кидани всячески дорожили свое независимостью и отстаивали ее. Если другие роды и даже племена часто перемешивались, то кидани в лучшем случае лишь «покорялись».

Источники подчеркивают, что они сами выбрали себе в качестве самоназвания слово «цидань». Не китайцы и не другие кочевники их так назвали. Они могли бы принять чужое имя,

²⁶Слово «франки» латинского происхождения и означало «ушедшие со своего места», «свободные» от постоянства.

войти в состав чужого этноса, но поступили именно так и тем самым противопоставили себя всем. Не выбрали себе и имя своего тогдашнего вождя, человека явно незаурядного. Даже имя Апоки, основателя империи, не стало нарицательным.

«Цидань», если использовать современную терминологию, стало своеобразным стартапом, этно-национальным проектом на века вперед. В чем-то похожие проекты можно усмотреть в истории еще и «цидань» неплохо смотрится в одном ряду с «США», «Элладой», «Римом», «евреями».

«Обучение» искусству управления киданей началось задолго до образования государства. Кидани – одно из тех кочевых племен, представители которого гораздо чаще, чем члены других племен, получали различного рода титулы от китайцев. Это объяснялось тем, что у них по дикости их никогда не было своих званий и должностей, однако, дарование какого-либо титула, а начинали китайцы с незначительных, было обусловлено определенными заслугами человека управления и в деле установления добрососедских отношений с окружающими племенами и народами. Просто так китайцы не могли давать титула, это бы привело к дискредитации самой системы должностей. Нашлось бы много недовольных тем, что варвар получил тот или иной титул ни за что. Здесь о недовольных ничего не говорится, как не было недовольных и среди «варваров». Титул был своего рода «дипломом об образовании» и, видимо, ценился в кочевой среде, где увеличивалась потребность в менеджерах более высокого уровня, чем родовая знать.

Здесь неизбежен спор со средневековыми китайскими историками, которые сделали все, чтобы доказать, что империя Ляо находилась под определяющим влиянием китайской культуры. Примером тому служит отбор материала в «Ляо ши», когда вполне осознанно выбирались, прежде всего, те факты, которые подтверждали эту оценку. Е Лунли, с другой стороны, вроде несколько более объективен, ибо попытался создать историю типичного «варварского» государства и более объективно подошел к проблеме китайского влияния. Однако, с его точки зрения, кидани создали свое государство лишь в условиях слабости Китая и с одной фактически целью — заниматься вымогательствами и грабежами. Других факторов, внутренних или внешних, он не видит. В этом плане этого южносунского чиновника можно признать одной из предтеч современной идеи бандитизма кочевников.

6. Кидани первыми обозначили государственность как перспективную цель развития всех монголов. Они начали государствообразующий процесс в собственно монгольской зоне, который с перерывами и трагедиями идет до сих пор.

Конечно, идею «кочевой империи» не надо понимать, как отклонение от нормы, в отрицательном или положительном смысле. Это и не особая формация, а лишь вариант развития, как «приток», своя и большая река, которая впадает в восточноазиатский кочевой «Байкал».

процессе многовековой трансформации трайбалистского общества в потестарное именно киданьская элита базовый сценарий, основанный предложила ее относительно отрефлексированных идей. Базовым стал принцип не военно-политической экспансии, а строительства государства. Это было возможно только при сплочении племен в более однородное общество и именно кидани, по сути, первыми из монголоязычных племен предложили и обосновали идею единого народа. Термин «цидань» фактически стал неким символом тех, кто принимал эти идеи, о чем свидетельствует то, что кидани увеличивались численно не только за счет естественного прироста, присоединения различных этнических европейское христианство когда-то росло за счет присоединения тех, кто «уверовал в Христа», так и киданьский конгломерат пополнялся теми, кто поверил в силу и перспективность бродячего этноса.

Очень скоро у киданей сформировалось представление об исключительности своей культуры, которое впоследствии было выражено Апоки утверждением о том, что киданьское не хуже китайского. Вера в высоту и самобытность своей культуры есть один из признаков рождающейся цивилизации. «Свое» кидани развивали и совершенствовали постоянно, будь то язык, тенгриизм, буддизм, однако и всегда пытались сопрягать его с «мировым», не столько китайским, сколько восточноазиатским в целом и общекочевым. Это во многом и повлияло на то, что киданьскую государственность и культуру трудно было спутать с чем-то иным, хотя эта оригинальность не всем была по душе. «Свое» кидани помещали в числитель некоей цивилизационной дроби, и именно оно определяло значение этой «дроби», а не «мировое» в знаменателе.

Подъем культуры в киданьском государстве, безусловно, способствовал изменению отношения к кочевникам в целом, их реабилитации. Если учесть то, что в киданьском обществе таилась возможность его трансформации в более сложное и увеличения удельного веса оседлого сектора, можно видеть и явственную перспективность его долгосрочного существования и развития. Такая возможность есть всегда в классических империях, и она находит своеобразное отражение в известной формуле Ф. Энгельса «римская империя могла существовать бесконечно долго».

Как уже говорилось, есть некоторый парадокс в отношении к киданям их современников и потомков. Сам факт образования кочевниками государства сначала привел соседей в замешательство, а потом и в серьезный шок. Он усилился и перерос в неприязнь и страх после того, как под контролем киданей оказались китайские земледельческие районы. Это стало еще одним доказательством того, что начался совершенно новый этап во взаимоотношениях Севера и Юга, варваров и империи. Естественно, что все прежние многочисленные обвинения северян переросли в утверждение, что они окончательно стали бандитами и вымогателями. Такое представление даже сегодня кажется для большинства людей аксиоматичными.

Понятно, что подобные идеи возникают не на пустом месте. «Север» действительно двинулся на «Юг», но происходило это во всей Евразии. В III-VIII вв. в Западной Европе образуется ряд германских «варварских королевств», славяне начинают проникать в пределы Византии, на рубеже I-II тыс. н. э. тюрки прорвали северную границу Халифата и устремились на юг.

Эти события везде стали завершением периода формирования евразийских цивилизаций. Начиная с III в. кризисные явления наблюдаются на всем континенте и они привели к серьезным политическим изменениям. В активную фазу перешел процесс Великого Переселения Народов, и в сочетании с внутренними факторами это привело к падению Западной Римской империи, трансформации Восточной Римской империи в Византийскую империю, возникновению Арабского халифата, ликвидации Ханьской империи. В Европе возникают средневековые империи Каролингов и Оттонов (Священная Римская империя), а в Восточной Азии две феноменальных имперских конструкций Сун и Ляо, оседлых и кочевых народов. В этом процессе проявляются две составляющих — переформатирование прежнего этнополитического пространства как снятие прежних этатических конструкций и оформление новых. Это стало и началом нового этапа в развитии кочевой цивилизации: тюрки создают свой мир, появляется феномен восточноазиатской кочевой империи.

Если Сунская империя строилась на продолжении тех восточноазиатских традиций, которые были синтезированы ее предшественницами империи Суй и Тан, то Ляо брала восточноазиатские цивилизационные идеи более широко, активно привлекая опыт кочевой цивилизации.

Даже после гибели Ляо отношение кочевых племен к киданьским императорам, особенно к Апоки, было уважительным. Они гордились тем, что это государство было создано кочевниками.

Можно говорить, что благодаря киданям в монголоязычной зоне впервые происходит появление феномена развитой политической власти. Властные отношения не новость для кочевников. У хунну была идея шаньюя как некоего «великого князя», шахиншаха, стоявшего над максимально свободными сообществами. Такую же примерно роль играл средневековый император Священной Римской империи, который выходил из курфюрстов и стоял над ними. Возможно, так же понимался и «гурхан», идею которого использовали Елюй Даши, Джамуха, Тимур. Региональным правителем в Степи был каган.

Ляоский правитель — это новое для всей Азии. Здесь объявлялось, что новое государство представляет интересы всех племен, а в зоне проживали не только монголы, но и тюрки, тунгусоманьчжуры, китайцы. Хотя прямо не говорилось об этом, но потенциально эта империя могла бы быть объединением всех, живущих «от рассвета до заката». Впоследствии эту идею гениально использует Чингисхан.

Однако киданьский император отличается не только от «северных» правителей, но и от южных. На юге была более сложная социальная и экономическая ситуация, дисперсность социальных слоев, развитые ремесла, земледелие, торговля. Неудивительно, что здесь особую роль играла социальная элита. На севере экономика регулировалась веками сложившимися механизмами, и какой-либо хаос здесь был редок. Проблемными были оборона и участие в торговых связях с другими странами. Здесь существовала необходимость в формировании политической элиты и Ляо стала первой гигантской ее школой. Особо следует подчеркнуть, что специфика социальных, экономических и этнических проблем обусловила необходимость их решения с помощью не завоеваний, а регулирования. В условиях политической нестабильности в регионе, одним из последствий чего и стал распад империи Тан, необходимо было обезопасить его от этой турбулентности, организовав эффектив-

ную и целостную оборону. Военные операции Апоки, а в какой-то степени и его преемника Дэгуана, можно назвать, используя современную терминологию, антитеррористическими операциями, превентивными военными действиями, наказанием за нарушение договоренностей и т. п. Естественно, что прямым последствием их стало и установление прочного господства в регионе киданей, но так или иначе это было в интересах всех северных племен. Ни разу в своей истории кидани не ставили задачу захвата чужой земли.

7. Кидани создали в монголоязычной зоне первую централизованную макроэкономическую систему, которая стала одним из важнейших центров всей Восточной Азии.

Кочевников часто читают через информацию, которая более обширна и доступна, а таковой она становится в основном *после* монгольских походов, когда, например, действительно многие племена, в том числе и кидани, и кара-китаи, вернулись к скотоводству. До монголов, как пишут современники, если их внимательно читать, их экономика была более сложной.

Благодаря осознанной и целенаправленной деятельности киданьской элиты происходит крупнейший экономический подъем в Восточной Азии домонгольского времени.

Феодализм нигде и никогда не был локальным или региональным. Можно не называть его формацией и искать только в Европе, но если это слово оставить за этапом развития всего человечества, когда на первый план выходит земля (аграрная цивилизация), то воспринимать это надо как универсальный, общечеловеческий строй.

В Восточной Азии существует крайне индивидуальная и уникальная цивилизационная ситуация.

Если в Европе при «феодализме» господствовало земледелие, то здесь, особенно на север от Китая, не меньшее значение имело и скотоводство. Пожалуй, нигде больше на планете не было подобного места. После турбулентного периода монгольских завоеваний скотоводство и кочевая культура не исчезли, а сложно, пусть и катастрофообразно трансформировались в часть сложносоставной экономики II тыс. н. э.

8. Кидани первыми проводили сознательную макроэкономическую политику и создали эффективные стартовые возможности для развития в будущем самодостаточной монгольской экономики.

Практически бесспорным является представление о том, что плановая экономика появляется только в XX в. Как правило, она оценивается негативно. Экономика же во все предыдущие столетия

априорно представляется стихийной. Исключение делается лишь для крупных государств (Рим, Византия, Китай), но и там экономическая политика будто бы нестабильна и зависит от разного рода факторов (политические неурядицы, межгосударственные столкновения, стихийные бедствия и т. д.). В этом плане процессы седентаризации и номадизации считаются вообще поддающимися никакому контролю исключительно от тех возможностей или препон, которые идут от увлажнение Происходит Степи природы. распространяется скотоводство, усыхание приводит к кризисам в нем. Соответственно, кочевники ослабляют или усиливают свой натиск на земледельческие районы и города. Конечно, все это действительно имеет место, но вряд ли стоит преувеличивать масштабы этих процессов и упрощать их последствия. Подобные факторы влияли на экономику и крестьянских хозяйств, однако там предвидели их или умело ликвидировали их последствия. Почему надо отказывать кочевникам в осознанной экономической политике?

любая Разумеется, экономика, связанная регулируется с помощью выработанных веками приемов и рецептов, и можно говорить, в сравнении с более поздней и, тем более, современной эпохой лишь об элементах планирования и, правило, стратегии. В плане Это не командномобилизационная система периода социализма. абсолютной стихийности не может существовать в экономике цивилизаций, как и в культурно-идеологической сфере. А наличие имперской структуры прямо требует осознанного отношения ко всем сферам жизни.

Поскольку непосредственным производством занимаются сами скотоводы и представители знати, сложными остаются вопросы регулирования экономических процессов и планирования. На региональном уровне этим успешно занимаются аристократы. Однако одной из специфик скотоводческого хозяйства является необходимость существования и использования обширного пространства, включающего в себя ряд регионов, и это означает, что вопросами метарегиональной (общегосударственной) экономики должны заниматься особые слои общества, т. е. элита. Подобного рода деятельность априори подразумевает разработку особой политики. Элита не только решает возникшие проблемы, но и должна заниматься экономическим прогнозированием, только краткосрочных, выработкой не но

долгосрочных экономических проектов, увязывать их с политическими процессами внутри страны и за их пределами.

Кидани, создав империю, вектор экономической активности направили уже на юг, но не было еще возможности участвовать в экономических процессах в качестве равноправной стороны. К тому же они практически перекрыли китайцам пути на север и запад. Это требовало от китайцев новой экономической политики. Кидани «помогали» им своими военными действиями и дипломатическими акциями. Так же поступали русские, когда «прибивали щиты ко вратам Цареграда». Васко да Гама в период Великих Географических Открытий прославился бомбардировкой индийского Каликута. Крестовые походы был помимо всего прочего отчаянной попыткой восточные рынки для Европы.

В экономической политике киданей можно выделить два вектора. Поскольку основой экономики Ляо было скотоводство, то ее элита пошла на вертикальную интеграцию. Постепенно предпринимается ряд мер, в соответствии с которыми под централизованный контроль правительства так или иначе попадают максимальное количество производственных процессов. Становится возможным оперативно решать и проблемы взаимоотношений различных родов и племен. Можно сказать, что таким образом кидани стали меньше зависеть от произвола тогдашнего рынка. В этом плане можно подумать о том, что традиционные вассально-ленные отношения помимо прочего есть и проявление этой вертикальной интеграции, средство поставить под контроль склонные к хаотичности экономические процессы.

В меньшей степени они могли влиять на экономические взаимоотношения империи с окружающими странами, но и здесь можно увидеть осознанность поведения элиты, которая стремилась к экономической и культурной, а не территориальной экспансии, насколько это позволяли ресурсы государства и интересы кочевого сектора, хотя, разумеется, учитывались и экономические процессы на юге страны. Налицо сознательная политика экономической экспансии, которая, понятно, не могла сравниться с соответствующей политикой Китая, Западного Ся и Кореи. Экономическую погоду в восточноазиатском регионе все же определяли земледельческо-торговые государства. Кидани только выходили скотоводческого океана силу из И периферийного положения по отношению к двум экономическим зонам могли создать лишь маргинальное общество.

Господство скотоводства в центре государства в определенной степени способствовало стабильности государства и его экономики. В империи Цзинь удельный вес земледелия и связанной с ним экономики был больше, и это вызывало серьезные трения между двумя экономическими сферами.

Благодаря осознанной и целенаправленной деятельности киданьской элиты происходит крупнейший экономический подъем в Восточной Азии домонгольского времени.

- 9. Кидани создали первую в зоне милитаристскую систему, включавшую первую в ее истории имперскую армию, состоявшую из государственных отрядов и аристократических и племенных соединений, военно-стратегическую концепцию, эффективную оборонительно-наступательную доктрину, систему физического, интеллектуального и духовного воспитания воинов. Это был первый кочевой народ, который создал постоянную армию как своеобразный трансформер: основу составляли регулярные отряды, к которым присоединялись войска племен и отряды родов.
- 10. Государственная и военная машины Ляо, важная геополитическая и макроэкономическая роль этой империи стали важнейшим фактором стабильности во всей Восточной Азии и обусловили достаточно мирное ее развитие на протяжении двухсот лет.

Именно деятельность элиты сыграла ключевую роль в превращении киданьского государства в крупнейшую международную силу Евразии.

11. Кидани первыми синтезировали монголоязычную культуру того времени и этот синтез стал фундаментом будущей общемонгольской культуры. Он был осуществлен на базе киданьско-монгольской ментальности и восточноазиатской культуры в целом.

Это был первый кочевой народ, который предложил своего рода футурологический подход к своей культуре и стал не просто «следовать заветам предкам», т. е. традициям, но и строить новое государство. Сочетание традиций, основанных на ментальной культуре (фань как степные традиции), с искусственной идеологией имперского государства родом из Хань (гу вэнь), разумеется, было не простым, но перспективность этого подхода возможна даже сейчас.

Кидани на практике показали, что возможно образование государства с привлечением ментальной культуры, а не только на основе ханьской традиции. Таким образом был придан мощный

стимул для формирования представления об исторической перспективности кочевой культуры, которая, как показывает более поздняя история, может быть применена не только в скотоводческом обществе, но и в современном, где представлена более сложная экономика и которое находится под сильным влиянием мировой культуры.

Культурная история кочевников до сих пор изучалась лишь с точки зрения восприятия ими достижений оседлых народов. Аксиомой считается, что кочевники бескультурны, разве что в рамках кочевых империй возможен более или менее значительный культурный синтез. Между тем, можно говорить, как минимум, о двух различных культурных процессах — невидимом и видимом. Невидимый (естественно, невидимый текстами, т. е. не нашедший отражение в текстах) шел до момента образования государства, когда, собственно, складываются все необходимые компоненты культуры. Видимый осуществляется в рамках государств, практически, лишь крупных, когда происходит «проявление» этноса, т. е. он начинает играть более заметную роль в истории региона и это находит отражение в политике и текстах. Поскольку новое государство еще не создало собственной культуры и занималось оформлением своей территории, то все интересы соседей сосредоточились на фиксации войн, политической эволюции, хозяйства. Это кстати тоже работало на представление, что кидани пришли к власти обманным и насильственным путем.

Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, — один из редких в истории Восточной Азии практически чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на основе ментальной культуры. Киданьская культура в некотором смысле не просто выражение специфики истории этноса, это и реакция много выстрадавшего народа, попытка выстроить свое государство, используя те идеи, которые связаны с народной ментальностью. Именно эта культура длиной фактически в тысячелетие выступила в качестве той основы, которую нужно было не только сохранить, но и увязать с восточноазиатской парадигмой в целом.

Можно видеть несомненные исторические этапы развития киданьского мировосприятия и мироконструирования. Периода исходного формирования не было, ибо комплекс «цидань» создан был искусственно на базе осколков различных родов, а те в свою очередь тоже появились раньше. В результате можно говорить об общекочевом субстрате, который оказался в форсмажорной

ситуации. Если тюркские племена могли от натиска соседей уйти на Запад и захватить чужие земли, то киданям уходить было некуда, и они вынуждены были строить своего рода оборонительный лагерь (в итоге в форме империи).

Необходимо отметить, что варварский азиатский мир в лице киданей на базе своей собственной ментальности мировой религии не создал. Есть лишь общее представление о Небе «от восхода до заката», которое присуще и монголам, и тюркам, в том числе и современному тюрко-монгольскому миру. Оно и позволяет существовать, не создавая какие-то очень сложные варианты, типа конфуцианства или христианства. Однако кидани мастерски мировую религию буддизм, сочетали ее с своей ментальной культурой и тем самым повлияли на закладывание основ современного синкретизма.

Ментальное из истории уходит медленнее. Сначала умирает государство Ляо, но какое-то время продолжает существовать «народ китаев» (китаи и кара-китаи). Постепенно и этот высыхающий ручеек вольется в тюрко-монгольский океан.

Этноментальная конструкция «кидань» («цидань») стала этнической основой будущего монгольского этноса. Это было, по сути, первое крупное средневековое собирание монгольских родов и племен в единое сообщество и именно киданьскую ментальность можно рассматривать как первое проявление общемонгольской ментальности (протооснова). Киданьская картина истории, возможно, стала первоосновой для восприятия монголами своего единства и их самоопределения по отношению к другим народам (тюрки, китайцы, тунгусы). Создание искусственного по многим параметрам «киданьского языка» и выработка киданьской письменности сыграло не меньшую роль в развитии культуры региона, чем изобретение славянской письменности солунскими братьями Кириллом и Мефодием. Именно киданьская письменность послужила лингвистической основой для формации конгломерата монгольских диалектов в монгольский язык. Огромнейшая роль киданей в распространении буддизма в Восточной Азии давно признана как их современниками, так и потомками. Киданьский буддизм стал формой второй волны проникновения южноазиатской мировой религии в Восточную Азию. Третья, более обширная, будет связана с объединением этой цивилизационной зоны Чингисханом.

Киданьская культура перед возникновением империи активно синтезирует свое и чужое, предпочитая свое и помещая его

в числитель культурной дроби. Она не может поступать иначе. Если будет предпочитаться чужое, то культура начнет исчезать. В европейской цивилизации чужое как общее будет располагаться в числителе, но оно образовалось в прежние века на всем субконтиненте как «античное». Даже здесь этот процесс носит противоречивый характер. «Северное Возрождение» вначале активно осваивает греко-римскую античность, но вскоре начинает его проблемно коррелировать со своей «древностью» периода Великого Переселения народов.

У киданей не было «золотого века» типа Великого Переселения народов. Их «зачатие» состоялось в период разгрома и постепенного распыления конгломератов хунну и дунху. Неудивительно, что в числителе у них ментальная культура. В результате получается любопытная ситуация, если сравнивать ее с культурными процессами в оседлых районах. Например, в Европе в числителе культурной дроби помещается идеология (христианство как горнее), «античность» (профанное знание как дольнее) в знаменателе. У киданей дробь выглядит парадоксально: ментальная культура, связанная с тенгрианством / культура метарегиона, которая берется чаще всего в кочевой интерпретации и избирательно.

Любая евразийская империя есть итоговая форма развития региональной ментальности, однако у кочевников ее специфика в том, что морфологически она представляет собой совокупность государств, а не областей, как это было в римской державе или китайских империях. Ханьцы ломали этносы и на их месте создавали губернии. Для варваров (фань) роды важнее. Поскольку китайцы создали имперскую конструкцию раньше, то считалось, что все последующие народы, в том числе, разумеется, и кидани, «извращали» ее. На самом деле кидани, которые до поры до времени эту идею просто не понимали, к X в. «доросли» до нее. Она созрела внутри общества, логически стремившегося к созданию центрального государства. Варварам нужна своя «империя», но пока ее модель не была выработана, они «примеряли» чужую, как одежду, которую по необходимости подшивают, укорачивают и т. п. Кидани попытались скопировать китайскую модель, однако она не подошла их обществу, их же обвинили в постоянном ее извращении. В Ляо были свои задачи и проблемы, здесь нужна была родовая элита, а не «ученое сословие» (бюрократия). На юге больше социальных и экономических проблем, ибо там существовала сложносоставная экономическая и

социальная структура. На Севере аналогичные проблемы решаются родами и племенами, соответственно там более заметны и существенны проблемы политические, регулирование взаимодействия полусамостоятельных территорий, отсюда и большая значимость властной составляющей. Оседлые народы своего рода стайеры, которые должны и могут долго работать на одном месте, кочевники же — спринтеры, их хозяйственная и политическая жизнь более динамична и стремительна.

Ментально-идейное противостояние внутри империи основательно влияло и на положение в ней и даже на его судьбу. Эта дихотомия явственно делилась на проблемы «свое — чужое» и «естественное — искусственное». Свои духи вступали в конфликт с чужими мыслителями, в том числе с Конфуцием и Буддой. Они распространялись сверху, хотя и несколько стихийно: киданьская элита тоже не считала их своими, относилась к ним прагматически и скептически. Тенгиизм же был распространен широко еще и потому, что был общим для всей племенной Восточной и отчасти Центральной Азии.

Два потока, снизу и сверху, в общем текли независимо. Тенгриизм в этом плане можно уподобить широкой реке, а идеологию — ручью. Элита в рамках «киданьского ренессанса» делала попытки соединить их, однако этот в значительной степени искусственный процесс шел сложно и противоречиво.

- 12. Эпоха Ляо стала первой монгольской «древностью» (античностью) в истории зоны. Предмонгольский и монгольский периоды стали сейчас своего рода «античностью» для Севера Восточной Азии и Сибири. По своему значению она уступает лишь Монгольской империи, но в отличие от нее она предлагала, как покажет история, более перспективный вариант интенсивного, а не экстенсивного развития.
- 13. Кидан разработали первую в истории зоны общерегиональную программу культурного развития, которая позволила им по ряду параметров сравняться в культурном отношении с Китаем, создать то, что «не хуже китайского» (Елюй Апоки и др.).

Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, — один из редких в истории Восточной Азии практически чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на основе ментальной культуры. Киданьская культура в некотором смысле не просто выражение специфики истории этноса, это и реакция много выстрадавшего народа, попытка выстроить свое государство, используя те идеи, которые связаны с народной

ментальностью. Именно эта культура длиной фактически в тысячелетие выступила в качестве той основы, которую нужно было не только сохранить, но и увязать с восточноазиатской парадигмой в целом.

Можно видеть несомненные исторические этапы развития киданьского мировосприятия и мироконструирования. Периода исходного формирования не было, ибо комплекс «цидань» создан был искусственно на базе осколков различных родов, а те в свою очередь тоже появились раньше. В результате можно говорить об общекочевом субстрате, который оказался в форсмажорной ситуации. Если тюркские племена могли от натиска соседей уйти на Запад и захватить чужие земли, то киданям уходить было некуда, и они вынуждены были строить своего рода оборонительный лагерь (в итоге в форме империи).

Естественно, что в этой ситуации особую роль играет ментальность. В империи существовала не только полиэтничность и мультикультурность, но и неизбежная по этой причине какофония ментальностей. Кидани и родственные им роды все больше отдалялись от общей массы восточноазиатских скотоводов и воспринимали мир по-своему, в то же время не принимая алгоритмы миропонимания южных соседей. Тунгусо-маньчжурский восток готовился выйти на историческую сцену, чтобы создать свою модель империи.

Киданьская ментальность значительно эволюционировала на протяжении множества столетий, но не успевала до конца выработать собственную цивилизационную идеологию, хотя и значительно опередила кочевую аристократию, ориентировавшуюся на модель ханства. Это и предопределило в итоге то, что кидани смогли реально и эффективно контролировать лишь свой собственный домен. Однако выработанная ими социокультурная модель оказалась живучей и к ее опыту восточноазиатские народы обращались впоследствии неоднократно.

Киданьская культура перед возникновением империи активно синтезирует свое и чужое, предпочитая свое и помещая его в числитель культурной дроби. Она не может поступать иначе. Если будет предпочитаться чужое, то культура начнет исчезать. В европейской цивилизации чужое как общее будет располагаться в числителе, но оно образовалось в прежние века на всем субконтиненте как «античное». Даже здесь этот процесс носит противоречивый характер. «Северное Возрождение» вначале активно осваивает греко-римскую античность, но вскоре начинает

его проблемно коррелировать со своей «древностью» периода Великого Переселения народов.

Необходимо отметить, что варварский азиатский мир в лице киданей на базе своей собственной ментальности мировой религии не создал. Есть лишь общее представление о Небе «от восхода до заката», которое присуще и монголам, и тюркам, в том числе и современному тюрко-монгольскому миру. Оно и позволяет существовать, не создавая какие-то очень сложные варианты, типа конфуцианства или христианства.

Ментальное из истории уходит медленнее. Сначала умирает государство Ляо, но какое-то время продолжает существовать «народ китаев» (китаи и кара-китаи). Постепенно и этот высыхающий ручеек вольется в тюрко-монгольский океан.

Этноментальная конструкция «кидань» («цидань») стала этнической основой будущего монгольского этноса. Это было, по сути, первое крупное средневековое собирание монгольских родов и племен в единое сообщество. Именно киданьскую ментальность можно рассматривать как первое проявление общемонгольской ментальности (протооснова). Киданьская картина истории, возможно, стала первоосновой для восприятия монголами своего единства и их самоопределения по отношению к другим народам (тюрки, китайцы, тунгусы). Создание искусственного по многим параметрам «киданьского языка» и выработка киданьской письменности сыграло не меньшую роль в развитии культуры региона, чем изобретение славянской письменности солунскими братьями Кириллом и Мефодием. Именно киданьская письменность послужила лингвистической основой для трансформации конгломерата монгольских диалектов в монгольский язык. Огромнейшая роль киданей в распространении буддизма в Восточной Азии давно признана как их современниками, так и потомками. Киданьский буддизм стал формой второй волны проникновения южноазиатской мировой религии в Восточную Азию. Третья, более обширная, будет связана с объединением этой цивилизационной зоны Чингисханом.

Кидани предложили своего рода футурологический подход к своей культуре и стали не просто «следовать заветам предкам», т. е. традициям, но и строить новое государство. Сочетание традиций, основанных на ментальной культуре (фань как степные традиции), с искусственной идеологией имперского государства родом из Хань (гу вэнь), разумеется, было не простым, но перспективность этого подхода возможна даже сейчас.

Они доказали, что возможно образование государства с привлечением ментальной культуры, а не только на основе ханьской традиции. Таким образом был придан мощный стимул для формирования представления об исторической перспективности кочевой культуры, которая, как показывает более поздняя история, может быть применена не только в скотоводческом обществе, но и современном, где представлена более сложная экономика и которое находится под сильным влиянием мировой культуры.

Очень скоро у киданей сформировалось представление об исключительности своей культуры, которое впоследствии было выражено Апоки утверждением о том, что киданьское не хуже китайского. Вера в высоту и самобытность своей культуры есть один из признаков рождающейся цивилизации. «Свое» кидани развивали и совершенствовали постоянно, будь то язык, тенгриизм, буддизм, однако и всегда пытались сопрягать его с «мировым», не столько китайским, сколько восточноазиатским в целом и общекочевым. Это во многом и повлияло на то, что киданьскую государственность и культуру трудно было спутать с чем-то иным, хотя эта оригинальность не всем была по душе. «Свое» кидани помещали в числитель некоей цивилизационной дроби и именно оно определяло значение этой «дроби», а не «мировое» в знаменателе.

Подъем культуры в киданьском государстве, безусловно, способствовал изменению отношения к кочевникам в целом, их реабилитации. Если учесть то, что в киданьском обществе таилась возможность его трансформации в более сложное и увеличения удельного веса оседлого сектора, можно видеть и явственную перспективность его долгосрочного существования и развития. Такая возможность есть всегда в классических империях, и она находит своеобразное отражение в известной формуле Ф. Энгельса «римская империя могла существовать бесконечно долго».

Если Сунская империя строилась на продолжении тех восточноазиатских традиций, которые были синтезированы ее предшественницами империя Суй и Тан, то Ляо брала восточноазиатские цивилизационные идеи более широко, активно привлекая опыт кочевой цивилизации.

Кидани действительно были уникальным народом, который по-своему осмыслил свое происхождение, приобрел особый статус и играл особую роль в регионе. Им всегда нужно было доказывать свою «избранность», что позволяло им всегда держать себя в тонусе. Обратной стороной этого станет медленно рождающееся

высокомерие киданей по отношению к своим подданным и другим народам. Кидани стали претендовать на превосходство своей культуры над другими. Апоки прямо заявил, что киданьское «не китайского». Тем самым наносился информационный удар по идеям Чжунго и Тянься. удивительно, что кидани стали проводить служебную культурную политику, по сути, направленную на смену синоцентризма на киданецентризм. Уже в танской культуре, например, в стихах Ду фу, виден четкий антикиданизм. В культуре и политике династии Сун дихотомия Север – Юг выходит на первый план. Это продлится до XX в., когда начнется борьба с Японией, потом с русскими как «северными варварами», в последнее время, похоже, со всем остальным миром, прежде всего с США, хотя это и принимает характер не противостояния, а соревнования.

14. Именно в империи Ляо произошло первое универсальное Возрождение, своей уникальностью, универсализмом и эффективностью не уступавшее другим евразийским Ренессансам.

Формируется и развивается своя литература, династийная история, свои географические представления, свое понимание буддизма. Все это осуществляется в рамках своего рода «киданьского ренессанса», который с этой точки зрения можно формирования механизм рассматривать как цивилизационной парадигмы. Конечно, эта парадигма еще несовершенна, узка, связана в основном только с киданями, однако, надо учитывать, что кидани в это время уже не племя, а довольно крупный племенной союз, объединение, которое с самого начала поставило перед собой, может быть, еще и не очень осознанно, очень перспективную задачу – возглавить зону «цидань» в соответствии с правилами жизни всего метарегиона. Невольно напрашивается параллель восточными славянами, принимавшими христианство и одновременно понимавшими его по-своему.

Простой народ охотно поддерживал близкий кочевому менталитету буддизм и, поскольку конфессиональные проблемы имели большое значение в культурной политике правительства, киданьский ренессанс из служебного, проводящегося «сверху», стал превращаться в общенародный.

15. Кидани создали первую собственномонгольскую письменность на основе адаптации китайских иероглифов к разговорному языку империи. Киданьский язык изначально формируется, прежде всего, как конкретно киданьский, а не общемонгольский, но, как выяснили исследователи, в нем очень много монгольских

элементов, которые, безусловно, уже преобладали. Естественно, что он формируется с активным участием китайского как языка метарегиона, образца для подражания. Аналогичная ситуация наблюдалась в средневековом славянском мире во время реформы Солунских, создавших письменность для живого славянского языка. братьев Кирилла и Мефодия.

Изобрести язык можно только тогда, когда язык вышел из диалекта и стал самостоятельным языком, универсальным, «дорос» до терминов. Киданьский язык «дорос» до китайских аналогов, а это высокий уровень разноплановой лексики и терминологии. Кидани лишь «упростили» его, т. е. трансформировали в связи со спецификой своей культуры. Киданьский язык как язык «региона» быстро становится любознательным, т. е. впитывает диалекты, и уже у них стали учиться племена.

В итоге это первый кочевой народ, который создал свою письменность, в основе которой, по сути, лежал искусственный подход. Этот искусственный язык включал самую разнообразную живую лексику, не только из монгольских диалектов, но и тюркских, тунгусо-маньчжурских. Киданьский язык считается одним из старомонгольских языков.

- 16. Именно в империи Ляо появились первые памятники письменной монгольской литературы (исторические тексты, поэзия).
- 17. В империи Ляо были созданы первые в Монголии памятники монументальной архитектуры (пагоды, мавзолеи, дворцы, храмы).
- 18. В империи Ляо впервые стали широко создаваться живописные произведения (фрески, картины).
- 19. Кидани разработали оригинальную историософию, которая стала одним из идейных истоков монгольского видения истории.

У киданей была историография, т. е. описание пропедшей жизни, а не историософия, т. е. философия истории. Роль философии истории играла ментальная культура. Это и обусловило то, что историю родов и племен знают даже простые кочевники. Только элита предложила иное понимание истории — на основе идеи империи и изучения государственности. Именно у них, по сути, впервые ставится проблема сознательного искусственного изменения своей истории. Стало гораздо сложнее отвечать на вопрос «куда идти?», ибо теперь надо было учитывать не только влияние традиций или этнополитические процессы, но и социальные проблемы. Роль государства надо будет понимать уже в контексте макроистории, а не с точки зрения истории региона.

- 20. В киданьской культуре и практике явственно виден акцент на идеях мирного сосуществования различных народов и равных прав для них в истории.
- 21. Кидани первыми из монголоязычных народов были признаны Китаем как лидером восточноазиатского мира в качестве народа, создавшего полноправную империю и культуру.
- 22. Киданьская культура стала неотъемлемой частью культуры Восточной Азии и Сибири и важной страницей ее истории. Это первый кочевой народ, который стал своеобразным мостом между Сибирью и Восточной Азией.
- 23. Исчезновение киданьского государства и этноса было не следствием их вырождения и деградации, а обусловилось целым рядом метарегиональных факторов.

Существует расхожее представление о том, что кидани начали терять силу с середины XI в. из-за роста частного землевладения, уменьшения количества государственных крестьян и налогов. Участились восстания крестьян, процветали конокрадство, коррупция. Уменьшался боевой опыт армии.

Видимо, искать ответ на вопрос о причинах их исчезновения только в перипетиях предмонгольского периода, думается, мало. Разумеется, роль чжурчженей в сокрушении киданьской империи несомненна, но, похоже, их удар стал всего лишь так называемой последней соломинкой. Здесь видится более широкий комплекс факторов.

Прежде всего, стоит указать на такой общеисторический фактор, как уход экономики, связанной с землей. Особенно заметен кризис земледельческого общества в Европе, а азиатские кочевники в первой половине II тыс. н. э. столкнулись с катастрофической нехваткой земли и системным кризисом кочевой экономики. Все земли, пригодные для традиционной экономики, были освоены. В Европе начинается процесс активного сокращения классов крестьян и феодалов. На Востоке, в том числе в Восточной Азии, он развернется на несколько сот лет позже. Европейцы активно изводили леса и осущали болота, а кочевники усилили натиск на соседей на юге. В обоих обществах росли социальные и политические противоречия и конфликты, внутренние междоусобицы. В такой ситуации возможны были только два варианта решения. Европейцы и кочевники, которых кризис коснулся больше всего, прибегли сначала к традиционному способу – насилию. Внутренние конфликты не в состоянии были решить проблему в принципе, поэтому они усиливают натиск на соседей (Реконкиста, Крестовые походы, drang nach Osten, Однако, Чингисхана). европейцы если одновременно разрабатывают проект «капитализм», выходя на глобальный уровень посредством Великих Географических Открытий и строя новую экономику на основе идей рынка, экономической экспансии и научно-технического прогресса, то кочевники не могут иметь таких возможностей и ограничиваются натиском. Чжурчжени сменяют киданей, им на смену идут монголы. Тюрки строят новый vстремленного виде копья, тюркский мир наконечником которого становится Османская империя. Однако, окончательным итогом противостояния кочевого и оседлого миров станет фактическое вытеснение кочевников за несколько столетий (к XVI-XVII вв.) в своеобразные резервации – отдельные районы Центральной Азии и Среднего Востока.

Своеобразной формой решения назревших вопросов станет проводимая рядом стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония, Вьетнам) политика самоизоляции. Это была одновременно и реакция на появление европейцев. Сформировавшийся в Китае маньчжурский мир не мог стимулировать урбанистический вариант развития, поэтому новая элита постаралась законсервировать сложившиеся социально-экономические отношения и максимально использовать внутренние ресурсы. Маньчжуры смогли проводить такую политику до середины XIX в., после чего началась череда разного рода реформ, политических и социальных катастроф (восстание тайпинов, Синхайская революция, реформы преобразования, гоминдановские Юань Шикая, Маньчжуры стали элитой китайского мира, но не родной ему, находящейся в проблемных и даже конфликтных отношениях с подвластным населением. Кочевая маньчжурская аристократия сыграть роль государственной элиты общества и жить по китайским стандартам. Примерно так же повели себя османы на территории поверженной Византийской империи.

В контексте этого процесса судьба киданей, равно как была предопределена. монголов, ижурчженей цивилизация уходила и на своем уходе создала ряд грандиозных этатических конструкций – кочевые империи киданей, чжурчженей монголов. Любое государство, И созданное кочевниками, или квазигосударство, как именуют его некоторые исследователи, должно было рано или поздно исчезнуть. Это исчезновение, естественно, происходило в виде политической катастрофы, — либо завоевания, как это было с киданями и чжурчженями, либо общенародного восстания, как было в случае с монгольской империей Юань. Киданьская империя Ляо просуществовала 218 лет (907–1125), чжурчженьская империя Цзинь ровно в два раза меньше — 109 лет (1125–1234), монгольская, если считать с момента провозглашения, около сотни лет (1271–1368).

Именно в это время создается, по сути, образ киданьской империи как деспотической, милитаризованной и грабительской. Киданьская культура воспринималась как искажение китайской, ее варваризация. Красной нитью через «Историю киданьского государства» и «Историю династии Ляо» проходят две темы — агрессивная сущность варварского государства и опыт управления кочевниками. Вся остальная информация почти не получила доступа в эти тексты. Феноменально и то, что колоссальное наследие киданьской бюрократии в виде административных и юридических документов до нас не дошло. Исчезла куда-то и богатейшая киданьская литература, о существовании которой упоминали все соседи киданей.

Конец Ляо, как и любой другой империи, был предопределен также достижением такого уровня общего развития, когда начинает выравниваться уровень социального и экономического развития всех ее частей, и они из партнеров снова превращаются в соперников. Складывается местная элита, управляющая субрегионом как политическая, и она все меньше начинает нуждаться в поддержке со стороны метрополии. Ее выращивает сама имперская элита, ибо одних высших чиновников недостаточно, а эти люди лучше понимают местные проблемы. В условиях господства этнической системы, разумеется, отношения между этими частями снова начинают обостряться как межэтнические.

Вероятно, фактическое уничтожение киданьской культуры было не только результатом сознательного ее уничтожения, но и следствием ее непонимания как оседлыми, так и кочевыми народами. Ляо была все же достаточно уникальным историческим конструктом. Киданей не понимают еще и потому, что они, пожалуй, первыми из восточноазиатских племен в таком массовом масштабе оторвались от непосредственного производства и превратились в некий управленческий цех (universitas). В цивилизациях (Индия, Китай, средневековая Европа) воины были одной из частей общества. В Европе существовала трехчастное общество: одни трудились, другие за них молились, а третьи их оберегали. В Ляо

же происходило соединение политики, полиции, войны и уже хотя бы поэтому киданям просто некогда было только воевать.

В Восточной Азии классическая империя, с неизбежной спецификой, продолжала средневековой существовать киданьский «эксперимент» иначе как наглостью не могла считать. Именно в это время создается, по сути, образ киданьской империи деспотической, милитаризованной И грабительской. Киданьская культура воспринималась как искажение китайской, ее варваризация. Сунских правителей фактически интересовало лишь сосуществование в Ляо кочевого и оседлого обществ. Красной нитью через «Историю киданьского государства» и «Историю династии Ляо» проходят две темы — агрессивная сущность варварского государства и опыт управления кочевниками. Вся остальная информация почти не получила доступа в эти тексты. Феноменально и то, что колоссальное наследие киданьской бюрократии в виде административных и юридических документов до нас не дошло. Исчезла куда-то и богатейшая киданьская литература, о существовании которой упоминали все соседи киданей. Разошлась по соседним странам (Китай, Корея, Япония) лишь буддийская литература, в переписывании и распространении которой активно участвовали киданьские монахи.

Империи Ляо не грозил распад. История средневековых государств показывает, что широкий сепаратизм им не свойствен уже в силу того, что они были предельно децентрализованы и входящие в них отдельные территории часто управлялись по своим законам. Разумеется, беспокойные районы в киданьском государстве существовали (бохайские земли, территория обитания племени Си), но прочность государственной конструкции и продуманная национальная политика обеспечивали возможности стабильного и безбедного существования национальных районов. Существовали и эффективные механизмы борьбы с сепаратизмом. В этих условиях мятежи внутри государства преследовали лишь одну цель — пробиться к управлению государством.

К концу империи появились ослабляющие государство факторы. Одним из них стало и стремление к гедонизму и роскоши со стороны киданьской аристократии. Ее участие в военных действиях сокращалось. Империя была сильна, и соседи ее побаивались. Для мятежного чжурчжэньского лидера Агуды в свое время стала открытием слабость государства. Страна развивалась в целом по закрытому типу, иноземцы в ней появлялись не часто и их записки не случайно очень тщательно

изучались в Китае. Сами знатные кидани сравнительно редко уходили за рубеж, чаще всего после неудачных мятежей. Предметы роскоши поступали в страну бесперебойно за счет активной внешней торговли и получения дани и «подарков». К войне аристократия теряла интерес в силу кровопролитности средневековых войн. Имперская конструкция по определению снимает необходимость широкой военной экспансии, однако, требует сдерживать натиск со стороны соседей. Это были, как правило, локальные военные действия. Кидани все больше теряют боевой пыл и боевой опыт, по сути, совершенствуя лишь полицейские навыки.

В силу сказанного империя Ляо была обречена погибнуть целой. Китай мог раздробиться на «десять царств» и тем самым снять эту проблему за счет смены династии и оживления военных нужд и настроений. К тому же китайцев воодушевлял и сплачивал образ внешнего врага — киданей, захвативших шестнадцать китайских префектур. В танском и сунском ренессансах отчетливо видна антиварварская и антикиданьская в частности составляющая. Для Ляо такого фактора не было, она даже к концу империи не имела адекватных врагов, и опасность пришла со стороны почти незаметных восточных варваров. Разумеется, это тоже расхолаживало киданей.

Воистину трагическая судьба, если не казать, участь киданьского народа и его элиты еще рельефнее выявляется, если сравнить его историю с историей его далекого европейского антипода.

На востоке Азии и западе Европы существовали два народа, судьбы которых до определенного момента были почти одинаковы. Это франки, создавшие в VIII в. обширную «варварскую» Каролингскую империю, и кидани, основавшие одну из великих кочевых империй Ляо (Серебряную, 907–1124).

Оба народа известны с III в. н. э. и оба шли к своему звездному часу длинный ряд столетий. Франки и кидани были «варварами» в своих «мирах» и первыми из северных «иноземцев» создали имперские конструкции по образцу южных государств — Рима и Китая.

История обоих этих государств впервые удостоилась внимания со стороны имперских историографий. Китайские историки создали два крупных труда, посвященных киданям, — один об истории киданьского «государства» (Е Лун-ли «Циданьго чжи»), а второй стал одной из традиционных китайских

династийных историй («Ляо ши» — «История династии Ляо»). Этой чести до того времени не удостаивался ни один из «варварских» народов. Истории Каролингов посвящено много сочинений разного характера и калибра — от «Жизни Карла Великого» (Vita Caroli Magni) Эйнхарда до великого множества юридических документов. От киданей не дошло ни одного юридического или административного акта, зато подобные документы с избытком сохранились во французских и немецких монастырях.

Оба первоначальных этнических субстрата сложились в условиях сложно и противоречиво идущего процесса Великого Переселения Народов, один в виде самостоятельно действующего и мобильного союза племен²⁷, второй в форме вынужденного объединения родов, ради спасения связавших свою дальнейшую судьбу с территорией, контролируемой китайцами. Отсюда и наименование «цидань» — от иероглифов «ци» (договор) и «дань» (территория), т. е. фронтирная территория между кочевым и оседлым секторами. Кидани, приняв этот термин в качестве этнонима, продемонстрировали свое желание жить по условиям этого «договора».

Оба этих этноса большую часть своей жизни провели в состоянии безгосударственности, считались наиболее примитивными среди остальных «варваров» и создание ими своих государств воспринималось лишь как результат использования одной силы. Тем более парадоксальным кажется строительство ими модели, не уступающей оседлой империи. Повторюсь, китайцы стали воспринимать киданьскую империю одной из китайских классических, а Каролингская империя стала образцом для подражания как появившейся вскоре Священной Римской империи (962–1806), так и средневековых европейских монархий²⁸. Имя Карла Великого (Carolus) стало нарицательным, и благодаря польским правителям с X в. стало обозначать любого европейского монарха.

Ляо — первая «варварская» империя, которая была в итоге признана всем восточноазиатским миром. Каролингская империя стала образцом для подражания как появившейся вскоре

²⁷Слово «франк» латинского происхождения, переводится как «свободный», т. е. ушедший с постоянного места обитания. Такое название дали римляне, всегда внимательно следившие за передвижениями «варваров» и увидевшие в новом союзе и, главное, в его мобильности потенциальную опасность как для соседей, так и для самой империи.

 $^{^{28}}$ Имя Карла Великого (Carolus) стало нарицательным, и благодаря польским правителям с X в. стало обозначать любого европейского монарха.

Священной Римской империи (962–1806), так и средневековых европейских монархий. Renovatio imperii Romanorum Карлом Великим de facto было признано даже Византией, хотя и продолжавшей именовать себя ромейской империей. Обе империи считаются вариантами классической имперской модели.

Оба государства существовали сравнительно долго. Если начинать историю европейской державы с объединения всех меровингских владений при Пипине Геристальском (к 715 г.) и заканчивать временем последних Каролингов (до 987 г.), то каролингская конструкция и идея просуществовали почти три сотни лет. Столько же (от воцарения Апоки до прихода к власти Кучлука в Западном Ляо) просуществовали киданьские государства.

Оба народа создали самобытные и оригинальные культуры, отличающиеся от южных, оседлых, и, в то же время, северных, племенных. Особо следует подчеркнуть именно оригинальный, а не химерический их характер, хотя и создавались они первоначально синтетическим путем.

Населявшие империи роды, в том числе и элитарные, частично существуют до сих пор. Представители французской и немецкой знати часто подчеркивают свое происхождение от Каролингов. Роды «кытай», «ктай» и др. до сих пор заметны и даже значимы среди различных евразийских народов.

В государствах были созданы свои письменности. Основой для них послужили универсальные средневековые языки (латинский, китайский), однако они имели ряд принципиальных отличий и в пределах зон влияния достаточно успешно конкурировали с исходными. Впоследствии повлияли на становление и развитие других языков — французского и монгольского.

Итог же их истории оказался разным. Франки после раздела своей империи (843 г.) продолжили свое существование и во многом послужили основой для формирования будущих французов и немцев, а кидани за какое-то столетие с небольшим полностью исчезли из истории, оставив разве что некоторый след в наименовании отдельных родов (кытай, ктай и т. п.) и фамилии Елюй.

Естественно, что в этой ситуации особую роль играет ментальность. В империи существовала не только полиэтничность и мультикультурность, но и неизбежная по этой причине какофония ментальностей. Кидани и родственные им роды все

больше отдалялись от общей массы восточноазиатских скотоводов и воспринимали мир по-своему, в то же время не принимая алгоритмы миропонимания южных соседей. Тунгусо-маньчжурский восток готовился выйти на историческую сцену, чтобы создать свою модель империи.

Киданьская ментальность значительно эволюционировала на протяжении множества столетий, но не успевала до конца выработать собственную цивилизационную идеологию, хотя и значительно опередила кочевую аристократию, ориентировавшуюся на модель ханства. Это и предопределило в итоге то, что кидани смогли реально и эффективно контролировать лишь свой собственный домен. Однако выработанная ими социокультурная модель оказалась живучей и к ее опыту восточноазиатские народы обращались впоследствии неоднократно.

Киданьская культура не только забывалась, но и сознательно уничтожалась, франкская же максимально сохранялась, несмотря на активную ее критику со стороны итальянских гуманистов. Именно они сформулировали мысль о том, что Средние века — время господства варваров. Итальянский гуманизм имеет не только антиварварскую в целом, но и антифранкскую составляющую. Для Европы особая роль франков несомненна, ибо в этот период прежде всего они активно осваивали античную культуру и христианство.

Кидани шли по тому же пути, что и франки, заложившие основы для национальных культур французов и немцев. Последним не мешали ни чужеземные народы, ни чужеземные религии (христианство), хотя и были проблемные периоды в их взаимоотношениях (Каролингское и Оттоновское Возрождения, Реформация). Киданям же мешали другие народы (китайцы, чжурчжени). Путь развития невезучего киданьского народа был искусственно прерван. Возможно, они бы и сохранились в какой-то форме, но монгольский ураган полностью переформатировал Восточную Азию. Все же не кидани и не раннефеодальные монголы сохранились, а маньчжуры смогли стать своего рода протонацией, хотя и они потерпели сокрушительное поражение со стороны Китая (Синхайская революция 1911 г.).

Вероятно, фактическое уничтожение киданьской культуры было не только результатом сознательного ее уничтожения, но и следствием ее непонимания как оседлыми, так и кочевыми народами. Как и Каролингская империя, Ляо была все же достаточно уникальным историческим конструктом. Если франки

строили свою жизнь на основе практически исключительно южных цивилизационных компонентов романского империи, литература) (латинские язык, право, идея христианства, — то кидани смогли в большей мере задействовать свой собственный культурно-политический потенциал, а из кочевой и китайской культур путем фильтрации брали не столько готовое, сколько идеи. Если Каролингская империя строилась в основном за счет этих готовых южных «блоков», то в Ляо системообразующую роль играл киданьский опыт цивилизационного строительства. Так, роль конфуцианства в Ляо была несравненно более скромной, чем на юге. Из китайского языка они брали многие термины и слова, но вкладывали в них в большей содержание, предшествующий свое благо что за «догосударственный» период они уже создали свою собственную семантику. Это напоминает то, что славяне сделали по отношению к древнееврейским, древнегреческим и латинским терминам и «некитайскую» понятиям. Буддизм как религию сознательно поддерживали в своем обществе и тем самым способствовали его широкому проникновению в кочевую среду. Киданьский буддизм стал формой второй волны проникновения южноазиатской мировой религии в Восточную Азию. Третья, более обширная, будет связана с объединением этой цивилизационной зоны Чингисханом. Обязательно надо отметить и то, что кидани брали буддизм как «некитайскую» религию (выражение Апоки), хотя в Китае почти на всем протяжении средневековья широко были распространены представления о том, что он был создан эмигрировавшими в Индию даосами и потом вернулся назад с некоторыми индийскими нюансами. Это свидетельствует о том, что они не копировали его бездумно, а достаточно хорошо разбирались в его сути и истории.

Энергия франков и их потомков ушла в междоусобицы (файды), а кидани и чжурчжени боролись за модель, а не внутри нее. В Ляо не было классической раздробленности, аналогичной европейской, однако здесь также имела место смена элиты и династий. На Западе Меровингскую династию сменила тоже франкская династия из рода Пипинидов (рипуарские франки), Каролингов на территории Германии сменила Саксонская династия, тоже германская, но из другого региона. А Ляо была сменена чужеродной династией, с иной элитой, иными задачами и программой развития, ориентированной на самоизоляцию и своего рода паразитирование на киданьской модели.

Франки много воевали с соседями, создавая свое государство, и все больше увязали в файдах. В Восточной Азии, как это ни парадоксально, больших войн было немного, а социальные и политические конфликты успешно решались с помощью сохраняющих свое значение племенных традиций. Кидани теряли боевой опыт и осторожность, и заурядный мятеж чжурчженьского князька Агуды быстро перерос в крушение династии.

Рост социальных и политических противоречий в Европе привел в конечном итоге к вызреванию наций, в Азии же эффективная система межплеменного общения значительно сдерживала этот процесс. Если бы не общеевразийский кризис середины II тыс., племенной мир мог существовать, теоретически говоря, бесконечно долго.

В результате можно говорить, что франкская империя стала этапом в развитии общеевропейского общества, а киданьская стала одним из звеньев цепи кочевых восточноазиатских империй (Ляо, Цзинь, Юань). Это все же не был так называемый тупиковый вариант развития, связанный лишь с кочевым обществом. В Ляо встретились три варианта развития (кочевой, ханьско-сунский, киданьский) и их синтез оказался настолько самобытным, что повторить его смогли и то не в полной мере лишь чжурчжени и монголы. Особо, думается, надо подчеркнуть, что киданьский элемент не есть всего лишь разновидность кочевого, а есть все основания рассматривать его в качестве самостоятельного цивилизационного потока, сформировавшегося В Три полноводных «реки» вующие семьсот лет. киданьская, китайская) впадали в озеро «Ляо», а из него вышла лишь одна «река», которая через чжурчженьскую империю докатилась до монгольского океана, в котором и растворилась. Кидани, единственные из всего конгломерата постхуннуских племен, не только сохранились этнополитически, но и сумели создать собственную уникальную и высокую культуру, если не цивилизацию, которую, увы, сказать даже надо потерянной.

Мы видим формирование этноса, который на протяжении примерно пятисот лет опирается на идеи и рецепты кочевой цивилизации в целом и свои ментальные механизмы. «Цидань» как форма менталитета после возникновения империи способствует образованию имперской культуры, а феномен «Ляо», если учитывать и историю западнокиданьского государства, исправно функционировал еще около трехсот лет. Очевидно в этом случае,

что сначала формируются и развиваются социальнопсихологические механизмы и именно на их основе образуются необходимые идеологические компоненты.

В то же время стоит отметить, что киданьская модель — апогей цивилизационного конструирования кочевников, ибо они фактически использовали и исчерпали все средства строительства синкретического мира. Чжурчжэни лишь копировали их модель, и она какое-то время смогла просуществовать. Представители более оседлого тунгусо-маньчжурского мира лишь умело использовали киданьские рецепты. Однако долго эта ситуация уже не могла сохраняться. Монголы в Азии еще несколько сот лет господствовали, но потом стал складываться тюрко-монгольский мир, который и сейчас ориентируется, прежде всего, на народную культуру, что говорит о больших ее потенциях и эффективности и в современных условиях.

Как «недоразвитые» франки некогда создали самую мощную государственность в Галлии, которая существует до сих пор, так и эти народы создали уникальные варианты кочевых империй, смогли устроить свои «ураганы» и в конечном итоге придать мощный импульс для трансформации евразийского мира.

Потерпели в итоге поражение не сами кидани, а кочевой способ существования, ресурсы которого были исчерпаны, поэтому-то на чжурчжэньский и монгольский «эксперименты» ушло гораздо меньше времени.

Разными оказались и судьбы франкской и киданьской культур.

Франкская монархия воспринималась европейцами первой полностью христианской римской империей, а Карл Великий первым христианским римским императором. Его образ еще при легендарными полулегендарными свидетельствами его избранности и святости. Модель этого имиджа представлена уже в сочинении его друга и соратника Эйнхарда Vita Caroli Magni (Жизнь Карла Великого»). Это обстоятельство, а также накопленный государством огромный опыт управления социальными, политическими и идеологическими процессами очень необходимы были стремительно развивавшемуся христианскому миру. Античная империя, если не считать Византию, трансформировавшуюся восточно-римской ИЗ рабовладельческой в феодальную греко-славянскую державу, уже перестала существовать и физически не могла воспрепятствовать использованию римской идеи варварами.

Образование киданьской империи в X в. – один из удивительных процессов в восточноазиатской истории, который вывел социально-политическую эволюцию кочевых народов на наивысший уровень. При складывании новой державы шло и активное сканирование и различных иноземных конфуцианского, культуры, В TOM числе илеи империи, заимствование титулатуры. Отсюда китайской особенностями киданьской культуры является ее синкретичность, сложность и уникальность.

На судьбе и интерпретации киданьского феномена сказались и некоторые другие факторы.

Франки создавали свою империю на основе южной модели, которую во многом просто копировали («возрождение Рима», renovatio imperii Romanorum), кидани же, как это ни странно звучит, создавали оригинальную модель, формой которой было бэнь го («коренное государство»), что мы до сих пор переводим как Мы изучаем киданьскую историю с помощью «империя». исторических «источников», читаем династийные истории, одной из которых и стала «Ляо ши» («История династии Ляо»). Идея династийной истории скрыла подлинную сущность этого процесса. На это работало и исконное ханьское представление о том, что варвары способны только на копирование китайского опыта, как, впрочем, и все остальные народы. Можно даже рискнуть сказать о своеобразном историографическом подлоге, целью которого было сокрытие самобытности кочевого этатизма в целом и киданьского в частности.

Именно китайские средневековые историки «добили» киданьскую историю, пропустив ее через фильтр своей цивилизационной парадигмы. Не случайно, думается, киданям посвящены именно такие масштабные, и именно исторические сочинения — «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История династии Ляо»).

В этих текстах мы видим две концепции киданьской истории, которые сменяют одна другую. Сочинение Е Лунли «Цидань го чжи» (1180 г.) предназначалось для южносунского императора Сяоцзуна, который хотел иметь изложенную в последовательном порядке историю Ляо. Это сочинение своего рода знаковое. Среди многочисленных китайских исторических сочинений это первая, дошедшая до нашего времени самостоятельная работа, посвященная истории другого государства. До этого все

имеющиеся сведения о соседних народах давались китайскими авторами как приложения к отдельным династийным историям регионов. Южносунские историки уже не могли замалчивать тот факт, что кидани первыми из «варваров» стали на один уровень с китайцами, сменив привычную для дальневосточного мира вертикаль бицефальным устройством мира: Китай – Ляо. Доходило до того, что киданьские историки стремились доказать, что кидани сменили китайцев или другие народы (уйгуров, тангутов, тюрок) в роли «исторических народов» и отныне именно они являются организаторами и устроителями мира, созидателями культуры. Именно по этой причине исторические тексты киданей неспроста составляются вначале на собственном языке. Переход к китайскому языку во многом был обусловлен стремлением сделать свои концепции более известными. Е Лунли не мог не рассматривать киданей вне китайского контекста, но больше говорил об их опасности для своей страны. В этом плане он фактически не выходил за пределы того понимания киданей, которое уже существовало в прежних династийных историях и исторических текстах, где вся информация сводилась, по сути, к фиксации военной истории. Это своего рода расширенный вариант пассажей, посвященных киданям ранее.

«Ляо ши» – текст принципиально иной. В отличие от «Цидань го чжи» она делает упор не на политических или военных аспектах, а на внутренней жизни киданьского народа. Отказ от прежней традиции интерпретации можно объяснить, вероятно, и тем, что монголам понадобилось воспринимать Ляо, одного из своих предшественников, как более масштабное государственное образование и отнюдь не узурпаторское. Так впервые дальневосточная культура признала притязания киданьских правителей на императорский статус. Понадобился и киданьский опыт имперского строительства, а для его обобщения мог быть использован только жанр династийной истории. С другой стороны, «Ляо ши» не случайно посвящена в большей мере социально-экономическим аспектам киданьского анализу его имперской составляющей. Задачей авторов было максимально оторвать киданей от «варварского» общества и, поскольку уже невозможно было игнорировать величие их культуры и империи, а это, с их точки зрения, немыслимо без ханьской культуры, следовало сделать их частью цивилизационного пространства. Надо было сделать их не «чужими», а «своими». Для этого и был произведен тщательнейший анализ

имперской конструкции киданей и их культуры. Естественно, что это делалось с помощью не только китайских представлений, но и соответствующей терминологии. Много о государственном строительстве информация читается через южную модель, с помощью китайских Даже киданьские названий. транскрибировались китайскими иероглифами. Так, например, вместо имени основателя киданьского государства Апоки было запущено знаменитое Абаоцзи. Разумеется, военные аспекты истории остались и представление о бандитизме кочевников сохранилось в той или иной мере, однако в итоге действительно сложилась картина чуть ли не типичной китайской империи. Сделано это было высокопрофессионально.

Нужно учитывать и то, что «Ляо ши» и «Цидань го чжи» были написаны после разгрома киданьского государства в условиях тотального размывания прежнего этноса. К тому же написаны они были либо представителями бывшей киданьской элиты, либо китайцами как представителями иной этничной ментальности.

Мы во многом не можем правильно понять киданей и их культуру и потому еще, что считаем китайские тексты «источниками», а они — инструмент информационной атаки и необходимого искажения их истории. Кидани же в это время были уже «безмолвны» и не могли «возражать». Уже исчезла империя Ляо, и почти уничтожена была ее культура, некому было отбить это искажение.

Информационным подвергались атакам кидани протяжении всей своей многовековой истории, но тогда их больше просто обвиняли в военных преступлениях и называли варварами, это всегда легко было сделать по отношению к кочевникам. При возрождение династии Тан так называемое танское демонстрировало сильную антиварварскую проявившуюся, в частности, в стихах Ду Фу, отчетливый антикиданизм. Киданям тогда не прощали даже малейших беспорядков на границе и поддержку ими буддизма, с которым боролись Хань Юй, Лю Цзунъюань и другие конфуцианцы. Против кочевников в той или иной степени были направлены и другие средневековые китайские ренессансы, особенно сунский, где антикиданьская тенденция прямо заметна. При Сунской империи, до гибели Ляо, особой новизны в трактовке истории и культуры киданей по сравнению с танской эпохой не проявилось. Сунская династия продолжала использовать выработанный предыдущей династией алгоритм развития, в определенном смысле она, так сказать, вторична, хотя и кажется вполне самостоятельной. С киданями боролись военными и дипломатическими методами.

Бороться с такой трактовкой своей истории киданям было не так уж и сложно. Мощная не только в военном, но и в культурном отношении империя Ляо самим своим существованием и политикой наглядно демонстрировала цивилизованность своего существования. В империи были свои историки, которые смогли создать ряд трудов, методология которых была не хуже, чем у китайских. Киданьское государство играло важную роль в регулировании межгосударственных отношений в Восточной Азии, и все государства региона были заинтересованы в нормальных отношениях с ним. Даже Китай пошел на подписание знаменитого Шаньюаньского мира 1004 г., который фактически признавал особую значимость киданьского фактора.

После крушения империи Ляо начинается активная борьба с киданьским «началом» в восточноазиатской цивилизационной зоне. Были активно задействованы два метода — физическое уничтожение элементов киданьской модели и извращение ее истории. Оба метода использовались и чжурчженями. Они помогали уничтожать киданьскую культуру, из которой, как из каменоломни, брали только необходимое. В некотором смысле чжурчженьская империя Цзинь («Золотая») своеобразная копия Ляо, по крайней мере в начале своего существования.

Это видно и на примере трактовки чжурчженями названия империи. Иероглиф «ляо» традиционно переводится как «железный» и империя киданей как Железная. Эта традиция появилась, вероятно, в минскую эпоху, когда китайцы сбросили ненавистное монгольское иго и иначе стали «читать» историю взаимоотношений своего государства с северными варварами. Это прочтение основывалось не только на том, что слова «железо» и «железный» у многих монгольских племен было синонимом слов «сила» и «могучий», но имело и подтекст «железные оковы», «кандалы». Можно, вероятно, предположить, что мы имеем дело и с эволюцией термина, в ходе которой он менялся, теряя одни значения и приобретая другие, и вполне сознательным, предельно политизированным, его «прочтением» патриотически настроенными китайцами. Вполне возможно, что «железную» версию создал еще первый чжурчжэньский император Агуда, сказавший при

вступлении на престол: «Государство Ляо взяло для своего названия слово «железо», так как оно прочно. Однако, хотя железо и прочно, оно в конце концов изменяется и разрушается, не изменяется и не разрушается только золото» (Цзинь ши, цз. 2). Антикиданьский подтекст этого пассажа очевиден и фальсификация ситуации мятежным Агудой весьма вероятна.

Далеко не случайно чжурчжени и монголы во многом копировали киданьскую модель. В империи Чингисхана именно кидани возьмут на себя роль переводчиков в администрации и армии монголов. Ряд исследователей (Л. Лигети, Л. Л. Викторова) считают, что именно язык семиреченских киданей (кара-китаев) лег в основу литературного языка и письменности монголов XIII в. Именно западные кидани, по их мнению, впервые широко применили к монгольскому языку уйгурскую графику. Вассалы киданей найманы перенесли это письмо в монгольское государство. Есть предположение, что уйгурское письмо было Л. Л. Викторовой, киданям. По мнению известно переселение киданей на запад «могло оживить традиции малого письма», которое, по ее мнению, было основано на уйгурской графической основе.

постарались особенно по-новому трактовать киданьскую историю именно китайские авторы эпох Сун, и особенно Мин, хотя большая работа шла и при монгольской династии Юань. Как для китайцев, так и, в какой-то мере, для киданьская модель была опасна, ибо конкурировала с южной и создаваемой монголами. «Варваров» в этом регионе все еще было большинство и именно киданьская могла показаться им оптимальной. Нечто подобное произошло в Европе, где победила (в «соревновании» с западно-римской и византийской) именно «варварская» Каролингская модель, ставшая образцом для Священной Римской империи, просуществовавшей до XIX в. (962-1806).

«Варвары» на разных концах Евразии создали две разные самобытные модели империи. Франкская подражала южной Римской, ставшей итогом развития средиземноморской ментальности, активно использовала пришедшую из-за периметра цивилизации «чужую» мировую религию христианство. Она тоже воспринималась многими европейскими этносами как чужая. Вся ее история, особенно в конце, наполнена внутренними социокультурными и этнополитическими конфликтами. Киданьскую по большому счету, возможно, и не надо именовать «империей». Она

была самобытна, разумеется, насколько это возможно в среде генетически близких народов и культур. Киданьское «государство» («го») стало итогом развития собственно киданьской ментальности. Они к тому же опирались на тенгриизм как продукт своей культуры.

Если китайские императоры развивали сложившиеся в «древности» общество и культуру, адаптировали их к новым реалиям, то кочевые правители лишь регулировали «бессмертную» родоплеменную модель, в рамках которой ханы умело сочетали гражданские и военные функции. Лишь кидани в ходе своего «эксперимента» берут чужую идеологию. Это тоже роднит их с франками. В средневековой Европе живого Рима уже не было, и идея Рима и христианство стали для них в равной степени чужими. Если в Китае Тан, Сун, Мин были «живыми» классическими империями и налицо была серьезная какофония имперских идей и мировых религий, то в Европе единственная мировая религия способствовала относительному единству христианского «мира». Конфуцианство, даосизм или буддизм в Восточной Азии не смогли сыграть эту роль. В киданьской же империи достаточно противоречиво взаимодействовали сразу четыре религиозных потока – конфуцианство, буддизм, даосизм, тенгриизм, не считая более мелких. На юге они сближались, кочевники же их не могли сочетать, к тому же еще и «извращали».

В результате есть основания говорить об уникальном в истории эксперименте по дискриминации великого народа, его государства и культуры. Ни один из евразийских народов так жестко не уничтожался ни до, ни после (если не считать России)! С франками так не поступали. Их «дети», французы и немцы, продолжили и развили их историю и культуру, у киданей же «детей» не оказалось.

В киданьском обществе отчетливо видны четыре слоя общества: 1) простые кочевники, основной формой существования которых является семья, 2) знать, возглавляющая роды, 3) аристократия, контролирующая племена и 4) элита, строящая государство. Киданьская элита смогла зажечь идеей строительства империи фактически все четыре слоя, хотя и ненадолго. Развитие империи — процесс трудный и противоречивый, в нем далеко не всегда удовлетворяются интересы всех слоев. К тому же простые кочевники минимально связаны с управленческими сферами и максимально загружены работой на земле. Их трудно надолго оторвать от производства, они инертны и консервативны. Таковы

же и крестьяне в оседлых обществах. Неудивительно, что на их поддержку идеи государства по-разному влияют удачи и неудачи, победы и поражения. Им больше нужен порядок и покой, при которых ничего не будет мешать их труду. Они быстрее сменят свой этноним на чужой, станут не «киданями», а «чжурчженями» или «монголами». Этот фактор для киданей, как и чжурчженей, станет путами на ногах и будет сдерживать их этнополитическое развитие. Все же назад от созданной модели и выработанной парадигмы отойти было невозможно. Империя может погибнуть, но не вернуться в варварство. Другое дело, что в империи были и племена, которым не нужна была еще эта модель. Только сейчас, когда роль земли в экономике уже не является решающей, возможность потомков восточноазиатских складывается V кочевников ускорить процесс национального и государственного строительства.

Процесс сложения единого ляосского народа и формирование оригинальной киданьской социокультурной модели были прерваны чжурчженьским завоеванием, но культура Ляо нашла свое отражение не только в клонах киданьской империи (Бэй Ляо, Си Ляо), но и в культуре чжурчженьской и монгольской империй. Киданьскую имперскую идею пытались возродить в течение еще двух сотен лет (XII-XIII вв.), особенно активно при монголах. Еще живы были киданьские интеллектуалы, сохранялись остатки киданьской материальной и духовной культуры в виде текстов, архитектурных памятников и артефактов, однако в ситуации контроля чжурчженей тотального И xaoca монгольского продвижения на юг это сделать не удалось. Елюй Люге, в частности, сделал особенно заметную попытку воссоздать империю Ляо в 1213—1219 гг. Все эти усилия не увенчались успехом во многом потому, что пытались воссоздать государство, для существования которого ни условий, ни культурной базы уже не было. Кидани в III в. начинали со строительства своей специфической культуры, итогом развития которой и станет империя. В этом смысле у них было одно важное методологическое преимущество: главное – культура, а не государство. Оно может сложиться только в конце процесса культурного развития, и будет существовать только до тех пор, пока есть цивилизационная необходимость и культурная основа. Ни того, ни другого в XII-XIII вв. для киданей уже не было, а любые попытки, как говорится, поставить телегу впереди лошади бесплодны.

Однако общеисторическая возможность и даже потребность в реализации такой цивилизационной стратегии могут проявиться и позднее.

на процесс развития Разумеется, этнонационального самоуважения восточноазиатских народов повлияли события, связанные с формированием монгольской империи, однако, киданей по многим параметрам стоит считать своего рода духовноментальными предками современных народов. На основе анализа их истории легко можно сделать вывод о том, что именно кидани на века создали пример и алгоритм социальной активности. Киданьское не хуже китайского – этот слоган вспоминали все потомки киданей. Франков хватило лишь на средневековый период, до формирования после Наполеона республиканской модели. Франкская ментальность уже ушла, в Европе в Новое время быстро набирали силу города и капитализм можно назвать порождением общеевропейской ментальности. Киданьский же опыт, в гораздо большей степени, чем опыт хунну, был востребован вплоть до современности. Сначала это, естественно, было связано с ситуацией сосуществования двух укладов. Даже после того, как в Восточной Азии активно пошел процесс реформирования общества в рамках распространения капитализма, киданьская ментальность, осознаваемая уже как синтетическая монгольская, оказалась значимой для народов севера Восточной Азии как особой цивилизационной зоны.

Киланьская лежала ментальность основе первой форматирования общецивилизационной попытки сложносоставного общества с множеством этносов, экономик, языков. Именно кидани, по сути, первыми выдвинули идею общего искусственного языка для кочевников. Их опыт использовался чжурчженями. Монгольский бытовой язык станет впоследствии основным и вытеснит киданей, как и английский в последнее столетие победил латынь и эсперанто. Зародившееся при киданях представление об особой роли в истории региона кочевников и их культуры, несмотря на некоторые естественные преувеличения, в наши дни совершенно без видимой связи с киданями широко идет по Монголии и Сибири.

В настоящее время можно говорить о складывании своеобразной меридиональной оси государств (Монголия, Бурятия, Якутия), развитие которых в культурноцивилизационном контексте достаточно своеобразно. Монголию и Бурятию, в частности, как наиболее близких друг другу общества,

можно назвать своего рода наследниками той ментальности, которая когда-то очень ярко проявилась именно у киданей. У них, Азии фиксируется сказать, впервые в Восточной самосознание, в котором явственен акцент не на стремлении жить ритмах физического мира И решать политическими и военными средствами, а осознанная ориентация на строительство долговременной («вечной») и перспективной социокультурной Кидани, искусственной модели. расхожему мнению, были не завоевателями, а строителями. что они применяли военные средства, И использование их характерно для любых евразийских народов в традиционный период. До киданей, даже в период Хунну, столь оформления ментально-идеологической четкого направленной на создание своего собственного наблюдается у других восточноазиатских кочевых и полукочевых народов. По сути своей, это существеннейшая предпосылка для миросознания. национального складывания Национальное сознание с акцентом на территории, языке, культуре складывается появления развитой торгово-промышленной экономики. Это еще раз возвращает нас к мысли о том, что потенциально киданьский этнос мог перерасти в нацию, если бы для этого сложились подходящие условия. И это значит, что возможно развитие наций не только на той основе, которая была в Европе. Нации не только похожи друг на друга или отличаются в каких-то чертах, но и путь от этноса к нации может быть своеобразным. Представляется, что после многовекового перерыва этот процесс вновь стал идти и идти достаточно быстро на просторах Восточной Азии и Восточной Сибири.

Нужно учитывать и особую значимость изучения истории кочевников в целом и киданьского феномена в частности с точки зрения общечеловеческой истории. Серьезной методологической ошибкой при оценке киданей, как современниками, так и многими последующими исследователями их истории, является восприятие их кочевниками. Они уже не кочевники, хотя и не переняли полностью присущий южным этносам оседлый образ жизни. При киданях седентаризация восточноазиатских племен значительно ускорилась. Еще больше эволюционировали в этом направлении чжурчжэни, которые основательно опирались на киданьский опыт, ибо в состав их державы вошли обширные оседлые территории. У киданей оседлых земель было меньше. Однако монголы представляли противоположность и киданям, и чжурчженям, их в

этом плане можно назвать чистыми кочевниками. Их империя впоследствии в значительной степени состояла из оседлых земель.

История киданей — это подъем на плато кочевой истории. При Цзинь начинается спуск, ибо уже нечего было строить, и чжурчжени лишь скопировали Ляоскую модель и это работало еще сотню лет. Потом возникла дилемма: либо Юг приходит в северные земли, либо Север подчиняет юг. У Южной Сун достаточных для колонизации сил не было, но монголы, пытаясь сначала решить свои внутренние проблемы с помощью территориальной экспансии предприняли веерную атаку на всю Азию.

Если бы не мятеж чжурчженей, кидани теоретически могли еще сотню лет иметь свою государственность, но потом все равно бы ушли. Их вариант — апогей сочетания потенций оседлого Юга и кочевого Севера. Это все, что могли сделать кочевники, новую социокультурную модель в тех условиях могли создавать только оседлые народы. Это начнут осуществлять маньчжуры, которые вели свою жизнь преимущественно в пределах киданьскочжурчженьско-китайской зоны, а не монгольской.

Несмотря на это восточноазиатским народам впоследствии приписывалось чистое кочевничество. Подобное понимание широко проникает к XIX в. в общественную и научную литературу. В Европе начинается чехарда идеологий с шараханием то в атеизацию, то в богоискательство, борьба за передел мира и начинается первая фаза новой глобализации в форме «империализма». Пришедшая к политической власти буржуазия начинает внедрять в сознание масс новое представление о пути и формах развития человечества, создаются первые всемирные истории. Естественно, снова начинается активное сканирование традиционной дихотомии «оседлые — кочевники». Вспоминаются старые «обиды» и на вооружение активно берется представление о банлитизме кочевников.

В это время «просыпается Азия» и наблюдается медленный, но неуклонный рост влияния Востока на общественную и культурную историю всего человечества. Восток принимает участие в мировых войнах, естественно, все больше и больше оспаривается европоцентризм в понимании истории. Огульное отрицание культуры у кочевников уже не проходит, к тому же европейцы в ходе знакомства с Востоком познакомились с богатейшей и древней культурой тюрок и монголов. Процессы европейской деидеологизации и восточных этнонациональных ренессансов начинают активно конфликтовать. Одно это

порождало возможность при рассмотрении евразийской истории выйти за пределы одной какой-либо цивилизационной парадигмы и, естественно, начинается пересмотр исторической роли этносов. Европейская идея небольшой группы «исторических народов» и их особой роли в культурной истории уже не проходит. Начинает складываться глобальная культурная парадигма, учитывающая важность в истории всех народов. Естественно, что это ставит на повестку дня пересмотр устаревших историософских штампов, в том числе и в отношении кочевников.

Чжурчжэни сразу же начали демонтаж киданьской элиты. Первой подверглась информационному удару идея «Ляо», когда было искажено значение этого слова. В этом термине нашли дополнительное значение «железные оковы» и именно в контексте угнетения стали рассматривать и саму киданьскую историю и культуру, и сущность киданьского государства. Если династия создала несправедливое государство, занимавшееся этническим и социальным угнетением, самым фактически то тем осуществлении этого обвинялись именно представители элиты. Несмотря на то, что чжурчжэни изучали управленческий опыт Ляо и всячески перетягивали на свою сторону отдельных людей, даже основатель западнокиданьского государства Елюй Даши какое-то время служил им, в целом киданьская элита стремительно разрушалась. Для своей информационной атаки чжурчжэни использовали новое понимание «свободы». Если для киданей свобода дает право на самостоятельность и уникальность развития, то для чжурчжэней она дает право на борьбу с тоталитаризмом и угнетением. В результате происходит подмена понятия, однако, поскольку в киданьской империи

На положение, востребованность и эффективность ее деятельности, несомненно, влияло и то, что чжурчжэни отбирали у нее собственность, права и привилегии.

Чжурчжэни гордились своими победами над Ляо, хотя одновременно повторяли китайский тезис о воинственности киданей и тем самым, можно сказать, внесли свой вклад в формирование этого современного клише. Следует отметить, что именно во время династии Цзинь появилось «Цидань го чжи» («История государства киданей») с несомненным использованием тех материалов, которые попали в руки цзиньцев после разгрома Ляо. Этим трудом был подан пример того, как должна проводиться ревизия и фильтрация киданьского цивилизационного наследства. Кидани рассматривались как «варвары», а, значит, извратители

культуры. Тем самым это китайское представление начнут перенимать и северные народы, которые сами всегда жили на периферии. Эта операция, на самом деле, имеет и другие неприятные последствия. Чжурчжэни сумели активно войти в дискредитации киданей И сложившегося имиджа их цивилизации, но свой адекватный сумели. Культурное создать не чжурчжэньского государства было менее широким. Созданное ими письмо носило не международный, а региональный характер. Картина мира киданей была более широкой и уступала разве что как чжурчжэни максимально лишь китайской, тогда изолировались от окружающего мира и противопоставили себя и Северу, и Югу. Это станет одним из факторов, обезоруживших кочевников перед лицом достаточно активной культурной экспансии Китая, степень грубости и неуважительности по отношению к кочевникам в которой резко повышается. Антикочевнические настроения в Китае значительно усиливаются по сравнению со временем существования Ляо. Это аукнется и во времена Чингисхана: монголы уважали Ляо и ненавидели Цзинь: и за презрительную политику по отношению к монголам, и за то, что чжурчжэни позиционировали себя как оседлое государство, пришедшее на смену кочевым киданям. Чжурчжэни вызвали неприязнь со стороны кочевых народов за это и за претензии на господство во всей Восточной Азии. Кочевникам понравилась киданьская идея кочевой империи как своего рода антипод Китая.

Специфика развития чжурчжэньской империи повлияла на дискредитацию имиджа киданей и их элиты. Положение самых различных слоев киданьского населения, как, прочем, и других кочевников стало меняться не в лучшую сторону. Часто осуществлялось этническое перераспределение. Часть киданей стали испытывать серьезные бедствия. Многие из них стали уходить в другие регионы, в том числе в Монголию и Сибирь. В экономике делался акцент на торговле с Китаем, а не на комплексном ее развитии. В результате появилась тенденция к складыванию однобокой экономики, которая, конечно же, укрепляла положение чжурчжэней, но приводила к обнищанию значительных масс населения. Усиливалась социальная дифференциация. Кидани тоже не «социализм» строили, но социальных проблем в их обществе было несравненно меньше. Чжурчжэни дискредитировали киданьскую социальную политику, часто искажали информацию о ней или скрывали, однако эта информация, действительно, была имперской, тогда как чжурчжэни сделали шаг в сторону квазиимперии. Одно это говорит, что нельзя всех кочевников видеть на одно лицо, не учитывать специфику развития того или иного общества, стадию их развития, условия существования. В этом плане так называемые «исторические источники», которые для нас часто являются единственными источниками информации, порой перенасыщены разного рода штампами. Пора уходить от них и видеть все многообразие развития, всю сложность, а не гомогенность и линейность только, всей кочевой цивилизации. Если период развития хунну это, так сказать, заря кочевой цивилизации (не кочевого общества!), а чжурчжэньское и монгольское государства поздняя ее стадия, «осень», то именно период развития Ляо можно назвать в этом смысле золотым ее веком, ведь важны не крупномасштабные политические и этнические перемещения, а строительство развитой модели.

Разумеется, усложнение социальной ситуации происходит не только в Восточной Азии, но во всей Евразии, и дело не только в политике чжурчжэньской элиты. На этой территории не было основы для быстрого перехода в иную экономическую плоскость. Даже Китаю на трансформацию аграрной экономики понадобится почти тысяча лет, а Цзинь, несомненно, очень слаба по сравнению с ним. Ляо тоже была неспособна на переход к «капитализму», но все же смогла создать региональный вариант самодостаточной и вполне успешной экономики.

Все же происходившие изменения на поздней стадии развития кочевой цивилизации и специфическая внутренняя политика империи Цзинь дискредитировали саму идею кочевой империи, создателями которой, безусловно, были кидани.

Сыграла особую роль в уничтожении киданьской элиты и культурная перестройка в целом. Чжурчжэни фактически взяли под свой контроль все культурные потоки. Именно при чжурчжэнях практически полностью исчезла обильная киданьская литература.

Киданьская элита была многопрофильна, высококвалицирована и обладала широкими знаниями в области управления разных народов, монгольских, тюркских, тунгусоманьчжурских, китайских. Чжурчжэньская империя перестала контролировать большую часть Монголии и тюркские роды. Жители Западной Монголии пытались заслониться от цзиньской экспансии с помощью части киданьской элиты, бежавшей вместе с

Елюй Даши на запад. Они понимали, что чжурчжэни скорее пойдут на запад, чем на юг, где располагались сильное китайское государство и тангуты. Даши сумел создать прочную оборону. После того, как первоначальная чжурчжэньская экспансия выдохлась, западномонгольские племена отказались от его услуг и договорились о нейтралитете. Нарождающейся чжурчжэньской элите вполне хватало тех навыков и знаний, которые они получили при управлении своих регионов. Чжурчжэни отчасти использовали киданьскую идею новой династии, которая созрела для участия в управлении региона, однако на первых порах, по сути, пытались ее лишь клонировать, и делали это довольно неумело. Ядро династии, к тому же, было не монгольским, а тунгусо-маньчжурским. Киданьская империя была своеобразным регулятором отношений, использовала на новом уровне старую бохайскую идею пяти столиц (по сути, ориентированных по странам света), а здесь это не могло быть развернуто в полной мере, ибо империя Цзинь теряла многие прежние связи с тюрко-монгольским миром и развивала, не в пример киданям, идею своего господства в нем. Даже китайцы не позволяли до такой степени упрощать отношения с окружающими народами.

Империя Сун предприняла энергичные меры по оживлению реконкисты и отвоевание своих земель представила, как борьбу с бандитами, тем самым киданьская элита дискредитировалась и с этой стороны.

результате шел одновременно демонтаж комплекса ляоской элиты, и ее роль фактически сводилась к угнетению социальных низов и других народов. Любопытно, что в этом же плане шла в то время критика средневековой европейской элиты и зарождалось представление о «господствующем классе», реакционных «верхах общества». Демонтаж исторической памяти шел широко, проводился осознанно, умело и на всю глубину киданьской истории и культуры. Уничтожалась память о народе в целом, почему и появляется сейчас возможность говорить о безмолвствующей киданьской культуре. Осмеяны и оклеветаны оказались государство, армия, культура, экономика. Это, а в какойто мере потом еще и завоевательная политика монгольского государства при Чингисхане, на века определили неприязнь к кочевой государственности, а в кочевом обществе надежды на приход новой сильной личности. Кочевники, как и оседлые, шли к государственности и цивилизации и, понятно, шли сложно и противоречиво, а им приписали неприязнь к ней и желание ее исказить. Свой вклад в дискредитацию этой идеи, думается, невольно внесли и чжурчжэни, а тем самым и своему обществу «выкопали могилу». Их незаурядная держава и культура тоже рассматривается часто в негативном смысле.

Что касается киданьской цивилизации, то в результате была размонтирована ее центральная матрица, т. е. система ценностных координат. Кидани «рассыпались» и постепенно утратили надличностное сознание и коллективную волю. У них отрезали историческое прошлое и, естественно, чтобы не стать манкуртами, они вынуждены были искать новую этническую нишу, которую обретут окончательно лишь при монголах. Чжурчжэньское и монгольское заместят киданьское, которое сохранится лишь в препарированном виде в двух великих текстах, в отдельных фактах, именах, мифах. Кидани при Цзинь утратили целостную картину мира, способность к логическому и объективному осмыслению своего прошлого и превращались из демоса в охлос (толпу), что фиксирует и слово «кара-китаи». Здесь речь идет не только о тех, кто создал свой центральноазиатский эксклав, но и маркере понижения статуса этноса, потери им культурной матрицы. Киданьская «семья» («киданьский народ») стремительно распадалась, а в одиночку роды или племена прожить не могли и уходили или становились рано, или поздно «чжурчжэнями». Кидани, таким образом, прошли все три стадии эволюции этноса – формирование, в данном случае случайное, совокупность групп и индивидов, складывание «народа» и распад на совокупность индивидов.

«Переформатирование» Ляо связано с эрозией имперского механизма, который воспроизводил связи, соединяющие людей и их малые группы. Государство – одновременно продукт и генератор народа и страны, сложный этап в развитии этноса. В данном случае его развитие зашло очень далеко и дошло до критического момента – или переход в другую плоскость, или рассеяние, что и произошло, не без помощи, правда, чжурчжэней. киданьского государства этноса идут И необъяснимой скоростью, и это тоже воздействует на сознание людей. В любом случае это связано и феноменом «конца истории». Кидани создали мощную государственность и культуру. Казалось, они создали оптимальную и вечную модель. Но в таких случаях, как свидетельствуют многочисленные примеры из истории, сразу же начинается «спуск с горы», т. е. появляются разного рода «случайные» эндогенные и экзогенные факторы, с которыми эта

модель еще не имела дела. Роковым для империи, в частности, стал повзрослевший в благоприятных имперских условиях периферийный национализм. Кидани не видели причины для «возвышения» чжурчжэней. Е Лунли, Ибн Халдун, китайская историософия, марксизм говорят в этом случае о цикличности истории, когда каждый цикл постепенно набирает избыточное количество разного рода противоречий, не справляется с ними и уступает место другому циклу. Действительно, представление о «конце истории» амбивалентно: это и достижение оптимума развития, и начало его разрушения.

Империя Цзинь не успела стать новой «семьей». Только Чингисхан сделает такую попытку, но в исключительных условиях и на милитаристской основе. Он сам мечтал о крепком государстве, но удержать в руках мощное племенное наводнение не смог и не успел. После него начнется сборка нового народа, уже на основе того, что осталось после урагана. Эта сборка пойдет скорее интуитивно, неуверенно. Слишком многое было распылено, потеряно, вернуть уважение к кочевникам было сложно, как и им самим вернуть самоуважение. Монголия в цивилизационном плане, можно сказать, оказалась отброшена назад, и следующий виток эволюции монгольского народа и по этой причине будет идти медленно и сложно.

Интерес к киданям проявлялся особенно заметно несколько раз (монгольское время, маньчжурский период, XIX в.) и каждый раз среди разного рода причин этого бума было появление новых источников информации. Чжурчжэням достались киданьские архивы, монголы добавили к ним китайские и тангутские материалы. Маньчжуры, опираясь на это богатство, попытались создать новую модель восточноазиатской истории. Китаеведы XIX в., опираясь на научные методы, «открывая Китай» для Европы, применили для анализа сохранившихся «письменных источников» широки спектр исторических, лингвистических и археологических методов.

В настоящее время очередной киданеведческий бум в России и странах Восточной Азии спровоцирован огромным вбросом в научный оборот археологического материала, широким применением разных методологических конструкций, возросшими возможностями междисциплинарного синтеза. Все это в совокупности с накопленным опытом прошлого открывает широкий простор для новых фундаментальных исследований.

образом, Таким анализ свидетельств письменных источников, касающихся киданьских государств, позволяет сделать вывод о том, что они были одними из крупнейших в Восточной и Центральной Азии в начале II тыс. н. э. и играли более важную, чем считалось до сих пор, роль в политической истории в предмонгольский период. Киданьские племена не объединились в рамках самой могущественной державы Восточной Азии того времени и «заставили мир дрожать», но и, используя достижения китайцев и покоренных народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира. Созданные ими государства Ляо (907-1125) и Западное Ляо (1125-1218) занимают особое место в истории Восточноазиатской цивилизации. Династия Ляо (Серебряная), более двухсот существовавшая лет, первым стала полномасштабным государством, удовлетворявшим всем необходимым критериям государственности, выработанным в «ханьском» мире. Это нашло отражение, уже хотя бы в том, что его официальная история («Ляо ши» – «История /династии/ Ляо») вошла в комплекс двадцати четырех династийных историй. Тем самым можно утверждать, что не только киданьская история, но и культура этого народа с XIII в. воспринимается как неотъемлемая часть культуры всего восточноазиатского метарегиона.

Именно пример киданей и их государств дает уникальную возможность внести наиболее существенный вклад в реабилитацию кочевников, их истории и культуры, показав результаты и уровень развития этого общества, его потенции и заслуги в развитии общечеловеческой цивилизации. Кидани не были «бандитами» и «разрушителями», они создали свой «мир», ни в чем не уступающий оседлому. Их «кочевая империя» отнюдь не криминальная конструкция, не «империя завоевания», а такая же этатическая конструкция, какие создавались и оседлыми народами Евразии.

История киданьского государства в определенном смысле апогей развития кочевой традиции на востоке Азии, когда бывшие кочевники максимально отказываются от тактики набегов и грабежей и пытаются построить свой «мир». Этот опыт киданей в той или иной мере будет изучаться всеми последующими завоевателями Китая.

Нуждаются тем не менее в дальнейшем исследовании еще многие проблемы киданьской истории, в том числе проблемы происхождения киданей, их цивилизационной принадлежности,

происхождения династии, соотношения экономических и политических факторов и их роли в становлении и развитии киданьской социальной структуры, места киданьской «кочевой» империи в системе макроэкономических отношений восточноазиатского метарегиона, наличия и специфики «киданьского ренессанса», отношения к «чужим» в киданьской культуре, причин гибели империи, причин передвижения восточноазиатских родов на Запад, специфики экономического развития государства кара-китаев, причин его гибели.

Новый свет на историю киданей может пролить решение важнейших общеметодологических проблем: о возможность употребления понятия «кочевая цивилизация», «империя» как феномен евразийской истории, «кочевая империя», кочевая империя как восточноазиатский феномен.

В целом все же можно говорить о том, что киданьские государства занимали определенное место в истории противостояния двух тенденций «мироустроения» — кочевой и оседлой. Со времени начала «осевого» цикла это был уже второй этап противостояния двух общественно-экономических систем. Первый связан был с постепенным вытеснением индоевропейских номадов из зоны контактов с оседлыми народами, второй — тюркоязычных народов.

В географии лесостепной Азии есть самая драгоценная жемчужина — озеро Байкал. Оно обладает своей, уникальной и неповторимой, красотой. Только Великое Небо могло сотворить его.

В истории лесостепной Азии был изготовлен драгоценнейший алмаз — киданьская культура. В общей огромнейшей массе драгоценных творений рук человеческих его свет не теряется среди лучей других небесных созвездий. Не заметить его не может никто.

Часть II Социокультурные аспекты

Данная часть является логическим продолжением и завершением предыдущей части. Если в первой части освещались общетеоретические и историографические аспекты, то здесь речь идет, по сути, об иллюстрации той концепции истории киданей, которая была предложена ранее. Материал, представленный в средневековых текстах, и некоторые его интерпретации, предложенные исследователями, очень обширны и не берутся во всей своей полноте, а используются именно для этой цели. Детально изложенная и проанализированная во всех возможных аспектах история киданьского общества впереди. Необходимость в ней безусловная, ибо таким образом не только будет восполнена масса так называемых «белых пятен» в истории кочевников в целом и киданей в частности, но и появится возможность на материале классической кочевой империи во многом по-новому взглянуть на смысл и историю существования кочевой цивилизации как таковой.

10. Евразийский характер тюрко-монгольского единства в X-XIII вв.

Феномен тюрко-монгольского единства существует уже несколько тысячелетий. Как цивилизационная зона он четко выделяется уже в I тыс. до н. э. Это было связано с этногенетической близостью проживавших здесь племен, преобладанием скотоводства как формы производящей аграрной экономики, широким распространением общей культуры, основанной на идее Неба, управляющего всем пространством «от рассвета до заката». С точки зрения «высоких» миров эта зона «отставала» в культурном отношении и представляла собой «варварский» хаос. Естественно, что и сами «варвары» дистанцировались от Юга именно в культурном плане, ведь в реалии они развивали свою собственную, иную культуру.

Степень и характер этого цивилизационного единства в разные столетия были неодинаковы. Иной раз, казалось бы, их судьбы должны были разойтись навсегда, но это единство продолжало существовать, пусть даже внешне в виде едва тлеющего огонька.

Один из примеров существования этого единства в сложных политических и экономических условиях — история монголотюркских отношений в так называемый предмонгольский период X-XIII вв.

К этому времени произошли существенные изменения в структуре этого мира. В свое время тюрки сделали первую масштабную попытку организационно и цивилизационно оформить это единство. Хунну, с 220 года до н. э. по II век н. э. населявшие степи к северу от Китая, вели частые войны с империей Хань. Они создали могущественную державу, первую кочевую империю на территории Восточной Азии. Для защиты от них еще Цинь Шихуан построил Великую китайскую стену. Примерно в 51 г. до н. э. империя распалась и восточные племена попали под влияние Китая, а западные хунну оказались оттеснены на территорию Средней Азии. В 93 г. коалиция Китая, сяньби, динлинов и чешисцев из оазиса Турфан разгромила хунну в битве при Их-Баяне, а в 155 г. вождь сяньби Таньшихуай нанес им поражение и хунну окончательно распались. Часть из них оказалась в Китае, часть ушла далеко на запад и под названием гунны появилась в Европе, нанеся в 375 г. поражение царству готов в Причерноморье. Тюрки воспользовались слабостью средневосточных народов и племен, своеобразным вакуумом власти на этих территориях и начали медленно, но основательно заселять это обширное пространство.

В результате передвижений родов и племен в ходе так называемых арабских завоеваний западный «клапан» оказался закрыт, и Восточная Азия в значительной степени оказалась отчуждена от тюрков на западе, которые стали перенимать ислам и в этом плане цивилизационно отторгаться от единого прежде континента. Тюркский мир стал ориентироваться на Запад.

Районы Монголии и Северо-Восточного Китая оказались предоставлены собственной судьбе. Именно здесь и сложилось первое в истории собственно монгольское крупное государство — империя Ляо (907–1125), в которой происходит невиданный доселе культурный расцвет.

При чтении источников, как восточноазиатских, так и мусульманских, создается впечатление, что контакты между двумя частями некогда единого мира стали случайными или даже порой враждебными. Действительно, казалось бы, что может быть общего у них теперь, нуждались ли они во взаимном общении и обмене, культурном, политическом, этническом? Все же если внимательно прочесть исторические и географические тексты того времени, то

можно увидеть, при наличии, разумеется, значительного цивилизационного размежевания, сохранение глубинных связей и потребности в них. Специфика любой цивилизации или цивилизационной зоны определяется при рассмотрении таких маркеров, как этничность, культура, язык. Хозяйственные отличия дают дополнительную, но не абсолютную возможность увидеть принципиальные цивилизационные различия, ибо в чистом виде «скотоводческих», «земледельческих», «городских», «торговых» цивилизаций никогда не существовало.

Наиболее освещен в источниках, естественно, этногенетический аспект развития тюрко-монгольского мира. О других аспектах (языковая связь, общие религиозно-культурные представления, этническая близость, экономические связи) информации меньше, но они достаточно легко выявляются при рассмотрении этого аспекта.

После основания империи и похода киданей в 924 г. на Запад установилась своего рода граница между племенами, возглавляемыми ими, и тюркскими территориями. Отдельные роды и племена бежали от киданей и некоторые из них оказались у границ Руси (например, род Китанопа, упоминаемый в русских летописях) или разбрелись по Среднему Востоку. В последующие десятилетия, особенно в XI в., на территорию Восточного Туркестана уходили группы родов с территории империи, однако и оттуда приходили отдельные роды, торговцы, монахи.

Взаимопроникновение отдельных людей или групп было связано с разными факторами. На Запад уходили осколки родов, потерпевшие поражение в межплеменных столкновениях. Чаще всего это были выходцы из западномонгольских районов, хотя, возможно, туда же уходили участники отдельных мятежей или просто лишние люди. В XI в., по сообщению мусульманских авторов, там оказалось несколько десятков тысяч шатров такого рода людей.

Для правителей империи Ляо западная политика тоже имела немалое значение. Им был смысл сохранить выход на запад, чтобы активно участвовать в трансазиатской торговле. Викторова Л. Л. в свое время предположила, что кидани начали строить города в западных регионах именно с целью поддержать эту торговлю.

Вероятно, для нужд общения с Западом, кидани создали особый вариант письменности («малое письмо»), где заметно было большое количество тюркизмов. О том, какие значение имел Запад для империи, видно даже из наличия двух правящих родов: Елюй

киданьского происхождения, Сяо — уйгурского. Император принадлежал к роду Елюй, а императрица — Сяо.

Особенно активными стали контакты киданей с Западом в период крушения империи Ляо. Туда ушло большое количество разных родов, недовольных установлением власти чжурчжэней. Возглавил это движение член императорского рода Елюй Даши, создавший в итоге в том регионе новое государство Западное Ляо (Си Ляо).

В исследовательской литературе одно время существовала полемика по поводу того, куда именно отправился Даши непосредственно в момент распада Ляо, и некоторые авторы, например, Кычанов Е. И., считали, что он ушел все же к тангутам. Вероятнее всего предположить, что тангутский вариант даже не возникал в сознании этого человека, ведь западные районы не только дальше находились от врага, но и там проживало население со сходной культурой и говорившее на понятных для киданей языках. Восточный Туркестан (Синьцзян-Уйгурский район КНР, районы Южного Казахстана и Киргизии) издавна был территорией, где сталкивались интересы западных правителей и Китая. При династии Тан там существовала китайская администрация. Там же киданей «ждали» ушедшие туда ранее десятки тысяч выходцев с территории империи Ляо.

В XIII в. в эти районы проникали многие выходцы из Западной Монголии, находившиеся под определенным воздействием киданьской культуры. На первый взгляд эти контакты эпизодичны, но они и не могли быть частыми. Это были разные зоны в этническом и отчасти в экономическом отношениях, отделены пустынями и горами. В средние века активные межрегиональные и тем более трансрегиональные политические и этнические контакты вообще редки. Однако стоит отметить, что именно Запад стал своего рода диаспорой для киданей. Конечно, они уходили и в Южную Сибирь, Китай или Корею (как правило, не дальше приграничных районов и часто возвращались назад), но уходы сюда особо отмечались в источниках, поскольку это были довольно масштабные переселения, что, безусловно, говорит о том, что сохранялась цивилизационная близость именно с этими регионами.

На запад же вместе с киданями или отдельно от них проникали разные монгольские роды и племена, в частности, найманы. Имперские кидани внимательно следили за событиями на западе, а кара-китаи впоследствии были в курсе событий, происходивших на их бывшей родине. Иной раз предводители отдельных монгольских племен даже обращались за помощью к кара-китаям. Так, в свое время там побывал Ван-хан кераитский. Проигравший борьбу с Чингисханом Кучлук бежал к киданям в Туркестане как к представителям своего мира, хотя мог бы попытать счастья у тангутов или сибирских племен.

Стоит обратить внимание и на взаимоотношения тюркских и монгольских этносов в период складывания Монгольской империи. Чингисхан на западе, по сути, воевал не с племенами. Так, он пытался уничтожить своего исконного врага Кучлука, но не каракитаев или киданей. Когда Кучлук был пойман и его голову монголы продемонстрировали жителям сопротивлявшихся городов, те сразу же сдались и открыли ворота. На территории Си Ляо проживало множество родов не только тюркского, но и монгольского происхождения. Монголы неоднократно обращались с призывами к племенам и апеллировали при этом к общей судьбе. Эти племена и народы, особенно располагавшиеся между Хорезмом и Монголией, сравнительно легко уходили под их власть, в отличие от жителей оседлых районов. Одним из первых перешел на их сторону уйгурский идикут. Сам Чингисхан не считал своими врагами ни киданей, ни тюрок. Серьезное сопротивление ему оказали лишь Кучлук и Хорезм-шах. Территория Хорезма в цивилизационном плане, надо дополнительно отметить, была иной еще до прихода сюда тюрок и ко времени прихода монголов сложно говорить о завершении здесь процесса исламизации и тюркизации. Вместе с Хорезм-шахом Мухаммедом и его сыном Джелаль ад-дином боролись лишь отдельные представители тюркской элиты.

Мусульманские авторы исторических и географических сочинений, в которых описывалась и оценивалась история монголов и их походов, были приверженцами не кочевой тюркской, а оседлой культуры, которая в той или иной мере сохранялась (вплоть до значительных элементов зороастризма).

Кидани и пришедшие с ними роды из Монголии после крушения западнокиданьского государства достаточно легко вписались в этническую структуру тюркского мира, о чем свидетельствует широкое распространение этнонима «кытай» (ктай, кара-китай и др.). Он прослеживается от Синьцзяна до Венгрии.

Основной цивилизационный смысл домонгольского периода в том, что окончательно оформляются две цивилизационные зоны, которые в последующие столетия начнут трансформироваться в самостоятельные цивилизации, хотя и с разной скоростью. Они

встают в один ряд с уже сложившимися «мирами». Тюрки к XI в. захватят большую часть Малой Азии и выйдут к Средиземноморью. Им будут оказывать сопротивление местные народы и попытку помочь им и, в то же время, получить свои выгоды предпримут европейцы в виде Крестовых походов.

Восточноазиатский «Север» будет предельно заселен и здесь возникнет самая сложная цивилизационная конструкция того времени — имперская.

Тюрки и монголы примут самое активное участие в идущем по всей Евразии процессе небывало активного цивилизационного взаимодействия. Именно с их участием этот процесс особенно активно будет идти в двух очагах — на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Их роль будет не менее существенной, чем роль европейцев или китайцев. Достаточно тесно, насколько это возможно в сложившихся этнополитических условиях и характерно для времени существования аграрных цивилизаций, шло их взаимное общение. Все это позволяет говорить о сохранении общего пространства.

Сложно идут и культурные процессы в тюрко-монгольском мире.

Особую роль в развитии Восточной Азии сыграли кидани. Они значительно усилили монгольский элемент и создали возможности для более ровного общения тюркской и монгольской зон, без перекоса в ту или иную сторону. По сути, если употребить современную лексику, создалась база для «братских» отношений этих двух частей тюрко-монгольского мира. В тюрко-монгольском мире окончательно оформляется равновесие составляющих.

Для киданей, которые имели ранее опыт вхождения в зону культурного и политического влияния как тюрок, так и Китая, казалось бы, после крушения тюркского господства в этой зоне, оставался только один путь — принятие китайской культуры, если они не хотят оставаться «варварами». Однако они создали свой уникальный синтез — первый общемонгольский опыт культурного структурирования. Тем самым они заложили основы для треножника культур во всей Азии — тюркской, монгольской и китайской. Остальные народы, проживавшие на этой территории (иранцы, сирийцы, египтяне), или византийцы и европейцы, не сыграли заметной роли в этом особом «спектакле». И эти три потока существуют в Восточной Азии до сих пор, если не считать выходящего периодически на первый план тунгусо-маньчжурского элемента (Бохай, Цзинь, Цин).

Кидани впервые произвели оригинальный культурный синтез — они активно подключили китайскую культуру к своей, «варварской», а не наоборот, как это сделали европейцы в раннее средневековье. В европейском цивилизационном синтезе было три составляющих: христианство с его идеалом «теократии», античная культура («бюрократия») и «варварская» культура («ксенократия»). На основе этой триархии, конечно же, пытались выстроить различные модели иерархии. Собственно, борьба этих трех потоков и будет сутью раннесредневековых культурных процессов.

Тюрки расселились на территории, где североевропейская «варварская» культура не присутствовала, но ее роль сыграла их собственная культура. У них активно шло складывание тюрко-исламского синтеза. Ислам был взят в качестве религии, а с ним сочетали средиземноморскую («античную») и тюркскую культуры. Тюркская культура берется не только как современная, но и как «древняя», т. е. используется весь накопленный культурный опыт.

Примечательно, что обе части мира работают над складыванием синтеза кочевой и оседлой культур. В Восточной Азии кидани создают их диархию: метальная / китайская. Ментальная культура остается в числителе, а китайская, как и римская для северных европейцев, берется избирательно (язык, право, модель империи, литература).

У киданей нет «религии» как самостоятельной сферы, хотя они и используют буддизм. Они впервые сделали невиданную во всей Евразии попытку уравнять ментальную и религиозную составляющие. Европейцы попытаются осуществить это лишь в рамках Возрождения. В этом плане киданьский Ренессанс идет по классической схеме Возрождения, только не Высокого XIV-XVI вв., а Каролингского VIII-IX вв. Все же Каролинги завышали значимость религии, ментальная составляющая у них находилась на третьем месте, после одинаково важных для новорожденного государства модели римской империи «Рим» и христианства.

В реалии в обоих государствах эти «начала» находились в сложных и противоречивых отношениях. Китайская культура с большим трудом спускалась вниз по социальной лестнице и даже до конца империи так и не смогла завоевать сердца рядовых кочевников. Даже киданьская элита сохраняла верность своей культуре, хотя и увлекалась китайской. Такая же ситуация наблюдается и на западе. Исследования Ю. Л. Бессмертного показали, что даже представители каролингской знати, например, графиня Дуода Септиманская, на первое место ставили традиционные ценности.

На территории Ляо существовал и ислам. Ему, как говорится, был дан шанс, но он не пользовался спросом у населения и был очень слаб. Мусульмане же в пределах Центральной Азии всячески блокировали китайскую культуру, и лишь территория Си Ляо стала местом, где она вместе с киданьской хоть как-то присутствовала. На запад проникал лишь буддизм и товары с Востока, т. е. отдельные артефакты этой культуры.

Таким образом, именно на территории Ляо впервые в своеобразном творческом соревновании, т. е. при равенстве шансов и возможностей, встретились два великих цивилизационных потока — ислам и китайская культура. Кидани разрешали оба, хотя не стимулировали ни один. Иначе говоря, не было государственной поддержки, но было государственное разрешение. Это можно даже рискнуть назвать принципом свободы совести (если он здесь вообще нужен?!), когда так или иначе разрешались все культуры и религии. И все же, что южные (конфуцианство), что западные (ислам) религиозно-культурные комплексы не смогли одержать победу над ментальностью. Впрочем, в Европе победа христианства тоже достигалась при обязательной поддержке государства.

В Европе и исламских государствах ментальность именуют «народной культурой», она вторична, поместилась в «знаменателе» культурной дроби. Не случайно носителей этих культур иногда обвиняли в своеобразной «двуличности», некоем двоеверии. В Центральной Азии, в некотором смысле до сих пор, в сознании людей в сложном соотношении находились ислам, «заветы предков», в которых долго были видны следы даже тенгриизма, «духа Чингиса» (в настоящее время, и европейской культуры).

Киданьская культура в этом отношении более цельная и «искренняя»: эти культурные потоки составляют горизонтальный синтез (диархия), а не вертикальный (иерархия). У киданей, можно сказать, не было противоречий в сознании. Понятно, что здесь сказалось также влияние восточноазиатской парадигмы в целом, и близость к сознанию средневековых китайцев, которые тоже не выстраивали иерархию культур. В этом, быть может, некий ключ к сознанию восточноазиатских народов, которые генетически настроены на горизонтальный синтез. Европейцы зря ждут от них, что европейские ценности будут в числителе. Есть лишь иллюзия, что они перенимают эти ценности, но на самом деле, сознание, по крайней мере, киданей — своеобразный трансформер, где константа — ментальная, а остальные составляющие подвижны и могут меняться.

Тюрки изначально были на западе этого цивилизационного пространства и не прошли ту же «школу», что и монгольские племена. В итоге их культурное развитие шло под сильнейшим и впоследствии даже решающим влиянием ближне-средневосточного культурного пространства, которое традиционно именуется «аврамическим», поскольку здесь закладывались предпосылки для возникновения и развития трех «аврамических» мировых религий — иудаизма, христианства и ислама.

Именно в этот период восточные и западные кочевники начинают создавать свой уникальный цивилизационный синтез. Тюрки сочетали разные виды ислама с средиземноморской («античной») и собственной культурами. Кидани же стояли у истоков общемонгольского синтеза.

Сложной оказалась и судьба языков. У тюрок сложилось двуязычие, когда использовались одновременно арабский (арабские) и тюркские языки. Монгольская зона стала моноязычной, отстояла свою культуру от решающего влияния китайского языка.

Развитие тюркской и монгольской зон шло фактически на территории всей Евразии. По мере своего расселения тюрки и созданные ими государственные образования оказались на территории не только Азии, но и Африки и Европы. Это тоже дает право употреблять термин «евразийский» по отношению к характеру и географическим рамкам развития тюрко-монгольского мира.

Даже уже по этой причине в изучаемый период этнополитического единства тюрко-монгольского мира не было. Обе зоны развивались максимально самостоятельно. Если отношение к тюркам медленно менялось в лучшую сторону, и они постепенно становились сначала «благородными дикарями», а потом и единоверцами, то восточноазиатские народы так и остались в сознании не только китайцев, но и мусульманских и европейских авторов, «варварами». Почти все они находились на одной стадии развития – родоплеменной, хотя к концу этого периода начинают оформляться сложные этнополитические конструкции – ханства и кочевые империи. Экономическая жизнь их была связана со скотоводством и отчасти с присваивающей экономикой. Достаточно четко определилась территория монголо-сибирского «Севера» и наметилась четкая тенденция к ее автаркизации. Определилась цивилизационная самобытность с акцентом на собственном понимании идеи Неба, истории, перспективы развития, взаимоотношений с окружающими народами и культурами. Это усиливало противостояние с оседлыми народами, однако важнее пока было только то, что так закладывалась возможность самостоятельного развития в цивилизационном отношении.

После этого на тюрко-монгольском пространстве идут более сложные цивилизационные процессы, которые позволяют говорить, что предмонгольский период завершился и оказался определенной странищей истории. Эта страница оказалась необходимой обоим частям этого мира, ибо главным в этой истории было освоение «мирового» опыта, т. е. евразийского. Это осуществлялось двумя разными способами. Одновременно начала вырисовываться далекая цель этого процесса — выстраивание собственной цивилизации. Востоку меньше повезло, ибо он в последующие столетия оказался в зоне этнополитической турбулентности, что значительно отсрочило достижение этой цели.

Монголы в ходе этих событий вышли далеко на запад и вошли в восточные регионы ислама, достигли зоны расселения славян. Они принесли сюда элементы той культуры, которая когда-то была родной для тюрок, усилили ментальную составляющую в их новой культурной конфигурации. Стоит при этом отметить, что они не так уж сильно вышли за пределы расселения тюркских племен и в итоге тюрко-монгольского мира.

В ходе и результате идущего при Чингизидах нового тюркомонгольского синтеза на обширном сибирско-монгольско-центральноазиатском пространстве образовалась своеобразная зона, где при наличии мощных мировых религий (буддизм, ислам, православие) были значимы наследие Монгольской империи («дух Чингисхана») и «заветы предков» (традиции многовековой культурной истории тюрко-монгольского пространства). Так начал создаваться новый вариант цивилизационной конфигурации тюркомонгольского мира.

Особый этап развития восточной зоны тюрко-монгольского мира начнется с прихода русских в районы Сибири. Их появление, несмотря на известные эксцессы, было сравнительно более мягким по сравнению с появлением в других зонах аналогичных «иных» (монголы в Азии, европейцы в Америке, в отдельных районах Африки и Азии). Сложившийся этнический состав менялся медленно и в основном за счет увеличения количества пришедших, а не уменьшения аборигенного населения. Мировые религии (православие, буддизм) были мягче ислама. Русские закрыли этот мир от других религий и масштабных культурных интервенций со стороны иных миров. В этих условиях консолидация тюркомонгольского мира шла сложнее и значительно медленнее, в основном за счет разного рода связей и обмена.

После распада Советского Союза восточные регионы вынуждены были во многом ориентироваться на выживание и развитие максимально самостоятельно. Процесс консолидации этой зоны заметно усилился.

Этот краткий обзор истории тюрко-монгольского мира в особо значимые тысячелетия (I-II тыс. н. э.) позволяет обратить внимание на возможность применения наряду с понятием «кочевая цивилизация» понятия «тюрко-монгольская цивилизация». Это вполне допустимо, поскольку ставить в данном случае во главу угла только хозяйственно-экономический фактор мало. В этом мире значимы одновременно близкая этничность, в общих чертах одинаковая экономика, общая ментальная культура и языковая близость. Даже в указанный сложный период в истории Евразии, мы наблюдаем фактическое сохранение цивилизационного единства, несмотря на отсутствие единства этнополитического. Взаимодействовали действительно «братские» народы.

11. Дихотомия «север — юг» в истории Восточной Азии

Это одна из важнейших тем в истории как оседлых имперских образований, так и кочевых сообществ. Именно она дает возможность увидеть, что на определенном этапе своего развития кочевники выходят за пределы межплеменных столкновений и проводят достаточно четкую и осознанную внешнюю политику на метарегиональном пространстве. Против этого утверждения выступают на бытовом уровне, сводя роль кочевников к роли бомжей, роющихся на помойках оседлых государств. Не согласны с этим и развернутые научно-идеологические теории, как, например, представление средневековых китайских историков и династийных историй о том, что только Китай и другие конфуцианские государства были способны на глобальное видение внешнеполитических контактов и именно они их и инициируют. На самом дедлительная И сложная практика межплеменных межгосударственных отношений, создание своего собственного «мира» и принятие метарегиональных идеологических конструкций позволили в конечном итоге киданям, чжурчжэням и монголам создать свои собственные политологические концепции.

Сохранившийся в письменных источниках материал о внешнеполитической деятельности киданей говорит о вполне зрелом политическом мышлении киданьских правителей и дипломатов, отсутствии примитивных и сугубо бытовых пристрастий в политике, равно как и наивных стремлений к «дружбе» с более могущественным соседом. Отчетливо видны стремление киданей соблюсти интересы своего «мира» прежде всего и зрелое умение играть на восточноазиатской «шахматной доске» свою партию.

Поскольку история взаимоотношений киданей с тангутами (Запад) и чжурчжэнями (Восток) уже получила адекватное рассмотрение в работах многих зарубежных и отечественных исследователей и, также, потому, что в истории Восточной Азии, в том числе и у киданей, особую роль всегда играла дихотомия «Север — Юг», есть смысл показать специфику внешнеполитической доктрины и соответствующей практики киданей, а через них и всех кочевников, именно на материале истории контактов с «цивилизованным» Китаем (Юг) и «варварской» Сибирью (Север).

Данная дихотомия имеет особое значение в истории и культуре не только всей Восточной Азии, но и собственно киданей.

Представление о специфике культуры и ментальности племен, живших севернее центральных областей Китая (средняя часть долины Хуанхэ), и возможности «угрозы с Севера» сложилось около середины II тыс. до н. э. Речь шла, прежде всего, о племенах, обитавших на территории северного Китая и современной Монголии. На иньских гадательных костях упоминаются племена туфан, люйфан, куфан, гуйфан. Северные люди не понимали китайцев. Вождь племени цзянчжунов Цзюйчжи говорил, что «напитки, пища и одежда у нас, различных [племен] жунов, неодинаковы с [киразбираемся тайскими]. Мы не В [китайских] правилах подношения подраков, не понимаем языка». Китайцы, в свою очередь, не понимали кочевников, которые «не имеют постоянного местожительства, переходя с места на место в поисках воды и травы». «Жуны и ди живут на траве, они ценят богатства²⁹ и пренебрегают землей, поэтому землю можно покупать».

Уже в то время в этом регионе сложилась дихотомия «скотоводы — земледельцы» (кочевники — оседлые). По мнению китайских средневековых историков, антагонизм кочевников и оседлого населения обусловлен влиянием природной (географической) среды на развитие общества. Это видно, в частности, из следующего заявления авторов «Ляо ши»: «Поскольку природные условия местности и климат во вселенной различаются по степени благопри-

308

 $^{^{29}\}mbox{По}$ свидетельству Бань Гу, богатство — это полотно, шелк, металл, деньги и т. д.

ятности, живущие в различных местах люди действуют как им удобно. Правители же управляют людьми, сообразуясь с тремя силами природы. К югу от Великой стены выпадают сильные дожди и стоит сильная жара. Живущие здесь люди пашут землю и сеют хлеб, чтобы питаться; разводят тутовые деревья и коноплю, чтобы одеваться; строят дворцы и дома, чтобы жить; возводят города, окруженные внутренними и внешними стенами, чтобы управлять.

В Великой пустыне стоят сильные морозы и дуют сильные ветры. (Население) пасет здесь скот, занимается охотой и рыболовством, чтобы питаться; добывает кожи и шерсть, чтобы одеваться; переезжает с места на место в соответствии с сезонами года, причем повозка и спина лошади служат для него домом.

Вот как климатические и природные условия отделили юг от севера».

Поэтому-то, как пишет Бань Гу, «по сравнению с Срединным государством у них другая одежда, другие обычаи, они употребляют другую пищу и другие напитки, говорят на непонятном языке, уединенно живут в степях на северной окраине, где выпадают холодные росы, переходят [с места на место] в поисках травы для скота и занимаются охотой, чем поддерживают свое существование. Они отрезаны [от нас] горными долинами и укрыты песчаной пустыней, которыми Небо и Земля отделили внутренние земли от внешних».

Традиционно каждая сторона, т. е. кочевник-скотовод и оседлый земледелец, получали необходимые им продукты в результате торгового обмена. В этом смысле земледельческий Китай и кочевая степь в равной мере нуждались друг в друге. Однако мирные отношения, как правило, никогда не были длительными. Их нарушали либо кочевники, находившие более выгодным добывать необходимое для жизни не торговлей, а силой, набегами и грабежами. И та же самая географическая среда, что способствовала развитию различных отраслей хозяйства, обусловила и длительность, и ожесточенность борьбы между кочевниками и Китаем. Методы этой борьбы не были постоянны и менялись при различных династиях. Как указывает Бань Гу, спор обычно шел между сторонниками мирных средств воздействия на кочевников и военных акций: «Начиная с возникновения династии Хань, разве [те, кто] произносили преданные речи и сановники, составлявшие прекрасные планы, не спорили все время друг с другом, строя замыслы в залах дворца?.. Ученые... высказывались за мир, основанный на родстве, а воины... говорили о карательных походах. Но те и другие видели

только то, что было выгодно или вредно в данный момент и не разбирались в отношении сюнну от начала до конца». В основе мирных рецептов лежали конфуцианские представления о подчинении других народов путем культурного и морального воздействия на них. Легендарный император Яо «навел порядок среди простого народа и просветил его. Когда простой народ просветился, он объединил и привел к согласию десять тысяч владений». Ни одна из династий, однако, не смогла добиться победы. Даже грандиозный проект циньского императора Ши-хуана, избравшего оборонительную тактику и решившего воздвигнуть вдоль границы Великую стену, протянувшуюся на 4 тыс. км от Линьтао (уезд Миньсянь в Ганьсу) на западе до округа Ляодун на востоке, оказался неудачным. Бань Гу печально заметил, что «сюнну нельзя удовгуманностью справедливостью, летворить И предоставлением больших выгод». Стоимость подарков не превышала 100 цзиней золота, а грабежи приносили миллионы. Он счиотношении существовать варваров должна тал. что прагматичная, учитывающая все факторы политика: «их земли непригодны для обработки, а народ нельзя сделать [своими] слугами... Если они появлялись, их наказывали и управляли ими; если они уходили, принимали меры предосторожности против них и оборонялись; если они, ценя справедливость, приходили с данью, их принимали с почестями, проявляя учтивость».

Вся история Восточной Азии демонстрирует, что никто из кочевников и не мечтал захватывать все пространство. Оба раза (при монголах и маньчжурах) он был покорен достаточно случайно, по крайней мере, первоначальных планов этого ни Чингисхан с Хубилаем, ни Нурхаци с Абахаем не строили. Восточная Азия — полицентричный район, где сосуществовали разные этносы, диалекты, географические районы, экономики. Имперская конструкция и стала своеобразным оформлением «семейных» отношений как собрания «родственников». Этот феномен фактически родился еще в Древнем Китае и унитарного государства здесь не было никогда. В кризисные эпохи страна раскалывались на какое-то количество «квартир», однако чувство единого «дома» никогда не покидало китайцев, дружно противопоставлявших себя всем остальным народам планеты (идеи Чжунго и Тянься).

Северные кочевые и охотничьи племена и народности считались «варварами», но не в европейском понимании. Если кельты и германцы шли к «цивилизации», только медленнее, были «ведомыми» народами, то в этих регионах была, с точки зрения китай-

цев, совершенно иная экономика, а, следовательно, и ментальность, и культура, точнее «бескультурье». Это были «восточные иноземцы», с которыми долго не допускались «родственные» отношения, а мыслились только «соседские». Именно история киданей наиболее ярко демонстрирует переход к иному формату отношений. Приняв в качестве этнонима название маргинальной территории между Югом и Севером, они, пожалуй, первыми из «восточных иноземцев» так четко и осознанно заявили о желании стать «родственником» южан. Политическая философия основателя киданьского государства Апоки была тесно связана с перенесением представлений Конфуция об иерархических семейных отношениях в сферу политики северных районов. Не легистский «закон» должен определять новые отношения, а конфуцианский принцип «семьи». Кидани оказались наиболее китаизированным народом, потому и согласились на статус «цидань», принявшего «правила» «младшего родственника». Они отвлекали на себя многих потенциальных противников Китая, хотя и не всегда придерживались принципа «сяо» в отношениях со своим могущественным южным «родственником», потому и пользовались большей по сравнению с другими племенами поддержкой китайцев. Во многом именно эти факторы обусловили в X в. переход к новому формату отношений Юга и Севера.

12. Феномен ксенократизма в истории киданей в контексте евразийского универсума

Слово «ксенократия» как научный термин стало употребляться сравнительно недавно, лишь в прошлом веке, хотя известно уже не одно тысячелетие. Традиционно оно всегда означало «власть чужих», «чужеземное господство», в полном соответствии со своей этимологией: ксенос — чужой, кратос — власть.

Из числа наиболее насыщенных фактологией и строго выверенных методологически можно упомянуть две концепции. Именно они хорошо коррелируются с историческим материалом.

Первая прослеживается в работах известного российского филолога, культуролога и философа С. С. Аверинцева³⁰. Говоря о

³⁰ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: Наука, 1977; Он же. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Антич-

периоде складывания средневековой европейской культуры, он подчеркивает, прежде всего, «внутреннюю чуждость» полисному миру двух сил – цезаризма и христианства. Они предложили идеал дальнейшего развития бюрократию, стратифицированное общество с господством отчужденной от общества «чиновничьей касты», и теократию как господство религиозной идеологии и религиозных деятелей. Особо выделяет С. С. Аверинцев собственно ксенократию или варварократию с господством этнически чуждого элемента. Попутно стоит обратить формы (чиновничья разные чужого религиозные деятели, иные этнические сообщества) и время феномена – действия ксенократического средневековья.

Вторая концепция ксенократического прослеживается в работах Н. Н. Крадина. Методологическая позиция в отношении кочевников, киданей и Ляо у него четкая и неизменная на протяжении нескольких десятилетий. В самом общем виде проглядывает многовековая традиция трактовки кочевников представителями оседлых народов. Однако действуя «в русле историографической традиции», он не только сумел развить ряд ее идей, но и проиллюстрировать их с помощью археологического материала и данных письменных источников на русском и западноевропейских языках. В ходе своей исследовательской практики Н. Н. Крадин постепенно свои идеи относительно истории кочевников свел к обобщающему представлению о существовании у них особого экзополитарного способа производства, который он впоследствии назвал ксенократическим. С его точки зрения, кочевое хозяйство не в состоянии было удовлетворить все потребности и интересы элиты крупных кочевых образований и поэтому была выработана экзополитарная (от греч. слов экзо — вне, полития) эксплуатация земледельческих обществ с помощью грабежа, требования дани и подарков. Соответственно, делает он вывод, «для успешной внешней деятельности была необходима консолидация дисперсного населения и цементирование его в прочную военно-политическую структуру. Так рождались крупные степные державы «кочевые империи»»³¹.

ности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. — М.: Наука, 1976. — С. 17—64.

 $^{^{31}}$ Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука,1992. С. 123. См. также: Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо. М., 2014.

Материал евразийской цивилизационной истории I-II тыс. н. э. в целом и истории киданьского этносоциума в частности позволяет увидеть новые эвристические возможности использования термина «ксенократизм», увидеть новый смысл в нем.

Это слово действительно может иметь терминологическое значение, поскольку отражает феномен указанного времени, а именно появление имманентно чуждых существующим обществам внешних цивилизационных конструкций и институтов. Это происходит на территории всей Евразии и, следовательно, является универсальным процессом, находящим отражение в конкретной ситуации, в той или иной степени.

Наблюдается это и на территории кочевой или тюркомонгольской цивилизации, что говорит об отсутствии принципиальных различий в цивилизационном строительстве и развитии у оседлых и кочевых сообществ. Четко проявляется это и в истории киданей.

Наиболее явственно это явление, носящее евразийский характер, можно наблюдать в четырех сферах, связанных с этносом, государственностью, языком и религией. Не случайно эти институты особенно важны для маркирования цивилизаций. Четко выделяются мировые религии (христианство, ислам, буддизм), мировые языки (латинский, арабский, китайский), этнические «миры» (франкский, арабский, ханьский) и «империи» (Каролингская, Священная Римская, халифат, разные конструкции «чжунго» — Цинь, Хань, Тан, Сун, Ляо, Цзинь, Юань). Именно здесь наиболее отчетливо видно внедрение «чужого» в жизнь «традиционных» обществ.

Основную предпосылку широкого распространения ксенократии надо связывать с формированием евразийских цивилизаций, т. е. с трансформацией полицентричного и мультикультурного пространства в «миры» — общирные объединения этногенетически и хозяйственно-экономически близких этногеографических регионов. Эта трансформация была неизбежна, поскольку в последние века I тыс. до н. э. на большей части Евразии сложилась ситуация перенаселения. Возможности перехода на свободные земли сократились практически до нуля. Резко усложняются социальные процессы и усиливаются интеграционные тенденции. Наиболее активно эти процессы идут в регионе Средиземноморья и бассейне Хуанхэ-Янцзы, где сложились классические имперские конструкции.

Обратной стороной этих процессов становится столпотворение культур и этносов. Эту турбулентность в истории Европы

можно связать с феноменом «язычества». Римские имперские власти пытались регулировать и упорядочивать их взаимоотношения, а христианство поведет непримиримую борьбу с «язычниками».

Попытки интеграции регионов фактически изначально идут с использованием феномена ксенократизма. В качестве «чужих» и «захватчиков» выступают македоняне в Греции или римляне в Средиземноморье. Наиболее активно этот процесс в Европе пойдет в середине I тыс. н. э., а в Восточной Азии — в его конце.

На первом этапе этого процесса выделяются отдельные этносы, которые эволюционируют от хозяина и наследника определенной территории в народ-элиту. Вначале афиняне, египтяне или македоняне в Европе, китайцы и тюрки в Восточной Азии пытаются поставить под контроль окружающие территории. Максимально возможного в таком случае успеха добиваются римляне и китайцы. Создаваемые в результате государства (римская и китайская империи) обширны и громоздки. В них идут сложнейшие и болезненные процессы трансформации полицентричного пространства в моноцентричное (римоцентричное). Этот процесс не успеет завершиться до «падения» римской и ханьской империй, в котором принимают активное участие северные «варвары».

На последующем этапе на авансцену истории активно выходят северные варвары. В Европе — это германцы, в Восточной Азии — тюркские и монгольские племена.

О причинах этих волнообразных передвижений столь большого количества евразийских народов написано уже очень много и тем не менее однозначного их понимания не существует до сих пор. Здесь часто использовалась методология, идущая от страха жителей оседлых территорий перед внезапно возникавшими кочевниками на «огнедышащих конях». У этих передвижений видели лишь цели, к тому же связанные со стремлением кочевников уничтожать культуру и убивать людей.

Однако, если мы беспристрастно проанализируем содержащуюся в источниках информацию, то должны будем признать наличие достаточно серьезных причин для них. Скотоводы, как и земледельцы, инертны и консервативны, их трудно поднять на масштабную политическую акцию и тем более на движение за пределы освоенной зоны. Их передвижения — результат давления со стороны иноэтничных образований или оседлых территорий. В этом смысле многие крестьянские восстания на оседлых землях можно рассматривать аналогично как результат давления со стороны других феодов или государств. Таким образом франки дави-

ли на племена саксов в раннее средневековье. В 1066 г. нормандцы начали свое завоевание Англии. На рубеже I и II тыс. н. э. в Европе широко развернулись файды (междоусобицы). Нельзя не упомянуть также Реконкисту в Испании и «натиск на восток» (славянские земли) германских феодалов. Просто в оседлом обществе крупные передвижения менее заметны, более локальны и более трудны. В них справедливо ищут социальные причины, но часто сводят их лишь к социальному протесту, произволу феодалов («мятежи»), династийным склокам, борьбе за торговлю. Разумеется, все это есть, но, прежде всего, это проявление более глубоких кризисных пропессов.

Стоит отметить, что крупные этнодемографические эксцессы в Евразии происходят синхронно в оседлых и кочевых зонах и связаны с общим переформатированием пространства. В них участвуют разные социальные, этнические и хозяйственные группы, т. е. одновременно с кочевниками шли и оседлые жители. Считается, что кочевники их насильственно гнали с собой, но на самом деле они шли добровольно или оставались на «покоренных» территориях и подчинялись новым «хозяевам». Пример тому можно взять и из истории киданей. После разгрома Западного Ляо (Си Ляо, 1125–1218) из кара-китаев создали десятитысячный корпус, который ушел вместе с корпусом Субудая на запад, а остальные жители покоренного государства остались на месте. Их потомки до сих пор проживают среди народов Казахстана, Киргизстана и других центральноазиатских государств.

В целом необходимо видеть три уровня причин передвижений евразийских народов. О наличии общецивилизационных говорит уже их синхронность. Одним из существенных результатов переформатирования пространства стало выделение региональных и метарегиональных зон — «Монголии», собственно Китая, в Европе «Германии», «Франции» и др. Локальные причины в значительной степени обусловлены растущим дефицитом освоенной родами земли. Все это, по сути, и описывается так называемой этнической историей

Необходимо категорически отмести утверждение о том, что в этих движениях когда-либо ставилась цель экспансии. Подобные заявления простительны для художественной или популярной литературы, в истории это физически невозможно. Александр Македонский не вышел за пределы того пространства, к которому принадлежала Греция (аврамическое пространство). Чингисхан имел целью лишь обезопасить границы Монголии.

Кочевников постоянно обвиняют в том, что они «обрушились» на Европу и Китай, исходя из своего извечного к тому стремления. На самом деле по своей воле они никогда не выходили за пределы степной зоны или шли в слабо освоенные оседлыми народами регионы.

Переход гуннов через Евразию представлял собой многовековые передвижения самых разных этносов. Значительная их часть в итоге оказалась в Паннонии, в окружении славян и германцев. В поисках земли и только земли они пошли в Галлию как слабо освоенную европейцами зону. Любопытно, что почти все «варвары» не сделали Италию своим местом постоянного проживания. Даже остготы и лангобарды селились на севере Италии — районе, где преобладали аграрно-земледельческие процессы, а города и ремесла были представлены меньше, чем в остальной Италии. Остальные территории лишь контролировались в той или иной форме и степени.

Ни одно из передвижений кочевников, даже Великое переселение народов, не нанесло уничтожительного удара по оседлой цивилизации. Гунны растворились в Европе, а монголы в исламе и Китае. Гунны не смогли, хотя и попытались, создать очередное «варварское королевство», поскольку территория Западной римской империи уже была практически поделена германцами. Монголы находились на более высоком этапе развития своей цивилизационной зоны, поэтому им было уже мало автономии в рамках какой-либо империи, чжурчженьской или китайской. Они взяли на себя верховное управление сначала в рамках Монголии, а впоследствии и значительной части Азии. Стоит обратить внимание на то, что таким образом оказался воспроизведен киданьский алгоритм координации и регулирования межрегиональных отношений

Гуннский вариант вызвал к жизни гулкие, но маловлиятельные события, монгольский не дал возможного эффекта во многом потому, что монголы вышли за пределы своей цивилизационной зоны. На примере даже этих супермасштабных передвижений кочевников у нас нет никаких оснований видеть здесь какие-либо проявления бандитизма. Они есть результат складывания особого набора предпосылок.

Кочевой мир подобен океану — он бъется о сушу и на нем тоже бывают штормы, но это все же иная стихия, иная среда и ее нельзя мерить мерками оседлого мира, как воду невозможно заставить вести себя подобно суше. По целому ряду параметров это аб-

солютно иная, непохожая цивилизация. У нее много похожего с Европой, Месопотамией, Китаем, но от кочевников они все отличаются сущностно. Это, однако, не означает, что они бандиты. Их историю и культуру приходится расшифровывать, а на них просто переносится маргинализм и криминалитет оседлых, — то, что похоже лишь внешне. Это, безусловно, говорит о субъективности и ограниченности соответствующего представления оседлых жителей, которые в ином ищут подобное своему, а увидеть и понять само иное не могут или не хотят.

На средневековые походы переносится и современное понимание войны как формы бизнеса. Но в средние века «делание денег» не было приоритетом, а объем добычи был случаен. На войну чаще всего уходили маргиналы и изгои, и лишь в крайнем случае рядовые соплеменники. Войной кочевники занимались в экстремальных случаях, но все были вооружены и аллертны, ибо в условиях дефицита земли и возможных конфликтов с соседями нужно было быть готовым ко всему. Нехватка земли и рост населения, разумеется, смена форм аграрности (переход от скотоводства к земледелию, от примитивного земледелия к внедрению новых культур, использованию технических культур) требует увеличения пространства. Но это не может быть только локальной причиной, в большей степени это проявляется в крупном государстве. Хорошо это наблюдается в империи Ляо.

Аналогичная ситуация наблюдается и в оседлом мире. Вся история Европы — история завоевания пространства и внутренних разнокалиберных войн: завоевание Британии Ю. Цезарем, борьба Рима с Карфагеном, походы викингов, завоевание Англии нормандцами, борьба с индейцами в Америке и др. Междоусобиц в Европе было гораздо больше, чем В Азии.

Какие-либо задачи этнополитического форматирования решаются исключительно внутри своего региона. Разумеется, при этом какие-то этнические осколки, своего рода этнический мусор, выдавливаются за пределы периметра (еврейские «исходы», гунны, цыгане).

Киданьский вариант в определенном смысле можно назвать промежуточным между гуннским и монгольским. Киданям не нужно было выходить за пределы цивилизационной зоны, хотя внутри нее они скитались более половины тысячелетия, и они создали свое государство как внутримонгольское.

Первое тысячелетие н. э. – время складывания транслокальных структур во всей Евразии. Исходной

предпосылкой этого процесса стало то, что к его началу сложилась ситуация полиэтничности и мультикультурности.

Она преодолевается по-разному. Прежде всего срабатывал политенез как многовариантность развития. Если экономика и культура были везде в том или ином регионе одинаковы, то выживание и прогресс были возможны не за счет новаций в этой сфере, а зависели от степени сопротивляемости внешнему сдавливанию.

Этому способствовали:

- милитаризация жизни и сознания: распространение оружия как своего рода гонка вооружения, культ силы, образ героя, совершающего подвиги и преданного роду, соответственно особый род мифологии и др.;
- усиление властной составляющей. Эту ситуацию хорошо описывает концепция вождества;
- складывание надтерриториальных и надэтнических структур.

Сохранение племенной структуры Европе и прослеживается до XI в. (норманны, славяне, венгры, берберы), но в ее трансформации особую роль сыграли именно «чужие». Именно «бродячие» германские племенные объединения прошли сквозь всю Европу и создали под своей эгидой множество разнокалиберных «варварских королевств» как автономий в рамках существующей Римской империи. влиятельным оказалось франкское государство, где последовательно правили элитные династии Меровингов и Каролингов. Слово «франки» латинского происхождения и буквально означает «ушедшие». Ксенократический характер их феномена очевиден.

В Азии родоплеменной конструкт существует до сих пор и роль ксенократического алгоритма можно проследить в истории практически всех стран. Ксенократия везде играет важнейшую служебную роль. Например, если какая-либо китайская династия сходит с пути дао, ей на смену спешит другая. Это уже проявление ксенократии.

В киданьской империи Ляо род Елюй стал надлокальной структурой. Его особый статус стал важнейшей предпосылкой для перехода от различных форм локального и регионального «вождества» к государству как метарегиональной этатической конструкции. Это было нормальное феодальное государство (типа европейских). В нем, разумеется, важен и властный аспект, но в целом оно гораздо сложнее любых властных структур. Любая

методология, не учитывающая это, фактически блокирует дальнейшее цивилизационное изучение кочевников, изучая лишь их политическую историю, «грабительскую» эксплуатацию оседлых земель, рассматривая их в лучшем случае лишь как «почтальонов».

На практике складывание новых структур выражается в том, что происходит:

- А) выделение региональных и метарегиональных зон, чаще всего субцивилизационных. Такова зона, которая станет со временем Монголией, а также Маньчжурия, Корея, Хакассия и т. п. Они возникают не одновременно, но неизбежно. Новые цивилизационные зоны начинают играть заметную посредническую роль в международной торговле и культуре.
- Б) выделение этно-языковых зон. Не случайно из «древности» у всех народов идет стремление к созданию этнических групп, т. е. групп людей, у которых есть жесткая связь с определенной территиорией («Земля Обетованная», «Русь», «Франция», «Ляо»), друг с другом в рамках этноса, культурой. Культура в данном случае представляет систему представлений и рецептов, связанных не столько с работой на земле, сколько с жизнью на ней в целом.

Вначале эти зоны дисперсны и некоторые существуют только в таком качестве, а впоследствии тают в океане пришельцев. Таков кельтский архипелаг, который в таком качестве уйдет на дно германского океана, в который впадет также полноводная романская река. Таковы группы тюркоязычных родов и племен в Восточной Азии. Более успешны германоязычная, монголоязычная зоны в Восточной Азии, Корея или тюркоязычные материки в Центральной и Передней Азии.

Монгольский этнизм особенно ярко проявляется в Ляо, когда политические и этнические границы стали совпадать и появился феномен «киданьской земли».

Кидани к тому же яркий пример длительной и до логического конца дошедшей миграции. Они долго странствовали по Восточной Азии, начинали как своего рода этнический мусор, т. е. случайное соединение различных осколков, но все же создали самое мощное для своего времени кочевое государство. После разгрома Ляо они во многом повторили судьбу хунну или отдельных монгольских родов, выбрасываемых далеко за пределы своей зоны. Задержавшись на время в рамках Си Ляо, они снова в виде осколков родов, в основном кытай, оказались разбросаны на огромном пространстве всей Евразии, от Восточного Туркестана до

Паннонии. Замечу попутно, что Чингисхан имел право на завоевание Си Ляо, ибо там к власти пришел признанный всеми племенами Монголии враг Кучлук. К тому же тот регион контролировали выходцы из Монголии. Поход против Кучлука стал своего рода антитеррористической операцией. Только Хорезм находился за пределами монголоязычного мира.

В) формирование и развитие государственности.

Теория вождеств видит это тоже хорошо. Именно здесь резко усиливается роль «завоеваний». Вначале достаточно хаотичное Великое переселение народов сменяется более структурированными походами арабов, создавший арабский халифат, Чингизидов и Тамерлана.

Внутри этих 30H выделяются «чужие» народы, «завоевывающие» близких И дальних соседей, например, норманны, инфильтрующиеся в Нормандию во Франции, область «датского права» в Британии, Сицилию. В древней Греции долго шло противостояние Афин и Спарты и победитель так до конца и ситуация выявился (нормальная формирования до цивилизации). «Проблему» решили дикие «варвары» с севера – македоняне. С точки зрения греков, они были примитивны, но у этих «чужих» на вооружении оказалсь идея объединения Греции и они взяли на себя роль руководителей. Города Пелопонесса «предали» Грецию и признали власть царя Филиппа. Его сын Александр объединял всю грекоязычную зону, однако, вышел за ее результате Александра пределы. Созданный походов Македонского эллинистический мир тоже стал ксенократическим, однако македонцы все же были своими для Малой Азии, а Персия воспринималась как пришедшая из другой цивилизационной зоны. Вот она и оказалась своего рода захватчиком, пришедшим в другую зону, на чужое «охотничье угодье». В Индии, до которой дошли войска Александра, идея ксенократии уже не работала – там был другой «мир», потому и воины стали проявлять недовольство, да и сам Александр не особенно хотел ее завоевать.

Считается, что в средневековый период история замкнута, территории существуют как самодостаточные, а связи с другими регионами случайны и враждебны. На деле все сложнее. Этносы подвижны, хотя и двигаются преимущественно в пределах своей зоны. Сама модель «этноса» есть результат конвергенции более мелких групп. В этом процессе особую роль играет верховная власть, что неплохо описывает концепция вождества. Обязательным итогом этого является седентаризация («оседание на землю»),

как установление тесной связи с определенной территорией, а не просто переход к земледелию. Последний случай имел преимущественное значение в Европе и потому скотоводство кочевников выводят за скобки аграрного способа существования. Аграрный строй — есть жизнь и работа на земле. В этом плане скотоводство тоже аграрное производство.

В отношении кочевников сразу надо отметить, что они априори не могли быть завоевателями, ибо были связаны со своей специфической в экономическом отношении зоной и обладали уникальной культурой. Отсюда и у киданей не могло быть даже желания копировать ханьскую или танскую имперскую модель, они, как и германцы на Западе, способны были только на «извращение».

Эти «чужие» делятся в основном на две категории: приходящие извне, но в пределах данной цивилизационной зоны (древние евреи варяги, македоняне), и появляющиеся внутри, но не связанные прочно с производством, своего рода «лишние» (кидани, римляне). Завоевания совершают совершенно чужие (Наполеон, Гитлер).

Чужих мало, основная масса родов и племен пассивна, занята хозяйственной деятельностью. В результате приход к власти новых родов выглядит как насилие (завоевание), культуртрегерство, просвещение идущее от «избранных народов».

Чужих можно разделить на две категории. В Европе ни один этнос не смог стать «избранным», наподобие древних евреев или ханьцев, и в результате особую роль начинает играть конфессионем «христиане». У кочевников никакой конфессионем не может быть настолько значимым и отсюда особая роль этнонима

Чужие эпизодически в истории действуют всегда. Они либо переселяются на новое место и сгоняют местное население (древние евреи в Ханаане), либо ради добычи отправляются в дальние походы (викинги, ушкуйники, печенеги, восточно-азиатские племена). Этим занимаются и оседлые (китайцы периодически вторгаются в Степь, римлянин Красс совершает экспедицию в Парфию). Германские императоры Священной Римской империи периодически совершают набеги в Италию. Однако вряд ли это нужно считать ксенократией, поскольку здесь нет самой кратии, т. е. власти.

Средневековье — время широкого распространения феномена политической власти во всей Евразии. Она чужда

традиционной экономике, которая локальна и самодостаточна. Однако по мере освоения пространства экономически появляются проблемные отношения между районами, долинами и степями, и естественно возникает необходимость в особой силе, которая либо выделяется внутри самой зоны (кидани), либо появляются из-за периметра (норманны, германцы).

Здесь есть обязательное условие — наличие уже существующей связи со сформировавшейся еще в древности цивилизационной зоной (аврамическое пространство, Восточная Азия). Совершенно чужие этнические группы и осколки отторгаются или ассимилируются (монголы растворились в исламском мире).

Термин «кратия» в узком смысле означает политическую власть. С этого действительно начинается и внешне это выглядит как оккупация, рэкет или грабеж. Постепенно термин идет в «куст значений», ибо складываются сложные отношения не только между этносами, экономиками (яркий пример тому – Ляо), но и культурами, языками и религиями. В этих условиях неизбежен Ренессанс как служебный (Каролингский, Киданьский), когда государственная и культурная политика проводилась как политика сверху. В ее основе складывание многоформатной надстройки: имперская власть, мировой язык, религиозный синкретизм, планомерная экономическая политика, рациональная внешняя политика. Это проводится на основе двух монгольская ментальность, числителе – a В восточноазиатская культура в различных вариантах. Ляо пытается использовать южную рецептуру, а не полностью модели, ни одна им полностью не подходит, поэтому киданей обвиняют «варварстве» (недоразвитии, животном образе сознательной «лживости».

«Чужие» не приносят более «прогрессивную» культуру, они – носители обычной культуры: варяги – скандинавской, кидани – монгольской. Их зовут или принимают, признают, поскольку они либо уже свои, либо находятся в пределах той же цивилизационной зоны. Китайцев не позовут строить римскую империю, а франки никогда бы не смогли «завоевать» Индии. Однако эти «чужие» начинают строить новую модель, которая метарегионального нужна условиях общения, регулирования. Здесь, естественно, использовать уже имеющиеся образцы и опираться на собственную парадигму развития. Процесс предельно парадоксален, особенно в отношении киданей и других кочевников, создается логичное внешне впечатление, что они перенимают государственную модель лишь ради грабежа, ведь собственная логика развития не знает феномена государственности в принципе. Такого рода пониманию способствует и то, что иная модель и иная культура никогда не будут перениматься полностью, ведь налицо разные этносы (римляне — германцы, китайцы — кидани, варяги — славяне), да и дихотомии север-юг, варвары — империя остаются.

Новая социокультурная модель будет надстраиваться над прежней, ментальной культурой, которая остается «фундаментом» всего здания. Эта надстройка хрупка, ибо новая по сути и имперская по форме, противоречиво объединяющая разные этнические группы и культуры. Она неизбежно должна будет быстро уйти. В Европе уже в X-XI вв. начинается жизнь национальных государств Франции, Англии, Испании. В Восточной Азии имперский фейерверк Ляо — Цзинь — Юань уже в XIV в. прервется.

Ментальная культура невидима, а новая, имперская, в результате «ренессанса» создаст яркие архитектуру, армию, литературу. Отсюда и идет эффект создания культуры, однако это лишь внешний эффект. На деле новая конструкция лишь новая «крыша» «дома», а основы (экономика, отношения людей, быт, семья, тип человека) остаются те же. Так рождаются присущие развитому государству дихотомии «народная культура — высокая культура», «эксплуататоры — эксплуатируемые», основная же масса населения так и «сидит на земле». Впоследствии кидани станут «чжурчжэнями», кара-китаи растворятся в центральноазиатских народах. Этого требуют и интересы тех государств, которые подчинят их. Доныне считается, что в России живут русские, в Украине — украинцы, в Казахстане — казахи.

Ярким свидетельством деятельности «чужих» является прибытие «гребцов» («родс») во главе с Рюриком в славянские земли, что впоследствии породило огромную историографическую проблему («норманизм»).

Норманны (варяги) не могли «колонизовать» славян и дать им «свою культуру». Во-первых, это была культура номадов (воинов), а славяне уже основательно сидели на земле.

Многие из норманнов оказались вытеснены из прежней этносоциальной структуры, стали своего рода этническим мусором и придерживались военной и бродячей демократии. Идеи свободы и равенства в это время носили энтропийный характер и отражали

ситуацию экстремума, в которой оказались в это время многие роды. Они уже профессионально были заточены на войну (наступление, на худой случай, оборона).

Славянская парадигма и после прихода варягов оставалась доминирующей. Сохранились лишь следы пребывания варягов, но ни в культуре, ни в языке, ни в экономике революционных изменений нет. Они начнут появляться как результат совместной деятельности славянских родов и варяжской элиты.

«Повесть временных лет» кстати описывает варягов как чужих, а их приход лишь как эпизод в общей цепи событийной истории. Она довольно скромно оценивает результаты их деятельности, описывает лишь их политические действия, но не видит еще кардинального влияния на социокультурное развитие. Норманисты это не увидели и политическое структурирование приняли за цивилизационный прогресс.

Варяги стали родом-элитой. Они укрепили оборону, навели порядок внутри. Как любая элита варяги не имели в то время какой-то особой культуры, не считая, разумеется, той, которую оставили в Скандинавии. Значение их деятельности в том, что они стали создавать модель, прежде всего, государственную, на основе местной славянской ментальности. Именно это и стимулировало резко прогресс, который пошел еще быстрее благодаря принятию христианства. Несколько столетий (до XVII в.) этот род правил успешно — создал и развивал государственность, освоил зону Днепр — Волга, ликвидировал последствия «татаро-монгольского ига», т. е. вынужденной ориентации на Восток. Здесь сохранялась этническая гомогенность и не нужно было создавать империю, к строительству которой приступит другой элитный род Романовых.

Полиэтничные миры часто приглашают своего рода третейских судей. Так, сицилийцы позвали Аглабидов из Северной Африки.

Г) появляется средневековая евразийская империя как результат этнополитической интеграции.

Античные империи (месопотамские, Римская, древнекитайские) были созданы с акцентом на оседлых территориях, средневековые появлялись к северу, в новых цивилизационных зонах, где проживали «варварские» племена.

Средневековые империи обладали рядом ярко выраженных особенностей. У них была иная экономика (в Европе преимущественно земледельческая, на севере Восточной Азии — скотоводческая), которая не требовала существенной интеграции.

Отсюда до сих пор живуче представление о «варварах» как бескультурных бандитах. Римляне и китайцы еще в древности культивировали такие представления.

Даже оседлые зоны отличаются друг от друга, ведь там могут сосуществовать разные виды и уровни земледелия, да и само оно все же сочетается и со скотоводством в форме животноводства, и с торговлей, и с ремесленным производством. Просто до поры до времени, преимущественно в последнем тысячелетии до н. э. и в первом н. э. именно земледелие играет системообразующую роль. У кочевников же такую роль играет скотоводство, а все остальные отрасли хозяйства тоже существуют.

Уже это одно, помимо этногенетической и культурной интеграции, способствует самоопредению отдельных цивилизационных зон. Не только христиане «строят царство Божье на земле» или коммунисты социализм «в одной, отдельно взятой стране».

Евразии Bo всей В средневековый период интеграционные процессы. Однако, если в начале этого периода объединения «варваров» действительно представляли собой военно-политические союзы, необходимые для передвижений и первоначального объединения пространства, то постепенно, уже на рубеже I и II тысячелетий в них все большую значимость приобретают социальные и экономические процессы. Недаром с этого времени классовая борьба марксистами рассматривается как универсальное явление и даже делаются этнополитических попытки чисто движениях факторов. преобладание социальных Так, И. В. Сталин, формулируя основы своей знаменитой теории революции рабов, «революцию» между античностью и средневековьем понимал как революцию всех неримлян, т. е. варваров и рабов. Итальянские гуманисты объясняли наступление мрачного средневековья разбойничьими нападениями варваров из Германии. Китайцы наступление периода Саньго (Троецарствия) в III веке тоже маркировали наступлением варваров. В обоих случаях под варварами понимаются народы, действующие не ради грабежа, а не принимающие нормальный социум в принципе. Одно это говорит о том, что мы имеем дело именно с взаимотношениями двух цивилизаций, а не с криминальными явлениями. И в называемая «холодная война» аналогичным противостоянием двух цивилизаций, а не просто борьбой идеологий и тем более экономическим состязанием.

Следует подчеркнуть революционный характер перехода «варваров» к новой форме и стадии своего развития. Это особо подчеркивается как в источниках, т. е. современниками, так и в работах исследователей. Здесь часто подчеркивается, что кочевники создают свои империи лишь для давления на оседлый мир. С этиим абсолютно невозможно согласиться, но в любом случае симптоматично, что кочевники переходят на эту стадию сознательно. Анализ исторического материала убеждает в том, что они акцент делали на строительстве собственной цивилизационной модели как формы своего перспективного развития. Здесь очевиден переход от традиционного, в значительной степени, стихийного развития, к посттрадиционному, который существует до сих пор. И в этом плане они нисколько не «отставали» от оседлых жителей Евразии. Они шли с ними практически нога в ногу.

В средние века во всей Евразии, и кидани тоже дают яркие примеры тому, происходят крупные социально-политические движения. Наряду с локальными столкновениями растет количество конфликтов в общегосударственном масштабе и, в частности, династийные «склоки». Варварская древность это явления в таком масштабе не знает, там это только зарождается.

Заговоры в Ляо в начале династии (мятежи братьев Елюй Апоки и Елюй Дэгуана) — попытки отобрать у брата эффективную и работающую модель власти, чтобы просто попользоваться ее плодами. Заговоры конца династии уже все чаще устраивают не родственники, к тому же недовольные этой моделью. Это спонтанно рождающийся вариант смены династии (как в Китае). Однако эти «диссиденты» не успели выполнить эту задачу. «Революционной ситуацией» смогли легко воспользоваться чжурчжэни. В этом трагедия елюевской Ляо: на смену пришли не свои (монголы), а иные (тунгусо-маньчжуры). Здесь также одна из причин ненависти Чингисхана к чжурчжэньской Цзинь.

Кризисные явления носят не локальный характер — это явление общеевразийское. Массово создается элита у варваров. Она во многом подражает южанам, но имеет свой облик, придерживается иной парадигмы и проводит самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Более четко оформляется дихотомия Север-Юг. Если в Европе она несколько сглаживалась общей религией христианством, то в Восточной Азии противостояние «хань» — «фань» было более жестким. Формируются зоны самостоятельной культуры: в Европе германская

культура, к северу от Китая — монгольская культура. Здесь ключевая роль принадлежит не «мировым религиям», даже христианству, а культурам ментальным.

Д) распространяются чужие и ничьи культуры.

территории Европы широко распространяется христианство, зародившееся на окраине Римской империи. Вместе с ним аграрная западная цивилизация осуществляет активное заимствование древнееврейской прагматики и ближневосточной аксиологии. В некоторых моментах благодаря активной работе с ветхозаветной социокультурной рецептурой идет усвоение иудейской парадигмы как бы внутри процесса христианизации. В той или иной степени иудаизм либо активно используется (хазары, центральноазиатские регионы), либо рассматривается заимствования возможный вариант (Русь) ДЛЯ евразийскими сообществами. Использование этой совершенно «чужой» для всей Евразии культуры, основанной на идее «избранного народа», объяснимо, ведь Тора (Ветхий Завет) содержит блестяще обоснованную религиозно-исторически и тщательно разработанную модель сугубо этнической культуры. По мере широкого распространения этноструктуры на континенте новообразованные этносы активно пытаются использовать этот паттерн.

Есть смысл подчеркнуть, что в Европе римская имперская модель в своем первозданном виде уже исчезла, а в Восточной Азии она все же в той или иной степени воспроизводилась в средневековых империях (Суй, Тан, Сун, Мин). В Европе «античность» стала «знанием», «античной культурой», зафиксированной в текстах, связанных с «семью свободными искусствами». В Восточной Азии сосуществовали «знание» (конфуцианские и буддийские тексты) и социоэтатическая модель. Этот тандем четко работал до XX в., а в чем-то сохраняется и доныне.

Аналогичная ситуация есть и в кочевом мире, где на протяжении веков сосуществовали «традиции» как «знание» и информация об имперских моделях в виде «заветов» Чингисхана и таких текстов, как «Сокровенное сказание», «Юань ши», Ляо ши, Цзиньши.

В Восточной Азии активно идет процесс «китаизации» как использование императорской доктрины и конфуцианских рецептов и литературы.

Южная модель не могла быть скопирована полностью, как и древнееврейская на Западе, ибо была создана в сугубо соедлой зоне

и акцентирована на избранном ханьском этническом и этатическом конструкте (чжунго как «Срединное государство»). В силу этого идет «творческое освоение» этого образца, который китайцы воспринимают как «извращение».

Этот процесс проявлялся в серии феноменов.

Прежде всего, в разных сферах общества и культуры появляется длинный ряд ярко выраженных индивидуумов, в той или иной форме харизматических личностей. Это выдающиеся государственные деятели (Карл Великий, Оттон Великий, Рюрик, Елюй Апоки, Елюй Даши, Кучлук, Чингис-хан), разного рода «удальцы» и «герои», мастерски воспетые в произведениях героического эпоса периода раннего средневековья. Одной из их в той или иной степени осознанных задач была, как ни странно звучит, адаптация новых социально-политических и религиозно-культурных идей и рецептов к существующему комплексу традиций и поведению, «к вящей славе Божьей».

Эта конвергенция «старого» и «нового» потребовала особой деятельности по трактовке новой парадигмы и сопряжению разных культур. В результате на Западе появляются «отцы Церкви», адаптирующие христианскую и римскую «древность» к новым реалиям и участвующие в создании «Священного Предания», схоласты, защищающие ее перед лицом «ratio». играть религиозно-философская Особую роль начинает литература (христианские тексты, схоластические «суммы», буддийские сутры, буддийская литература в Ляо), которая вырабатывает дополнительное обоснование постулатов и рецептов ментальной культуры. На территории Арабского халифата идет синтез ислама и тюркской народной культуры. Одним из механизмов этой деятельности являются и «ренессансы», широко распространившиеся везде в Евразии. Памятники героического эпоса на Западе и разного рода «сказания» на Востоке также активно проводят новые идеи в сознание людей. Скажем, историко-философской мощнейшей поэмой «Сокровенное сказание».

Создаются максимально универсальные картины истории. Первые из них появились еще в античности (ветхозаветная, древнекитайская) с акцентом на телеологии и векторности развития. В средневековый период происходит их веерное распространение по всей Евразии (христианские и исламские варианты, восточноазиатские модификации идей «срединного государства» и «поднебесной империи»).

Широко распространяется монументальная архитектура как весьма эффектная и эффективная форма популяризации и иллюстрации идеологем. Любые идеологии любят монументальность, ментальные культуры к этому равнодушны.

Уже в ляоский период зарождаются базовые идеи процесса цивилизационной интеграции монголоязычного общества:

1. Наличие единой парадигмы развития, с акцентом на ментальной культуре.

Рискну сказать, что киданьская империя Ляо – первый пример, разумеется, на уровне метарегиональной государственности, трансформации традиционной парадигмы развития. Об этом свидетельствует, прежде всего, попытка имперскоподобного государства за пределами той зоны, где зародилась сама идея империи и созданы были первые ее варианты. В Восточной Азии приоритет безусловно за Китаем. Далее, эта попытка была предпринята на землях «варваров», которые по определению, как считают даже ныне некоторые авторы, неспособны на цивилизационное развитие. И, наконец, кидани фактически не сохраняли какую-то определенную модель, ханьскую или танскую, а стали строить новую (бэньго), рывтаясь сделать ее оптимальной и вечной. Это не просто «варварская» модель государства, пусть и с использованием идей и рецептов южан. Ликвидация танского государства была следствием цивилизационного кризиса в Восточной Азии и причину этой ликвидации видели в отходе от классической «древней» модели. Империя Сун и встала на путь возврата к ней. Кидани же, не отрицая китайский цивилизационный опыт, неизбежно, а в чем-то вынужденно, в большей степени опирались на цивилизационные и этатические традиции кочевой зоны.

Нельзя, понятно, сказать, что они первыми в Евразии занялись такого рода творчеством. В Европе в раннем средневековье «варвары», прежде всего, франки, использовали «троицу» из «античной культуры» (акцент на идеях «римской империи»), христианства и варварской «ксенократии». Они тоже пытались использовать их в комплексе, но варварско-германское «начало» трудно уживалось с другими компонентами, лишь со временем максимально оттеснив их.

«Язычество» как состояние культуры в догосударственный и раннегосударственный периоды всегда считало, что жизнь человека обусловлена действием исключительно природных сил. Отсюда преклонение перед «Матушкой Землей», строительство

храмов, посвященных Небу, Земле, Солнцу, Луне, Воздуху. Лишь мировые религии создают антропоморфных и внеприродных богов. В Ляо мы наблюдаем один из интересных вариантов, характерных преимущественно для Азии, когда происходит соединение «Неба», фактически потерявшего материальную природу и, по сути, эквивалентного западному «Богу» (только в Европе и исламе он антропоморфен) и «Земли» как синтеза практических рецептов и наблюдений над окружающим пространством.

В Восточной Азии «варварам» мировые религии в полном объеме были не нужны. Монголия не стала «буддийским миром» в той же степени, как «христианский» европейский мир. Основной религии задачей любой мировой является объединение мультикультурной («языческой») зоны, о чем говорит анализ самого слова religio, где выделяется корень -lig. То есть религия это то, что объединяет, объединяет и будет бесконечно объединять людей и культуры. У кочевников эту роль прекрасно выполняет ментальная культура. Ее потенции на тот период были еще не реализованы в полной мере. Ментальная культура стала своей для великого множества родов и племен, однако киданьский опыт показывает, что она может стать общей и для созвездия метарегиональных государств. Она играла системообразующую роль не только в Ляо, но и в Цзинь и Юань, а также в государствах Чингизидов. Мировые религии к тому же сформировались как конструкция цивилизационная «древности» еще В соответственно были направлены на сохранение моделей, а варварские же представления не считали культурой в принципе.

В результате в Ляо, а потом и в других государствах, мы имеем дело все же с весьма оригинальным феноменом. Кочевники использовали, прежде всего, свою культуру, а не ту, что приходила из-за периметра. Именно доминирование собственной культуры и предопределило в значительной степени оригинальность цивилизационного развития кочевых народов на том этапе.

О том, что их цивилизационный эксперимент оказался удачным и в потенции перспективным, свидетельствует восприятие их государств «империями» не только современниками, но и всей последующей культурой Азии и Европы.

Здесь уместно оговориться, что данная конструкция («империя») не является «вершиной» или «пределом» их возможностей. Двадцатый век блестяще продемонстрировал, что

потомки кочевых народов оказались способны создать и современные формы государственности, прежде всего, республику (Монголия, Бурятия, Тыва, Хакассия). Они могут достаточно успешно сохранять свою идентичность и даже уникальность не только в рамках других государств (Бурятия, Тыва и Хакассия в составе России), но и успешно развивать свою собственную государственность (Монголия).

- 2. Определенность зоны, которая двоесущна. С одной стороны она продукт тюрко-монгольского мира, с другой связана с восточноазиатским миром. В то же время она может быть отождествлена с «кочевой зоной» и на ее территории могут возникать «Монголия», «Бурятия» и другие национальные конструкции. Диалектика и в том, что Ляо не только продукт этой зоны, но и придала мощный импульс для развития этого мира.
 - 3. Этногенетическая близость народов.
- 4. Акцент на собственной идентичности вплоть до отторжения от других народов: versus rest против всех остальных.
 - 5. Фильтрация других культур.
- 6. Не слияние с другими народами: кидани могут стать чжурчжэнями или монголами, но монголы за всю свою многовековую остались монголами, не превратившись в китайцев или русских.
- 7. Правовой универсализм. Своеобразным аналогом римскому праву как самому универсальному стала монгольская Яса, истоки которой однако во многом надо искать и в киданьском правовом синтезе. Киданьские законы первая попытка создания универсального «писаного» права на базе феномена традиционного права тюрко-монгольских народов.
- 8. Цивилизационный синкретизм как содружество близких культур. Ляоская культура стала своеобразным аналогом «советской культуры», в рамках которой не только могли, но и обязаны были существовать конкретные культуры. Современная «монгольская культура» есть феномен сосуществования на основе взаимопритягивания культур разных народов монгольского, бурятского, сибирских, ряда центральноазиатских.

Кидани стали своего рода регуляторами этого синкретизма. Они поместили имперскую, по названию киданьскую, культуру в «числитель», а остальные культуры в «знаменатель», создав тем самым возможность для эффективного прогресса этого синкретизма на века вперед. Особый стимул этому процессу,

разумеется, дадут монголы. Сутью этого процесса до сих пор является диалектическое взаимодействие всех культур, которые считают себя связанными по происхождению с монгольским менталитетом, но развиваются вполне самостоятельно. Аналогичные процессы идут в европейском и славянском мирах: есть «европейцы», «славяне», но они обязательно «немцы», «французы», «русские», «украинцы», «чехи» и т. д.

Особенно важно отметить, что акцент в цивилизациях делается не на завоеваниях, а мироустроении. В Европе работает тандем «христианство-античная культура», в Восточной Азии формируется оригинальная идея «коренного государства» (бэньго).

Кидани стали посредниками между Сибирью и Китаем, Востоком и Западом, остановили наконец-то этнические передвижения и замкнули монгольскую зону.

- 9. Существенное, хотя и не во всем очевидное, влияние на остальные «варварские» территории. Как образ Карла Великого и модель «возрожденной» Каролингской империи стали вдохновлять бывших германцев и славян на свои этатические эксперименты, так и киданьская «древность» стала предметом тщательнейшего анализа со стороны последующих правителей. Маньчжуры, переводя на свой язык династийные истории, именно в киданьской империи увидели начало процесса становления степной государственности в виде империи.
- 10. Акцент на централизованном управлении в противовес «естественному», т. е. во многом стихийному развитию. Не случайно в средневековый период во всей Евразии становятся так популярны фигуры «королей» и «императоров». Управление именно всей зоной, а не отдельными ее частями. Это порождает внешне обманчивое впечатление об усилении междоусобиц. В итоге после длительного периода такой турбулентности к власти в Восточной Азии пришли маньчжуры. Их модель будет восприниматься «игом», прежде всего китайцами, но в основе-то ее лежит именно киданьская идея. «Ничья» элита, используя местную аристократию, управляет всем регионом.

Параллельно идут два процесса:

- 1) Внутренняя консолидация как усложнение связей и складывание универсальных институтов (хан как глава уже не родов, а племен, гурхан как глава группы племен).
- 2) Синтез наиболее крупных политических и цивилизационных систем.

Так, Рим объединяет средиземноморское пространство и пытается распространить свою власть на эллинистический мир. Христианство формируется как ближневосточный религиознокультурный синтез, инфильтруется в Средиземноморье, добавляется к его культуре и постепенно начинает ее подчинять. Местная культура станет «античностью», к ней добавятся варварократия и христианство как системообразующий фактор.

В Восточной Азии, особенно в период от Хань до Тан осуществляется мощнейший синтез императорской доктрины, конфуцианства, буддизма, даосизма. Восточноазиатская ментальность представлена «Севером» (где проживали «извращающие» ее варвары) и «Югом» (где существовал уже сложившийся цивилизационный синтез, ибо земледельческогородской зоне это нужно раньше и в большей мере).

- 11. Идея «Неба», дающего не только жизнь, но и власть. В Европе это делает «Бог», главными «функциями» которого являются креационизм («творение» физического мира) и провиденциализм («промысел Божий» как помощь человеку). Во всей Евразии верховный правитель ставленник сверхъестественной силы, «наместник Божий на Земле», «тень Аллаха» и т. п.
- 12. Отсюда особая роль социополитической парадигмы. С «древности» на Западе и на Востоке происхождение «законов» связано с богами. Европейский lex (закон) воспринимается уже как «правда», т. е. то, что дано свыше. Китайский или киданьский император приходят к власти «по воле Неба» и остаются у нее, пока «Небо благоприятствует» или они, как в Европе, «ходят праведными перед лицом Господа».
- 13. Цивилизационный алгоритм направлен на достижение цели всеобщего благоденствия.
 - 14. Особая роль бюрократии.
- 15. Армия создается лишь для выполнения пол мере необходимости полицейских функций и обороны.
- 16. Особая роль мирового языка, в данном случае. Как в славянском мире Солунские братья Кирилл и Мефодий, использовав греческую письменность, опору сделали на этнические языки, а в Европе национальные языки приравняли свои языки латинскому субстрату, так и кидани, желая победить ситуацию многоязычия (вавилонизма), акцент сделали на «вульгарном», т. е. общеупотребительном наречии. Иудаизация и христианизация способствовали тому, что язык Библии оказался не

менее значим, чем греческий и латинский языки. Исламизация способствовала тому, что язык Корана занимает особое место в арабских языках до сих пор. Монгольская народная лексика и отражение в ней картины мира не менее значима для монгольского мира до сих пор.

17. Гетерономический способ существования, когда «малые» народы объединяются вокруг титульного этноса или нации.

Одним из обязательных последствий ксенократизма является складывание постоянных проблемных отношений общей массы населения и власти. Иногда они принимают критический характер, от этого оттталкивавется идея революционной ситуации в государстве, когдо конфликтуют «верхи» и «низы» и происходит «обнищание» низов. Этим в свое время при крушении империи Ляо воспользовались чжурчжэни.

Все «чужие» рано или поздно сходят со сцены. Рюрикович уступили место Романовым, Романовы были свергнуты в результате революции. Меровингов во Франкском государстве свергли Каролинги (Пипиниды).

Строго говоря, это было обязательным и неизбежным итогом и для Ляо. Династия Елюй уже плохо справлялась с возникавшими проблемами. Она возникла в период становления государства и смогла создать мощнейшую империю, управлять этой конструкцией нужно было с помощью новых рецептов. Соответственно нужна была новая династия. Ее надо было искать внутри, а она пришла снаружи.

Кидани выполнили план первоначальный, но чжурчжэни критиковали Ляо не как свои, а как чужие. В той ситуации это была своеобразная суперксенократия.

Ляоский вариант, если под ним понимать стремление к созданию своей высокой государственности, жив и сейчас, ибо его нельзя сводить только к модели — здесь важен комплекс идей. Это — главное, сущностное в алгоритме развития монгольской зоны, возврата, по крайней мере, добровольного, к родоплеменной структуре уже не может быть. Кидани начали этот процесс, при монголах была пройдена точка невозврата. В рамках этого процесса может быть создание не только средневековой империи, но и современной республики. Такова же и «римская идея», породившая могущественные империи, но и давшая начало республикам.

Киданьский вариант наиболее ярко демонстрирует креативные способности кочевников к цивилизационному строительству. Если германцы превзошли римлян в строительстве сложного общества, после смерти классического Западного Рима, то кидани по ряду параметров превзошли и их, создав сложнейшую этатическую конструкцию там, где, как до сих пор считают даже многие историки, государство невозможно в принципе. Оно нисколько не уступало живой в то время китайской имперской модели, что нашло отражение во введении киданьской империи Ляо в список китайских классических империй. Если европейская Каролингская империя все же выросла на основе Франкского «варварского королевства» периода Меровингской династии, а Ляо фактически не имела своих предшественников. Это достаточно редкий, если не сказать, единственный случай в Евразии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возникновение и распространение по всей Евразии феномена ксенократизма говорит о выходе континента на метарегиональный уровень развития. Этот момент бифуркации, не отменяющей ментальной основы, но создающей своего рода «двухэтажный дом» общества. Все народы проходят через это, прошли и кидани. Ксенократизм — константа евразийского развития в средневековый период и потому находит такое яркое отражение в этнополитической сфере, цивилизационно-культурном и экономическом развитии.

13. Этнокультурный трансфер в истории Центральной Азии

Впервые понятие «культурный трансфер» ввели в научный оборот французские исследователи Мишель Эспань и Михаэль Вернер, которые в 1980-е гг. в статье «Создание немецкой референции во Франции в период между 1750 и 1914 гг. Генезис и культурная история» рассмотрели влияние немецкой философии и литературы на интеллектуальную мысль Франции XVIII-XIX вв.

Благодаря научной школе М. Эспаня — М. Вернера были разработаны методологические принципы культурного трансфера, позволившие затем на рубеже XX-XXI вв. значительно расширить хронологию, географию, объектно-предметную сферу их использования в разных гуманитарных науках.

Постепенно происходила его методологическая трансформация и, если изначально оно обозначало перенос в определенный

культурный регион каких-либо элементов, характерных для другого ареала, то постепенно оно стало употребляться в более широком смысле как масштабное перемещение идей, артефактов, людей, товаров, денег и т. д.

Слово почти бытового происхождения, тем не менее, оказалось удачной находкой сначала для лингвистов, а потом и для всех исследователей, занимающихся компаративистскими исследованиями. В отдельных случаях оно удачно уточняет такие прежние понятия, как межкультурная коммуникация или рецепция. Конкретный же исторический материал свидетельствует, что данный термин не только возможен, но и необходим в более широком плане.

Назрела необходимость критического осмысления и концептуализации данного понятия в новых социокультурных условиях и обобщении накопленного опыта его междисциплинарного исследования с целью дальнейшего применения и развития.

В данном случае можно отметить, что слово «трансфер» применяется и в значении более близком первоначальному смыслу: «перемещение» целого или его части, а не просто отдельных идей, мода на них. Разного рода перемещения происходили в период цивилизаций, если и не регулярно, то часто, а, следовательно, должны быть осмыслены системно, как проявление действия общецивилизационных закономерностей. Анализ культурного трансфера подразумевает перенос в конкретную регионально-культурную среду каких-либо элементов, характерных для другого культурно-географического ареала, и их последующую трансформацию.

В центре внимания в данном случае история западнокиданьского государства Западное (Си) Ляо (1125-1218), когда представители киданьской элиты во главе с членом императорского рода Елюй Даши осуществили уникальный эксперимент переноса политического центра империи на запад. Эта история и стала результатом этнокультурного трансфера, своего рода «чистой» горизонтальной трансляции модели на окраину цивилизационной зоны.

Этот пример вполне может быть взят в качестве частного, но типичного, о чем свидетельствуют самые разнообразные исторические аналогии.

История киданьского трансфера интересна не только как малоисследованная страница центрально-азиатской истории, но и как своего рода модель этой операции. Цельность этой операции по переселению на запад, ее частный характер, когда практически

никакого значения не имели иные внешнеполитические факторы, дают возможность лучше увидеть ее суть и специфику строительства метарегиональной или, как минимум, региональной модели.

Этнокультурный трансфер — уникальный и неповторимый вариант развития. Для него обязателен ряд элементов.

На протяжении тысячелетий все культуры достаточно жестко отделяли себя от «чужих» и «иных», находя «культуру» лишь у себя. И этнос, и культура не ставят перед собой задачи создать симбиоз с иным этнокультурным пространством, а тем более, задачи раствориться самому в этом пространстве. Задача может быть только одна — победить и подчинить себе полностью, в конечном итоге, и физически этническое и культурное «иное».

Однако, проблема в том, что этнос в таких случаях представлен либо первоначальным субстратом, либо осколком большого целого, оставшегося в другом геофизическом измерении («евреи» как начало, готы как часть германцев, в массе своей проживающих за пределами Римской империи, западные кидани как кара-китаи, т. е. народ китаев без родины).

Это происходит на территории всей Евразии и, следовательно, является универсальным процессом, находящим отражение в конкретной ситуации в той или иной степени.

Наблюдается это и на территории кочевой или тюркомонгольской цивилизации, что говорит об отсутствии принципиальных различий в цивилизационном строительстве и развитии у оседлых и кочевых сообществ.

Наиболее активно этот процесс в Европе пойдет в середине I тыс. н. э., а в Восточной Азии — в его конце.

На первом этапе этого процесса выделяются отдельные этносы, которые эволюционируют от хозяина и наследника определенной территории в народ-элиту.

Вначале афиняне, египтяне или македоняне в Европе, китайцы и тюрки в Восточной Азии пытаются поставить под контроль окружающие территории.

Максимально возможного в таком случае успеха добиваются римляне и китайцы.

Создаваемые в результате государства (римская и китайская империи) обширны и громоздки.

В них идут сложнейшие и болезненные процессы трансформации полицентричного пространства в моноцентричное (китаецентричное или римоцентричное).

Этот процесс не успеет завершиться до «падения» римской и ханьской империй, в котором принимают активное участие северные «варвары».

На последующем этапе на авансцену истории активно выходят северные варвары. В Европе — это германцы, в Восточной Азии — тюркские и монгольские племена.

В целом необходимо видеть три уровня причин передвижений евразийских народов.

О наличии общецивилизационных говорит уже их синхронность.

Одним из существенных результатов переформатирования пространства стало выделение региональных и метарегиональных зон — «Монголии», собственно Китая, в Европе «Германии», «Франции» и др.

Покальные причины в значительной степени обусловлены растущим дефицитом освоенной родами земли.

Все это, по сути, и описывается так называемой этнической историей.

Одной из форм таких передвижений в традиционный период является этнокультурный трансфер.

В той или иной степени он связан с военными перемещениями, но не может быть сведен только к ним, иначе говоря, не может быть обозначен как «завоевание».

Древние евреи искали свободной земли для поселения, вестготы, спасаясь от нашествия гуннов, вошли в пределы Римской империи, надеясь на помощь ее правительства. Те и другие вскоре столкнулись с нежеланием местного населения иметь их в качестве соседей. Если евреям удалось закрепиться в этой «Земле Обетованной», то вестготы в конечном итоге вынуждены были уйти с территории Фракии и Мезии через всю Римскую империю в Галлию, а потом в Испанию. Рюрик со своей дружиной дал начало новой династии, которая достаточно быстро трансформировалась в славянскую. Кидани поселились на свободных землях Восточного Туркестана (XII-XIII вв.), стали еще одним компонентом в этнической мозаике региона, оказались востребованы в качестве управляющей прослойки и на всем протяжении своей центральноазиатской истории не вели захватнических войн. Основное внимание они уделили управлению регионом. Похожее «клонирование» базовой культуры, развившейся в ином цивилизационном ареале, представляют и Крестовые походы. Ярким явлением близкого типа является переселение мадьяр (венгров) с Урала в Паннонию, болгар во Фракию. Более частные и более сложные варианты — приход русских в Сибирь, европейцев в Америку, римлян в Причерноморье. Как события они все строго индивидуальны, но как процесс типичны и подобны.

Везде мы видим, что толчком для этого процесса служит социальный или политический катаклизм, который заставляет передвигаться уже достаточно сложившиеся народы со сложившейся парадигмой цивилизационного существования.

Трансфер — вынужденная мера. Евреи «бегут» из Египта, готы были выдавлены сначала с территории современной Польши, а потом и из Причерноморья. Германцы были рассеяны на очень широкой территория, где, однако, места для стабильного поселения не хватало, да и земля лесиста и болотиста. Евреи вначале лишь «бежали» из Египта и «сорок лет» не могли нигде найти себе места — везде либо не приживались, либо отторгались и жили преимущественно в «пустыне», т. е. где никто не жил. Здесь вставала опасность гибели и они решились на прорыв на север, в серую, еще слабо освоенную землю. Но здесь они были еще слабы, новые формы культуры еще находились на стадии фактически формирования. Они вынуждены были пойти на тотальное уничтожение «чужих богов», т. е. зачистили культурно и этнически зону под себя, объявив местные народы «нападавшими».

У готов и древних евреев не было «большой» зоны обитания до начала скитаний, тогда как у киданей она была. Основателю западнокиданьского государства (1128–1218 гг.) Елюй Даши нужна была какая-либо территория в качестве плацдарма для накапливания сил сопротивления пришельцам с востока — чжурчжэням. Не создав такой плацдарм на севере империи, Елюй Даши отправился на западную границу, затем попытался опереться на земли киргизов и только после этого отправился для пополнения своих сил в те районы Восточного Туркестана, которые контролировались киданьскими родами, ранее ушедшими из Ляо.

Этнокультурный трансфер в той или иной степени связан с военными перемещениями, но не может быть сведен только к ним, иначе говоря, не может быть обозначен как «завоевание». Древние евреи искали свободной земли для поселения, вестготы, спасаясь от нашествия гуннов, вошли в пределы Римской империи, надеясь на помощь ее правительства. Те и другие вскоре столкнулись с нежеланием местного населения иметь их в качестве соседей. Если евреям удалось закрепиться в «Земле Обетованной», то вестготы в конечном итоге вынуждены были уйти с территории Фракии и

Мезии. Рюрик со своей дружиной дал начало новой династии, которая достаточно быстро трансформировалась в славянскую. Кидани поселились на свободных землях, стали еще одним компонентом в этнической мозаике региона, оказались востребованы в качестве управляющей прослойки и на всем протяжении своей центрально-азиатской истории не вели захватнических войн. Основное внимание они уделили управлению регионом.

Это дает основание именовать такой процесс именно этнокультурным, а не военно-политическим. Задействованы все сферы — политика, экономика, культура. Политика сама по себе имеет немалое значение, военные аспекты, так или иначе, присутствуют, но процесс быстро выходит из сферы грубой политики и начинается цивилизационное строительство, часто в виде симбиоза с местной культурой (варяги, болгары, готы).

Обязательной предпосылкой этнокультурного трансфера (ЭКТ) является длительная предыстория как самоопределение и оформление этноса, культуры и парадигмы развития. Эта форма существования этноса или его части напрямую связана со всей предыдущей историей, этапом которой и становится.

Сначала идет формирование народа, который может долго искать «родину» (древние евреи до Ханаана, готы до создания своего царства в Крыму, кидани в додинастический период).

Народ может всю жизнь провести на этой сцене и потом сойти с нее — такова судьба многих народов древности. Однако, возможен, чаще всего вынужденно, и переход (по горизонтали) на другую территорию: евреи переходят в состояние рассеянного этноса, готы бегут от гуннов и в конечном итоге оказываются в Галлии и Испании. Кара-китаи как осколок киданьского этноса вытесняются чжурчжэнями в Центральную Азию. Начало этому трансферу дает политическая катастрофа и в поисках механизма ликвидации ее последствий используются различные идеи: движение в «землю обетованную», просто поиски пригодной для проживания земли (готы), возрождение своего прежнего государства (кидани).

В ходе этнокультурного трансфера происходит перемещение довольно больших групп, к тому же уже оформленных в той или иной степени институционально. У древних евреев уже фактически был «Моисеев закон», у готов и киданей опыт государственного строительства. «Вернуться в первобытное состояние» они уже не могли и потому на новом месте возводили уже привычную для них идеологическую или этатическую конструкцию. Более мелкие или

случайно образовавшиеся группы, отдельные люди просто входили в состав местного населения и максимально растворялись в нем. Если новая конструкция по каким-то причинам исчезала или распадалась, ее строители или их потомки очень долго помнили этот опыт, более того, часто с него начинали новый этап своего исторического развития. Так, после киданей до сих пор существуют многочисленные группы «кытай» или «ктай» во многих регионах Центральной Азии и Восточной Европы. Формально они входят в состав киргизов, казахов, узбеков, поволжских народов, но позиционируют себя как особую «кость».

О сохранении, например, имперской и элитарной киданьской культуры свидетельствовало многое. Это - киданьская письспецифическая киданьская менность, одежда, система государственных праздников, киданьская мифология и обряды, организация армии, философия войны, налоговая система (с учетом китайского опыта), оборонительная стратегия, финансовая система, киданьская литература, о которой упоминают многие кидани и монголы, киданьский язык, который потом использовали и монголы (именно из Семиречья), устройство жилищ и др. Киданьская культура в Восточный Туркестан пришла не столько в виде артефактов (много ли можно было взять с собой?!), сколько в качестве программы строительства и перспективного развития. Кидани стали еще одним компонентом в этнической мозаике Восточного Туркестана (XII-XIII вв.), оказались востребованы в качестве управляющей прослойки.

На примере киданей мы имеем дело с сознательно и тщательно разработанным проектом ЭКТ, когда основатель западно-киданьского государства Си Ляо Елюй Даши, будучи еще в составе правительства последнего киданьского императора, предлагал перенести политический центр государства в районы дислокации племен. Не соглашавшийся с ним его соратник Сяо Гань фактически предлагал сделать аналогичное, но в качестве плацдарма выбрать не кочевников, а регион обитания племени Си (Кумоси), к которому принадлежал. Первый проект дублирующего государственного устройства Елюй Даши разработал в 1124 г. Еще никакого нового государства в реалии не существовало, в лучшем случае речь шла о создании нового политического центра прежней империи.

Даже в те времена понятие «суверенитет» не было пустым. Парадокс, может быть, в том, что понятие как таковое в культуре и практике тогдашних евразийских государств не существовало

и, соответственно, не применялось, но феномен самостоятельности и самобытности существования какой-либо этнополитической системы играл огромную роль в конкретной истории.

Западные кидани смогли сохранить государственный суверенитет, лишь перенеся его, транслировав в совершенно иную цивилизационную среду.

Иероглифы Си (Западное) и Ляо резко повышали статус созданного пришельцами с Востока государственного образования («го»): это уже не «квазигосударство» кочевников, а государство, вполне сопоставимое с тангутским Западным (Си) Ся или китайскими пятью династиями.

Принятое киданями название для своего государства «Западная» (Си) не случайно. Объявлять о создании принципиально нового государства у них не было никаких оснований и прав. Практически все средневековые государства говорят о своем происхождении от какого-либо великого государства или от великого «предка»: слово «король» происходит от имени Карла Великого, «августейшие особы» ведут свое происхождение от Октавиана Августа, основателем Рима считают Энея из Трои. Основатель восточной киданьской империи Ляо (907-1125) Елюй Апоки сначала пытался получить инвеституру от одной из китайских династий. В конечном итоге он получил «власть» с помощью Неба и духов. Елюй Даши тоже свое государство считал киданьским и взошел на трон с помощью традиционной киданьской процедуры инвеституры.

Этнокультурный трансфер – один из механизмов переноса культуры в иное пространство, своего рода «прививка к другому дереву». Тем не менее, обязательно одно условие — наличие диаспоры, т. е. среды, где уже проживали «свои» или этногенетически близкие люди или роды. До «хиджры» Елюй Даши в Восточном Туркестане уже бывали китайцы, селились выходцы из Восточной Азии — чаще всего тюрки, но было много и монголов, в том числе киданей. Этот регион охотно поддерживал экономические связи с Восточной Азией. В Самарканде даже были особые «киданьские» ворота. В то же время, эта территория была своего рода «серой зоной», т. е. минимально освоенной с обеих сторон — со стороны Восточной Азии и коренных мусульманских территорий. Пришельцы стараются не выходить за пределы своей цивилизационной зоны. Перемещение идет в уже знакомую зону, в рамках которой уже передвигались или были близки по своей культуре и ментальности. Это «варварская» территория у германцев, Ближний Восток у древних евреев, территория расселения балто-славян.

Любое средневековое государство не имело четко оформленных границ, как это практикуется в новое и новейшее время. Есть центр государства. В империи Ляо — это «киданьская земля». Вокруг него располагались земли подвластных племен и народов, отношения которых с династией Елюй оформлялись разными договорами. На самом краю империи, на севере и западе располагались земли, на которых, в принципе, могли селиться любые племена или даже уходить с них. Ряд так называемых «киданьских» родов, попавших на территорию Восточного Туркестана, был чаще всего именно такими. Это и была своего рода «серая зона», т. е., по сути, ничейная земля, жители которой должны были платить «дань», участвовать по мере необходимости в каких-либо общеимперских мероприятиях, скажем, военных походах, а в остальном вели фактически свободную жизнь.

Аналогичные ситуации наблюдались и в других регионах Евразии. В «Земле Обетованной», куда стремились попасть древние евреи, проживали разные «племена», т. е. эта территория не была в центре влияния хеттов, финикийцев, египтян. Даже в средневековой Франции домен был связан с другими территориями страны так называемыми вассально-ленными отношениями.

Кидани пошли на территорию, куда уже распространялся ислам, но сделали это вынужденно, да и пошли к «своим» киданям в количестве 16 тысяч шатров, давно уже обитавшим в Восточном Туркестане. Здесь уже целый ряд веков появлялись китайцы, — селились выходцы из Восточной Азии — чаще всего тюрки, но было много и монголов, в частности, киданей. Были налажены активные экономические связи с Восточной Азией («киданьские» ворота в Самарканде).

Кидани не сразу пошли на запад. Сначала они устремились в северные районы империи Ляо, где этнические пазлы тоже часто менялись. Север был первой «серой зоной», наиболее благоприятной для реванша, отвоевания территории империи Ляо. Именно там Елюй Даши и хотел создать новый политический центр. Это бы приняли и кидани, и северные племена. Однако для северных племен это было не безопасно, ибо означало увеличение присутствия здесь киданей. Они лишь дали войска, т. е. изначально обозначили фактор присутствия здесь киданей как ограниченный.

Запад — вторая «серая» зона. Даши, видимо, изначально понимал, что для реванша она не пригодна. Он надеялся сначала обосноваться между этими регионами — в киргизских землях, чтобы впоследствии объединить северные племена, однако, после

экспедиции неудачной экспедиции туда своего полководца Сяо Валила стал завоевывать новую «землю обетованную». Ее он уже назвал лишь «страной» — это не синоним «родины», но обозначение своей, т. е. киданьской территорией («Западное Ляо» — «Си Ляо»), т. е. западной частью «родины». Есть «домен», а есть «страна» как эксклав в «серой» зоне. В то же время, он неустанно говорил о своем желании вернуться на родину. Мусульмане, пусть и не сразу, но приняли это, ибо увидели в киданях некую стену против беспокойных восточных кочевников и, тем более, китайской экспансии. Новое положение было, возможно, даже более выгодно мусульманам, чем киданям.

Принципиальное отличие зоны расположения Си Ляо от зоны Ляо в том, что первая была одной из древнейших и классических территорий взаимодействия чужеродных народов и культур, тогда как вторая была областью, тоже древнейшей и классической, обитания близких и родственных в этногенетическом, историкокультурном и хозяйственно-экономических отношениях этнических групп. Если на востоке кидани были своими, то на западе они стали чуждыми практически для всех и любых народов. В результате это станет одной из основных причин смены стратегии существования — от строительства перспективной социокультурной модели к элементарному выживанию.

Елюй Даши пытался сделать «родиной» северные регионы (проект Бэй Ляо), хотел закрепиться в «земле киргизов» и лишь после Катванской битвы получил возможность жить на определенной территории, а не быть степным перекати-полем. «Киданьская земля» была потеряна на востоке, но возродилась на западе. Если для восточных киданей серой зоной был в большей степени север, то для западных это запад, восточнотуркестанские земли. Ни «страна», ни западная «серая» зона абсолютно не годились в качестве плацдарма для реванша, но вполне подходили для основания легитимного киданьского государства.

Появилась своего рода Малая Кидания. Аналоги этого встречаются в истории. Рюрик пришел к славянам и территория, которой он был приглашен управлять, тоже стала «Русью», только уже не скандинавской. Бритты, перешедшие с Британских островов на полуостров Арморика, назвали его Бретанью, т. е. Малой Британией, в отличие от Великобритании, откуда пришли.

Елюй Даши назвал новую территорию своей страной и имел на это, по представлениям того времени, право, ибо он завоевал эту территорию, вошел в союз с местными жителями, в том числе с карлуками, был признан соседями, даже сельджукидами, объявил о мирном варианте развития, а не экспансии как цели дальнейшего существования, причем, не только в сторону Запада, но и Востока, произвел коронацию с полным на то правом, что давали ему одержанные победы, полученные в Восточной и Центральной Азии титулы, признание местного населения. Это не могли сделать в свое время вожди киданьских «шестнадцати тысяч шатров». Они были беглецами в глазах всех народов, поэтому и лишь проживали на данной территории.

Принятое киданями название для своего государства «Западная» (Си) тоже не случайно. Объявлять о создании принципиально нового государства у них не было никаких оснований и прав. Практически все средневековые государства говорят о своем происхождении от какого-либо великого государства или от великого «предка»: слово «король» происходит от имени Карла Великого, «августейшие особы» ведут свое происхождение от Октавиана Августа, основателем Рима считают Энея из Трои. Елюй Даши тоже свое государство считал киданьским и взошел на трон с помощью традиционной киданьской процедуры инвеституры.

Данное название также ясно говорило всем последователям Елюй Даши и соседним народам о намерении возродить Ляо. Одновременно это было вполне четкое предупреждение западным и восточным народам, что территория Си Ляо — киданьская земля, а не чья-либо еще, тем более, что это государство осталось в пределах зоны реального или потенциального влияния киданей. Иероглифы Си (Западное) и Ляо резко повышали статус созданного пришельцами с Востока государственного образования («го»): это уже не квазигосударство кочевников, а государство, вполне сопоставимое с тангутским Западным (Си) Ся или китайскими пятью династиями.

ЭКТ действительно часто приводит к смене «родины» на «страну». Рюрик ушел из Скандинавии, но остался «русью». Бретань долго считалась частью Великобритании. Малороссия воспринималась как клон Великороссии, хотя в ней уже существовала своя древняя культура, но именно пришельцы из Северной Руси стали определять ментальность и культуру, а значит, во многом и историю территории.

ЭКТ не простое копирование, а начало новой «истории», своего рода «брачный союз» пришлого и местного субстратов. «Ребенок» не будет похож ни на «отца» (евреи, Рюрик, кидани), ни на «мать» (которая воспринималась как более отсталая). У западных киданей «ребенок» просто не успел вырасти.

Пришельцы максимально автаркизуются — живут в отдельных кварталах и гарнизонами (варяги, киданьский «город шатров» («квартал») близ центрального в регионе города Баласагун, арабские кварталы). Монголы вообще не захотели жить внутри более перспективной культурной зоны. История показала, что «татары» и сейчас живут замкнуто, хотя и рассеялись в других регионах, но лишь как этническое меньшинство.

Вторая волна пришельцев из Восточной Азии связана с одним из руководителей найманской конфедерации XII–XIII вв. ханом Кучлуком, который после разгрома Чингисхан в 1208 г. на берегах Иртыша соединенных силы найманов и меркитов бежал к кара-китаям в государство Си Ляо. Логичнее предположить, что он не сразу попал к ним, а сначала направился к своим соплеменникам. Довольно значительная часть их вместе с Елюй Даши переселилась на запад и могла составлять вторую по численности этническую группу, после киданей.

Кидани и найманы, действительно, были двумя основными силами, которые пришли с Востока и играли системообразующую роль в истории западной империи.

В итоге можно выделить два периода истории этого государства:

- 1) киданьский от Елюй Даши до Елюй Чжулху (1128-1210),
- 2) найманский при Кучлуке (1210-1218).

Финал истории ЭКТ зачастую весьма печален. Уникальность «пришлой» культуры не дает возможности полностью сохраниться в иной этнической и культурной ситуации. Гибель Киевской Руси остановила скандинавский трансфер (через Новгород), а рюриковичи деградировали до рода и династии, но лишь до времени Романовых. Север не поддался Даши именно потому, что там уже обозначилась своя интеграционная линия: «Монголия» — принципиально не «Кидания» и не «Чжурчжэния»

Готы, кидани исчезают, евреи сохраняются преимущественно как ментально-биологический тип, сочетая свою культуру с общемировой культурой отчасти в интерпретации Европы.

14. Специфика взаимоотношения киданей и Китая

В Восточной Азии в VIII-XII вв. выделялись два народа, отношения которых существенно и даже определяюще влияли на развитие всего региона. Это китайцы, создавшие собственно китайские династии Тан и Сун, и кидани, вставшие во главе могу-

щественной империи Ляо (907-1125). Кидани возглавляли тогдашний восточноазиатский кочевой мир, а китайцы — оседлый. По своей сути — они наиболее продвинутые представители своих «миров».

Эти «миры» в восточноазиатском регионе были особенно масштабными зонами. Они развивались практически независимо, то сближались, то расходились. В X в. было положено начало взаимообусловленности их исторического сосуществования и стали складываться иные параметры взаимодействия — уже не зависимость киданей от Китая политическая, а взаимозависимость во многих аспектах — политическом, культурном, экономическом. Речь фактически идет не о контактах двух государств, а о межцивилизационном взаимодействии. Эта тема сложна и многоаспектна и в данном случае берется всего лишь один ее аспект, хотя и важнейший, а именно киданьско-китайские отношения в самом широком смысле.

Не без основания считается, что отношения киданей с Китаем занимают центральное место во внешней политике этого народа и созданных им государств. Недаром основные источники нашей информации о киданьской истории («Цидань го чжи», «Ляо ши») одной из главных своих тем имеют именно киданьскокитайские отношения [4; 8]. Они не только реконструируют их историю, но и содержат многие важнейшие документы (дипломатическая переписка между киданями и династией Поздняя Цзинь, тексты клятвенных договоров между Сун и Ляо, переписка киданьского и китайского императоров 1042 г. в связи с территориальными притязаниями киданей и т. д.).

К настоящему времени история взаимоотношений киданей и Китая в основных событиях и фактах уже реконструирована. Отдельные проблемы, например, дипломатические отношения в целом и мир в Шаньюане (1004 г.), изучены основательно. Очевидно, однако, что данный процесс в целом осмыслен упрощенно и тенденциозно. Все сводится к нескольким утверждениям:

- 1) Кидани всегда нападали на Китай или угрожали ему.
- 2) Китай оказывал благотворное воздействие на кочевников в целом и киданей в частности, однако, те «извращали» подлинную культуру.
- 3) кидани по природе своей способны лишь на то, чтобы быть «варварами». Они всегда осознавали это и потому использовали все китайское лишь для обогащения, разработав это все в качестве так называемой «дистанционной эксплуатации».

Антитезой таким утверждениям может быть только сложное (диалектическое) рассмотрение их отношений, именно как межцивилизационных.

Конкретно это были отношения:

- 1) самостоятельных цивилизационных зон в рамках единого метарегиона Восточной Азии.
 - 2) в то же время, разных цивилизаций оседлой и кочевой.
 - 3) разных этно-языковых зон.
- 4) самостоятельных субкультур в рамках единой восточно-азиатской цивилизации.
- 5) разных зон более обширной монгольской, связанной с сибирскими регионами и тюркским миром, и компактной ханьской.

Кидани и китайцы находились в разных природноклиматических зонах и потому ни те, ни другие не стремились поглотить своих соседей. В то же время расширение обоих хозяйственных зон в сторону друг друга медленно шло, ибо обе цивилизации были аграрными и нуждались в расширении земель. В результате на границе возникла и существовала на протяжении ряда веков «серая» (фронтирная) зона, где оба вида хозяйства (земледелие и скотоводство) сосуществовали.

К рубежу I-II тыс. н. э. экстенсивные методы ведения хозяйства были практически исчерпаны, и ускорился процесс перехода к интенсивным вариантам, начавшийся несколькими столетиями раньше («усиление» киданей и создание империи Тан). В результате в обеих зонах после некоторого периода турбулентности создаются самые развитые, классические средневековые этатические модели — империи Ляо и Сун.

В обеих зонах проживали этнические группы, с естественными этническими и хозяйственными различиями, разной степенью политической интеграции и разной степенью трансформации общинно-родового строя в феодальное общество (от классического родового строя до высокой стадии развития кочевого феодализма).

Кидани имели наиболее длительный опыт общения с Китаем и потому выступали в роли медиаторов в их взаимодействии.

В итоге эти группы вынуждены были определяться по отношению к этим двум государствам.

Они разделились примерно на две группы.

1. Тяготевшие к кочевому скотоводству и монгольской языковой зоне оказались в сфере влияния киданей и поддерживали империю даже в период ее гибели.

2. Тяготевшие к другим формам хозяйства («лесные» народы, в большей степени развивавшие земледелие) и другим языковым регионам (тунгусо-маньчжуры) всегда находились в проблемных отношениях с киданями и в период крушения империи Ляо заняли «предательскую» позицию.

Разумеется, большое влияние на динамику развития киданьского общества оказывали внутренние процессы у собственно киданей и кочевников в целом. В итоге особенно влияли эволюция самих киданей, монголоязычной зоны, тюрко-монгольского мира, в том числе физика отношений с тюрками, имперской конструкции Ляо.

Кидани не всегда граничили непосредственно с Китаем, хотя находились недалеко от него и, в то же время, находились в монголоязычной зоне, которая располагалась рядом с Китаем.

На протяжении всего додинастического периода они поддерживали, прежде всего, активные отношения с кочевниками и полукочевниками и приобрели огромный опыт международного общения. Периодически они попадали в «зависимость» от тюрок, уйгуров, китайцев. Это дало им возможность с самого начала в своей политике по отношению к Китаю делать акцент не на военных действиях, а на дипломатии и торговых интересах. Они использовали к тому же совокупный опыт кочевников по общению с Китаем. С другой стороны, и Китай использовал опыт общения с кочевниками. В обоих случаях военная составляющая была далеко не на первом месте. Иначе говоря, это все было связано с историей общения двух зон и было результатом практики этого общения, независимо от каких-либо различий двух зон.

Были отличия и в философии существования двух зон. Китай рассматривал себя центром всего мира, основываясь на идеях «Срединного государства» (Чжунго) и «Поднебесной империи» (Тянься). На самом деле, это не требовало территориальной экспансии на весь мир, тем более, что никаких сил бы на это не хватило. Впрочем, Китай, как и другие цивилизации Евразии, не претендовал на всю ойкумену. У них было свое жизненное пространство. Однако свою цивилизационную модель они считали универсальной для всей ойкумены. Китайцы часто справедливо отделяли себя от «варваров», ибо ханьская культура уникальна и четко выделяется на фоне всей восточноазиатской, хотя есть и общее. Здесь нет пренебрежения. Им подражали, но и извращали, т. е. фильтровали.

В любом случае, если есть цивилизационные претензии, то территориальная экспансия не исключена полностью. Все же

Китай до сих пор не присоединил к себе Монголию (не считая Внутренней Монголии), хотя та и находилась периодически под его влиянием.

Причин тому несколько:

- 1) Монголия всегда сопротивлялась, с той или иной степенью эффективности.
- 2) Она была для южного государства малоинтересной и малопригодной в экономическом отношении зоной.
- 3) У Китая, как, впрочем, и у кочевников, ведущей была мироустроительная парадигма. Война в обоих случаях была лишь средством решения внутренних проблем.

Нужно учитывать, что в древности и в средневековый период обе зоны были аграрными и, соответственно, замкнутыми сами на себя. Киданьская империя Ляо и китайские государства Тан и Сун — яркие примеры максимально интенсивных вариантов. Они заточены на преимущественное использование внутренних ресурсов. Военные операции внутри и вне зон были вторичны, хотя, как и во всей Евразии, использовались нередко.

Для средневековой эпохи характерно особо широкое распространение милитаризма и насилия. Если в новое и новейшее время войны более масштабны и кровавы, проходят на большей площади, то в средние века осуществляются огромные военные операции (гунны, германцы, арабы, монголы, турки). Они очень гулкие, поражают воображение современников, но растянуты во времени. Германцы, как указывал еще бельгийский историк А. Пиренн, нападали на южные территории с IV в. до н. э. по VI в. н. э. А еще был приход на Балканы ахейцев. Приход в Европу гуннов был частью общеевразийского Великого переселения народов. Арабы при династии Омейядов осуществляли свои евразийские походы в 633-750 гг. Монголы воевали на протяжении 1206–1279 гг. Турки, как часть тюрок, штурмовали Средний и Ближний Восток в 1000 (не считая X в.) — 1453 гг.

Это были не простые «набеги», а «завоевания», хотя одновременно надо отметить, что они лишь самые заметные участники переформатирования пространства. В это же время внутри цивилизационных зон были не менее масштабные конфликты: файды в Европе и междоусобицы в Китае, крестьянские восстания и войны (почти нет городских, в лучшем случае они часть общих конфликтов), войны китайских династий между собой и с соседями (Си Ся, Ляо, Цзинь, монголы), завоевание Англии, Реконкиста, Дранг нах Остен, Крестовые походы, Итальянские походы, походы гуситов

и т. д. Все это одновременно составные части или следствия общеевразийских процессов переформатирования: Великого переселения народов, складывание арабского халифата, возникновение Монгольской империи, Тридцатилетняя война, распространение тюрок на Среднем и Ближнем Востоке. В этих конфликтах нет кого-то одного виноватого (агрессора, захватчика, эксплуататора) хотя таковыми чаще всего считали все же динамичные народы (германцы, гунны, арабы, тюрки, монголы).

Нужно учитывать, что в оседлом мире использовались такие механизмы цивилизационного развития, как «бюрократия» (Рим, Византия, Китай) и «теократия» (ислам, папство, иудаизм). «Варвары», как правило, рассматриваются в качестве разрушителей цивилизации. Такие представления особенно характерны для «возрождений» в Европе и Китае.

«Бюрократия» как иерархия имманентна «феодализму». Основные доходы собирались внутри страны, а внешнеэкономические связи были развиты слабее. Особенно мало контактировали с кочевниками. Да и в целом отношения с другими «мирами» были минимальны, поскольку отсутствовали экономические и культурные интересы. Понятно, что с обеих сторон эпизодически используются набеги с целью захвата добычи. Масштабные войны не нужны, ибо они проводятся с целью захвата территории, а здесь земли соседей в основном не пригодны обеим сторонам. В итоге оба мира во внешней сфере минимально используют набеги и торговлю. В китайских текстах говорится о непредсказуемости и случайности набегов со стороны киданей, что, безусловно, является свидетельством отсутствия у них планомерной захватнической политики.

Существовали различия и в политической культуре этих народов.

В основе китайской внешней политики лежали конфуцианские принципы политической иерархии, идея китаецентризма, отрицание равенства в отношениях Китая с соседями, выстраивание всех международных связей по вертикали — от высшего к низшему. Китайская данническая система насчитывала тысячелетия и почти не знала исключений. «Равные» отношения были крайне редки.

Кидани основывались на кочевых традициях, которые предусматривали равенство всех сторон или складывание иерархии на основе договорных отношений. Они стремились во внешней сфере строить преимущественно горизонтальные связи между равными

сторонами (внутри — особые конфигурации). Международное взаимодействие в принципе рассматривалось как контакт равных субъектов международных отношений, т. е. по горизонтали, если, разумеется, не было каких-то причин заключать иные союзы, типа «зависимости». Китай θ принципе не мог принять идею равенства с киданями, а кидани удивлялись, что их империю не считают равной китайским. Только в XIII в. это будет признано, когда все три империи (Ляо, Цзинь, Юань) будут объявлены классическими, но китайскими. Китайцы смогли признать, что варвары настолько восприняли китайскую культуру, что стали «китаизированными» (меньшинствами), однако, все же их оригинальные государства не могут быть равными Китаю. Равнинный Китай остался верен идее Чжунго.

Киданям было труднее, ибо они имели опыт общения с кочевыми народами, в т. ч. с тюрками, но мало общались с земледельческими и лесными народами. Они переносили на китайцев ценности кочевников, а потом удивлялись «лицемерию» и «лживости» китайцев. Однако и китайцы по тем же причинам не понимали киланей.

Обе стороны взаимно учились общаться и система их отношений медленно эволюционировала. Это происходит в русле межцивилизационного общения и основывается на цивилизационных парадигмах. Именно парадигма определяет политическую культуру общества и выстраивает внешнеполитический процесс на всех уровнях. Это позволяет выделить этапы этих отношений и их типологию.

В данном случае мы имеем дело с уникальным цивилизационным вариантом международных связей, — смешанным. До конца понять его можно с помощью сравнительного культуроведения и накопленного исторического материала. Материал нужно анализировать более детально и вне идеологических штампов.

Различия в политических культурах определяли и своеобразие дипломатий.

Китай стремился своим контактерам придать статус вассалов, т. е. определять их внешнеполитический курс, рассматривать их как экономический придаток (также поступали кидани с китайским югом), выстроить их бюрократию как часть своего аппарата. Внешняя политика Китая была нацелена на приобщение «варваров» к китайской цивилизации. Они приветствовали принятие варварами китайской инвеституры, принятие китайского календаря и т. п. В период Хань Цзя И разработал теорию «гуманного» об-

ращения «варваров» в цивилизованных и лояльных соседей империи. Это политика «сань бяо у эр» («три нормы и пять прельщений»).

Допустимы были и активное применение силы, дипломатия не допущения политического усиления соседних народов и племен, разрушение их возможных союзов, предотвращение их вторжения в империю.

Китайцы в додинастический период и в начале истории империи Ляо старались навязать киданям статус «вассала». Однако развитие империи Ляо вынудило Китай признать силу киданей и более гибко применять дипломатию.

Принято считать, что китайское влияние благотворно сказывалось на общем развитии киданей и Ляо и лишь неумелое использование южного опыта, рост интереса к роскоши изнежили киданей и предопределили их гибель. Можно согласиться с тем, что китайская стратегия сработала, но важно и другое. Интруизирование китайского компонента во многом искусственно тормозило развитие и деформировало самобытность культуры кочевников. Этот процесс активно пошел во второй половине истории Ляо, еще активнее в период чжурчженьской империи Цзинь.

На это обстоятельство профессиональные востоковеды уже давно стали обращать внимание, однако, здесь есть и определенный парадокс. Именно успешное развитие кочевой империи привело одновременно к усилению взаимодействия с Китаем, который был несомненным лидером и центром восточноазиатской цивилизации. Соответственно китайская культура как медиатор начинает корректировать развитие нового цивилизационного варианта — это привычно называется «разлагающим» влиянием китайской культуры. После того, как монголы уже пришли в Китай, это взаимодействие достигло апогея, кочевой вариант восточноазиатской цивилизации стал доминировать и лишь с огромным трудом китайцы «освободились» от «гнета» монголов. При маньчжурской династии Цин возрастает влияние потомков чжурчженей — маньчжур, но после Синхайской революции 1911 г. они оказались полностью в зоне Китая.

Тем самым был поставлен предел экстенсивному развитию монголоязычной зоны, но лишь в условиях традиционного скотоводческого хозяйства. «Возрождение» происходит уже в XX в., когда в регионе начинает активно действовать новый игрок — СССР, а потом и Россия. Усиливаются связи с народами Сибири, медиатором

чего становится Бурятия. Сложная ситуация складывается во Внутренней Монголии.

На политику Китая по отношению к Ляо повлияли шедшие в кочевой империи процессы интенсивного экономического развития, этнополитическая интеграция, искусство управления рода Елюй, искусная дипломатия, военная мощь, авторитет в Восточной Азии. В значительной степени специфика именно внутреннего развития Ляо и Китая влияла на их взаимоотношения и создавала те или иные модели отношений.

Таких моделей можно выделить несколько. Они, как правило, совпадают с этапами развития киданьского народа.

В начале своей истории кидани были больше заняты проблемой выживания и были — частью кочевников, не входящей в непосредственный контакт с Китаем. Они были своего рода «этническим мусором», оставшимся после распада конгломератов дунху и сяньби. Таких осколков было в то время немало. Китай от них отделяли другие племена. Они не были непосредственными вассалами, и столкновений интересов не было.

В этот период складывались предпосылки будущей философии внешней политики народа. На этой предварительной стадии происходило осмысление опыта крупных этнополитических объединений, а не мелких родов. Находясь в подчинении тюркам и уйгурам, постигали их опыт общения с Китаем, а, став уже крупным объединением, в той или иной мере или степени участвовали в общении.

Убедившись после отрыва от дунху и сяньби, в цивилизационном верховенстве Китая они окончательно переориентировались от чисто кочевого мира, начали противопоставлять себя чистым кочевникам, но в той или иной мере и оседлым. Это стало существенной предпосылкой самообособления киданей, и от кочевников, и от Китая, хотя для китайцев оставались одними из «варваров четырех сторон света».

Это можно назвать одновременно и этапом во взаимоотношениях с Китаем, и первой моделью этих отношений, когда они общались практически опосредованно и начали употреблять первоначальный опыт. Думается, одним из существенных «открытий» того времени для киданей стало понимание того, что с такой могущественной силой, как Китай, необходимо общаться и договариваться.

Вторая модель киданьско-китайских отношений стала складываться в тот период, когда «варвары» кидани оказались в непосредственной зависимости от Китая.

Именно в это время китайцы стали усердно изучать киданей — в разного рода текстах появлялись посвященные им экскурсы, к ним зачастили путешественники. Четко ставятся проблемы происхождения киданей, их цивилизационной принадлежности. Кидани некогда вошли в зону «цидань» в качестве «чужих», стали «своими», однако все еще лишь как варвары.

И сами кидани, заимствуя опыт могущественной цивилизации, в большей мере воспринимали близкое им восточноазиатское, в целом, но не конкретно китайское. К тому же они уже пустили глубокие корни в «монгольской» зоне, ибо в массе своей оставались кочевниками, а не оседлыми. Даже «хань эр» (китаизированные), жившие в пограничных районах, часто уходили к киданям.

На стадии этой модели обе стороны четко определили себя по отношению друг к другу как:

- 1) жители одной восточноазиатской зоны,
- 2) в то же время антиподы кочевники/ земледельцы,
- 3) обладающие самобытной культурой,
- 4) создатели собственной страны (так считали кидани, но не китайцы), которая, по словам киданьского правителя, «не хуже» другой.

В данном случае может быть использована формула Н. Я. Бичурина: «на востоке Азии существует государство, которое по своей противоположности во всем с прочими государствами, составляет редкое, загадочное явление в политическом мире. Это — Китай, в котором видим все то же, что есть у нас, и в то же время видим, что все это не так как у нас» [1, с. 29]. Следует подчеркнуть, что сказанное может быть отнесено и к киданьскому государству.

Третья модель отношений создается в период противостояния киданьской империи Ляо и китайских государств.

Многовековому китаецентризму начинает противостоять медленно формирующийся киданецентризм. Это хорошо видно на восприятии двумя сторонами мира в Шаньюане (1004 г.). Если для киданей это был договор равных, то китайцы воспринимали свою империю сверхдержавой. Они оказались хитрее «варваров» и, отдав киданям ряд территорий, взамен получили множество экономических выгод.

Кидани в этот период сделали многое для сохранения сложившихся в регионе отношений. В частности, по сути, именно кидани, взяв «под контроль» северный Китай, спасли его от окончательного распада в период пяти династий. Они не стали полностью аннексировать регион сами и фактически обезопасили

его от аннексии со стороны других сил. Многие кочевники осуществляли набеги туда, тангутское государство Си Ся взвешивало свои возможности. Китайские династии передохнули и снова объединились в рамках могущественной империи Сун. И Ляо признало это объединение! Сун, по сути, правопреемница Танской империи и кидани это поняли и признали, тем более, что «Пять династий» позиционировали себя ниже.

Особую роль в познании друг друга и некотором размывании этнокультурного барьера сыграли переходы киданей или китайцев на другую сторону. Жившие на фронтире «хань эр» многие знания и навыки передали киданям. Они чаще всего и были теми «китайцами», которых активно использовал основатель империи Елюй Апоки. Следует отметить, что слово «китайцы» в текстах не означало принадлежность именно к ханьцам. Вдоль Великой стены, по обеим ее сторонам, издавна селились кочевые и полукочевые выходцы с «варварского» севера (ухуани, сяньби, тюрки, кидани). Если они не возражали против китайского управления, территория их обитания автоматически включалась в состав того или иного округа. Инородцам, как правило, жаловались и ханьские фамилии. Исходя из этого, легко предположить, что «китайцы», массово переселявшиеся в первые годы киданьского государства, как правило, и были этими людьми. Разумеется, они находились под существенным воздействием китайской культуры и не могли жить по чисто киданьским законам и порядкам. Для них и создавалась особая система управления.

Им присваивали китайские имена, под которыми они и фигурируют в источниках, но они оставались по сути своей прежними «варварами». Собственно китайские крестьяне и горожане не хотели уходить к киданям, наоборот, при приближении киданей и их войск убегали вглубь страны. Этот форонтир, «серая зона», постепенно расширялась, правда, преимущественно на севере. Ляо и Сун пытались регулировать площадь этой зоны. Кидани даже пошли на создание особого «южного» государственного механизма.

При этом запускалось несколько механизмов установления близких отношений между народами. И те, и другие беглецы были чаще всего бедными, представителями низов. Они испытывали постоянную ностальгию по родине, старались помочь ей всем, чем можно.

Кидани могли не принимать многое из конфуцианства еще и потому, что его рецепты могла использовать кочевая аристократия. Политическая рецептура Китая действительно подразумевает обязательное наличие старой наследственной аристократии: «Правящий с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий».

Существование и эволюция дихотомий «кидани — китайцы» и «Ляо — Сун» имело особое значение, ибо первые века второго тысячелетия были временем окончательного оформления феодализма. В данном случае выявлялись не только цивилизационные различия, но и формационные факторы развития. Мы имеем дело с двумя вариантами феодализма на основе разных видов хозяйства — скотоводства и земледелия. При анализе восточноазиатской истории это обязательно надо учитывать, видеть формационноцивилизационный крест. Безусловно, кидани первыми сформировали развитое феодальное общество — на основе кочевого скотоводства.

В итоге мы видим, что конкурируют разные цивилизации, разные экономики, разные этносы, разные варианты феодализма, разные культуры, разные философии развития, разное понимание государства. Это разносистемные государства. Они сосуществуют в экстремальных условиях, и это резко стимулирует принципиальное размежевание двух аграрных феодализмов.

Процесс этот принципиальный и экзистенциальный. Одним из его непосредственных и грандиозных последствий станет «мировая война» XIII века как военное противостояние двух феодализмов.

И все же при Ляо и Сун, несмотря на то, что были стычки между ними, доминировало активное экономическое и культурное сотрудничество, партнерство в урегулировании международных конфликтов.

В период гибели империи Ляо (первая четверть XII в.) сложилась модель жестких конфронтационных отношений двух разносистемных государств. Наблюдается жесткое идеологическое и политическое противостояние, идут крупномасштабные военные действия.

Если рассматривать эти отношения в широкой амплитуде, то нужно видеть существенное и важнейшее.

Ляо по комплексной государственной мощи превзошла и китайскую империю Сун, и тангутское государство Да (Си) Ся. Тем не менее, кидани всегда выступали за равенство сторон. Отдельные их высказывания о своей силе, или даже превосходстве в чем-то говорят лишь о том, что они знали себе цену, но все же не пользовались этим так, как им это приписывалось.

В реалии шло взаимодействие разных вариантов восточноазиатского цивилизационного комплекса (представлен одновременно и Сун, и Ляо) или, по меньшей мере, трансазиатского (Ляо имело выходы в Сибирь, на Средний Восток, к тюркам, мусульманской культуре).

Все указанные модели взаимодействия киданей и китайцев в той или иной степени сосуществовали на всем протяжении истории. Китай в принципе никогда не мог отказаться от китаецентризма, а у киданей было двойственно-диалектическое восприятие Китая — они ощущали себя частью северного мира (Монголия, Южная Сибирь), но по уровню развития и форме политической организации оторвались от него, хотя и не стали частью мира южного.

По сути, они создали свой собственный мир — он оказался в силу этого довольно искусственный. Это не китайская империя, но и у кочевников феномена «коренного государства» (бэньго) тоже нет. В результате слабость киданьского мира удваивается. Да и сама по себе «имперская» конструкция как поле перманентной трансформации слаба.

Несомненно, что позитивный заряд в этих отношениях присутствует больше, чем негативные моменты. Можно применить традиционную китайскую формулу «сань цикай» («отделять три от семи»): 70 % положительных и 30 % негативных элементов и явлений. Высчитать точное соотношение сложно, но главное здесь активное взаимодействие, а конфронтация вторична.

Оба эти варианта работали одновременно и обе стороны упрекали друг друга в лицемерии и предательстве. На самом деле, на севере Китая и в Монголии боролись два сценария будущего развития. Китай стремился северян вернуть в прежнее состояние, именно киданей. Остальные кочевники их устраивали, и они сталкивали их с киданями. Даже в чжурчженях они видели сначала лишь разрушителей Ляо и, когда они стали строить свою империю, перенесли борьбу уже на них.

Кидани строили свой мир и в Китае видели другое государство, а в северянах видели лишь «варваров» (по этой причине последний киданьский император Елюй Тяньцзо не принял план принца Елюй Даши по спасению государства путем обращения за помощью к северным племенам) и старались не допускать их в пределы «киданьской земли». Наоборот, туда старались переселять других «варваров», например, бохайцев.

Мы видим разные долгосрочные внешнеполитические стратегии. Если кидани выступали за мирное сосуществование, то Китай боролся за восстановление системы «империя — варвары».

Именно наличие и столкновение этих стратегий, отсутствие у киданей такого же долговременного внешнеполитического опыта, как у китайцев, и вызывало различные «негативные моменты». Отдельные кочевые роды не всегда подчинялись центральной власти и осуществляли самовольные набеги на Китай. «Сдерживание» киданей со стороны Китая приводило к минимизации экономических контактов, использованию даже санкций, ожесточенной информационной «холодной войне» — все это сказывалось не только в пределах самого Китая, но и среди кочевников и, тем более, среди самих киланей.

Важным методом информационной войны и соответственно искажения правды о них было собирание сведений о них. Записки послов и путешественников стали «свидетелями» в этом деле, в них намеренно подбирался материал об экзотике киданей (обычаев, традиций), политическая и уголовная хроника. Много писалось об их невежестве, дикости, лицемерии, безнравственности. О достижениях киданей почти ничего не писалось.

Таким образом, против киданей на всем протяжении шла тяжелейшая, далеко не всегда успешная, гибридная война. Никогда и ни с кем китайцы не боролись так упорно и так трудно. Это уникальный случай! Если не считать западных киданей, с которыми особенно жестко боролись мусульмане, чаще ожесточеннее, чем между собой. Дело здесь не в том, что кидани были чужими на территории Восточного Туркестана, — они реально могли создать долговечную империю и резко ослабить мусульманский мир.

Киданям, единственному народу в тогдашней тюркомонгольской зоне, пришлось ожесточенно бороться именно с оседлыми государствами, ибо они резко вырвались вперед по сравнению с другими кочевниками.

В рассмотрении данной темы часто рассматриваются не стратегии, а политические интересы. Соответственно часто историю отношений делят лишь на этапы, не замечая, что цивилизационная стратегия всегда неизменна, а интересы и механизмы изменчивы и подвижны. К тому же, это стратегия именно элиты, а не некиих безликих киданей. Любая элита смотрит далеко вперед. У племенной аристократии на первом месте интересы, у локальной знати — выгода. Здесь налицо вековая заслуга киданьской элиты.

Другое дело, что и у киданей и у Китая действует так называемая «дисперсная стратегия», когда отношения строят поразному с другими акторами. Главное же в том, что они все же определяются цивилизационной парадигмой. У Китая вечный китаецентризм, стремление выстроить однополярный мир, у Ляо — выстраивание многополярного мира. Однополярность Китая предполагает, что кочевая экономика становится придатком Китая, упраздняется суверенитет Ляо, а влияние Китая простирается до конца экономической выгодной зоны (Южная Сибирь), китайская культура доминирует на уровне элиты и аристократии (для знати она не обязательна).

Аграрная экономика, которая существовала в обоих государствах, замкнута сама на себя, локальна преимущественно, и по этой причине преобладали краткосрочные интересы. Союзничество было невозможно в принципе, даже с тангутским государством Си Ся, а тем более, с кочевниками. Уже по этой причине территория между Ляо и Сун всегда была дугой напряженности.

По-разному между киданями и Китаем шли экономическое взаимодействие и политический диалог. Экономика и ее интересы не были в центре внимания, ибо это были разные экономики. Во внешнеполитической сфере было мало точек пересечения. Кидани преимущественно ориентировались на кочевой мир, у них была самодостаточная экономика, из Китая получали преимущественно предметы роскоши. Частично лишь через Ляо шли и товары из мусульманского мира. Китай же ориентировался на материковую торговлю.

В обоих обществах существовали «китайская угроза» и «киданьская угроза». Это тоже сдерживало сближение стран. Интеллектуалы обеих стран не могли и не хотели активно общаться друг с другом, что само по себе говорит об их самобытности. В Китае на первом месте конфуцианство, в Ляо — буддизм и тенгрианство.

В итоге практически всегда существовала ситуация «наверху тепло, а внизу холодно», но чаще доминировало взаимное неприятие, прикрываемое холодной вежливостью.

Неприязненное отношение к киданям в Китае проявляется в той или иной мере и сейчас — они рассматриваются как бандиты, захватчики, варвары, застойное общество, и это невзирая на то, что кидани создали мощную культуру и империю. Более того, это ставится им в вину — они будто бы хотели покорить Китай, но тот отстоял свою независимость.

Стоит отметить, что в то время еще не существовали многие положения современного международного права, в частности, формально не работал один из основных принципов международных отношений — воспринимать партнера таким, каков он есть. А кидани не опускали имиджевый статус ниже реального, признавали желание своего партнера позиционировать себя по-своему. Китайцы же не только не признавали статус киданьского государства как законной этатической конструкции (сделали это лишь в XIII в. и то после ожесточенных споров и под нажимом монголов), но и объявляли его, по сути, преступной организацией, созданной для нападений и грабежей.

Стоит отметить, что кидани никогда не вступали в наступательные союзы против Китая, а империя Сун пошла на коалицию с чжурчжэнями с целью уничтожения Ляо. Ее союз с Цзинь был направлен на то, чтобы «спилить» империю Ляо как дерево, а потом засадить новыми «посадками» — кустами, мелкими государствами или племенами, а не новым «деревом».

Подводя итог, можно сказать, что в целом отношения между киданями и китайскими государствами были сложными и включали как военные операции, так и дипломатические акции. Очевидно, что оба государства не ставили перед собой задачи полной ликвидации соседа, и старались извлечь максимум преимуществ из общения друг с другом. Ляо стало мощным заслоном для проникновения кочевых племен в китайские пределы и хорошим противовесом в отношениях с тангутами, тибетцами и другими народами Восточной Азии. Для киданей южные соседи давали возможность активно использовать «общемировую» восточноазиатскую культуру, сложившиеся торговые коммуникации, южные рынки для сбыта своей продукции и получения необходимых товаров.

15. Особенности формирования и развития киданьского управляющего класса

Киданьская социальная структура отражает имперский характер государства и тоже носит двойственный характер, хотя это вызвано и иными причинами, чем в случае с экономической ситуацией. В Ляо, как и в остальных евразийских классических империях особую, системообразующую роль играет этнос, в данном случае кидани. Именно они создают «жизненное пространство» государства, структурируют его, упорядочивают. Естественно, что под их

контроль переходит большое количество самых разнообразных социальных и этнических групп. Со стороны это выглядит как завоевание, так оно воспринимается всеми соседями, да и самими киданями тоже. В данном случае «завоевание» — это форма и механизм форматирования пространства, которое, в свою очередь, есть не прихоть самих киданей или результат наличия у них какойто особой силы, а следствие давно идущих процессов складывания цивилизационной зоны. Задолго до киданей это пытались сделать различные этнические группы тюрок и монголов.

В результате завоевательных походов кидани покорили и включили в состав империи Ляо множество кочевых монголоязычных и тюркских племен, находившихся на разной стадии развития, часто на уровне родоплеменного общества, а также оседлое бохайское и китайское население.

Особенности развития киданьского управляющего класса

Интерес к прошлому и настоящему тех слоев населения, которые заняты управлением общества, существует на всем протяжении человеческой истории во всех цивилизациях. Как уже говорилось, это одна из вечных исторических и политологических проблем. Естественно, что каждая цивилизация для обозначения управленцев выработала свои наименования. В рамках европейской общественной мысли сложилось несколько таких терминов. Это, прежде всего, «знать», «аристократия», «элита», «правящий класс». Все они возникли в разное время и в разных обществах, однако, во многих ситуациях, особенно в публицистике, рассматриваются как синонимы. Понятия «аристократия» и «знать» часто используются в негативном смысле, особенно в марксистской литературе. Это особенно характерно для российской науки в настоящее время, когда мы, безусловно наблюдаем в некотором смысле плохо контролируемый информационно-терминологический хаос. Предпочесть один какой-то не хватает достаточных оснований и поэтому они чаще всего используются одновременно. Однако, думается, даже в этом случае они, с учетом их специфичности, могут быть расположены в определенной иерархии. Именно элитологическая история киданьского общества позволяет это проиллюстрировать достаточно ярко. Кидани, существовавшие на протяжении тысячи лет (III – XIII вв.) в одном из самых сложных и густонаселенных регионов мира (Восточная Азия), создали и развивали в рамках ряда государств (Великая Ляо, Западная Ляо, Северная Ло, Восточная Ляо) весьма совершенную управленческую структуру, опыт которой изучался на протяжении всех последующих столетий чжурчжэнями, монголами, китайцами, маньчжурами, корейцами. Соответствующий материал может восприниматься как своего рода эталонный для решения тех или иных проблем кочевой элитологии.

Мы имеем дело с достаточно уникальным случаем в истории кочевниковедения — рассказ о киданьской элите может и должен быть многотомным, ибо находящиеся в нашем распоряжении тексты («Ляо ши», «Ци дань го чжи», «Цзинь ши», «Юань ши» и др.), содержат обильную и уже структурированную информацию о деятельности и истории киданьской элиты, в некоторых отношениях даже гораздо более обильную и раннюю, чем на Западе. Скажем, в Европе первая история «варварского» государства фактически появилась лишь в XV в. («Краткая история Германии с древнейших времен до наших дней» Я. Вимпфелинга).

Безусловно, наибольшую информацию можно получить на материале истории империи Ляо (907–1125). К тому же она еще в средние века была очень квалифицированно обобщена и структурирована в таких обширных исторических сводах, как «Ляо ши» и «Цидань го чжи», специфику которых в данном случае обязательно необходимо учитывать.

Роль элиты всегда была огромная и «Цидань го чжи» и «Ляо ши» посвящают отдельные разделы и главы могущественным семьям и лицам. В китайских исторических записях они, как правило, обозначаются термином hao. Речь идет о людях, играющих особую роль в экономике, политике, социально и лично независимых, «могущественных и выдающихся» (hao chieh). Эта характеристика во многом подходит и к киданьской элите. Все же в киданьском обществе эти люди редко вставали в оппозицию к центральной власти. И представители элиты, и большинство аристократов были заинтересованы в единстве и силе государства. Оно было мощным внешнеполитическим механизмом эффективных политических и экономических отношений с окружающим миром. О том, насколько успешно государство усиливало эффективность экономики, свидетельствует уже сохраняющаяся на всем протяжении имперской истории ее стабильность. Лишь в конце династии, и то под влиянием внешних условий, наблюдаются кризис, инфляция, социальная нестабильность. Любопытно, что «могущественные люди» не боролись с государственной моделью и не мечтали ее свергнуть, а стремились сами войти во власть.

Именно «Цидань го чжи» и «Ляо ши» содержат обширный и детальный фактологический материал, который позволяет термины

«правящий класс», «знать», «аристократия» и «элита» рассматривать как самостоятельные дефиниции, развести их в содержательном и семантическом смыслах, выстроить их иерархию.

В европейской общественной мысли фактически аксиоматичным является утверждение о наличии в обществе двух крупных классов: «во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизациям и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят» (утверждение Г. Моска). По мнению В. Парето, это обусловлено биологической неоднородностью людей и тем, что всегда выделяются люди, обладающие врожденной способностью руководить.

Думается, на происхождении всех этих представлений сказывается помимо всего прочего и широко распространенный с эпохи Просвещения тезис об антагонистическом устройстве общества, о борьбе эксплуататоров и эксплуатируемых. В этом случае все члены общества, кроме непосредственных производителей (крестьян, рядовых кочевников), автоматически переводились в разряд угнетателей. Здесь видится мировосприятие социальных низов — горожан, не входивших много веков в трехчастную модель общества, крестьян эпохи разложения феодальной эпохи, поднявшихся на великие крестьянские войны, пролетариев, подвергавшихся в эпоху первоначального накопления капитала неимоверной эксплуатации, просветителей, объявивших войну всему «старому», церкви и «феодальным порядкам».

Реальная модель традиционного общества действительно покоится на идее неравенства как базовой. По словам Аристотеля, равенство возможно между равными: с равным следует обращаться равно, а с неравными – неравно. Епископ Лимерикский Гилберт в своем сочинении De statu ecclesiae («О статусе Церкви», 1130) рисует общество как иерархию – это люди молитвы (oratores), землепашцы (aratores) и воины (bellatores). Трехфункциональную модель общества (жрецы, воины, скотоводы и пахари) отстаивал и Ж. Дюмезиль, который выделял такие основные функции, как космического (мирового) и правового порядка; vкрепление физической использование силы (воинская поддержание благосостояния (экономическая функция). Можно упомянуть и известное изречение «Богу — богово, кесарю — кесарево» (Мф. 22: 15-21). Само неравенство общественных слоев связано с разной их ролью в организации производственной и общественной жизни. Это в свою очередь обусловлено спецификой отношений собственности, в частности, особой ролью земли как основного вида богатства. Как в оседлом, так и в кочевом обществе земля более важна, чем все остальные виды средства обогащения (рабы, деньги, должности, торговля, творчество). В результате по отношению к земле выстраивается своеобразная очередь людей, которые обладают той или иной степенью возможности распоряжаться ею, но не владеют ею полностью — так называемая «феодальная лестница». Земля считается ничьей, «божьей». У киданей она считалась, прежде всего, государственной, «киданьской землей». Все, что произрастает на земле, считалось даром Неба. Отсюда широкое распространенное в традиционном обществе отношение к жизни как быстротечной и мимолетной. Земля — то начало, к которому, в конце концов, человек возвращается.

Вместо принципа землевладения в традиционном обществе господствует принцип землепользования. Крестьянин или рядовой кочевник зависит от общины и держателя земли (рыцарь, глава рода). Они же «получают» право распоряжения от вышестоящего и так по цепочке до самого верха: вождь племени — хан — Небо; граф — герцог — король — Бог. Небо или Бог выступают, по сути, как олицетворение обычаев и традиций, кутюмов, законов, регулирующих состояние всей социокультурной модели.

Налицо два сектора и два класса людей. Одни «сидят» на земле, т. е. занимаются производством (крестьяне, рядовые кочевники), другие занимаются вопросами обеспечения бесперебойности развития производственного цикла – обеспечивают охрану территории, распределяют получаемые продукты, регулируют межродовые, межплеменные и межэтнические отношения. Между этими секторами неизбежны проблемные отношения, а порой и конфликтные. В качестве антагонистических они станут оцениваться лишь на стадии разложения этой модели. Отсюда, вероятно, стоит называть тот класс, который стоит над непосредственными производителями, не классом, который правит, а классом, который управляет, т. е. управляющим классом. Конечно, в реальной жизни эти отношения осмысливаются с помощью дихотомии господствоподчинение, но сущностной здесь является дихотомия производство-управление. Непосредственных производителей большинство, управленцев гораздо меньше. Это «господствующее меньшинство» неоднородно, что зависит от степени оседлости общества, специфики экономики, уровня централизации государства, особенностей исторического и политического развития и т. д.

История любого государства — это история его элиты, ибо письменные источники фактически содержат информацию почти исключительно об элите. Изучение киданьского государства всегда в центре внимания исследователей и всегда фактически осуществляется изучение элиты, однако до сих пор ее не отделяли от всего остального общества и таким образом невольно или вольно приписывали достижения θcem киданям. Конечно, кидани играли ведущую роль в истории региона и своего государства и уже поэтому мы имеем дело с феноменом народа-элиты. Именно «народа», а не «этноса», ибо последний чаще всего лишь региональная конструкция, а «народ» действует в рамках метарегиона.

Чтобы отчетливо увидеть специфику киданьской элиты, надо, разумеется, учитывать и особенности киданьского государства, территории и исторического периода его существования.

Обстоятельства возникновения кочевой империи, несомненно, также повлияли и на возникновение специфической элиты.

Киданьский материал позволяет говорить о существовании трехуровневого управляющего класса, что и дает возможность в полной мере задействовать все три термина — «знать», «аристократия», «элита».

Разумеется, надо учитывать, что эти термины появились в разные эпохи и в разных регионах, хотя и на более или менее близкой стадии развития, кода выстраивалась иерархия родов и племен, шла ожесточенная борьба их друг с другом и вырабатывались нормы и рецепты их сосуществования.

В России в последние два столетия активно заимствуется западная номенклатура понятий и не удивительно, что очень часто трактовка терминов проводится произвольно и хаотично, с тем или иным акцентом на собственных реалиях. Зона существования своеобразной российской цивилизации может по многим параметрам считаться маргинальной. Здесь постоянно, как это ни парадоксально звучит, происходит «встреча» Запада и Востока, различных евразийских цивилизаций, что несомненно и является одной из причин терминологической путаницы и даже смысловой какофонии. Ни один из данных терминов из европейской и русской культур выбросить невозможно и уже хотя бы поэтому делаются попытки разобраться в их соотношении. В России они часто воспринимаются в качестве синонимов и наблюдается таким образом путаница и смысловая какофония, ибо ее территория во многом маргинальная зона, где происходит встреча цивилизаций.

Низовой уровень, он же базовый, представлен «знатью», одновременно как наибольшей в количественном отношении частью, первой по происхождению, и по возможности приложения к историческому материалу.

Ее статус определяется уже этимологией. Само слово «знать», как известно, индоевропейского происхождения (ср. также латышск. zināt, нем. Kennen). В славянских языках является производным от знати — «отличать, замечать, знать, узнавать». Речь идет, прежде всего, об узнавании своих сородичей по родовому знаку.

Во всех обществах знать — наследственный, привилегированный слой общества, который оказывает существенное влияние на политику. В Европе она формировалась из коренных жителей главного города (римские патриции), из племени-завоевателя (франки в Галлии). Знать чаще всего является военной прослойкой, однако в средневековых городах-государствах Италии к знати относились и купцы.

В киданьском обществе знатные люди это те, кто принадлежит, прежде всего, к родовой знати. Свои претензии на исключительность знать обосновывала, в частности, тем, что знатные люди наследуют лучшие свойства людей — нравственные (смелость, правдивость, щедрость) и физические (высокий рост, гладкую не загорелую кожу, тонкие аристократические пальцы). Люди незнатного происхождения могли попасть лишь в низшие слои элиты. Внешний яркий отличительный признак их — знание своего первопредка и всех родных до седьмого колена. Основатель государства Елюй Апоки гордился тем, что принадлежал к роду Елюй (Ели, Шили) — одному из трёх правивших кланов киданей. Основатель западнокиданьского государства Даши тоже принадлежал к императорскому роду Елюй, и в «Ляо ши» особо подчеркивается, что он был потомком основателя восточного киданьского государства Елюй Апоки в восьмом поколении³².

С одной стороны, можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что потребность человека сохранять в памяти прошедшее и способность подвергать его непрерывному и всестороннему анализу во имя насущных потребностей есть одно из тех качеств, которые принципиально отличают человечество от других видов разумных существ на планете. Здесь есть, разумеется,

 $^{^{32}}$ Можно вспомнить попутно неоднократно указываемую в Библии связь отдельных людей с персонажами ветхозаветной истории, например, родословные И. Христа.

и элемент простой любознательности, но, в то же время, историческое сознание не только помогает отдельному человеку обрести свое место в том или ином социуме и понять свое отношение к окружающему миру в самом широком смысле («без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего мы в нем живем, как и к чему должны стремиться»), но и самому социуму определиться в пространственно-временном континууме. А это означает, что представление об «истории» является одной из крупнейших и существеннейших характеристик культуры, что оно является плодом социального развития.

История была, судя по всему, любимой темой для всех кочевников, в том числе и киданей, но именно для верхушки общества, начиная со знати, она предмет особо значимый. Здесь можно вспомнить слово «манкурт», которое предложил Чингиз Айтматов в своем романе «Буранный полустанок» («И дольше века длится день»). Так он назвал человека, не помнящего ничего из предыдущей жизни: «Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери – одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом. Лишённый понимания собственного "Я", манкурт с хозяйственной точки зрения обладал целым рядом преимуществ. Он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о бегстве. Для любого рабовладельца самое страшное – восстание раба. Каждый раб потенциально мятежник. Манкурт был единственным в своём роде исключением – ему в корне чужды были побуждения к бунту, неповиновению. Он не ведал таких страстей. И поэтому не было необходимости стеречь его, держать охрану и тем более подозревать в тайных замыслах. Манкурт, как собака, признавал только своих хозяев. С другими он не вступал в общение. Все его помыслы сводились к утолению чрева. Других забот он не знал. Зато порученное дело исполнял слепо, усердно, неуклонно. Манкуртов обычно заставляли делать наиболее грязную, тяжкую работу или же приставляли их к самым нудным, тягостным занятиям, требующим тупого терпения. Только манкурт мог выдерживать в одиночестве бесконечную глушь и безлюдье сарозеков, находясь неотлучно при отгонном верблюжьем стаде. Он один на таком удалении заменял множество работников. Надо было всего-то снабжать его пищей – и тогда он бессменно пребывал при деле зимой и летом, не тяготясь одичанием и не сетуя на лишения. Повеление хозяина для манкурта было

превыше всего. Для себя же, кроме еды и обносков, чтобы только не замерзнуть в степи, он ничего не требовал...».

Четко прослеживается связь знати с определенной территорией, на которой она проживала и трудилась и за пределы котоне выходила. Роды были основными правило, структурными единицами государства. Они же составляли основу армии. Этот фактор обеспечивал непрерывность и преемственность этногенеза. Союзы племен или империи сменяли друг друга, а племена чаще всего сохранялись на прежних местах. Нужно учитывать и то, что часто киданьскими именовались роды и даже племена, которые имели собственное этническое лицо. Смена названий и самоназваний часто практиковалась в Степи и было вполне логичным в политике. Это могло быть проявлением политической лояльности или давало преимущества в статусе. Сообщается, например, что «между р. Оршунь и Халхин-Голом кочевали унгираты. Оба эти народа были включены в число собственно киданьских (внутренних – по терминологии «Ляо ши»), т. е. причислены к киданям, что давало им преимущества по сравнению с племенами, не входившими в состав киданей». Племена сохраняли свою организационную самостоятельность и это серьезно замедляло их интеграцию в состав «киданьского народа». Часто сохранялись и языковые отличия. Киданьская знать получала огромные доходы за счёт фискальных поборов империи Ляо и связей с китайскими землями (торговля, откупы, дары и пр.) и не видела необходимости в дальнейших завоеваниях. Знать — это своего рода потомственное служилое дворянство, занятое управлением на местах – охраной мест обитания, пастбищ и перекочевок, организацией набегов, участием в походах в качестве низшего командного состава и т. д. Для успешного ведения кочевого хозяйства удобнее всего именно малые формы организации в виде отдельных племен или кланов.

Этнический состав знати очень пестр. Это не только и даже не столько кидани, сколько представители тех племен, которые контролировались империей. Сохраняли свое положение во многом и знатные завоеванных народов. Это свидетельствует не только о стремлении использовать их для контроля над оккупированными территориями, но и о том, что кидани объединяли близкие территории, а не захватывали чужие земли.

Положение знати не киданьских племен определялось тем, каким образом они были завоеваны. Если племена покорялись киданям без сопротивления, то по указу 921 г. они приравнивались к

киданьскому населению, становились, по выражению китайских авторов, «покорными варварами» и получали право самоуправления, хотя и под контролем киданьских чиновников. Те же роды, которые оказывали завоевателям сопротивление, переселялись в другие районы страны либо включались в состав военных поселений, где использовались на военной службе. В Ляо переселяют некоторых из побежденных бохайцев, мятежников. Они медленно эволюционируют в «киданьский народ» как имперский, хотя впоследствии, в виду незаконченности этого процесса, составят фундамент сначала «чжурчжэньского», а потом и «монгольского» народов. Оседлое китайское и бохайское население по указу 921 г. составляли группу, которая ставилась по своему общественному положению ниже «варваров». Главной причиной того, что бохайцы находились на самой низшей социальной ступени среди всех покоренных народов, являлось большое количество поднимаемых ими восстаний. Эти восстания жестоко подавлялись, а их участники переселялись в другие районы. Бохайцам было даже запрещено играть в свою этническую игру поло, поскольку она, по мнению киданей, давала возможность для военных тренировок. Знатные бохайские семьи находились под особым контролем. Стремясь предупредить возможные выступления бохайской знати и не допустить её чрезмерного обогащения киданьское правительство, по примеру Цинь Шихуана (221–209 гг. до н. э.), переселило их в Центральную столицу.

Как рядовые кочевники, так и «рядовая» знать вовлечены в процессы широкой горизонтальной мобильности. Лишь верхи общества смешивались с трудом.

Видимо, многие из представителей низшей знати существовали на этих территориях и до образования киданьского государства, входя в иные племенные конгломераты и нося их имя. Как и во всей Евразии, в этом регионе низшая знать расселялась в І тыс. н. э., когда в ходе Великого Переселения Народов происходило очередное освоение евразийского пространства. Были заселены все свободные земли и с ІІІ в., как видно из китайских исторических и династийных текстов, начинается борьба за территории. Она была довольно ожесточенной, и потому наблюдательные китайцы начинают писать о северных «варварах» подробно как никогда до этого. Кидани в этой ситуации очень скоро становятся лишними, их довольно быстро сгоняют с занятых мест и практически вся их додинастийная история — это история скитаний по Восточной Азии и войн с различными племенами. Вероятно, этот фактор повлиял на

то, что они становятся скорее своеобразным военным народом, чем народом скотоводом или земледельцем. Со временем они обретают свою территорию («киданьская земля») и часть рядовых киданей, видимо, оседает на ней, но основная часть вынуждена, хотя бы для удержания этих земель под своей властью, продолжать заниматься военными операциями и постепенно начала строить ту конструкцию, которую в развитом виде мы называем кочевой империей. Поскольку империя была довольно сложным и неустойчивым образованием, основная масса киданей максимально дистанцировалась от производственного цикла и превратилась в своего рода народ-паразит, присвоив себе функции государственного и военного строительства. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в так называемых «варварских королевствах» Европы, которые создавались усилиями того или иного союза племен. В целом «варвары» в первой половине I тыс. н. э. составляли в Галлии лишь малую часть всего населения, но играли политическую роль обратно пропорционально своей численности. Почти все они (готы, бургунды, свевы и др.), кроме, пожалуй, франков стали управляющим классом, возвышаясь над местным населением. Франки, которые в большей мере оседали на землю, стали частью родовой знати, но и они в то же время образовали слой элиты («меровингская знать»). «Франкское» государство и обе династии, Меровингская и Каролингская, были созданы этим «народом-завоевателем».

Количество и удельный вес киданей возрастает снизу-вверх по социальной лестнице. Киданьский народ располагался в этносоциальной структуре империи наподобие треугольника, опрокинутого вершиной вниз. Чем ниже был социальный уровень, тем меньше в нем было киданей. В то же время, остальные этносы можно изобразить в виде треугольника, обращенного вершиной вверх. Чем выше был социальный уровень, тем меньше в нем было иноплеменников. Символически картину имперского общества можно изобразить в виде сплетения этих треугольников. Следует отметить, что речь идет не только о так называемом кочевом «севере», но и о юге, где основную массу населения составляли китайцы.

Это можно назвать моделью общества, в котором ярко представлена ксенократическая составляющая. Нечто подобное мы наблюдаем в чжурчжэньской и монгольской империях, в «варварских» королевствах раннесредневековой Европы.

Уровень аристократии был местом своеобразного равновесия и противостояния между киданями и предводителями других племен. Именно здесь чаша весов постоянно колебалась то в одну, то в другую сторону.

Знать и служилые люди в некотором смысле тоже противостояли друг другу. Служилым часто приходилось проверять деятельность родовой знати и вмешиваться в их дела. Их задачей было регулировать отношения

Численность и удельный вес собственно киданей в рядах управляющего класса возрастает снизу — вверх. Это характерно и для других раннесредневековых государств как раннецивилизационных.

Здесь проявляется модель евразийского раннесредневекового государства как раннецивилизационного. После образования киданьского государства начинается массовый подъем киданей через социальные лифты в верхи общества, результатом чего стала довольно пестрая ситуация. Незначительная часть сравнительно бедных или переселенных членов киданьских племен вошла в слой локальной знати, основная масса киданей составила слой аристократии (воины и управленцы) и верхушка стала элитой, которую возглавил род Елюй. Это привело к тому, что у киданьской империи не стало прочного этнического фундамента, что, впрочем, характерно для всех средневековых евразийских государственных образований, в которых титульный этнос сосредоточил в своих руках лишь управленческие функции. Основной массе кочевников

было все равно, кто ими управляет, и они сравнительно легко перейдут впоследствии под власть чжурчжэней.

Примерно также поведут себя впоследствии и представители локальной знати. Именно они после гибели Ляо как своего род офисный планктон сравнительно легко приспособятся к новой ситуации и в конце концов и сами начнут себя воспринимать в качестве чжурчжэньской знати. Также легко они впоследствии станут «монголами». Единственное, что у них может сохраниться в течение бесконечно долгого времени — связь с родом и героемпредком. В этом плане их можно уподобить с потомственным дворянством. Разумеется, возможно и даже неизбежно смешивание их с представителями других родов. Так, кидани неоднократно переселяли в разные места покоренных бохайцев, представителей различных племен.

Правительство стремилось контролировать могущественных людей, особенно иноплеменных. После разгрома Бохая кидани иногда перемещали могущественные семьи в Центральную столицу для удобства контроля. Китайцев контролировали по месту жительства, ибо в других землях они были не особенно нужны, а также через южное правительство, в котором было много киданей. Собственно кидани контролировались через их должности, дела, проекты.

Значение племенной знати никогда не падает. Она, как сидела, так и сидит на земле и участвует в организации непосредственного производства. «Государство» просто надстраивается сверху. Даже у вождей племен иные функции. Социальная дифференциация — результат и выражение процесса складывания двухцикловой модели. В этом плане какие-то народы могут сами «вырасти» до государства, как, например, китайские роды и племена, однако, известны и случаи, когда власть создавали пришельцы. Таковы, по сути, все «варварские королевства» раннесредневековой Европы. Кидани тоже создали власть в районе, где проживали и другие роды. Это рассматривается обычно, как подчинение киданями этих родов себе, но вероятнее всего здесь своеобразное делегирование полномочий по верховному управлению одному из народов.

Это наиболее консервативная часть управляющего класса. Она фактически почти не уничтожается в ходе крупномасштабных завоеваний, тогда как элитные роды часто истребляются сознательно и полностью. Так, например, для судьбы западных киданей имела особое значение битва в августе — сентябре 1210 г. при Таласе. В одном из мусульманских текстов есть сообщение о том, что

«великий султан Мухаммад б. Текеш полностью истребил их и отобрал у них все клады на земле. Та сторона очистилась от них, так что вокруг не встретишь ни одного мужа — [кара] — китая». Возможно, во время войн Хорезма с кара-китаями в начале XIII в. действительно шел настоящий геноцид, ибо киданей стремились уничтожить полностью и можно предположить, что практически полностью были уничтожены представители правящего рода Елюй. Само наименование «кара-китай» («народ китаев») можно понимать, как народ без элиты. Все кара-китаи, упоминающиеся после гибели государства, были всего лишь выходцами с его территории. Представители же родовой знати продолжили свое существование. В монголоязычной среде они легко растворились во владениях новых хозяев, но в иной среде долго помнили свое происхождение. Пару столетий еще находились отдельные люди, гордившиеся своим происхождением от кара-китаев, становилось все меньше и меньше.

«Аристократию» киданей в доимперский период составляли племенные вожди «восьми кочевий» и другие представители знатных кланов. В рамках империи эти люди регулировали ситуацию не на локальном, а на региональном уровне. Деятельность их не описывается детально, однако упоминается несколько более подробно, чем деятельность знати. Племенная аристократия играла особенно важную роль в проведении в жизнь преобразований, инициированных сверху. Она же достаточно активно поддерживала внешнюю политику правительства. Есть мнение, что аристократия – не слой, а «особая форма политической организации, при которой власть принадлежит привилегированным группам общества, внутри которых аккумулируются и ретранслируются моральные, этические и духовные ценности социума». Думается, что у киданей для этого не сложилось достаточных оснований, хотя племенная аристократия и пыталась регулировать ситуацию в своем регионе. Для кочевой аристократии из-за особенностей кочевой экономики и политической жизни всегда было трудно закрепить свой привилегированный статус. Достаточно вспомнить здесь основателя киданьского государства Елюй Апоки, который вынужден был отказаться от своей власти над конфедерацией из-за сопротивления аристократии, апеллировавшей к традициям. Одной из ключевых причин перехода к элитарной форме правления у киданей была именно нестабильность работы этой аристократической системы. Рост значения власти правителя в данном случае стоит объяснять не присущей якобы кочевникам авторитарной власти, это миф, а сложной этносоциальной ситуацией, когда к этническим проблемным отношениям, как это и бывает в переходные периоды, добавляются конфликтные социальные, выливающиеся в противоречия. Это как в средневековой, так и исследовательской литературе получило наименование «разложение строя». Аристократическая система была в кризисе, и происходил рост самостийности и центробежных тенденций. К тому же государство было необходимо для выполнения «общих дел» (оборона региона, ликвидация последствий стихийных бедствий, регулирование товаропотоков и др.). В Ляо медленно складывается имперская идеология, но всегда существовала оппозиция, которая имела и свою контридеологию (аристократическая система). Она проявлялась в сложных отношениях с племенами, восстаниях братьев императора или его родственников. У аристократии во взаимоотношениях с элитой всегда были аргументы о том, что она древнее империи, происходит из древности и опирается на ментальную парадигму, но у элиты была мощная контр-идея, связанная с божественной сущностью императора. К тому же, знать и аристократия ориентировались на ментальную культуру, фань, тенгризм, а элита, прежде всего роды Елюй и Сяо, на модель «империи» и восточноазиатскую культуру в целом. Соотношение этих ориентаций неизбежно носило характер дихотомии. Если это не порождало острые конфликты, то все же определяло известную напряженность во взаимоотношениях «народа» и власти, существование сложного отношения к власти вообще. Поскольку многое в практике власти шло от «ханьского» как концентрированного выражения восточноазиатского в целом, это тоже настораживало «народ» и влияло на известную интеграцию интересов простонародья и знати. Кидани могли не принимать многое из конфуцианства еще и потому, что его рецепты могла использовать кочевая аристократия. Политическая рецептура Китая действительно подразумевает обязательное наличие старой наследственной аристократии: «Правящий с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий». Чжурчжэни впоследствии учитывали эти настроения и пытались оторвать «народ» от элиты. Знать и аристократия сознательно противопоставляли себя остальному свободному населению, подчеркивая знатность своего происхождения, богатство, статус. Окружали себя роскошью, носили особые одежды, вели особый образ жизни, имели дружинников и могли выставить много воинов, содержать их за свой счет. В погребениях особенно много оружия, оно дорогое и совершенное. Пожалуй, искусство особенно

красноречиво говорит о разрыве их с остальным населением и в духовной сфере. Они отличаются тягой к китайской роскоши. Они и в источниках упоминаются таковыми. На первый план выступает военный и скотоводческий характер знати. Конец Ляо, как и любой другой империи, был предопределен достижением такого уровня общего развития, когда начинает выравниваться уровень социального и экономического развития всех ее частей и они из партнеров снова превращаются в соперников. Складывается местная элита, управляющая субрегионом как политическая, и она все меньше начинает нуждаться в поддержке со стороны метрополии. Ее выращивает сама имперская элита, ибо одних высших чиновников недостаточно, а эти люди лучше понимают местные проблемы. В условиях господства этнической системы, разумеется, отношения между этими частями снова начинают обостряться как межэтнические. Если Китай в случае социально-политического кризиса ставил задачу вернуть прежнюю оптимальную династийную модель, то для киданей такой возврат невозможен, ибо в их прошлом такой модели нет. В этой связи сформировалась аристократическая модель, к тому же находящаяся в состоянии кризиса. Если Китай в случае социально-политического кризиса ставил задачу вернуть прежнюю оптимальную династийную модель, то для киданей такой возврат невозможен, ибо в их прошлом такой модели нет. В недалеком прошлом аристократическая модель, к тому же находящаяся в состоянии кризиса.

Киданьские аристократы представляли собой могущественную силу в экономическом и военном отношении. По ЛШ, некоторые из них владели стадами в 10.000 лошадей. Они больше были связаны со скотоводческим сектором, поэтому достаточно активно порой выступали против преобразований элиты.

Позиции аристократии и частного землевладения усиливаются со второй половины XI в. в связи с ухудшением международного положения империи и стагнацией общества. Меньше стали собирать налогов, крестьяне убегали и восставали, меньше становились государственные стада.

Борьба с аристократией нашла отражение в текстах (1063 г.): «Следует сказать, что после смерти императрицы Сяо Цзун-юань (сын императора Шэн-цзуна), носивший титул Лу-вана, используя расположение императора, начал проявлять еще большее своеволие и вместе с одним из своих советников задумал поднять мятеж. Когда этого советника за корыстолюбие и жестокость отстранили от должности, напуганный Цзун-юань стал еще более торопиться с

осуществлением своих замыслов. Император, знавший о намерениях Цзун-юаня, тайно принимал против него меры предосторожности.

Осенью, в седьмой луне, в день *у-у*, Цзун-юань вместе с императором охотились на луговье Ляндянь. Император предложил Цзун-юаню ехать вперед, но тот не согласился. Тогда император двинулся первым и, доехав до горы, свернул налево.

Хун-сяо, сын Цзун-юаня, носивший титул Чу-вана, напал на императора во главе отряда численностью свыше ста всадников и выстрелом из лука ранил императора в руку. Кроме того, под императором ранили лошадь. Когда лошадь упала, некто, занимавший должность старшего учителя, соскочил с коня, подхватил императора под руки и посадил на свою лошадь.

Командующий императорской гвардией Сяо Мэй привел воинов, чтобы защитить императора, и, вступив в бой с Хун-сяо, убил последнего из лука. Император сразился с Цзун-юанем. Потерпев поражение, Цзун-юань бежал на юг, в область Ючжоу, проскакав за один день пятьсот ли. На следующий день он был убит.

Наместник Яньцзина Елюй Мин участвовал в заговоре Цзунюаня. Услышав о его поражении, он вошел в город во главе воинов из сисцев и роздал оружие, хранившееся в храме предков, думая оказать помощь Цзун-юаню. Заместитель наместника во главе солдат-китайцев оказал Елюй Мину сопротивление. В это время прибыл гонец с золотой табличкой, после чего Елюй Мин был схвачен и обезглавлен.

Вскоре в Яньцзин прибыл сам император, который казнил Сяо Сяо-сяня, носившего титул Чэнь-вана, и других лиц, замешанных в мятеже. Отправленные ранее на юг к сунскому двору послы, в количестве нескольких человек, все являлись сообщниками Цзунюаня. Когда они проехали Байгоу, их посадили в клетки, доставили в Яньцзин и казнили. Только один Сяо Фу-янь за заслуги старшего брата Сяо Фу-мэя был помилован».

Создание элиты и образование империи как надтерриториального государства — в субъективном плане следствие нежелания Апоки ссориться с аристократией. Он в конце концов увлекает ее новыми возможностями с помощью обогащения и усиления за счет новой внутренней политики, где бы аристократия играла важнейшую роль.

Однако впоследствии, при правнуках Апоки, именно как итоговая сложилась напряженная ситуация. Аристократия (своего рода «бояре») и элита («дворяне») не могли одолеть друг друга и их соперничество привело к патовой ситуации — невозможно было

вернуться назад к аристократической модели и нельзя идти вперед, к будущей нации. В итоге ляоская «мировая» модель сначала законсервировалась, а потом стала потихоньку гнить.

Происходило естественное перепроизводство элиты, которую уже нельзя было задействовать в полном объеме. В капиталистической Европе «дворяне» пойдут в «буржуа» и появится новый класс, который сменит и феодалов, и дворян. Здесь же буржуазия не могла появиться. Такая возможность возникнет лишь на рубеже XIX-XX вв., когда произойдут «реставрация Мэйдзи (Мэйдзи исин) в Японии и Синхайская революция в Китае.

Знать и аристократия ориентировались на ментальную культуру, фань, тенгриизм, а элита, прежде всего роды Елюй и Сяо, на модель «империи» и восточноазиатскую культуру в целом. Соотношение этих ориентаций неизбежно носило характер дихотомии. Если это не порождало острые конфликты, то все же определяло известную напряженность во взаимоотношениях «народа» и власти, существование сложного отношения к власти вообще. Ситуация в какой-то мере напоминает антицаристские отношения в России. Поскольку многое в практике власти шло от «ханьского» как концентрированного выражения восточноазиатского в целом, это тоже настораживало «народ» и влияло на известную интеграцию интересов простонародья и знати. Чжурчжэни впоследствии учитывали эти настроения и пытались оторвать «народ» от элиты. Значительная часть элиты либо была уничтожена в боях, либо ушла на запад, понимая, что элементарное физическое существование им в новой империи отнюдь не гарантировано.

Киданьская элита и династия Елюй

Еще в древности, например, в Индии, элита выделяется как сословие, задачами которого являются «сражаться» и «управлять». Не их должности определяли их статус, а именно принадлежность к определенному сословию давала им право занимать высокие должности.

В истории киданьского правящего класса модно выделить два периода. В додинастийный происходило формирование знати и аристократии. Основание династии стало революцией, свершившейся неизбежно в условиях, когда стали возникать метарегиональные проблемы, которая аристократия не могла решать в принципе. Это могла сделать только элита. На базе «династийного рода» как своего рода семейной корпорации создавалось нечто вроде «семейной фирмы», «цеха» (universitas). Именно поэтому

правители везде ставят своих родственников, которые, по сути, специализируются именно на управлении, осуществлении власти, солидарны со своим родом, отделяются от остальных родов даже ментальностью, обречены на отчужденность и параллельное существование со всем народом, а в случае кризиса или гибели государства стихийно или сознательно уничтожаются.

Элита в киданьских государствах представлена правящими династийными родами Елюй и Сяо.

Династия — одно из понятий, которое часто применяется в политической и социальной истории, но почти всегда сводится к последовательности правителей, принадлежащих к какой-либо семье или роду. Ее история, как правило, сводится к описанию наиболее известных или влиятельных ее членов. Такие династии практически всегда присутствуют в истории того или иного государства. В истории Европы известны династии Каролингов, Капетингов, Бурбонов, Габсбургов, Стюартов, Гогенцоллернов, Романовых. В истории Китая официально признаны двадцать четыре династии, среди которых такие, как Цинь, Хань, Суй, Тан, Сун, Мин, Цин. Принадлежащими к китайскому кругу земель считаются и «варварские» по происхождению, т. е. связанные с историей кочевых племен и государственных образований, династии Ляо (907–1125), Цзинь (1115–1234) и Юань (1279–1368).

Между тем, история всех евразийских цивилизаций, включая и территории, которым часто отказывают в цивилизованности (Россия, кочевники), демонстрирует, что династия — один из важнейших инструментов цивилизационного строительства.

Уже хотя бы потому, что возможность передачи власти по родственной линии окончательно складывается в период существования крупных государственных образований и цивилизаций, династию можно считать одной из характерных черт именно цивилизации. В наиболее развитом виде они существуют в империях, хотя тенденция к оформлению этого института есть в любом государстве, особенно, если оно долго существует и в нем выделяется группа профессиональных правителей.

Разумеется, династии у оседлых, и кочевых народов по ряду параметров будут отличаться, вместе с тем, именно у кочевников, где роль властной составляющей и отдельных личностей особенно велика и заметна, эту конструкцию можно увидеть максимально полно.

В качестве наиболее репрезентативного примера берется род Елюй в киданьской империи Ляо, период существования которой

можно считать апогеем развития кочевой цивилизации. Серебряная империя киданей вполне может быть использована в качестве примера и потому, что является типичной кочевой империей и ее развитие отражает те закономерности, которые прослеживаются и в других империях, особенно современных ей. Именно в ней появляется и окончательно реализуется возможность формирования типа именно государственного правителя, а не просто военного вождя.

Первая проблема, которая встает при изучении истории любой династии, – причины и предпосылки ее появления. По этой теме существует поистине безбрежная историография, однако чаще всего речь идет о специфике кочевого общества и особой роли их отношений с оседлым миром. Американский антрополог Дж. Флетчер и китайский историк Сяо Цицин считали, что все теории могут быть сведены к семи следующим: 1) хищническая психология кочевников; 2) климатические изменения; 3) перенаселение Степи; 4) нежелание земледельцев торговать с кочевниками; 5) необходимость дополнительных источников существования; 6) потребность в создании надплеменного объединения кочевников; 7) их стремление ощущать себя равными земледельцам и вера в данное им Небом предназначение покорить весь Мир. Об особом значении для кочевого общества отношений с оседлыми соседями говорят многие авторы – О. Латтимор, А. М. Хазанов, С. Жагчид, Т. Барфилд, Дж. Флетчер, П. Голден. Кочевники могли получать необходимую им продукцию земледельческого хозяйства и ремесла как посредством торговли и обмена, так и путем войн и грабежей, для чего и создавали большие степные империи.

Вероятно, здесь существует множество факторов.

Прежде всего, необходимо учитывать общецивилизационные предпосылки. Вместе с формированием цивилизаций складывается вертикальная многоступенчатая модель общества («феодальная лестница»). Это связано с формированием слоев людей, занятых специфическим трудом, своего рода узкоспециализированных специалистов — крестьян, рядовых кочевников, феодалов разных уровней статуса, элиты. Сказывалась и растущая милитаризация общества, особая роль войны и военного сословия.

Этот период в истории евразийских «миров» все чаще именуют вождеством. На этой стадии выделяется и элита. Именно на это обстоятельство в отношении кочевников особо обращают внимание китайские авторы.

Период, в который укладывается история Ляо, - особый в истории Евразии, занявший почти тысячелетие (приблизительно $500 \, \text{г. н. э.} - \text{XIV} - \text{XV} \, \text{вв.}$) и имеющий целый ряд особенностей. Это период т. наз. «поздних кочевников» и бурного развития различных евразийских оседлых цивилизаций. Период X-XII вв. тоже занимает особое место в истории Евразии. Практически все регионы этого полицентричного мира вышли на новый виток своего развития. К началу II тыс. н. э. все пригодные для земледелия и скотоводства территории были поделены, и стала ощущаться острая нехватка земли. Ценность ее резко повышается. Она либо становится основным видом богатства (Европа), либо роль ее и связанного с ней земледелия резко повышается (Византия, Дальний Восток, Южная Азия). Происходит существенный рост населения, близкий к демографическому взрыву. Образуются региональные центры (Дальний Восток, Индия, арабский халифат, Русь, Византия, Западная Европа). Наряду с ростом значения земледелия повышается роль войны как средства решения широкого комплекса политических, социальных, экономических, демографических, религиозно-идеологических проблем. В отдельных районах начинает играть более заметную роль городская экономика, основой развития которой пока являются только торговля и отдельные ремесла, как правило, обслуживающие торговлю. Земледелие и городская экономика не в состоянии были стать эффективными средствами решения этих проблем. Отсюда резко повышается потребность в государстве как регуляторе отношений различных этносов, пестрых социальных групп, экономических укладов, культур и языков. Государство же начинает играть роль организатора широкой внешней экспансии как традиционного для феодально-аграрной экономики метода приведения в соответствие ресурсов и потребностей.

Играла свою роль и поддержка других крупных государств, в данном случае, китайских империй (на европейском Западе это Рим, Византия), заинтересованных в том, чтобы не было хаоса в окружающем империю пространстве. Звучит подобное утверждение странно, но это лишь на первый взгляд. На самом деле все империи, как правило, создавали в средние века буферный пояс из полузависимых от нее и даже независимых государств (Византия — Русь, Болгария, Чешско-Моравская держава). Варварский мир, тем более кочевой, всегда был страшен своей «непредсказуемостью» и хаотичностью оседлым народам, и они стремились отгородиться от него подобной стеной. При социополитическом хаосе кочевники,

как правило, для решения проблем чаще выбирали тактику набегов или захватов территорий. Кризис мог быть вызван различными экономическими, политическими и иными причинами. Это стимулировало идущий в обществе процесс милитаризации и развитие военно-иерархической структуры степного общества. Милитаризация параллельно дополняется появлением харизматического лидера и его сакральной легитимизации в качестве правителя. Происходит концентрация у него власти.

Одним из маркеров любой цивилизации является указание на особую роль того или иного этноса (китайский, арабский, франкский). В восточноазиатском метарегионе, как и в других евразийских цивилизационных зонах, помимо китайского (хань) существенную роль здесь играли кидани, чжурчжэни, монголы, найманы, меркиты и др.

Судьба этноса всегда сложна. Он контролирует достаточно большую территорию и это заставляет его активно использовать не только родовые или племенные инструменты управления, но и ориентироваться на опыт соседей, в данном случае особенно оседлого Китая, имевшего многовековую традицию сосуществования различных социальных и этнических групп.

С родом обязательно связана и династия. История киданей, которую в данном случае стоит напомнить, ярко демонстрирует, как вместе с формированием и развитием этноса на основе внешне случайного объединения племен идет развитие родов и их соперничество своим результатом имеет выход на первый план какого-то одного из них.

Первые упоминания о киданях появляются в китайских источниках IV-V вв., которые связывают происхождение киданей с племенами ухуань, сяньби, юйвэнь, муюн, тоба и др. Первоначально кидани были разделены на восемь племен (аймаков, кочевий). Во главе каждого стоял старейшина, который избирался на общем собрании племени. Эти вожди назывались в китайских источниках по-разному. Например, в «Старой истории пяти династий» Сюэ Цзюй-чжэна отмечалось, что «вождь каждого кочевья назывался дажэнь («большой человек»)». Наряду с этим обозначением киданьских вождей китайские авторы используют такие тюркские и монгольские термины, как мофухэ или мохэфу, сыцзинь или ицзинь.

Вождь рода Елюй (Ила), представитель которого впоследствии стал основателем киданьского государства, назывался *илицзинь*. Поскольку ни одно кочевье не обладало достаточным могуществом, восемь киданьских племен (Даньцзели, Ишихо, Шихо, Навэй,

Пиньмо, Нэйхуэйцзи, Цзицзе и Сивэнь) примерно в VI в. объединились и выдвинули общего вождя, который «по существовавшему [среди киданей] закону... менялся каждые три года». И хотя срок его полномочий истекал только через три года, если он не оправдывал возлагавшихся на него надежд, мог быть заменен и раньше этого срока. Например, в конце IX в., когда кидани вели упорную борьбу с правителем китайской области Ючжоу Лю Жэнь-гуном, вождем всех киданьских кочевий был один из представителей рода Яонянь. Каждый год Лю Жэнь-гун выжигал в степи траву, из-за чего у киданей гибло много лошадей. Киданьские вожди посчитали, что их нынешний военный руководитель «не справляется с обязанностями» и выбрали на его место Абаоцзи, вождя рода Елюй.

Если до конца VI в. верховный вождь киданей избирался из разных кочевий, то затем, благодаря усилению отдельных родов, главой конфедерации все чаще и чаще становятся представители только этих родов. С 80-х гг. VI в. до 716 г. таким правящим родом был сначала род Дахэ, затем род Яонянь, а с 907 г. род Елюй.

Движение к универсальной государственной форме началось, как это убедительно показали Н. Я. Бичурин, М. Н. Суровцов, Фэн Цзяшэн, К. А. Виттфогель, Л. Н. Рудов, Е. И Кычанов, Н. Н. Крадин и др., не в Х веке даже. Прелюдией оказалась борьба между крупными киданьскими вождями за первенство. С 80-х гт. VI в. до 716 г. доминировал род Дахэ, до 907 г. — Яолянь. Империю создаст род Ила (Елюй). Как уже говорилось, его приход к власти можно назвать своеобразной революцией, итоги которой самые разнообразные. Род Елюй в благодарность «поделился» властью с родом Сяо и в результате возникла бицефальная (двуглавая) система власти (император — из рода Елюй, императрица — из рода Сяо).

Если вначале верховные вожди не имели специальных титулов и назывались так же как простые вожди киданьских племен (т.е. мохэфу, сыцзинь, ицзинь и др.), то с середины VII в. Танский двор, создав для управления киданями так называемое Сунмоское (Сунмо — р. Сунгари) военное управление, за помощь оказанную киданями императору Тан во время его похода в Корею (644 г.), назначил на должность главы этого управления верховного вождя киданьской конфедерации Кугэ с предоставлением ему титула ван (князь, верховный правитель). Должность вождя у киданей передавалась по наследству «в течение ряда поколений».

Особое значение в истории киданей имели реформы Ч*жали* из рода Елюй, который пришел к власти в середине VIII в. Он изъял

земли из общинного пользования и стал передавать их своим сторонникам путем пожалований. На этой основе стала складываться система взаимоотношений типа сюзерен — вассал, закрепленная постепенно ведением вассальной клятвы. Вводилась система учета посредством зарубок на дереве, что стало основой будущей фискальной системы. Население было обложено налогами. Стал создаваться административный и полицейский аппараты, система тюрем. Постепенно стал меняться порядок наследования власти — не от старшего брата к младшему, а затем к сыну старшего брата, а от отца к сыну. Стали складываться правящие роды. Формально, правда, существовала выборность правителя.

Реформы Елюй Апоки резко стимулировали процесс формирования киданьской элиты. Считается, что он боролся с родовой знатью, и в результате она была отстранена от власти. На деле он ее сохранил и надстроил надродовую структуру. Родовая знать ничего не лишилась, — ни положения, ни богатств. За всю историю государства она никогда не поднимала бунты и мятежи и лишь изредка участвовала в выступлениях аристократов, с которыми была связана. Власть императора в Ляо, опиравшегося на мощный слой элиты, была необычайно сильна и стабильна. Лишь Апоки проверяли на прочность, но это было во время становления элиты.

В то же время, хотя в Ляо медленно складывалась имперская идеология, всегда существовала оппозиция, которая имела и свою контридеологию (аристократическая система). Она проявлялась в сложных отношениях с племенами, восстаниях братьев императора или его родственников. Одним из факторов, способствовавших перманентной слабости киданьского государства, являлось парадоксальное положение рода Елюй. С одной стороны, он есть порождение собственно киданьской родоплеменной структуры и государство, которое он создал и возглавил, можно было бы отнести к типу древних государств-общин, но, с другой, положение этого рода было настолько особым, что Ляо можно считать, действительно, государством, созданным в результате «узурпации» власти. Именно это отличие Ляо явно имел в виду Е Лунли, когда говорил об Апоки как узурпаторе, а государство его именовал «варварским». В Ляо к XI в. вокруг клана Елюй возникла замкнутая группа имперской знати, обладавшая наследственным статусом. Шел процесс формирования особой родо-династийной модели, где особую роль играет правящий род, создающий свою династию. В статусе членов родов Елюй и Сяо сочетались принадлежность к особой народности (кидани) и профессия (управлять и воевать).

В 903-904 гг. Апоки совершает ряд удачных набегов на северо-восточную границу Китая, а в 905 г., в самый разгар междоусобной борьбы в Китае, с 400 тысяч воинов покоряет девять больших китайских городов. Благодаря своим крупным военным успехам он в 907 г. избирается главным вождем восьми киданьских кочевий. К этому времени власть вождя (илицзиня) племени, к которому относился Апоки, довольно прочно закрепилась за его родом Елюй (Ила) и начинает передаваться по наследству.

Апоки удается целых три срока находиться у власти, не допуская в течение девяти лет перевыборов верховного вождя. В 916 г. после настойчивых упреков вождей он сделал вид, что подчинился их требованиям и под предлогом, что ему необходимо управлять китайцами, которых он захватил в плен во время своих военных походов, обращается с просьбой выйти из союза киданьских племен и образовать отдельное кочевье. Апоки, «...используя планы своей жены Шулюй, разослал к дажэням кочевий гонцов со словами: "У меня есть соленое озеро, из которого соль едят все кочевья. Однако кочевья знают только пользу употребления соли, но не знают, что у нее есть хозяин. Разве это справедливо? Вы должны собраться и отблагодарить меня"». Дажэни кочевьев посчитали его слова справедливыми и прибыли к соленому озеру, пригнав с собой скот и привезя вино. Недалеко от озера Апоки спрятал в засаде воинов, которые перебили дажэней всех кочевий. Вслед за этим Апоки объединил кочевья в одно государство», объявил себя императором и присвоил себе титул Тяньхуан-ван (Небесный Император), а жене — Земная Императрица, приказав при этом зажечь священный огонь, который должен был известить Небо о его восхождении на престол. Этим самым Апоки дал понять киданьским племенам и всем соседним народам, в том числе и китайцам, что считает себя в некотором смысле преемником китайской династии Тан (618-907 гг.). Основанное им государство Апоки назвал «Государство Цидань» («Государство киданей»), а эру своего правления — Шэньцэ (букв.: «Возведение на престол по воле духов»), подчеркивая тем самым, что власть им была не захвачена, а предоставлена самим Небом.

Апоки провел религиозную реформу, суть которой заключалась в том, что, наряду с распространенным среди киданей шаманизмом, он объявил государственной идеологией конфуцианство. Сделано это было для того, чтобы подвести обоснование под провозглашение старшего сына Бэя престолонаследником. Конфуцианское учение проповедует незыблемость соблюдения принципа первородства при наследовании императорской власти. Таким

образом, успешное проведение этой реформы привело бы к отказу от древних обычаев киданей, предусматривающих одинаковую возможность передачи политической власти, как сыновьям, так и братьям правителя, а также утверждение принципа обязательного наследования престола старшим сыном, что способствовало бы завершению процесса складывания монархической формы правления.

Впоследствии важную роль в государстве стал играть и буддизм. Еще до образования своего государства кидани стали строить буддийские храмы, первым из которых стал Храм Начала Учения, основанный в 902 г. Именно буддизм оказался наиболее подходящей идеологической основой для складывающегося киданьского государства, ибо, отрицая родоплеменную исключительность, провозглашая единство культа и абсолютное значение божества, способствовал преодолению прежней родоплеменной разобщенности и становлению централизованного государства. Своей проповедью пассивного отношения к действительности и непротивления злу буддизм стал важным средством консолидации привилегированных сословий, которые всячески его поддерживали. В истории любой империи роль религии очень важна. Она обосновывает в значительной степени смысл существования государства и цивилизации. Достаточно вспомнить слова пророка Исайи: «С нами Бог, разумейте, народы, и покоряйтесь, потому что с нами Бог» (Исайя, 7, 18–19).

Таким образом, становление монархической формы правления в киданьском государстве проходило в острой борьбе за власть между различными группировками, одни из которых в качестве обоснования своих притязаний выдвигали провозглашенный еще императором Елюй Апоки принцип престолонаследования от отца к старшему сыну, а другие придерживались старых киданьских обычаев, допускавших наследование престола поочередно всеми братьями. В результате этой борьбы победу одержали сторонники передачи власти от отца к старшему сыну. Их успех на первом этапе был предопределен союзом с одной из самых могущественных семей рода императрицы, а в дальнейшем и самим характером принципа престолонаследования по нисходящей линии, который в большей степени способствовал укреплению власти монарха и всего государства в целом.

Так на вершине социальной пирамиды государства киданей оказались императорский клан Елюй и имеющий уйгурское происхождение клан Сяо, из которого киданьские императоры выбирали себе жен. Прямые потомки первого киданьского императора Елюй Апоки образовали род, получивший название «Горизонтальные Шатры» (хэн чжан), а потомки двух его дядей и пяти братьев составили три рода под общим наименованием «Три ответвления отцовской семьи» (сань фу фан). Члены этих четырех родов, являвшиеся благодаря своему близкому родству с основателем киданьского государства самым высшим сословием, а также представители остальных родов клана Елюй и нескольких самых могущественных родов клана Сяо, которые в 1029 г. были официально провозглашены знатными родами нации, занимали почти все основные посты в государственном аппарате империи Ляо.

В результате мы имеем дело с бицефализмом власти: «соправление» императорского клана Елюй и клана императрицы Сяо, которые фактически представляли собой большие семьи. Их представители занимали подавляющее большинство часть наиболее важных военных и гражданских постов в имперской администрации. Клан Елюй происходил от племени шели, получившего название от одноименного места, где оно кочевало: «Шели — место в двухстах ли к востоку от Верхней Столицы (ныне существует река Шили моли и при переводе этого названия на китайский появилась фамилия Елюй». Клан со времени правления Апоки делился на «пять подразделений» (северная часть) и «шесть подразделений» (южная часть). Они управлялись «великими князьями» (да ванами). Семья императора относилась к «пяти подразделениям», прямые потомки Апоки выделялись как «поперечные» («горизонтальные») шатры, а потомки его дядей и братьев — как «три патриархальных хозяйства». Клан императрицы Сяо имел уйгурское происхождение и тоже делился на несколько линиджей, он являлся традиционным брачным «партнером» рода Елюй: «По законам варваров род правителей может заключать браки только с родом императрицы, независимо от того, высокое или низкое положение занимают представители этих родов. Семьи двух племен, к которым относится род правителей и род императриц, не могут вступать в браки с другими племенами без разрешения правителя киданей. Это не распространяется на браки между остальными племенами».

В итоге правящий род выдвигается, прежде всего, решив особую задачу обеспечения независимости от остальных групп. Апоки отделился от всех и тем самым как бы противопоставил себя и свой род остальным. Примерно так же повел себя, скажем, Пипин III Короткий, основатель династии Каролингов во Франкском государстве, заявив в народном собрании о своем праве на правление в

силу обладания реальной властью. В условиях сложности социальной и политической ситуации, когда необходимо сплотиться по вертикали, вокруг одного человека, в обстоятельствах кризиса представители нового рода не пытаются работать по старым «правилам», предлагая свой вариант кардинального изменения ситуации. Новый род поднимается над остальными, претендуя не столько на нечто материальное (земля, богатство), сколько на универсальную власть. Именно универсальная власть становится новым политическим феноменом. Они становятся «первыми среди равных» (primus inter pares). Это одновременно ментальная революция, ибо в итоге начнет складываться новая структура общества, будущая «феодальная лестница». Новый правитель «приходит к власти», т. е. ему делегируются особые полномочия остальными членами общества, принимающего его как личность, которая «ничья», не принадлежит к другим родам, и главной своей задачей считает управление обществом как регулирование различных связей. Правитель не борется с другими, а выступает в своеобразной роли третейского судьи. По сути его главная задача контролировать социально-политический порядок.

Отличие династийного рода и в том, что он не один из существующих, а как бы начинает новый ряд, наследуя все государство, а не то или иное родовое владение. Для обеспечения социальнополитической стабильности, чтобы не возникали усобицы, этот род передает власть по своим линиям (брату, сыну). Правитель должен быть предсказуем для общества, т. е. власть не должны уходить опять на сторону. Устанавливаются жесткие требования к порядку наследования, складывается новая узкая профессиональная среда, аналогичная в чем-то другим средневековым сферам (клирики, феодалы, крестьяне, ремесленники, школяры). Род Елюй это своеобразная universitas (корпорация) правителей. Правители становятся «наверху» общества, выше них только «Небо» или «Бог» как система традиций и рецептов, договоров и ограничений и получают свое обоснование и «право» на управление уже не в качестве ставленников племени, а как креатуры сверхъестественных сил (помазанники Божьи, исполнители Воли Неба). Естественно, они не должны перечить этой «воле». Если нарушение все же происходит, то к власти приходит новая династия, создающая новое государство, которое будет контролировать эту территорию (новый хозяин). Часто это уже иная конструкция: сменившие чжурчжэней монголы создали «общечеловеческую», а не этническую империю. Правящие роды киданей, чжурчжэней, монголов становятся главными только с основанием империи, т. е. вытесняют другие роды, побеждают и создают государство. Здесь есть еще одна революция. Апоки вопреки обычаю передал власть не братьям, но провозгласил себя основателем династии, императорской по китайскому образцу, установив свой девиз правления и объявив своего сына Бэя наследником. Для основателя государства и его преемников обязательными становятся связь с господствующим этносом, с территорией («родиной»), наличие харизмы, уважение к традициям, умение управлять и побеждать.

В результате можно говорить о формировании в государстве достаточно обширного слоя элиты, что было одним из важнейших факторов для стимулирования процесса государствообразования. Выделение «белой» и «черной» кости, деление общества на знать и народ, основа стратификации на родословных связях, связь власти правителей с клановой системой, генеалогическая близость претендента к линиджу правителя говорят о сложности разделения политических и родовых отношений. Некоторые исследователи называют такое государство родовым.

Элита — неотъемлемая и важная часть любого социума. Она осуществляет функции управления социумом, вырабатывает новые модели (стереотипы) поведения, позволяющие социуму приспосабливаться к изменяющемуся окружению, контролирует большую часть материальных и политических ресурсов, занимает высшие посты в иерархии статуса и власти. получив их по положению или по заслугам.

Этническая элита — часть этнической группы, которая взяла на себя роль её лидера и политического руководителя. На примере киданьской элиты можно видеть действенность двух наиболее распространенных трактовок термина «элита». Это — аксиологический (ценностный), когда подразумевается, что входящие в нее обладают более высокими интеллектом, талантом, способностями, компетентностью по сравнению со средними показателями конкретного социума («лучшее»). В то же время правомерен и альтиметрический подход, оценивающий принадлежность к элите по факту обладания индивидуумами реальной власти. Термин «элита» в значительной степени вполне адекватен для обозначения той части киданьского социума, которая обладала реальной властью и влиянием. Отчасти здесь может быть использован и термин «начальничество», «начальники», введённый в научный оборот П. А. Кропоткиным.

История киданьского общества ярко демонстрирует и склонность его элиты к деградации, то есть к неоправданному

увеличению собственных преференций, при одновременном уклонении от каких-либо обязанностей перед социумом.

Определенную роль в истории киданьского государства явно играли и разного рода циклы, большие и малые. В различных историософских концепциях (античные идеи круговорота, средневековое движение от Первородного греха к Страшному Суду, марксистское «строительство» коммунистического общества, современное создание правового государства, теория Л. Н. Гумилева о затухающем колебательном контуре и т. д.) подчеркивается цикличность истории, повторяемость составляющих ее процессов. Это же обстоятельство стало одним из решающих при возникновении истории как науки в XVII-XVIII вв. Ф. Бродель выдвинул гипотезу о существовании вековых циклов (trend как вековая тенденция) в экономической истории средневековой Европы: «малозаметная в каждый данный момент, но идущая своим неброским путем всегда в одном и том же направлении, эта тенденция есть процесс кумулятивный» кумулятивный». По его мнению, это связано с циклами Н. Д. Кондратьева. А. Л. Чижевский в свое время, пытаясь установить связь между космосом, временем и историей, отмечал влияние одиннадцатилетнего цикла солнечной активности на социальную деятельность человечества. Позднее он выдели еще двадцатидвухлетний «магнитный период солнечных пятен». Все столетие у него укладывалось в «трижды тройной солнечный цикл».

В истории киданьского государства особенно заметна цикличность, связанная с экономическими и политическими факторами. За единицу измерения вполне можно взять время жизни одного поколения, которое, по мнению О. Шпенглера, является «числовым значением почти мистического свойства». Выделяется несколько этапов.

В течение первого (почти весь X век) проходила деятельность «отца» Апоки («начал»), «сына» Дэгуана («продолжил») и «внука» Ши цзуна («завершил»): «возвышение Тай-цзу было подобно степному пожару. Его дело продолжил Тай-цзун», при Шицзуне «военное могущество сохранялось». Решающим было начало десятого века, когда вырабатывалась долгосрочная программа преобразований и начиналась ее реализация. Апоки подчинил своей власти различные племена и появилась альтернатива: объединение кочевых областей и внешнеполитическая экспансия. Второй вариант был предпочтителен и неизбежен. Для возникающего государства крайне важно было убрать многовековую опасность со стороны опасных соседей, особенно Китая. Кидани уже далеко продвину-

лись по пути складывания государственности и синизации. Они стали лидерами кочевого мира в борьбе с южным регионом и были уверены в поддержке остальных кочевников. Это было время, если так можно выразиться, чистой экзополитарности. На базе антикитаизма идет организация совместной экспансии кочевых племен, организация культуры и государственности, объединение региона и упрочение территориального организма при сохранении традиций. Кидани пытаются создать общегосударственную синкретическую идеологию, используя буддизм и сочетая различные варианты (бохайский, китайский, киданьский), но в основе ее четко прослеживается идея «семьи» (улус). Оформляется система Север — Юг.

Время правления Ши-цзуна – середина цикла – «золотой век», достижение «конца истории». Trend завершается, и «правнуки» начинают новый цикл, «они сняли латы и шлемы в женских покоях». Это период правления «ленивых» правителей, «осень» киданьской истории – время сбора плодов и подведения итогов, время «тучных коров», за которым можно уже разглядеть период «тощих коров». Фактически заканчивается период экспансии и захвата «жизненного пространства», правители «сохраняют» доставшееся им «наследство». Этим правителям «повезло»: «благодаря длительному миру и огромному увеличению ежегодных подарков со стороны династии Сун были накоплены большие богатства». Это – время все же экзополитарной активности, но и медленной и болезненной трансформации «случайного» государства в империю. Экспансия на юг останавливается, т. к. империя Сун смогла отстоять самостоятельность своего региона. Кидани уже пытаются не захватить Юг, а «открыть» его для активной торговли, для чего совершают регулярные набеги на Китай подобные набегам русских на Царьград (Константинополь). Апофеозом этой политики станет Шаньюаньский договор 1004 г. Север становится мало интересен киданям: Ляо — полуоседлое государство. Оно отходит от чистой кочевой экономики и «плывет» за счет седентаризации. Паразитический характер государства обусловил его перерождение в деспотическое. Как Испания, захватившая в ходе «географических открытий» американские земли и превратившая их в гигантский «огород», эволюционировала от абсолютистского варианта к деспотическому, так и Ляо была «избавлена» от необходимости переходить до конца на интенсивный путь развития. Начинается период стагнации и спада. И, как точно подмечает Е Лунли, «если гибнет одна деспотическая династия, на смену ей обязательно приходит другая, поэтому Агуда, живший при императоре

Тянь-цзо, — это тот же Абаоцзи, живший при Поздней династии Тан». История государства киданей ничем в этом плане не отличается от истории дальневосточного мира в целом, для которого характерен циклический характер исторической эволюции. Китайские авторы традиционно рассматривали историю в категориях «расцвета и упадка» (шэн-шуай) империй. Западные и отечественные исследователи это тоже часто признают «внутренней логикой китайской истории».

Государство стремительно слабело при последних правителях. Этому способствовали борьба антикитайской и прокитайской партий при дворе и, говоря словами Л. Н. Гумилева, пассионариев и гармоников (представителей родовой знати). Чрезмерная бюрократизация привела к своеобразному «перепроизводству» кочевой аристократии и, как следствие, к усилению центробежных тенденций, автаркизации отдельных хозяйств.

Сыграла свою роль и выявленная Т. Барфильдом борьба приверженцев конфедеративного и автократического путей развития общества. Соправительство с Сяо приводило, как справедливо отмечал В. В. Трепавлов, к ослаблению автократии и усилению трансформации в конфедерацию.

Во главе управленческого аппарата находились, как правило, сами кидани или представители родственных им племен. Для управления земледельческими территориями необходима была особая административная система. Поэтому кидани в 947 г. были вынуждены издать декрет о формировании двух самостоятельных аппаратов управления. Северная администрация воспроизводила традиционные «варварские» институты кочевников. администрация состояла из китайских чиновников и управляла завоеванными оседло-земледельческими территориями. Для дополнительного контроля над покоренными китайцами была создана система военных лагерей ордо. Бохайцы и китайцы привлекались по мере необходимости. Это означает, что ляоские чиновники не обладали ни опытом или навыками управления такой сложной общественной системы, как империя, ни соответствующим бюрократическим менталитетом. Подобную политику проводили чжурчжэни, у которых привлекались «сперва чжурчжэни, затем бохайцы, затем кидане, а затем уже китайцы». Пытался так поступать и Чингисхан, но его остановил мудрый Елюй Чуцай, заявивший, что нельзя управлять государством, «сидя на лошади».

Одним из отличительных признаков киданьской империи была монархическая форма правления, тесно связанная с феноменом династии. Киданьский правитель пользовался неограничен-

ным авторитетом, его деятельность невозможно «мерить ... меркой нынешней цивилизации».

Это роднит его с фигурой китайского императора. В отечественной синологической литературе уже писалось об особой функции императорской власти в Китае, называемой мироустроением. Великое значение этой мироустроительной функции китайского императора заключалось в том, что его «политическая власть не ограничивалась миром людей, а распространялась на всю природу в целом».

Учение о Сыне Неба (Тяньцзы) как правителе Вселенной, получающем от Неба мандат на управление, не китайского собственного, а восточноазиатского происхождения в целом. Впервые идея обожествления власти правителей прослеживается в письменных памятниках эпохи Шан-Инь (XVI-XI вв. до н. э.). Культ Неба (Тянь), вероятно, складывается в эпоху Чжоу (XI-III вв. до н. э.). Сочетание «шан-ди», по сути, и означало Правителя как Верховного владыку, божество.

С Апоки начинается собственно киданьская политическая идеология: задача ее — легитимизировать власть правителя, которую он получает от Неба. В качестве религиозных оснований у него были учение о Верховном владыке (шан-ди) и несколько более поздний культ Неба.

На уровне своей официальной доктрины политические деятели китайской империи и сам император исходили из представления о том, что политическая структура империи совпадает с мирозданием, а повеления императора — с деятельностью законов природы в нем. Такие представления о масштабах и силе власти императора указывают на то, что китайская официальная доктрина политического управления обществом сохранила за императором (хотя бы на уровне представлений) те сверхчеловеческие способности, которыми наделяло фигуру правителя первобытное сознание. Происходит священное табуирование правителей с целью «удержать их от шагов, которые могли бы нарушить гармонию природы и... погубить всю вселенную». Китайский император воплощал для своих подданных «течение мирового бытия», поэтому народ должен был благодарить его «за дождь и свет, выращивающие плоды, за ветер и твердую почву у него под ногами».

Принятие Апоки в 916 г. императорского титула Тянь-хуанван в соответствии с нормами китайского этикета приводило к серьезным изменениям в формах и методах правления. Император становится «начальной функцией всех дел в государстве». Это

способствовало становлению элементов государственной власти, формированию бюрократического аппарата.

От Китая было перенято представление об императоре как Сыне Неба (тянь цзу), который получил «мандат Неба» (тянь мин) на правление. Более того, он взял из монгольской традиции право на управление всем миром. Это дает ему Вечное Небо (mőngke tengri — Eternal Heaven). Фактически он становился наместником Неба на Земле, что позволяет ему также быть правителем правителей (наподобие шахиншаха иранской империи). Власть Неба обязательно сочеталась с личной харизмой. В итоге обосновывалось право и обязанность императора быть членом особого, так сказать, императорского рода.

Кроме китайской и родовой монгольской традиций на сакрализацию верховного правителя повлияли уйгурская и тюркская. В орхонских текстах видно, что правитель получает два мандата — от Неба вверху и от Земли внизу. У хунну, Тоба-вэй тоже можно наблюдать нечто подобное.

Собственно киданьские представления, безусловно, тоже повлияли на это. Сказался культ великого предка, которому, разумеется, помогало Небо. Он фактически «оправдал» надежды рода, «выведя» его наверх к власти. Род правителя происходит от прародителей всех людей. Перед битвой обязательно приносились жертвы предкам, но прежде всего Небу. Свои победы (а он обязан был побеждать — вспомните подобную обязанность у римских императоров) правитель объяснял поддержкой Неба. Не случайно в китайской религиозной традиции Небо выделялось среди других божеств. Как и монголы впоследствии, кидани приписывали Небу универсальные черты (вечное, высокое). Еще в орхонских надписях (VII – VIII вв.) говорилось о высоком синем Небе. Но через киданей к монголам придет акцент на воле и силе Неба. «Сила» правителя тождественна силе Неба, сульдэ – «связь миров», основа самоорганизации мира и император – ее достойный посредник. Правитель создает иерархическую лестницу «с Неба на Землю» и утверждает единый закон Неба на Земле. Небо становится делателем королей. Опять невольно вспоминается начавшееся с Пипина Короткого представление о правителе как помазаннике божьем. Но, обратите внимание, акцент этот столь значителен и существен, что фактически игнорирует отчуждение от кочевого мира с его формальным равенством.

Киданьский правитель получал в результате право даже творить свой особый мир (миропорядок) и подчинять ему все про-

странство на вечные времена. Все империи претендуют на это и кидани не исключение. Все соседние народы воспринимались как потенциальные члены новой мировой империи. Фактически переосмысливается понятие ойкумены. Это уже не просто населенная людьми зона, а мир своих людей, «наших», до горизонта культуры. Войны против не желающих присоединиться к империи оправдывались морально и идеологически, более того, они обязательны, ибо те не хотят жить «по божеским законами». Так же в Европе оправдывались крестовые походы против альбигойцев. Императора может и обязан поддержать весь культурный мир. Фактически только с Хубилая появляется в монгольском мире представление о равноправии других стран. Правда, кидани, не признавая бохайцев и чжурчжэней равными, вынуждены были считаться с китайской и тангутской империями.

Отношения с другими народами находили отражение в символике вассальных отношений, которая фактически копировала внутрисемейные отношения (отец — сын и др.). Не желающие присоединиться к державе воспринимались как противники конкретно императора как проводника воли Неба.

В Ляо были и сложные социальные процессы. Социальные движения, разного рода «восстания» и «мятежи» традиционно воспринимаются как неуправляемые, стихийные. Разумеется, нельзя отрицать, что это нестандартные социальные процессы, «возмущение», а не спокойное течение. Но откуда берутся эти «рябь» и «шторм»? Как в них соотносятся реальные причины, девиантность, корысть, стихийность? Нельзя отрицать, что все это одновременно присутствует в этом «миксе».

Вероятно, стоит все же рассматривать историю каждого восстания или мятежа конкретно и детально. Да, «узурпация» власти Апоки нанесла удар по идее справедливости в родовом обществе, но только ли этими соображениями руководствовались его братья, поднявшие мятежи?! Агуда вполне сознательно в борьбе с Ляо инициировал и провоцировал разного рода «майданы», играя на желании тех, у кого было чего-то мало, бесплатно получить большее. Соотношение «идеалистов» и «меркантилистов» в любом социальном движении сложно и неустойчиво. Походы через всю Византию Фомы Славянина в IX в. или И. Болотникова через всю Россию в XVII в. поддержали как «верхи», так и «низы», — могла ли в этом случае быть единая «правда» для всех?! В Крестовые походы шли и идеалисты, и откровенные бандиты, — можно ли только на этом основании оценивать их однозначно?

Если посмотреть внимательно на историю империи, то мы фактически не найдем ни одного реального основания для восстаний, одинаково «справедливого» для всех участвовавших в нем и тем более для всего общества. Любое восстание — аномалия. Если тех или иных киданьских феодалов можно обвинить в произволе и нарушениях традиций или законов, то правительство в целом в этом обвинить никак нельзя. Да, были ошибки и просчеты, но к чести его надо сказать, что по мере возможности они всегда исправлялись. Более того, правительство при проведении любой реформы или отдельной акции прежде всего пыталось упредить любое возмущение. В докладах ли чиновников, в указах ли императоров очень часто встречаются такого рода предупреждения и предостережения.

Киданьское государство действительно вводит ограничения в борьбе различных социальных групп за свои интересы, чтобы предотвратить общество от анархии и распада. Аристократическая система была в кризисе и происходил рост самостийности и центробежных тенденций. К тому же государство было необходимо для выполнения «общих дел» (оборона региона, ликвидация последствий стихийных бедствий, регулирование товаропотоков и др.).

В Ляо между государством и общиной были непростые взаимоотношения, что мешало эволюции империи. Тем не менее идея кочевого государства в целом была принята племенами. Елюй Даши на переговорах с западномонгольскими племенами апеллировал к идее «нашей родины». Правда, это предел принятия такого представления, ибо те же племена после того, как Даши отстоял их независимость, сравнительно легко отказались от дальнейшего сотрудничества, учтя к тому же силу и дееспособность империи Цзинь, которая грамотно объявила себя преемницей Ляо.

Стоит попутно заметить, что отсутствие единственного столичного центра в Ляо можно объяснить и тем, что на местах оставалась значительной власть общин. Государство рисковало вызвать сильное сопротивление с их стороны и предпочитало вести «бродячий образ» жизни. Постоянно передвигающиеся из одного замка в другой, своего собственного или вассала, правители характерны и для раннесредневековой Европы. В свое время даже последние римские императоры перебрались из славного Рима в заштатную Равенну. Киданьские правители, как уже было сказано, решали лишь общегосударственные проблемы, а в дела на местах не вмешивались.

Можно ли говорить о существовании классов у киданей? В том виде, в каком классы существуют в традиционной Европе, нет,

ибо нет жесткого противостояния между простыми кочевниками и «феодалами», тем более, антагонизма, поэтому решающими были не социальные противоречия в марксистском понимании, а проблемные отношения между различными социальными и этническими группами.

Вся история Ляо — это почти исключительно история элиты. Социальных движений почти нет, мятежи направлены не на борьбу с государством, а на создание возможностей войти во власть. Уже одно это говорит о высокой социальной активности киданьской элиты. Только она была в состоянии быстро ликвидировать экстремальные ситуации.

Кидани проводили искусственную политику и уже хотя бы в этом противостояли всей остальной массе населения. На это основывается и идея династии, и право на свержение негодной.

В Ляо сложилась ситуация, внешне подобная абсолютизму, но в более сложном варианте. Если европейский абсолютизм лавировал между слоями феодалов и буржуа, то ляоское государство — между кочевым Севером и китайским Югом, а также между элитой и остальными слоями населения. Замедленность складывания внутреннего рынка, преобладание скотоводства, неразвитость комплексной экономики, сложные внешнеэкономические отношения, акцент на доминировании внешней политики, — все это тоже способствовало резкому возвышению рода Елюй. Как абсолютизм в Европе защищал свою экономику, так и Ляо решало преимущественно экономические проблемы. Благодаря заслуженному авторитету и созданному китайскими авторами «бандитскому» имиджу государству Ляо приписывали милитаристский и деспотический характер.

На основе изучения традиционной модели европейского абсолютизма и истории китайского государства с древности, а в данном случае и киданьской империи, считается, что монарх обычно сохраняет свою власть за счет лавирования между различными политическими силами или социальными слоями. Это несколько упрощенное понимание. На самом деле правитель играет разные роли, среди его функций есть и лавирование как регулирование тех или иных отношений. Он занимается организацией политического и экономического пространства, поддержкой на высоком уровне идеологического единства и т. д. Все эти функции не могут осуществляться на более низком уровне или отдельными социальными слоями. В силу этого необходимо, с одной стороны, выделение особого слоя управляющей элиты,

а с другой, формирование так называемого «правящего рода», в киданьском случае — Елюй. Это способствует, в свою очередь, тому, что жизненной целью любого «феодала» является служение высшей власти или, при возможности, притязание на «трон». Обязательное условие — способность к деятельности такого рода.

В средневековом обществе и Ляо не исключение мятежи есть не проявление индивидуализма и сепаратизма (это видение исследователей периода Новой истории), а борьба за право быть наверху. В силу этого в элите неизбежны разногласия и внутренняя борьба, они даже необходимы, ибо таким образом (в форме оппозиции) часто предлагаются иные решения и рецепты.

В то же время для того, чтобы эта борьба не вела к политическому хаосу, предлагается модель главного рода, в недрах которого воспитываются наследники и правители областей.

Родовая знать доминировала, и это сдерживало эволюцию имперской системы, поддерживало этнополитическую и экономическую дисперсность. Преобладание локальной экономики и минимальная заинтересованность в решении макропроблем тоже не стимулировало развитие правительства. Аналогичная ситуация сложилась и в чжурчжэньской империи Цзинь, лишь в государстве Чингисхана будет отмечено превалирование военной и служилой знати.

Император не был все же единоличным правителем, хотя и считался часто окончательной инстанцией и от его имени принимались важнейшие решения. В его кладовых «скопились целые горы редких и драгоценных вещей». Государственные стада насчитывали около миллиона голов, их пасли в основном в Силоу. Был специально разработан особый дворцовый церемониал. На практике правитель должен был считаться со сложным характером взаимодействия различных этнических и социальных слоев, политических групп, культур, религиозных представлений, традиций и обычаев. Отсюда т. наз. «номинальность» центральной власти, когда император наподобие западноевропейских средневековых монархов был «первым среди равных» (primus inter pares). Не простыми были отношения между могущественными людьми из кочевой среды, с одной стороны, и буддийским духовенством, и китайскими олигархами, с другой. Часто причиной этого были разные взгляды на использование земель в экономическом сообщениям По овП» ши», некие (могущественные люди) часто стремились превратить поля в пастбиша.

Киданьские чиновники далеко не всегда считались с экономической целесообразностью, как ее понимали земледельцы. Они пытались превратить поля в охотничьи угодья, заставляли местное население пасти «быков, овец, верблюдов и лошадей своей семьи». Такие действия теоретически наказывались, но виновные часто избегали этого наказания с помощью взяток и использования связей.

Все эти нюансы фиксируются в имперском праве. Чингисхан создаст особый текст — Ясу, но кидани соединяли эту «теорию» с историческими хрониками. В частности, в «Ляо ши» для этой цели специально выделены особые главы по праву (например, 62 цзю-ань — «уголовное законодательство»). Это опять же напоминает раннефеодальные «варварские» государства Европы (события истории как правовой прецедент у Григория Турского, Беды Достопочтенного).

В киданьской политической теории и практике был создан образ идеального государя: физически сильный и развитый, поставленный Небом, совершенномудрый, заботящийся о населении, поддержании мира и порядка, справедливый, компетентный в государственных делах, умеренный в личной жизни. У киданьского правителя две природы — он поставлен Небом и, в то же время, лучший из людей. В указах императоров в вводной части всегда осуществлялось их славословие и подчеркивалась их мудрость, заботливость и то, что они вынуждены издать эти указы, т. е. подчеркивался не произвол (ante rem), а реакция на какое-то явление (post rem).

Любой правитель должен иметь признаки выбора Неба, иначе под сомнение ставилась легитимность самого рода. Это всегда отмечается в китайских текстах и в «Цидань го чжи» и «Ляо ши». Император учил воле Неба и законам. Ему обязательно должны помогать члены его рода. Апоки сразу же поддержал его род, что свидетельствует о том, что они уже переходили к смене занятий. Это станет смыслом их жизни. После разгрома Ляо с Елюй Даши ушло до 200 членов родов Елюй и Сяо. Заметная роль в политической жизни Си Ляо членов рода Сяо, например, полководца Сяо Валила, говорит о том, что присущий Ляо дуализм двух родов, возможно, постепенно исчезал. У аристократии во взаимоотношениях с элитой всегда были аргументы о том, что она древнее империи, происходит из древности и опирается на ментальную парадигму. Но и у элиты была мощная контр-идея, связанная с божественной сущностью императора. Конечно, многое из этого существовало и в

ментальной культуре, но гораздо четче прописывается и используется более широко в период существования государства. Фигура правителя и его харизма невольно держит в тени остальной «правящий класс».

У императора, символизировавшего собой государство, были сложнейшие и ответственные задачи (кроме указанных выше):

- более рационально распределять и перераспределять паст-бища и водные ресурсы,
 - координировать перекочевки,
- охранять кочевья от множества врагов. Не случайно, могущественные азиатские империи киданей, чжурчжэней, монголов образуются в исключительно сложный период,
- охрана от разбойников («людей длинной воли» по «Сокровенному сказанию»),
 - налаживать торговые связи с зарубежьем,
- упорядочивать политические связи внутри империи и даже за ее пределами.

На локальном уровне этим занимались (и успешно!) кочевые аристократы, но теперь масштаб проблем увеличился и за их решение должна взяться универсальная держава. Здесь и проявляется так называемое «корневое» значение и назначение термина «империя»: регулирование различных отношений. Это – отношения между этносами, членами соседской территориальной общины. Если в родовой общине отношения ее членов регулировались с помощью выработанной тысячелетиями или даже в чем-то заимствованной из животного царства поло – возрастной иерархией (все обозначения «родства», т. е. дед, отец, сын, внук, мать, тесть etc. обязательно имели функциональную нагрузку), то теперь нужна была другая система. Она тоже должна была быть иерархична (традиционное общество в принципе не приемлет идею равенства, эта идея появляется только в мозгу горожанина эпохи процесса первоначального накопления капитала) и пользоваться терминами родства, наполняя их, по сути, иным содержанием.

Рост значения власти правителя в данном случае стоит объяснять не присущей якобы кочевникам авторитарной власти, это миф, а сложной этносоциальной ситуацией, когда к этническим проблемным отношениям, как это и бывает в переходные периоды, добавляются конфликтные социальные, выливающиеся в противоречия. Это как в средневековой, так и исследовательской литературе получило наименование «разложение строя».

Деятельность династии всегда тщательно анализируется потомками, отдельные правители (Апоки при монголах, Елюй Даши в эпосе «Манас») даже идеализируются. Создаются имиджи «основателей государства». В отношении киданей это сделано уже в таких текстах, как «Ляо ши» (История династии Ляо») и «Цидань го чжи» (История государства киданей). Чжурчжэни, монголы и маньчжуры впоследствии тщательно собирали информацию о деятельности киданьских правителей, их политических успехах и победах, социальных рецептах. Апоки стал образцом и символом для последующих правителей и для других кочевников в Степи.

По мнению К. А. Виттфогеля, особая роль элиты в Ляо связана с тем, что это была империя завоевания, и в ней особую роль играл кочевой сектор. Конечно, нельзя недооценивать важную роль элит в кочевых обществах и их специфичность как скотоводческих. Однако, надо отметить сложный и во многом уже нетипичный для традиционного общества характер развития Ляо, где социально-экономические, социально-политические и социально-культурные отношения существовали в неразделенной форме. Киданьское государство было новой формой решения множества проблем.

Киданьская элита — этносоциальная группа (основная масса киданьского союза племен, находившаяся вокруг правящих родов), обладающая наиболее высоким объемом власти и доступом к ресурсам и центрам власти. Эта группа принимает политические решения. Это четко определенная группа, гомогенная и сплоченная, которая играла системообразующую роль в социальной структуре Ляо. Ее интересы четки, превалировали над интересами других групп и далеко не всегда совпадали с ними. У нее был свой особый, узкий, единый и закрытый мир, не случайно само слово происходит от латинского eligere — выдергивать, избирать. В то же время, хотя и закрытая, она все же внутренне неоднородна, иерархически выстроена и основана на принципах строгого подчинения и жесткой централизации. Она четко отделяет себя от остальных слоев населения с помощью особых прав и обязанностей, образа жизни, этоса, одежды, уровня богатства, погребения. Идеализация власти отражена в сложной титулатуре, пышном этикете двора, в создании разветвленной дипломатической системы, табели о рангах, роскошных императорских одеждах, символах власти, искусстве, монетах, печатях.

Элита — не высший уровень развития общества или рода, а род, сделавший своей «профессией» управление. Остальные феодалы не были ему подчинены. У каждого слоя своя «профессия» и элита и «правящий» род занимается всей территорией, у него

максимальные полномочия («власть»). Это особый этносоциальный слой, стоящий над обществом, с особой идеологией и особой судьбой. В государственных делах не знать и даже не аристократия проявляла инициативу, а именно элита. Локальные и региональные правители выполняли необходимые задания и откупались людьми и продуктами. Политическая история киданьского государства есть квинтэссенция информации о жизни и деятельности этого народа-элиты.

В экономическом отношении — обычные. Король — «первый среди равных» (primus inter pares), а элита, как уже было сказано, — один из «цехов» (universitas regensis). Для этого народа-элиты характерна нерасчлененность сфер его деятельности, когда его члены являются одновременно воинами, хозяйственниками и управленцами, нечто вроде мастеров как цеховой элиты.

Управляющая элита четко вырисовывается и выделяется в киданьском обществе, и средневековые китайцы это видят, хотя они не всегда понимают, что эта элита решает *иные* проблемы *и*, что называется, по определению не может копировать китайские рецепты.

Свои претензии на исключительность знать обосновывала, в частности, тем, что знатные люди наследуют лучшие свойства людей — нравственные (смелость, правдивость, щедрость) и физические (высокий рост, гладкую незагорелую кожу, тонкие аристократические пальцы). Представители элиты действительно опережали массовое сознание осмыслением новых вызовов, что хорошо видно на примере деятельности Апоки.

Один их признаков элиты — ее образованность. Это особо подчеркивается в текстах, особенно в отношении представителей императорского рода. Елюй Даши был членом академии Ханьлинь и сдавал экзамены в Китае. Можно говорить о существовании искусственной системы образования для привилегированных слоев. Программа была изощренная — языки, литература, управление, физическое развитие.

Есть два комплекса причин возвышения киданьской, чжурчжэньской и монгольской элит: 1) обособление монгольской зоны, ее перенаселенность, этнополитический хаос, нестабильное экономическое развитие и 2) конфронтация Севера и Юга как следствие истощение внутренних ресурсов зон. Для решения последних проблем Китай создаст самую мощную средневековую империю — Сун. Север создаст бицефальную имперскую систему: Ляо — Цзинь. Окончательно создаются вертикальные модели. Потом сра-

ботает своеобразный «маятник»: восточное государство Цзинь сокрушит империю Ляо, а западномонгольские племена уничтожат чжурчжэней.

Это апогей развития кочевой цивилизации. Дальнейший путь эволюции уже за наукой, техникой, торговлей, но кочевники на это не способны, вернее, их цивилизация, как и крестьяне в Европе, в этом не нуждается. В конце концов, цивилизации уникальны не только в своем облике, но и в перспективах своего развития. Любые разговоры о «тупиковом» развитии какого-то «мира» отдают стремлением прочитать его историю через историю другой цивилизации.

Этнополитическая и этносоциальные модели кочевой и крестьянской цивилизаций работали многие столетия и уже одно это говорит о существовании смысла их появления.

Бицефальная модель Севера Восточной Азии подняла эти районы до уровня развития тогдашних оседлых государств. На Западе впоследствии этого же добьются османы.

«Обучение» искусству управления киданей началось задолго до образования государства. Кидани – одно из тех кочевых племен, представители которого гораздо чаще, чем члены других племен, получали различного рода титулы от китайцев. Это объяснялось тем, что у них по дикости их никогда не было своих званий и должностей, однако, дарование какого-либо титула, а начинали китайцы с незначительных, было обусловлено определенными заслугами человека в деле управления и установления добрососедских отношений с окружающими племенами и народами. Просто так китайцы не могли давать титула, это бы привело к дискредитации самой системы должностей. Нашлось бы много недовольных тем, что варвар получил тот или иной титул ни за что. Здесь о недовольных ничего не говорится, как не было недовольных и среди «варваров». Титул был своего рода «дипломом об образовании» и, видимо, ценился в кочевой среде, где увеличивалась потребность в менеджерах более высокого уровня, чем родовая знать.

Е Лунли и другие китайские историки считают, что доистория киданей ничтожна, ибо в ней нет государства и культуры. Представители киданьской элиты, начиная с Апоки, обращаются не к какой-то модели (у них ее действительно не было), а к первопредкам и предкам вообще за «мудростью», т. е. за «правильным» пониманием истории. Тем самым они реабилитируют доисторию и даже в чем-то противопоставляют ее китайской, а по большому

счету восточноазиатской в целом, истории. Для них главное не тексты и артефакты, а идеи и деяния.

В истории киданьской элиты можно выделить два периода: время нетитулованной элиты и время элиты титулованной, которое начинается со второго императора Тайцзуна Дэгуана и его реформ, когда образовывались четкие ведомства Севера и Юга.

До возвышения рода Елюй у киданей существовала классическая родоплеменная конфедерация, возглавлял которую выборный да жэнь («великий человек»). Такого рода конфедерация существовала и у франков в годы возвышения и прихода к власти Хлодвига. Справедливо считается, что «хотя история и говорит, что цари явились у киданей со времени Абаки, но, между тем, мы не раз встречаем в той же истории упоминание, что кидане часто соединялись под одной властью, да и нет возможности допустить, чтобы в продолжение нескольких веков не было ничего общего между различными поколениями, которые, хотя и управлялись отдельными старшинами, но выбирали, еще до Абаки, одного предводителя». Ляо делилась на племенные области, т. е. уже сложившиеся экономико-этнические области, которые играли заметную роль во всех областях жизни. Если средневековые европейские «варварские королевства» были искусственными образованиями, которыми управляли пришлые племена, то Ляо было естественным завершением этно-экономического строительства.

Первое столетие династии можно разделить на несколько циклов.

Поколение приходит к власти и организует ее, вырабатывает долгосрочную программу — это время отца и сына, а по классификации М. Н. Суровцова, «время Цзу и Цзунов». В Ляо это время правления Елюй Апоки (Тай-цзу) и Дэгуана (Тай-цзун).

Время «внуков» — этап реализации программы, когда на первое место выходит уже не стратегия, а тактика завершения. Это же время наибольшей социальной напряженности, учащающихся социальных и политических взрывов.

Рубеж столетий — апогей династийной истории, время расцвета империи, равноправных отношений с соседями.

Дальше начинается медленный «спуск с горы», «осень» династии. Императоры «вошли в женские покои».

Основные направления деятельности киданьской элиты непросты: выстраивание госаппарата (основу заложили преобразования Апоки), развитие идеи и модели империи, адаптация имперской конструкции к Ляо, строительство родов Елюй и Сяо

как правящих, поддержание существования элиты как надстройки над аристократией, обеспечение эффективного функционирования договорных отношений со знатью и аристократией, активная внешняя политика, направленная на стабильность существующих границ, языковая политика и т. д.

Киданьская элита реализует конкретные функции, имеющие общеимперское значение — редистрибутивные, реципрокационные, дипломатические, регулирующие, религиозные, охрана территории, руководство войсками.

Кроме того, важны и такие функции киданьской элиты, как:

- 1. Гносеологическая. Элита формирует систематизированное, концептуальное знание о всей культуре этноса, в том числе и государственного периода, об этапах ее развития и сущности культурных процессов, т. е. формирует в итоге историческую память.
- 2. Аксиологическая. Элита формирует шкалу ценностей сего народа и его государства, начиная от родовых традиций до имперской идеологии, связывает их в единую аксиологическую систему.
- 3. Коммуникативная. Элита формирует параметры и механизмы внутриэтнического и межэтнического общения, тем самым обеспечивая эффективное функционирование этнополитической культуры как механизма диахронного (между поколениями) и синхронного (стабильность интеграции в пространстве региона) этносоциального функционирования.
- 4. Интегративная. Элита осуществляет меры, направленные на формирование метарегионального социума («народа») на основе единых ценностей.
- 5. Информационная. Элита формирует артефактносимволический пласт культуры, вырабатывая культурную символику и создавая произведения культуры.
- 6. Мировоззренческая. Элита создает представления о прошлом, настоящем и будущем состоянии этноса, его общества и культуры как «порядке» («мир», лат. рах), принципиально отличном от всего окружающего «хаоса» («беспорядок» и «несправедливость»).

Представители элиты сами ничего не производят, только руководят. Они не рождают теории. Они — не ученые. Они лишь управляют. Теоретическое знание либо у них, что называется, в крови и стало результатом многовековой практики членов киданьского общества. Некоторые идеи и рецепты приходят из Китая. Однако именно элита все это претворяет в жизнь и развивает, сочетает с киданьскими рецептами, берет полезное у других народов.

Особым слоем элиты является складывавшаяся на протяжении всей ляоской истории ее бюрократическая или административная часть, посредник между верхушкой элиты и населением. Именно она впоследствии в массовом порядке будет переходить на сторону чжурчжэней, тогда как роды Елюй и Сяо будут подвергнуты максимальному устранению.

Фактически не было денежной знати, поскольку финансовая система только находилась в стадии становления. Ее заменяли китайцы и незнатные кидани, уже находившиеся под влиянием Китая.

Элита выращивалась практически лишь в центре и на этой небольшой территории все больше складывалась ситуация перенаселения в целом, накапливались излишки элиты.

Киданьская элита в вопросе укрепления и увеличения своих рядов ориентировалась не только на правящие роды, но и на средние слои своих и чужих родов. Однако довольно жестко контролировала эти процессы, и ротация элиты шла не так энергично, как это происходило в оседлых регионах. Это стало одной из причин перепроизводства элиты из правящих родов. Процесс складывания собственно служилой элиты, нечто вроде европейских дворян нового времени, шел кране медленно. Стремительно он пойдет в государстве Чингисхана, но эта стремительность станет иной крайностью, ибо представители правящего рода с большим трудом будут контролировать деятельность этих чиновников, а потом и вообще потеряют такую возможность. Иногда Чингизиды вынуждены будут идти на крайние меры, как это, например, в случае с киданином Елюй Чуцаем, который стал проводить свою политику, во многом, к тому же, непонятную для кочевых правителей. Его с трудом сместят с постов.

На службе в Ляо часто использовались и маргиналы из других зон, как варварских, так и Китая. Их не устраивали условия проживания на прежнем месте или они выпадали из прежней социальной структуры, совершали там преступления...

Они по сути превращались в подданных непосредственно императора, зависели от новой службы более, чем от своих владений, хотя те и могли быть значительны по размерам. Они были за-интересованы в развитии государственной структуры.

Можно сказать, что в истории Ляо сочетались этнический и служилый принципы рекрутирования, хотя их соотношение было сложным, и этнический принцип всегда доминировал.

Важно, что кидани не уничтожали подчиненную элиту, не было ее демонтажа, они лишь перетасовывали простолюдинов, т. е.

прежний этнос физически сохранялся. Бохайцы были уничтожены в период монгольских ураганов или естественно ассимилировывались чжурчжэнями и маньчжурами. Кидани фактически убирали лишь излишки населения. Бохайцы незадолго до катастрофы намеревались проводить экспансию из-за перенаселения. Иначе гопреследовали вполне практические кидани уменьшение политической, а не этнической или социальной напряженности, ликвидацию излишков населения. Одновременно это давало возможность осваивать другие районы империи (регионы столиц, западная граница). Если уж селили переселенцев в таких местах, то не очень боялись их. В империи была достаточно распространена горизонтальная мобильность, массы племен достаточно свободно передвигались по территории государства или даже уходили за ее пределы. В этом плане «депортации» сродни, хотя, разумеется, менее масштабны (но в условиях гораздо меньшей территории эффект не меньший), таким движениям, как освоение Сибири, столыпинская реформа, освоение целины. Подобные программы в средние века идет повсеместно. Разрушение этносов возможно в виде катастроф (войны, мятежи, восстания), но сознательно такую политику никто нигде не проводит.

Все же перемешивание шло медленно, ибо все земли империи были уже поделены. Это тоже естественно препятствовало разрушению сложившихся этнических структур. Региональная «родина» важнее имперской, и за нее роды будут бороться не на жизнь, а на смерть. Никто киданям и не позволил бы такого рода акции, нужны были экстраординарные основания. Впрочем, они и не собирались это делать.

Если подвести некоторый итог деятельности киданьской элиты, то можно увидеть ряд ее значительных заслуг.

В этнополитической истории Ляо особо выделяется высокая роль элиты как профессионалов. Благодаря ее деятельности, была создана модель империи, элементы которой использовались очень долго. Это было первое не китайское общее структурирование «северного» пространства и на этой основе разработка теории и практики метарегионального управления, которую остальные народы региона (чжурчжэни, монголы, маньчжуры) брали за основу. Эта первая кочевая империя, не считая хуннусского эксперимента, во многом стала образцовой для последующих государств. Эффективная модель, а не фикция, прожила бурную и быструю жизнь. В свое время преемниками киданьской империи Ляо, а не какой-либо китайской династии, объявляли себя чжурчжэни. При монголах была

создана «Ляо ши» и таким образом они получили банк информации об устройстве государства и его успешной политике. Таким образом, возможно, Ляо являлось источником легитимации для династий, претендовавших на власть на землях Северного Китая в рассматриваемую эпоху.

Империю Ляо часто сравнивают с монгольской империей, но та стала своего рода результатом использования сил и ресурсов всей Евразии, а здесь существовала опора только на свои собственные силы. Вместе с тем, огромный опыт и активное участие в межгосударственных и международных процессах позволило киданьской элите создать оптимальную модель межэтнических отношений, конфликты у нее были только с Востоком — Бохаем, чжурчжэнями. Созданный ими «мир» («рах cidanica») сохранился в слове «Китай», ставшем обозначением даже всей Восточной Азии. Синтез этносов, начавшийся активно в рамках Ляо, продолжается, по сути, до сих пор. Элита всех восточноазиатских кочевых империй добивается особых успехов в своей деятельности, которые признаются и за пределами империи.

Благодаря элите, которая интуитивно строила государство, начала разрабатываться идея государственности. Исчерпывающее изложение ее дать сложно из-за специфики подачи этой информации в источниках, однако вполне репрезентативный обзор возможен.

Одним из основополагающих понятий ее был «народ». Для киданей это был не просто нарост (на-род), а источник государственности на земле. Он — этнополитическое сообщество, стратифицированное, с горизонтальной гентильной организацией и включает племена, роды, большие отцовские семьи, которые достаточно автономны, и имеют своих глав, знамена, отряды.

Об идее государственности у киданей свидетельствует ее богоданность, сакральность, признание народа ее носителем, допущение элементов федерализма, отсутствие четкого размежевания функций и сфер власти, категорическое требование законности и справедливости.

Для киданьской политической мысли характерен синкретический (нерасчлененный) подход, кода воедино соединяется «власть» сверхъестественных сил и людей-героев, природных факторов и общественных сил. Правитель считался посредником между Небом и людьми. Это четкое указание на признание сакральности государственных институтов.

Император учил воле Неба и законам. Ему обязательно должны помогать члены его рода. Апоки сразу же поддержал его род, что свидетельствует о том, что они уже переходили к смене занятий. Это станет смыслом их жизни. После разгрома Ляо с Елюй Даши ушло до 200 членов родов Елюй и Сяо. Заметная роль в политической жизни Си Ляо членов рода Сяо, например, полководца Сяо Валила, говорит о том, что присущий Ляо дуализм двух родов, возможно, постепенно исчезал.

Элита решает стратегические проблемы. Исходя из этих решений, аристократия пытается их сопрягать с текучей эмпирикой, которую регулирует знать. Именно аристократия фактически вырабатывает работающую внутригосударственную стратагему. Все три слоя важны, необходимы и неизбежны, но у каждого — свои задачи. Судить о них, следовательно, надо не только по внешним статусным признакам, но и по этим задачам.

Конечно, многое из этого существовало и в ментальной культуре, но гораздо четче прописывается и используется более широко в период существования государства.

Очень важной для киданьской философии политики является проблема соотношения внутреннего и внешнего опыта. С готовностью перенимая опыт китайского государства, в том числе не только политический, но и культурный, они считают, что рвать со своим прошлым нельзя. Как бы ни был хорош чужой опыт, при его заимствовании необходимо учитывать специфику киданьской культуры, ментальности, географической среды, потребности перспективного развития. Роль случая киданьские лидеры признают, но развитие общества все же в первую очередь определяется теми политическими акторами, на чьей стороне сила и власть. При достижении политических целей возможно использование любых средств, как мирных (диалог, переговоры, демонстрация силы, угрозы), так и военных (походы, войны, коалиционные войны).

Политику киданьские лидеры видят как сферу непрерывных конфликтов, преимущественно этнополитических. Социальные, экономические и культурные проблемы в ней тоже находят свое отражение, но они вторичны и не вызывают таких трений между государствами. С иной ролью культурно-религиозных проблем кидани впервые столкнутся лишь в Центральной Азии, где глубокие корни успел пустить ислам. В Восточной Азии, как писали сами современники, сама природа разделила экономики Севера и Юга, определила самобытность цивилизационной зоны.

Степень сложности представлений киданьских правителей о специфике политической ситуации довольно высока. Они четко

определяют ее полюса. В Восточной Азии это Ляо (Север) и Китай (Юг), в Центральной Азии — Сельджукский султанат и Восточный Туркестан как Запад и Восток. В обоих случаях киданьские государства должны были развиваться как самобытные и самостоятельные, потеря этих статусов грозила им просто исчезновением. Для развития у них были благоприятные внутренние потенции и выработанная веками политика лавирования между различными международными акторами и отстаивания своего права на самостоятельное существование. Положение усугублялось именно уникальностью развития киданьского мира. Именно это часто ставилось в вину киданям и на этом основании говорили, что они не похожи даже на остальных «варваров». Поэтому политическими врагами киданей считались именно те, кто обвинял их в «узурпации» власти. На все протяжении киданьской истории информационная осада Ляо шла именно под этим лозунгом.

Основной политической ценностью для киданей было именно сильное суверенное государство, объединяющее под своей эгидой весь кочевой мир (разумеется, монголоязычную его часть) и противостоящее попыткам южан разобщить его.

Они признают некоторую неожиданность и стихийность возникновения империи, но все же считают, что так была реализована воля Неба и ей должны подчиняться как кочевники, так и остальные силы восточноазиатского региона. Не будь воли Неба, государство либо не было бы основано, либо не существовало так долго. В факте образования нового типа кочевого государства нет ни грана случайности. Косвенно это признавали и китайцы, в частности Е Лунли, признававшие «попустительство» неба.

«Инструментальная» часть философии политики киданьских лидеров входят достаточно четкая постановка политических целей и умелый выбор времени и средств для их реализации, способность идти на обдуманный и необходимый риск. В этом плане сразу бросается в глаза, что никогда в истории государств не ставились масштабные экспансионистские политические цели. На первом месте безопасность и благополучие государства. Для этого, разумеется, разрабатывались и макросценарии политического развития (ликвидация потенциальной опасности со стороны Бохая и принуждение Китая к заключению Шаньюаньского договора). Киданьские лидеры были убеждены как в экзистенциальной ценности принятых ценностей, так и в возможности их осуществимости. Они были уверены в своих силах и силах киданей, если понадобится, изменить ход событий. Стоит отметить, что, по их мнению, при

достижении поставленных целей необходимо участие в этом всех заинтересованных сил. Особенно ярко использование этой идеи видно в речи Елюй Даши, с которой он обратился к вождям западномонгольских племен. В «освобождении родины», по его мнению, должны принимать участие и они, несмотря на отдаленность своей территории. Для минимизации рисков нужно также интенсивно искать потенциальных союзников. Нельзя упускать любой более или менее подходящий момент. В первую очередь должны быть использованы мирные средства (диалог, переговоры).

Именно материал о жизни и деятельности таких политиков, как Елюй Даши позволяет говорить о переходе в период империи от политической практики на родоплеменном уровне к философии политики, требующейся от политики государственного уровня. И не просто государственного, а имперского. Понятно, что не все киданьские императоры соответствовали этому уровню, но «цзу» и «цзун», т. е. первый (Тай-цзу) и второй (Тайцзун) правители и основатель западнокиданьского государства Елюй Даши наиболее ярко демонстрировали способности незаурядного государственного, политического и военного лидера. Можно говорить о синтезе разных составляющих их философии политики. Это собственно «философские» представления о природе политики, политических реалиях, роли масс, элиты и стратегии лидеров. они обладают Помимо ЭТОЙ инструментально-тактическими знаниями о формах ориентации лидера в политическом мире, тактике поведения для реализации поставленных целей. Для них характерно четкое понимание ситуации, решительные действия, они дают иную начинают новый ряд.

Политика этими тремя лидерами видится как основная сфера деятельности элиты и лидеров, тогда как на долю основных масс, по их мнению, должна приходится хозяйственно-экономическая деятельность. Обе эти сферы для нормального функционирования государства в идеале должны быть взаимосвязаны, однако, в реалии чаще всего этого не наблюдается. Родоплеменная масса, почти полностью погруженная производственный процесс, чаще всего от лидеров требует и их максимального участия в нем. Идеальным правителем для них был бы хан, регулирующий и направляющий отношения родов и племен. Государственная политика для них мало понятна и часто произвола результатом элиты. недовольство, Их проявлявшееся в постоянном ропоте и отдельных выступлениях

под руководством родовых лидеров, было обращено против элиты. Этим в конце династии блестяще воспользуются чжурчжэни, провоцировавшие внутренние конфликты в Ляо. Как показывает история создания киданьских государств, их лидеры часто народом, выдвигая популистские обещания заигрывали с благополучия в государстве, мира или большой добычи во время военных походов. Именно это заставляло правителей всеми мерами обеспечивать стабильность внутриполитической ситуации и просчитывать вперед возможные результаты военных кампаний. И это вполне удавалось, хотя порой приходилось прибегать к карательным мерам и использованию армейских сил внутри страны. Такая политика явственно свидетельствует о том, что в сознании киданьских лидеров существовало четкое представление о взаимосвязи стратегии и тактики в этом вопросе, осознанном и перспективном просчитывании всех возможных факторов. Лишь затяжная война с чжурчжэнями и провоцируемые ими беспорядки подорвали основы этой политики.

Судьба киданьской элиты в постимперский период

Считается, что смена элит подменяет закономерность истории, однако понятие «элита» имеет исторические специфические формы и значения. В средние века — управленческая группа, связанная с аграрным хозяйством, монархией и доминированием политических методов. Заблуждением было бы считать, что элита занимается, особенно в кочевых обществах, лишь грабежом, эксплуатацией, насилием и экспансией. Аграрная экономика не проста и по мере сокращения свободного пространства имеет тенденцию к усложнению. Не только работа на земле, но и управление хозяйственными отношения в целом требует максимума внимания. Включенные в империю южные районы, заселенные земледельцами и торговцами, не только оказались достаточными для решения многих внутренних экономических проблем, но и усложнили хозяйственно-экономическую ситуацию в государстве. Внешняя экспансия оказалась не нужной.

В этих условиях элита еще больше втягивается в управленческую и хозяйственную деятельность. В то же время наблюдается ее перепроизводство, избыток, а перепрофилирование идет крайне медленно. Киданьская элита все больше превращается в новое явление, все больше становится бюрократическим аппаратом. Это станет одной из причин ослабления государства.

В условиях деградации и гибели империи элита делится на три части, судьба каждой из них разная. Часть погибнет в боях, часть уйдет на запад с Елюй Даши. Многие пойдут на службу к новой династии. Упоминания о киданьской элите становятся редкими.

Представители киданьской элиты активно использовались чжурчжэнями. Именно они помогли восстановить ляоскую систему контроля за кочевыми племенами. Северо-западные и юго-западные киданьские губернии в 1127 г. были превращены в верховные комиссариаты, которые возглавили кидани, опиравшиеся на помощь своих соплеменников. В империи Цзинь кидани занимали посты советников, старших советников, вице-канцлеров.

Чжурчжэни уже в период войны с Ляо начали демонтаж киданьского народа, с таким трудом собранного из различных этнических групп. Демонтаж «цидань» шел быстрее, чем демонтаж этатической конструкции «Ляо», ведь основная масса населения, включая знать и даже многих аристократов, ничего не теряла с приходом новых хозяев, оставаясь на прежнем месте. На разгром Ляо ушло полтора десятков лет и реальное сопротивление чжурчжэням оказали лишь представители элиты и племенная масса западных регионов, недовольных приходом в степные районы представителей оседлых народов.

В то же время создать «нючжи», т. е. чжурчжэньский народ, в полной мере так и не удалось. Вместо симбиоза существовало доминирование тунгусо-маньчжурского и оседлого субстрата. Подвластные народы реально ненавидели чжурчжэней и охотно впоследствии переходили на сторону монголов. Правительство и элита Цзинь оказались в значительной изоляции. Население западных районов Монголии пытались заслониться от них с помощью отрядов Елюй Даши или договориться о «нейтралитете». Там понимали, что чжурчжэни скорее пойдут на запад, чем на юг, где находились сильные государства Сун и Си Ся (тангуты). Чжурчжэни же фактически не контролировали ситуацию в Монголии, а прибегали к карательным мерам. Китайцы мечтали о возврате захваченных чжурчжэнями территорий.

Чжурчжэни сразу же начали и демонтаж киданьской элиты. Первой подверглась информационному удару идея «Ляо», когда было искажено значение этого слова. В этом термине нашли дополнительное значение «железные оковы» и именно в контексте угнетения стали рассматривать и саму киданьскую историю и культуру, и сущность киданьского государства. Если династия создала несправедливое государство, занимавшееся этническим и

социальным угнетением, то тем самым фактически в осуществлении этого обвинялись именно представители элиты. Несмотря на то, что чжурчжэни изучали управленческий опыт Ляо и всячески перетягивали на свою сторону отдельных людей, даже основатель западнокиданьского государства Елюй Даши какое-то время служил им, в целом киданьская элита стремительно разрушалась. Для своей информационной атаки чжурчжэни использовали новое понимание «свободы». Если для киданей свобода дает право на самостоятельность и уникальность развития, то для чжурчжэней она дает право на борьбу с тоталитаризмом и угнетением. В результате происходит подмена понятия, однако, поскольку в киданьской империи.

На положение, востребованность и эффективность ее деятельности, несомненно, влияло и то, что чжурчжэни отбирали у нее собственность, права и привилегии.

Чжурчжэни гордились своими победами над Ляо, хотя одновременно повторяли китайский тезис о воинственности киданей и тем самым, можно сказать, внесли свой вклад в формирование этого современного клише. Следует отметить, что именно во время династии Цзинь появилось «Цидань го чжи» («История государства киданей») с несомненным использованием тех материалов, которые попали в руки цзиньцев после разгрома Ляо. Создание этого текста стало мощным информационным ударом не только по киданям, но и по кочевникам в целом. Фактически игнорируется уникальнейший в истории всей Азии опыт создания гигантской империи и описывается лишь история «варварского народа, с акцентом на извлечении лишь в чем-то полезной информации. Своеобразным аналогом этого текста видится «Германия» Тацита (I в.), посвященная впервые в истории всем германцам, но трактующая их все как «варваров». Замалчивать историю киданей было совершенно невозможно, но можно было дать иную трактовку их истории, сведя империю к очередному варварскому «государству.

Этим трудом был подан пример того, как должна проводится ревизия и фильтрация киданьского цивилизационного наследства. Кидани рассматривались как «варвары», а, значит, извратители культуры. Тем самым это китайское представление начнут перенимать и северные народы, которые сами всегда жили на периферии. Эта операция, на самом деле, имеет и другие неприятные последствия. Чжурчжэни сумели активно войти в кампанию по дискредитации киданей и извращению сложившегося имиджа их цивилизации, но свой адекватный имидж они создать не сумели.

Культурное влияние чжурчжэньского государства было менее широким. Созданное ими письмо носило не международный, а региональный характер. Картина мира киданей была более широкой и уступала разве что лишь китайской, тогда как чжурчжэни максимально изолировались от окружающего мира и противопоставили себя и Северу, и Югу. Это станет одним из факторов, обезоруживших кочевников перед лицом достаточно активной культурной экспансии Китая, степень грубости и неуважительности по отношению к кочевникам в которой резко повышается. Антикочевнические настроения в Китае значительно усиливаются по сравнению со временем существования Ляо. Это аукнется и во времена Чингисхана: монголы уважали Ляо и ненавидели Цзинь: и за презрительную политику по отношению к монголам, и за то, что чжурчжэни позиционировали себя как оседлое государство, пришедшее на смену кочевым киданям. Чжурчжэни вызвали неприязнь со стороны кочевых народов за это и за претензии на господство во всей Восточной Азии. Кочевникам понравилась киданьская идея кочевой империи как своего рода антипод Китая.

Специфика развития чжурчжэньской империи тоже повлияла на дискредитацию имиджа киданей и их элиты. Положение самых различных слоев киданьского населения, как, впрочем, и других кочевников стало меняться не в лучшую сторону. Часто осуществлялось этническое перераспределение. Часть киданей стали испытывать серьезные бедствия. Многие из них стали уходить в другие регионы, в том числе в Монголию и Сибирь. В экономике делался акцент на торговле с Китаем, а не на комплексном ее развитии. В результате появилась тенденция к складыванию однобокой экономики, которая, конечно же, укрепляла положение чжурчжэней, но приводила к обнищанию значительных масс населения. Усиливалась социальная дифференциация. Кидани тоже не «социализм» строили, но социальных проблем в их обществе было несравненно меньше. Чжурчжэни дискредитировали киданьскую социальную политику, часто искажали информацию о ней или скрывали, однако эта информация, действительно, была имперской, тогда как чжурчжэни сделали шаг в сторону квазиимперии. Одно это говорит, что нельзя всех кочевников видеть на одно лицо, не учитывать специфику развития того или иного общества, стадию их развития, условия существования. В этом плане так называемые «исторические источники», которые для нас часто являются единственными источниками информации, порой перенасыщены разного рода штампами. Пора уходить от них и видеть все

многообразие развития, всю сложность, а не гомогенность и линейность только, всей кочевой цивилизации. Если период развития хунну — это, так сказать, заря кочевой цивилизации (не кочевого общества!), а чжурчжэньское и монгольское государства поздняя ее стадия, «осень», то именно период развития Ляо можно назвать в этом смысле золотым ее веком, ведь важны не крупномасштабные политические и этнические перемещения, а строительство развитой модели.

Разумеется, усложнение социальной ситуации происходит не только в Восточной Азии, но во всей Евразии, и дело не только в политике чжурчжэньской элиты. На этой территории не было основы для быстрого перехода в иную экономическую плоскость. Даже Китаю на трансформацию аграрной экономики понадобится почти тысяча лет, а Цзинь, несомненно, очень слаба по сравнению с ним. Ляо тоже была неспособна на переход к «капитализму», но все же смогла создать региональный вариант самодостаточной и вполне успешной экономики.

Все же происходившие изменения на поздней стадии развития кочевой цивилизации и специфическая внутренняя политика империи Цзинь дискредитировали саму идею кочевой империи, создателями которой, безусловно, были кидани.

Сыграла особую роль в уничтожении киданьской элиты и культурная перестройка в целом. Чжурчжэни фактически взяли под свой контроль все культурные потоки. Именно при чжурчжэнях практически полностью исчезла обильная киданьская литература.

Киданьская элита была многопрофильна, высококвалифицирована и обладала широкими знаниями в области управления разных народов, монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, китайских. Чжурчжэньская империя перестала контролировать большую часть Монголии и тюркские роды. Жители Западной Монголии пытались заслониться от цзиньской экспансии с помощью части киданьской элиты, бежавшей вместе с Елюй Даши на запад. Они понимали, что чжурчжэни скорее пойдут на запад, чем на юг, где располагались сильное китайское государство и тангуты. Даши сумел создать прочную оборону. После того, как первоначальная чжурчжэньская экспансия выдохлась, западномонгольские племена отказались от его услуг и договорились о нейтралитете. Нарождающейся чжурчжэньской элите вполне хватало тех навыков и знаний, которые они получили при управлении своих регионов. Чжурчжэни отчасти использовали киданьскую идею новой дина-

стии, которая созрела для участия в управлении региона, однако на первых порах, по сути, пытались ее лишь клонировать, и делали это довольно неумело. Ядро династии, к тому же, было не монгольским, а тунгусо-маньчжурским. Киданьская империя была своеобразным регулятором отношений, использовала на новом уровне старую бохайскую идею пяти столиц (по сути, ориентированных по странам света), а здесь это не могло быть развернуто в полной мере, ибо империя Цзинь теряла многие прежние связи с тюркомонгольским миром и развивала, не в пример киданям, идею своего господства в нем. Даже китайцы не позволяли до такой степени упрощать отношения с окружающими народами.

Империя Сун предприняла энергичные меры по оживлению реконкисты и отвоевание своих земель представила, как борьбу с бандитами, тем самым киданьская элита дискредитировалась и с этой стороны.

В результате шел одновременно демонтаж цельного комплекса ляоской элиты, и ее роль фактически сводилась к угнетению социальных низов и других народов. Любопытно, что в этом же плане шла в то время критика средневековой европейской элиты, и зарождалось представление о «господствующем классе», реакционных «верхах общества». Демонтаж исторической памяти шел широко, проводился осознанно, умело и на всю глубину киданьской истории и культуры. Уничтожалась память о народе в целом, почему и появляется сейчас возможность говорить о безмолвствующей киданьской культуре. Осмеяны и оклеветаны оказались государство, армия, культура, экономика. Это, а в какой-то мере потом еще и завоевательная политика монгольского государства при Чингисхане, на века определили неприязнь к кочевой государственности, а в кочевом обществе надежды на приход новой сильной личности. Кочевники, как и оседлые, шли к государственности и цивилизации и, понятно, шли сложно и противоречиво, а им приписали неприязнь к ней и желание ее исказить. Свой вклад в дискредитацию этой идеи, думается, невольно внесли и чжурчжэни, а тем самым и своему обществу «выкопали могилу». Их незаурядная держава и культура тоже рассматриваются часто в негативном смысле.

Что касается киданьской цивилизации, то в результате была размонтирована ее центральная матрица, т. е. система ценностных координат. Кидани «рассыпались» и постепенно утратили надличностное сознание и коллективную волю. У них отрезали историческое прошлое и, естественно, чтобы не стать манкуртами, они

вынуждены были искать новую этническую нишу, которую обретут окончательно лишь при монголах. Чжурчжэньское и монгользаместят киданьское, которое сохранится лишь препарированном виде в двух великих текстах, в отдельных фактах, именах, мифах. Кидани при Цзинь утратили целостную кармира, способность к логическому и объективному осмыслению своего прошлого и превращались из демоса в охлос (толпу), что и фиксирует слово «кара-китаи». Здесь речь идет не только о тех, кто создал свой центральноазиатский эксклав, но и маркере понижения статуса этноса, потери им культурной матрицы. Киданьская «семья» («киданьский народ») стремительно распадалась, а в одиночку роды или племена прожить не могли и уходили или становились рано, или поздно «чжурчжэнями». Кидани, таким образом, прошли все три стадии эволюции этноса – формирование, в данном случае случайное, как совокупность групп и индивидов, складывание «народа» и распад на совокупность индивидов.

«Переформатирование» Ляо связано с эрозией имперского механизма, который воспроизводил связи, соединяющие людей и их малые группы. Государство – одновременно продукт и генератор народа и страны, сложный этап в развитии этноса. В данном случае его развитие зашло очень далеко и дошло до критического момента — или переход в другую плоскость, или рассеяние, что и произошло, не без помощи, правда, чжурчжэней. Ослабление киданьского этноса и государства идут с необъяснимой скоростью, и это тоже воздействует на сознание людей. В любом случае это связано и феноменом «конца истории». Кидани создали мощную государственность и культуру. Казалось, они создали оптимальную и вечную модель. Но в таких случаях, как свидетельствуют многочисленные примеры из истории, сразу же начинается «спуск с горы», т. е. появляются разного рода «случайные» эндогенные и экзогенные факторы, с которыми эта модель еще не имела дела. Роковым для империи, в частности, стал повзрослевший в благоприятных имперских условиях периферийный национализм. Кидани не видели причины для «возвышения» чжурчжэней. Е Лунли, Ибн Халдун, китайская историософия, марксизм говорят в этом случае о цикличности истории, когда каждый цикл постепенно набирает избыточное количество разного рода противоречий, не справляется с ними и уступает место другому циклу. Действительно, представление о «конце истории» амбивалентно: это и достижение оптимума развития, и начало его разрушения.

Империя Цзинь не успела стать новой «семьей». Только Чингисхан сделает такую попытку, но в исключительных условиях и на милитаристской основе. Он сам мечтал о крепком государстве, но удержать в руках мощное племенное наводнение не смог и не успел. После него начнется сборка нового народа, уже на основе того, что осталось после урагана. Эта сборка пойдет скорее интуитивно, неуверенно. Слишком многое было распылено, потеряно, вернуть уважение к кочевникам было сложно, как и им самим вернуть самоуважение. Монголия в цивилизационном плане, можно сказать, оказалась отброшена назад, и следующий виток эволюции монгольского народа и по этой причине будет идти медленно и сложно.

Чжурчжэни гордились своими победами над Ляо, хотя одновременно повторяли китайский тезис о воинственности киданей и тем самым, можно сказать, внесли свой вклад в формирование этого современного клише. Следует отметить, что именно во время династии Цзинь появилось «Цидань го чжи» («История государства киданей») с несомненным использованием тех материалов, которые попали в руки цзиньцев после разгрома Ляо.

Специфика развития чжурчжэньской империи тоже повлияла на дискредитацию имиджа киданей и их элиты. Положение самых различных слоев киданьского населения, как, впрочем, и других кочевников стало меняться не в лучшую сторону. Часто осуществлялось этническое перераспределение. Часть киданей стали испытывать серьезные бедствия. Многие из них стали уходить в другие регионы, в том числе в Монголию и Сибирь. В экономике делался акцент на торговле с Китаем, а не на комплексном ее развитии. В результате появилась тенденция к складыванию однобокой экономики, которая, конечно же, укрепляла положение чжурчжэней, но приводила к обнищанию значительных масс населения. Усиливалась социальная дифференциация. Кидани тоже не «социализм» строили, но социальных проблем в их обществе было несравненно меньше. Чжурчжэни дискредитировали киданьскую социальную политику, часто искажали информацию о ней или скрывали, однако эта информация, действительно, была имперской, тогда как чжурчжэни сделали шаг в сторону квазиимперии. Одно это говорит, что нельзя всех кочевников видеть на одно лицо, не учитывать специфику развития того или иного общества, стадию их развития, условия существования. В этом плане так называемые «исторические источники», которые для нас часто являются единственными источниками информации, порой перенасыщены

разного рода штампами. Пора уходить от них и видеть все многообразие развития, всю сложность, а не гомогенность и линейность только, всей кочевой цивилизации. Если период развития хунну это, так сказать, заря кочевой цивилизации (не кочевого общества!), а чжурчжэньское и монгольское государства поздняя ее стадия, «осень», то именно период развития Ляо можно назвать в этом смысле золотым ее веком, ведь важны не крупномасштабные политические и этнические перемещения, а строительство развитой модели.

Разумеется, усложнение социальной ситуации происходит не только в Восточной Азии, но во всей Евразии, и дело не только в политике чжурчжэньской элиты. На этой территории не было основы для быстрого перехода в иную экономическую плоскость. Даже Китаю на трансформацию аграрной экономики понадобится почти тысяча лет, а Цзинь, несомненно, очень слаба по сравнению с ним. Ляо тоже была неспособна на переход к «капитализму», но все же смогла создать региональный вариант самодостаточной и вполне успешной экономики.

Все же происходившие изменения на поздней стадии развития кочевой цивилизации и специфическая внутренняя политика империи Цзинь дискредитировали саму идею кочевой империи, создателями которой, безусловно, были кидани.

Элита западнокиданьского государства, придерживающаяся китайской культуры, была первоначально немногочисленна. Судя по «Ляо ши», Даши имел в своем распоряжении 200 всадников (цз.30, л.4б). Джувейни называет «восемьдесят человек его племени». Видимо, мятежного принца сопровождали действительно только члены его собственного рода. И хотя в Восточный Туркестан ушло большое количество родовых групп из Монголии, именно эти люди были руководителями «исхода» и вместе с императором вырабатывали доктрину нового государства. Род Елюй за время Си Ляо постепенно размывается. Уже полководец гурхана Сяо Валила явно воюет с новой элитой, в которую вошли и те, кто стал проникать и входить в государство уже после его создания. Во время битвы 1210 г. практически все представители родов Елюй и Сяо были физически уничтожены. Окончательное уничтожение киданьской элиты списали на Кучлука.

Опыт и традиции киданьской элиты долго сохраняются и после гибели империи. Они не только широко используются представителями новых государств чжурчжэней и монголов, но и проявляются в деятельности отдельных представителей киданьского

народа — Елюй Даши, Елюй Люго, Елюй Чуцай и др. Сохраняется историческая память, сделавшая время киданей чем-то вроде «античности» кочевой цивилизации в целом, используются идеи и рецепты, сами имена народа и государства. Даже монголы, а не только чжурчжэни, использовали киданьских вельмож, что свидетельствовало о высоком профессионализме последних и близости практик. Можно сказать, что эти преемники киданей использовали киданьский опыт и самих киданей до конца.

В то же время сохранялось и в чем-то сохраняется до сих пор непонимание киданей еще и потому, что они, пожалуй, первыми из восточноазиатских племен в таком массовом масштабе оторвались от непосредственного производства и превратились в некий управленческий цех (universitas). В цивилизациях (Индия, Китай, средневековая Европа) воины были одной из частей общества. В Европе существовала трехчастное общество: одни трудились, другие за них молились, а третьи их оберегали. В Ляо же происходило соединение политики, полиции, войны, и уже хотя бы поэтому киданям просто некогда было только воевать.

Специфика киданьской элиты в том, что она работала в двухмерном мире, где проблематично сосуществовали кочевое и оседлое население, тогда как китайцы и кочевники проживали в мирах одномерных, и для них киданьский опыт чаще всего не было профессионально пригоден. Лишь в некоторой мере их опыт понадобился в аналогичной ситуации для чжурчжэней, монголов и маньчжуров, которые его и сохранили, но переработали их тексты уже применительно к своей ситуации. В Центральной Азии киданьские тексты, сохранявшиеся в Си Ляо, вообще просто уничтожили за ненадобностью (Си Ляо ши).

Киданьское государство, его культура и опыт, в т. ч. и опыт элиты, в чем-то уникальные и одноразовые. Они нужные были только в их время, на их территории, ни севернее, ни южнее, ни восточнее, ни западнее в полном объеме они не нужны. Отсюда и парадокс: громкая военная слава, но никакого интереса к ментальности и культуре. Е Лунли часто употребляет выражение «как и другие варвары».

Подводя итог анализу социальной структуры киданей, можно смело говорить о том, что киданьский этнос был достаточно сложно структурирован и это, безусловно, связано с имперским характером государства. В этом плане он мало чем отличалось от других евразийских империй эпохи средневековья. Особенностью

социальной структуры киданей является ее двойственность, связанная с контролем киданей над различными племенами и народами региона. Представители этих этносов составили в этой структуре отдельные слои, которые отличались по своему правовому положению от соответствующих им сословий киданей.

16. Философия войны киданей

На протяжении всей истории война считалась обязательной ее спутницей. Как писал Дюпуй Т. в «Энциклопедии военной истории», «война — спутник человеческого существования с самых его первых дней, когда пещерный человек пытался добить своего соперника до смерти дубиной и камнем. На протяжении веков средства производства и техника конфликтов становятся все более хитроумными, но основные цели войны остаются неизменными. И даже появление современного оружия, обладающего крайне разрушительной способностью, не изменили желания людей прибегать к войне, чтобы навязать свою волю другим». Еще Платон именовал ее естественным состоянием народов: «То, что большинство людей называют миром — есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами». В войнах же против «варваров» он предлагал действовать «до истребления их». Это точку зрения своеобразно обосновал Аристотель: «растения существуют ради живых существ, а животные ради человека... Поэтому и военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива». По Сунь-цзы, она – великое дело для государства, почва жизни и смерти, путь существования и гибели.

Война во всей Евразии считалась прибыльным занятием. Если затраты на нее не окупались, она считалась проигранной. На войну как на бизнес смотрели на Западе. По мнению Ю. Цезаря, война должна питать войну. Этот взгляд на войну стал основой европейской стратегии, ибо «война есть источник плодотворного движения, толчок, который сообщает жизнь всему сущему. Она есть мать, рождающая все превращения внешнего мира и мира внутреннего». Так считают и многие современные авторы: «Вечный мир возможен только на кладбище. Все живое стремится, с одной стороны, сохранить себя, а, с другой, обеспечить существование и

получение наивысших во всех отношениях благ для себя и для своего потомства, и за них готово бороться всеми силами»³³; «Главным механизмом развития человечества и формирования его Истории является насилие, которое подготавливается в мирное время и реализуется войной»³⁴; «война есть имманентно присущая человеческому социуму форма его бытия, которая проявляется тем полнее и масштабнее, чем более масштабным и развитым является сам человеческий социум или его часть». По К. Клаузевицу, «физическое насилие является *средством*, а *целью* будет — навязать противнику нашу волю». Разумеется, одновременно она — «политическое и социальное землетрясение». По А. Снесареву, наличие войны говорит об опасных недостатках в организации общества.

Войны обусловлены биологической агрессивностью и воинственностью человека и как форма конкуренции присуща всей истории человечества. Если на заре человечества столкновения человеческих масс носили достаточно случайный характер, то по мере заселения всех удобных для проживания земель и усложнения социальной организации, войны случаются все чаще и чаще. Можно сказать, что по мере «прогресса» потребность в войнах возрастатрадиционного рамках обшества смена ет. социокультурной модели другой, как правило, происходит искусственным путем, в том числе и через войны. Нужно учитывать и то, что «война – это конфронтация между двумя и более автономными группами, вызывающая санкционированные обществом организованные протяженные во времени вооруженные действия, в которых участвует вся группа или, что бывает чаще, ее часть, с целью улучшить свое материальное, социальное, политическое или психологическое состояние, либо, в целом, шансы на выживаемость»³⁵. А. С. Капто считает, что культура войны вобрала в себя весь человеческий опыт и культуру войны нельзя рассматривать как антипод культуры мира³⁶. В космогонических мифах война рассматривается как борьба света и тьмы, добра и зла.

 $^{^{33}}$ Баиов А. К. Начальные основы строительства будущей русской армии // Философия войны. М.: Анкил-Воин, 1995. С. 210.

 $^{^{3}ar{4}}$ Владимиров А. И. Основы общей теории войны. Ч. І. Основы теории войны. М.: Университет «Синергия», 2013. С. 156.

 $^{^{35}}$ $\it Boйна$ и мир в ранней истории человечества. Т. І. Ч. 1. У истоков войны и мира. М.: ИЭИА, 1994. С. 56.

 $^{^{36}}$ *Капто А.С.* От культуры войны к Культуре Мира / Приложение к журналу «Безопасность Евразии». М.: Республика, 2002. С. 12. *Он же.* Энциклопедия Мира. 2-е издание, уточненное и дополненное. М.: Книга и бизнес, 2005.

В христианском, мусульманском и китайском мирах существовало иное отношение к войне. Так, в анонимном византийском трактате IX в. «О стратегии» (De re strategica) прямо говорится, что «война — это зло, притом худшее из всех зол». Идея Вечного мира, сформулированная в XVIII в. при Короле-Солнце, когда Франция, безусловно, была гегемоном в Европе, не могла возникнуть в средневековый период ни на Западе, ни на Востоке. Балансирование между войной и миром — вот тот максимум, на что могли надеяться народы. К войне прибегали при малейшей для нее возможности. Призрак войны, можно и так сказать, бродил по Евразии. Война воспринималась как апофеоз всей жизни здорового и сильного этнического организма. Только подготовка к грядущей или даже возможной войне могла придать жизненные силы, поддержать растущий организм, была своеобразной регулярной тренировкой для него. Народ знал, что не земледелие или скотоводство, а только армия выведет государство на уровень первоклассной державы. Войпотому, откладывать, но не что онжом некое экзистенциальное зло (это видение двадцатого века), а потому, что еще не сложились благоприятные для нее условия.

Для новейшей социологии характерно рассматривать войну как патологию, как действие в исключительных условиях и преследование аномальной, исключительной цели. В средневековый период политика и война не только были двумя сторонами одной медали, но и воспринимались как неизбежные средства решения проблем. Это характерно для любого общества, будь оно оседлым или кочевым.

До сих пор существует и считается аксиоматичным утверждение о природной воинственности кочевников и бандитизме как основном их занятии, с помощью которого они всегда решали все свои проблемы. Оно было понятным в периоды противостояния с ними оседлых народов — гуннского «нашествия» или монгольских «ураганов», но в настоящее время есть возможность и необходимость еще раз поставить вопрос о пересмотре такого понимания, как, впрочем, и демонизации истории огромной части населения планеты в целом. Эти представления давно стали основой рассуждений о разрушительной роли кочевников в истории и их бандитизме.

Данное представление рождалось в ходе все учащавшихся контактов с выходцами из бескрайнего Востока. Особенно поражали широкомасштабные переселения гуннов и монголов, которые ни в какое сравнение не шли с рейдами германских племен на тер-

ритории Римской империи. Передвижения гуннов и тюрок на века запомнились и китайцам.

Для складывания и сохранения такого отношения к кочевникам существовали, справедливости ради надо отметить, объективные и общецивилизационные предпосылки.

Любая цивилизация относится к представителям других миров негативно, критично и сатирично, противопоставляя таким способом себя иным и защищая собственную идентичность. Кочевники давали поводов к гротескному их описанию гораздо больше, чем жители земледельческих районов.

Здесь сказывалась присущая изначально оседлым народам неприязнь по отношению к людям, экономика которых основывается на скотоводстве, следы чего можно видеть уже в библейском рассказе о споре Каина и Авеля. Не случайно по отношению к этим народам и в античной литературе, и в библейской традиции сложился особый подход. Их культура и экономика оцениваются с позиций средиземноморской цивилизации, где главными критериями являются наличие государственности, демократических ценностей, права, литературы и т. д. Сочинения «отца истории» Геродота и «отца географии» Страбона, по сути, заложили основы историко-географического маркирования всей ойкумены. Именно тогда с помощью разного рода штампов («бородатые варвары в женском платье», «культура низка и недостойна», порочность, рабство и др.) фактически на восточные народы был перенесен образ противника. Очень долго о людях с динамичной скотоводческой экономикой судили по номадам, проживавшим в непосредственной близости от греко-римского мира. По сути, это было только начало формирования скотоводства и эти племена вели так называемую присваивающую экономику, в рамках которой вполне возможно было и земледелие.

Практически вплоть до XIII в. европейцы за редчайшим исключением не бывали во внутренних районах кочевых обществ, не наблюдали жизнь кочевников изнутри, да и во времена походов Чингизидов их послы, как правило, посещали лишь те места, которые были завоеваны монголами. Китайские путешественники, послы, торговцы и перебежчики бывали в северных землях гораздо чаще, однако оставили не очень пространные и достаточно тенденциозные отчеты.

В результате земледельцы и горожане наблюдали лишь тех кочевников, которые сами пришли к ним, иначе говоря, наблюдали их лишь в экстраординарной ситуации. Это была ситуация набега или передвижения. Особо следует отметить, не нашествия,

ведь кочевники никогда не стремились переселиться в чуждую им экономике, интересам, занятиям и ментальности земли. В Степи, разумеется, шел и процесс седентаризации, но, понятно, что не он определял логику эволюции. Какие-то роды, вытесненные из степных районов, постепенно оседали на землю в сельскохозяйственных районах, но их уже нельзя было называть чистыми кочевниками.

Кочевники при столкновении с оседлыми народами находились на марше и, естественно, для них в этот момент была характерна повышенная милитаризация. Они пришли на лошадях, но только потому, что шли военным маршем. Однако с таким же успехом в наличии милитаризованного общества и в бандитизме можно было бы обвинить и оседлых феодалов, которые участвовали в файдах-междоусобицах.

Необходимо иметь в виду и то, что для всех традиционных обществ, особенно в средневековый период, характерна высокая степень милитаризации. Насилие, как известно, играет особую роль в истории этого времени. Все были вооружены до зубов, даже простые крестьяне, все использовали насилие как нечто вроде экономического средства. Набеги и грабеж были нормальным явлением и для оседлого населения.

Оседлые народы также предпринимали крупномасштабные военные экспедиции. Достаточно вспомнить Реконкисту, «натиск на Восток», Крестовые походы, завоевание Англии, Великие географические открытия. Китайцы неоднократно предпринимали карательные и завоевательные походы в степные земли. Ценой огромных усилий древним китайцам удалось отразить нашествия своих северных соседей. Конфуций говорил, что если бы не это, то «нам, пожалуй, пришлось бы ходить непричесанными, застегивать одежду налево и испытывать иноплеменное господство».

Кочевники, в свою очередь, оказывали большое воздействие на восточноазиатскую цивилизацию. Изменения коснулись всей военной системы Древнего Китая, что было отмечено Р. Груссе: «Китайцы царств Цзинь и Чао смогли трансформировать тяжелую обозную армию в мобильную кавалерию», что повлекло за собой изменение и военной одежды, и снаряжения. «Платья архаической эпохи были заменены штанами, позаимствованными у кочевников, и китайские воины позаимствовали у последних также шапки с хохолками "три хвоста", поясные пряжки» Злачительное развитие у степняков получило и фортификационное дело.

 $^{^{37}}$ Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Древней Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 38.

Г. Шурц писал, что сам кочевник «не создает культуры, но косвенным образом способствует ее прогрессу, уничтожая границы между различными сторонами и создавая мировые государства, бесконечный горизонт которых воскрешает идею о единстве человеческого рода даже там, где эта идея, казалось, совсем заглохла вследствие политической раздробленности и самодовольства»³⁸.

В Европе средние века были временем политического доминирования «варваров» (кельто-германского населения Европы, живущего ultra montes, за горами, т. е. за Альпами). В Восточной Азии все первое тысячелетие н. э. стало временем этнополитической активизации кочевых народов. Усложнение социальной структуры, медленный переход к смешанной экономике, оседание части населения на землю. Были источником этой активности и ее спутниками. На полтора тысячелетия сложилась ситуация, когда развитие мира, если уж и не определялось «варварами», то находилось под сильным их влиянием, иногда даже решающим (монголы). Военные аспекты этой истории неизбежно выходят на первый план.

Негативное отношение к средним векам появилось во многом благодаря итальянским гуманистам, которые недостатков этого периода выделяли и агрессивность «варваров». Идея «падения» Римской империи во многом идет именно от них, так объяснявших исчезновение великой античной культуры. Действительно, если внимательно присмотреться к истории средневековой Евразии, то помимо более или менее досконально изученных социальных коллизий большое значение имеют и внешнеполитические конфликты. Если первое тысячелетие было временем, когда вся энергия «миров» была направлена внутрь, на строительство «царства божьего на земле», т. е. оформление цивилизаций, то уже так называемый предмонгольский период, причем, в истории не только Азии, но и Европы характерен резким усилением международной конфронтации. Это время является одним из самых интересных и, в то же время, малопонятных периодов в истории Центральной и Восточной Азии. Для него характерно как никогда прежде сильное противоборство и смешение различных этносов. Если обратить внимание на то, что аналогичный период был и на Западе, где в XI-XII вв. происходит особенно много разного уровня конфликтов (файд), то есть смысл в этом особом сгущении кросскультурных контактов увидеть,

 $^{^{38}}$ Шурц Г. Средняя Азия и Сибирь // История человечества. Т. 2. СПб. 1909. С. 119.

прежде всего, особый этап развития евразийского сообщества народов в целом. XIII век вообще стал несчастливым и для кочевников, которых «монгольский буран» разметал по земле. Если подытожить историю Евразии на протяжении семнадцати столетий, то действительно можно выделить в качестве главной цивилизационную дихотомию оседлые / динамичные народы. В Восточной Азии это проявляется в противостоянии «хань» (китайское) и «фань» (кочевое). Китайцы на века запомнили хунну, монголов, маньчжур. В Европе важнейшее значение имели взаимоотношения с германцами, гуннами, арабами, монголами, славянами. Последних до прошлого века считали потомками гуннов. Не случайно христиане считали Восток царством Сатаны, где могущественные государственные образования (Халифат, Монгольская империя) могут мгновенно появиться, и так же мгновенно исчезнуть. Никакие внутренние противоречия и коллизии не приводили к таким грандиозным последствия, как переформатирование этнополитического пространства целого континента. Естественно, что причины таких пертурбаций привязанные к земле крестьяне и горожане видели только в грубой Причину успехов «героя Чингиса», предшественников, напуганный оседлый мир увидит лишь в том, что он использовал силу. Кочевникам всегда приписывалась особая страсть к войне. Геродот писал о скифах: «Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища — в кибитках. Как же такому народу не быть непобедимым и неприступным?». Для Овидия сарматы – «враг, сильный конем и далеко летящей стрелой». Китайцы считали хунну «легкими, быстрыми и яростными воинами. Они возникают, как ураган, и исчезают, как молния... На них лучше не нападать». По словам П. Н. Савицкого, «ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной годности и доблести, какие дает кочевой мир». Быт кочевых народов был военизирован. Мужчины были вооружены и с детства участвовали в военных играх и состязаниях, охотах, набегах и т. п. Военный образ жизни различных А. С. Мирзоев определил, как «культуру войны». В кочевниковедческой литературе на раз обращалось внимание на воинственность кочевников. Л. Кржевицкий (1896) связывал это с военизированным из-за постоянной охраны скота образом жизни, Ф. Ратцель (1902) – с их подвижностью, Ф. фон Рихтхофен (1908) — со стремлением добыть то, чего кочевники не могли произвести сами. Как писал французский этнолог Ж.-П. Дигар, «кочевники всегда побеждают». Появление кочевников европейцы

часто воспринимали экзистенциально и связывали с ними приближение Конца Света. Нападающая армия всегда воспринимается трагически, излишне эмоционально, со страхом. Это четко фиксируется в литературе Запада:

И поднимет знамя народам дальним, и даст знак живущему на краю земли,- и вот, он легко и скоро придет;

не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресл

его, и не разорвется ремень у обуви его;

стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его — как вихрь;

рев его — как рев львицы; он рыкает подобно скимнам, и заревет, и схватит добычу и унесет, и никто не отнимет.

U заревет на него в тот день как бы рев разъяренного моря; и взглянет он на землю, и вот — тьма, горе, и свет

померк в облаках. (Ис 5: 26-30).

держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосерды, голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек, чтобы сразиться с тобою, дочь Сиона...(Иер 6:23).

Из Библии брались, как уже говорилось, Гог и Магог. Менталитету центральноазиатских кочевников часто приписывали особую страсть к убийствам и это во многом связано с тем, что кочевые завоевания всегда, начиная с глубокой древности, воспринимались как крупномасштабные катастрофы, а в прошедшем столетии они даже стали считаться одним из факторов, обусловивших так называемое «отставание» Востока от Запада. Не стоит, однако, забывать, что историческая наука как инструмент идеологии или, наоборот, как максимально деидеологизированная номенклатура понятий и методов, сформировалась в оседлом мире, и принять до конца видение кочевников на исторические события и процессы все еще не способна. Бандитизм же явление в некотором роде нововременное, и есть смысл отличать его от средневекового разбоя. В средние века разбой и грабеж были нормальным явлением во внешней сфере, но внутри государства это рассматривалось как незаконное деяние. Бандитами считались лишь те, кто нарушал юридическую договоренность или традиции. Только в новое время, когда наблюдается своеобразное противостояние власти, бизнеса и криминала, возникает само понятие бандитизма как универсальное, не связанное ни с какими этническими или политическими границами. И именно тогда под него, прежде всего, подпадают кочевники, но отнюдь не представители иных цивилизаций.

Отсюда естественным образом возникает и представление об отсутствии у кочевников философии и теории войны и сведением их военной тактики исключительно к методам физического воздействия в особо извращенной форме (садизм, жестокость, страсть к разрушению, ненависть по отношению к созидательному труду как основные качества их ментальности).

В XX в. стали появляться новые подходы к истории кочевых сообществ и широко распространяться стремление к реабилитации их истории, доходящее до чрезмерности и замене «черной легенды» на идеализацию кочевников.

В этих условиях резко усиливается необходимость объективного подхода к изучению истории и культуры кочевников.

Если мы все же непредвзято посмотрим на историю кочевников, прежде всего, разумеется, центрально-азиатских, совершивших наиболее масштабные передвижения и создавших наиболее могущественные и грозные кочевые империи, то увидим, что война как средство решения проблем и особенно образ жизни занимает у них не большее место, чем в истории оседлых народов. Просто, в силу своей специфики, военное дело в большей степени, чем какая-либо другая сфера деятельности, было направлено на взаимодействие с внешним миром.

Сама модель империи подразумевает такое государство, для которого важнее внутренние, а не внешние проблемы. Таковы все западные (Рим, Византия, Каролингская и Священная Римская) и все восточные (китайские) империи. Они располагаются на обширной территории и осуществляют ее переформатирование. Так, в рамках Римской империи идет трансформация полиэтнического и мультикультурного полисного и племенного мира в моноцентричный (Римоцентричный). Империя, как давно уже заметили исследователи, сразу же переходит к обороне, с трудом отбивая натиски извне. Вся ее история наполнена многочисленными внутренними политическими и социальными конфликтами и на первый план выходят проблемы социальные и экономические, что и позволило марксистам в свое время именно с ними связать как гибель самого государства, так и уход «рабовладельческого строя» в целом. Это позволило наполнить фактическим содержанием и концепцию классовой борьбы, которая в принципе неплохо описывала различные переходные эпохи (поздняя античность, раннее новое время).

Военное дело кочевников является особо проблемной темой, с нераскрытыми еще до конца ресурсами и массой негативных

факторов. Возможность для ее объективного изучения в современных условиях существует.

В этом контексте история киданей и их государств является той областью кочевниковедения, которая позволяет изучить максимально полный синтез всех факторов номадной истории. Здесь наблюдается сравнительное равновесие социальных, экономических, культурных, политических и военных факторов, отсутствие доминирования какого-либо одного из них. Картина этой истории четко демонстрирует невозможность догосударственной и государственной истории развиваться только за счет политических и военэтнополитического факторов, развития существовать только на основе внешнего насилия и войны. История киданей — это реализация стратегии выживания, основой которой могла быть только идея социокультурного строительства, а военное их дело соответственно – результат выработки социогосударственной стратегии.

Изучение любого государственного образования, тем более созданного кочевниками, немыслимо без анализа организации военного дела в этом государстве, а изучение военного наследия киданей, войска которых в начале ІІ тысячелетия н. э. приобрели на востоке Азии славу «непобедимых и непоколебимых», важно и потому, что военный опыт Ляо самым внимательным образом изучался полководцами чжурчжэней, монголов и маньчжуров. Чжурчжэньский правитель Агуда высоко ценил военный опыт киданей. В «Юань чао би ши» говорится, что «кидани составляли целые полки на службе у чиньцев и квартировали по границе у Китая с Монголией». Один из факторов, способствовавших укреплению империи Ляо — удачное решение киданями военных проблем. Именно у киданей «мобильность стремени и ударная сила стали сочетаться с дисциплинированной, как часы, военной организацией» ³⁹.

На рассмотрение данной темы, безусловно, оказывает существенное влияние специфика нашей информации о военном деле киданей. Единственным источником нашей информации о социокультурном и этнополитическом развитии киданей являются китайские тексты. Они специфичны и потому, что посвящены истории оседлого мира, а история любых кочевников, в том числе и

 $^{^{39}}$ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 99.

киданей, рассматриваются ими как своего рода антитеза «магистральному пути». Однако пока они и только они дают максимальную возможность увидеть реальное сочетание всех факторов развития киданьского общества и одновременно, хотя и крайне минимально, вычленить собственно киданьские представления о войне и ее роли в развитии общества.

В издании «Ляо ши» 1345 г., целых четыре главы (3I, 34, 35 и 36) посвящены военной системе Ляо. О том, что маньчжуры высоко ценили военный опыт киданей, свидетельствует «Дайляо гуруни судури» (История государства Ляо): «Хотя государства Дайляо и Айсинь не смогли соединить Поднебесную воедино, однако государство Дайляо захватило половину земель Поднебесной». Поэтому «всемилостивейший, великодушный, кроткий, совершенномудрый хан, именно древность желая созерцать и содержа в сердце [это желание]» приказал своим историографам перевести на маньчжурский язык книги трех династий: Ляо, Цзинь и Юань: «Выпустите из этого [перевода] все ненужное и возвеличьте все сполна: удачи добрых дел, войны и облавные охоты!». Из этого отрывка видно, что именно организации военного дела в предшествовавших государствах и, особенно у киданей, маньчжуры придавали особое значение. Видимо, не случайно также и то, что в маньчжурских изданиях «Ляо ши» и «Цзинь ши» имеются специальные разделы, в которых подробно описываются «законы организации войск».

Основными источниками информации о военном деле киданей являются «Цидань го чжи» и «Ляо ши», в которых есть относительно подробные экскурсы на эту тему. Чаще, правда, эти сведения разбросаны по текстам и цельную картину все же приходится составлять из отдельных фактов. В «Ляо ши» наибольший интерес представляют 31, 32 и 33 цзюани, объединенные в раздел «Инвэй чжи» (Записки о защите лагеря). Здесь говорится в основном об ордо-гвардии, походных лагерях киданьских правителей. В цзюанях 34, 35 и 36 дается комплексное описание военной организации, системы комплектования армии. 55 цзюань посвящен военным колесницам.

Отдельные и зачастую случайные сведения и факты есть и в других китайских текстах, в том числе в переведенных на русский язык Н. Я. Бичуриным, а также в сочинениях мусульманских и европейских авторов периода средневековья, в «Сокровенном сказании». Данные письменных источников отчасти дополняются

информацией, получаемой при археологических раскопках монгольских и собственно киданьских городищ.

Восточная Азия в предмонгольский период была перенаселена и это основная причина бурной политической жизни. Война же в этих условиях становилась неотъемлемой ее частью, если не сказать необходимой и обязательной. Все народы, кочевавшие к северу от Великой Китайской стены, гордились своей подвижностью и свободой и с презрением смотрели на тех, кто «трудится на коленях». Частые завоевания кочевников «достаточно показывают превосходство ополчения варваров над ополчениями цивилизованных народов» (Д. Смит).

Нельзя сказать, что кидани считали мир нормальным состоянием общества, а войну некоей болезнью. Они жили во времена, когда пацифизм как методология был немыслим, тем более в этой части азиатского материка. Хочется сказать, что для их случая, как и для многих других в истории, вполне подходит максима, выраженная римским историком І в. до н. э. Корнелием Непотом: si vis pacem — para bellum (хочешь мира — готовься к войне). Как «пилумы» римских легионеров стали сваями европейской государственности (выражение А. Керсновского), так и копья киданьских воинов создавали своего рода защитное ограждение для империи.

Киданьские войны по-разному оценивались ими и их соседями китайцами. Для киданей характерна своего рода теологическая интерпретация, объясняющая необходимость войны, ее ход и результаты волей Неба. Привлекался и конкретно-исторический подход, акцентирующий внимание на роли отдельных политических лидеров (Апоки, Дэгуан, Елюй Даши). Есть элементы и политического подхода, когда война, если использовать слова К. Клаузевица (1780–1831), есть «продолжение политики другими средствами». В свою очередь китайцы в духе психологической школы видели в ментальности киданей склонность к злу, а киданьских лидеров считают своего рода маньяками. Это и результат воспитания киданей как агрессоров (антропологический подход).

Ляо является классическим вариантом кочевой империи. Если мы посмотрим всю ее военную историю, то, кроме набегов, которыми не меньше занимались и китайские оседлые государства, увидим войны, связанные с оформлением единого политического пространства и защитой его рубежей. Под ударами киданей оказались опасные для существования только возникшего государства бохайцы и поддерживавшие их корейцы. Для демонстрации силы были предприняты походы в Западную Монголию и в сибирские

районы. Основная военная активность киданей связана с противостоянием Сунской империи, защитой своих южных регионов, населенных «китаизированными» («хань эр»), и строительством пограничных укреплений. Это даже позволяло почти всем исследователям истории Ляо говорить о постепенном выветривании боевого духа киданей, что и сказалось самым катастрофичным образом в момент выступления сокрушивших их чжурчжэней. Все империи гибнут, если можно так выразиться, без единого выстрела, хотя кидани, надо отдать им должное, сражались довольно долго и упорно.

Любая империя, будь то Римская или киданьская, находятся как бы в окружении разных миров. Собственно говоря, идея «Средиземного моря» отражает не только наличие активных и разносторонних связей народов по его берегам, но и экзистенциально значимое их место в Евразии в целом. О существовании средиземноморского мира знают даже древние китайцы, через него проходят волны варваров, арабов, монголов, турок. Неудивительно, что именно в римское время, строго говоря, и рождается понимание рах'а (мира) как центра земли и территории истины. В китайских или киданьской империи тоже опирались на идеи «чжунго» («срединного государства»), окруженного «варварами», которых надо было сдерживать. Эти миры шли по «правильному пути» и не меньшее значение имели проблемы внутреннего управления. Здесь были своя социальная ситуация и своя экономика, которые отличались от соседских, и нужно было создавать самобытные социальные программы и проводить специфические экономические преобразования, на помощь соседей рассчитывать почти не приходилось.

Резко повышалась роль этатической конструкции. Только «государство», а не «племя» или даже «ханство» могли решать стоящие перед обществом проблемы. Авторитет империи Ляо был очень велик в Степи. Даже после ее крушения кочевые племена поддержали киданей в их противостоянии Цзинь. Вожди кочевых племен отказали чжурчжэням в повиновении, а монголы во главе с Хабул-ханом даже объявили им войну. Елюй Даши после своего бегства на запад созвал курултай в старинном уйгурском городе Бэйтин (Бешбалык), на который прибыли «главы семи областей и вожди 18 племён». Племена дали 10 тысяч хорошо вооруженных и прекрасно обученных воинов. Даши назначил командиров, привел в порядок оружие и снаряжение, разделил отряды по 500 человек, под его знамена стали собираться и киданьские беженцы, и «ли-

шившиеся имения голодные, истомленные, бедные и всякого сорта люди». Однако вскоре западные племена ясно увидели военные успехи Цзинь, захватившей половину китайской империи Сун. К тому же чжурчжэни как бы приняли эстафету киданей и сдерживали экспансию Сун на запад, став буфером. С новой кочевой империей не только боялись портить отношения, но и в чем-то считали почти своей. Племена стали один за другим отпадать от этого союза.

Считается, что обязательным для кочевого общества является отсутствие военной доктрины в принципе. Если оседлые народы создавали самые разнообразные военные трактаты, примером чему являются труды римских или китайских авторов, то у кочевников их нет вовсе. Да, они изучают военные трактаты соседей, и они великолепные практики, но своей военной мысли у них нет. И дело здесь не в отсутствии письменности. У киданей был свой письменный язык и огромная литература на нем. Конечно, развитию военного искусства кидани придавали большое значение и в итоге войска их в начале II тысячелетия н. э. приобрели на востоке Азии славу «непобедимых и непоколебимых». Армия считалась у киданей «оплотом / щитом/ государства», а военное дело обеспечивало безопасность государства: «В делах государства и войска определено за основу: любовь к народу. Если народ богат, то и воинов изобилие. Если воинов много, то и государство могущественно». Из этого пассажа видно, что кидани, как и любые другие имперские народы, все свое внимание уделяют внутренним проблемам. Армия необходима только для защиты или наказания врага, а война является экстраординарным средством решения сложных проблем. Даже Чингисхан свои военные действия направлял не на завоевание территории, а на «месть» – императору чжурчжэней за угнетение кочевников или Хорезмшаху Мухаммеду за убийство послов. Можно сослаться и на пример создания членом киданьского императорского рода Елюй Даши армии для отвоевания родины у чжурчжэней. Для чего именно нужна армия, хорошо видно из его известной речи на этом курултае: «Сейчас, полагаясь на справедливость своего дела, я прошу вашей помощи в уничтожении нашего общего врага и восстановлении нашей империи. Я уверен, что вы почувствуете сострадание к нашим бедам. Можете ли вы смотреть без горя на разрушение храмов наших духов-правителей? Без сомнения, вы поможете вашему императору и отцу; вы не будете безразлично смотреть на несчастье наших людей».

В киданьской армии доминировали племенные отряды. Военных специалистов из других стран, например, из Китая или

завоеванного Бохая, кидани неохотно допускали к армейским делам. Их использовали в качестве советников. С их помощью изучали информацию о военной истории и практике соседей. Чаще военный опыт перенимали непосредственно в сражениях. Это будет слабым местом на всем протяжении имперской истории.

Кидани в начале государственной истории не знали элементарных правил ведения военных действий, с которыми знаком любой мелкий военачальник оседлых государств. Их, как дворовую футбольную команду, легко обыгрывали китайские профессионалы. Это и предопределило то, что кидани старательно изучали иноземный военный опыт, сочинения и преуспели в этом.

На развитие военной теории и практики повлияло использование киданями, прежде всего опыта китайских военных, которые массами убегали к ним из земель Янь⁴⁰ после образования государства. Могущество киданей «в связи с этим возрастало с каждым днем». Из них «умом и большим знанием литературы» отличался Хань Яньхуэй, который стал главным советником нового императора Тай-цзу (Апоки). Он сыграл большую роль «в покорении киданями других государств». Лу Вэньцзинь, перебежавший к киданям из государства Лян, «научил Тай-цзу делать для штурма города подземные ходы, используя которые кидане нападали на город со всех сторон днем и ночью... Кроме того, кидане насыпали земляные холмы, для того, чтобы приблизиться к стенам».

Поскольку основой киданьской армии была кавалерия, а здесь серьезная трансформация военного дела была не нужна в принципе, армии и не требовалась большая грамотность. Киданьская армия в массе своей состояла из неграмотных людей, за исключением элиты. Это значит, что система тренировки воинов и военная деятельность проводились на основе сложившихся рецептов и традиций. Новшества, появлявшиеся в ходе боевой деятельности или полученные в результате изучения опыта других стран или сочинений по военному делу, медленно распространялись сверху вниз и, как правило, не опускались ниже элиты. Иначе говоря, тактика основывалась на традициях военного дела, а оперативное искусство и стратегия менялись, хотя и медленно. Существенного их изменения не требовалось в силу оборонительного характера киданьской военной доктрины.

В итоге, несмотря на то, что у киданей действительно на первом месте стоит военная практика, можно говорить, что в основе

⁴⁰ Район современной провинции Хэбэй.

лежит ряд социокультурных представлений и принципов, которые можно объединить выражением «теория войны».

Можно говорить о медленно идущем процессе складывания военной доктрины у киданей.

В основе ее была идея избранности киданей с акцентом на особой роли элиты, представленной родами Елюй и Сяо.

Второй важной идеей была идея киданьской государственности в виде империи, т. е. оборонительного, а не наступательного государства.

Третья, очень характерная для кочевников, требовала не прощать обид. Апоки отомстил Бохаю. Кидани наказывали племена цзубу, Китай, чжурчжэней, как нарушителей установленных договоров и отношений.

Четвертая — достижение победы для решения проблемы, но не тотальное уничтожение противника.

Пятая, одна из особо важных, — акцент на своей этнической культуре. Патриотизм был одним из самых сильных оснований киданьской военной теории. Позднее чжурчжэни, монголы и маньчжуры будут тщательно изучать опыт Ляо в этом плане и пытаться использовать его в своих взаимоотношениях с иными этносами и культурами. Именно с этой позиции киданьские правители часто критиковали, например, китайцев, говоря, что китайские армии выполняют волю аморальных правителей и используют то, что кочевники не допускают: ложь, вероломство, жестокость, коварство и т. п.

Шестая сводилась к тому, что война вполне имеет право на существование. Она ни добро, ни зло. Кидани были воспитаны в духе готовности к войне, но в то же время считали, что война есть особое средство решения проблем. Все должны быть к ней готовы и ежедневно тренироваться, но не жить ради войны.

Седьмая — армия должна быть особой организацией. Не все должны находиться в ней, если не считать, разумеется, особых случаев. Она представляла собой нечто вроде особого цеха.

Восьмая — если приходится завоевывать чужую территорию, то это делается для себя, и ее нужно сохранить как свою собственность. Лишь для устрашения иногда кидани могли что-то уничтожать или громить укрепления во время сражения.

Одним из главных у киданей был принцип «частной победы», т. е. стремления достичь решающего успеха в каком-то конкретном сражении. Это в конечном итоге приводило к общей победе. Это тоже один из пунктов неоформленной в трактатах

доктрины. Не во всех государствах это было. Так, Византия VI в. свою концепцию войны строила на идее невозможности решающей победы. В то же время в большинстве стран того времени и, естественно, у кочевников такое представление было обязательным. В Европе его обосновали Наполеон, Клаузевиц и другие военные деятели.

«Армия для государства — это то же, что здоровье для человека»⁴¹. Армия считалась у киданей «оплотом / щитом/ государства», а военное дело обеспечивало безопасность государства.

Как и в других оседлых государствах, армия у кочевников, в том числе и у киданей, создается только под какой-то проект и состоит из отдельных племенных отрядов. Со стороны правительства в нее часто входят либо части специального назначения, либо разного рода охранные подразделения, само существование которых ориентировано лишь на полицейские функции.

Через всю историю любого государственного образования кочевников красной нитью проходит задача укрепления и мирного развития этнополитической структуры. Задача сокрушения и завоевания соседей или, тем более, отдаленных стран не значится вовсе. Даже Чингисхан, призывавший к тому, что силу монголов знали все народы «от заката солнца и до восхода его», по сути, озабочен лишь тем, чтобы его родину оставили в покое. Иначе говоря, если выстроить иерархию приоритетов кочевой цивилизации, то военная составляющая находится в ней далеко не на первых местах, уступая пальму первенства хозяйственным, социальным и педагогическим сферам. Не случайно в образе кочевого героябогатыря на первом месте стоит защита справедливости, покровительство обиженным и угнетенным. Справедливости ради надо отметить, что кочевники в этом отношении не оригинальны, достаточно вспомнить знаменитое «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28). О справедливости заботились и античные европейские герои Геракл, Кухулин, Беовульф и др. У своих героев европейцы эту черту всячески подчеркивали, а для кочевников почему-то сделали исключение.

Сказанное не означает вовсе, что насилие не было присуще кочевникам и представлять их пацифистами, разумеется, нет никаких оснований, однако, в этом отношении они ничем не хуже и не лучше любых традиционных народов.

 $^{^{41}}$ Мариюшкин А. А. Помни войну! Вопросы современной и будущей войны // Философия войны. М.: Анкил-воин, 1995. С. 108.

Если народ и государство хотят существовать, они обязаны иметь мощную армию и заботиться о ней, чего бы это ни стоило. Это относится и к восточноазиатским кочевникам, о чем прямо говорится в «Цзинь ши»: «Цзинь армией начала и армией кончила», «Цзинь использовала воинов, чтобы добыть государство, не отличаясь [в этом] от Ляо». Можно сказать, что кидани первыми в Восточной Азии в таком массовом количестве создали регулярную армию.

Киданьская «военная машина» сложилась далеко не сразу. Ее появление стало результатом как многолетнего опыта военных походов, так и целенаправленных изменений, вносившихся в военную организацию и тактику ведения боя.

У Ляо был сильный военный потенциал. Абсолютные возможности были связаны с большим и вполне достаточным количеством населения, достаточными природными ресурсами. Относительные возможности — это развитая система комплектования вооруженных сил, хорошие дороги, достаточная развитая экономика. Удачные войны приносили богатую добычу, росло благосостояние населения, присоединенные территории оздоравливали экономику. В результате рос авторитет армии.

Это будет сохраняться до конца династии, хотя китайцы и пытались разрушать дороги, поля, города, убивать и угонять людей. К концу династии боевой дух слабел, армия расслаблялась, все больше дистанцировалась от населения. Многие в империи ненавидели именно солдат, которые порой грабили и своих.

Одним из негативных последствий войн для киданей были значительные людские потери. Война развращала солдат, делала для них привычными насилие, агрессию, равнодушие к судьбам людей, корыстность. На войне гибли лучшие и, как писал П. Сорокин, «настоящие платежи по векселям — в будущем, когда вырастут поколения выжившей «человеческой слякоти»»⁴². Возникновение и гибель обоих киданьских государств сопровождалось ожесточенными войнами, однако, если войны в начале привели к возникновению этих государств, то заключительные войны своим итогом имели их исчезновение, вырождение народа и утрату им места в истории.

Создав могущественную державу, с авторитетом и силой которой вынуждены были считаться соседи, кидани все меньше

 $^{^{42}}$ *Сорокин* П. А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Экономист. 1922. № 1. С. 101.

прибегали к войне как средству решения всех проблем и уделяли больше внимания вопросам регулирования своей экономики.

Когда началась затяжная война с чжурчжэнями, много сил было брошено на войну, тыл начало лихорадить, ломались торговые связи. Начались проблемы с продовольствием в тылу, обнищание населения, недовольство. По сути за счет отсутствия ориентации на войну как средство решения всех проблем, просчетов политики происходил развал экономики. Чжурчжэни же в завоеванных районах наводили порядок, за счет чего рос на этот раз уже их авторитет. Экономка не могла помочь киданьской армии. Аналогичная ситуация сложилась и во время правления последнего западнокиданьского правителя Кучлука.

Киданьское государство после своего возникновения уже не могло довольствоваться теми рецептами и методами, которые существовали в степной зоне на уровне взаимоотношения племен. Оно, объявив себя государством, тем самым уже инициировало перспективную и долгосрочную программу, наметило стратегию своего общественного развития. Нелепо даже предполагать, что в военной сфере оно будет придерживаться лишь тактики, тем более племенной, основанной на блицкриге или набеге. Защита своей территории, сдерживание потенциальной агрессии со стороны соседей выходят на первый план и требуют напряжения всех сил государства. Набегами изредка занимались отдельные племенные вожди, но государство всегда осуждало эту тактику. В итоге война у киданей в период государства выходит на уровень стратегии. Управление государством и военная стратегия взаимосвязаны, но в условиях государственности стратегия не может быть самостоятельной и отчужденной сферой, она становится частью политики. Это существовало в любых государствах древности и средневековья. Как у древнеиндийской, так и у киданьской элиты было два обязательных занятия – управлять и воевать. Управление на первом месте, военное дело – на втором. И то, и другое – средства решения проблем и обеспечения нормального развития государства и общества. Рядом с ними обязательно находится дипломатия. Это три кита, на которых зиждется государственность.

В киданьской истории, творимой с помощью политики, стратегии и дипломатии, хорошо прослеживается обязательное и четкое взаимодействие парадигмы развития, овеществленной в идее киданьской государственности, и обилия алгоритмов реализации этой цели, структурированных в политику, дипломатию и стратегию.

Ляо не знает больших и кровавых войн и это обстоятельство служит одним из доказательств того, что киданьские политика, дипломатия и стратегия находились на очень высоком уровне. Только недостаточность развития этих сфер вызывает громоздкие и неуклюжие войны. Если использовать математическую символику, то политику, стратегию, оперативное искусство, тактику (о дипломатии должна быть отдельная речь) можно назвать слагаемыми. В сумме они должны дать единицу как символ идеального достижения цели. «Приравнять» эти слагаемые друг другу, т. е. обозначить каждое как четверть, бессмысленно, ибо в реалии это невозможно в принципе. Однако они должны так соподчиняться, чтобы в итоге все же была пресловутая единица. Видимо, достижение этого удел гениев, но кидани иногда были близки к совершенству. Достижение ими Шань-юаньского мира стало результатом скрупулезной, нудной, но весьма эффективной работы всех «слагаемых». Плюс, разумеется, дипломатия, хотя ей было уже легче оформлять условия договора, опираясь на слаженную работу государственных и военных институтов.

Безусловно, из этой картины выпадает история гибели Ляо, однако, думается, затяжной и разрушительный характер этой кампании для киданей был обусловлен тем, к чему они были не готовы абсолютно. Призывы Агуды к неповиновению киданям, адресованные, прежде всего, внутриполитическим силам, мощная информационная атака, использовавшая идею «несправедливости» империи, спровоцировали революционные социальные брожения внутри страны. Империя находилась в процессе трансформации полищентричного родоплеменного мира, и этот процесс не достиг еще и середины. В общем, империю, так или иначе, погубили изнутри. Киданьская стратегия до самого конца оставалась на должной высоте. На своем исходе империя вела лишь одну неудачную войну — с чжурчжэнями как внутренними врагами. Китайцы, пытавшиеся захватить южные регионы Ляо, совсем не преуспели в этом.

До конца нерешенной проблемой в киданьской истории все же стало адекватное совмещение стратегии, оперативного искусства и тактики. Не раз имело место своеволие при выполнении приказа императора как верховного главнокомандующего командующими армиями. С подобной проблемой столкнется в свое время и Чингисхан, придававший дисциплине военачальников не меньшее значение, чем дисциплине рядовых воинов. Своевольствовали иной раз и командиры отдельных отрядов. Таким образом,

оперативное искусство (уровень командующих армиями) и тактика (уровень отряда) тоже не всегда сочетались должным образом.

Тем не менее, кидани будут работать над этими проблемами и путем разных мер, в том числе репрессивных, добились относительного порядка. Он был катастрофически нарушен в период гибели империи. Как писал Е Лунли, «когда высокая мудрость (киданьских императоров) поднималась ввысь, туда и сюда скакали боевые кони, им этого было мало. Когда (у киданьских императоров) появилась неуемная жадность к пьянству, последовали беды и поражения, не имевшие конца». По его мнению, уже императоры Шицзун и Муцзун «сняли латы и шлемы в женских покоях, а под боком у них возникли поводы для вражды. Как они были ничтожны! Это связано с их надменностью, несдержанностью в желаниях, любовью к пьянству и женской красоте, страстью к охоте, что ведет к поражениям и гибели, а эти пороки были отпущены обоим как бы одной рукой». В середине династии карательные отряды против непокорных племен часто отправлялись по приказу императрицы.

Ляо была крупным игроком в восточноазиатской геополитической игре и немного отставала разве что в макроэкономической. Это видно уже из того, что киданьские правители вели крупные межгосударственные переговоры, возглавляли вооруженные силы в крупных кампаниях. Многие договоры заключались на киданьской территории, что само по себе символизировало особую значимость Ляо.

Главным «учителем» киданей был Китай, обладавший огромным боевым опытом. В X в., в силу сложившихся обстоятельств, там было нарушено должное взаимодействие политики, стратегии и оперативного искусства. Китайские армии терпели поражения от киданей, да и от других «варваров», именно из-за рассогласования деятельности государственной и военной машин. У киданей же этот тандем работал великолепно. Им оставалось изучить у китайцев то, чего не знали, а именно основы ведения боя в иной природно-климатической и культурно-хозяйственной зоне. Почерпнуть кидани сумели и успели многое. Что-то недопоняли, например, использование техники. Правда, со временем с помощью перебежчиков и племенных китайцев смогли преуспеть и в этом. Многие китайцы вполне легально переходили на службу к киданям, как это делали и в Китае, служа в разных провинциях. В те времена это вполне допускалось.

В начальный период истории династии, при первых двух императорах, серьезной проблемой был низкий уровень полковод-

ческого образования киданьских военачальников, многие из которых слишком быстро прошли путь от уровня родоплеменной знати. Они перескочили через многие необходимые ступеньки. Отсутствие должного профессионализма компенсировалось талантом и настойчивостью.

Военное дело является предметом особой заботы со стороны правителя, поэтому до своего воцарения он должен был проявить себя как физически сильный человек, обученный военному мастерству и имеющий надлежащий опыт руководства войсками. Об основателе государства Апоки Е Лунли сообщает, что он, «достигнув зрелого возраста, отличался крепким телосложением, смелостью, воинственностью и сообразительностью. Отлично ездил верхом и стрелял из лука, пробивая стрелой железо толщиной в один цунь». Его наследник Дэгуан во время войны с Бохаем получил титул юаньшуай тайцзы (главнокомандующий — наследник престола). Преемник Апоки Дэгуан тоже «искусно ездил верхом и стрелял из лука».

Сказывался и распространенный среди киданей культ предков, в частности, культ основателя государства Апоки как Небесного императора. В 936 г. Дэгуан увидел во сне седого человека, которого принял сначала за святого, но приглашенный для гадания шаман заявил, что «это приходил из Силоу Тай-цзу и говорил, что в Китае будет поставлен император, которому ты должен помочь. Тебе нужно идти». В результате император объявил: «я выступаю в поход не ради Ши Цзин-тана, а по приказу императора».

V киданей отсутствуют войны в защиту каких-то религиозных или идеологических ценностей. Для Восточной Азии не характерны были, в отличие от Запада, какого-либо рода «религиозные войны». Разногласия здесь носят преимущественно политический характер. Феномена «религии» в том виде, в каком он существует на Западе, здесь нет и споры между различными религиознофилософскими течениями здесь не носят острого характера. Исключение составляет противостояние конфуцианства и буддизма, закончившееся рядом антибуддийских мер правительства в 845 г. Непосредственно в додинастической истории киданей «мировые религии» не были распространены в зоне их бытования, а в империи Ляо проводилась сравнительно мягкая политика по отношению ко всем конфессиям. В Ляо фактически существовал лишь единственный вид войн — войны в интересах государства, разумеется, в том смысле, как это понимала правящая элита. Например, китайцы после присоединения к своему государству шестнадцати

округов в 947 г. боролись за дезанексию этих территорий. Однако, кидани, считая их стратегически важными, по сути, выдвинули тот же принцип, ссылаясь на то, что они всегда входили в зону влияния кочевых племен, в том числе и киданей.

Киданей фактически обвиняют в том, что на протяжении всей истории своего государства они вели то, что К. Клаузевиц назвал «интегральной войной», т. е. войной на абсолютное уничтожение противника, а по возможности и его государства. Безусловно, войны того времени, ведущиеся не только киданями, кровавы. Во время сражений погибали многие тысячи воинов, не говоря уже о мирных жителях. Однако киданей гибло не меньше, чем их противников, тем не менее ляосцы никогда не ставили перед собой цели уничтожать какой-нибудь народ, чего не скажешь об их врагах. Так, полководец династии Цзинь Ли Сыюань откровенно поведал киданям перед боем, что его император за то, что кидани нарушили границы, «приказал мне во главе миллионной армии идти прямо на Силоу и уничтожить все ваше племя». Во всех своих сражениях кидани ставили только одну цель — победу. Благодаря ей они собирались решить ту или иную проблему. «Войны ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать»⁴³. Ни внутри государства, ни за его пределами они даже в мыслях не держали осуществление геноцида.

Целью существования своего государства кидани считали благополучное существование народа. Можно сказать, что они добились своей цели: вторая половина истории Ляо выглядит спокойной, благополучной, временами даже вялой. Эту «сытость» и считают основной причиной ослабления империи. Ибн Халдун в «Мукаддиме» даже считает такую деградацию кочевых государств универсальной. Думается, такая эволюция является ярким свидетельством отсутствия «природной агрессивности» кочевых сообществ.

Киданьская империя не обладала мощными экономическими потенциями, поэтому именно военная машина и дипломатия были ее единственными «союзниками». Только победа над чужой армией давала возможность что-то требовать от их государства. Экономические рычаги еще не могли быть использованы так, как в настоящее время. За всю свою династийную историю кидани так и не выработали сколько-нибудь совершенные навыки военной экспансии и наступательно-завоевательной войны. Сложная геополи-

⁴³ Керсновский А. Философия войны. Белград, 1939. С. 5-19.

тическая обстановка в регионе не давала никакой надежды на экспансию и захват чужой территории. Кроме того, специфика экономической ситуации и не требовала этого. Кидани просто создавали новую этатическую конструкцию в районе своего давнего обитания, трансформируя полиэтничность в иерархическую модель. Их военная доктрина могла быть построена только на идее обороны, а не наступления, или хотя бы набегов.

Кидани считали войны неизбежными, происходившими чаще, чем любые стихийные бедствия. Если со стихийными бедствиями бороться было бесполезно, то бороться с врагами должен был уметь каждый человек. Отсюда культ силы, физического совершенства, психологической аллертности. Отсюда постоянные военные тренировки, охоты, состязания. Отсюда идеал воина — кочевника, мобильного, способного не только встретить опасность в любую минуту, но и победить. Нападают на слабых, сильных боятся. Эта мудрость была обязательным условием элементарного выживания. Маршал Франции и ее министр обороны в 1916–17 гг. Луи Юбер Лиотей когда-то сказал: «Надо вовремя показать свою силу, чтобы избежать впоследствии ее применения».

То, что кидани были «воинственными», означает, что, будучи бездомным этносом, как некогда древние евреи, они боролись за право проживать в регионе, как умели очищали для себя территорию, «отвоевывали» себе «землю обетованную».

Киданьские войны были разными по масштабам и всегда преследовали определенные цели. Здесь видны экономические интересы, в том числе и захват добычи, но в этом плане кидани не были исключением среди евразийских народов. Они, как и охота, были формой тренировки. Это важно для скотовода, может быть, еще больше, чем для земледельца. Однако и оседлые феодалы этим занимались. Среди «семи рыцарских добродетелей» европейских рыцарей значились и стояли на первом месте умения ездить верхом, владеть копьем, фехтовать, плавать, охотиться. Этому учили их с младых ногтей. Средневековые феодалы прекрасно видели три процесса, идущие в человеке — физическое, интеллектуальное и духовное развитие. Олицетворением последнего была способность управлять феодом. Одна была особенно важна, но основа ее формировалась именно в военно-физическом воспитании. Если оседлый феодал часто был защищен стенами и другими укреплениями, то кочевой феодал большую часть своей жизни проводил на природе, где неизбежны были столкновения со зверями и другими людьми.

Воинские соединения киданей использовались не только для решения внешнеполитических задач, но и активно «поддерживали мир» внутри полиэтничной империи. Необходимости создавать полицейскую инфраструктуру в те времена не было, но в чрезвычайных ситуациях (мятежи, волнения племен) армия использовалась часто. Это было одной из целей ее существования, хотя и не главной. После смерти Дэгуана подняли мятеж некоторые племена и «вдовствующая императрица не плакала, а только сказала: «Когда все кочевья будут успокоены и объединены, как раньше, тогда похороню тебя» (Е Лунли. Цидань го чжи).

На первых порах кидани, видимо, считали допустимым вторгнуться на чужую территорию просто при наличии достаточной военной силы. В 917 г., недалеко от Ючжоу, китайские войска прегради путь киданьскому корпусу под командованием самого Тай-цзу и один из военачальников Ли Сыюань прямо упрекнул киданей в том, что они без всякой причины нарушили границы. Частые поражения киданей от китайцев не только предостерегли их «легкомысленных вторжений», но и заставили задуматься над обоснованием необходимости своих походов.

Война может быть средством получения того, что может быть предметом оспаривания со стороны других государств.

В 921 г. Ван Чучжи, боровшийся с династией Лян на стороне династии Поздняя Тан (Хоу Тан), посоветовал своему сыну Ван Юю прельстить киданей: «В Чжэньчжоу красивых женщин много, как облаков на небе, а золота и шелка — целые горы. Если вы, Небесный повелитель, быстро выступите, все это станет вашей собственностью, в противном же случае будет принадлежать Цзинь-вану». Тайцзу нашел это правильным и двинулся со всеми воинами на юг». Один из сановников китайской династии Сун, уговаривая киданей Восточного Ляо заключить мир, говорил: «если Ляо установит с Сун мир, то Ляо будет легко получать ежегодные платежи и прибыли пойдут в ханскую казну. Если же Ляо развяжут войну с Сун, то все прибыли пойдут подданным, а ханской казне достанутся убытки».

Считается, что кидани только от завоеванных народов заимствовали «пассивную стратегию обороны». Думается, что это на самом деле естественная стратегия любой империи, которая отгораживается от окружающего мира системой оборонительных сооружений. Кидани создали на севере «вал Чингисхана» длиной около 700 км, серию крепостей в бассейне рек Керулена и Тола.

Кидани считали, что «армия — главное для государства». Между тем у киданей армии в нынешнем понимании не было. Это была собранная под определенную программу (отпор, наказание или предупреждение, решение проблем) сборная из разных отрядов. По сути, доминировала идея достаточной обороны.

В то же время кидани действительно имели большую и бурную военную историю. Основная причина этого была связана с тем, что они представляли не просто племя и не случайный союз племен, а особое государство. Внутри этого государства была масса проблем разного характера. Нередки были карательные операции или подавления мятежей, недовольства различных племен. Это требовало держать достаточно большие гарнизоны везде. Но это означало решение преимущественно полицейских задач. Во всей Евразии подобные проблемы доминируют и повсюду милитаризм направлен вовнутрь государства.

Сложная политическая ситуация в Восточной Азии требовала от всех государств держать наготове значительные военные силы. Империя Сун пытается вернуть прежнее влияние, стравливая своих врагов, и часто сама принимает участие в боях.

Империя Ляо проводила вполне грамотную внешнюю политику и умело использовала сложившуюся военную практику и создала мощный инструмент сопротивления опасности, но не экспансии и не давления. Она не была пацифистским государством, но была уязвима как империя и вынуждена была использовать армию. Все средневековые империи были в таком положении и могли собирать большие армии, но не для экспансии. Хрупкий мир империй отгораживался жесткими стенами (Китайская, Римский вал).

Все боевые операции и тренировки киданей связаны со Степью, это еще одно доказательство того, что в оседлые районы они и не собирались идти. Охоты проводились для налаживания слаженности действий и развития физических качеств. Даже с Китаем предпочитали воевать в поле, а города брали подкупом, обманом и тупой осадой. Мощь империи обернулась против нее — соседи боялись нападать на них. Кидани и по этой причине теряли опыт и боевой дух. Как и Рим, Ляо погубили «примитивные варвары» чжурчжэни.

То, что аппарат управления в кочевом сообществе, по сути, является военной организацией вполне объяснимо. Во-первых, все древние и средневековые государства создаются с активным участием военных. Само слово «империя» родом из армейской

структуры, оно некогда означало устройство войска по семейному принципу. Император подобно отцу семейства тоже считался отцом всех людей. Та же идея по существу содержится и в христианстве, где Бог-Отец играет ключевую роль. Во-вторых, то, что государство рассматривается как структура, объединяющая всех людей, характерно для стадии военной демократии или вождества, когда и складываются предпосылки для возникновения государственности.

Тот факт, что кидани не умели брать китайские города, как впоследствии, кстати, чжурчжэни и монголы, не знали дорог, ведущих глубоко на юг, ясно свидетельствует, что они и не прогнозировали подобные мероприятия. Если слабел боевой дух киданей, как утверждают средневековые авторы, то это значит, что явно не на внешнюю агрессию они ориентировались в своей политике. Из двух основных задач киданьская элита выбирала не «сражаться», а «управлять». «Усмирить» Китай кидани смогли не военным путем, а своей дипломатией экстра-класса, что признавали сами китайцы. Шаньюаньского мира хватило на всю оставшуюся историю империи Ляо. Как во всех евразийских оседлых и кочевых обществах, у киданей милитаризм проявлялся преимущественно во внутренних конфликтах, для которых, строго говоря, и предназначался.

Внутренняя жизнь кочевников оседлые народы в целом не интересует, и она описывается предвзято как пустое времяпрепровождение по сравнению с жизнью земледельцев и торговцев. Это не случайно, ибо так в сознание людей закладывается пренебрежение к ним. Гораздо важнее поведение кочевников при встрече с оседлыми народами. Как правило, это имеет характер военного столкновения, во время которого проявляются все необходимые для этого качества — жестокость, физическое насилие, кровавость, вероломство, коварство, обман. Эти качества тщательно фиксируются в литературе оседлых народов и считаются не тактическими факторами, а чертами ментальности кочевников.

Кочевников маркируют по их роли в жизни оседлых народов, и не по их собственной культуре. Стоит отметить, что сами кидани себя бандитами не считали, хотя таковыми и могли считать какие-то племена. Апоки никогда ни в Ляо, ни в Си Ляо узурпатором не считался.

Фраза «война определяет всю историю кочевников» есть продукт обыденного сознания и не трудно убедиться на фактическом материале, что она пуста и бессмысленна. Никакой народ никогда не живет только за счет войн и грабежей. Государство тем

более. Представители юга чаще всего имели дело с киданями, находящимися на военном марше. Действительно, достаточно гибкая социальная структура киданей легко могла в этом случае трансформироваться в милитаризованную структуру. Китайцы считали, что таковой же она является в мирное время. Между тем, некоторые китайцы, довольно долго проживавшие в империи, говорили о миролюбии варваров, чему не очень верили их соплеменники.

Однако в отдельных случаях ею можно воспользоваться. Одной из особенностей государственной жизни кочевников является рассредоточение государственной власти. Кидани переняли у бохайцев систему пяти столиц и установили дополнительно систему набо — сезонных лагерей, в которые в зависимости от времени года переезжал по очереди правитель. Отсутствие столицы как единого и единственного центра государства, «геометрического места власти» и «кочевание» правителя с одного стратегически важного места в другое позволяло не только максимально обезопасить императора, но и лишить врага возможности нанести своего рода моральный удар, захватив «символ страны». Достаточно вспомнить события 1812 г., когда захват Москвы Наполеоном I поверг русских в шок.

Аналогично поступали и западные кидани, рассредоточив высшие правительственные и военные органы по «войлочным городам». Даже в центре своей державы г. Баласагуне кидани не стали жить, а воздвигли возле него «войлочный город». «Войлочный город» киданей был, по сути, военным лагерем. Он позволял жить отдельно от покоренного населения, на лояльность которого никогда нельзя было положиться. Он же давал возможность мобильно передвигаться по всей стране. Не променял юрту на дворец и Чингисхан.

Свои военные удачи кидани объясняли благоволением Неба, однако китайцы, в том числе Е Лунли, считали их неотъемлемой частью тех беспорядков, которые Небо посылает в наказание людям: «Неужели Небу не надоели беспорядки, иначе как незаконно присвоивший себе имя и титул смог подчинить различные народы?! Если это не так, почему он действовал тогда так энергично!». Это, «хотя и объясняется действиями людей, но зависело также от судьбы». Кидани считали, что победа в бою даруется Небом и достигается усилиями людей, а Небо помогает, прежде всего, смелым и воинственным.

Кидани считали, что воля Неба по отношению к военным действиям обязательно проявляется в каких-то событиях и явлениях.

Перед нападением на Бохай Тайцзу на охоте двумя выстрелами из лука убил пролетавшего дракона и заявил, что, если он смог его убить, «это предзнаменование победы над царством Бохай». «Кидане, выступая в поход, не выбирают счастливого дня, а смешивают полынь с конским навозом и жгут полученную смесь на кости ключицы белого барана. Если кость от жары трескается, они выступают в поход, а если не трескается — не выступают».

Кидани за всю историю государства воевали практически лишь с Китаем, чью тактику хорошо изучили. В то же время они с большим трудом имели дело с незнакомой корейской армией и совершенно разучились воевать с «варварами», в частности с чжурчжэнями. Огромный авторитет Ляо, успехи киданьской дипломатии, уважение и потребность в Ляо у других народов позволяли не использовать армию в полной мере. Это расслабило армию, которая чаще всего осуществляла карательные походы. В 924 г. была осуществлена блестящая операция по наведению порядка на западных границах, но последующая борьба с цзубу шла уже с большим трудом. В 1044 г. кидани собирались осуществить карательный поход против Си Ся, но воспользовались советом китайцев и отложили его, не рассчитывая на легкую победу.

По мере становления империи, как ни парадоксально, количество воинской элиты постепенно сокращалось. Она становилась весьма малочисленной частью киданьского народа, и, чем меньше она становилась, тем более высокопрофессиональной она становилась. Армия разрасталась за счет включения в нее племенных отрядов и даже побежденных народов, но кадровая часть медленно уменьшалась.

Собственно киданьских вооруженных сил в конце династии не хватало. Многие гибли в войнах, попадали в плен, дезертировали. Кидани стали активно мобилизовывать племена. Эти племена часто поднимали мятежи, переходили на сторону врага. На сторону чжурчжэней впоследствии активно переходила знать и часть аристократии. Император Тяньцзо вынужден был пойти на суровые репрессивные меры.

Занятость киданями управлением и армией способствовала складыванию чувства кастовой солидарности и максимальным отчуждением, дистанцированием от основной массы населения.

Киданьская воинская и управленческая элита все же не стала классом типа европейского рыцарства. В значительной степени это было связано с тем, что киданьская элита как бы встала над общей массой народа. Европейское же рыцарство было неотъемлемой ча-

стью так называемой «феодальной лестницы» и распределялось по ней.

Затяжная античжурчжэньская война, шедшая почти полтора десятка лет, сильно повлияла на киданьскую ментальность. Она нанесла непоправимый урон производительным силам (уничтожение городов и поселков) не только в приграничных районах, но и в глубине страны. Многие рядовые кидани утратили свои производственные навыки и стали приобретать воинскую психологию. Происходит одновременно своеобразная депрофессионализация киданьской армии, в которую в излишнем количестве вливались непрофессионалы. Конечно, в боях гибли не только профессионалы, но ряды «милиционеров» постоянно пополнялись за счет чрезвычайных наборов. На поле боя их непрофессионализм часто сказывался самым невыгодным образом. Так, например, кидани не приняли всерьез наступление чжурчжэней: «В это время государство Ляо уже долго наслаждалось миром, поэтому, когда кидане услышали, что нюйчжэни начали против них войну, все хотели принять участие в походе, рассчитывая на награды. Многие из участников похода присоединили к войскам свои семьи, которые двигались вместе с ними».

В 1114 г. Тяньцзо простил своим воинам поражение из боязни, что они займутся грабежами. «После этого воины, участвовавшие в походах, стали говорить: «Сражение приносит смерть, но не награды, отступление сохраняет жизнь и не считается преступлением». В результате ни у кого из воинов не было боевого духа, и во время войны с нюйчжэнями, длившейся несколько лет, они всегда разбегались при первой встрече с ними. Вот почему помилование и освобождение от наказания не приводят к успеху». В 1115 г. воины, услышав, что «огромная армия уже потерпела поражение, то сожгли лагерь и бежали».

Тактика — это составная часть киданьского военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Ее основными компонентами являются боевой строй и тактические приемы ведения сражения, а дополнительными элементами являются подготовка сражения, развертывание войск, тактическая разведка, военные хитрости и др. Недостаточная изученность тактики ведения боя киданями в значительной степени обусловлена спецификой письменных источников, в которых внимание акцентируется на последствиях атаки, а построение войск в начале боя и применяемые тактические приемы упоминаются редко.

Поскольку кидани не так активно использовали технику, как китайцы, главные новшества у них появлялись на уровне тактики. Это означает, что они отталкивались от своей природной практики. Они, если можно так выразиться, додумались до войны, но не додумались до новейших видов вооружения. Многое в их военной тактике связано со спецификой кочевого скотоводства — поход рассеянным строем, чтобы хватало корма животным, возвращение всегда другой дорогой, чтобы не использовать прежние пастбища. Использовались и приемы облавных охот: наступление рассыпным строем, окружение с помощью двух крыльев или двух крыльев и центра, а позднее крыльев и арьергарда при ослабленном авангарде, широкое использование разведки, засад, стремление запугать врага.

Важным элементом тактики было нанесение мощного неожиданного удара по противнику. Для этого осуществлялась скрытая передислокация войск накануне и в ходе сражения, а также неожиданная атака противника на марше или в месте дислокации. Для обеспечения скрытности использовался рельеф местности, темное время суток и т. д. Использовались засады, ночные атаки, ложные ночные костры, притворное отступление. Киданьский полководец Елюй Сюгэ, чтобы скрыть от противника численность своих войск, приказал воинам во время марша держать днем по два флага, а ночью по два факела. В 945 г. возле Янчэна кидани столкнулись с войсками династии Цзинь: «ляоские всадники, словно цепи гор, окружили их со всех сторон, так что пришлось упорно сражаться, чтобы отражать их. Воины и лошади страдали от голода и жажды... Ляоские войска окружили лагерь несколькими кольцами и выслали в тыл летучие отряды, чтобы перерезать пути подвоза провианта... Ляоский император, сидевший в сиской повозке⁴⁴, приказал железным коршунам» спешиться, окружить лагерь и напасть на противника с мечами. Для того, чтобы придать нападающим вид еще большей мощи, кидане пускали по ветру огонь и поднимали пыль».

Всем уровням командования киданей не всегда хватало теоретического знания. Киданьская тактика иной раз пасовала перед незнакомыми топографическими условиями, оперативное искусство — перед разнообразием географических условий (пересеченная местность, пути сообщения, сетка поселений), стратегия — геопо-

 $^{^{44}}$ Повозка, изготовленная членами этнической группы Си.

литическими. Компенсировать это пытались лишь разведывательной деятельностью, но отсутствие боевой практики в незнакомых условиях все же сказывалось. Кидани долго не знали военную науку южан, а многовековая военная практика ведения боевых действий в открытом поле не срабатывала в пересеченной местности и городах. Уже одно это предопределило то, что кидани часто действовали интуитивно, наобум. Военное искусство преобладало над военной наукой, но, повторюсь, это искусство могло дать преимущество только в Степи. Тем не менее, ориентация на экспромт, на озарение часто помогала даже в экстраординарных ситуациях.

Кидани умело сочетали элементы огня, забрасывая противником перед боем стрелами, и элемент удара, устраивая атаку рассыпным строем. Этот наступательный маневр очень часто приносил им решающую победу и представлял собой серьезную угрозу даже для хорошо подготовленной и вооруженной конницы (которой, без сомнения, являлась кавалерия тюрков и империи Тан). Они на всем скаку забрасывали неприятеля тучей стрел, чтобы расстроить его ряды. Этот строй для ведения лучного боя на средней и малой дистанции в литературе получил наименование «хоровод» или «карусель». Он сохранился и у монголов: «Татары, когда сражаются с врагом, так не смешиваются, а все скачут кругом да стреляют», «точность его была такой, что стрелы то и дело поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы его луков». Если это не помогало, то применяли знаменитую тактику, получившую название «скифской», т. е. отступали. Этот маневр воздействовал психологически на противника, особенно в ситуации, когда кидани были заведомо слабее. О проявляющейся иной раз иррациональности поведения киданей сообщают в своих донесениях и записках китайцы.

Стоит отметить, что искусство лучной стрельбы и оригинальной кавалерийской тактики органично проистекало из традиций массовой облавной охоты и перманентной «малой войны» между степными родами и племенами. Номады всегда ощущали себя воинами и жили, хотя и с различной интенсивностью, военнокочевой жизнью. Это очень удачно сформулировал уже А. Смит: «выступают ли они в поход как армия, кочуют ли они как пастухи, образ жизни их одинаков, хотя поставленные перец ними цели весьма различны».

Часто сражение не было единым действием, а делилось на серию стычек. В 945 г. у деревни Юйлиньдянь китайской области Пучжоу кидани и китайцы «вступили в упорное сражение. С семи

часов утра до трех часов дня произошло более ста схваток, в ходе которых обе стороны понесли большие потери убитыми и ранеными».

Кидани достаточно активно участвовали в коалиционных войнах. Не всегда успешно, но неудачи чаще получались не по их вине. Часто они старались их избегать. По словам императора Ляо, «все сановники наперебой просили меня двинуть войска на юг, но я нашел, что лучше сначала отправить послов с требованием отдать наши старые земли к югу от заставы Вацяогуань, так как послать войска всегда успею, если моя просьба не будет удовлетворена». В 1099 г. император Ляо в государственной грамоте, адресованной династии Сун, писал, что правительство Си Ся просил военной помощи у Ляо против китайцев: «Оно настойчиво просило военной помощи, чтобы избавиться от бедствий, связанных с нападениями китайских войск. Руководствуясь принципами справедливости, я должен был бы согласиться на его просьбу, но в делах больше всего ценится мирное решение».

Чжурчжэни, погубившие киданьское государство, представляли собой внутреннюю, а не внешнюю силу. Кидани были побеждены не внешними врагами, против которых выстроили многоуровневую и многостороннюю защиту.

Кидани активно использовали средства дестабилизации ситуации в тылу противника. Это были слухи о приближении киданей, их жестокости, слабости армии противника, несправедливостях, творимых вражеской армией. Дэгуан «позволял ляоским всадникам ездить во все стороны и заниматься грабежом, что называлось «заготовлять траву и хлеб». В 944 г. кидани захватили город Бэйчжоу и перебили в нем около десяти тысяч человек». Во время отступления на север «император Ляо ограбил и сжег все поселения, через которые проходил, так что население лишилось почти всего имущества». В 947 г. киданьский император «окружив сдавшихся цзиньских воинов киданьскими всадниками...хотел загнать их в Хуанхэ и утопить, но Чжоу Янь-шоу уговорил его распределить их для обороны границ, и, таким образом, избежав смерти, цзиньцы были снова возвращены в военные лагеря». По словам Е Лунли, «кидане, натягивая луки со свистящими стрелами, вторглись на Центральную равнину, убивали цзиньцев и отрезали у них уши в знак победы, дали волю страсти к военным действиям, захватили столицу Лоян, не встречая сопротивления, опустошили земли между четырьмя морями, превратив их в развалины». «На лицах захваченных в плен кидане ставили клеймо «подчиняющихся приказам не убиваем» и отпускали на юг». Все киданьские «фуражиры были одеты в латы и имели оружие. Из групп фуражиров составлялись отряды. Сначала они всегда вырубали сады и деревья, а затем выгоняли захваченных стариков и детей, заставляя их переносить землю и бревна для засыпки рвов и каналов у городских стен. Во время штурма городов их всегда заставляли первыми подниматься на стены, так что стрелы, камни и сбрасываемые защитниками города деревья причиняли вред только старикам и детям. Кроме того, за войсками следовало десять тысяч ополченцев, набранных среди китайцев, живших в областях и уездах государства Ляо, обязанность которых состояла в рубке деревьев и подсыпке дорог».

Сами по себе лишения войны вызывали недовольство и ропот.

Они активно использовали шпионаж как средство сбора информации. Агенты были засланные, или вербовались среди местного населения. Не брезговали кидани и услугами предателей. На предательство шли или из-за несогласия со своими правителями, или даже просто ради денег.

Сила киданьской армии в начале империи во многом определялась рядом факторов, связанных непосредственно с воином. Если китайские солдаты должны были оттачивать свое мастерство и развивать физические качества (сила, выносливость, храбрость) с помощью упражнений, то кидани необходимую закалку получали в своей ежедневной жизни — в непрерывных столкновениях с соседями, на охоте, в скотоводческой практике. Они приучались к опасностям и умению работать в единой команде самой жизнь. Родовая солидарность, взаимовыручка — основа основ. Военная практика киданей основывалась на максимальной дисциплинированности и строгом соблюдении воинских законов. В 936 г. «они окружили крепость Цзиньань, расположив лагерь к югу от нее. В длину лагерь занимал более ста, а в ширину пятьдесят ли. Было протянуто много веревок с колокольчиками, и имелось большое количество собак, так что ни один человек не мог пройти незамеченным ни одного шага». Китайский «Цзинь-ван с войсками следовал за Тай-цзц, останавливаясь на месте его лагерей, в которых он видел, что расстилавшаяся на землю при ночлегах солома была настолько аккуратно собрана и свернута, как будто ее концы обрезали ножницами. Несмотря на то, что лагеря были покинуты, не было ни одного беспорядочно брошенного стебля. Со вздохом [Цзинь-ван] сказал: «У киданей строгие законы, и только поэтому может быть так. [В этом отношении] Китай отстает от них».

Воинская этика «снизу-вверх» соблюдалась довольно четко, ибо при ее воспитании кидани активно опирались на сложившиеся традиции. Такой четкости в отношении этики «сверху вниз» уже не наблюдалось. У киданей прослеживается два вида дисциплины. Одна, собственно у киданей, основывается на искренней убежденности в избранности своего народа, превосходстве его над другими. Другая, у представителей других народов, приобретенная, добытая муштрой и контролем. Не случайно чжурчжэни впоследствии будут особо ценить именно киданьских воинов и не особо доверять киданьской элите.

Кидани слыли в Восточной Азии смелыми и отчаянными воинами. Эти качества хороши в бою, когда контролируются. Известны, однако, случаи, когда они безрассудно бросались в атаку, и эта фронтовая романтика тут же наказывалась. Если рядовые воины все же старались не вырываться из строя, то полевые командиры могли и ослушаться приказа вышестоящего начальника. Они привыкли вести межплеменные стычки, в них сильны были еще стремление к самостоятельности и племенная спесь. Нашествия действительно совершались всем населением, а походы — одними воинами. До конца кидани с этой проблемой не справятся. Впрочем, суровые меры Чингисхана тоже не всегда срабатывали.

Как и во всяком другом обществе, в обществе номадов человек не был избавлен от посягательств на его личность, честь и собственность. Сюда относились убийство и причинение увечий, соблазнение, изнасилование и похищение женщин, порча и кража имущества. Разумеется, в кочевнических обществах существовали отработанные механизмы обычно-правового регулирования последствий подобных действий, приходилось больше рассчитывать на собственные силы и солидарность близких. Чаще всего объектом военных столкновений у кочевых скотоводов было их основное имущество — скот. Скот отчуждается настолько легко, а причины поправить свои дела за счет чужих стад настолько многочисленны, что взаимный грабеж скота у номадов считался самым обычным и естественным делом. «Скот принадлежит лютому бурану и сильному врагу», — гласила казахская пословица.

Киданьские армии были мобильны, шли налегке, взяв с собой только минимум припасов. Интендантская служба не успевала за кавалерией, а на землях противника нельзя было быть абсолютно уверенным в том, что продовольствие будет легко достать. В результате даже реализуя долгосрочную военную программу, например, вторжение в Китай Дэгуана в 947 г., кидани вынуждены

были разбивать эту кампанию на то или иное количество «шагов». Продовольствия должно было хватить до подхода обозов или, если ситуация изменится, на возвращение домой. В результате либо на любую кампанию уходило очень много времени, либо кидани вынужденно использовали тактику набегов (блиц-кригов).

Кровавость сражений обусловлена не садистскими наклонностями сражавшихся. Китайцы не умели воевать с киданями, которые только с организацией государства реально стали известны их военачальникам, но и кидани за предшествующие столетия не приобрели сколько-нибудь сносного опыта войн с южным гигантом. Отсюда тактическая неуклюжесть, массовые ошибки, страх, побуждающий к жестокости на поле боя. Как это ни парадоксально, но свое военное искусство кидани стали развивать, по сути, лишь во времена империи. Кровопролитность сражений обусловлена еще и применением в массовом порядке холодного оружия и отсутствием какого-либо подобия оружия огнестрельного. От пушек в новое время можно укрыться или убежать, а от копья, сабли или стрелы в ближнем бою увернуться невозможно. Можно сказать, что «шансы» погибнуть были почти стопроцентными у всех сражающихся.

Разумеется, военные успехи киданей не являлись следствием лишь их политической консолидации. Важнейшим фактором стали преобразования в военной сфере. Наиболее наглядное из них — это освоение киданями осадного искусства.

Плохо была поставлена пропаганда армии. О наградах фактически было известно лишь внутри элиты, простому населению об этом не говорили. Чужие племена награждали редко, по крайней мере, не давали такие же награды, как собственной элите. Китайцы, в противовес им, достаточно щедро раздавали чины тем, кто вступал в союз с ними, и за счет этого рос имидж Китая. Это вполне объяснимо, ибо в средние века связи между социальными слоями. Это тоже сказывалось на том, что после уничтожения элиты остальное население легко уходило к новым хозяевам.

17. Макроэкономическая политика киданьской элиты

До сих пор в той или иной степени распространено представление о некоем отставании скотоводства от земледелия. Кочевое скотоводство именуется стадией, предшествующей

земледелию, к которому все кочевники рано или поздно перейдут, либо оно считается даже своего рода тупиковой ветвью развития. В средневековый же период скотоводство и земледелие будто бы существовали, что называется, в чистом виде. Благодаря работам многих археологов была выявлена неоднородность того и другого вида хозяйства, даже их совмещение на тех или иных территориях, сосуществование в хозяйстве отдельных этносов.

Это достаточно хорошо прослеживается на примере народов, создавших кочевые империи, в частности, киданей. Как показывает анализ письменных источников и данные археологии, и то, и другое было достаточно широко распространено на всей территории империи. Земледелием занимались, отнюдь, не только китайцы, проживавшие в южных районах, но и представители многих племен. Соответственно, те или иные разновидности скотоводства были известны и у земледельцев.

Можно подвергнуть серьезному сомнению и кажущееся аксиоматическим представление о стихийном характере распространения и развития тех или иных сфер хозяйства. Анализ письменных текстов позволяет сделать уверенное предположение о сложившейся постепенно практике осознанной экономической политики и регулировании экономических процессов, и связать ее преимущественно с киданьской элитой.

Практически бесспорным является представление о том, что плановая экономика появляется только в XX в. Как правило, она оценивается негативно. Экономика же во все предыдущие столетия априорно представляется стихийной. Исключение делается лишь для крупных государств (Рим, Византия, Китай), но и там экономическая политика будто бы нестабильна и зависит от разного рода факторов (политические неурядицы, межгосударственные столкновения, стихийные бедствия и т. д.). В этом плане процессы седентаризации и номадизации считаются вообще не поддающимися никакому контролю и зависящими исключительно от тех возможностей или препон, которые идут от природы. Происходит увлажнение Степи и широко распространяется скотоводство, усыхание приводит к кризисам в нем. Соответственно, кочевники ослабляют или усиливают свой натиск на земледельческие районы и города. Конечно, все это действительно имеет место, но вряд ли стоит преувеличивать масштабы этих процессов и упрощать их последствия. Подобные факторы влияли на экономику и крестьянских хозяйств, однако там предвидели их или умело ликвидировали их последствия. Почему надо отказывать кочевникам в осознанной экономической политике?

Разумеется, любая экономика, связанная с землей, регулируется с помощью выработанных веками приемов и рецептов, и можно говорить, в сравнении с более поздней и, тем более, современной эпохой лишь об элементах планирования и, как правило, в плане стратегии. Это не командно-мобилизационная система периода социализма. И все же абсолютной стихийности не может существовать в экономике цивилизаций, как и в культурно-идеологической сфере. А наличие имперской структуры прямо требует осознанного отношения ко всем сферам жизни.

Поскольку непосредственным производством занимаются сами скотоводы и представители знати, сложными остаются вопросы регулирования экономических процессов и планирования. На региональном уровне этим успешно занимаются аристократы. Однако одной из специфик скотоводческого хозяйства является необсуществования использования обширного ходимость и пространства, включающего в себя ряд регионов, и это означает, что вопросами метарегиональной (общегосударственной) экономики должны заниматься особые слои общества, т. е. элита. Подобного рода деятельность априори подразумевает разработку особой политики. Элита не только решает возникшие проблемы, но и должна заниматься экономическим прогнозированием, выработкой не только краткосрочных, но и средне- и долгосрочных экономических проектов, увязывать их с политическими процессами внутри страны и за их пределами.

К этому киданьский этнос подталкивала вся его история. Традиционно считается, что до образования государства они были стопроцентными кочевыми скотоводами, а развитием земледелия и ремесел они обязаны исключительно китайцам. Эта точка зрения представлена не только в «Цидань го чжи» и «Ляо ши», но и в более ранних китайских исторических и географических текстах, словом, сформулирована именно китайцами. Однако, более внимательный анализ их додинастийной истории позволяет увидеть более сложную ситуацию.

Начнем с того факта, что их история начинается с того, что они оказались одним из осколков разбитого сяньбийского союза. Они не были истреблены полностью и явно не подверглись серьезной ассимиляции со стороны более крупных соседей, но потеряли свою землю и превратились в одно из перекати-поле, каковых было много в первые века н. э. Мы не знаем, какого рода хозяйство они

вели до этой катастрофы, и было ли у них в той или иной форме земледелие, существовали ли ремесла, но теперь-то они были лишены даже малейшей возможности все это развивать, и по этой простой причине вынуждены были мотаться по всей степи со стадами животных, пригодных для подобного рода странствий. Разумеется, это можно назвать кочевым скотоводством, но делать из этого вывод о том, что кидани вообще не знали земледелия, никаких оснований нет.

Им долго пришлось быть бомжами того времени. Такова судьба многих этнических групп. В Европе в это же время такой образ жизни вынуждены были вести готы, бургунды, вандалы, франки. Однако, если эти племена в итоге совершали переселения и стали уходить с территории прежнего своего обитания в пределы римской империи, и эти их передвижения так или иначе приобретали характер завоевания чужой земли, то кидани никуда не ушли из этой зоны, никуда не переселялись и никого не завоевывали. Они были для этого слишком слабыми, и вынуждены были, терпя неоднократные поражения от племен, не желавших уступать им и пяди своей земли, убегать подальше или подчиняться. И здесь любопытно, что, как только им удавалось жить на какой-то территории сколько-нибудь долго, у них сразу появлялись «начатки земледелия и ремесел». Их хозяевами были и тюркские, и монгольские племена, подчинялись они и Китаю. За это время они значительно обогатили свою культуру, но перейти к какой-то определенной системе хозяйствования сначала не успевали, а потом, видимо, уже и не хотели. Они все чаще выступают в качестве своего рода наемных отрядов и участвуют в многочисленных сражениях, приобретая огромный боевой опыт и явно развивая навыки урегулирования разного рода споров, которые так пригодятся им в период империи. Вероятно, теряя за эти столетия навыки хозяйствования, они приобретали и развивали искусство управления, что в итоге и привело их к статусу этноса-элиты. Разумеется, это не означает, что земледельческие или ремесленные навыки были утрачены совсем. В составе их племен находились семьи и даже роды, в хозяйстве которых земледелие было достаточно заметно.

Снова стоит обратить внимание, что в этом плане их судьба не уникальна. Европейские племена готов, вандалов, бургундов, франков тоже некоторое время были такими же этносами-элитами, однако, их «варварские королевства» просуществовали весьма недолго, не считая франкского, история которого с перерывами тянется до нашего времени. Повторюсь, все эти племена или, скажем,

арабы во время своих походов создавали свои государства путем завоеваний. Какое-то время они функционировали в них в качестве элиты, а с падением этих государств, прекращалась и история этих народов.

В результате общения человека с природой формируется комплекс качеств, необходимых для общения с физическим миром. Именно он определяет оседлый или кочевой образ жизни, основной вид хозяйствования (земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, торговля), механизм воспитания, «тип» человека, основные нравственные принципы и рецепты. Это можно назвать стратегией развития того или иного человеческого коллектива. Программа минимум — выживание. Программа максимум — трансляция рода во времени и пространстве.

Эта программа не может быть связана с отдельным индивидом, который может сменить род занятия или место проживания. Это программа развития рода. При увеличении численности рода, вхождения его в состав более обширного союза и при формировании более обширной и более сложной родоплеменной конструкции появляется необходимость надстраивания над ней более сложной программной части, задачей которой будет являться уже решение проблем, возникающих в социальном мире. Соответственно начинают возникать более сложные формы организации, являющиеся переходными к государству (временные наступательного или оборонительного характера, или постоянные союзы племен). Они делают акцент уже не на виде хозяйствования или образе жизни, а на территории, в рамках которой происходит объединение и возможно перспективное развитие на неопределенно строго будущее время. Такие объединения уже не могут быть чисто кочевыми, скотоводческими и начинают активно приобретать территории с населением, ведущим иные формы протогосударство хозяйствования. начинает Это трансформироваться в собственно государство, если нет сильных внешних врагов и территория позволяет создавать сложносоставную экономику. Появляется необходимость активного заимствования социального, политического, юридического и культурного опыта крупных соседних государств, особенно лидеров метарегиона. Решение конкретных насущных задач строительства сложной этатической конструкции сопровождается бурным культурным развитием, проходящим, как правило, в виде («возрождения») как собственного заимствования основанного на ментальности, так и опыта всего метарегиона,

который берется в комплексе, но долго прочитывается» через культуру лидера. В новом государстве будут соседствовать юрты и города с домами и дворцами.

Внешним, но не сущностным, выражением этой ситуации станет хозяйственная и культурная амбивалентность – наличие как минимум двух экономик (скотоводство и земледелие) и двух культур (народной», связанной с ментальностью, и «высокой», по «писаной»). неизбежны проблемные Между ними медленно, неуклонно перерастающие отношения, но конфликтные. Динамичная экономика уходит, значительная продолжает часть населения заниматься Социальные лифты работают плохо и материальное положение ухудшается. населения большинства Оно вытесняется экономической и социальной структуры и вынуждено прибегать к радикальным методам решения своих проблем. Растет социальная и государство становится нестабильным напряженность социально-политическом плане.

На территории тюрко-монгольского мира в I тысячелетии до н. э. — первой половине II тысячелетия н. э. можно наблюдать (зафиксировать) своеобразную аграрную революцию. Начало ее можно связывать с формированием империи Хунну, которая резко стимулировала широкое распространение *скотоводства* на кочевом севере Восточной Азии. Происходит массовый переход к кочевому скотоводству и установление стабильных хозяйственных, этнических и культурных связей в этом регионе.

Это не переход к производящей экономике, который в свое время тоже носил революционный характер, а революция в развитии самого аграрного хозяйства. В Европе он фиксируется в первой половине I тыс. н. э., когда происходит крушение римского мира, связанного с преимущественным развитием торговли. Римское государство — средиземноморское, существовавшее по берегам Средиземного моря и связавшее между собой эти берега устойчивыми узами. «Варварские» государства и формирование «феодализма» знаменовали экстенсивную стадию аграрной революции, когда земледелие широко распространилось по освоенным европейским территориям. Это освоение пространства будет происходить до начала второго тысячелетия н. э.

Если Европа стала регионом преобладания земледелия, то кочевая Восточная Азия — регион преобладания скотоводства. Здесь *первая* стадия собственно аграрной революции завершится примерно в то же время, что и в Европе.

Именно время существования трех великих кочевых империй (Ляо, Цзинь, Юань) и знаменует начало второй стадии аграрной революции, когда начинается интенсификация аграрного производства, нашедшая отражение в переходе к комплексной экономике, где скотоводство (на юге и в Европе — земледелие) было системообразущей, но не единственной составляющей. Устанавливаются более сложные и устойчивые связи разных видов хозяйства. Складывается сложное общественное разделение труда. В итоге начинают складываться первые предпосылки к переходу к индустриальной экономике. Разумеется, в кочевом секторе он будет идти медленнее и сложнее, чем в оседлом Китае и, тем более, в Европе.

На этой стадии, именно в силу усложнения экономической и социальной жизни (именно экономика и социальная жизнь, а не этнические процессы постепенно выходят на первый план), появляется необходимость искусственного регулирования. Это порождает переход к имперским конструкциям и широкое распространение городов. Происходит своего рода и городская революция. Город еще не является основным производителем, на первом месте находится его роль регулятора разных процессов. В Ляо мы и наблюдаем первое проявление этой городской революции, когда по всей территории империи широко распространяются большие и маленькие города.

Не имевшие аналогов в предшествующей истории проблемы, тем не менее, в качестве естественной первой реакции вызвали обращение ко всему предшествующему опыту цивилизации. В Европе это выражено классически точно в своеобразном мимезисе («воспоминании») этого опыта и соответственно в стремлении вернуться в «доброе старое время. Происходит это в форме «ренессансов», «реформаций», возрождении античной «республики», освоении технического наследия, крестьянских выступлениях против современного им деформированного феодализма. В Восточной Азии мы тоже наблюдаем эти явления (танское и сунское возрождения, акцент на древнем конфуцианстве, активное использование в кочевых империях ментальной культуры, строительство «кочевого государства» на основе не только китайского опыта, но и собственных этатических традиций).

Оседание на землю не надо понимать в традиционном для земледельческих государств смысле как переход к земледелию. На деле это своеобразное закрепление определенной территории за тем или иным этносом. В хозяйственном отношении территория империи состояла из разных зон, прежде всего, трех категорий:

- 1) зона преобладания земледелия, часто сочетаемого, хотя это и не обязательно, с городом и торговлей,
- 2) зона преобладания или даже абсолютного доминирования скотоводства,
- 3) зона сложного сочетания двух основных видов аграрного производства, т. е. производства, связанного с преимущественным использованием именно земли. Аграрное производство не обязательно только земледелие, хотя именно в таком значении термин «аграрный» зародился и до сих пор используется (от лат. Ager земля, поле, пашня; agrarius земельный). Даже в древней Италии это слово относилось, прежде всего, к земле как таковой, которая могла быть полем или пастбищем.

Кидани присоединяли чужие территории (Бохай, китайские районы), но уже после создания империи и присоединенные территории были не такими уж большими. Отторгнутые от Китая 16 уездов, по сути, стали результатом не стремления к экспансии, а итогом рационального стремления выровнять границу с Китаем.

Кидани оставались в пределах своей зоны. Если чжурчжэньская империя появилась в результате захвата территории ляоской империи и половины сунской, монгольская раскинулась на необъятных евразийских пространствах, то киданьская есть продукт развития исключительно «хоумленда». Это один из тех факторов, которые позволяют нам считать ее классической кочевой империей. Из трех восточноазиатских народов-элит (кидани, чжурчжэни, монголы) именно кидани создавали свое государство как форму решения исключительно внутренних проблем.

Именно кидани изменили алгоритм и соответственно судьбу маргинально-фронтирной зоны «цидань». До них эта зона функционировала по планам и сценариям Китая, который медленно, но неуклонно продвигался на север, подчиняя его себе в цивилизационном плане. Соответственно «северные иноземцы» считались бродягами и нарушителями порядка, сеющими хаос и разрушения, отсталыми кочевниками. Оседлое общество вообще не любит динамичные народы, достаточно вспомнить библейского Каина, убившего первого кочевника Авеля. Однако северные племена за свою тысячелетнюю историю серьезно изменились. На территории «застенного Китая» уже были города, развивались ремесла, распространялось земледелие. Все это получило дополнительные стимулы в период Ляо.

Все происходившее в зоне в додинастийный период можно уподобить тому, что в позднеримское время получило наименова-

ние «варваризации». Сначала кельты, а в это время уже непосредственно германцы активно проникали в зону влияния средиземноморской цивилизации, селились на правах федератов, проводили инфильтрацию во внутренние регионы империи (Галлия, Причерноморье, Балканы), создавали даже свои династии (Северы). Этот процесс хорошо изучен, но аналогичная ситуация в Восточной Азии еще, думается, подлежит рассмотрению под таким углом зрения.

Самым важным итогом этой варваризации на востоке и станет появление уникальной киданьской империи. Именно киданьская элита, по сути, создает долгосрочную программу развития зоны. Она из фронтира начинает превращаться в цивилизационную зону. Теперь народами, творящими ее историю, становятся не китайцы из империи, не «хань-эр» (китаизированные) на юге зоны, не переселяющиеся сюда беглецы с юга, а именно северные племена и особенно кидани, влияние которых становится обратно пропорциональным их численности.

Киданьская политика, прежде всего экономическая, представляется глубоко продуманной, взвешенной и объективной.

Они учитывали главный фактор, который определял всю стратегию — эта территория мало пригодна для земледелия. Даже в наше время в принципе не ставится задача превратить эти пастбища в поля, тогда же это была бы задача просто неподъемная. Понадобились бы столетия сложной и трудоемкой аккультурации. Племена фань не могли, не умели и не желали это делать. Это могли бы сделать трудолюбивые и опытные южные китайцы, но их приход на север означал бы неминуемую гибель кочевой цивилизации. Да и не нужно было кочевникам широкое распространение земледелия. Их собственное скотоводческо-комплексное хозяйство было почти самодостаточным, насколько вообще самодостаточным может быть любое средневековое хозяйство. Даже европейские феоды не могли обеспечить себя за счет лишь внутренних ресурсов и участвовали в той или иной мере в региональной и международной торговле.

В аридной зоне кочевое скотоводство было единственным рентабельным типом хозяйства. Затрат мужского труда оно требовало немного, но обеспечивало большое количество мясной и молочной продукции, топлива, шерсти, шкур и т. п. Это был самодостаточный тип хозяйства. По мнению ряда исследователей, оно обеспечивало большее количество прибавочного продукта, чем земледелие и, одновременно, благодаря иному качеству продукта,

влияло на регулярность обмена между кочевниками и земледельцами.

Кидани сознательно стержнем экономики империи сделали именно скотоводство, альтернативы коему просто не могло быть в этой зоне. С одной стороны, «степь, как хороший туркменский ковер, нуждается, чтобы ее потоптали», с другой, зона была все же небольшой, а чем больше было бы скота, особенно овец, тем быстрее деградировала бы почва. Опасным было и широкое распространение здесь земледелия и городов. Много городов, к которым потянулись бы скотоводы и земледельцы, протянулись дороги, тоже бы способствовали деградации почвы. Если в Европе формула urbi et orbi означала диалектическое равновесие города и деревни («города и веси»), то здесь сложно соотносились пастбища и города, юрты и дома.

Кидани сознательно регулировали соотношение скота и городов. Да, они создали в зоне сеть городов, но они, за небольшим исключением, не были крупными (та же ситуация и в Европе). К тому же это был, по сути, уникальный тип города — «степной», «войлочный». О нем писал в своем стихотворении сунский посол Би Чжун-ю в 1055 г.:

Ветер с границы несет снег,
Покрывающий войлочный город
В месте, где стоит войлочный город,
Находится военный лагерь.
Проехав насквозь Желтые пески,
Я прибыл в Сюэдянь
И в день Нового года слез с коня
Во дворце шаньюя (т. е. киданьского императора).

Дело, разумеется, не только в том, что в степи не хватало камня и дерева, пригодного для градостроительства по южному образцу, здесь был не нужен и опасен «южный город» с его неизбежной торгово-ремесленной и сельской инфраструктурой. По этой причине кидани поощряли создание небольших городков, крепостей, караулов, почтовых станций и т. п. Они не без основания считали китайское поощрение градостроительства в степи формой экспансии. Даже система пяти столиц была небезопасна и сами эти «столичные» города мегаполисами, отнюдь, не являлись. Кидани высмеивали нецивилизованность киданей и отсутствие городов, именовали их за это варварами, но те знали себе истинную цену.

В то же время кидани четко видели неспособность скотоводческой экономики решить все проблемы и стимулировали развитие торговли, как внутренней, так и внешней, хотя тоже до известных пределов. Экономического преобладания торговоремесленной сферы они не могли допустить. В отличие от оседлых районов города обслуживали не земледельческую, а скотоводческую периферию и в определенной мере торговлю, прежде всего, магистральные пути. В результате пять отличительных черт «тела» города, выявленных М. Вебером (оборонительные сооружения, рынок, суд, относительное автономное законодательство, самоуправление), существовали в Ляо фактически лишь в зародыше (кроме юга).

На юге империи экономическая ситуация была зеркально противоположной. Там доминировали земледелие, ремесла и торговля, но и здесь кидани все же регулировали их развитие искусственно.

Кидани, создав империю, вектор экономической активности направили уже на юг, но у них не было еще возможности участвовать в экономических процессах в качестве равноправной стороны. К тому же они практически перекрыли китайцам пути на север и запад. Это требовало от китайцев новой экономической политики. Кидани «помогали» им своими военными действиями и дипломатическими акциями. Ситуация донельзя знакомая в истории. Так же поступали русские, когда прибивали щиты. Так поступил Васко да Гама, когда бомбардировал город раджи Каликута. Крестовые походы попутно решали и такие проблемы. Иначе говоря, приход в иную экономическую зону чужих требовал сначала вынудить согласиться с их приходом, а потом появится, если не экономическая, то политическая заинтересованность.

Именно правящий род дает этнополитическую парадигму существования формирующейся зоны, а хозяйственно-экономические вопросы рассматриваются во вторую очередь, поскольку благоприятному их развитию содействует традиционная экономика. Однако постепенно, из-за включения китайских земель, активизации внешнеэкономической деятельности, перестройке внутренней «розы» экономических потоков, это соотношение становится более сложным и, если это изобразить в виде дроби, числовое значение «знаменателя» увеличивается, однако «числитель» и «знаменатель» никогда не меняются местами. Нужно учитывать и «розу» конфликтов и дихотомий в регионе: Север — Юг как природно-климатические зоны, скотоводы — земледельцы, фань

(варвары) — хань, Запад (тюрки, ислам) — Восток (тенгриизм, монголы).

В экономической политике киданей можно выделить два вектора. Поскольку основой экономики Ляо было скотоводство, то ее элита пошла на вертикальную интеграцию. Постепенно предпринимается ряд мер, в соответствии с которыми под централизованный контроль правительства так или иначе попадают максимальное количество производственных процессов. Становится возможным оперативно решать и проблемы взаимоотношений различных родов и племен. Можно сказать, что таким образом кидани стали меньше зависеть от произвола тогдашнего рынка. В этом плане можно подумать о том, что традиционные вассальноленные отношения помимо прочего есть и проявление этой вертикальной интеграции, средство поставить под контроль склонные к хаотичности экономические процессы.

В меньшей степени они могли влиять на экономические взаимоотношения империи с окружающими странами, но и здесь можно увидеть осознанность поведения элиты, которая стремилась к экономической и культурной, а не территориальной (!) экспансии, насколько это позволяли ресурсы государства и интересы кочевого сектора, хотя, разумеется, учитывались экономические процессы и на юге страны. Налицо сознательная политика экономической экспансии, которая, понятно, не могла сравниться с соответствующей политикой Китая, Западного Ся и Кореи. Экономическую погоду в восточноазиатском регионе все же определяли земледельческо-торговые государства. Кидани только выходили из скотоводческого океана и в силу своего периферийного положения по отношению к двум экономическим зонам могли создать лишь маргинальное общество.

В итоге можно говорить, что кидани фактически придерживались экономической политики, суть которой можно выразить формулой «одно государство, две экономики». Такая ситуация немыслима в оседлых земледельческих и торговых цивилизациях и потому кажется случайной, но она во многом носила искусственный характер и довольно четко регулировалась киданьской элитой. Собственно киданьские земли были своего рода константой некоего трансформера, а остальные части, прежде всего, Юг и Восток, регулировались в зависимости от этнополитической ситуации или экономических проблем.

В Ляо до династии уже шел активный переход к комплексной экономике, но она, как и в Европе, развивается медленно. Неудиви-

тельно, что в этих условиях на первый план выходят государство и элита. Даже в зоне абсолютного преобладания скотоводства создаются конструкции ханств, т. е. повышается необходимость регламентации и регулирования. Для регулирования одного только скотоводства достаточно ханства, а для империи со сложной экономикой этого мало, поэтому и складывается более сложная конструкция. Аналогов ей нет ни на севере, ни на юге, ибо только здесь: относительное равновесие двух основных аграрных производств — земледелие и скотоводство.

В условиях ограниченности территории экономика в принципе не может быть моноцентричной, т. е. чисто земледельческой или чисто скотоводческой. В реалии идет формирование и развитие комплексной экономики. Особенно активно этот процесс идет в период существования сложной этатической конструкции, в данном случае имперской.

Общая картина экономической эволюции киданьского общества выглядит так. Кидани, выделившиеся в III в. из сяньбийского этнического комплекса, по общему облику, характеру культуры, этнографическим особенностям и языку были в то время явно такими же, как и остальные сяньби. Скотоводство, охота, земледелие полностью удовлетворяли их потребности и даже позволяли вести торговлю с соседями. К тому же кидани оказались в наиболее благоприятных условиях: климат районов верховья р. Ляохэ и лесостепной ландшафт способствовали развитию их хозяйства. Большое влияние оказали южные соседи, гаоли в северной части Кореи и государства на территории современного Китая, которых отличала древняя устойчивая земледельческая культура. Уже в VII в. кочевое скотоводство вытесняет охоту, которая становится подсобным видом хозяйства. В конце VIII – начале IX вв. значительного развития достигло земледелие, особенно в южных районах обитания киданьских племен. В результате экспансии киданей в X в. под их власть перешли огромные территории, население которых в хозяйственном отношении стояло на различных ступенях развития. Экономика киданей все больше приобретает смешанный характер.

Отдельные отрасли хозяйства нашли достаточно адекватное отражение в письменных источниках.

Для империи важны не только демографические проблемы и нарушение баланса отношений с окружающей средой. Разумеется, они много значат и не случайно у киданей побеждало всегда «язычество» в виде шаманизма, тенгриизма, ментальных представлений,

т. е. систем, которые акцент делали не на социальных отношениях, а на дихотомии «человек — природа». Однако Ляо должна была уступить место «земледельческой» империи, ибо далеко продвинулась по пути складывания сложной экономики и дальше непротиворечиво сочетать скотоводство и земледелие уже было нельзя. Происходила сложная и комплексная аграризация империи. Господство скотоводства в центре государства в определенной степени способствовало стабильности государства и его экономики. В империи Цзинь удельный вес земледелия и связанной с ним экономики был больше и это вызывало серьезные трения между двумя экономическими сферами.

18. Место и роль ментальности в культуре киданьских государств Ляо (907–1125) и Си Ляо (1125–1218)

Традиционно понимается, что соотношение народного киданьского и так называемого ляоского, т. е. имперского компонентов в культуре киданей всегда было в пользу ляоского. Точно такой же методологический подход долго существовал и у западных медиевистов, которые считали, что как в сознании средневекового европейца христианское доминирует над языческим, так и в культуре религиозное абсолютно превалирует. Лишь в последнее время на эту проблему стали смотреть сложнее.

Традиционно же считается, что ментальность как мироощущение и мировосприятие возникает в недрах культуры, формируется в зависимости от ее традиций, социальных структур и среды обитания и характерна для больших групп людей (этносов, наций, социальных слоев). В этом плане она вторична по отношению к «высокой» культуре. Между тем в истории не менее заметно и формирование последней как завершение процесса складывания ментальности — способа адаптации к пространственно-временной ситуации.

Одним из примеров этого феномена является именно история киданей. Мы видим формирование этноса, который на протяжении примерно пятисот лет опирается на идеи и рецепты кочевой цивилизации в целом и свои ментальные механизмы. Одной из особенностей киданьской ментальности все китайские, а потом и мусульманские авторы отмечают их непокорность и неуживчивость. Думается, что это одна из важнейших предпосылок трансформации этой этнической группы в народ-элиту. Как

неугомонные франки (см. слово франк латинского происхождения и означало «ушедшие со своего места», «свободные» от постоянства) долго не могли ужиться со своими соседями и в конце концов потеснили их, так и кидани всячески дорожили своей независимостью и отстаивали ее. Если другие роды и племена даже часто перемешивались, то кидани в лучшем случае «покорялись».

Источники подчеркивают, что они сами выбрали себе в качестве самоназвания слово «цидань». Не китайцы и не другие кочевники так назвали. Они могли бы принять чужое имя, войти в состав чужого этноса, но поступили именно так и тем самым противопоставили себя всем. Не выбрали себе и имя своего тогдашнего вождя, человека явно незаурядного. Даже имя Апоки, основателя империи, не стало нарицательным. Впрочем, и монголы тоже не «почтили» Чингиса = у них иные критерии.

«Цидань» как форма менталитета после возникновения империи способствует образованию имперской культуры, а феномен «Ляо», если учитывать и историю западнокиданьского государства, исправно функционировал еще около трехсот лет. Очевидно в этом случае, что сначала формируются и развиваются социальнопсихологические механизмы и именно на их основе образуются необходимые идеологические компоненты.

В данном случае также есть смысл обратить внимание на сложную и комплексную культурную основу киданьской истории. Менталитет формируется спонтанно, как «естественный» способ когнитивного и аффективного реагирования вовне. На его основе возникает сумма «естественных» чувств, настроений, обычаев, традиций. Идеология же как более «высокий» элемент общественного сознания разрабатывается верхушкой определенной социальной группы или класса и привносится в массы. Здесь всегда присутствует момент интеллектуального и ценностного насилия. Многое зависит от того, насколько совпадают ценностные ориентации основной массы населения и правящей этно-социальной группы.

Средневековая ментальность может и должна восприниматься как такой же определенный тип культуры, что и «высокая» культура. Менталитет можно определить, как особый культурно-исторический феномен, отражающий универсальные константы социокультурной жизни и у него можно выявить не только древние и средневековые религиозные, но и «варварские» истоки и формы. Акцент на «безыдейной» основе истории, проявлявшийся в некоторых политических процессах (монгольские завоевания») и социальных движениях дружно отрицается или не замечается

средневековыми авторами и современными исследователями, которые говорят о неизбежной деградации народа, не осененного «божественной благодатью». Сказывается здесь и то, что различные общества в своем взаимодействии предпочитают иметь дело с культурами, созревшими окончательно, а не находящимися, так сказать, в стадии созревания (пубертатный период). Небезызвестный просветительский слоган «народ — творец культуры» имеет и рациональное объяснение.

У кочевников, в отличие от оседлых народов, «созревание» идет дольше и чаще прерывается посредством физического уничтожения. Развитие культуры прерывается искусственно и, если не происходит полного уничтожения этноса и его культуры, то он все равно попадает в подчинение иному сообществу и его культура растворяется. Неслучайно на Востоке существует много этносов и мало культур. Речь идет именно о созревших идеологически культурах. Европа же в этом плане чуть ли не заповедник культур, ибо там практически все этносы вырастили полноценные культуры (кельтские, германские, средневековые).

Соответственно можно говорить о том, что «высокая» культура есть результат многовекового развития ментальной культуры. Исследователи долго изучали лишь готовые цивилизационные и культурные конструкции, а подготовительный этап недооценивали или рассматривали их в рамках иных конструкций. Этническое развивает свою стратегию выживания на основе адаптации к природной среде с целью трансляции во времени. Итогом этого процесса является строительство культуры как «дома», надстройки, которая решает определенную социально-политическую задачу и, пройдя свою судьбу до конца, уходит, отмирает.

Постановка вопроса об особой роли народной культуры дает возможность ввести новые методологические ракурсы в современное исследовательское поле, позволяет в наше время за счет отказа от грубости подхода, ищущего единственный все объясняющий фактор, и усложнения картины истории лучше разглядеть не только специфику того или иного явления, но и его суть. Такого рода новый методологический аспект позволяет пересмотреть многие как идеологические (марксизм), так и научные и цивилизационные штампы (европоцентризм, акцент на англосаксонском или германском понимании).

Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, — один из редких в истории Восточной Азии практически чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на

основе ментальной культуры. Киданьская культура в некотором смысле не просто выражение специфики истории этноса, это и реакция много выстрадавшего народа, попытка выстроить свое государство, используя те идеи, которые связаны с народной ментальностью. Именно эта культура длиной фактически в тысячелетие выступила в качестве той основы, которую нужно было не только сохранить, но и увязать с восточноазиатской парадигмой в пелом.

Образование киданьской империи в X в. — один из удивительных процессов в восточноазиатской истории, который вывел социально-политическую эволюцию кочевых народов на наивысший уровень. Именно киданями была основана классическая кочевая империя. При складывании новой державы шло и активное сканирование и различных иноземных вариантов культуры, в том числе конфуцианского, идеи империи, заимствование китайской титулатуры. Отсюда яркими особенностями киданьской культуры является ее синкретичность, сложность и уникальность.

Основные черты киданьской картины мира кристаллизовались на протяжении всей многовековой истории этого этноса. Картина мира всегда имеет несколько уровней, поскольку она включает представления о трех мирах — физическом, историческом и социальном. Между этими уровнями обязательны проблемные отношения, поэтому культура на уровне ли обыденного сознания, развитой ли идеологии пытается создать их максимально непротиворечивый синтез, создать их иерархию на основе незримого «завета». Разумеется, надо учитывать и иерархический характер общества, где в восприятии одних и тех же концептов разными слоями неизбежны и обязательны различия. Все же, в кочевом обществе нет такой степени антагонизма между социальными группами, как в оседлом, хотя его элита все же в гораздо большей мере, как в данном случае, пользуется рецептами Китая и других восточноазиатских элит. Естественно, что и у киданей необходимо выделять несколько уровней мировосприятия – общецивилизационный, связанный с тем, что кидани были неотъемлемым элементом кочевой цивилизации, и конкретно-этнический. Последний обычно недооценивается, поскольку в отношении киданей, как, впрочем, и в отношении любых других «кочевых племен», существует представление о стандартности их сознания, характерной для всех кочевников. Считается, что сознание – наиболее консервативная, практически неизменяемая константа. Между тем, даже тот факт, что история киданей делится на несколько своеобразных

периодов (простое племя, союз племен, империя, постимперская ситуация), позволяет априори утверждать, что этническое сознание и, следовательно, картина мира развивались сложно и проблемно. Нужно учитывать также, что на этот процесс оказывали свое влияние соседние народы Восточной Азии.

Все указанные факторы не могли не повлиять на сложный, синкретический и проблемный характер киданьской народной культуры. Она определяет и нормирует все аспекты жизнедеятельности общины: уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, обычаи, обряды, регулирование социальных взаимоотношений членов сообщества, тип семьи, воспитание детей, характер жилища, освоение окружающего пространства, тип одежды, питания, отношения с природой, миром, предания, верования, поверья, знания, язык, фольклор как знаково-символические выражение традиции.

Киданьская культура уже в додинастический период активно синтезирует свое и чужое. Предпочитает свое и помещает его в числитель. Она и не может поступать иначе. Если культура предпочитает чужое или общее, она начинает медленно угасать. Европейская цивилизация берет идеологию всего метарегиона в числитель, но она в значительной степени уже результат и собственного развития, образовалась уже в древности. Впоследствии так называемое Северное Возрождение начнет осваивать грекоримскую античность, но вскоре столкнется с конфликтом ее со своим прошлым (Великое Переселение Народов). У киданей не оказалось золотого века типа Великого Переселения Народов, возникновение их этноса было связано с разгромом конгломерата племен, в который они входило прежде. Это одна из причин того, что они так активно используют не чью-то «высокую» культуру, а свое ментальное начало.

Народная культура и порождает такой образ мира, который адекватен *связям и отношениям* Космоса, Социума и Личности, и соответственно целиком определяет специфический способ восприятия и интерпретации событий и явлений; представляет собой основу, фундамент мировосприятия, опираясь на который человек действует в мире; имеет исторически обусловленный характер, что предполагает постоянные изменения картины мира всех её субъектов.

Естественно, что религия и мифология являются важнейшими компонентами духовной культуры восточноазиатских народов, в том числе и киданей. Религиозная жизнь кочевой империи, типичным образцом которой была восточная киданьская империя,

характеризуется исключительной сложностью. Эта сложность обусловлена специфическим процессом трансформации племенного союза в комплексное земледельческо-скотоводческое государство. Яркой особенностью киданьской религиозной системы является ее синкретичность. Ежедневные религиозные нужды киданей самых различных социальных слоев обеспечивала племенная религия киданей как часть народной культуры. Можно говорить о существовании особой, эволюционирующей в сторону монотеизма, веры, часто обозначающейся термином «тенгриизм». Главой и первосвященником этой религии был сам правитель (император у восточных киданей, гурхан — у западных), как представитель рода Елюй, «породненного с Небом» и «поставленного Небом». Киданьская мифология была пронизана верой в духов, и сверхъестественные силы, которые, по мнению киданей, были присущи деревьям, знаменам и барабанам, горам, солнцу, небесам и земле. В «Ляо ши» упоминаются боги Неба, Земли и Солнца и божество Горы Му-е. Говорится и о божестве Черной Горы, божествах оленя и белой лошади. Богу Огня особенно усиленно поклонялись зимой. Китайцы упоминают также Бога Войны и Бога Металла. В киданьской мифологии есть представление о магическом влиянии сторон света, в частности востока и юга. Обряд поклонения солнцу происходил в одиннадцатом месяце, во время зимнего солнцестояния, а также по случаю церемониальной охоты и церемонии «узнавания» правителя.

Идея Неба достигла у киданей высшего совершенства и приобрела ярко выраженную социальную окраску: Небо выступало у них как «правитель мира, вечный, правосудный и источник жизни». Именно Небо послало на землю избранных людей, которые, совершив необыкновенные дела, возвеличили киданьский народ. Оно у киданей обладало еще одной очень важной функцией — карательной. Оно, по их мнению, видело все поступки и помыслы человека, который никогда не мог укрыться от небесного правосудия. Европа делает акцент на «абсурдных», т. е. не постигаемых чувствами и разумом идеями. «Бога» нельзя видеть, общение с ним идет через «церковь» как мистическое «тело Христово», а Небо видеть можно и его влияние распространяется на всех людей без исключения.

Среди киданей был распространен культ предков. Одним из важнейших элементов киданьского шаманизма был культ животных. Важнейшим элементом киданьской религии, ее обрядовой стороной является религиозный культ, т. е. всевозможные обряды, жертвоприношения, молитвы. Достаточно развитый киданьский политеизм обусловил существование развитой системы обрядов.

Можно видеть несомненные исторические этапы развития киданьского мировосприятия и мироконструирования. Периода исходного формирования не было, ибо комплекс «цидань» создан был искусственно на базе осколков различных родов, а те в свою очередь тоже появились раньше. В результате можно говорить об общекочевом субстрате, который оказался в форсмажорной ситуации. Если тюркские племена могли от натиска соседей уйти на Запад и захватить чужие земли, то киданям уходить было некуда, и они вынуждены были строить своего рода оборонительный лагерь (в итоге в форме империи). Это напоминает судьбу древнееврейских «колен» в «Земле Обетованной» (Ближний Восток), вынужденных при Моисее пойти на радикальные и революционные по сути меры («закон Моисеев»). На примере киданей можно увидеть то, что происходит с кочевой картиной мира в рамках замкнутого метарегиона («Север» по классификации автора «Цидань го чжи» Е Лунли).

Считается, что картина мира додинастических киданей имела достаточно ярко выраженный космоцентрический характер. Действительно, в киданьской картине мира Небо контролировало всю ойкумену и влияло на жизнь всех людей и каждого из них отдельно. Одним из логических следствий этого положения было представление о необходимости активности человека. Если в Европе в ходе серии ренессансов (Готское, Каролингское, Оттоновское, Высокое) обязательно делается акцент на своеобразной реабилитации человека, борьбе за него, то у кочевников не было необходимости в этом, ибо он и так был на первом месте. В этом плане их культуру можно назвать более антропоцентричной, чем средневековую европейскую. Какая-то корректировка соотношения сакрального и секулярного в силу этого проводилась через идею закономерной гибели «неправильной» династии или замены ее на выполняющую Волю Неба, т. е. следующую цивилизационной парадигме. Шла также борьба за «возрождение» (renovatio) империи за пределами ханьского мира. Об этом кроме киданей мечтали хунну, тангуты, чжурчжэни, монголы. Сложившийся в Восточной Азии треножник центров-сил (Север, Запад, Центр) в значительной мере есть результат их вынужденного компромисса, равновесия сил. В результате, думается, скорее можно говорить не о космоцентричности, а социоцентричности киданьской картины мира. Европейская культура делает акцент на «религии» как системе объединяющих идей, кидани и другие кочевники — на социальнополитической практике. И это работает не менее эффективно.

Космоцентризм киданьской картины мира многие века существовал, скорее всего, как некая неотрефлексированная в текстах реальность. В этом особой потребности не было, ибо она существовала в разных мифах и легендах. Позднее, в период империи, эти мифы прошли через мощную редакторскую процедуру и были использованы в сформированных элитой новых обрядах, благодаря чему получили некоторую известность в государстве и за его пределами, но в известной степени были отчуждены от народной ментальности. Мы узнаем о них в текстах (Ляо ши, Цидань го чжи), которые были написаны после разгрома киданьского государства в условиях тотального размывания прежнего этноса. К тому же написаны они были либо представителями бывшей киданьской элиты, либо китайцами как представителями иной этничной ментальности.

Необходимо отметить, что идея всемирного влияния Неба («от рассвета до заката») давала возможность сразу строить не «островную» культуру, с ориентацией на достаточно замкнутый этногеографический район (типа древнееврейской «Земли Обетованной»), а культуру огромного «мира» с открытыми границами на все стороны света, по крайней мере кочевого. Лишь в период империи был сделан акцент на географически точной территории («Ляо» — район р. Ляохэ).

«Человечество» для киданей не одни только кидани или китайцы, а все люди под Небом, хотя, конечно же, киданьские политические лидеры, равно, как и авторы исторических и политических сочинений подчеркивают этнические, культурные, политические и т. п. отличия народов друг от друга.

В народной киданьской картине мира проявляются общецивилизационные черты. Есть присутствие триады миров. Особую роль играют религиозные концепты и рецепты. Однако народная культура не в такой степени замешана на религии, как оседлая. Если модель культуры представить дробью, то она будет выглядеть так: Народная культура / имперская идеология. Здесь религия — лишь часть культурного пространства.

Киданьская элита в период империи переворачивает дробь и имперскую идеологию помещает в числитель, хотя делает акцент на властной вертикали, силе, идее завоевания, убирая конфуцианство как важнейший компонент имперской системы. Подобная ситуация имела место и в средневековой Европе, когда религиозная мораль и религиозные традиционные обряды были предоставлены лишь для нужд низов, но не элиты, которая активно использовала

социальные и политические концепции. Борьба против этого и стала одним из фронтов борьбы буржуазии против «старого порядка». Киданьская властная элита тоже допускает в «высокой» культуре сочетание некоторых конфуцианских норм и отдельных кочевых социально-политических рецептов. В результате ни киданьские низы, ни элита не берут в полном объеме ни народную культуру, ни имперскую идеологию, проводя их фильтрацию и создавая в итоге внятно отличающиеся друг от друга картины мира. Между ними, естественно, существуют перманентные противоречия.

Народная культура Имперская идеология --------Имперская идеология Народная культура

В период империи увеличивается количество и качество различий между основной массой общества и элитой. Некочующие правители государства начинают отдаляться от племенной массы.

V кочевников не было своих кодификаторов и синтезаторов традиций, типа Моисея или Конфуция, ибо не было резкого перехода к оседлости. Кидани на всем протяжении своей истории оставались кочевниками и полукочевниками, и лишь некоторая часть элиты пыталась создать новую цивилизационную конструкцию, при этом оставляя почти нетронутыми онтологическую (представление о происхождении мира) и аксиологическую (система морально-этических норм) части. Апоки произвел фактически лишь политическую революцию, приняв идею империи и надстроив ее над культурой. Сооружение оказалось шатким и недолговременным. Здесь видится экзистенциальный конфликт. Кочевой менталитет нацелен на вечное и неизменяемое существование, а имперская, ханьская по происхождению, идеология ориентирована на форс-мажорную ситуацию (противостояние с соседями в условиях резко обострившихся во всем восточноазиатском регионе социально-этнических и политико-экономических отношений). В подобной ситуации Чингисхан пошел на выход за пределы Монголии, но здесь еще было мало возможностей для широкомасштабной экспансии.

Все же «варварская» кочевая империя как раз тем и отличается от ханьской, что ментальность для нее более значима и остается в числителе, остальное — в знаменателе.

Для ханьских территорий конфуцианство есть некое порождение и завершение ханьской же ментальности, поэтому там противоречие между обыденным и официальным, ученым не существует, там есть только различие в степени так называемой учености: насколько человек не только пользуется взращенной на конфуцианстве культуре, но и знает конфуцианские тексты. Идеалом был чиновники шэньши, «учёный муж, носящий широкий пояс» как символ власти. Подобная модель складывалась и в Римской империи, где идея империи есть завершение римской ментальности. Ее даже можно назвать средиземноморской, скажем, европейской, христианской. По сути, все мировые религии складываются на основе ментальности метарегиона.

Необходимо отметить, что варварский азиатский мир в лице киданей на базе своей собственной ментальности мировой религии не создал. Есть лишь общее представление о Небе «от восхода до заката», которое присуще и монголам, и тюркам, в том числе и современному тюрко-монгольскому миру. Оно и позволяет существовать, не создавая какие-то очень сложные варианты, типа конфуцианства или христианства.

Поэтому в Степи на базе ментальности как культуры чаще всего создается такой тип государственности как каганат, т. е. конструкция, которая способна решать вопросы нападения, набега, обороны, внутренней демографии, коллективных действий в условиях ограниченного региона и т. п., и не больше, хотя и не меньше. Естественно, у нее есть возможность и даже необходимость для постепенной эволюции и трансформации в нечто более сложное, но далеко не всегда она реализуется. Для того, чтобы создать такую сложную иерархическую структуру, как империя, которая обязательно включает в себя массу чужих этнических и социальных групп, в том числе и оседлых, одного этого народного субстрата недостаточно. Тем более, что оседлые, как в Ляо, это не только ханьцы и жившие в южных районах государства хань-эр (китаизированные), но и представители тунгусо-маньчжурского мира, среди которых есть и лесные жители. Для примирения кочевого и оседлого секторов в Ляо была создана особая дуальная администрация.

У киданей в государстве проживали родственные племена, с близкой культурой. Особый судебник (типа Ясы) или конституция была не нужна. Все это с успехом заменяла народная культура. Указы императоров касались конкретных проблем. Обычай часто

просто заменял закон и достаточно эффективно. Только у живших в южных регионах хань эр существовали сложные нормы.

В любом менталитете существует акцент не только на запретах, но и на предписаниях, на моделях совершенного человека. Заповеди древних евреев строились на принципе «разрешено все, что не запрещено», это создавало более широкий люфт для поведения. Этим иногда и объясняется то, что народ этой был «жестоковыйным». У киданей, да и у кочевников в целом, иная модель, быть может, более подходящая для экстраординарных случаев, связанных с нестабильностью кочевого хозяйства, сложностями погоды и частыми внешними нападениями. У них практически в форме неписанных правил регламентировано все поведение. Главными, по сути, являются принципы «надо» и «делай как я». В период цивилизаций типы людей формируются по вертикали (профессионально-хозяйственный тип) и горизонтали (территориальный тип) – «крестьянин», «феодал», «франк», «монгол». «Кидань» – такой же этноним и существует на определенной территории («киданьская земля»). Вырабатываются идеалы мужчины, всадника, воина, представителя элиты. Апоки описывается как некий посланник Неба. По легенде его матери приснилось, что в её лоно проникло солнце, отчего она и забеременела. Основатель государства западных киданей Елюй Даши (1087-1142), совершивший беспрецедентный поход с территории Северного Китая в районы Центральной Азии, уже в юности прославился среди видавших виды кочевников как отличный стрелок из лука и великолепный наездник. Он обладал незаурядным военным талантом, одинаково легко наносил фронтальные и точечные удары и умело организовывал крупномасштабные экспедиции. И в то же время, у него быразносторонние познания в различных областях киданьской, так и китайской культуры. В маньчжурском переводе «Ляо ши» есть сообщение о том, что в 1115 г. он удостоился степени цзиньши. Кроме этой степени он имел и титул «чжун дэ» (глубоко добродетельный).

Синтез народной и высокой культур в Ляо происходил в форме «Возрождения». Киданьский Ренессанс — период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй⁴⁵. В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции.

 $^{^{45}\}mathrm{C}$ VII в. правители киданей принадлежали к роду Дахэ, с 874 до 906 правил представитель рода Яолянь, а с 906 — род Елюй.

В то же время стоит отметить, что киданьская модель — апогей цивилизационного конструирования кочевников, ибо они фактически использовали и исчерпали все средства строительства синкретического мира. Чжурчжэни лишь копировали их модель, и она какое-то время смогла просуществовать. Представители более оседлого тунгусо-маньчжурского мира лишь умело использовали киданьские рецепты. Однако долго эта ситуация уже не могла сохраняться. Монголы в Азии еще несколько сот лет господствовали, но потом стал складываться тюрко-монгольский мир, который и сейчас ориентируется, прежде всего, на народную культуру, что говорит о больших ее потенциях и эффективности и в современных условиях.

У киданей по горизонтали идет взаимодействие кочевой и ханьской культур и этот процесс более важен для них, а, значит, идет более широко, чем у империи Сун на юге, где зона ханьской культуры замкнута на себя. Киданьский регион в культурном плане открыт на запад, восток, север и лишь к югу кидани относятся настороженно. Это вполне объяснимо, ибо с трех сторон их окружают близкие культуры, а с юга идет самая широкая и глубокая цивилизационная экспансия. Здесь и созрел самый широкий и, как казалось многим, киданям, самый опасный цивилизационный конфликт. Кидани прочитали идею империи по-своему, взяли из нее несущие конструкции, своего рода столбы и создали фактически лишь укрепленный лагерь. Моделью киданьской империи образно может считаться юрта. Она могла управлять перекочевками, набегами, но это не был дом, двор, как в Хань. У нее не было «огорода», т. е. прикрепленного пространства. «Юрта» и «двор» – два символа, два образа, символизирующих два разных понимания империи. Однако в основе этих различий в понимании две разных ментальности. Киданьская ментальность очень мощна и не может уйти в знаменатель, тогда бы это была обычная китайская империя, что тоже невозможно. Две ментальности напоминают две жидкости, которые не смешивались, одну из них в любом случае надо было «вылить». Однако парадокс в том, что они обе все же были нужны киданьскому обществу. В результате со временем эти два компонента вступили в сложную цепную реакцию. Взрыв происходит не сразу и в данном случае надо отметить, что этот взрыв как гибель Ляо был результатом не только внутреннего развития, но и внешних, в том числе ментальных факторов и причин.

Проблемы восточных соседей киданей тоже надо было каким-то образом решать, тем более, что создавалась такая ситуация,

когда империя Ляо была закрыта со всех сторон, кроме именно восточной. Был еще коридор для возможной экспансии на запад, но тюрко-сибирский мир не интересовался уже киданями, у него были свои проблемы, в том числе спровоцированные походом киданей 924 г., после которого проживавшие на западной окраине отдельные роды и племена начали свое движение на запад. В далеком итоге они столкнутся с Византией, халифатом, Киевской Русью. Однако восточный коридор таил большие и неожиданные опасности. Здесь накапливалась иная ментальность, которая не учитывалась, не включалась в ляоскую этнополитическую систему, недооценивалась. Никаких естественных и искусственных препятствий для ее ползучей экспансии не было и «восточные иноземцы» активно впитывали киданьский опыт, «подрастали» и стали готовы к созданию своей обширной государственности. Здесь столкнулись не культуры, а две ментальности, которым не суждено было найти общий язык.

Можно говорить, что решающим внешним фактором гибели Ляо стала победа не китайской ментальности и культуры, удар пришел со стороны внешне более примитивной ментальности восточных племен. Эта ментальность казалась незаметной и незначащей. Кажется, что это было просто освободительное движение, т. е. восстание мятежника и узурпатора Агуды, который просто воспользовался моментом. На самом деле если бы не было его, его роль сыграл бы другой представитель восточных «варваров». К этому все шло, ибо тунгусо-маньчжуры должны были сыграть свою роль. И они придут, создадут свою конструкцию — империю Цзинь, но в ней будет учтен разный опыт, в том числе не только киданьский, но ханьский, тунгусо-маньчжурский, монгольский.

А потом история повторяется на западе. Западная Монголия останется вне интереса чжурчжэней. Если кидани недооценивали Восток, то чжурчжэни — Запад. В конце концов, как на Востоке появился Агуда, так на Западе должен был появиться Чингисхан.

Все это еще раз подтверждает мысль о том, что недооценивать ментальную культуру нельзя. Важны идея империи, различные китайские рецепты, но важно и «варварство» как потенциально необычайно мощная ментальная сила.

В ханьском мире эффекта Агуды или Чингисхана, скорее всего, не может быть, ибо там был выработан эффективный рецепт смены династии и учреждение новой конструкции, которая уже будет учитывать и новые компоненты, но не выйдет за пределы прежней ментальной культуры. В собственно Китае свидетельст-

вом тому предельно китаизированные государства, в том числе тангутское Западное Ся. На Севере же кидани, чжурчжэни, монголы сумели сохранить свое ментальное ядро как центральное в общественной конструкции. Их презирают, недооценивают, но именно они регулируют и направляют всю средневековую восточноазиатскую историю. Как «недоразвитые» франки некогда создали самую мощную государственность в Галлии, которая существует до сих пор, так и эти народы создали уникальные варианты кочевых империй, смогли устроить свои «ураганы» и в конечном итоге придать мощный импульс для трансформации евразийского мира.

Если европейская средневековая цивилизация создает синтез как триаду из традиций, римского права и христианства, то здесь на первом месте традиции, остальное используется очень выборочно с учетом эффективности. Европа постоянно вынуждена работать со своей идеологией, существенно ее корректируя (христианизация, Возрождение, Реформация, научная революция), а внутри кочевого мира, в том числе и кочевого, никаких идейных споров и культурных разломов не было. Многое, если не все решалось с помощью личного соперничества.

Дорожная карта развития евразийского этнополитического мира дает несомненные исторические аргументы в пользу большей эффективности многополярного, а не гегемонистского развития человечества. Человечество может существовать лишь как сложносоставное сообщество, «поток зерен», а не единый военный отряд. По крайней мере так было до сих пор.

Потерпели в итоге поражение не сами кидани, а кочевой способ существования, ресурсы которого были исчерпаны, поэтому-то на чжурчжэньский и монгольский «эксперименты» ушло гораздо меньше времени.

Ментальное из истории уходит медленнее. Сначала умирает государство Ляо, но какое-то время продолжает существовать «народ китаев» (китаи и кара-китаи). Постепенно и этот высыхающий ручеек вольется в тюрко-монгольский океан.

Таким образом, на киданьском примере, как и на любом другом из истории кочевого и полукочевого мира, можно видеть особую эффективность народной культуры в истории вообще, в разных, в том числе и экстремальных, ситуациях, для решения разных задач. В соревновании с мировыми религиями она эффективно отстаивает право на существование до сих пор. Очень важно отметить и то, что мы имеем достаточно редкий и, что называется, пробирочно чистый случай, когда на основе разнообразных

письменных источников можно видеть, как народная ментальность на протяжении весьма длительного периода в тысячу лет и способствовала эффективному выживанию кочевого субстрата в форсмажорной ситуации, и, в то же время, стала основой и для имперской идеологии на две сотни лет, а, если учесть и существование империи Си Ляо (Западная Ляо), то еще больше. У чжурчжэней и монголов история оказалась гораздо короче, а их империи не смогли долго выдерживать противоборство окружающего мира.

19. Проблема «киданьского ренессанса» и «имперский» характер киданьской духовной культуры

Как уже говорилось, еще во второй половине прошлого столетия произошел окончательный переход от чисто описательной истории кочевников и рассмотрения, прежде всего, ее политических аспектов к анализу различных институтов кочевых обществ. В то же время, кочевники создали настолько оригинальную цивилизацию и настолько отличаются от оседлых обществ, хорошо знакомых и изученных, что вполне закономерно встает вопрос, а можем ли мы применить применять такие термины как «цивилизация» и «возрождение» к их «ордам» и «бандам»?

Нет смысла на основании известного исторического материала, в том числе и культурного, стремиться к замене традиционной «черной легенды» о кочевниках новой «золотой легендой». Их культуру надо попытаться понять «изнутри», в свете ее собственной логики и соответственно ее времени.

Практически все исследователи подчеркивали несоответствие кочевников всем мыслимым критериям цивилизованности. Тем не менее, термин «Возрождение», сама возможность применения которого оспаривается подчас некоторыми специалистами даже по отношению к европейским национальным ренессансам как XIV-XVI (за исключением итальянского), так и VIII-XII вв., вполне может быть использован и по отношению к культурным процессам в кочевых обществах. Эту возможность определяет и легитимизирует понимание «возрождения» не просто как страницы истории европейской культуры, а как особенности развития культуры в целом. Понятно, что здесь надо смириться со все еще достаточно необычной мыслью о том, что культура была и у кочевников.

«Возрождение» принадлежит к числу самых спорных понятий в истории европейской культуры. Л. М. Баткин даже назвал

проблему Возрождения «одной из самых драматических проблем исторического сознания XX в.» Вплоть до послевоенного времени термин «Возрождение» применялся почти исключительно лишь к эпохе XIV-XVI вв. как «переходной», «минутам роковым». Тем не менее, еще в XIX в. параллельно «открытию» Возрождения в Италии (Буркхардт, Фойгт, Корелин) замечены были и другие европейские «ренессансы», парадоксально имевшие место в рамках средневековой культуры. В западной науке Возрождение зачастую понималось как любой культурный расцвет

Идею ренессансов на востоке активно продвигал академик Н. И. Конрад, выдвинувший в 1950-е гг. идею создания всемирной, универсальной и цельной истории литературы. Его поддерживал А. Тойнби заметивший, что некоторые из «моделей» («закономерности, единообразие и повторяемость»), в частности, именно возрождение, «повторялись в прошлом много раз».

Сравнение общего и особенного в истории различных европейских и азиатских ренессансов позволяет говорить о том, что «возрождение» — это, практически, особенность развития культуры в целом. Когда общество попадает в ситуацию выбора, трансформации, «стресса», неопределенности, интервенций любого рода и т. п., оно обращается в поисках ответа на возникающие вопросы, прежде всего к прошлому. Культура начинает изучаться как история культуры. Каждая цивилизация имеет свою систему понятий, свой язык и складывается он в начале ее истории. Если учесть, что ни одна цивилизация не развивается в изоляции и периодически испытывает на себе интервенции извне, не только и не столько военные, сколько культурно-идеологические и экономические, то, противостоя им, она должна выставлять «навстречу» некий «щит» в виде непротиворечивой и популярной системы философскорелигиозных и социально-политических идей. Вдохновение и основу она ищет в своем «героическом» («золотом») веке — времени славы и складывания базовых архетипов, времени некоей социальной гармонии.

Внешне Возрождение выглядит как форма культурного процесса, обращение к культуре «позавчерашней», через голову культуры «вчерашней», с целью формирования культуры «сегодняшней» и особенно «завтрашней».

Однако необходимые «ответы» цивилизация пытается искать и в истории сопредельных или близких в чем-то стран (по терминологии Н. И. Конрада — «отраженный ренессанс»). При этом, как пишет Н. И. Конрад, происходит «как бы «равнение» отстающих

(культур — Π . Γ .) на передовых, а не механическое перенесение общественных форм передового государства в отстающее».

Термин непосредственно связан с понятием «renovatio», происходящим от латинского «re-novo, avi, atum, are» (возобновлять, восстанавливать, воскрешать). Renovatio в применении к человеку в отдельности или обществу в целом означало возвращение в состояние «до грехопадения», в «Эдем». В этом значении понятие использовалось и в политике (Renovatio imperii Карла Великого, Оттона Великого).

Киданьский Ренессанс — период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй. В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции.

Причины этого культурного расцвета разнообразны.

Можно сказать, что три великих «вызова» спровоцировали образование Киданьской империи и расцвет имперской культуры — культурный «китайский», этнополитический «кочевой» и региональный макроэкономический.

Прежде всего, стоит обратить еще раз внимание на то, что речь об определенной территории. Одной из обязательных причин любого «ренессанса» является своеобразная определенность («замкнутость») региона как «жизненного пространства», основанная на этнокультурной близости, политико-экономической целесообразности, близости или идентичности социального развития различных социальных и этнических групп. Территория обитания кочевников рассматривалась по обычному праву как их общее достояние («тюркская земля», «киданьская земля») и пользоваться ею имел право любой представитель этого этноса.

Именно такую определенную зону и представлял собой регион, где возникла киданьская империя. Он фактически выделяется в глубокой древности как особая фронтирная территория взаимодействия и конвергенции восточноазиатской и кочевой цивилизаций. Именно здесь создавались все классические кочевые империи. С глубокой древности это была зона контактов различных цивилизационных потоков. В этом плане ее можно рассматривать как историко-культурный феномен, один из древнейших очагов цивилизации. Зона состояла из двух тесно связанных друг с другом территорий, занятых тюркскими и монгольскими племенами, и располагавшихся от Трансоксании на западе до российского Приморья на востоке. Это была зона необычайно активного этнического смешения, естественно, что она стала и «перекрестьем

религий», т. е. зоной религиозного синкретизма. В период существования государств киданей, чжурчжэней и кара-китаев медленно шла интеграция различных племенных объединений и окончательное оформление зоны, что, по сути, стало первой стадией вычленения будущей «Монголии». К XIII в. в сознании современников и появилось представление о двух «Китаях». Если в оседлых районах объединялись культуры, опиравшиеся на древние письменные традиции, то здесь происходило объединение бесписьменных культур, опиравшихся прежде всего на устные традиции.

В хозяйственно-экономическом отношении эта территория может быть отнесена к так называемым маргинальным районам, где возможны оба неразрывно связанных с историей кочевых обществ процесса — седентаризации и номадизации. В источниках говорится и о широком распространении земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел и особо важной роли скотоводства.

Еще в «древности» (докиданьский период) здесь наблюдаются такие естественные процессы, как демографический рост, усложнение социальной структуры и трансформация этнических массивов из союза кровно-родственных объединений в этнополитические конгломераты. Помимо стремительной конвергенции множества субкультур отдельных родов и присоединенных племен начинается достаточно осознанный процесс искусственного строительства новых культур с ориентацией на китайский образец. Однако в результате появляется два серьезных фактора, которые вступают во взаимное противоречие внутри самой зоны. Во-первых, в новой социально-политической ситуации встретились и вынуждены были вести совместную жизнь разделенные ранее в соответствии с природно-климатической дихотомией северной и южной половин Китая носители разных культур – оседлой и кочевой. Во-вторых, усиливается синизация социальных верхов кочевых обществ. «Ученая» культура ориентируется на строительство нового «мира» и подавляющее большинство населения формирующихся государств становится «безмолвствующим».

Особую роль в оформлении зоны сыграли три великих империи — киданьская, чжурчжэньская и монгольская. Они насколько это было возможным нивелировали культурно-религиозные различия оседлых и кочевых народов и поэтому название стало применяться уже по отношению и к собственно Китаю.

Рядом с древним, исконно китайским «миром», складывается новый, который в соответствии с западной традицией, уже давно и достаточно успешно изучающей этот феномен, можно назвать «рах cidanica». Елюй Абаоцзи «объединил все тридцать шесть иноземных народов». В этом районе сложилась аналогичная китайской модель «цивилизация — варвары», где в качестве культурного центра выступала именно новая империя. Она создала свой «мир», став «коренным государством» («бень-го») для своих соседей и заняла особое место в восточноазиатском метарегионе, ибо постепенно кидани начали строить свой «мир» как «тянься» («поднебесный»), занимающий срединное, т. е. универсальное, связующее положение в общей трехчастной схеме миропорядка – «сань цай» (Небо, Человек, Земля), и пытались играть роль «чжунго» («срединного государства») вместо Китая для остальных кочевых народов как четырехчастной периферии («сы и») и даже в идеале всей ойкумены. Для киданьского «мира» характерны, как уже говорилось, замкнутость в политических границах, географическая и климатическая локальность, киданецентризм, т. е. этнотрадиционализм, стабильность центризм, существования, «древность» зарождения, самобытность и оригинальность, уникальность исторического развития, цивилизационно-культурный экспансионизм, привлекательность «имиджа» для других народов, не только «соседних», но и отдаленных, умение «уживаться» с ними, наличие «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и, в то же время, являлось для народа «сдерживающей силой» от преступлений, особое значение литературы и письменности, предельная централизация государства и особая сила «верховной власти». Все эти факторы говорят о существовании совершенно новой культурно-идеологической ситуации. Кидани создали свой «мир», фактически дочернюю цивилизацию, и в результате название «цидань» закрепилось как название киданьской территории.

Можно выделить три этапа культурного возрождения зоны «цидань»: время киданей, время чжурчжэней, время монголов. Каждый из этих этапов обладает своими особенностями и требует отдельного рассмотрения.

Зона классических кочевых империй стала и своеобразным треугольником встречи разных цивилизационных интересов.

Из Китая сюда шли технологии, капитал, квалифицированные специалисты, достаточно развитые коммерческая и материальная структуры. Маньчжуро-корейский регион был заинтересован в бесперебойном функционировании «окна» в Китай, ориентировался в той или иной степени на китайскую торговлю, культуру, надеялся на военную помощь со стороны региональных структур (киданей, китайцев, бохайцев).

Кидани «предлагали» метарегиону земельные массивы, неосвоенные территории, неквалифицированную рабочую силу, тоже нуждались в общении с Китаем и даже во многом ориентировались на него.

«Квадрат» не закрывался и не превращался в самостоятельную геополитическую и макроэкономическую зону во многом из-за того, что мешала Западная Монголия, тяготевшая к кочевым районам и Сибири. Это одна из причин того, что зона «цидань» не стала ни «Ганзой», активно занимавшейся торговым посредничеством, ни «санкт-петербургским окном» на запад, а осталась «островом», своеобразной «луной» Китая. Она стала эксклавом одновременно и Китая, и кочевников, хотя связи с Китаем очень долго для нее значили больше, чем связи с кочевым миром.

Сопротивление кочевой культуры было почти сломлено, и она «ограничилась» северными и западными районами, но формирование городской экономики на юге приводило к усилению городского населения, прежде всего китайского. Психология этих людей опиралась не только на китайскую культуру, но и на прагматизм и рационализм.

После освоения киданями этой территории на нее стали претендовать не столько южные или западные соседи, сколько восточные. Китай был оттеснен далеко на юг, западные племена по сути проводили политику самоизоляции, что и стало одной из причин стремительно идущего процесса становления государственности и привело к появлению государства Чингисхана. Именно он и замкнет этот квадрат, связав между собой «четыре стороны света».

Все это непосредственно скажется на особенностях развития киданьской культуры и ее «ренессансе».

История культурного подъема при киданях демонстрирует, что его непосредственными предпосылками были политическое объединение зоны «цидань» и взаимодействие ученой китайской культуры с народной киданьской культурой.

Для Киданьского Ренессанса характерна определенная замкнутость в пределах империи. «Ренессансный взрыв» оказался тесно связан с апогеем развития империи. В государстве идут сложнейшие социально-политические и культурные процессы. В этом

плане реновационные процессы — один из первых признаков невозможности развития того или иного общества традиционным экспансионистским путем и необходимости его перехода на интенсивный вариант.

Само Киданьское Возрождение есть смысл определять, как возрождение традиционной киданьской культуры на новой культурной основе — китайской культуре как культуре восточноазиатского метарегиона.

Имперский период – особая стадия развития киданьского общества, когда возникает сложная социальная структура и начинают складываться трансрегиональные этнические и социальные группы. Этноним «кидань» начинает обозначать уже всех поданных империи. Жизнь и судьба крупных человеческих организмов подчиняется уже не локальным традициям, а транснациональным интересам и правилам. Начинают вырабатываться такие понятия, как «человечество», «народ», которые постепенно начинают приходить на смену «родам» и «племенам». Естественно, что и в культуре происходят существенные трансформации, усиливается так называемая сакрализация культуры, когда религия выходит на первый план и становится системообразующим фактором. У отдельного индивида не только расширяется культурный горизонт, когда в круг необходимых ему знаний входит информация о других народах и странах, но и он сам поднимается до осознания своей сопричастности к судьбам всей «вселенной». Фактически формируется мощная светская традиция, вырабатываются или используются идеи равенства всех перед Небом или перед императором, мировой монархии.

Образцом «образцовой культуры» для Киданьского ренессанса, как показывает его история, был изобретенный еще в древнем Китае комплекс Чжунго / Тянься (Срединное государство / Поднебесная империя), который фактически и основывался на традиционной для периода зарождения этнических государств идее «избранного народа». В Китае соединилось то, что на Западе оказалось разорвано: этническое понимание «избранного народа» как определенного этноса дополнилось идеей всеобщего и «правильного» мира. Ханьцы, по сути, стали титульной нацией и понесли свою «истину» всем остальным народам, которые в целом вынужденно или добровольно принимают их парадигму. Это характерно особенно для империи Хань, восстановившей при У-ди конфуцианство как господствующую идеологию. Это было, иначе говоря, время зарождения восточноазиатской цивилизации. Это и

время апогея китайской имперской идеи, когда появился достаточно четко оформленный вариант империи. Именно к ханьскому опыту и обращались кидании преимущественно. Тем самым, в определенной степени дискредитировались «средневековые» варианты китайских империй (Суй, Тан и даже Сун).

В свою очередь, китайские ренессансы того времени, в эпоху Тан и Сун, служили не только для подгонки собственно китайской «античности» к новым социальным реалиям, но и носили до определенной степени антикочевой и в чем-то даже конкретно антикиданьский характер, что свидетельствует о серьезной информационной войне между оседлыми и кочевыми народами по поводу понимания «древней культуры» метарегиона.

Сам по себе процесс обращения к «истокам» цивилизации оказался достаточно противоречив. «Древнее» наследие — это не китайские города, гарнизоны или хозяйства, а нечто более существенное, хотя и внешне «неуловимое». Это – китайский язык, философская составляющая китайских религиозно-философских систем, китайское право, идея империи и т. д. Киданьские и китайские культурные элементы сочетались достаточно легко, что обътем низким культурным уровнем, приходилось начинать киданьскому возрождению. «Возрождать» приходилось, прежде всего, те начатки знаний, которые были необходимыми и общими для какой бы то ни было восточноазиатской культуры, кочевой или оседлой – владение языком. В то же время, как это ни парадоксально, одним из последствий этого процесса будет сопротивление «древности» сложившимся и желаемым стереотипам культуры. Применительно к Киданьскому Возрождению это означает рост антикитайских настроений в обществе.

Налицо еще одно существенное противоречие Киданьского возрождения. Его формальным идеалом была киданьская империя, а содержательным — китайская культура. Киданьское возрождение стремилось возродить не столько классическую китайскую древность, сколько китайскую империю. Три великих Елюевича (Абаоцзи, Дэгуан и Ши-цзун) из всего конфуцианского культурно-идеологического наследия сделали акцент на идее «империи», сведя ее к тому же к феномену личной власти и системе управления. В понимании северян главное в империи ее политическая составляющая — вертикаль власти. Под «варварством» они уже станут понимать децентрализацию и развал государственной машины. Преодолеть это можно было только с помощью идеи «империи» и интернационального языка, каковым сначала выступал китайский

язык, но потом все большую роль начнет играть созданный, фактически искусственный, «киданьский» язык. Вдобавок на территории киданей была особая экономическая и этническая ситуация, где «классическая» империя просто не могла существовать.

С ними будет связана и теория «трансляции китайской империи». Речь идет не просто о возобновлении некоей китайской государственной традиции, а о духовном Возрождении как возвращении в «первобытное состояние». Именно во время «киданьского возрождения» в силу особого восприятия истории и превознесения своей собственной культуры у киданей появляется и своего рода представление о «конце истории». Уже кидани будут считать, что создали оптимальную социально-политическую конструкцию и дальнейшая «история» теряет смысл.

«Киданьское возрождение» было тесно связано с военнополитическими и административными задачами, которые стояли перед Елюевичами, стремившимися к укреплению своей власти на всей территории империи, для чего было необходимо подготовить служебно-административные кадры. Налицо тесная связь киданьской культуры с политикой и властью.

Это обусловило реформы в области подготовки многочисленных кадров государственного аппарата. Была создана достаточно развитая система управления, связанная с военными и административными функциями. Она сочеталась с типичной феодально-кочевой практикой управления («кочевые короли»): у киданей существовала перенятая от бохайцев система пяти столиц. В империи существовала иерархическая система государственных чиновников, дополняемая традицией передачи должности по наследству.

Состав чиновников Северного правительства пополнялся в основном киданями, а Южного (китайского) правительства - китайцами. При этом чиновниками, благодаря своему происхождению, могли стать представители различных социальных групп, за исключением духовенства, мелких торговцев, а также мясников, врачей, незаконнорожденных, преступников и зависимых людей. периода правления императора Шэн-цзуна Начиная (982-1031 гг.), они могли принять участие в сдаче экзаменов на ученую степень доктора (изинь ши), получив которую, имели право быть избранными на чиновничий пост. Испытание проводилось по двум предметам: поэзии и праву, причем «поэзия считалась основным предметом, а законы – второстепенными». По таблице, составленной К.-А. Виттфогелем и Фэн Цзя-шэном,

подсчитать, что за 30 лет со времени введения экзаменов (с 988 г. и по 1118 г.) степень *цзинь ши* получили примерно 2 тысячи 400 человек. В таком случае бюрократический аппарат центрального и среднего звена империи Ляо должен был насчитывать в первой четверти XII в. около 3 тысяч 600 человек. На одного чиновника накануне гибели империи Ляо приходилось 1055 человек. Сыграла свою роль и Академия Ханьлинь, участниками которой были люди образованные, кидани, не чуждавшиеся китайской учености.

В результате за время «ренессанса» удалось вырастить поколение образованных, энергичных, способных людей, нашедших применение своим знаниям в самых различных сферах общественной деятельности. Это второе поколение Киданьского возрождения — те новые люди, на которых опирались киданьские императоры в своей государственной политике; среди них прежде всего представители знатных родов, до того времени обычно обходившиеся без грамотности.

Все киданьские правители подражают китайским императорам и хотят быть императорами — законодателями и императорами — воинами. Неудивительно поэтому, что в рамках Киданьского Возрождения идет активное обсуждение проблемы идеального правителя, на что повлияла, прежде всего, монархическая форма правления. На обсуждение проблемы идеального правителя, естественно повлияло и восприятие фигуры основателя государства Апоки.

Уже одни только политические проблемы, вставшие перед государством, повлияли на то, что медленно формировалась имперская культура. В империи Ляо на полиэтнической основе вырабатывались новые элементы культуры, отличавшие ее от изначальных культур, составивших империю народов: киданьская письменность, официальная дуалистическая система одежды ляоских чиновников (чиновники Северной администрации во главе с императрицей носили киданьскую одежду, а чиновники Южной администрации во главе с императором—ханьскую, своеобразная система государственных праздников, синкретически соединяющая в себе буддийские и конфуцианские воззрения с древней религией и обрядами киданей, специфическое устройство могильных склепов ляоской знати.

Подражание Китаю как самодостаточной, автаркизованной, замкнутой и «осажденной» многочисленными врагами цивилизации способствовало выработке своей собственной и достаточно ранней идентичности. Особое значение и оформление принимает

взаимодействие различных этнических и социальных групп в империи. Базовым здесь становится фактическое представление об «избранном народе». Складывается особый алгоритм социокульжизни – гетерономический. Есть смысл внимание и на эволюцию самообозначения трех великих империй. Если Ляо это «серебряная» империя, созданная представителями цивилизационной зоны («цидань»), то Цзинь, созданная чужими (нючжи), уже «Золотая». «Юань» как «небесная» империя создана уже «ничьим» народом, т. е. фактически самим Небом (слово «мэнгу» не поддается однозначному толкованию). Не случайно и то, что кидани продолжают сохранять термин «цидань», что, как и в китайской культуре («цинь», «хань»), свидетельствует совпадении сознании понятий их «культурный» и «киданьский».

Это и обусловило складывание синкретической «имперской» культуры, в которой «материнская» (киданьская) культура используется небывало активно, но искусственно, т. е. фактически осуществляется своеобразное «возрождение» «сверху», которое носит служебный характер.

Здесь неизбежно возникает еще одно противоречие киданьского ренессанса. Кидани в обоих государствах (Ляо, Си Ляо) пытались сочетать киданьскую и китайскую культуру, которые опирались не только культурные и ментальные основы, но и на разные «древности». Если на первом этапе («время Цзу и Цзунов» по терминологии М. Н. Суровцова, т. е. период правления первых трех императоров) шло, хотя и сложное, но активное освоение культуры метарегиона как китайской, то в дальнейшем эта культура вступила в противоречие с собственно киданьской «античностью», их «золотым веком», когда они одерживала свои победы над различными народами, в том числе и над китайцами. К тому же разрушение этнополитической системы на севере империи шло гораздо медленнее, чем складывание имперской структуры и возникали естественные напряженные отношения между тремя пластами культуры – китайской на юге, киданьской в центре и кочевой на севере и западе.

Существенным признаком переходного характера культуры явилось изменение отношения к человеческим чувствам и эмоциям. Усложняется или даже меняется психология людей, эмоции приходят в конфликт с идеями, становятся «неуправляемыми». Можно сказать и о глубоком противоречии между менталитетом киданей и имперской идеологией. В любом ренессансе наблюдает-

ся определенное противоречие между массовой психологией, пусть даже и связанной с ренессансными идеями, и элитарной идеологией, в том числе и реновационной.

Известное развитие у киданей получили география, медицина, живопись, скульптура, резьба по дереву, музыка. Интенсивное строительство этой эпохи известно по многим литературным источникам. В киданьском искусстве, воспринявшем как черты традиционного китайского искусства, так и местные «варварские» традиции, были заложены некоторые основы будущего «монгольского» средневекового искусства.

Киданьский ренессанс проходил в несколько этапов, что в силу служебного его характера объяснялось экономическими и политическими факторами. Первый этап занял первую половину X века — «время Цзу и Цзунов», по выражению М. Н. Суровцова когда проходила деятельность «отца» Апоки (Тай-цзу 906—926, «начал»), «сына» Дэгуана (Тай-цзун, 926—946, «продолжил») и «внука» Уюя (Ши-цзун (946—951, «завершил»): «возвышение Тайцзу было подобно степному пожару. Его дело продолжил Тайцзун», при Шицзуне «военное могущество сохранялось». Решающим было начало десятого века, когда вырабатывалась долгосрочная программа преобразований и начиналась ее реализация. Абаоцзи подчинил своей власти различные племена и появилась альтернатива: объединение кочевых областей и внешнеполитическая экспансия. Второй вариант был предпочтителен и неизбежен. Для возникающего государства крайне важно было убрать многовековую опасность со стороны опасных соседей, особенно Китая. Кидани уже далеко продвинулись по пути складывания государственности и синизации. Они стали лидерами кочевого мира в борьбе с южным регионом и были уверены в поддержке остальных кочевников. Это было время, если так можно выразиться, чистой экзополитарности. На базе антикитаизма идет организация совместной экспансии кочевых племен, организация культуры и государственности, объединение региона и упрочение территориального организма при сохранении традиций. Кидани пытаются общегосударственную синкретическую идеологию, используя буддизм и сочетая различные варианты (бохайский, китайский, киданьский), но в основе ее четко прослеживается идея «семьи» (улус). Оформляется система Север — Юг.

Время правления Ши-цзуна — середина цикла — «золотой век», достижение «конца истории».

За этот период были заложены основы системы управления, правовой политики, системы образования, политики в области языка, исторической науки и др. Налицо «возрождение сверху», связанной с сознательной политикой императоров.

Trend завершается, и «правнуки» начинают новый цикл, «они сняли латы и шлемы в женских покоях». Это период правления «ленивых» правителей, «осень» киданьской истории и культуры — время сбора плодов и подведения итогов, время «тучных коров», за которым можно уже разглядеть период «тощих коров». Фактически заканчивается период экспансии и захвата «жизненного пространства», правители «сохраняют» доставшееся им «наследство». Этим правителям «повезло»: «благодаря длительному миру и огромному увеличению ежегодных подарков со стороны династии Сун были накоплены большие богатства». Это — время все же экзополитарной активности, но и медленной и болезненной трансформации «случайного» государства в империю. Экспансия на юг останавливается, т. к. империя Сун смогла отстоять самостоятельность своего региона. Кидани уже пытаются не захватить Юг, а «открыть» его для активной торговли, для чего совершают регулярные набеги на Китай подобные набегам русских на Царьград (Константинополь). Апофеозом этой политики станет Шаньюаньский договор 1004 г. Север становится малоинтересен киданям: Ляо – полуоседлое государство. Оно отходит от чистой кочевой экономики и «плывет» за счет седентаризации. Паразитический характер государства обусловил его перерождение в деспотическое, Ляо была «избавлена» от необходимости переходить до конца на интенсивный путь развития.

Именно в этот период намечается естественный перекос в сторону преобладания не национальной киданьской, а китайской культуры. Особенно «увлечение Китаем» и его рецептами для организации государственного аппарата и регулирования социальнополитических процессов заметно для правления Шэнцзуна (982-1031). Он предпринимает попытки изменить сложившиеся семейно-брачные нормы и привести киданьскую систему в соответствие с китайской системой конкубината, разграничив положение главной жены и наложниц, их детей. Но эта новая «китаизация» ограничивалась придворной средой, чиновничеством, городских жителей. Контакты большей части рядовых киданей оставались поверхностными и кратковременными. В результате увепротивостояние двух секторов культуры – киданьского и китайского, а также двух соответствующих «древностей». Киданьская культура не успела «выбрать» что-то одно или создать их непротиворечивый синтез.

Начинается период стагнации и спада. История государства киданей ничем в этом плане не отличается от истории дальневосточного мира в целом, для которого характерен циклический характер исторической эволюции.

В целом культуру Ляо можно рассматривать как сложное и в известной мере противоречивое сочетание культур племен и народов, населявших империю. С одной стороны, это естественный результат их совместного проживания на определенной территории, но, с другой, безусловное последствие сознательной культурной политики, проводившейся элитой государства. Именно это сочетание двух факторов и можно именовать киданьским «ренессансом», который не есть простой подъем культуры, а связан с особыми проблемами, с которыми столкнулось киданьское сообщество в начале X в. Ведущая роль при решении этих проблем отводилась культуре киданьских племен, безусловное доминирование которой определялось наличием и потребностями созданной ими империи.

Еще одной особенностью этого ренессанса было то, что осуществлялось также сложное и противоречивое взаимодействие с культурой метарегиона Восточная Азия в целом, представленной китайской культурой, переживавшей тоже ситуацию «возрождения». Влияние китайской культуры усиливалось не только благодаря наличию в империи Ляо большого количества китайцев, но и потому, что именно выработанная в течение многих веков китайская парадигма осваивалась киданями и активно приспосабливалась ими для своих нужд. Развитие ляоской культуры шло не по пути слепого подражания китайским формам и образцам, а по пути их переработки их в соответствии с собственно киданьскими традициями и требованиями времени и иной территории, что позволяет говорить о самобытности этой культуры и своем месте в концерте восточноазиатских культур.

Процесс образования империи и формирование общеимперской культуры не сводился к механическому соединению в одно целое разнородных элементов и не был процессом простого заимствования чужого культурного наследия. Это был сложный процесс синтеза различных культурных субстратов и традиций и их трансформации в новую культурную конструкцию, четко отличающую именно культуру киданьской империи. Проходящий под сознательным и энергичным контролем со стороны киданьского общества этот процесс преследовал реновационную по характеру

цель максимально бесконфликтного сочетания «древних» и современных культур региона и выработки оптимальной и вечной социокультурной модели. Параллельно этому шел и процесс складывания единого ляосского народа, что отразилось и на этническом самосознании народов, входящих в состав империи. Так, например, восставшие в 1029 г. бохайцы провозгласили не воссоздание прежнего своего государства, а объявили о создании государства Син Ляо.

Процесс сложения единого ляосского народа и формирование оригинальной киданьской социокультурной модели были прерваны чжурчженьским завоеванием, но культура Ляо нашла свое отражение не только в клонах киданьской империи (Бэй Ляо, Си Ляо), но и в культуре чжурчженьской и монгольской империй.

В итоге действительно можно говорить об особом «духе времени», который формирует «модель культуры». Иначе говоря, «Киданьский ренессанс» — это одновременно и эпоха, и тип культуры, и культурное движение.

Анализ киданьских и китайских исторических текстов позволяет сделать четкий вывод о том, что именно реновационный характер киданьской культуры способствовал достаточно массовому созданию культурных ценностей внутри государства, активному участию этих ценностей в создании и регламентации деятельности имперских социальных институтов, оказывал определенное влияние на темпы и направление развития народов и племен внутри страны, развитию международных коммуникаций, ретрансляции созданной в культурных центрах информации, цивилизационнокультурному экспансионизму и, в то же время, складыванию привлекательного «имиджа» имперской культуры для других народов, не только «соседних», но и отдаленных. Постепенно происходит ассимиляция «древней» культуры и создается «правильное» представление о ней. В культуре складываются единая картина истории, единая система времени, развитая символика. На практике обязательно наблюдается и характерное для любых ренессансов противостояние т. называемых «аристократической» и «народной» культур. Достаточно четко выделяется чиновная и культурная элита, генерирующая идеи развития, влиявшая на уникальность исторического развития киданей и их государств, отстаивающая самобытность и оригинальность киданьских культурных представлений и традиций и их близость, противопоставляя в чем-то их культурам остальных народов и особенно цивилизаций. О том, что в государстве возрастала потребность в грамотных и широко образованных людях, свидетельствует один из указов императора Муцзуна: «Всякого способного человека, которого можно употреблять на службе, приближайте и назначайте на должность, невзирая на разряд [чинов]! Состарившихся и ослабевших людей возвращайте домой [т. е. увольняйте со службы] и кормите их, выдавая жалование!». Одновременно налаживалась связь идеологии и психологии: идеология в той или иной степени уже была «рассыпана» в традициях, обычаях, языке, морали, способах мировосприятия и миропонимания, поэтому каждое общественное событие широко обсуждается во всем обществе.

Культурная деятельность элиты предопределила существование феномена киданьского ренессанса как крупного расцвета культуры, включающего диалектическое взаимодействие народной ментальности и таких сфер «высокой» культуры, как письменность, литература, право, философия истории. Предпосылкой стало уже само выделение династии. Род Елюй победил, ибо сделал акцент не на подчинении Китаю и не на борьбе с ним, а на строительстве своего мира («не хуже китайского»), но иного. Аналогия этому видится в «translation imperii romanorum» франками периода Каролингов. Как в Европе, так и в Восточной Азии «варвары» как бесписьменные народы берут на вооружение южную имперскую модель. Китай уже не может объединить всю зону и впервые после хунну выделяются новые претенденты — уйгуры, тюрки, кидани.

Кидани стали претендовать на превосходство своей культуры над другими. Апоки прямо заявил, что киданьское «не хуже китайского». Тем самым наносился мощный информационный удар по идеям Чжунго и Тянься. Не удивительно, что кидани стали проводить служебную культурную политику, по сути, направленную на смену синоцентризма на киданецентризм. Уже в танской культуре, например, в стихах Ду фу, виден четкий антикиданизм. В культуре и политике династии Сун дихотомия Север — Юг выходит на первый план. Это продлится до ХХ в., когда начнется борьба с Японией, потом с русскими как «северными варварами», в последнее время, похоже, со всем остальным миром, прежде всего с США, хотя это и принимает характер не противостояния, а соревнования.

На характер ренессанса не мог не повлиять и один из парадоксов киданьской культуры. В Европе «империи», например, классическая Каролингская, интравертны, замыкаются в границах, а «мировые» культуры, развивающиеся в них, экстравертны и агрессивны и стремятся распространиться на всю ойкумену. Киданьский ренессанс не нуждался в «возрождении» или стимулировании

какой-либо культуры или, напротив, сдерживании ее. Задача была в непротиворечивом синтезе восточноазиатской ментальности и имперской модели. То, что появилось в результате, стало быстро и широко известно за пределами государства. Ее понимали и потому, что в ней широко использованы ценности всей восточноазиатской культуры. Кочевая культура, особенно в пределах Восточной Азии, полностью законченная. Тюркам в тех регионах, куда они уходили, приходилось создавать синтезы с аврамическими культурами (ислам, православие, Румский султанат, Османская империя). Здесь такой необходимости не было, хотя ханьская интерпретация восточноазиатского культурного комплекса тоже была востребована.

О популярности этой модели свидетельствует уже то, что чжурчжэни практически полностью скопировали ее. Она развивалась в геометрической прогрессии, а социально-экономическая модель — в арифметической — отсюда и определенные противоречия между ними.

У ренессанса в соответствии с его задачами неизбежны этапы:

- 1) политическое объединение, когда оформляются необходимые политические идеи (империя, независимость, политическое равноправие);
- 2) экономическое объединение строительство городов, изучение ремесел, торговая война с Китаем, меркантилизм, протекционизм;
- 3) культурное объединение использование культурного опыта других стран, но с фильтрацией, приглашение учителей, разработка международного языка (киданьское письмо) и системы образования (Ханьлинь);
 - 4) юридическое закрепление.

Разумеется, речь идет об акцентировании на той или иной задаче, все эти процессы неизбежно идут на всем протяжении истории, сравнительно комплексно и полноценно. Культура — не набор «достижений», а программа. Экономика — форма взаимодействия с окружающей средой. Политика — соучастие в управлении пространством. Здесь не может быть дроби, а существует триединство, хотя нужно видеть одновременно, что это процесс со своими взлетами, падениями, зигзагами.

Культурная политика была узкой и элитарной. Мы не случайно судим о развитии ляоской культуры по примерам, связанным с деятельностью правительства. Это и предопределило эффект «безмолвствующего большинства», «темноты масс» для большинства населения. Однако стоит добавить, что речь идет не

только о простонародье, но и о средних слоях общества. Грамотность знати и аристократии не нужна, ибо они обучаются на конкретных примерах своих предшественников и родителей, усваивают соответствующие обычаи и традиции. Это обучение идет по принципу «делай, как я». «Знания» как владение не только традициями и навыками, но и письменного языка, литературы, права, текстов, рецептов иноземных элит нужны только тогда, кода решаются внеэкономические и надэтнические проблемы. При капитализме это связано и с городской экономикой. В те времена знания, с одной стороны, являются итогом развития ментальной культуры, но, с другой, в условиях многослойности и мультикультурности общества, ростом значения метарегиональных процессов, они пополняются за счет внешних культурных источников.

Кидани стали невольно, а при последних императорах и вполне осознанно, хотя оснований становилось все меньше и меньше, свысока смотреть на другие культуры. Если китайцев и тангутов они этим лишь поддразнивали, по отношению к западномонгольским и восточным регионам они проводили во многом экспансионистскую политику: ставили там свои гарнизоны, «просвещали», унижали мелкие этносы, добивались распространения своей юрисдикции и т. п.

Специфика развития киданьского языка и «литературы»

Ярким примером сознательной реновационной политики киданьских властей является создание в стране искусственного международного «киданьского» языка, действовавшего на этой территории ряд столетий в качестве «мирового языка», синтетического, впитавшего в себя в той или иной мере лексику и терминологию всех народов цивилизационной зоны.

В империи практически с самого начала складывалась сложная этнополитическая и языковая ситуация, одним из ярких проявлений которой было многообразие языков и диалектов, т. е. «вавилонизм» как явление разноязычия. Использование же китайского языка как «международного» приводило к излишней синизации культуры и общества. Все это и повлияло на формирование четкой и продуманной языковой политики киданьских властей, сознательного стремления к единому имперскому языку как коммуникативной системе, облегчающей общение в регионе.

У киданей «постепенно стала развиваться письменность и законы». И Захаров в предисловии к своему словарю писал: «Основываясь же на заметке в истории Суйской династии, что у восточных

племен: синь-ло и бо-цзи имеются письмена, похожие на китайские, можно делать и такое заключение, что попытки образовать из китайских начертаний слоговую азбуку для туземного языка едва ли не были делаемыми гораздо раньше киданей? Последние только окончательно усовершенствовали этого рода письмо» 46.

Одним из мероприятий, имевших принципиальное значение для складывания имперской культуры, и было изобретение собственной киданьской письменности. До 920 г. у киданей ее не было и, как сообщают китайские авторы, они делали зарубки на дереве. Некоторые представители правящей элиты, возможно, владели тюркской или китайской письменностью. С образованием государства растет потребность в распространении грамотности и письменности, прежде всего, для внутренних нужд.

Считается, что первым было изобретено так называемое «большое письмо». По данным династийной истории «Ляо ши» оно появилось в 920 г. (в день и-чжоу первого месяца весной пятого года Шэнь-цзе). К концу года уже вышел декрет об обязательном использовании письменности. По свидетельству же автора «Цидань го чжи» («Истории государства киданей») Е Лунли, оно было создано в 926 г., после покорения Бохайского государства. Составителями этого письма были Тулюйбу и племянник первого киданьского монарха Елюй Лубугу, которые для этой цели изобрели «письмена в количестве более трех тысяч знаков» (по другим сведениям, не более нескольких сотен), прототипом для которых послужили китайская и, вероятно, бохайская письменность. По свидетельству «Ляо ши» изобретение киданьского письма приписывается, естественно, самому основателю государства Елюй Абаоцзи (920 г.). Он действительно самостоятельно изучал китайский язык и безусловно инициировал создание письменности.

Большое киданьское письмо считалось утраченным. До 1922 г. было известно лишь 5 иероглифов, опубликованных еще Н. Я. Бичуриным в 1842 г. в работе «Статистическое описание Китайской империи», которые взял в китайском сочинении XIV в. В 1922 г. в усыпальнице Даоцзуна (1055–1100) были найдены стелы с киданьской письменностью. Попытка дешифровать 53 киданьских иероглифа была сделана китайскими учеными в 1933 г. В нашей стране активной работой по дешифровке киданьской письменно-

⁴⁶ Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. Предисловие. С. V.

сти занимались Л. Н. Рудов, В. С. Стариков, В. М. Наделяев, Э. В. Шавкунов, Г. Авакьянц.

Через уйгуров, своеобразных культурных посредников между Китаем и Западом, кидани познакомились и с образцами центрально-азиатской письменности и литературы. В 924 г. началась знаменитая экспедиция Абаоцзи в Западную Монголию, которая продолжалась до 4 месяца 925 г. В ее ходе культурный горизонт нового государства значительно расширился.

Первый киданьский правитель основательно укрепил границу, подчинил ряд племен, нанес поражение непокорным родам и выдавил их за пределы страны. Уже тогда Абаоцзи познакомился с письменными памятниками уйгуров, которые использовали и китайскую письменность и собственную, фонетическую. Вероятно, видя серьезную опасность для государства в виде конкуренции с уйгурской культурой, он пошел на жесткие меры. В частности, в уйгурской столице он приказал надписи на стеле уйгурского Бильге-кагана заменить на надписи на киданьском, тюркском и китайском языках. Из экспедиции 924 г. киданьская армия вывезла много каменных табличек и поместила их в собрание, где уже были тексты на киданьском, тюркском и китайском языках. Это была, по сути, первая киданьская библиотека. Уже в 925/926 гг. китайские полководцы захватили несколько документов на киданьском языке, которые не смогли прочесть.

В 4-м месяце 925 г. уйгуры прибыли ко двору с данью (ЛШ 2, 5 в). Императрица Шулюй была связана некоторыми родственными узами с уйгурами и понимала всю дипломатическую и политическую значимость этого выражения покорности для молодого киданьского государства, поэтому решила торжественно их принять. Тюркам и уйгурам разрешено было иметь свои кварталы в Верхней столице.

По свидетельству «Ляо ши» (цз. 64), общаясь в течение двадцати дней с уйгурскими послами, младший брат (или сын?) первого киданьского правителя Елюй Абаоцзи, по имени Елюй Тилаго (или Тела, Дэла по прозвищу Юньдухунь, очень «умный») сумел основательно ознакомиться с их разговорным языком и письменностью, после чего, при явном одобрении императора, создал свое собственное («малое») киданьское письмо, надписи на котором «встречались повсюду». Вероятно, это была фонетическая письменность, содержавшая сравнительно небольшое число знаков, которые при написании соединялись «наподобие связок монет» («число (знаков) небольшое, и можно соединять»). В нем было порядка 370 символов.

Есть, правда, мнение о том, что эта письменность была идеографической (Осада; Воробьев).

История развития киданьских письменностей и литературы позволяет сделать вывод о том, что мы имеем дело с довольно типичным для эпохи древности и средневековья явлением. В любом языке есть элементы сознательного отношения к языку, т. е. регулирование, нормирование и пр. В результате серии языковых реформ и сознательной языковой политики правительства эти элементы были усилены, и киданьский язык претерпел эволюцию от «этнического» («национального») к плановому как языку общирного региона, стал международным.

Графически киданьское письмо представляет собой видоизменение китайских иероглифов почерка *лишу*. Каждая графема состоит из нескольких простейших графических элементов, штрихов и точек, соответствующих простейшим составным частям китайских иероглифов. Строки в текстах располагаются вертикально и пишутся, как в древнекитайских текстах, справа налево.

При его создании сознательно был использован принцип автономизма (схематизма), когда международный язык строится по образцу и из материала естественных, в данном случае китайского, уйгурского, тюркского, тунгусских и др. В империи существовало не менее трех систем письменности (киданьская, китайская, бохайская). Особенно активно использовался китайский язык как «интернациональный» – ему кидани подражали, из него брали «термины», иероглифы, учения о языке. Более полно использовать его было небезопасно и сложно с технической точки зрения, ибо существует принципиальная разница между китайским и киданьским разговорным языком. Китайские иероглифы брались в качестве исходного прототипа, но они изрядно «упрощались» и в результате получались совершенно другие «изображения» (Ямадзи, Воробьев, Рудов, Бичурин). Более того, киданьский язык смог выработать свою систему обозначения даже для таких типично китайских понятий, как «бог», «мир», «космос» и др. Нечто подобное мы имеем в латинском языке, где вырабатывались свои эквиваленты.

Любопытно, что по свидетельству источников, он настолько отличался от иных языков, что многое в нем надо было просто заучивать наизусть (Цзинь ши, цз. 2). Рядом с официальной письменностью существовал и разговорный язык, который «ушел» гораздо раньше письменности после крушения государства. Существовало пять видов киданьского письма: стандартный, скоропись, «чиновничий», стилизованный печатный, упрощенный. Возможно, киданьский язык употреблялся и в бытовой жизни.

Создание киданьской письменности было не просто важным событием в истории государства, оно продемонстрировало зрелость киданьской культуры. Именно этот факт чаще всего служил критерием величия государства Ляо. Ни одно из писем не дошло в первоначальной форме, что говорит о том, что оно жило и развивалось.

Даже не полное до сих пор изучение киданьского языка и письменности позволяет сделать вывод о том, что он в эпоху Ляо достиг настолько высокого уровня, что играл роль некоей «лингвистической арматуры» в сложной общественной, экономической и культурной жизни киданей и их «мира». Он выработал свой собственный набор необходимых для этих областей терминов, имел сложный и многогранный словарный состав, достаточно далеко отошел от терминологической простоты предшествующих ему языков и диалектов. Наличие слов и выражений из соседних языков и даже языковых семей свидетельствует не только об активных культурных и языковых контактах в Восточной Азии (даже корейские юноши в большом количестве ездили в 995 г. в империю изучать киданьский язык), но и о сознательной политике киданьских чиновников и правителей по созданию синкретической языковой структуры, которая должна была отражать наличие в империи и в дальневосточном культурном регионе в целом синкретизма экономического, политического и культурного.

Некоторое время киданьский язык играл роль «вспомогательного языка» как побочного средства общения, не предназначенного для замены национальных языков в чжурчжэньской империи Цзинь. Агуда во время войны с ляо приказывал беречь литературу и грамотных людей.

Чжурчжэни использовали киданьскую письменность еще во времена правления императора Чжан-цзуна (1190-1201). Киданьское письмо использовалось чжурчжэнями при сношении с соседями. Некоторые киданьские чиновники (Ян Пу) обучали киданьской грамоте членов царского рода. Киданьские письмена были частично использованы чжурчжэнями при создании собстписьменности. равная другим венной Как киданьская письменность имела хождение в Цзинь даже в 70-х гг. XII в. Чжурчжэни использовали оба киданьских письма, даже параллельно своим («большому» с 1119 и «малому» с 1138). В целом оба киданьских письма просуществовали до 1191 г. Вряд ли можно говорить и о полном исчезновении киданьского языка: современные дагуры считают себя прямыми потомками киданей. Носители дагурского (даурского, дахурского) языка живут в провинции Хэйлунцзян (г. Цицикар и окрестные уезды — центр исторической Маньчжурии), в Хулунбуирском аймаке автономного района Внутренняя Монголия на северо-востоке КНР и в уезде Чугучак Синьцзян-Уйгурского автономного района на крайнем северо-западе. По переписи 1990 г. их численность составляет ок. 121 тыс. человек, из них ок. 85 тыс. владеют дагурским языком. Обнаруженная западнокиданьская банкнота была написана малым письмом.

В итоге мы наблюдаем внешне достаточно уникальный случай сосуществования двух письменностей в рамках одного государства, однако, эта уникальность лишь кажущаяся. Наличие нескольких языков и письменностей характерна для многих средневековых цивилизации. К тому же, как уже говорилось, государство Ляо находилось в особом районе («Цидань», «Катай»). С глубокой древности это была зона контактов различных цивилизационных потоков. В этом плане ее можно рассматривать как историко-культурный феномен, из древнейших один цивилизации. Зона состояла из двух тесно связанных друг с другом территорий, занятых тюркскими и монгольскими племенами, и располагавшихся от Трансоксании на западе до российского Приморья на востоке. Это была зона необычайно активного этническопоэтому проблемы происхождения смешения, то восточноазиатских народов трудно решать до сих пор. В период существования государств киданей, чжурчжэней и кара-китаев медленно шла интеграция различных племенных объединений и окончательное оформление зоны, что, по сути, стало первой стадией вычленения будущей «Монголии».

Еще в период Ляо (X—XII вв.) происходило дисперсное расселение киданей и подчиненных им племен на территорию Центральной и Средней Азии, где проживало обширное тюркоязычное и ираноязычное население. Обоснованным кажется вывод о том, что «период господства киданей в Центральной Азии способствовал сближению оставшихся там тюркских племен с монгольскими и подготовил почву для формирования этих разнообразных племен в единую народность». «Кочевые империи» Ляо, Си Ляо и Цзинь, объединяя контактную зону, стали своеобразным буфером между кочевыми и оседлыми народами.

Можно предположить, что, поскольку в этой зоне встречались принципиально разные цивилизации (степная, восточноазиатская и тюркско-мусульманская), единой письменности было мало, и мы имеем дело с двумя ее весьма оригинальными вариан-

тами. Сами кидани так или иначе тяготели к восточноазиатской зоне, хотя и сохраняли сущностные связи со степной цивилизацией. В Северном правительстве существовало управление Великого Писца, который отвечал за «литературные дела» племенной администрации, а в южном правительстве — главного писца южной Академии ханьлинь (киданьской и китайской письменности). Первым на новом языке был составлен словарь киданьских племенных названий («несколько тысяч иероглифов»). 116 цзюань (глава) «Ляо ши» содержит словарь из примерно сотни слов, где в основном представлены названия племен. Это сделали кидани вместе с несколькими китайцами. Позднее они стали писцами и были назначены наблюдателями над национальной историографией. Именно поэтому за основу были взяты китайские иероглифы, но были существенные отличия в этих «письмах» во многом другом.

Он был, прежде всего, литературным. Можно сказать, что излишняя «забота» о языке ограничивала возможности его свободного развития и тем самым давался дополнительный стимул для развития иных языков. На наш взгляд, именно изрядная доля «искусственности» киданьской письменности определяла такие особенности этой литературы, как узость распространения, элитарность, идеологизированность, служебный характер и др. Именно «искусственный» характер письменности привел к исчезновению этого языка после крушения империи Ляо.

Нам не случайно гораздо больше известно о «большом» письме, а не «малом», хотя оно и было довольно широко распространено в своем регионе. Западнокиданьская банкнота, возможна, была составлена на малом письме.

Киданьское государство представляло собой соперника Китайской империи, по-своему соревновалось с ним как с лидером восточноазиатского «мира», как когда-то СССР «догонял» США. Именно поэтому «Ляо ши» скрупулезно регистрирует все особенности и проблемы развития империи Ляо. Она посвящена внутренним проблемам, а внешние рассматривает практически только в связи с Китаем. Киданьское «малое» письмо использовалось, видимо, в основном для внешних нужд и нужд управления, финансов и канцелярии.

Большое письмо не случайно было создано первым, ибо уже на первом этапе своего развития (907–947) государство киданей и во внешней политике, и в области государственного строительства было ориентировано на Китай, ему подражало и с ним боролось. Китай (особенно в период империи Сун) был лидером региона и главным идейным конкурентом Ляо. Поэтому-то в большом

письме больше китайской лексики, а также монгольской и тунгусоманьчжурской. В малом их меньше, но зато больше тюркской лексики. Это был явно не разговорный, а государственноканцелярский язык, делавший акцент на необходимой терминологии. В то же время стоит отметить, что большое киданьское письмо было не изобретено, а создано, т. е. у него была основа в виде общеупотребительного разговорного киданьского языка. Именно это сложное сочетание разнородных языковых компонентов и объясняет тот факт, что самые различные авторы (Ремюза, Пельо, Франке, Будберг, Витфогель, Фэн Цзяшэн, Стариков, Викторова, Гумилев) не могут однозначно отнести киданьский язык ни к тунгусо-маньчжурским диалектам, ни к монгольским или тюркским языкам. Он действительно был своеобразной смесью этих языков.

Считается, что письма различались степенью сложности элементов, входящих в иероглифы. Иначе говоря, большое письмо как более «сложное» было ориентировано на южные районы Ляо и Китай. Киданьские, как впоследствии и чжурженьские, и собственно китайские историки в той или иной степени поддерживали имидж Ляо как китаеязычного государства. Малое было предназначено для Запада, где китайский язык менее известен, но все же еще не был полностью забыт с тех пор, как Китай потерял возможность контролировать районы современного Казахстана и Средней Азии. Можно сказать, что был известен скорее уже не сам язык, а китайская культура в виде номенклатуры понятий, терминов, фактов, имен, традиций и др. Да и кидани Запад не забывали — часто уходили туда целыми родами. Одной из причин того, что малое письмо не было широко распространено в западных районах страны, было достаточно хорошее знакомство киданей с тюркским языком и то, что кидани проживали в тех районах довольно компактно в виде некоего анклава.

Кидани ни до образования западнокиданьского государства, ни во время его существования (1125-1218) не изменяли социальные и политические институты в этих районах. В свое время уйгуры (VIII-IX вв.), а до них восточные тюрки (VI-VII вв.) контролировали большую часть Монголии и создали на основе сложившихся традиционных этнополитических структур достаточно устойчивую систему управления. Поэтому кидани своей задачей и поставили распространение в первую очередь культуры. Одной из основ ее и стала «малая» киданьская письменность. Она не получила широкого распространения в Ляо в целом, но на Западе действовала активно. Елюй Даши, создавший государство Западное Ляо, знал оба

письма. Связь Ляо и Запада Монголии нашла отражение и в существовавшем в империи бицефализме двух правящих родов — киданьского Елюй и уйгурского Сяо. Поэтому и бежавшего после разгрома Ляо на запад принца Елюй Даши приняли, ведь он был в той или иной степени родственником уйгурам. Он фактически сам об этом заявил, объявив себя связанным родственными узами (в восьмом колене) с первым киданьским правителем Абаоцзи и его женой Шулюй.

По мере усиления исламизации Средней Азии Западная Монголия превращалась в анклав, теряющий связи с Ляо. Именно с целью восстановить этнические связи с метрополией кидани сознательно переселяли на границу с Сибирью и Западом семьи с востока, прежде всего из центральных областей (не китайцев!), т. е. проводили насильственную монголизацию фронтира. Это было и в интересах живших там племен. Кидани не уходили из этой зоны и племена тянулись к Ляо, как потом пытались тянуться к чжурчжэньской империи Цзинь, но чжурчжэни уже основное внимание уделяли южным оседлым областям. Западная Монголия была представлена сама себе и племена вынуждены были сами создавать свою государственность. Так они и взрастили Чингисхана.

О связи и даже своеобразной ориентации киданьского письма на запад свидетельствует и ряд фактов. Так, по сообщению «Инцзянь би чжи», сунский посол Хун Май, ездивший к киданям, наблюдал, как киданьские школьники изучают китайский язык. Они при переводе с китайского языка на киданьский «переворачивали» структуру переводимого предложения. Можно предположить, что в киданьском языке определения обязательно предшествовали определяемым подлежащим, а глаголы-сказуемые всегда размещались в конце предложения. Эта система, таким образом, типична для синтаксиса алтайских языков (Стариков В. С., Виттфогель К. А., Фэн Цзяшэн). В киданьском языке происходило сочетание уже киданьских и тюркских и монгольских слогов, а не китайских.

Таким образом, можно выделить несколько языковых зон в империи Ляо, которые создают своеобразный крест. «По вертикали» выделяются три зоны. В южных районах (китайский фронтир) проживали китайцы и китаизированные кидани (хань эр) и наблюдалось преобладание китайского языка. В центре, на собственно имперских землях, осуществлялось искусственное смешение этносов, социальных групп, культур и языков. В определенном смысле эта «искусственная» зона была наименее жизнеспособной. У нее не

было необходимой гармонии с другими зонами, которые были очень оригинальны в языковом, культурном и экономическом отношениях и ощутимо связаны с другими цивилизационными зонами (Китай, исламские регионы, Сибирь). Собственно киданьские племена фактически были оттеснены на север (будущую монголобурятскую зону), где господствовала кочевая экономика и проживала старая родовая знать. Именно здесь целый ряд киданьских родов впоследствии легко растворился среди местного населения. «По горизонтали» можно выделить западномонгольскую зону и связанную с ней туркестанскую диаспору, центральную имперскую и тунгусоманьчжурскую. Восточные районы (Восточная Монголия и Маньчжурия), зона полу-лесов и полу-степей, хотя и находились в сложных отношениях с Китаем и его культурой, все же испытывали гораздо большее языковое и культурное влияние Китая, чем западномонгольская зона и туркестанский анклав, где оседали вытесненные из Монголии роды и племена. В итоге «варварские зоны» (периферия) окружали центральную зону с трех сторон, и именно на них фактически ориентировалась «малое» киданьское письмо. Какое-то время, в период существования киданьских империй Ляо и Си Ляо (907-1218), оно был той письменностью, которая связывала друг с другом кочевников монгольского и тюркского миров. Впоследствии, по мере широкого распространения тюркского языка на Западе и создания монгольской письменности при Чингизидах, его существование окончательно потеряло смысл. «Большое письмо» же не выдержало конкуренции со стороны китайского языка и чжурчжэньской письменности.

Можно сделать уверенный вывод о том, что киданьский язык ориентировался на монгольский и тюркский миры и с их исчезновением не только сошел сам с культурной сцены, но ушла и сама парадигма «изобретения» регионального искусственного языка на основе лексики различных народов Восточной Азии. Победил в качестве «мирового» китайский язык, пустивший достаточно глубокие корни в культуре окружающих Китай народов.

Одним из важнейших свидетельств огромной общественной роли киданьских письменностей является наличие богатой литературы на них. Если в додинастийный период литература практически не развивалась (по крайней мере, о киданьской прозе и поэзии ничего неизвестно), то сейчас она стремительно развивается. Литература эта была рождена сложными процессами, происходившими в те годы в общественной и культурной жизни на широких просторах и всей Восточной Азии и в этом плане кидань-

ский ренессанс одновременно является неотъемлемой частью культурных процессов всего метарегиона.

Появление и распространение книги является одним из ярких признаков усложнения социально-политической жизни общества, перехода на стадию государство – и классообразования, оформления иерархической структуры общества и государства, складывания единого культурного пространства в региональном масштабе. Данное утверждение применимо и при анализе культурной истории такой типичной кочевой империи как киданьская империя Ляо (907-1125). Киданьские племена не только объединились в рамках самой могущественной державы Восточной Азии того времени и «заставили мир дрожать», но и, используя достижения китайцев и покоренных народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира. Давно уже отмечено (П. Пелльо, Н. В. Кюнер, Л. Лигети, Л. Н. Рудов, Л.И.Думан, В.С.Стариков, К.А.Виттфогель, Фэн Цзяшэн, Д. Тамура, Ю. Кобаяси), что киданьские литературные произведения являются наиболее ранними образцами монголо-язычной литературы. Расцвет киданьского государства обусловил рост потребности в письменном и печатном слове.

Особое значение литературы и письменности – один из признаков «ренессанса». Культуру в целом можно назвать своеобразной программой достижения некоей «цели», а она определяется базовой идеей или «словом». Можно говорить о наличии «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и, в то же время, являлось для народа «сдерживающей силой» от преступлений. Расцвет киданьского государства обусловил рост потребности в письменном и печатном слове. Литература в империи Ляо развивалась как на киданьском, так и на китайском языках. Сведения о ней крайне скудны и в источниках, как правило, упоминаются лишь авторы, принадлежавшие к верхушке общества. Можно предположить, что новые проблемы, вставшие перед киданьским обществом, решались именно чиновничьей и интеллектуальной элитой. Инициаторами, переводчикаи основными читателями подобной литературы были представители этнической верхушки, более других знакомые с китайским и киданьским языками и более других усвоившие эстетические воззрения и литературные вкусы китайцев. Неудивительно, что и создавалась эта литература в самых разных формах. Все известные литераторы принадлежали, как правило, к правящим родам Елюй и Сяо.

Сведения о киданьской литературе, оригинальной и переводной, киданьских писателях, поэтах и поэтессах, коллекциях книг и библиотеках, разбросаны в исторических сочинениях на китайском (Ляо ши, Цидань го чжи, династийные истории и др.) и маньчжурском (Дайляо гуруни судури) языках.

Книжное дело в киданьской империи сложилось не сразу. Первоначальное знакомство киданей с литературными сочинениями состоялось еще в первые годы существования государства.

Китайские полководцы не раз захватывали документы, написанные на киданьском языке, и не сразу научились читать их. Из экспедиции 924 г. киданьская армия вывезла много каменных табличек и поместила их в собрание, где уже были тексты на киданьском, тюркском и китайском языках. Это была, по сути, первая киданьская библиотека. Захват большого количества книг во время походов и требование их посылки свидетельствуют о раннем складывании государственного подхода к вопросам культуры и просвещения и сохранении его на всем протяжении существования династии. По повелению Абаоцзи вскоре был составлен киданьско-китайский словарь киданьских племенных имен и названий. Впоследствии киданьским монахом был составлен общирный словарь в 20 тысяч слов, которым пользовались в Ляо и в Китае. Уйгурские миссии посетили новое государство в 924/925 годах.

Литература в империи Ляо развивалась как на киданьском, так и на китайском языках. Сведения о ней крайне скудны и в источниках, как правило, упоминаются лишь авторы, принадлежавшие к верхушке общества. Можно предположить, что новые проблемы, вставшие перед киданьским обществом, решались именно чиновничьей и интеллектуальной элитой. В пользу этого свидетельствует и понимание литературы на средневековом Востоке, когда к ней причислялись самые разные сочинения: собственно литературные, эпиграфические, государственно-канцелярские, биографические, исторические и т. п. Питательной почвой, на которой развивалась такая литература, явилась традиция, о которой упоминает Рашид ад-Дин (XIV в.): «...обычай монголов таков, что они хранят родословие (своих) предков и учат и наставляют в (знании) родословия (насар) каждого появившегося на свет ребенка». По этой причине уже «в давние времена у монголов был обычай большинство посланий передавать искусно рифмованной и иносказательной речью». Уже по приказу Абаоцзи возводится триумфальная каменная арка с «пометами» о его заслугах и добродетелях, потом появляется еще ряд таких памятников. Известны также памятники в честь других императоров и императриц; часто эти тексты написаны стихами. Пространные прозаическо-поэтические эпитафии содержат стелы императоров Ибугиня и Нелиня и двух императриц в подземных мавзолеях возле Цаган Субурга во Внутренней Монголии.

Все известные литераторы принадлежали, как правило, к правящим родам Елюй и Сяо. Преемник Абаоцзи, император Дэгуан (Тайцзун) в 935 году посетил буддийский храм и, вспоминая о своих родных, «собственноручно создал сочинение и написал его на стене, чтобы выразить во всей полноте свои чувства к ним. Читавшие его исполнились сочувствием». Широко образованным человеком был старший сын Абаоцзи, дунданьский князь Елюй Бэй (Туюй), который «хорошо разбирался в натурфилософии, знал музыку, врачевание, писал сочинения на китайском и киданьском языках, перевел на киданьский язык даосскую книгу Иньфуцзин». Нарисованные им картины («Стреляющий всадник», «Всадники, охотящиеся на снегу», «Тысяча оленей») хранились при дворе сунского императора. Как писал китайский автор, «чувства его печальны и тревожны; его краткий, но насыщенный мыслями язык соответствует стремлениям изысканного человека». Он «не любил заниматься охотой», зато «любил читать книги», особенно китайские, был страстным коллекционером. Будучи правителем государства Дундань, «он приказал собрать слитки золота и тайно поехал в Ючжо для покупки книг», которых приобрел «в количестве нескольких десятков тысяч цзюаней». Они составили основу библиотеки Ванхайтан («Любования морем»), устроенной на горе Иулюй. В этой библиотеке были такие китайские сочинения, которые в самом Китае считались утраченными. Все эти книги он увез с собой во время бегства на территорию государства Поздняя Тан. О хорошем знакомстве Туюя с китайской литературой свидетельствует его разговор с китайским послом Яо Кунем, в котором он ссылался на «Цзо чжуань» ученика Конфуция Цзо Цзюмина. Большой популярностью в Китае пользовался его сборник «Парк». Туюй собрал десять тысяч цзюаней книг. Занимался магией, разбирался в музыке, медицине, акупунктуре.

Император Вэньшуху (Шэнцзун, 982—1031) «с детства (был) привержен к книгам, с десяти лет умел сочинять сы», т. е. сочинения в стихах, лично перевел на киданьский язык «Сатирический сборник» китайского поэта Бо Цзюйи (771—846). Ему приписывали свыше 500 стихотворений. Шэнцзун часто устраивал поэтические состязания, для которых лично подбирал темы. Обладал незаурядным

поэтическим даром и «зачастую дарил своим приближенным собственноручно написанные поэмы» император Ибугин (Син-цзун, 1031—1055). Его приближенный Сяо Ханьцзяну помогал ему писать сочинение по проблемам административного управления. По приказу Синцзуна Сяо Ханьцзяну вместе с Елюй Шучэном написал историю киданей со времени кагана Яонянь до 1032 г. «Воспоминания о делах минувших государств» (с VIII по XI вв.). Он же написал книгу «Об этикете», сделал перевод на киданьский язык истории периода Пяти Династий и Десяти Царств (907—960). Непривычными для императора выразил свои чувства как-то император Нелинь (Даоцзун, 1055—1101): «Когда бы был человек, знающий меня, он сказал бы: сердце страдает. Когда бы был человек, не знающий меня, он сказал бы: чего добиваешься?»

Известные литераторы имелись и среди родственников императоров и их приближенных: во время правления Шэн-цзуна поэт Елюй Цзыжун, при Син-цзуне писатель и поэт Елюй Шучэн, его сын Елюй Пулу и брат Елюй Шучжэнь, писавший замечательные эссе, писатели Елюй Ханьлю и Елюй Манцзянь (при Нелине – Дао-цзуне). Старший сын основателя киданьского государства Елюй Бэй (Туюй) любил китайскую литературу и был незаурядным писателем. Один из китайских авторов писал о нем: «Чувства его печальны и тревожны; его краткий, но насыщенный мыслями язык соответствует стремлениям изысканного человека». Сборник «Парк» его сына Елюй Лун-сяня получил широкое распространение в Китае. При Даоцзуне писала свои сочинения красавица Чанго из рода Елюй, давшая обет безбрачия и обучавшаяся по книгам. В одном из своих сочинений об управлении государством она советует управлять страной справедливо, призывает к добродетели, воздержанию от расточительства и безрассудства. Эта книга свидетельствует о развитии философии в Ляо. Чанго упоминает шесть первооснов, т. е. к традиционным пяти первоосновам (вода, огонь, металл, дерево, земля) она добавляет шестую – хлеб. Одаренной поэтессой была императрица Гуань Инь из рода Сяо (посмертное имя — Сюань-и), написавшая несколько поэм и од (поэма «Убежище сожаления», написанная после потери расположения своего мужа, ода «Десять ароматов», полная фривольных выражений и намеков и послужившая доказательством обвинения ее в любовной связи с придворным музыкантом и актером Чжао Вэйи, ода «Пресекшаяся жизнь», написанная перед тем, как она по приказу императора совершила самоубийство). «Хорошо писала песни и стихи» жена последнего киданьского императора Яньнина (Тяньцзо) Долилань, в которых даже давала «мудрые советы» о спасении империи: Не вздыхайте, что на границах темно от поднятой пыли, / Не скорбите, что нюйчжени причиняют многочисленные бедствия / Лучше преградите дорогу коварным и выберите мудрых чиновников. Источники сообщают и о других литераторах, в том числе некиданьского происхождения. Так, чиновник Поздней Цзиньской династии Ли Хуан, перешедший к киданям и ставший у них академиком, написал «Малый сборник годов правления Ин-ли (951–967) Муцзуна». Хорошо был знаком с киданьской и китайской письменностью и основатель западнокиданьского государства Си Ляо (1128-1218) Елюй Даши. Выдающийся государственный деятель, поэт и министр Чингисхана и его преемника Угэдэя Елюй Чуцай (1189-1243) во время пребывания в государстве каракитаев изучил язык своих предков и перевел на китайский язык киданьскую поэму (озаглавил ее по-китайски «Цзуй и гэ» — «Песни во хмелю»), достоинства которой сравнивал с сочинениями крупнейших китайских поэтов сунского времени Су Ши и Хуан Тинцзяня.

У киданьских сановников были свои домашние библиотеки.

Киданьские писатели и деятели просвещения занимали видное место в литературной жизни империи Цзинь: Хань Фан, Ху Ли, Ван Шу, Вэй Даомин, Цзо Цигун, Юй Чжунвэнь и др. Хань Фан родился в одном из округов Яньцзина, был членом Ханьлинь, известен как писатель и редактор указов.

Необходимым условием для развития книжного дела является наличие удобного материала для письма и печатания. Такой материал — бумага — был давно известен в странах Центральной Азии и Дальнего Востока. Ко времени изобретения книгопечатания она была уже достаточно широко распространена. Прежде всего, надо отметить, что в большом почете у киданей было искусство каллиграфии. Еще в 930 г. император Дэгуан (Тайцзун) и старший сын первого правителя Туюй демонстрировали это искусство вдовствующей императрице.

Однако особенность истории книги у монголо-язычных племен заключается в том, что они практически с самого начала имеют дело с книгопечатанием. Именно во времена киданей, можно сказать, и начинается история книгопечатания монгольских народов. И здесь кидани опирались на китайский опыт. В 938 г. китайцы прислали советников и церемониальное снаряжение для проведения процедуры инвеституры императора и принятия китайского названия династии Ляо. Среди советников был и Фэн Дао (881—954), считавшийся конфуцианцами изобретателем

книгопечатания. Он первым использовал деревянные блоки для печатания классических сочинений.

Собственнокиданьское книгопечатание возникает к началу XI века. Они широко экспортируют бумагу, производят ее самостоятельно. Благодаря этому активно развивалась ксилография. В правление императора Синцзуна кидани ксилографировали «Ганжур». Этим занималась особая группа чиновников и писцов, поэтому можно говорить о первом появлении некоего подобия издательства на территории Монголии. Объем литературы, созданной в государстве Ляо, не поддается точному подсчету ни по числу названий, ни по тиражам изданий. Не всегда ясно, какие сочинения только созданы, а какие еще и напечатаны. Можно подметить любопытную тенденцию: постепенно переводы перестают быть почти единственным видом деятельности, и заметно повышается доля творческого вклада. Число некитайских авторов начинает превышать численность китайских писателей и составителей, но точную цифру назвать невозможно. Научные и литературные произведения, — как правило, творческие, здесь переводы становятся все более и более редкими. Нужно учитывать также и то, что многие киданьские авторы неплохо владели китайским языком и даже предпочитали свои мысли излагать на нем. Китайская литература дала киданям многое: разработанную терминологию, литературные средства, образы и даже часто сами темы. Судя по «Сун ши», кидани активно закупали книги в Китае. Из похода в Китай в 947 г. кидани в составе захваченной добычи привезли и большое количество карт и книг, в том числе по медицине, астрологии, астрономии, «высеченные в камне» сочинения китайских классиков (например, «Шицзин»), созданные при династиях Поздняя Тан, Поздняя Цзинь, Поздняя Хань и Поздняя Чжоу. Во время церемонии принятия нового наименования государства Великое Ляо (947 г.) из Китая в числе даров были представлены «Классики, высеченные в камне». В киданьском государстве читались не только «Цзы вэнь» («Букварь»), но также династийные истории, военные классики («Сунь-цзы», «У-цзы»). В 1074 г. в соответствии с императорским указом были опубликованы «Ши цзи» и «Хань шу». Особенно хорошо были представлены китайские исторические сочинения. Когда император Синцзун в 1046 г. издал указ о переводе китайских сочинений, Сяо Ханьцзяну, «желая дать императору сведения об успехах и неудачах прошлого и настоящего», прежде всего перевел «Тун ли» («Хронологический обзор») танского историографа Ма Цзуна, написанный У Цзином (670-749) диалог танского императора Тайцзуна и его придворных об управлении «Чжэн гуань чжэн яо» («Правильный обзор истинных законов») и первоначальную версию истории Пяти Династий «У дай ши».

Привлекло внимание киданьских императоров и китайское право, которое представляло самую мощную на Дальнем и Среднем Востоке правовую традицию. В киданьской юридической практике широко используется, переводится и комментируется «Тан люй шу и» («Уголовный кодекс Тан с комментариями и разъяснениями»).

Переводились на киданьский язык и некоторые китайские медицинские сочинения. Так, Елюй Шучэн, знаток китайского и киданьского языков, перевел в 30-х годах XI века с китайского языка медицинский трактат.

Следуя китайскому образцу, кидани издавали сборники сочинений императоров. Так, киданьский чиновник Елюй Лян издал «Цин нин цзи» императора Даоцзуна.

В целом, можно сказать, что в стране проводилась осознанная и целенаправленная политика по сбору, поискам и копированию книг. Особый указ императора Цзин-цзуна об этом вышел в 1064 г. Им предписывалось не только искать книги, отсутствующие в национальной библиотеке Гэ-вэнь. По мере складывания централизованного государства книжная политика все больше и больше монополизировалась центральной властью. В 1064 г. была запрещена частная издательская деятельность. Кара за ослушание была более суровой, чем в Китае: ослушник наказывался смертной казнью, особенно если речь шла об экспорте книг в Сун. Эта мера была своеобразным ответом на принятый еще в 1006 г. сунский приказ о запрете продажи книг за границу за исключением «Девяти классических сочинений». Оба эти указы постоянно нарушались, особенно киданями. В 1036 г. сунский чиновник Цай Цзин написал посвященную китайским чиновникам поэму под названием «Сы сянь и бусяо» («Четыре таланта и одна непочтительность»). Она была тайно приобретена киданьским послом и, когда в 1059 г. китайский посол Чжан Чжун-юн прибыл в Ляо, то обнаружил текст этой поэмы прямо на стене дома. Корейский посол Мун Гун-ин в качестве взятки киданьским сановникам представил книги, что стали делать после него многие иностранцы.

Постепенно киданьская книга начинает пользоваться большой популярностью за пределами страны и ее покупают или выменивают соседи. Так, в 1012 г. чжурчжэньское племя тели выменяло у киданей копии китайских классических сочинений. Их

послу были вручены «Книга перемен», «Анналы Весны и Осени» и др. тексты. В 1120 г. в Средней столице Ляо чжурчжэнями было захвачено большое количество книг и карт, чем они были весьма довольны. Пока, однако, ни одна книга на киданьском языке не известна специалистам, что было связано с запретом под страхом смертной казни вывозить книги за пределы страны. Но известен целый ряд книг (около 200), вышедших в Ляо и написанных на китайском языке. Такие книги экспортировать не запрещалось. Среди них трехтомный словарь «Лун кань шоу цзин» (36450 знаков), составленный киданьским монахом Син-цзюнем. Предисловие к нему монаха Чжи-гуана датируется 997 г. Возможно, это было первое издание, а второе вышло в 1043 г. (К. Т. Ву, А. П. Терентьев-Катанский). Китайцами он был куплен у киданьского пленника и во второй половине XII в. издан в третий раз чиновником г. Ханчжоу Пу Цзунмэном.

На протяжении всей истории написание книг и изготовление печатных досок очень часто было сосредоточено в буддийских монастырях. В стране проводилась огромная работа по редактированию и изданию буддийских текстов, что, вероятно, было связано с существованием различных сект. Киданьские императоры, заинтересованные в укреплении позиций буддизма, лично контролировали издательскую деятельность. К ней были привлечены лучшие специалисты. Даже сунские буддисты вынуждены были признать превосходство ляоских изданий над своими.

Между 1031 г. и 1064 г. по распоряжению императора и при непосредственном участии буддийских монахов была издана вся Трипитака. Как сообщает китайский монах Ми-ань, она была отпечатана на тонкой бумаге маленькими знаками и состояла почти из тысячи томов. Таким образом, кидани оказались первыми, кто выпустил критическое издание буддийского канона. В XIII в. корейские ученые, продолжившие работу над критическим изучением буддийских книг, именно киданьское издание предпочли сунским и предыдущим корейским. Японцы также предпочитали ляоские тексты всем прочим. Киданьская надпись сообщает, что род Елюй владел большим количеством буддийских сутр (5.048). В руках частных лиц находились обширные коллекции буддийских сутр. Они поступали из сопредельных стран. В 1067 г. буддийскую «Сутру просвещения» на санскрите предоставили тангуты.

Киданьская книга не всегда поддается классификации по признаку жанра. Различные элементы (стихотворные, прозаиче-

ские, лирические, эпические) часто представлены в ней в нерасчлененном виде.

На территории Ляо существовали и библиотеки. Национальная библиотека Гэ-вэнь была основана в 1054 г. Она была основана по образцу сунской библиотеки Лун-ту гэ для хранения и работы с императорскими сочинениями. Существовали также библиотеки Гуань-вэнь и Чжао Гуань-вэнь. Их штат состоял из большого количества ученых, корректоров и «ревизоров». Так, в «Ляо ши» (цз. 47) перечисляются заведения, аналогичные тем, которые при танской династии в Китае служили в качестве библиотек и центров изучения литературы.

Развитие книжного дела непосредственно сказывалось и на эволюции и характере просвещения. Знание литературы в киданьской империи со временем становится обязательным при сдаче экзаменов на степень цзинь-ши. В 1025 г. Шэнцзун приказал собравшимся в Южной столице 72 соискателям степени «сочинить поэмы, чтобы их можно было различить по степени способности». 14 человек были назначены корректорами к наследнику престола, а остальные 58 попали в библиотеку Чжао Гуань-вэнь. По «Цидань го чжи», «темы экзаменационных работ делились на два раздела: стихи и оды и сочинения по классическим книгам. При императоре Шэн-цзуне ученые отбирались, держа экзамен только на знание поэзии и законов. Поэзия считалась основным предметом, а законы — второстепенными». В 1056 г. специальным императорским декретом Даоцзуна были учреждены школы для «подготовки ученых людей и разъяснения Пяти Классических сочинений». За разъяснениями к таким специалистам не стеснялись обращаться и императоры (Даоцзун, Тяньцзо). Широкое распространение получают комментарии к классическим книгам в просветительских целях.

Недолговечность империи и сложность процесса трансформации родоплеменного кочевого мира в иерархизованное общество препятствовали широкому распространению «ученой культуры» даже среди представителей киданьской знати. Литературные занятия пользовались огромным уважением и поощрялись на южных территориях государства, где проживали преимущественно китайцы и хань-эр, но в северных областях изрядная доля киданьской знати до конца династии смотрела на чтение книг с подозрением. Эти нобили кичились своим искусством верховой езды и стрельбы из лука. Образованность и знания были необходимы для управления страной и кидани прекрасно это понимали, но не любили грамотных людей. Так, искусного предсказателя

недолюбливали за его страсть к собиранию книг и чиновническую деятельность. В самом конце династии один из сыновей императора Ао Луво скрыл от киданьских сановников, что его собственный слуга читал какую-то книгу, хотя должен был пожаловаться на него. Можно смело утверждать, что киданьские литература и книжное дело переживали лишь начало своей истории. Они смотрятся довольно бедно по сравнению с расцветом культуры в сунском Китае.

Историописание в киданьской империи

Именно в рамках ренессанса у киданей окончательно складывается особое представление об «истории», которое способствовало выводу полиэтничного и мультикультурного общества из ситуации противостояния культур периода «язычества» (столпотворения культур) в диалог, становясь необходимым дискурсом ответов. История вместе с географией помогала маркировать ойкумену как «мир», создать что-то вроде историко-культурного атласа, из которого было бы видно, какие «народы» населяют его, что между ними общего и различного.

В период развития «цивилизаций» особую роль играют не социальные теории, а религиозные и философские системы⁴⁷, важнейшим моментом в которых является сложное понимание причинно-следственного порядка. Происходит разрыв этой цепочки: причины — прерогатива «Неба», а следствия проявляются в земной («профанной», «человеческой») жизни. Вся «история» — это не только период «исправления» человека, избавление от тяжести «первородного греха», но и время сложного взаимодействия «Неба» и «Человека», «вызовов» «Человека» «Небу» и ответных «реакций» «Неба». Используя конфуцианство, кидании пытаются подвести философскую базу под киданьское понимание Неба.

С одной стороны, можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что потребность человека сохранять в памяти прошедшее и способность подвергать его непрерывному и всестороннему анализу во имя насущных потребностей есть одно из тех качеств, которые принципиально отличают человечество от других видов разумных существ на планете. Здесь есть, разумеется, и элемент простой любознательности, но, в то же время, историческое сознание не только помогает отдельному человеку обрести свое

 $^{^{47}}$ Конфуцианство ярко демонстрирует возможность соединения в рамках одной конструкции и религиозных представлений, и философских идей.

место в том или ином социуме и понять свое отношение к окружающему миру в самом широком смысле («без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего мы в нем живем, как и к чему должны стремиться»), но и самому социуму определиться в пространственно-временном континууме, решить педагогическую проблему выживания цивилизации в полиэтническом мире. А это означает, что представление об «истории» является одной из крупнейших и существеннейших характеристик культуры, что оно является плодом социального развития.

Хотя исторические знания кочевых народов давно уже привлекли внимание исследователей и даже были выделены в качестве феномена «кочевой историографии», их изучение все еще находится на той стадии, для которой характерны скорее перевод и публикации тех или иных исторических сочинений, чем их методологический и историологический анализ. К сожалению, до сих пор сохраняет свое значение высказанное некогда мнение о том, что «изучение исторических произведений средневековья... почти не выходило за рамки внешней и внутренней критики текста», что характерно не только для Запада, но и для Востока.

История «кочевой историографии» насчитывает, если рассматривать это выражение в широком значении, как минимум два тысячелетия, ибо включает в качестве обязательного своего компонента, а отнюдь не только так называемого «истока», также довольно обширный конгломерат различных мифов, легенд и преданий восточноазиатских и центральноазиатских племен. В данном случае эта тема как самостоятельная и требующая отдельного исследования рассматриваться не может, и все внимание будет сосредоточено на кочевом историописании периода апогея его развития. Помимо желания дать более или менее целостную картину этого феномена у автора есть и четкое желание показать, что мы имеем дело не с так называемым примитивным миро- и историовосприятием, а с высокоразвитой историософской парадигмой, которая, если и вынуждена была в силу исторической специфики уступить первое место историософии оседлых народов, то все же имела все основания претендовать на него достаточно долгое время.

В настоящее время в культурологической и исторической литературе активно используются два понятия. Одно направление — «социальная физика» — исследует общество как систему объективно существующих социальных институтов, независимых от сознания людей, чью коллективную жизнь они

организуют. За основу здесь берутся внешние признаки. Другое направление – «социальная феноменология». Оно отталкивается от точки зрения людей внутри общества, изучает их культурно детерминированные представления, которыми они обладают в принадлежности данному K обществу субъективной интерпретации»). Средневековые кочевые общества до сих пор описываются с позиций «социальной физики». Яркий пример – марксизм. Представления же самих кочевников долго оставались за пределами внимания как примитивные, хотя в общеметодологическом плане задача поставлена давно. Еще Вебер (1864—1920) писал: «При толковании поведения необходимо принимать во внимание тот основополагающий факт, что коллективные образования... являют собой определенные представления в умах конкретных людей...о том, что отчасти существует, отчасти должно было бы значимостью, на эти представления люди ориентируют свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее значение для поведения людей».

Первым из кочевых народов, в культуре которого произошел революционный переход от мифо-генеалогического циклического восприятия истории к цивилизационно-линейному, стали именно кидани.

Ляо, существовавшая более двухсот лет, в период наибольшего могущества владела территорией Внутренней и Внешней Монголии и частью Северного Китая. Она стала первым полномасштабным государством, удовлетворявшим всем необходимым критериям государственности, выработанным в «ханьском» мире. Это нашло отражение уже хотя бы в том, что его официальная история («Ляо ши» – «История /династии/ Ляо») вошла в комплекс двадцати четырех династийных историй. Тем самым можно утверждать, что не только киданьская история, но и культура этого народа с XIII века воспринимается как неотъемлемая часть культуры всего восточноазиатского метарегиона. Применительно же к исторической мысли и литературе Ляо это означает, что она достаточно адекватна была общецивилизационной методологии. Исторические знания киданей, как и других восточноазиатских племен, несомненно повлияли и на средневековую историческую мысль монголов в целом.

Кидани, взорвавшие традиционную китайскую парадигму, в то же время значительно оторвались в культурном отношении от традиционных кочевнических представлений, пытаясь их соеди-

нить, что в тот период было невозможно в принципе. Собственно-киданьская историософская парадигма в силу этого отличалась значительной химеричностью, что нашло отражение даже в восприятии киданьской империи на протяжении всех последующих веков как «завоевательной империи». Китайцы часто воспринимали это государство как горькую пародию на империю классическую. Если вспомнить хорошо известное высказывание советника Чингисхана Елюй Чуцая о том, что можно завоевать империю, сидя на коне, но управлять ею, сидя на коне, нельзя, то можно сказать, что кидани не спешили слезать с коней. Они даже сами себя попрежнему воспринимали как «племена» и гордились в первую очередь своими военными победами, а уже потом культурными достижениями. И их историософия поэтому во многом отличалась не только химеричностью, но и эклектичностью.

Народы, происхождение которых тем или иным образом связано с современными киданям племенами, до сих пор мало интересуются их историей, традиционно воспринимая их преимущественно как «завоевателей». Придерживаясь культурных представлений, перенятых ими от оседлых народов, эти народы заимствовали вместе с ними и достаточно презрительное отношение к «узурпаторам». К тому же киданей безусловно затмили своей славой, в том числе и военной, тюрки и монголы. Недаром сейчас в условиях парада этнических ренессансов наблюдается бум интереса именно к этим представителям кочевого мира, создавшим могущественные империи и развитые культурные «миры».

В настоящее время сложилось несколько позиций по отношению к киданьской культуре и соответственно к их историческим представлениям. Китайская культура создала устойчивый имидж киданьской государственности как одной из ветвей восточноазиатского «дерева» и почти забыла нанесенные киданями обиды, прежде всего захват священных ханьских земель. Отказ от бездумного следования китайскому определению был осуществлен в значительной мере в рамках советского антикитаизма, когда из конъюнктурных соображений многом были подчеркнуты во оригинальные элементы киданьской культуры. В отечественной литературе акцент делается на киданьской империи как одном из центров сопротивления внешней экспансии, в советское время именно китайской 48 , сейчас, в условиях роста этнического и

 $^{^{48}\,}$ В некоторой степени подобное представление прослеживается и в японской литературе.

национального самосознания, имперской вообще. От советской историографии взяли и определение империи Ляо «как одного из древнейших государств на территории нашей страны». Если в те времена это была одна из метафор на вооружении антикитаизма, то сейчас ее всерьез рассматривают представители среднеазиатских и сибирских историографических традиций. Хотя достаточно искусственный характер этой исторической метафоры очевиден, расставаться с ней не спешат ни национальные историографии, ни собственно российская. В европейско-американской литературе чувствуется присущая оседлому миру антикочевая аллергия. В условиях растущего интереса к истории общественных институтов привлекает внимание и киданьский вариант империи.

Кидани знали китайскую культуру достаточно хорошо, будучи знакомы с ней на протяжении почти тысячелетия. За это же время они выработали и свою собственную, достаточно уникальную, культурную парадигму. Развитые культуры существовали и вокруг (тангуты, уйгуры, тюрки). Это было время апогея развития кочевой цивилизации, все признаки которой как «мира» были налицо. Для периода пика характерно развертывание нескольких векторов возможного развития. Тюрки будут создавать свой «мир» с центром в глубинных районах Азии, превратившихся из древнейших очагов цивилизации в «культурную руину»⁴⁹. Вектор их культурной экспансии в силу того, что их «мир» создавался на развалинах «халдейской» культуры и ею подпитывался, будет естественно направлен на Запад, также на протяжении периода поздней античности и средневековья ставший воспреемником месопотамских культур. Восточноазиатские кочевники будут оспаривать китайскую парадигму. Фактически именно в этом регионе впервые вступили в противоборство «на равных» две цивилизации – конфуцианская и кочевая. Уже поэтому отношение к китайской культуре со стороны киданей, создавших первую, хотя пока и несовершенную, цивилизационную модель, будет непростым. Их противостояние с Китаем было не просто военным соперничеством, это было соревнование двух систем, двух векторов будущего развития Востока Азии. Эти и определяется во многом «непокорность» «северных варваров». Налицо стремление в рамках модели «чжунго» / «тянься» («Срединного государства» / «Поднебесной

 $^{^{49}}$ См. подробнее: Π иков Γ . Γ . Проблема падения Византии в общем контексте ее развития // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 4. Вып. 2: История. 2005. С. 17.

империи») не просто сравняться с Китаем, но и «перегнать» его⁵⁰. Молодая киданьская империя не смогла выиграть это соревнование, как не сможет этого сделать и Золотая империя чжурчжэней, и лишь монголы, казалось бы, победят китайского Левиафана.

Кидани, воспринимавшиеся Китаем «варварами» и таким образом смотревшие на китайскую культуру как «чужие», увидели в ней то, что сами китайцы предпочитали не замечать, а именно последовательную смену на китайских равнинах различных культур. Отсюда естественно делался вывод не об извечности и вечности китайской культуры, а об ее историчности, о возможности и даже неизбежности ее исчезновения и, следовательно, замены более совершенной социокультурной моделью.

Если учесть, что подобные представления появились не в рамках самой китайской культуры, а за ее пределами, то это можно воспринимать как мощную культурную атаку со стороны «варваров» (прежние «варвары» пытались соревноваться с Китаем практически лишь в военном отношении). Фактически именно кидани первыми предложили воспринимать китайскую культуру как одну из множества других восточноазиатских культур. В рамках империи история неизбежно понимается как движение вперед и поступательное развитие истории возможно лишь благодаря включению в «исторический» процесс других народов — это главное условие универсальной картины истории. Если китайская историография дуалистически разделила все этносы на две неравные части – ханьская цивилизация и прочие «варвары», то кидани этого сделать не могли. Не только китайская, но и культуры других восточноазиатских народов (тангутов, уйгуров, монголов /цзубу/), отличались высоким уровнем своего развития и заметной уникальностью 51 . Да и кочевники, являвшиеся самой значительной частью населения империи, никак не могли считаться примитивными. В целом можно говорить, что именно в рамках киданьской культуры впервые, хотя и на региональном уровне, сложилось представление о том, что позднее в рамках российской культурологической мысли

⁵⁰³десь невольно напрашивается аналогия с соревнованием «капитализма» и «социализма» не столько как разных социально-политических систем, сколько различных векторов дальнейшего развития «христианско-европейской» цивилизации.

⁵¹Это не отрицает и того, что в рамках восточноазиатского региона как особого «мира» в ряду других евразийских «миров» для всех его частей и уровней характерен больший или меньший изоморфизм, иначе говоря, наличие тех культурных особенностей, которые дают основание выделять эти народы совокупно в качестве самостоятельной цивилизации.

получило наименование культурно-исторических типов. Интерес к другим народам говорил и о том, что киданьским историкам было интересно, как их собственный опыт вписывается в более широкую схему. Можно сказать, что, делая заготовки для будущей династийной истории, они проводили предварительную апробацию этого образцового исторического конструкта.

Вместе с тем и влияние китайской культуры на становление и развитие исторических представлений в Ляо бесспорно. Прежде всего, надо отметить, что для обозначения «истории» берется китайский иероглиф «ши» и тем самым историописание становится предметом заботы соответствующих чиновников. Это означает, что задачи истории определяются предельно коньюнктурно и тенденциозно. Иначе говоря, история должна быть именно историографией, т. е. служебным описанием событий. Этот акцент на социальном в дальневосточной историософии сказывается уже в том, что, как заметил в свое время Н. Я. Бичурин, «китайцы представляют историю зерцалом, отражающим тень событий, происходивших в какой-либо стране».

Принято считать, что дальневосточная, прежде всего китайская историография — «особый и необыкновенно яркий феномен цивилизации этой страны. Она необычайно самобытна и аналогов в мировой исторической науке не имеет». С этим можно согласиться, ибо любая цивилизация в том или ином смысле уникальна, но стоит заметить и определенную близость историографических моделей традиционных «миров». Конечно, есть принципиальное отличие европейской модели, как своего рода «эталона», и китайской, но, если не сводить истоки первой лишь к греческой мысли, а видеть их в культурах различных регионов, то можно провести ряд существенных параллелей.

Еще Гегель отмечал, что в большинстве языков слово «история» (китайский язык не исключение) обладает двойным значением — само прошлое непосредственно (Res gestae) и рассказ о прошлом (Historia rerum gestarum). В этой связи в евразийских культурах сложилось два типа философии истории. Это спекулятивная мысль как философская рефлексия непосредственно самого прошлого, поиски скрытого его значения. Она представлена в виде религиозной (самый яркий пример — христианство, ищущее в человеческой, «профанной» истории следы промысла божьего) и светской, формирующейся в Европе начиная с эпохи Возрождения (Г. В. Гегель, К. Маркс, О. Шпенглер, А. Тойнби). Во второй половине прошлого века она была обвинена в получении

псевдознания о прошлом, которое совершенно невирифицируемо. Второй тип — критическая философия истории, полагающая перед собой задачу составить правдивый рассказ о прошлом, в силу чего главным своим занятием считает эпистемологию, пытаясь разобраться, как соотносятся язык историка и само прошлое. В 80-х годах XX в. Школой «Анналов» была предложена новая метафора — «история молчаливого человечества» как «море, на поверхности которого плавают исторические события, а в глубине лежит анонимный народ».

В этом плане дальневосточная средневековая историография, в том числе китайская, киданьская, чжурчжэньская и монгольская, безусловно, относятся к первому типу. В них история разворачивается в двух основных сферах. Формирование ее как некой программы связано с Небом. Ее происхождение, цели и конкретные задачи практически человеку неведомы. Как и в западной традиции, люди должны учитывать «волю» сверхъестественного начала, которая изложена в авторитетных текстах, прежде всего в сочинениях Конфуция, разработавшего основы практической индивидуальной и социальной этики. Для Конфуция высшая сила — Небо. Оно следит за справедливостью на земле и стоит на страже неравенства. Конфуцианская социального этика основании опирается на такие понятия, как «взаимность», «золотая середина» и «человеколюбие», составляющие в целом «правильный путь» (Дао), по которому должен следовать всякий, кто желает жить счастливо, т. е. в согласии с самим с собой, с другими людьми и с Небом. «Золотая середина» (чжун юн) – середина в поведении людей между крайностями. Основа человеколюбия – Жень – «почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям». Основная нравственная заповедь конфуцианства – «взаимность», или «забота о людях» (шу). В ответ на пожелание одного из своих учеников «одним словом» выразить суть своего учения Кун Фу-цзы ответил: «Не делай другим того, чего не желаешь себя». Цзюнь-цзы — «благородный муж» — не только этическое, но и политическое понятие: он — член правящей элиты, управляет народом, «благородный муж в доброте не расточителен, принуждая к труду, не вызывает гнева, в желаниях не алчен; в величие не горд, вызывая почтение, не жесток». Кульминация конфуцианского культа прошлого – «исправление имен» («чжэн мин»). «Все течет», «время бежит, не останавливаясь», поэтому надо заботиться о том, чтобы в обществе все оставалось неизменным, государь должен быть государем, сановник — сановником, отец —

отцом, а сын — сыном. Еще Сыма Цянь историю представлял, как действие непостижимой «небесной судьбы» и развивал идею управления, основанную на конфуцианских принципах.

Земная сфера представлена этнокультурной историей (конгломерат различных этнических и социальных групп), в центре которой находятся политические проблемы. Особую роль играют правители, именно на этом уровне особенно ярко проявляется сложность взаимодействия воли Неба, с одной стороны, и деятельности императора и интересов людей, с другой. этнические катаклизмы как свидетельство Социальные и отклонения от «воли Неба», т. е. набора прошедших апробацию традиций и рецептов, прямо указывают на существование и особую роль сверхъестественного начала. В дальневосточной цивилизации не появилась фигура Дьявола как антипода Бога, но и здесь налицо необходимый для развития культуры и общества дуализм. В период так называемых «цивилизаций» («миров»), форма их культур обязательно связана с сосуществованием и соотношением на необходимом и достаточном уровне двух сфер сакральной и секулярной. Сакральное «отвечает» за «смысл» всего «истории» особенно, обосновывает существование» цивилизации, ее легитимность и место в мире. Секулярное «отвечает» за «формы» бытия, создает необходимый «механизм» существования цивилизации в виде стройного и непротиворечивого синтеза социальных, политических, юридических и т. п. концепций. Соотношение сакрального и секулярного непростое. По ряду параметров «религиозные» идеи неизбежно предстают в виде «ведущих», «программных», но текучая эмпирия неоднократно создает возможность для «философии» перестать быть «служанкой богословия», дистанцироваться от нее или даже заявлять о ненужности «религии». На самом деле они, как сиамские близнецы, неразлучны. Культура может восприниматься как нечто бицефальное, двуглавое, или двуликое, как Янус. Проще представить ее «форму» в виде «дроби», где в «числителе» сакральное, а в «знаменателе» секулярное. Идеалом, «целью» этой «дроби», а, следовательно, всей цивилизации является такое состояние, когда «верхнее» и «нижнее» числа «равны», т. е. не «противоречат» друг другу. В реальности этого никогда не бывает, ибо каждая из этих сфер стремится к абсолютизации своей «истины»: «знаменатель» — к «атеизму», «числитель» абсолютному Божественному «произволу». И то, и другое – ненормальные состояния общества, ибо просто недостижимы.

Соотношение «божественной истины» и «человеческой» («бытия» и «сознания») всегда было проблемным и часто именовалось «основным вопросом философии».

Как в китайской, так и в кочевых историософиях налицо безусловное стремление создать максимально широкое историческое полотно, иначе говоря, описать историю как всемирную. Можно сказать, что они представляют не только две разных формы историописания, присущие оседлому и кочевому обществам, но, в то же время, два этапа формирования единой восточноазиатской историософии. Если быть более точным, то и евразийской в целом.

Ханьская историософия появляется в период формирования первичных евразийских «миров» (в данном случае, Римской и Китайской империй). Ее задачей было осмысление этнополитических и социокультурных процессов в ситуации, когда лидировал один этнос (римляне, ханьцы).

Принято считать, что труд Сыма Цяня (145? — 86? гг. до н. э.) «Ши цзи» («Исторические записки») знаменовал собой появление истории как особой сферы знания. Это уникальное сочинение преследовало цель создать «периодическую систему элементов» основных философских школ, которые были не просто различными идейно-политическими течениями, но в определенном смысле представляли собой различные векторы возможного развития, связанные с существованием множества субкультур (этнических, социальных и т. д.). Эта ситуация смысловой какофонии или информационного хаоса, когда предлагались разные варианты решений тех или иных проблем, наблюдалось разное отношение к «древности», соседям, социальным или этническим группам, политическим группировкам в «лоскутной» цивилизационной ситуации было просто нетерпимо. Не случайно на обоих полюсах Евразии в качестве практического предлагается принцип «любви», основывающийся на «золотом правиле этики» («не делай другому того, что не хочешь себе»). Метаистория выводила общество из ситуации противостояния в диалог, становилась необходимым дискурсом ответов.

Как и в Средиземноморье, все люди делились на две категории — «духовные» и «плотские». Поскольку «религиозные» идеи не существовали здесь в таком жестком варианте, как на Западе, то «правильность» человека и общества проверялась не через «веру», а через следование «дао», что было фактическим слоганом традиции. Не было здесь и фактической оторванности культуры от определенного этноса. Поэтому объединяющим символом здесь стал

не конфессионем (христиане, мусульмане, буддисты), а этноним как географический символ (Хань, Ляо), сочетавшийся с названием династии (Цинь, Тан, Сун, Цзинь, Юань).

Еще одной задачей «отцов истории», как на Востоке, так и на Западе, было маркировать ойкумену как «мир», создать что-то вроде историко-культурного атласа, из которого было бы видно, какие «народы» населяют его, что между ними общего и различного. В условиях усложнения политической, социальной и экономической жизни нужно было утвердить иерархию социальных групп и доказать ее извечность, особенно императорской власти.

Задачами «исторических текстов» того времени были также решение на широком историческом материале важнейших мировоззренческих проблем (место и роль в политической и социальной жизни человека, народа, сверхъестественных сил и др.), показ эффективности выработанных морально-политических императивов, иллюстрация с помощью исторического материала базовых идей. Насколько гениально эти задачи были решены, показывает уже то, что классификация Сыма Цяня сохраняла свое практическое значение до конца прошлого столетия.

К началу II тыс. н. э. ситуация в Евразии в целом и на Дальнем Востоке в частности меняется принципиально. В Европе начинают самостоятельную историю западноевропейская («католическая») и восточнохристианская («православная») цивилизации. На Дальнем Востоке достигшая апогея своего развития кочевая цивилизация руками именно киданей начинает покорение оседлого мира. Ситуация внешне напоминает так называемое «падение Рима», павшего в V в. «под ударами варваров», когда на самом деле происходило внешне катастрофоподобное расширение «средиземного» «мира» и германские племена перешли из внешней зоны («варварской периферии») во внутреннюю. Аналогичные процессы идут сразу на двух полюсах Евразии, в том числе и на территории Дальнего Востока с той разницей, что, если в Европе и на Дальнем Востоке прежде происходила сложная конвергенция оседлых народов (средиземноморские этносы, народы Центрального Китая) и номадов⁵² (германцы, кельты, славяне, тунгусо-

 $^{^{52}}$ Здесь есть смысл еще раз сказать об отличии «номадов» и «кочевников». Номадная экономика, прекрасно описанная древнегреческими авторами, — это, строго говоря, присваивающая экономика, когда родоплеменные группы переходят с места на место, придерживаясь комплексной экономики, тогда как кочевники «шли вслед за скотом» и, таким образом, основой этой экономики было именно скотоводство, требовавшее соответственно особой природно-климатической зоны.

маньчжурские племена), то теперь на территорию начинают проникать уже кочевники (тюркские, монгольские племена). Они переходят от тактики набегов и войн к фактическому переселению в южные плодородные районы.

В итоге Китай победит и его цивилизационная парадигма сохранит свое значение для региона на последующие столетия, но осуществится это ценой длительной «освободительной» борьбы против «варваров», которая завершится лишь в прошлом столетии (Синьхайская революция 1911 г.). Перед нами один из признаков формирования Восточноазиатской цивилизации (на базе прежней, ханьской). Для Рима и Византии тоже понадобился ряд столетий для победы над «варварами». Renovatio («возрождение») как «возвращение в первобытное состояние», по мнению итальянских гуманистов, состоится только к середине XVI в. Промежуточное время они и назовут «средними веками». Здесь есть смысл увидеть еще одно из значений этого выражения, обозначающего таким образом, помимо всего прочего, время непосредственного взаимодействия двух цивилизационных зон.

Хотя Китай и «запаздывает» по сравнению с Европой, он не может воспользоваться ее опытом ассимиляции «варваров» не только из-за дальности расстояния, но и потому, что столкнулся с качественно иными «варварами», которые развивали принципиально иную экономику. Кочевой «мир», при всех своих регулярных связях с земледельческим Югом, оставался его антагонистом.

Подчеркнем один из моментов этой ситуации — наличие информационного хаоса, когда усложняется взаимодействие не столько тех идей, которые более или менее мирно уживаются в упорядоченном земледельческом «мире», сколько осуществляется ментально-пассионарная атака со стороны «северных варваров», не обладавших, по мнению китайцев, никакой культурой. Для китайской культуры вызовом являлась уже сама по себе способность «бескультурных народов» осуществлять столь мощную экспансию и побеждать не «словом», а «делом», т. е. силой.

Неудивительно, что в этих условиях опять появляется потребность в «истории». Просто отмахнуться от кочевников как «варваров» было уже невозможно. Их государства начинают играть весьма заметную роль не только в политической, но и в культурной жизни региона. С другой стороны, и варвары, связанные с китайским миром многовековыми контактами, не только политическими, но и культурными, были заинтересованы в том, чтобы найти свое место в уже сложившейся исторической картине, ставшей итогом апробированного в самых различных ситуациях континуального

воспроизведения некоего неизменного общественного, нравственного и духовного исходного «идеала». Именно он подходил применительно к новой политической и исторической ситуации достаточно неплохо, тем более что кочевники не могли предложить ничего другого взамен.

В этой ситуации гениальная этнокультурная «периодическая система» Сыма Цяня подходила идеально. Любопытно, что к ней обращаются как южане, так и северяне.

К. Ясперс некогда предложил понятие «осевого времени» (Achsenzeit, 800—200 гг. до н. э.) и выделил несколько его признаков: растущая демифологизация, интеллектуализация, рост интереса к человеку, к индивиду, оживление культурных контактов, «человеческая экзистенция как история становится предметом размышлений», «возник тот человек, который существует сегодня» и др. Именно в это время, по мнению ряда исследователей, и произошел качественный сдвиг от космологии к раннеисторическому описанию. Если воспользоваться этой схемой, то можно отметить, что кидани первыми из кочевых народов вышли на уровень «Осевого времени», о чем свидетельствует не только рост интереса к истории и обращение к китайскому историографическому опыту, но и ряд других явлений.

В частности, историографическое «возрождение» периода кочевых империй породило такое любопытное явление. Трудами в значительной мере самих «северных варваров» в новых империях, киданьской, чжурчжэньской, монгольской и маньчжурской) был фактически создан и доведен до совершенства в некотором смысле новый тип исторического текста — династийная история, посвященная династиям не собственно китайским, а «варварским». Кидани стояли в начале этого пути, не смогли до конца преодолеть его и чжурчжэни, лишь при монголах этот жанр обрел явственные черты. Эта разновидность не могла выделиться в самостоятельную, именно потому, что кочевники, хотя и пришедшие в качестве завоевателей, были тесно связаны с культурой всего дальневосточного региона⁵³. В результате династийные истории киданей,

Средней Азии. Это обстоятельство не является уникальным в истории Евразии. Скажем, границы «христианского мира» заканчивались как минимум междуречьем

⁵³По большому счету регион влияния китайской цивилизации был шире непосредственно территории империи. У нас в литературе, особенно в период противостояния с маоистским Китаем, часто отождествляли культурное влияние с политическим. Сфера политического влияния имперского Китая крайне узка и фактически не выходит за пределы равнинного Китая, но сфера этнокультурной близости, наоборот, очень широка и иногда включала многие районы Сибири и

чжурчжэней и монголов стали составной частью комплекса из 24 династийных историй, сформировавшегося в Китае. Эти династии стали всего лишь «ветвями» на восточноазиатском «дереве».

В то же время стоит отметить, что накопленный в империи Ляо исторический материал оказался достаточен в количественном и качественном смысле для написания в дальнейшем стандартной династийной истории. Действительно, ни по объему, ни по иным характеристикам текста она не отличается от подобных сочинений. Правда, «Ляо ши» китайскими историографами, сравнивавшими ее с другими образцовыми китайскими историческими сочинениями, достаточно часто критиковалась за свои «недостатки». Уже одно это говорит о самобытности киданьской историографии и порожденного ею текста. Действительно, в нем много информации о племенной жизни и традициях, иначе говоря, о тех явлениях, которые, по логике ортодоксальной историографии, не имели права быть «занесенными на бамбук и шелк». Это говорит о своеобразной двоесущности киданьских историографических текстов, которая не исчезла даже при их кардинальной переделке в официальную историю.

Как и во всех цивилизациях, «историописание — это процесс наделения значением (или, наоборот, отрицания значения) явлений действительности», поскольку «история есть политика прошлого, а политика есть история настоящего». Праздного любопытства по отношению к прошлому никогда не было ни в одном традиционном обществе и кочевые империи не исключение. Их историки видели в истории зеркало, в котором отражались мощь и величие государства, которое единственное могло быть гарантом нормального функционирования общества. Основной цеисториографии является трансляция политического, административного и военного опыта от одного поколения государственных деятелей и чиновников к другому. Это можно было сделать только с помощью трансляции письменного слова. Китайский опыт еще только осваивался киданями, но они ясно видели многие преимущества китайской политической организации и политики и в этом смысле видели необходимость использования письменной истории. Именно исторические тексты – непосредственные посредники между прошлым и настоящим, именно они есть форма интерпретации прошлого и создания «энциклопедического знания» — того, что надо знать современнику о прошлом:

Волги и Днепра, а границы средневековой «римской империи» фактически доходили лишь до междуречья Вислы и Одера.

«ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории». Однако историю документов всегда сопровождают «недостаток точности, ошибки и даже ложь», а исторические документы особенно «неполны». Это говорит о том, что многофакторность исторического процесса сознательно искажается и идет редукция «исторического материала» ради той цели, которую ставит «современность». Выделяется масса «точечных событий» и превращается в цепочку как интервал истории («шаг»). Каждое следующее событие диалектично по отношению к первому, ибо отрицает и развивает его. Именно анализ этой цепочки является одной из основных задач «династийной истории»

Кроме того, изучаются такие сложные конструкции как «империи», а они постоянно находятся в движении. Историография выделяет некие циклы в их истории. Поскольку грань «прошлое — современное» подвижна и достаточно иллюзорна, не всегда безопасно о них говорить, и их оценка может меняться на прямо противоположную.

Это означает, что история любой династии неповторима и это не может скрыть даже такая жесткая конструкция, как «династийная история» и это же определяет в свою очередь «самобытность» киданьской истории, государственности и историографии.

Сказанное видно из того, что «Ляо ши» как династийная история создается и потому четко воспринимается как текст, адресованный своему читателю, который испытывают потребность в 1) подобном знании, 2) упорядочении такого знания, 3) доказательности предлагаемых этико-политических норм и рецептов средствами «большой истории» (метанарратива). Идея метанарратива доминирует в тексте. Она задается самой позицией — рефлективным наблюдением за действием, героем и т. п., выбранной критической точкой обзора.

В историографическом ренессансе X-XIII вв. можно увидеть еще одну попытку евразийской исторической мысли придать истории всемирный характер⁵⁴. В I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. в исторических трудах элементы всемирной истории появлялись за счет включения мифов и легенд о древних временах. Представление о всемирности истории складывалось в рамках отдельных регионов, если так можно выразиться, по вертикали. Так, например, в рамках

⁵⁴«В попытке постигнуть единство истории, т. е. мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 264).

иудейско-христианской традиции складывается двуступенчатая модель: «священная история» или «божественная», основу которой составляли мифы, и последующая как профанная или «человеческая». Об этом же говорят и такие конструкции, как «Восток-Запад», «оседлые — номады/кочевники», «земледелие — скотоводство», «империя — варвары» или «Север-Юг».

О складывании представления о «всемирности» истории по горизонтали, т. е. о рассмотрении всей этнокультурной картины ойкумены свидетельствуют религиозные представления о необходимости «нести всей твари на земле истину» (евангелие, джихад).

В этом ряду исторические представления, постепенно складывающиеся в «империях завоевания», занимают особое место. Они свидетельствуют о появлении представлений о возможности конвергенции различных культур не за счет «поднятия» «варваров» до уровня «цивилизации», а путем диалога культур. Разумеется, в соответствии с уровнем развития истории того времени, это выглядит как региональная монистическая модель истории, когда конвергенция мыслится лишь между близкими по духу и соседними культурами. В Китае в это время тоже налицо интерес к всеобщей истории. Танский историк Лю Чжицзи (VIII в.) создал первую всеобщую историю, состоявшую из 35 основных и 13 дополнительных рубрик. В XI в. Сыма Гуан написал всеобщую историю в виде хроники.

Об этом свидетельствует и фактически развивающееся представление о мультилинейности исторического процесса. Если китайцы в рамках модели «империя — варвары» подразумевали фактически лишь вертикальное развитие народов, до уровня имперской культуры, то в «кочевых историографиях» было предложено еще два варианта возможного будущего развития.

Во-первых, предлагается как антагонистическая иная схема существующего исторического развития (троичная модель): варвары — Китай — Ляо (или Цзинь, Юань). Конечно, эта схема свидетельствует об экспансионистских притязаниях кочевых империй, но важно, что предложен иной вариант развития. Прежняя схема (варвары — Китай) таким образом поставлена под сомнение и, следовательно, неизбежно исследование этой проблемы.

Во-вторых, кидани подчеркивали самобытность не только политических образований, созданных другими кочевниками (уйгуры, тангуты), но и равноправие их культур, практически не только между собой, но и по отношению к китайской. Если использовать более позднюю терминологию, они фактически говорили о

культурно-исторических типах. Уже в «Цидань го чжи» и «Ляо ши» постоянно проводится мысль о том, что история восточноазиатских народов начиналась в разных местах, хотя и не одновременно, и налицо тенденция к интеграции этих культур. Разумеется, каждая из кочевых империй мыслила себя как единственно способную возглавить это движение. Кочевые историки обращали внимание на многофакторность сценариев развития, даже строили прогнозы и давали рекомендации, которые предусматривали бы не один, а несколько путей возможного изменения социальных и политических процессов. В этом плане можно видеть зарождение в кочевой историографии элементов такой сферы исторического знания, как виртуалистика (от лат. virtualis — возможный)

Вероятно, именно потому, что кочевые историографы учитывали многофакторность исторического процесса, они шли на сознательную редукцию фактического материала ради основной цели. А целью этой была, как во всей восточноазиатской исторической мысли, трансляция политического, административного и военного опыта от одного поколения государственных деятелей и чиновников к другому.

История как именно такая особая форма необходимого для общественных нужд знания формируется в Китае еще в ханьскую эпоху. Именно эта цель предопределила в трудах «отцов истории» постановку таких проблем, как историческая закономерность, причинно-следственный порядок и др. Любопытно, что этот переход от анналистики к собственно историческим сочинениям произошел на обоих полюсах Евразии. Греческий историк Полибий назвал свою историю «всеобщей», а Сыма Цянь свою задачу увидел в «проникновении в суть изменений древности и нынешнего времени».

Разумеется, «исторический интерес сам историчен». Он фиксирует две группы отношений — отношения человека к объективной исторической действительности в ее конкретных проявлениях на определенной стадии развития социальных изменений и отношения, выделяемые мышлением в самой действительности. В этом плане нужно отметить два обстоятельства. Кидани еще не столкнулись в полном объеме с теми проблемами, которые порождает имперская форма государства. К тому же они строили не классическую империю. Во многом были малопонятны эти проблемы чжурчжэням и даже монголам. Но все три государства вынуждены были считаться со своим «варварским» прошлым и кочевым сектором своего населения. По этим причинам родоплеменная общественная структура не могла не быть сохранена и, в то же время, они пытались использовать преимущества китайской политической организации и политики. В полном объеме этот опыт еще не нужен был ни киданям, ни их преемникам, но национальная политика китайцев и их историко-философская парадигма привлекали кочевников. В этом смысле они и видели необходимость использования письменной истории⁵⁵.

Но в этой ситуации сразу появляется несколько конфликтов.

Династийная⁵⁶ история как основной вид исторического текста достаточно специфична. Она составлялась по определенной схеме, которая была задана Сыма Цянем и с некоторыми отклонениями сохранялась столетиями. Основные разделы «истории» — «бэньцзи» («основные анналы»), «бяо» («таблицы»), «чжи» («трактаты»), «лечжуань» («жизнеописания»). Это давало возможность максимально подробно рассмотреть различные проблемы, связанные с государством.

Эти источники создавались в особый период развития китайской историографии (III в. до н. э. — XX в.), — период расцвета восточноазиатской цивилизации, для которого был характерен преимущественный интерес к цивилизационным институтам и культурной истории. Их отличие в том, что информация бралась исключительно из официальных и государственных бумаг, составленных ученой элитой общества. Остальные источники уступали им по численности и сохранности. Эти тексты особенно информативные, ибо статус цивилизации порождает массу проблем, нуждающихся в общецивилизационном решении.

Средневековые династийные истории были особенно информативные, ибо пришли на период расцвета цивилизации, когда перед обществом встала масса социальных и политических проблем. Исторические документы всегда неполны⁵⁷, но китайские исторические сочинения более обильны по сравнению с классическими трудами греков и римлян, которые совершенно не освещали многие достаточно важные проблемы. Есть известный парадокс,

⁵⁶На Западе тоже было стремление свести историю к «истории династий» (Dynastengeshichte) как своеобразной теории ведер, передаваемых на пожаре из рук в руки (*Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998. С. 121).

⁵⁵На первом месте прикладная функция истории — поставлять знания, которые можно использовать в настоящем (*Савельева И. М., Полетаев А. В.* Прагматика истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 10).

 $^{^{57}}$ Хотя «ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории». Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 49.

что сами греки толком не разбирались в своих собственных институтах 58 . Даже полководец, по известному выражению Клаузевица, вынужден учитывать относительность и неточность своего знания о противнике. Аналогичная ситуация сохранялась в европейских сочинениях до XVII века.

Если большинство традиционных культур характеризовалось «отказом от истории» или ее «упразднением», то здесь, наоборот, осуществлялся максимальный уход от мифа, который как «машина для уничтожения времени» не мог выстроить линейную картину истории.

Китае, история в кочевых государствах воспринималась как зеркало, отражающее события в той или иной заимствовали Поэтому не только формы они исторических сочинений, но и их специфический язык, особый тон выражений: «Измените тон сей, и тогда каждое перемененное слово должны будете заменить объяснением, разрывающим единство повествования. без сих объяснений, события существенную часть исторической своей истины, потому что правительством утверждено употреблять известные слова для событий, воспоследовавших на основании общих законов, и другие слова для подобных же событий, воспоследовавших от случайных, или предосудительных причин. Сей тон, в первом случае, называется историческим положением, а во втором изменением исторического положения.». Основы его заложил Конфуций, сформулировав ряд формул и выражений. Поскольку династийные истории составлялись окончательно при последующих династиях, то описываемая династия подвергалась достаточно квалифицированному и полному разбору именно с точки зрения административной. Элементы исторической критики, присутствующие здесь, безусловно была ограничена рамками преимущественно конфуцианского морализма. Задача сводилась к тому, чтобы «выправить имена», т. е. дать «правильную оценку» событиям и фактам. Выводились определенные общественные типы – добрый чиновник, злой чиновник, отшельник, литератор и др.

⁵⁸Выражение Фукидида.

 $^{^{59}}$ Иакинф. Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием, и принятые китайскими учеными // Московский телеграф. 1828. № 22. Ноябрь. С. 1.

Для каждой китайской династии появился в средние века свой слоган: для первой (Ся) — «искренность», выродившаяся в «дикость», для Шан — «почтительность», выродившаяся в «суеверное почитание духов», для Чжоу — «цивилизованность», выродившаяся в формальное соблюдение правил. Хань вернулась к «искренности». Таким же образом впоследствии «варварские» династии были обозначены как «деспотические».

Если власть правившего императора была сильна, годы его правления писались большими иероглифами, если нет — малыми. Специальные выражения существовали при смене императора: вступил на престол, сдал престол, наследник вступил на престол (при живом государе). Если государь умирал — преставился, «скончался» (измененное положение), если погиб насильственной смертью — «умерщвлен». Такую-то супругу постановил Императрицей — законно, постановил императрицей по фамилии такуюто — измененное положение. Если чиновник «уволен» или «заслуживает увольнения», то он в чем-либо виновен. «Исключить такого-то из списков» — невиновен, а если «такой-то исключен из списков», то виновен. Если речь идет о масштабной и аргументированной войне, то используются выражения «воевать», «усмирять оружием», если о небольшой — напасть, ударить, атаковать. Если осуществляется набег — внезапно напасть.

В Ляо очень скоро появилась особая задача — обосновать существование единой императорской власти. Это могли сделать только особые люди, имеющие дело с фактической историей. Мы называем их по традиции историками. Именно им Апоки поставил задачу с помощью анализа этих фактов доказать, что «киданьское не хуже китайского». Киданьская революция – выделение своей национальной истории, а не рассмотрение ее в составе китайской истории. Это было, по сути, впервые осуществлено среди кочевников. Происходит резкий рывок от мифологизации отдельных событий и личностей к систематически изложенной комплексной истории народа. Императорский декрет 1044 г. устанавливал хронологические рамки — «от предшествующих поколений до настоящего времени». Нельзя не напомнить вновь, что в Европе первая история немецкого народа «с древнейших времен до наших дней» Я. Вимпфелинга появилась только в XVв. Как и китайская (221 до н. э. Хань), киданьская историография датирована с возникновения государства. Это тоже говорит об активном использовании киданями общей цивилизационной парадигмы.

Своеобразие трактовки киданями китайского понимания задач историографии выразилось в том, что основной целью истории является не только трансляция политического, административного и военного опыта последующим поколениям чиновников и государственных деятелей, но и запись того, что составляет «славу народа» в целом. Таково мнение киданьского Син-цзуна.

У киданей была историография, т. е. описание прошедшей жизни, а не историософия, т. е. философия истории. Роль философии истории играла ментальная культура. Это и обусловило то, что историю родов и племен знают даже простые кочевники. Только элита предложила иное понимание истории — на основе идеи империи и изучения государственности. Именно у них, по сути, впервые ставится проблема сознательного искусственного изменения своей истории. Стало гораздо сложнее отвечать на вопрос «куда идти?», ибо теперь надо было учитывать не только влияние традиций или этнополитические процессы, но и социальные проблемы. Роль государства надо будет понимать уже в контексте макроистории, а не с точки зрения истории региона.

Как и в западной цивилизация происходила сакрализация личности правителя, но здесь он выступал не как «помазанник божий», а как «избранник Неба». Небо останавливало свой выбор на том правителе, который обладал благой силой «дэ», лишь она давала ему право на занятие престола. Признаком обладания такой была преданность претендента базовым ценностям. Если, став правителем, он отходил от них, то терял свою силу и тем самым и право на обладание престолом.

У киданей существовал институт «левого» и «правого» «ши», которые были обязаны фиксировать деяния и речи правителя, дабы предостеречь его от неверных поступков. Подобные функции обеспечивали непрерывность регистрации событий. Это предполагало обязательное и основательное знакомство «историков» как с основами конфуцианской морали, так и с общественными традициями.

Исторические труды до сих пор воспринимаются порой как своеобразные учебники «дао» и «дэ».

Одной из важнейших задач чиновников «ши» был анализ достижений и упущений правителей прошлого, выяснение причин обретения власти или ее утраты, обобщении политического опыта для правителя, находящегося на престоле⁶⁰. Так, Е Лун-ли,

 $^{^{60}}$ История, хроника и ложные истории // *Кроче Б*. Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 175.

подводя итоги рассказу о периоде правления последнего киданьского императора Тянь-цзо, делал далеко идущие выводы: «как говорит предыдущая история, если гибнет одна деспотическая династия, на смену ей обязательно приходит другая, поэтому Агуда, живший при императоре Тянь-цзо, — это тот же Абаоцзи, живший при Поздней династии Тан». Разумеется, речь не может идти только об интересах правителей. Исторические тексты в целом посредники между прошлым и настоящим. Они как механизм интерпретации прошлого создают образ «прошлого» — то, что надо знать современнику о прошлом. Акцент делался именно на «современной истории», которая, как и для западных средневековых историков была «видимым следом ближайшего прошлого — последние пятьдесят, десять лет, год, месяц, день, возможно, истекший час или минута» (Кроче Б.).

В сунской историографии родились принципы, воспринятые и кочевыми историками — приносить пользу делам правления (цзин ши чжи юн» и «бяо бянь» (хвалить достойное и осуждать дурное). Кочевники восприняли и китайское обозначение этой деятельности — «шисюэ» (историография, историописание).

Идеалом восточноазиатского общества в целом и киданьского в частности была прогрессистская модель истории, центральной для которой является период природной и социальной гармонии, достичь которого возможно только в рамках определенной культуры, в понимании киданей именно киданьской. Главным социокультурным принципом поэтому становится справедливость, с помощью которой добро награждается, а эло наказуется, обеспечивается справедливость социальная (за счет сохранения исконного порядка) и политическая, доказывается «правота» перед Небом. Именно так происходит объединение пестрой людской массы в «мы» и создается так называемая «коннективная структура» общего знания, опирающегося на подчинение общим правилам и общим ценностям и на сообща обжитое прошлое.

Надо заметить попутно, что знакомство кочевников с китайской литературой несомненно сложно отразилось на развитии их восприятия истории. Расширился и углубился круг затрагиваемых проблем, безусловно, богаче стало содержание их сочинений. Включался материал по истории Китая и сопредельных территорий, тем самым можно говорить о существенном расширении этнополитического и культурного горизонтов кочевых народов. Кочевые империи стали источником новой информации о мире для многочисленных племен Монголии, Сибири и Средней Азии.

Можно, в соответствии с тремя династиями, выделить три этапа увеличения информации, что позволяет говорить о том, что эта информация не обрушилась лавиной на кочевой мир, а усваивалась им постепенно и основательно. Кочевые историографы ввели в обычную практику ссылки на самые различные китайские работы, начиная с классической древности и кончая современностью. Многие персонажи китайской истории становились своеобразными образцами для подражания. В итоге можно говорить, что тем самым кочевниками активно осваивалась базовая культура всего метарегиона.

Но и здесь возникает любопытное явление. Мы видим, что в рамках кочевой историографии, как это будет более подробно показано в следующей статье, акцент делался на практической стороне историописания, его методах, структуре исторических текстов и т. п., тогда как базовые ценности китайской историографии встречали достаточно серьезное сопротивление (прежде всего само представление о Китае как центре ойкумены). Вероятно, здесь дело не только в политических притязаниях Ляо. Мы наблюдаем достаточно часто встречающееся явление в рамках практически любой цивилизации. На первых порах, когда создается новый «мир» внутри более обширного прежнего, идет обращение к идеологии метарегиона в целом. Этот «подражательный» период позволяет заложить основы новой культурной парадигмы и максимально использовать базовые общецивилизационные представления, но впоследствии новая, более локальная парадигма обязательно вступает в конфликт со своей «матерью». Так было, например, в Европе в рамках так называемого «Северного Возрождения» (к северу от Альп), которое активно использовало саму идею «ренессанса» как возвращения к «античности», выработанную итальянскими гуманистами, но впоследствии стало фильтровать идеи итальянского Возрождения и противопоставлять «римской», в данном случае итальянской, «античности» «варварскую». Конфликт между идеологией метарегиона в целом и отдельными культурами (этниченациональными, социальными) цивилизации и способствует развитию отдельных районов.

Именно по указанным причинам кочевая историография развивалась преимущественно как государственная историография и видимо следует признать, что государственное историописание является феноменом, свойственным не только императорскому Китаю, но и всей Восточной Азии. «Клио предпочитала чиновничий халат» в Восточной Азии в целом. Праздного

любопытства по отношению к прошлому никогда не было ни в одном традиционном обществе и кочевые империи не исключение. Их историки видели в истории зеркало, в котором отражались мощь и величие государства, которое единственное могло быть гарантом нормального функционирования общества.

Таким образом, весь исторический процесс делился на ряд циклов — от обретения тем или иным правителем «Мандата Неба» (Тянь мин) до его утраты. В единую цепь династийные звенья объединяла концепция «ортодоксальной преемственности власти» (чжэн тун).

В период развития «цивилизаций» особую роль играют не социальные теории, а религиозные и философские системы, важнейшим моментом в которых является сложное понимание причинно-следственного порядка. Происходит разрыв этой цепочки: причины — прерогатива «Неба» («Бога»), а следствия проявляются в земной («профанной», «человеческой») жизни. В христианской традиции это нашло отражение в двух базовых идеях («догматах») цивилизации — креационизме («творении») и провиденциализме («промысле Божьем» как «помощи» человеку). Вся «история» — это не только период «исправления» человека, избавление от тяжести «первородного греха», но и время сложного взаимодействия «Бога» («Неба») и «Человека», «вызовов» Человека Богу (Небу) и ответных «реакций» Бога (Неба).

Восточноазиатская цивилизация не делала акцента на онтологии и потому идея креационизма не получила широкого распространения, а «Воля Неба» начала и конца не имела, поэтому «история» стала не связным рассказом от «Первородного Греха» до «Страшного Суда», а исследованием отдельных сегментов исторического процесса. Хотя, слово «исследование» в данном случае не совсем удачно, ибо исторический дискурс, достаточно широко распространенный и на Западе, и на Востоке в древности, в средневековый период становится почти исключительно описанием, а история как объяснение исчезает из практики, вернее, спускается с космологического уровня на этнополитический.

Идея неизбежности смены правителей и возможность для общества обрести самого достойного способствовало существования чувства «исторического оптимизма». Это объясняет такую непонятную для европейцев ментальную особенность «татар», как спокойное отношение к довольно частой порой смене правителей. А если и возникал династийный кризис, то его причинами считались не социальные или политические конфликты, а утрата прави-

телем «Мандата Неба», потеря им силы «дэ». Такой подход изначально блокировал необходимость каких бы то ни было социальных или политических изменений, социальных и революционных движений.

Важнейшей задачей, стоящей перед историками, было доказать легитимность правящей династии, включив ее в цепь исконных китайских династий. Прорыв в этом направлении безусловно сделали кидании, и о степени их успеха в этом отношении можно судить уже по одному тому факту, что династия Ляо, а вслед за ней и чжурчжэньская династия Цзинь и монгольская Юань, до сих пор считаются китайскими.

Кочевники использовали специфику китайской историкополитической доктрины, чтобы вписаться в историю восточноазиатской цивилизации, войдя в нее своеобразным «троянским конем». Они знали, что Китай не принимал ситуацию безвременья в принципе и, когда прекратила свое существование Танская империя, приняли самое активное участие в «конкурсе» на освободившееся место в династийной цепочке и в конце концов победили слабые собственно китайские линастии. В значительной степени спекулировали они и тем обстоятельством, что династии не обязательно должны были быть генетически связаны друг с другом, что престол они получают не друг от друга, а от самого Неба. Именно кидани впервые фактически поставили ребром вопрос о том, а почему правителем не может быть представитель «варваров». В итоге рождается идея «translatio imperii sinicorum» и стоит заметить, что ее сформулировали не сами китайцы, а именно северные «варвары». Если в Европе «translatio imperii romanorum» («возрождение римской империи») проходило после гибели Западной Римской империи, то на Дальнем Востоке «translatio imperii sinicorum» («возрождение китайской империи») проходило при «живой» китайской империи, на Западе внутри оседлого мира, а здесь — практически за его пределами. Вдобавок на территории киданей была особая экономическая и этническая ситуация, где «классическая» империя просто не могла существовать. Можно сказать, что начиная с киданей, начинается формирование «северного» варианта «империи», что найдет то или иное воплощение в империях Ляо, Цзинь, Юань и Цин. «Южный» вариант некоторое время будет представлен в империях Сун и Южная Сун и частично воспроизведен в империи Мин. В итоге «историческими народами», т. е. народами, творящими историю, наравне с китайцами станут и северные народы (кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры). Но, обратим внимание, здесь под «историей», как правило, опять же будут пониматься геополитические процессы. Хотя кочевники, конечно же, и в этом плане внесли немалый вклад в развитие всего человечества и создали свой вариант развития, в частности, фактически свой вариант государственности, но он будет планомерно уничтожаться китайцами, что тоже приведет к дефициту информации.

Одной из важнейших проблем киданьской историографии в результате станет проблема соотношения этносоциальной памяти и этнополитической истории. Проблема была выражена однажды почти афористично: «история убивает память», «память убивает историю» (П. Нора). Фигура вождя была настолько значима, что часто племя как бы растворялось в ней и следование ритуальным и юридическим нормам поведения, особую роль в выработке которых сыграл этот вождь, определяло судьбу племени в целом, его статус и самооценку его членов. Неслучайно поэтому всегда подчеркивалась особая роль первого правителя («время Цзу и Цзунов» по терминологии М. Н. Суровцова). Ему приписывалась часто так называемая «правда», т. е. политико-юридическое оформление концепции развития государства и общества. Его «заветам», как, например, заветам Чингисхана, могли следовать очень длительное время. Со временем эти «заветы» переосмысливались, теряли свою привязанность к определенной пространственно-временной точке и трансформировались из сложной парадигмы в систему морально-нравственных императивов. Так, от «закона Моисея» брались фактически только «десять заповедей», от «Ясы» Чингисхана «дух великого предка». Перед нами оригинальная и достаточно непротиворечивая смесь двух методологий — субъективистской, в соответствии с которой ход истории определяют великие люди, и объективно-исторической, подчеркивающей особую роль Неба.

В то же время фигура правителя, даже самого выдающегося никогда не заслоняла полностью генеалогический горизонт кочевника. В любом тексте, и киданьские и монгольские сочинения один из ярких тому примеров, содержатся многочисленные сведения об истории отдельных родов, кланов, племен или семей, их происхождении и истории. Все эти группы воспринимаются как нечто цельное и единое, несмотря на автономность их положения. Это и есть кочевой социум или «народ». Все это говорит о сложном положении этноса в пестром мультикультурном и полиэтничном мире. Он должен не просто выживать в этом пространстве, но и, в соответствии с его законами, двигаться «вперед и вверх»,

на вершину этой «лестницы». Иначе он быстро растворится среди других племенных коллективов. Так формируется потребность в этнополитической истории.

Но племенное общество тесно связано и с территорией своего обитания, которая может даже восприниматься как сакральный центр всей «поднебесной» ойкумены (китайские «земли Янь», место встречи предков киданей, древнееврейская «земля обетованная»). Весь образ жизни племени обусловлен этой связью с землей обитания или кочевания. В результате налицо проблемное соотношение двух историй – истории вождей и истории племени. Чтобы проблемность не перерастала в конфликтность, дальневосточный «мир» выдвинул гениальное изобретение в виде двуединства двух главных «божественных сфер» – Неба и Земли. Культ Вечного Неба — одна из центральных религиозных идей народов и племен Восточной Азии в средние века. Это главная сверхъестественная и надъестественная сила (хотя и не персонифицированная) 61 , которая определяет судьбы не только простых людей, но и героев. В киданьских и монгольских текстах Небо часто именуется Отцом. И это не просто философская дефиниция, а реальная сила, которая при необходимости вмешивается в дела людей. Здесь можно провести осторожную аналогию с иудейско-христианским Богом — Отцом, который не просто творит мир, но и «промышляет» в нем. Эти две идеи – креационизм и провиденциализм – присутствуют практически в любой цивилизационной модели и являются ее фундаментом.

Апелляция к «воле Неба» давала право на движение в «мире», преданность Матери Земле сохраняла в целостности эффективный производственно-экономический механизм адаптации к природно-климатической нише.

Сложная и тесная связь этносоциальной памяти и этнополитической истории позволяла «народу» контролировать своего повелителя, коррелировать при необходимости его поведение при помощи традиций. Одним из механизмов этого и была генеалогия. По свидетельству персидского историка Рашид-аддина, «у всех [этих племен] четкое и ясное родословное древо, ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия каждого появившегося на свет

 $^{^{61}}$ Можно действительно отметить тенденцию к монотеистичности культа Вечного Неба.

ребенка... и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения».

Следовать правилам сложившейся иерархии означало поддерживать сложившийся мироустроительный баланс и вызывать уважение других людей и племен, а значит получать определенные преимущества в настоящем за счет «уважения к воле предков», их происхождения и славного прошлого.

Синтез этносоциальной памяти и этнополитической истории стал одной из основ специфического этнокультурного сознания киданей.

Принципиальное значение для судеб историописания в кочевых империях имело появление письменности и широкое распространение общеимперских языков. Во всех этих государствах появляется особое отношение к словесности, которая достаточно рано приобретает общественно значимые функции.

Киданьская историография не случайно формируется именно в период государственности. По «Ляо ши» и киданьским текстам можно выделить ряд ее функций. Она выступает, прежде всего, как инструмент накопления опыта изучения прошлого. Это яркая социальная функция, обеспечивающая сохранение целостности общей исторической парадигмы и бесперебойность ее трансляции во времени и пространстве. Она играет роль критики исторических сочинений; является инструментом обобщения знания по истории. Последняя задача решается через анализ процесса борьбы и смены династий в ходе политического развития. Налицо и прогностическая задача – определять проблематику, методы, необходимость расширения изучения той или иной проблематики. Роль историографического знания в реализации функций исторического знания, по мнению киданьских историков, огромна. Именно оно обеспечивает сканирование истории в целом и особенно современной, которой придается особое значение, гарантирует сохранение социальной памяти, создает возможности для краткосрочных и даже иногда долгосрочных прогнозов, дает фактологический материал для воспитания новых поколений. Именно историки «выбирают» исторический опыт. Только имея максимально точный и беспристрастный с точки зрения общекультурсвод знаний парадигмы o TOM, предшественниками, можно корректно поставить задачу трансляции парадигмы и более точного анализа деятельности императоров и династий. Выбор метода в данном случае не произвольная акция, решаемая интуитивно, а результат принятия цивилизационной исторической методологии в целом.

Особое значение киданьские историки придавали и тому, что мы сейчас именуем историографической эрудицией. Об этом свидетельствует их глубокое знание исторических трудов китайских историков и широкое знакомство с легендарномифологической историей по сути всей кочевой Степи.

Поставлена была киданьскими историками на своем материале, а подчас и на китайском, проблема приоритета тех или иных исторических писателей прошлого и современности в решении ряда методологических и конкретно-исторических проблем.

Можно говорить только о начале становления киданьской историографии как такого рода сферы работы, которая необходима не только для профессиональной работы, но и актуализируется обострением этнических, социальных и политических процессов в киданьском обществе.

Киданьские историографы не слепо доверяли накапливающимся в процессе политической и социальной жизни разнородным материалам, которые подчас серьезно расходились в фактах или датах, могли тенденциозно оценивать ту или иную личность или какое-либо явление. Они сравнивали различные тексты, вводили сведения из своих легенд и появляющихся текстов, в том числе не только исторических, но и литературных, философских произведений. Киданьская историография – по преимуществу практическая, но это намеренный акцент на практической стороне изучения «истории», ибо «теория» взята ими из общецивилизационной сокровищницы. Происходит тем самым достаточно сознательная фильтрация восточноазиатского историографического опыта. Здесь налицо необходимость и в то же время опасность для киданьского общества идеологии метарегиона. Она нужна, но собственно киданьское восприятие истории рано или поздно должно вступить в конфликт с ней. Именно в Ляо впервые, пожалуй, в таком масштабе столкнулись две парадигмы (кочевая и оседлая). По пространственной «горизонтали» - общерегиональная, по преимуществу, китайская и локальная (киданьская), по временной «вертикали» две «древности» – «оседлая» и «кочевая». В более позднее время, скажем, в рамках маньчжурско-китайского синтеза этот конфликт в определенной степени будет преодолен, но тогда уже шел процесс формирования наций, а Ляо не могло еще быть нацией и значит не могла стать одним из дальневосточных государств. Китайская культура доминировала, поэтому Восточная Азия сейчас преимущественно китайская. Аналогов слову «Европа» на востоке Азии не сложилось, что говорит о разных судьбах цивилизаций.

Кидани делали достаточно сложные хронологические вычисления, исходя, скажем, из дат, предложенных китайскими авторами, высказывали свое мнение о тех или иных событиях или людях, т. е. относились к этим источникам критически. Эта традиция сохранится в последующих монгольских исторических сочинениях, «где, помимо исторического рассказа, читатель встречается и с рассуждениями исторической критики и философии истории».

Как в любом традиционном обществе, киданьские историки придавали исключительное значение складыванию, сохранению и трансляции традиции. Это предполагает решение двух задач: фиксацию традиции — traditum и способ ее трансляции — actus tradendi. В различных обществах «нормой и даже доблестью было вести себя так, поступать, как поступали испокон веков предки».

И потому не случайно киданьский император особо подчеркивал, что задачей письменной истории является именно слава нации. Своеобразие трактовки киданями китайского понимания задач историографии выразилось в том, что основной целью истории для них является не только трансляция политического, административного и военного опыта последующим поколениям чиновников и государственных деятелей, но и запись того, что составляет «славу народа». В этом плане можно говорить о настоящей «историографической революции» в кочевой историографии.

История исследует ближайшее прошлое (практически «настоящее») и определяет верность традициям и «заветам предков», в том числе основателя империи Елюй Абаоцзи как Тайцзу («основатель государства»).

Для ее написания необходимы талантливые люди. Только таких людей и выбирают в академию. Первое упоминание о чиновнике, возглавлявшем Исторический комитет, относится к Девятому году Дун-хо (991 г.) (ЛШ 47, 90). Вероятно, с этого времени деятельность комитета стала постоянной. Первая же попытка ввести нечто подобное этой должности приходится на время правления Елюй Абаоцзи (Тай-цзу, ЛШ 76,2а). Тогда ее занимал Елюй Лубугу. В киданьском правительстве существовал институт «левого» и «правого» «ши», которые были обязаны фиксировать деяния и речи правителя, дабы предостеречь его от неверных поступков. Подобные функции обеспечивали непрерывность регистрации событий. Это предполагало обязательное и основательное знакомство «историков» как с основами конфуцианской морали, так и с

общественными традициями. Задача историка - подробно описывать повседневную жизнь правителей (буквально «деятельность и покой» — ЛШ 103, 4б). Киданьский историк Елюй Мэнцзянь определяет функции историописания более дифференцированно. Оно должно заниматься «правдивым описанием» событий, ибо письменное слово служит «сотне поколений». На историографа, следовательно, накладывается особенно большая ответственность и он должен быть осмотрителен и всегда критичен. Другие историки разделяли его мнение. Сяо Ханьцзяну восстановил уничтоженный ранее пассаж, комментировавший плохие результаты императорской охотничьей экспедиции. Это произошло в 1044 г. Чиновники доложили, что во время охоты на осенних горах несколько десятков человек были убиты медведями и тиграми. Сяо Ханьцзяну описал это в своих записях. Увидев это, император приказал стереть. Выйдя из дворца, Сяо Ханьцзяну написал это снова. Его настойчивость похвалил Син-цзун: такой и должна быть историография.

Таким образом, мы видим, что отношение к традиции определяется уже и личностью историка, хотя он больше опирается при этом еще на общецивилизационное видение истории («китаецентризм»), а не на свое индивидуальное восприятие. Влияют уже социально-политическая среда и идеология, тип мышления самого историка и той аудитории, к которой он обращается.

Но само возникновение *отношения* к исторической традиции подразумевает формирование чисто профессиональных качеств. У киданьских историков они амбивалентны: налицо наличие факта существования самой традиции, ее понимание не только как набора обрядов, но и как набора базовых идей и рецептов, но и понимание необходимости выработки приемов выборки и проверки.

Киданьские историки особое значение придавали историческим документам — не обсуждали то, о чем не хватает сведений, искали новые источники информации, пытались восстанавливать и интерпретировать содержание древнейших текстов. Иначе говоря, за основу берется изучение текстов — перед нами один из базовых признаков общецивилизационной историографии — текстовое знание прошлого и настоящего.

Историк должен фильтровать прошлое с целью создания определенного его имиджа, а значит, у него важнейшая задача — создать непротиворечивый синтез трех времен (прошлого, настоящего и будущего). История становится линейной, т. е. события располагаются в соответствии с алгоритмом причинно-следственной связи и историк должен это обнаружить и убедить в том и читателя.

Сами киданьские историки практически ничего не сообщают о своих методах и приемах, хотя и выделяют историческую профессию, пишут о цели историографии, профессиональной этике, говорят о необходимости аналитической выборки материала, о сопротивлении давления правителей. Император, говоря о Сяо Ханьцзяну, назначенном главным писцом Хань линь, перечисляет необходимые качества историка: дарование, литературные способности, эрудиция, внимание к мелочам, пунктуальность, аккуратность. Такие историки известны. Это составители текста 1044 г. — бывший Великий король Южного Дивизиона Елюй Чу-юй (известен своими эссе, один из литературных друзей Син-цзуна), главный писец Хань-линь Елюй Мучэн (знал в совершенстве киданьский и китайский языки, поэт и переводчик китайских книг на киданьский язык).

Таким образом налицо саморефлексия историков как предтеча самоопределения и отделения от мифологичности мышления, налицо «рождение Клио» в киданьском обществе.

В соответствии с этим формируются и такие принципы и методы исторического исследования, как принцип объективности (рассматривать с точки зрения «объективных» закономерностей), принцип историзма (рассматривать все в соответствии с конкретным опытом истории — где, когда, почему, как это явление развивалось, как оценивалось), принцип социального подхода (смотреть на историю в зависимости от социального слоя⁶². Ими осваиваются и соответствующие методы — хронологический, когда все явления рассматриваются строго во временном (хронологическом) порядке, хронологическо-проблемный (рассмотрение истории по периодам и эпохам, а внутри иногда и по проблемам), синхронистический (редко), когда проводили сравнение и прослеживали связь с другими регионами, в основном с Китаем), сравнительно-исторический, ретроспективный. Фактически в киданьской историографии вырабатывается и понятие «эра» — как новая «эра» истории, начинающаяся с киданей, как начальный момент отсчета времени в хронологии и сама система летоисчисления («эра правления») и крупный исторический период. Используется темпоральная структура периодизации. Но, по сути, здесь присутствуют элементы и стадиальной структуры периодизации (этап, стадия, эпоха),

 $^{^{62}}$ «...в каждом обществе есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира» (*Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 15).

правда, еще как синонимия. Используется понятие «момент истории», но не прямо, а как метафора — «знаменательный момент», «трагический момент», «поворотный момент». Основной структурной единицей исторического процесса был «исторический период» (период правления и др.).

Кидани много работали с периодизацией истории. Исторические «шаги» как интервалы надо было соположить, уже одно это вызывало необходимость разработки периодизации. Этого требовало и векторное понимание истории.

В киданьской историографии налицо борьба нескольких принципов — линейной периодизациии как расчленения исторического процесса на «ступени» «исторической лестницы», и иерархической, ибо надо сочетать «исторические» циклы. Можно говорить, что кидании в этом плане переходили от линейногоризонтального видения истории к китайской синусоидальной модели истории (фэн шуай). Об этом говорит то, что по-разному оценивали значение этих «ступеней», отделяя друг от друга, скажем, время «Цзу и Цзунов» и «женских покоев». Выделялась революционная» деятельность Абаоцзи («Цзу») и его антипода Тяньцзо. Последнее подчеркивается особо киданями (по мнению «Цидань го чжи», Тяньцзо «потерял государство») и китайцами, считавшими, что у варваров все равно появятся слабые правители. Но этот прием дает возможность придать истории дидактичность.

Киданями осваиваются и социологические понятия, необходимые для исторического анализа. Их можно разделить на две группы — макроисторические (государство, собственность) и микроисторические (семья, род, племя, община). Это позволяет нарисовать широкое историческое полотно, где существуют не только события, но и личности — интриганы, подлецы, женщины с мужскими характером и умом, святые и т. п. Исторические тексты киданей — своеобразная энциклопедия киданьской жизни.

Налицо двойственная историографическая парадигма: киданьская историческая литература опирается на собственно киданьские тексты и одновременно на китайскую традицию как общецивилизационную. Отсюда споры и о самой сути династии Ляо и рождение нового типа династийной истории. В этом смысле киданьских историков можно назвать исследователями, ибо они все же не подгоняют исторический материал под те или иные схемы, а пытаются делать выводы, исходя из самого исторического материала. Они конечно не «философы истории» и не идеологи, поэтому-то у них часты конфликты с властями. Но в итоге формируется общеляоский, а не просто киданьский взгляд на историю. Он естественно будет в определенной степени дистанцирован от китайского идеала и даже вступать в конфликт с ним.

Это связано и с тем, что если китайцы преклонялись перед прецедентом и нормативным действием, т. е. перед традицией и «древностью» 63 , то кидани, чжурчжэни и монголы, пытались это сочетать со своим обычным правом, что отразилось и на достаточно изрядном равнодушии простых соплеменников к новой историософии.

Одна из проблем исторической интерпретации – проблема отчуждения и чужого. Связана с проблемой самоидентификации как общего явления и культурной идентификации, в частности. Традиционно, начиная с гегелевской «Феноменологии духа» и работ К. Маркса, под «отчуждением» понимался общественный процесс трансформации результатов деятельности человека в силу, от него не зависящую и его подавляющую. Под влиянием философии постмодернизма понятие «чужого» оказалось связано с соотношением категорий Я – ТЫ. На этой основе в современной научной мысли появилось отдельное направление «аллология», исследующее не только сам феномен, но и его существование в разных исторических типах сознания⁶⁴. В данном случае есть смысл опираться на методологическую позицию французской Школы Анналов, которая категории «чужой» и «отчуждение» рассматривает как идеоинструменты формирования логические культурной самоидентификации.

В киданьской историографии это реализовалось через практическую этику, где работали такие базовые механизмы как «запрет» («наказание») и «разрешение» («поощрение») и их производные — «чужой» (отрицаемый этикой) и «свой» (этикой акцептируемый).

⁶³ Китайцы не понимали слишком большой и неоправданный с их точки зрения интерес к традициям киданьского общества. Однако любую идеологию можно рассматривать как знаковую систему, область идеологии совпадает с областью знаков (по выражению М. М. Бахтина, «где знак — там и идеология»). Следовательно, «картина мира, или ее отдельные элементы, воплощаются во всех семиотических системах, которые существуют в обществе». Среди знаковых форм отчуждения выделяются формы, связанные с внешним атрибутивным функционированием — язык, жесты, одежда, обычаи и т. п.

⁶⁴Своеобразным эпиграфом этого направления может считаться тезис Ж.-П. Сартра «Мне необходим другой, чтобы целостно осмыслить всю структуру моего бытия». Попытки установить прямой диалог современности и ушедших или уходящих культур уже появляются.

Представления об истории у киданей явно были и в додинастический период. В развитии их исторических представлений можно выделить три стадии. На первой те племена, которые впоследствии приняли в качестве самоназвания китайское определение «цидань», придерживались типичных для кочевников взглядов на развитие политического и социального миров и свое место в них. Это была горизонтальная модель истории, символом которой может быть назван круг. Круговороту физического мира, в предепередвигались номады, соответствовал которого круговорота социально-политического мира. Горизонтальные перекочевки, жесткая зависимость от физических циклов и природных аномалий, необходимость постоянной готовности к военным столкновениям, обусловленная условиями существования социальная иерархичность и акцент на развитии физических качеств приводили к тому, что в культуре кочевников в целом и в этике в частности явственный акцент делался на «силе», а не «слове» как в оседлых «мирах», причем именно на физической силе, развитие и совершенствование которой было смыслом жизни человека. Это помогало выживать в физическом мире, выдерживать столкновения с противниками и в итоге занимать «законное» и «подобающее» место в этнополитическом консорциуме. Если судить по династийным историям, то создается впечатление, что в восточноазиатской цивилизации вообще отсутствовало так называемое «время мифа», чем китайская цивилизация якобы принципиально и отличается от всех остальных. Вероятно, здесь стоит предположить, что на заре этой цивилизации происходила более или менее сознательная редукция исторического материала, когда за счет анализа, фильтрации и редактирования мифов создавалась такая картина «истории», в соответствии с которой государство считалось единственно возможной и необходимой формой существования общества. Подобное мы можем наблюдать в истории древнего Израиля или, в данном случае, в истории любой кочевой империи. Так, например, сведения по додинастийной истории киданей, чжурчжэней и монголов по указанной причине настолько скудны, что одно это обстоятельство ставит в тупик исследователей, работающих с проблемой происхождения этих народов или историей их взаимоотношений с Китаем в I тыс. н. э. Додинастийная история между тем просто воспринималась как «пустое историческое время» и не учитывалась подобно тому, как в средневековых хрониках и летописях пропускали описание тех или иных лет, по событиям которых невозможно проследить «промысел Божий».

Поскольку в восточноазиатской исторической мысли безусловно господствовал общецивилизационный подход, в соответствии с которым развитие цивилизации всегда обуславливалось наличием государственности, этот период киданьской истории оценивался как пустой. Он рассматривался в свете вертикальной дихотомии (дикость - варварство - цивилизация в виде государства) и антиномии «государственный порядок – безгосударственный хаос». Это дополнялось антиномией «природа – культура» (горы, леса... – город). Поэтому и подчеркивалось, что некогда кидани с момента выделения из сяньбийского комплекса жили в горных долинах и урочищах и их общественный быт подробно не описывался, ибо в нем не было признаков наличия государственности – цивилизации. Выражение «горные долины» в дальневосточной культуре было символом дикости («природы»), которая противостоит «культуре» («городу») Здесь типичная для любой цивилизации антиномия «дикость» - «цивилизация». «Цивилизованные люди» не могут жить в горных долинах: там нет других ат-«цивилизации» – сельского хозяйства подчеркивается примитивность киданьского земледелия!), городов, торговли, «столицы».

На следующей стадии происходит постепенный переход к общецивилизационной вертикальной модели истории, связанной с начавшимся у киданей процессом седентаризации и окончательным включением в состав китаеязчного мира. Происходит существенный отрыв от кочевых представлений и принятие ориентации на китайскую культуру.

Прошлое начинает двоиться. Если в легендах делался акцент на исключительности этноса, то в официальной истории подчеркивалась роль имперских лидеров. Поэтому происходит разрыв в прошлом — период от принятия в качестве самоназвания термина «цидань» до восшествия на престол основателя государства Абаоцзи оценивается противоречиво — то как время позора и сумятиц (это охотно поддерживается китайской историографией, обозначающей это состояние как «варварство»), то, наоборот, как время возмужания. Здесь пространство и время «сшивают» «герой» и «вожди», которые следуют славе рода и Небу одновременно. Это время борьбы и подвигов киданей, в отличие от других варваров, несомненно, сопровождалось зарождением целенаправленного антикитаизма.

Предания и легенды со временем беспощадно уничтожаются, уходят в народ, а народ и по этой причине дистанцируется от

знати, ибо в легендах содержатся необходимые все еще обществу нормы и рецепты. Поэтому новая история воспринимается рядовыми соплеменниками в значительной степени как вымышленная. Не случайно образ Абаоцзи не прижился в народной памяти в отличие, скажем, от образа Чингисхана, который пошел по традиционному пути подвигов, экспансии и мести оседлым народам. Налицо конфликт мифологии и «идеологии» / «истории». Может быть, и по этой причине «история» не стала яркой составляющей киданьской культуры

Отражением этих изменений становится и принятие протокиданьскими племенами китайского термина «цидань». Любопытно, что кидани уже в это время явно выделяются среди остальных «варваров» своим более четким и осознанным стремлением не просто войти в состав «избранного народа», но и со временем даже возглавить его.

В это время они еще во многом силой пытаются удержаться в новом мире, «прибивая щиты» к его вратам, совершая набеги, выклянчивая подарки и почетные титулы. Исторические воззрения их в это время еще далеки от «должных», чем и объясняется, видимо, то, что они практически не нашли отражения в письменных текстах. Налицо изрядная доза антикитаизма, однако, критика Китая в основном идет с позиций кочевого общества как государства, «угнетающего» «свободные» племена и народы.

Решающей стадией формирования исторической мысли киданьского этноса стала эпоха существования империи. Именно в это время можно говорить и о складывании достаточно оригинальной и самобытной исторической парадигмы. Кидани перехопредставлений о круговороте физических этнополитических процессов и «вечности» всего сущего к присущим оседлым мирам мировоззренческим алгоритмам. Появление киданьской историографии – яркое свидетельство того, что восточноазиатская культура уже основательно была освоена этими племенами. В области «варварской» периферии как «астрального тела» цивилизации налицо перенасыщенность китайскими культурными ценностями, что в сочетании с продолжающими сохранять свое значение кочевыми параметрами приводило к насущной потребности произвести их непротиворечивый синтез. Осуществить его возможно было только в пределах государственности нового типа. У киданей речь шла ни много ни мало об организации нового «физического тела» в рамках цивилизационной зоны. В борьбе различных родов за верховную власть, которая предшествовала возникновению киданьского государства, род Елюй победил и потому, что акцент в своей «программе» сделал не на подчинении Китаю и не на борьбе с ним, а на строительстве своего собственного «мира» («не хуже китайского»). Любопытно, что кидани выдвигают два аргумента в пользу этого положения. Первый связан с тем, что кидани, по их мнению, не случайно одерживают свои победы над соседними народами и даже над Китаем – налицо определенная поддержка Неба. С другой стороны, Китай как государство явно ослаб и даже раскололся на «пять династий и десять царств» и это обусловлено тем, что он свою «миссию» выполнил, а, значит, может и даже должен погибнуть, если не изменит свое отношение к «варварам». Время ханьских династий прошло, и Север приходит им на смену. Китай явно не в состоянии больше объединять цивилизационную зону и в ней сложилась ситуация политического, а, следовательно, смыслового и культурного хаоса (своеобразное «язычество» как столпотворение «богов» (культур) и этносов). Это с точки зрения большинства народов зоны свидетельствует о том, что неуклюжая и «угнетательская» политика Китая есть результат утраты им некоей чистоты «истины».

Кидани, воспринимавшиеся Китаем «варварами» и таким образом смотревшие на китайскую культуру как «чужие», увидели в ней то, что сами китайцы предпочитали не замечать, а именно последовательную смену на китайских равнинах различных культур. Отсюда естественно делался вывод не об извечности и вечности китайской культуры, а об ее историчности, о возможности и даже неизбежности ее исчезновения и, следовательно, замены более совершенной социокультурной моделью.

Если учесть, что подобные представления появились не в рамках самой китайской культуры, а за ее пределами, то это можно воспринимать как мощную культурную атаку со стороны «варваров».

Эти «варвары» уже начинают воспринимать себя «историческими народами», т. е. народами, творящими историю, доказательства чего видят в перекраивании ими этнополитической карты Евразии. Кидани и чжурчжэни в отличие от монголов и маньчжур еще только мечтали о новой структуре восточноазиатского «мира» во главе с бывшими «варварами», а не китайцами. Тем не менее, у киданей налицо стремление «строить» государство, по крайней мере адекватное Китаю. Поэтому критика Китая ими ведется не просто как «мира насилия», а как во всех смыслах извращенной послеханьскими («средневековыми») династиями «древней» системы. Любопытно, что аналогичный процесс идет и на другом конце

Евразии — в Европе. Франки как потомки бесписьменных некогда «варваров» приходят на смену прежним двум «Римам» (Западная Римская империя и Византия) и осуществляют «обновление» римской идеи как translatio imperii romanorum (Возрождение Римской империи).

Эта историософская позиция хорошо иллюстрируется на примере принятого киданями этнонима «цидань-го», который активно использовался ими с 907 по 947 и с 982 по 1074 годы.

Обобщение огромнейшего фактического материала, накопленного киданьскими историками, проходило в три этапа. Первые два из них были связаны с появлением текстов, непосредственно посвященных истории киданей и их культуры в целом — «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История [династии] Ляо»). Именно здесь применительно к киданям максимально полно была применена китайская цивилизационная парадигма.

Оба текста типичны для восточназиатской исторической мысли и, как любой исторический текст, посвящены истории возникновения, развития и гибели государственности, в данном случае, киданьской. Это значит, что их интересует три комплекса проблем. Прежде всего, когда и почему возникла государственность. Естественно, главной задачей здесь является доказывание особой роли китайского идеала, ибо, по мнению китайских историков, государственность может появиться только под влиянием Китая. Не менее важной является и проблема долговременности ее существования. И, наконец, причины ее гибели. Главной причиной не может быть просто отказ от идеала — он доказал свою эффективность своей многовековой историей в рамках китайской империи. Важнее для китайских историков доказать иное — то, что «варвары» не способны следовать ему долго и в состоянии создавать лишь недолговечные образования, а вечна лишь китайская империя.

Кидани постепенно перенимали китайские представления о том, что империя должна преобладать в культурном, а не политическом плане. В современной историографии эта имперская доктрина получила наименование доктрины «универсального государства» или «мироустроительной монархии» монархии». Само Небо отделило земли империи от остального мира различными естественными преградами. Связывает дуальный мир воедино только власть императора, который осуществляет мироустрои-

тельные функции и поддерживает правильное течение космических процессов.

Одной из центральных проблем киданьской историографии по этой причине и была проблема влияния киданей на общественное развитие дальневосточных и восточноазиатских регионов. Киданьские историки стремились доказать, что кидани сменили китайцев или другие народы (уйгуры, тангуты, тюрки) в роли «исторических народов» и отныне именно они являются организаторами и устроителями мира, созидателями культуры. Именно по этой причине исторические тексты киданей неспроста составляются вначале на собственном языке. Переход к китайскому языку во многом обусловлен сделать свои концепции более известными.

Почитание божеств и исполнение правителем религиозного ритуала выступает в качестве главного фактора истории. Киданьские правители довольно быстро поняли значение истории как орудия политической пропаганды.

Киданьские исторические тексты представляют особый интерес как одна из наиболее ранних попыток дать на основе родовых и племенных преданий, устного творчества историю народа, который сыграл особую роль в истории Восточной Азии.

20. Между Западом и Востоком. Судьба киданьского эксклава в Центральной Азии

§ 1. Образование западнокиданьского государства

История кара-китаев (западных киданей) — один из ярких примеров взаимного межцивилизационного сотрудничества различных народов на территории Центральной Азии.

Гибель империи Ляо.

Причины гибели империи Ляо и последующего образования на востоке западнокиданьского государства разнообразны, но все они так или иначе связаны с изменением геополитической обстановки в Центральной и Восточной Азии в целом и спецификой ее развития как имперского государства, в частности.

Усилившиеся на далеких, казалось, северо-восточных окраинах шэннюйчжи («немирные чжурчжэни») с 1112 г. окончательно вышли из повиновения киданям и активизировали свою политику, направленную на объединение всех чжурчжэньских племен. Эта

война закончилась разгромом ляоской империи и появлением на свет Золотой империи чжурчжэней (Цзинь (1115—1234).

В политической событиях и военных действиях этого периода активное участие принял будущий основатель государства западных киданей — *Елюй Даши* (1087–1142), совершивший беспрецедентный переход с территории Северного Китая в районы Центральной Азии. По масштабам своих достижений он, безусловно, может считаться одним из самых выдающихся людей средневековой Евразии.

Даши принадлежал к императорскому роду Елюй, и был потомком основателя восточного киданьского государства Елюй Абаоцзи в восьмом поколении. Родился он, судя по свидетельству «Ляо ши», в 1087 г. Это предположение основывается на свидетельстве «Ляо ши» о том, что в год цзя-чэнь (1124) ему было 38 лет. По словам мусульманского историка Ибн-ал-Асира, он отличался красивой наружностью, носил одежду из китайского шелка и по обычаю правителей своего народа закрывал лицо покрывалом. В мусульманских источниках он известен также под именами Нуши тайфу, Нуши талфун, Нуши Тайфун, Нуси Тайфда и Нуси тайгир или. Знатное происхождение, богатство, но все же и большие способности, любознательность и немалое честолюбие позволили ему получить весьма незаурядное для своего времени образование. Уже в юности Даши прославился среди видавших виды кочевников как отличный стрелок из лука и великолепный наездник. Он обладал незаурядным военным талантом, одинаково легко наносил фронтальные и точечные удары и умело организовывал крупномасштабные экспедиции. И в то же время, у него разносторонние познания в различных областях как киданьской, так и китайской культуры. По словам Е Лунли, он был известным литератором: «линья — название его должности, которая соответствует должности ученого из числа выдающихся литераторов в Китае». Отсюда еще одно имя, под которым он известен – Даши Линья. В маньчжурском переводе «Ляо ши» есть сообщение о том, что в 1115 г. он удостоился степени цзиньши. К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн предположили, что авторы 30-й главы «Ляо ши» могли спутать термин «цзиньши» с киданьским словом «линь-я» («академик»), означавшим должность Даши в киданьской академии Хань-линь. Это кажется маловероятным для членов такой авторитетной комиссии, как комитет по составлению истории под руководством монгола Токто. К тому же, хотя в киданьском оригинале в бэньцзи императора Тяньцзо, т. е. в том месте, где обычно приводятся подобного рода факты, соответствующего упоминания нет, зато там сообщается, что в 1112 г. 103 человека получили эту степень. Если учесть, что вскоре после получения степени Даши был назначен на пост правителя области Сянчжоу, а последняя была захвачена чжурчжэнями в 1114 г., он, вероятно, был в числе именно этих 103 выдержавших тяжелейший экзамен. Даши — единственный известный из киданей, получивших эту степень.

Степень, которую получил Даши, давала ему право войти в состав чиновничества и получить какую-либо должность в самом низшем девятом ранге. Но здесь есть один сложный нюанс. Как сообщает чжурчжэньская «История династии Цзинь», ляоское правительство «выбирало своих людей посредством танской системы цзинь-ши». Действительно, экзаменационная система была заимствована киданями в варианте, тщательно разработанном китайцами в период династии Тан. Кидани впервые установили экзамены после включения в состав государства в 938 г. 16 округов. Первым лауреатом, разумеется, стал китаец Ши Фан, получивший степень цзинь-ши при императоре Тай-цзуне (Дэгуане). С 988 г. экзамены проводились более или менее регулярно до самого конца династии. Сама система экзаменов на ученую степень достаточно подробно описана в ЦГЧ (с. 318).

Елюй Даши сдавал экзамены на территории собственно Китая и это ему, в отличие от кандидатов, тестируемых на региональных экзаменах, открывало формальный и законный доступ уже к высшим должностям в правительстве.

Вскоре после ее получения Даши был назначен на пост правителя области Сянчжоу. Кроме этой степени он имел и титул «чжун дэ» (глубоко добродетельный). В 1115 г. он становится цыши (контролером) округов Тайчжоу и Сянчжоу, а затем и цзедуши (генерал-губернатором) тоусячжоу (вверенной области) Ляосин (современная провинция Шаньси). В этом же году дубоцзиле (верховный вождь) чжурчжэней Агуда провозгласил создание чжурчжэньского государства, принял императорский титул, а в 1116 г. захватил Восточную столицу киданей Ляоян, старую бохайскую столицу, а вскоре — всю территорию прежнего Бохайского королевства.

Елюй Даши играл, вероятно, в этот период немалую роль в политической жизни Ляо. Обе его должности, цыши и цзедуши, предполагали, что их обладатель одновременно занимал какие-то посты еще и в центральном правительстве и был облечен военными и гражданскими полномочиями. В «Ляо ши» (29 цз.) он известен

также как один из «важных министров». В это время дядя императора Елюй Цюнь, носивший титул Янь-вана, в 3-м месяце 1122 г. провозгласил себя императором. Среди «ста чиновников», которые «дали ему титул императора Тянь Си», одним из первых «Ляо ши» называет Даши. Империя Ляо распалась на две части: земли к северу от пустыни Шамо, юго-западные и северо-западные районы империи находились под контролем императора Тянь-цзо, а юг империи оказался в руках Янь-вана. Положение империи было критическим.

В 6-м месяце 1122 г. Даши разгромил под Сюнчжоу отборную сунскую армию. Вероятно, уже в это время у него уже был план возрождения империи на основе объединения под эгидой киданей родственных им племен, но в тех условиях он оказался неосуществим. У Даши не оставалось другого выхода, кроме возвращения к Тянь-цзо.

Так начался новый этап его биографии, связанный с борьбой против главного врага державы – чжурчжэней. После ряда удачных операций он все же оказался в их плену, из которого вскоре бежал. Судьба, однако, отвернулась от киданей и их императора окончательно. После пленения Тяньцзо-ди чжурчжэнями Елюй Даши возвёл на императорский престол его сына, носившего титул Лян-вана, после чего бежал с ним на запад в сопровождении порядка 200 всадников (Ляо ши, цз. 30). У Джувейни приводятся еще две цифры: «восемьдесят человек его племени» и «огромное количество людей». Вторая цифра, видимо, относится к более позднему времени, когда Елюй Даши на западной границе пополнил свои силы за счет присоединившихся к нему остатков разгромленных киданьских отрядов. В «Ляо ши» есть сообщение о встрече Даши с сянвэнем белых татар Чуан Гуэром, который предоставил ему столько лошадей, верблюдов и овец, сколько нужно было для продолжения пути 200 всадников.

Через несколько месяцев Лян-ван умер, и Елюй Даши возвёл на престол Елюй Чжулэ, однако через месяц тот был убит своими соратниками, поэтому во 2-м месяце 1124 года Елюй Даши решил объявить себя императором с почетным титулом Тянь-юй. Есть мнение, что в это время он провозгласил себя лишь ваном. Так появилось государство Бэй Ляо (Северное Ляо). Об этом известно из доклада сунскому императору вернувшегося из чжурчжэньского плена чиновника Чао Цзуди (1128). Он говорил о 100 тысячной армии, хотел убедить императора присоединиться к Даши.

То, что Даши принял ляоский императорский трон, было указанием на неприятие власти чжурчжэней. Династия Ляо прекратила свое существование не добровольно и не в результате внутренних процессов, а в результате узурпации власти Агудой.

Кидани на границе миров.

Куда именно бежали Елюй Даши и Лян-ван? В 30-й главе «Ляо ши» есть сообщение о том, что Даши в конце концов прибыл в Кэдуньчен, но дело в том, что с таким названием было несколько городов. Среди них выделяются тангутский и монгольский города с таким названием, в какой же из этих городов отправился Даши? И в каком направлении – на запад или на север? Иначе говоря, к тангутам или монголам? Е. И. Кычанов в свое время категорически настаивал на тангутском варианте, Виттфогель К. А. и Фэн Цзяшэн — на монгольском. Анализ маршрута бегства Елюй Даши позволяет сделать вывод, что речь идет о городе на северо-западной границе на р. Орхон, где располагался 20-тысячный киданьский гарнизон, контролировавший окрестные племена. Здесь же проживало 700 бохайских, чжурчжэньских, китайских семей и семей сосланных преступников-киданей. Именно этот город, носивший разные названия – Кара-корум (тюрк.), Хоринь, Хара-Хоринь (монг.), Холинь-чен (кит.) — объявил в 1220 г. своей столицей Чингис-хан.

С прибытием на западную границу империи начинается новый этап не только в биографии Елюй Даши, но и в истории киданьского общества – последняя попытка вооруженной борьбой сломить натиск завоевателей, что можно было сделать, только объединив все античжурчжэньские силы, в том числе и многочисленные кочевые племена Монголии, для которых полчища Агуды представляли потенциальную опасность. И Елюй Даши отлично понимал это. В такой сложной ситуации он показал себя искусным стратегом и опытным политическим деятелем. Уйдя от последнего киданьского императора с небольшим отрядом воинов, он затем пополнил свое войско за счет мелких кижданьских племен, родов и гарнизонов крепостей, еще не захваченных чжурчжэнями. К этому времени умер Лян-ван, бывший «императором» всего несколько месяцев (5–10 месяцы 1123 г.), а следующая креатура Даши, Елюй Чжуле, в 11-м месяце того же года был убит своими соратниками. Хотя император Тянь-цзо еще скитался по степям и даже считал себя верховным владыкой уже практически не существующей империи, в политическом смысле он был мертв, поэтому Даши и

решился, как сообщает «Ляо ши», объявить себя императором. Это произошло в 5-й день 2-го месяца года цзя-чэнь (1124). Так была провозглашена цель всей последующей истории киданей — возрождение былой силы и славы империи и под этим лозунгом пройдет вся яркая история кара-китайского государства.

Для чжурчжэней этот мощный дипломатический ход Даши принес массу хлопот. Сопротивление им оказывали сразу два вполне легитимных правителя киданей — не пойманный еще Тянь-цзо и готовый в любую минуту подхватить знамя борьбы его прямой наследник. Однако, чтобы дипломатическая изворотливость Даши принесла свои плоды, нужно было заручиться поддержкой союзников. Неудивительно, что еще не избавившийся от некоторого киданьского высокомерия принц сначала, скорее всего не думал о монгольских племенах и обратил свои взоры на былых соседей империи. Не успели чжурчжэни захватить в плен Тянь-цзо, как узнали о заключенном Даши союзе с тангутами. Хотя тангуты не решились открыто выступить на стороне Даши, но позволили ему, судя по сообщению сунского военачальника Чжэ Кэцю, собрать 100-тысячную армию в северных районах своей империи. Даши в 1126 г. предложил сунскому императору атаковать Цзинь с юга. Чжурчжэни стремительно атаковали сунские войска и заставили их пойти на заключение сепаратного мира.

Елюй Даши вынужден был обратиться за помощью к последнему союзнику — племенам. Татары согласились не поставлять лошадей в цзиньскую армию, однако, как только чжурчжэни сделали запрос о «причине неповиновения», вынуждены были подчиниться и даже отправили в качестве заложника наследника хана.

Воспользовавшись беспокойством, которое вызвало у кочевников появление чжурчжэней в Монголии, Елюй Даши созвал курултай в Бешбалыке в старинном уйгурском городе Бэйтин (Бешбалык). На этот съезд прибыли «главы семи областей и вожди 18 племён». Анализ письменных источников позволяет уточнить, что Даши с целью восстановления империи и организации борьбы с чжурчжэнями пытается создать союз племен и придать ему наступательный характер. Этот план он и излагает в своей известной речи на курултае в Бэйтине: «Сейчас, полагаясь на справедливость своего дела, я прошу вашей помощи в уничтожении нашего об-

 $^{^{65}}$ В китайском тексте здесь стоит иероглиф fan и, таким образом, Даши обращается за помощью именно к представителям центральноазиатских кочевых племен («варварам»).

щего врага и восстановлении нашей империи. Я уверен, что вы почувствуете сострадание к нашим бедам. Можете ли вы смотреть без горя на разрушение храмов наших духов-правителей? Без сомнения, вы поможете вашему императору и отцу; вы не будете безразлично смотреть на несчастье наших людей». Племена дали 10 тысяч хорошо вооруженных и прекрасно обученных воинов. Даши назначил командиров, привел в порядок оружие и снаряжение, разделил отряды по 500 человек. Под его знамена стали собираться и киданьские беженцы, и «лишившиеся имения голодные, истомленные, бедные и всякого сорта люди». Одновременно он пытается создать систему укрепленных районов («семь чжоу на западной границе»: Вэй-у, Чун-дэ, Хуй-фань, Синь, Да-линь, Цзу-хэ, До). Это была последняя попытка сколотить военную коалицию племен и подготовиться к чжурчжэньскому нашествию, но племена, собравшиеся на съезд, предполагали организовать лишь оборонительный союз, и потому после первых же активных действий Даши (поход на округ Тайчжоу к западу от слияния рек Нонни и Сунгари) один за другим стали отпадать от этого союза. Таким образом, киданям, предводительствуемым Елюй Даши, не оказалось места среди кочевых народов Восточной Азии и оставалось либо подчиниться чжурчжэням, либо уйти в западные районы, где они (пусть силой) могли получить земли для расселения. Среди 18 же племен, поддержавших Даши, значатся племена, жившие в самых разных частях Монголии и Сибири. Здесь Большие желтые шивэй, кочевавшие в районе Байкала, теле (теленгуты у Рашид-ад-Дина), обитавшие по берегам Амура, ван-цзи-ла (онгираты), цзя-цзи-ла (джаджираты), ми-р-ки (миркиты), цз-бу (татары), тан-гу (тангуты), ху-му-ссю (хумус), е-си (йисуты), би-гу-да, тоже, возможно, жившие на Амуре, ни-ла, х-чу, у-ру-ди (уги, урянхаи), бу-су-ань, си-ди, дала-гуай (таргутай), да-ми-ли (у Рашид-ад-Дина — дамгалык), цзюэр-би. Этим списком подтверждается сообщение «Цзинь ши», что влияние Даши распространялось практически на всю Монголию.

В ответ на свой страстный призыв Елюй Даши получил более 10 тыс. хорошо вооруженных и прекрасно обученных воинов. Ему оставалось только назначить командиров и привести в порядок оружие и снаряжение. Все войско был разделено на отряды по 500 человек.

Вероятно, на этом же съезде Елюй Даши принял на себя монгольский титул «гурхан». Если императорский титул отражал его притязания на киданьский престол и стремление возродить империю, то второй показывал, что средством для достижения цели он

избрал конфедерацию монгольских племен, противников чжурчжэней. Тем самым решались сразу две задачи: под его знамена собирались и киданьские беженцы, и «лишившиеся имения, голодные, истомленные, бедные и всякого сорта люди» (Абульгазихан).

Термин этот издавна привлек внимание исследователей. Принятие его первым западнокиданьским правителем Елюй Даши казалось необычным таким историкам, как М. Дегинь, П. де Майа, К. Д' Эрбло, С. де Саси, М. Клапрот. Источники, откуда кидани заимствовали этот титул, пытались найти В. Григорьев, И. Березин, К. Риттер, К. Менгес, К. А. Виттфогель, Фэн Цзяшэн и ряд других отечественных и зарубежных исследователей. В «Ляо ши» прямо говорится, что гурхан — это почетный титул правителей именно монгольских племен. Корень «гур» в монгольском языке имеет два значения: первое – большой, всеобщий, второй – народ (собрание племен). Титул «гурхан» в этом случае означает выборного хана, поставленного во главе какого-либо племенного союза (хана ханов). Именно в таком, видимо, значении он встречается в «Юань чао би ши», где рассказывается о том, как в 1201 г. некоторые монгольские племена, собравшись на реке Кем, избрали своим вождем Джамуху с присвоением ему титула гурхан, т. е. великий хан. Можно предположить, что на протяжении XII-XIV вв. значение этого титула претерпело значительную эволюцию. Джувейни объясняет его как «хан ханов», а Рашид Ад-Дин трактует — «великий хан, всеобщий хан»». В отдельных тюркских и монгольских языках это слово произносится с некоторым удлинением (гўр-хан) и обозначает «универсальный правитель, хан с огромной властью, верховный правитель». Титул этот пользовался большим уважением у многих правителей, в частности, «любил видеть свое имя с этим прозванием Тимур». Любопытно свидетельство Р. Бэкона о значении слова «хан»: «хам — титул и означает то же, что прорицатель» (Cham est nomen dignitatis, et sonat idem quod divinator). Тем самым подтверждается попытка совмещения в лице правителя западных киданей духовной и светской власти по т. н. «китайскому» варианту.

Слово «гурхан» своим происхождением обязано ряду слов в монгольском языке. Так, gür, güur означает толпа, многолюдие, от которого существует производное güurtei (многолюдное сборище). Как писал И. Н. Березин, «в монгольском находится слово... гур, означающее «народ» («собрание племен») и владетель нескольких илей получал почетное прозвание гур-хан, хан народа». Э. В. Бретшнейдер переводит слово gur khan как «всеобщий хан».

Эту мысль тщательно разъяснил Д. Банзаров: «До появления Чингисхана Монголия, состоя под влиянием Китая, дробилась на множество мелких племен, которые назывались илами, и владетелям их приличествовал титул ил-ханов; некоторые из них украшались китайским титулом ван, князь. Если владетель успевал соединить под свою власть несколько илов, что называется гур, то он получал титул гур-хан. В этом смысле ханы кара-китайские назывались гурханами, и поэтому же враг и соперник Чингиса Джамуха на собрании собравшихся с Чингисханом племен был провозглашен ими гурханом. Когда Тэмуджин покорил себе все племена Средней Азии, ему нужен был приличный его положению титул; победив ил-ханов и гур-ханов, он бы унизил себя, если бы усвоил себе их звание, их, которые были его подданными... Для этого он объявил себя сыном неба, и потому принятый им титул Чингиса должен был означать нечто выше гур-хана, соответствующее хуан-ди, «император». Я думаю, что Тэмуджин восстановил древний титул великих ханов народа хиун-ну».

У Ляо был явно немалый престиж в Центральной Азии, иначе бы Елюй Даши сюда не пошел. Он сам упоминает о наличии торговых отношений и брачных связей с этим регионом.

Одновременное использование титулов «гурхан» и «император», видимо, не случайно. В Ляо Севером и Югом управляли разные чиновники. Здесь, в условиях эксклава, необходимо единоначалие: «гурхан» контролировал «Север», а «император» — «Юг». Тем более, что под империей понималась политика (иерархия, единовластие), а у кара-китаев это было не главное. Они изгои, опирались на парадигму, а средством консолидации избрали осмысленную по-своему идею племенной конфедерации.

Теперь Даши уже смог начать попытку контрнаступления на территории, находившиеся под контролем чжурчжэней. Елюй Даши шесть лет пытался восстановить империю, используя силы, собранные в Западной Монголии.

Цзиньский император из-за боязни, что «племена придут в возмущение», приказал «только осторожно и внимательно следить за ним».

Чжурчжэни предприняли ряд военных и дипломатических мер против Бэй Ляо, следствием которых явился распад сложившейся коалиции. Когда до чжурчжэней дошли слухи о курултае, цзиньский император весной 1129 года отправил против Северной Ляо 20-тысячный корпус под руководством Елюй Юйду. Это был один из крупнейших киданьских вельмож, родственник императора,

который в 1121 г. перешел к чжурчжэням, был хорошо принят и поставлен во главе их армий, брошенных на Дадинфу (Среднюю столицу). Осенью 1129 года Елюй Юйду занял Кэдуньчэн, однако летучие отряды Северной Ляо вели «малую войну», препятствуя деятельности фуражиров, и, оставшись без продовольствия, Елюй Юйду был вынужден отступить. В докладе императору говорилось, что цзиньские солдаты сражались с войсками Елюй Даши три дня и три ночи. Имело значение, видимо, и то, что вожди кочевых племен отказали чжурчжэням в повиновении, а монголы во главе с Хабул-ханом даже объявили им войну.

Однако в результате сложившегося соотношения сил киданям Елюй Даши не находилось места непосредственно на территории бывшей киданьской империи. Взвесив все обстоятельства, в день цзя-у 2-го месяца (13 марта) 1130 г. Елюй Даши принес в жертву Небу, Земле и своим предкам серого быка и белую лошадь и устроил смотр своим войска, перед которыми поставил задачу совершить марш на запад, «к арабам» (дашы). Одновременно он послал правителю уйгурского турфанского княжества письмо, в котором просил разрешения пройти через его страну.

Бильгэ, «получив письмо, сразу же выехал навстречу», три дня провел в его ставке и на прощанье подарил 600 лошадей, 100 верблюдов и 300 баранов, «охотно оставил в качестве заложников детей и внуков и стал его вассалом», проводив Даши до границ своих владений.

Причины и ход передвижения восточноазиатских родов на Запад.

Почему же кидани двинулись именно на запад? На это имелось много причин.

Возвращение на восток оказалось невозможным и не только из-за опасности со стороны чжурчжэней. У киданей испортились отношения с западномонгольскими племенами. Даши сделал ставку на северные и западные монгольские племена, надеясь с их помощью отвоевать трон, о чем откровенно заявил при провозглашении сначала государства Бэй Ляо (Северное Ляо), а потом и степной конфедерации из 18 племен. Для потенциального государства, однако, не было ни этнической, ни экономической основы. Кроме того, племена хотели лишь не пропустить чжурчжэней в свои владения, когда же убедились, что Даши хочет серьезной войны с Цзинь, тут же отложились от него.

Разложение империи имело одним из своих обязательных последствий процесс этнического распада. Не успевшие слиться в

один этнос роды и племена, населявшие государство, в условиях нарастающего политического хаоса и стабильной экономической стагнации, которая сама была следствием складывания на территории империи так называемой «феодальной» экономики, по определению предельно автаркизованной и локальной, вынуждены были «выживать» самостоятельно. Даши вынужден был увести с трудом собранные остатки киданьских племен по проторенной дороге на Запад. Туда и раньше уходили «лишние» роды и племена. Еще в период Ляо (X—XII вв.) происходило дисперсное расселение киданей и подчиненных им племен на территорию Центральной и Средней Азии, где проживало обширное тюркоязычное и ираноязычное население. В начале 30-х гг. XI в. куны «из земли Китай», спасаясь от киданьского правительства, прошли через всю Среднюю Азию. Под 1068 г. они упоминаются в венгерских хрониках как «черные» и «белые» куны. На пребывание их в половецкой степи указывают и русские летописи. В 1095 г. был убит половецкий князь Китан. Под 1103 г. упоминается целый род киданей – Китан-опа. Отражение имени кун видно в имени половецкого хана Кунуя.

Пришедшие с континента под названием «Восточная Азия» на остров под названием «Восточный Туркестан» кидани фактически не вышли за пределы прежней цивилизационной зоны. Маргинальная зона «цидань» («Катай») на востоке, где происходило активное взаимодействие кочевых и оседлых народов, на самом деле была частью более обширного пространства от Приморья до Мавераннахра.

Зона обитания киданей и других племен, как уже говорилось, фактически выделяется в глубокой древности как особая фронтирная территория взаимодействия и конвергенции восточноазиатской и кочевой цивилизаций. Зона состояла из двух тесно связанных друг с другом территорий, занятых тюркскими и монгольскими племенами, и располагавшихся от Трансоксании на западе до российского Приморья на востоке.

Кидани осваивали эту зону постепенно. До XI в. большую роль в истории региона играли рыжеволосые кимаки, создавшие достаточно развитый Кимакский каганат. По гипотезе Ахинжанова С. М., у кимаков прослеживается связь с родственными киданям племенами ку-мо-хи (Си).

В то же время любопытен и такой факт. Китайские историки еще к середине XI в. выработали две основные точки зрения на происхождение киданей: одна связывала их с сюнну, другая — с

дунху. Современные исследователи делают пессимистичный вывод, что средневековые китайские исторические тексты не в состоянии помочь в решении вопроса о происхождении киданей. Основное направление исследований в этом плане связано с анализом киданьского языка. Достаточно перспективной видится возможность решить эту проблему с помощью анализа общецивилизационной обстановки в Восточной Азии в первом тысячелетии н. э. и делая акцент не на языке или быте, а на факте происхождения народа. Однако считать, что средневековые авторы были настолько беспомощны или их эта проблема не интересовала вовсе, вряд ли стоит. У них было иное видение проблемы. Вероятно, их не столько занимало, от какого народа или в связи с какими обстоятельствами отпочковался тот или иной конгломерат родовых групп. Гораздо важнее для имперских чиновников было понять, к какому культурному ареалу они тяготеют. От этого зависит характер культуры этноса, специфика его хозяйства, его потенции и преференции, а, следовательно, и степень опасности для империи. Иначе говоря, по свидетельству современников киданей, их связь с западом была не менее сильной, чем с севером.

О наличии значительных языковых связей киданей с Центральной Азией говорит и история киданьского языка. Некоторые представители правящей элиты, возможно, и до образования государства владели тюркской или китайской письменностью.

По данным «Ляо ши» в 920 г. (в день и-чжоу первого месяца весной пятого года Шэнь-цзе) появилось «большое письмо». Составителями этого письма были Тулюйбу и племянник первого киданьского монарха Елюй Лубугу, которые для этой цели изобрели «письмена в количестве более трех тысяч знаков», прототипом для которых послужили китайская и, вероятно, бохайская письменность.

Через уйгуров, своеобразных культурных посредников между Китаем и Западом, кидани познакомились и с образцами центрально-азиатской письменности и литературы. Из экспедиции 924 г. киданьская армия вывезла много каменных табличек и поместила их в собрание, где уже были тексты на киданьском, тюркском и китайском языках. Это была, по сути, первая киданьская библиотека.

Прослеживаются связи с тюрками самих киданей, язык которых был настолько близок к тюркскому, что они могли легко выучить последний за 20 дней общения с уйгурами. Речь идет об эпизоде из «Ляо ши» (цз. 64), где говорится о том, как в 925 г. младший брат основателя династии Ляо Абаоцзи по имени Елюй Тила-

го (или Тела, Дэла по прозвищу Юньдухунь, очень «умный») сумел основательно ознакомиться с их разговорным языком и письменностью за двадцать дней, после чего при явном одобрении императора, разработал свое собственное («малое») киданьское письмо, надписи на котором «встречались повсюду». Известно, что сами кидани некогда «были пастухами у уйгуров». Материалы по дешифровке большого киданского письма демонстрируют наличие в нем не только монгольских, но и тюркских слов. Племенные групны найман, тангутов и карлуков, проживавшие в Си Ляо, говорили на языках, близких к тюркскому языку Караханидов. Эти обстоятельства способствовало и тому, что после уничтожения западнокиданьского государства населявшие его племена достаточно легко вошли в этнические образования казахов, киргиз, татар, а оседлые группы влились в состав позднейших таджиков, узбеков, афганцев, уйгур.

Даже не полное до сих пор изучение киданьского языка и письменности позволяет сделать вывод о том, что он в эпоху Ляо достиг настолько высокого уровня, что играл роль некоей «лингвистической арматуры» в сложной общественной, экономической и культурной жизни киданей и их «мира». Можно предположить, что, поскольку в этой зоне встречались принципиально разные цивилизации (степная, восточноазиатская и тюркско-мусульманская), единой письменности было мало, и мы имеем дело с двумя ее весьма оригинальными вариантами. Большое письмо не случайно было создано первым, ибо уже на первом этапе своего развития (907– 947) государство киданей и во внешней политике, и в области государственного строительства было ориентировано на Китай, ему подражало и с ним боролось. Китай (особенно в период империи Сун) был лидером региона и главным идейным конкурентом Ляо. Поэтому-то в большом письме больше китайской лексики, а также монгольской и тунгусо-маньчжурской. В малом их меньше, но зато больше тюркской лексики. Иначе говоря, большое письмо как более «сложное» было ориентировано на южные районы Ляо и Китай. Малое было предназначено для Запада, где китайский язык менее известен, но все же еще не был полностью забыт с тех пор, как Китай потерял возможность контролировать районы современного Казахстана и Средней Азии. Одной из причин того, что малое письмо не было широко распространено в западных районах страны, было достаточно хорошее знакомство киданей с тюркским языком и то, что кидани проживали в тех районах довольно компактно в виде некоего анклава. Елюй Даши, создавший государство

Западное Ляо, знал оба письма. Связь Ляо и Запада Монголии нашла отражение и в существовавшем в империи бицефализме двух правящих родов — киданьского Елюй и уйгурского Сяо. Поэтому и бежавшего после разгрома Ляо на запад принца Елюй Даши приняли, ведь он был в той или иной степени родственником уйгурам. Он фактически сам об этом заявил, объявив себя связанным родственными узами (в восьмом колене) с первым киданьским правителем Абаоцзи и его женой Шулюй.

Какое-то время, в период существования киданьских империй Ляо и Си Ляо (907—1218), малое письмо было той письменностью, которая связывала друг с другом кочевников монгольского и тюркского миров. Впоследствии, по мере широкого распространения тюркского языка на Западе и создания монгольской письменности при Чингизидах, его существование окончательно потеряло смысл, а «большое письмо» не выдержало конкуренции со стороны китайского языка и чжурчжэньской письменности.

Существует информация и о связях киданей с районами Тибета. В одном из тибетских текстов (манускрипт Национальной Парижской библиотеки № 246) говорится: «Там на севере есть те, кто называется Ге-тан. Король их — это хаган Ге-тан. Их пища и законы такие же, как и у А-жа. Скот их преимущественно телята, овцы и лошади. Язык их в большой степени соответствует языку А-жа. Они то ссорятся, то вступают в союз с уйгурами». По мнению Л. Амби, речь идет именно о киданях. А-жа, как считает П. Пельо, это Ту-ю-гуни — «эмигранты из племени сянь-би». Это дает, кстати, основание предполагать не только связь киданей с последующими «историческими» монголами, но и подтверждает широкую известность киданей в данном регионе и существовавший интерес к ним.

В X-XII вв. кидани владели обширными степными районами Центральной Азии на западе, вплоть до Алтайских гор (Цзиньшань — Золотые горы), и около 60 правителей этих мест признавали власть Ляо. Многие народы Центральной Азии, в том числе и ряд южносибирских племен, прямо или косвенно оказались вовлечены в сферу ее влияния. После образования этой империи племена, не желавшие подчиниться, ушли на запад. С ними ушли и отдельные киданьские роды. В 924 г. Абаоцзи «на западе захватил древние земли туцзюэ», «вступил в область уйгуров» и 2 октября «достиг древнего уйгурского города». В итоге огромная киданьская армия продвинулась на запад вплоть до территории обитания «племен иртышских гор». После окончания похода часть киданей

осталась близ Южного Алтая, где попала под сильное влияние местного населения.

В X-XII вв. обширные пространства среднеазиатского региона находились под политическим контролем династии Караханидов. Сами Караханиды могут быть связаны гораздо больше, чем принято думать до сих пор, с Восточной Азией. Так по наблюдению ряда исследователей, в «Сун ши» (официальной истории Сунской династии) трижды упоминается название «хэйхань» в отношении племенной группы уйгуров, ушедшей после распада уйгурского государства в 840 г. на запад и осевшей в Хотане. В средневековый период китайские слова «калахань», «халахань» и «хэйхань» обозначали именно Караханидов (кара – «черный» – хан). В «Ляо ши» Караханиды обозначаются этнонимом «асалань хуйгу». Столица западнокиданьского государства Баласагун в китайских средтекстах обозначается одновременно невековых как Караханидов.

Можно сказать, что кидани привлекали народы Средней Азии и своей родственностью к той совокупности этносов, которые занимали территорию Центральной Азии. Обоснованным кажется и вывод о том, что «период господства киданей в Центральной Азии способствовал сближению оставшихся там тюркских племен с монгольскими и подготовил почву для формирования этих разнообразных племен в единую народность».

Непосредственно перед приходом Елюй даши на службе у Караханидов находилось более 16 тыс. шатров киданей. По Ибн ал-Асиру, они переселились в Семиречье еще при Арслан-хане Сулеймане. Сначала они обосновались на границе между Китаем и владениями Караханидов. Их задачей было защитить горные проходы, за это они получили участки земли и определенное жалованье. Ал-Марвази отмечает, что ханы китаев и уйгуров закрыли дороги в свои страны и выставили войска из боязни происков Караханидов. Однажды эти кидани остановили богатый караван и потребовали от купцов, чтобы те указали им хорошие пастбища, и купцы отправили их в сторону Баласагуна. По «Тарих- и Хайдари», это переселение произошло в 433 г. х. (1041–1042). Арслан-хан потребовал от них принятия ислама. Они не согласились, но во всем остальном оказывали хану полное повиновение, и тот оставил их в покое. Ибн ал-Асир сообщает, что Арслан-хан часто нападал на них и навел большой страх. И. Э. Фишер считает, что эти кидани и были сначала названы «черными» (кара): «не так для черноты

старинных жителей, как наипаче, что они, яко побежденные, должны были платить некоторую дань своим победителям».

Таким образом, кидани двинулись на запад по уже известному пути в надежде, пополнив силы за счет осевших там ранее киданьских родов, вновь вернуться на родину и восстановить ее былое могущество. Елюй Даши «был умным и весьма даровитым человеком. Надлежащим образом он собрал у себя из тех пределов отряд». Можно предположить, что вместе с Даши или вслед за ним на запад ушло и большое количество китайцев с территории Ляо, ведь он назначил не только северных, но и южных чиновников. В Катванской битве, по сообщению Ибн аль-Асира, участвовали «отряды китайцев, киданей, тюрок и других». Упоминают китайских христиан и ремесленников Чан Чунь в начале 20-х гг. XIII в. и Чан Дэ. Некоторые специалисты (М. Биран), считают, что сюда их переселили монголы, но в текстах упоминания об этих акциях нет.

Кидани возглавляли переселение, поэтому Елюй Даши и считали китаем. К нему стекались не только хозяйства, но одинокие удальцы и воины. Кидани занимали командные посты.

Прежде всего, надо отметить, что их передвижение отнюдь не носило характера опустошительного вторжения, как принято считать до сих пор. Киданям, благодаря также и согдийским купцам, хорошо было известно Семиречье и караванные пути туда. Анализ китайских источников приводит к выводу, что кидани дважды пытались вторгнуться на территорию Туркестана. Прежде чем отправиться к «арабам» (Дашы), армия Даши для отдыха и пополнения продовольствия пыталась пробиться в горы Иншань (хребет Борохоро, входящий в систему Тяньшаня), но не смогла сразу дойти до пастбищ из-за обильного снега и нагромождения скал. Затем она двинулась на север.

Образование государства кара-китаев.

На первых порах кидани поселились в районе, где, как указывают мусульманские источники, проживают киргизские племена. Этот район постепенно превращался в плацдарм для дальнейшего продвижения на запад: «Земля эта заселилась: отовсюду лишившиеся имения, голодные, истомленные, бедные и всякого рода люди собирались в этот город; народонаселение увеличилось до сорока тысяч семейств». Город, о котором идет речь, находился на юге Тувы. В монгольском эпосе есть сообщение, истоки которого восходят к XI в., о родоначальнике племени мангутов хане Нанчине, жившем на Орхоне: «Соседним государством

нанчина является государство кергисов». Рашид ад-Дин тоже указывает, что киргизы в это время граничили с юго-запада с найманами, жившими к югу от Алтая. У них часто происходили стычки, а в 1199 г. найман Буюрук-хан бежал со своей территории от Чингисхана в Туву, которая в это время была «одной из областей кыргызов». Вскоре кидани, по сообщению Абулгази, «считая тамошних жителей за пришельцев... начали похищать скот у них, а потому и там не могли ужиться». По словам Рашид ад-Дина, войско киданей «подошло к границе киргиз: они напали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (кыргызы) также оказывало им противодействие». Встретив это сопротивление, кидани в 1132 г. вернулись в Турфанское княжество. И уже отсюда вторым путем они пришли в район Имиль (Чугучак), захватив с собой огромное количество тюркских племен (40 тысяч шатров). Пришедшие с Даши племена «основали город» Имиль, от которого уже в XIII в. остались только следы. С этого плацдарма и была проведена своего рода боевая разведка – сделана попытка захватить Кашгар. Можно предположить, что инициатором был кто-то из военачальников Даши, который погиб на поле брани. Елюй Даши, учтя опыт своего авангарда, решил изменить направление удара. Видимо, он был уже осведомлен о политической ситуации в Семиречье и, кроме того, рассчитывал на поддержку осевших в районе Баласагуна киданьских родов.

Неизвестно, сколько времени кидани еще оставались бы в районе Имиля, если бы не затруднительное положение правителя Баласагуна Ибрахима ибн Ахмада. Этот Караханид призвал киданей к борьбе против притеснявших его племен канглов и карлуков. Войска Елюй Даши оттеснили кочевников, заняли ее и на первых порах служили Арслан-хану верой и правдой. Затем, увидев слабость баласагунского правителя, они устранили его и подчинили себе Междуречье. Произошло это, вероятно, в 1136 г. Совершив походы против Хотана и других владений, к 1127 г. кидани появились у границ Мавераннахра.

Даши от баласагунского правителя получил титул хана, а того стал именовать «илиг-туркмен» («илиг тюрков»). Поскольку этот правитель был потомком легендарного Афрасиаба, то киданьский правитель фактически стал тройным правителем с титулами киданьского императора, монгольского гурхана и тюркского хана. Много тюрок осело на бывшей границе с Ляо, и они присоединялись целыми племенами или отдельными изгоями. В результате Даши шел на запад не только как киданьский император и глава

конфедерации монгольских племен, но и во главе тюрок. Кидани преобладали и командовали и потому его воспринимали, прежде всего «китаем». По сообщению Джувейни, он «взошел на трон» и принял новую страну, объявляя тем самым и об окончании военной экспансии.

Особого внимания заслуживает так называемая «восточная экспедиция» киданей. В 3-м месяце 1134 г., как указывает «Ляо ши», Елюй Даши отправил 70-тысячную армию под командованием Сяо Валила на восток, через пустыню, чтобы восстановить империю Ляо. Возможно, что на самом деле это был поход с целью отмщения киргизам «за беспокойство, причиненное ими», о котором сообщает Джувейни. Если это действительно была экспедиция против киргизов, то неудивительно, что имя Елюй Даши упоминается в эпосе «Манас», где воспевается борьба кыргызов за независимость. Речь идет о времени, когда Манас воевал с Жолоем (вероятно, так транскрибировалось имя Елюй Даши).

Таким образом, Елюй Даши не только сумел основать обширное государство на развалинах Восточнокараханидского каганата, но и подступил вплотную к владениям Сельджукидов. Облегчил его победы целый ряд факторов, в том числе сложная этнополитическая и социальная ситуация в регионе, упадок земледелия, значительное сокращение посевных (поливных» площадей, междоусобная борьба караханидских правителей. «Они завладели страной Туркестан. Когда они занимали город, то для жителей его ничего не меняли, только брали с каждого дома по динару — с жителей городов и, кроме того, с деревень. Что касается посевов и тому подобного, то они предоставлялись населению. Каждый из царей, кто подчинился им, прикреплял на своей груди подобие серебряной дощечки: таков знак того, кто им подчиняется».

Навстречу киданям в рамадане 531 г. х. (май-июнь 1137 г.) вышел правитель Самарканда, двадцатый представитель правящей династии хакан Рукн ад-Дин Махмуд ибн Мухаммед. «Елюй Даши разделил армию свою на три корпуса и учинил нападение, одержал полную победу и несколько десятков ли покрылись трупами», «хакан Махмуд ибн Мухаммед был разбит и вернулся в Самарканд. Событие тяжело поразило его жителей, страх и уныние усилились, ждали беды утром и вечером. То же было у жителей Бухары и других городов Мавераннахра». Однако кидани не воспользовались плодами своей победы, ибо понимали, что у них сил для борьбы со всеми мусульманскими владениями мало, поэтому был достигнут компромисс. Западнокараханидские правители позволили Елюй

Даши захватить земли восточной половины, т. е. районы Прииссыкулья, а потом предложили перемирие на четыре года. Елюй Даши согласился на это.

Тем временем Махмуд самаркандский запросил помощи у сельджукского правителя султана Санджара. В одиночку воевать с «неверными» он не решался, помня свое недавнее поражение и не доверяя своему войску из карлуков. Санджар в течение шести месяцев готовился к войне с Елюй Даши. Под его знамена были привлечены почти все вассалы султана из Хорасана, Седжестана и горных областей Гура, Газны и Мазандерана. Здесь были лучшие войска мусульманского мира, численностью до 100 тыс. всадников. Ибн аль-Асир утверждал, что Даши выставил 300 тыс. воинов «из киданей, тюрок и китайцев». Л. Н. Гумилёв считает, что у него было не больше 30 тыс., что маловероятно, ибо только на восток он отправил армию в 100 тыс. К тому же для родов, пришедших с ним, эта битва была сражением, проиграв которое, они не находили себе больше места для жизни. Это была своеобразная «битва народов», а не просто сражение профессиональных отрядов.

В июле 1141 г. султан Санджар выступил на битву. Он боялся усиления киданьской диаспоры в Восточном Туркестане и предполагал возможность того, что кидани все же договорятся с чжурчжэнями и Центральная Азия опять станет объектом экспансии Китая. Местные племена еще не очень крепки были в исламе и помнили о своей генетической связи со страной за пустыней Гоби. К тому же, как писал В. В. Бартольд, «в истории ислама в Средней Азии это был первый случай подчинения мусульманских областей власти немусульманского народа». Поэтому Санджар сначала потребовал от Даши принятия ислама.

Даши вынужден был принять сражение с сельджукским султаном. Решающее сражение между киданями и армией «последнего великого Сельджука» Санджара состоялось 5 сафара 536 года хиджры (9 сентября 1141 г.) в Самаркандской области, на Катванской равнине, расположенной между Ходжентом и Самаркандом. Катванская степь находилась на пять фарсахов к северо-западу от Самарканда, к югу от Яны-Кургана. Битва состоялась 5 сафара 536 г. (9 сентября 1141 г.). Елюй Даши, разделив своё войско на три части, оттеснил мусульман в долину Диргама (один из притоков Зеравшана) и разгромил их. Султан Санджар успел убежать, но его жена и соратники попали в плен, а 30 тысяч лучших сельджукских воинов пали смертью храбрых. По сообщению Ибн ал-Асира, «не было в исламе битвы крупнее этой, и не было в Хорасане больше

убитых, чем в ней. Государство хитаев и тюрков-неверных утвердилось в Мавераннахре».

Битва в Катванской долине стала одним из самых грандиозных сражений XII в. в евразийской истории. Резонанс от нее был огромен. Вести докатились до Палестины и Сирии, а оттуда в совершенно искаженном виде просочились в 40-х годах XII в. в Западную Европу. В 1146 г. баварский хронист Оттон Фрейзингенский в своей хронике вспоминал о состоявшейся годом ранее встрече с кабульским епископом из Сирии, во время которой тот сообщил ему, что «несколько лет назад некий Джон, который жил за пределами Персии и Армении на далеком Востоке, король и священник и христианин со всей своей нацией, хотя и несторианин, повел войну против королей персов и медов, братьев, называвшихся Самиарди -... они сражались три дня ... Пресвитер Иоанн, ибо так они называли его, разгромив, однако, персов, явился победителем в самой жестокой резне». Обещал крестоносцам, осаждавшим ключевую крепость Дамиетту, преграждавшую путь в Египет, прийти на помощь. Он якобы дошел до Экбатаны (Хамадана), но не решился перейти Тигр и увел свои войска обратно. Папа римский Александр III направил восточному «попу Иоанну» обширное послание, однако его посол не нашел в Азии ни священника, ни его царства. Имя этого царя Иоанна связывали с именем апостола Иоанна, который называл себя пресвитером во втором и третьем посланиях. Он якобы «не умер и выступит при конце дней провозвестником Спасителя». П. Карпини называет его «царем Индии». По его мнению, пресвитер Иоанн принадлежал к числу побежденных монголами правителей. М. Поло и Абу-л-Фарадж, говоря о нем, имеют в виду Ван-хана кереитского. С XIV в. его отождествляли с абиссинским негусом. К. Риттер считал, что именем Иоанн был передан титул ван-хан. Г. Опперт считал далеким прообразом Пресвитера Иоанна Елюй Даши. Эту точку зрения впоследствии развивал В.В. Бартольд. По мнению Л.Н.Гумилева, Иоанн соответствует имени найманского вождя Эниата (Инанч Бильгэ Буку-хана): это «имя, либо легко переделываемое в "Йоанн", либо просто имя "Иоанн", превратившееся в Эниат».

Имя Елюй Даши хорошо запомнили и в Азии. Эпического Жолоя в киргизском эпосе «Манас» отождествляют с Елюй Даши. Оно находит отражение в некоторых личных именах представителей монгольских народов. Имя Елюй как Юлю можно встретить в генеалогии калмыцких ханов. Замечательно отражение этого имени в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина (калмык Юлай).

После битвы армия Елюй Даши в течение 90 дней находилась в Самарканде. «К нему пришел ванн государства Хуйхуй, чтобы покориться ему и принес в качестве дани местные (туземные) произведения страны». Развивая успех, Елюй Даши без особого труда овладел Самаркандом и Бухарой, распространив свою власть на всю территорию Мавераннахра.

Однако победы на востоке были связаны не только с военным талантом Елюй Даши, но и с его дальновидностью во внешней политике. Он понимал, что катванская битва была лишь военной победой, и видел неустойчивость политической ситуации в регионе. Выдержать новое сражение, особенно если мусульмане реально соберут все возможные силы, кидани были бы не в состоянии. Даши не стремился к дальнейшим завоеваниям. «Эта страна — не та страна, где мы с вами (будем жить) из поколения в поколение». Он делает все, чтобы убедить мусульман в своем нежелании выходить за пределы диаспоры и, наоборот, стремлении отвоевать территорию Ляо. Из Самарканда Даши отправился в г. Цзи-жи-мань (Керман), находившийся на полпути между Самаркандом и Бухарой. Здесь, судя по «Ляо ши», «все его командиры, гражданские и военные чиновники, собрались и провозгласили Даши императором... Даши подарил также почетные титулы своим предкам и своей жене». Затем он даровал посмертные титулы предкам принца Сяо Валила и остальных 49 выдающихся командиров. Таким образом, Елюй Даши вторично был провозглашен императором, на сей раз уже не Ляо, а нового государства, которое именно тогда, скорее всего, и получило наименование Си Ляо (Западное Ляо). Даши не просто имел на это право, но и обязан был это сделать в соответствии с восточноазиатскими этатическими традициями. Важен факт, который упоминают все источники. Вскоре после Катванской битвы Елюй Даши «взошел на трон», т. е. стал уже не беглецом, а легитимным правителем. Если его первый девиз правления как своего рода подведения итогов значился как «покровительствуемый Heбом», имеющий право на свои деяния, то теперь он был изменен на «страна умиротворена». Это говорит об окончании военной фазы и начале мирного правления. Фактически это и изменение военной доктрины с наступательной на оборонительную.

Государство было создано киданями и в его названии должно было быть указание на это, но создано не на территории империи, а на ее периферии. Это подтверждают и дальнейшие действия правителя. Из Цзи-жи-мани «Даши повел свою армию на восток. После двадцатидневного перехода верхом они достигли плодородной

земли, где была основана столица и названа Ху-сы-ва-жи-до. Название правления было изменено на Кан-го». Название правления менялось в тех случаях, когда происходило событие особого значения. В данном случае таких событий было сразу два – создание государства («обретение страны») и основание столицы. Первоначально кидани, вероятно, хотели оставаться в районе Самарканда, но неблагоприятный климат, отсутствие достаточного количества пастбищ, враждебное окружение навели Елюй Даши на мысль об уходе обратно в Чуйскую долину. Для Санджара и других мусульманских правителей к тому же это было хорошим знаком того, что кидани не покушаются на их земли. Действуя по испытанной методе «разделяй и властвуй», гурхан стремился противопоставить мусульманских правителей друг другу, одновременно стараясь всеми мерами привлечь на свою сторону. «Цари Туркестана», по словам Джузджани, с помощью кара-китаев продолжали попытки «покорить и разгромить» друг друга. Вероятно, не без помощи киданей после 1141 г. в Фергане возникло самостоятельное государство со столицей в Узгенде.

Так в сердце Азии, на территории Казахстана и Киргизии появилось новое государство Си Ляо (Западное Ляо).

В десятый год периода правления Кан-го, после двадцати лет правления, Елюй Даши умер, оставив своим преемникам могущественную державу и мощную, хорошо тренированную армию. По сообщению Ибн ал-Асира, это произошло в раджабе 537 г. х. (20.01–18.02. 1142 г.). Эта дата в целом соответствует указанию китайских источников о том, что Елюй Даши умер через двадцать лет после вступления на трон (1124). После смерти он получил посмертный титул Дэ цзун.

В 121 цзюане содержится биография чжурчжэньского сановника Няньгэ Ханьну, из которой известно, что в 1144 г. уйгурское посольство привезло весть о смерти Елюй Даши и о распространении пределов его царства до границ Западного Ся.

§ 2. Общественный строй государства Си Ляо (Западное Ляо)

После смерти Даши власть перешла к его вдове Табуян как регентше (1143—1151) при малолетнем сыне Илии. Елюй Илия вступил на престол в 1151 году и правил 10 лет (1151—1161). После его смерти в 1161 году на престол вступила его младшая сестра Елюй Пусувань, правившая до 1177 года. Она вышла замуж за сына полководца Сяо Валила по имени Сяо Долубу. Она даровала мужу

титул Дун бин ванна, но вскоре по просьбе своего любовника, брата мужа, убила его. Сяо Валила окружил войсками дворец и императрица была убита вместе со своим любовником. На престол вступил второй сын Илии — Елюй Чжулху (1177—1211), старшего брата которого «принесли в жертву безопасности нового суверена». Последним кара-китайским правителем оказался найманский царевич Кучлук (1211—1218).

Территория государства не сводилась только к местам обитания собственно киданей. По Ибн ал-Асиру, каракитаи «обитали в Узкенде, Баласагуне, Кашгаре и их окрестностях», хотя гарнизоны их были «в стране Туркестан и в Мавераннахре и тяжело попирали их народы». Елюй Чуцай, посетивший Центральную Азию в 1219 г., писал, что государство занимало территорию в «несколько десятков тысяч ли»; его современник Чан Чунь сообщал о «десяти тысячах ли в каждом направлении». Китайский исследователь Дин Цянь высказал мнение, что кара-киданьские гурханы осуществляли контроль над территорией в 6 тыс. ли «шириной» и 7 тыс. ли «длиной». Западная граница государства проходила по реке Аму-Дарья, самыми южными владениями киданей были Балх, Термез и Хотан. На востоке государство граничило с зависимой Уйгурией, на севере граница проходила по озеру Балхаш и реке Чу. В итоге, в состав государства входили территории современных Синьцзяна, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, южного Казахстана, западной Монголии (по крайней мере, до 1175 г.). Исходя из этого, можно предположить, что наибольшая протяженность империи с запада на восток была примерно 6 тыс. ли, а с севера на юг — около 2 тыс. (соответственно 3 тыс. и 1 тыс. км). Таким образом, по размерам Западное Ляо не уступало Золотой империи чжурчжэней и Южносунскому государству.

Население империи состояло из оседлых и кочевых племен. Общую его численность определить сложно. По переписи, проведенной гурханом Елюй Или в 1151 г., насчитывалось 84,5 тыс. хозяйств, которые могли поставлять в армию и на службу гурхану мужчин старше 18 лет. Но это, явно, не все население государства, ведь только в Самарканде, одной из столиц государства, перед монгольским завоеванием проживало 100 тыс. семейств. Скорее всего, это население территории, контролируемой непосредственно гурханами. Можно предположить, что в самом начале население, подвластное непосредственно Елюй Даши, насчитывало около 40 тыс. хозяйств.

Большинство населения западнокиданьского государства было оседлым. Достаточно широко распространенное в исторической

науке представление о том, что пришедшие кидани в большинстве своем были «скотоводческо-охотничьими племенами монгольской группы», вероятно, следует подвергнуть корректировке. Сведения письменных источников и данные археологических раскопок опровергают его. Они пришли на лошадях, но только потому, что шли военным маршем. К тому же надо видеть разницу между кочевничеством как регулярной сменой местонахождения и кочевым хозяйством, представляющим триединый комплекс общины, пастбища и скота. Его формула условно выглядит так: $X = O + \Pi + C$, где X - xозяйство, $O - община, <math>\Pi -$ пастбище, C -скот. Об этом свидетельствует сама история киданьского «исхода». Сам Даши среди своих подданных пользовался большим авторитетом и поддерживал в войсках строжайшую дисциплину. Грабить страну было строго запрещено; после занятия какого-нибудь города каракитаи ограничивались тем, что брали с каждого дома по одному динару, т. е. принесли с собой из Китая издавна господствовавшую там систему подворного обложения. Он не раздавал уделов и якобы никому не отдавал под командование (кроме походов) более сотни всадников. Местные правители в знак покорности должны были носить на поясе серебряную дощечку. Число таких вассальных владетелей было немалым.

В составе пришельцев были представители киданьской знати, давно уже оставившей кочевой образ жизни, жители городов, через которые маршем шли кидани, так называемые «хань эр», т. е. китайцы, жившие среди киданей. В источниках, в частности, упоминаются один из соратников западнокиданьского правителя, который участвовал в посольстве Даши к тангутам в 1126 г., и некий Ли Шичан, дед которого был первым министром у Елюй Даши. Кидани все же занимали ключевые посты в армии и системе управления Си Ляо.

Кочевыми фактически были лишь пришедшие с киданями отдельные западномонгольские родовые группы и жители отдельных вассальных тюркских государств.

Если сложно подсчитать общую численность населения государства, то этнический состав населения более или менее ясен. Мы знаем, что в составе передвигавшихся на запад под руководством Елюй Даши отрядов были и тюркские, и монгольские, и тунгусские элементы. На новых землях проживали таджики, карлуки, группа тюрок во главе с Караханидами, уйгуры, китайцы (т. е. хань эр и их потомки, не пожелавшие стать подданными «ди-

ких» чжурчжэней), «много умелых и ученых людей» из числа евреев, смуглые индийские мусульмане.

Вся империя была разделена на две неравные части: внутренние районы с центром в Баласагуне, которые управлялись неправительством посредственно центральным зависимые территории. Существовало три степени зависимости этих территорий от центральной власти (посылка наместника, посылка сборщиков дани и разрешение местному правителю или феодалу самому привозить дань в столицу). Как правило, вассальные территории были независимы в своих внутренних делах. К тому же они были разделены на «фактически самостоятельные уделы, управляемые членами или родственниками», воевавшими между собой, что привело к их ослаблению и «послужило одной из причин падения государства Караханидов» в будущем. Государство управлялось из столицы (Баласагун). Ставка гурхана возле этого города была столь велика, что требовалось полдня, чтобы обойти ее. Под непосредственным управлением гурхана находились земли лишь южная часть Семиречья, Кульджинский край и северовосточная часть Сырдарьинской области. Главная ставка гурхана находилась к западу от Или, на берегу Чу, недалеко от Баласагуна, и носила разные названия (Хосун-орду, Хото). Здесь же находилась и столица государства.

Парадоксально, но в истории западных киданей оказались реализованы почти одновременно несколько известных истории вариантов развития. Сами они делали ставку на то, что рано или поздно смогут восстановить великую восточную империю. И это не были иллюзии, как неоднократно указывали исследователи. Если первого правителя Си Ляо еще можно было бы не особенно задумываясь считать неким идеалистом, желавшим создать «правительство в эмиграции», то последующие гурханы придерживаются этой цели совершенно не случайно. Киданьская верхушка воспринимала себя в государстве и за его пределами китайцами и ставила себя на один уровень с сунской аристократией не случайно. За Даши сохранялась слава «китайца», недаром мусульманские авторы именуют его Кур-ханом ас-Сини. Разгромленная чжурчжэнями киданьская элита, вернее, та ее часть, которая объединилась вокруг члена императорского рода Елюй Даши, попыталась перенести на Запад именно ляосский вариант «мироустроительной» парадигмы. На это указывает сама «Ляо ши», называющая западную династию законной китайской династией и считающая, что ее исторические анналы прямо следуют киданьским образцам (30 цз.). Рашид

ад-Дин в «Сборнике летописей» («Джами ат-таварих») сообщает, что у западных киданей (Кара-Хитай) существовала «летопись». Он в основном имел дело с «рассказами истории Гур-ханов карахитайских, которые были царями Туркестана и Мавераннахра» и о том, как «они были побеждены и уничтожены в эпоху процветания Чингиз-хана и рода его». Раздел в «Ляо ши», посвященный западным киданям (30 цз.) явно был составлен на основе каких-то письменных текстов, причем из Си Ляо, ведь в нем указаны очень точные имена и девизы правления. К тому же китайцы не случайно признавали легитимность кара-китайской династии, раз описывали ее связь с Ляо.

К сожалению, этот уникальный источник пока числится в разряде утерянных и, таким образом, мы не имеем возможности увидеть историю этого государства глазами самих киданей. Мусульмане подробно описывают ситуацию лишь в своих владениях, равно как и восточные соседи Си Ляо (монгольские племена, чжурчжэни, тангуты, китайцы). Если исходить из традиционной структуры династийной истории, то в этом тексте, на основе погодных записей, осуществлявшихся специальными чиновниками, был произведен синтез уникальнейшей информации по политической, социальной, экономической и культурной истории огромного восточнотуркестанского региона. Целый ряд мусульманских авторов, используя различные обозначения для государства, обязательно добавляют, что его правители – китайцы. Однако, даже определение цивилизационной ориентации Си Ляо крайне затруднительно в силу того, что самим основателям и руководителям этого государства, не говоря уже о рядовых жителях, отказано в праве голоса. Может быть, 30-я глава «Ляо ши» каким-то образом испытала все же влияние этого текста, по крайней мере, в плане описания политической истории. П. Пелльо считал ее романтической биографией Елюй Даши. Если бы не позиция китайских и монгольских историков, настаивавших на ортодоксальности западной династии, вся история этого незаурядного государства была бы современниками воспринята и описана как всего лишь еще одно из многочисленных «передвижений» кочевых племен. Династийная история, посвященная государству Ляо («Ляо ши»), правда, после долгого и непростого спора между составителями, фиксирует оба государства как китайские. Одна группа чиновников утверждала, что кидани были узурпаторами и потому их история должна была быть включена в историю сунской династии. Их противники полагали, что Ляо была независимым северным государством, вассалами которого признавали себя даже китайские императоры, и поэтому история их государства должна быть представлена как самостоятельное произведение. Только в 1343 г. глава особого комитета из 23 человек монгол Токто (Тото) вынес решение о том, что Ляо, Цзинь и Сун были ортодоксальными династиями и потому история каждой из них должна быть датирована в соответствии с ее собственным календарем.

Китайцы пытались понять и доказать связь кара-китаев с восточноазиатским миром, поэтому большее внимание уделяли именам, титулам, девизам, идеям. Мусульман же больше интересовала экономическая роль нового народа, поэтому в их сочинениях есть информация о расстояниях между городами, ремеслах, этнополитических отношениях. Это говорит, с одной стороны, о разнице в восприятии этого феномена двумя разными мирами, но, с другой, о маргинальном положении государства.

То, что «Ляо ши» вскользь рассказывает о Елюй Даши, говорит о стремлении понизить его рейтинг. Его «читают» через «каракитаев», который рассматривается как осколок некогда могущественного народа. Чингисхан в свое время тоже требовал, чтобы не кичились победой над Кучлуком, создавая, таким образом, свою программу понижения его рейтинга.

Первые правители государства, прежде всего гурхан Елюй Даши, упорно хотели превратить его в империю. Верхушка населения, придерживающаяся китайской культуры, была немногочисленна. Судя по «Ляо ши», Даши имел в своем распоряжении 200 всадников (цз.30, л.4б). Джувейни называет «восемьдесят человек его племени». Видимо, мятежного принца сопровождали действительно только члены его собственного рода. И хотя в Восточный Туркестан ушло большое количество родовых групп из Монголии, именно эти люди были руководителями «исхода» и вместе с императором вырабатывали доктрину нового государства. С этой целью шло активное заимствование китайского и киданьского опыта государственного строительства, в том числе отчасти и система нескольких столиц. Среди чиновников, окружавших гурхана, значатся и такие должности, которые существовали в Ляо (воспитатели сыновей правителя, чиновники, ответственные за придворный этикет, за проведение церемоний, управлявшие шатрами, канцелярскими принадлежностями, лампами и свечами). Как и в период Ляо, у западных киданей существовал титул «Великого князя шести подразделений», «ту-лу», «ю-шуми фу ши», «первого министра», «фу-ма». Правда, имелись и мусульманские титулы,

такие, как «везир». Когда в 1134 г. Елюй Даши послал военные экспедиционные силы для освобождения территорий, захваченных чжурчжэнями, то одним из главных их руководителей был Елюй Яньшань, занимавший пост тулу племени ча-цзи-ла. Этот титул весьма похож на существовавший в ляоском государственном аппарате титул ту-ли, который носил чиновник, контролировавший племя Си. По мнению К. Менгеса кара-китаи в качестве образца брали кое в чем даже систему, существовавшую у киданей и родственных им племен в додинастический период. Сам Даши носил киданьско-китайский императорский титул. Девизы правления и храмовые имена западнокиданьских правителей были китайскими, китайскими же были почетные и административные титулы знати и чиновников. На внутренней территории государства взимались налоги по китайскому образцу (с хозяйств, а не отдельных лиц). Сохранились западнокиданьские монеты китайского типа с надписями на китайском языке. В Катванской степи участвовали отряды не только киданей, но и китайцев тюрок и других племен. В Си Ляо существовала Северная администрация (бэй мянь), но и Южная администрация (нань мянь).

Организация военного дела во многом напоминала киданьскую, созданную с определенной ориентацией на китайский военный опыт. Кидани дабы отличаться от подданных империи – мусульман продолжали одеваться в киданьскую одежду, император носил одеяния из китайского шелка. Восточные пришельцы упорно, хотя и достаточно безуспешно, навязывали местным жителям китайский календарь, т. е. подражали в этом киданьским и киимператорам, которые принятие В государствами этого календаря не без основания видели эффективное средство контроля. Китайская письменность использовалась наравне с киданьской, уйгурской и персидской. О китайских заимствованиях говорит даже использование для отопления жилищ канов. В западнокиданьской же культуре явно наблюдаются общие для всей Восточной Азии факторы — наличие общей письменности (в киданьской интерпретации 66), отсутствие единой религиозной доминанты и фактическое наличие китайской «саньцзяо» (трех учений – буддизма, даосизма, конфуцианства), общность права, духовная общность, наличие социально страти-

⁶⁶ Питературные произведения западных киданей записал советник Чингисхана Елюй Чуцай, который отмечал их высокие художественные достоинства.

фицированных культур (чиновника, монаха, воина) 67. Действительно, для культур, входящих в определенный цивилизационный ареал («мир»), характерен аксиоматический подход к культуре, проявляющийся в признании общей парадигмы региона. По давно высказанному мнению, «кара-китаи внесли в Среднюю Азию новую струю китайской культуры» и ее «наличие объясняется восприятием элементов китайской культуры каракитайскими феодалами во время их пребывания в Маньчжурии». По мнению Лян Юаньдуна, государство Си Ляо на протяжении всей своей истории имело с Китаем тесную связь.

Следующая проблема логически вытекает благодаря самой постановке вопроса, — была ли основа для существования имперской конструкции на территории Центральной Азии? Решение этой проблемы осложняет методологическая размытость самого термина «империя». На самом деле «империя» — более сложная и связанная с определенным историческим этапом конструкция. Если учесть, что территория империи не может быть безразмерной и ее пространство обязательно ограничено географическими препятствиями, связано этнокультурной близостью населяющих ее народов, уже сложившимися экономическими связями и обусловлено возможностями «метрополии» (людские, военные ресурсы), ибо без насилия территорию не удержать, то все эти условия мы находим в Си Ляо.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что киданьский правитель имел фактически несколько титулов, которые использовались, вероятно, как официальные. Даши от баласагунского правителя, который призвал его на помощь в борьбе с племенами карлуков и канглы, получил титул хана, а того стал именовать «илиг-туркмен» («илиг тюрков»). Поскольку этот правитель был потомком легендарного Афрасиаба, то киданьский правитель фактически стал тройным правителем с титулами киданьского императора, монгольского гурхана и тюркского хана. Много тюрок осело на бывшей границе с Ляо, и они присоединялись целыми племенами или отдельными изгоями. В результате Даши шел на запад не только как киданьский император и глава конфедерации монгольских племен, но и во главе тюрок. Кидани преобладали и командовали и потому его воспринимали, прежде всего, «китаем». По сообщению Джувейни, он «взошел на трон» и принял новую страну, объявляя тем самым и об окончании военной экспансии.

 $^{^{67}}$ Классификация Е. И. Кычанова.

Имперская ситуация и стала культурным объединением трех зон. Не случайно в источниках их и называют по-разному. Мусульманские авторы знают о фактическом наличии двух титулов у киданьского правителя и упоминают его как «хана ханов ас-Сини, царя хитаев», а самих кара-китаев называют то китайцами, то тюрками. Си Ляо — попытка объединения трех подзон — Ляо (император), монголы (гурхан), тюрок (тюркский хан). Это вызвано сложившейся временной и уникальной ситуацией.

Кара-китаев часто воспринимали как тюрок, не принявших ислам. Для кочевников Центральной Азии характерна двуязычность — они использовали свой язык и тюркский в качестве меж-Мусульмане случайно дународного. не именовали справедливыми, ибо кидани придерживались политики веротерпимости, а не бросались в объятия ислама. Их уважали за это, но и отличали от остальных тюрок. Хафиз Абру описывает первого гурхана как тюрка. У Джузджани есть замечательное выражение – киданьские тюрки, «тюрки из Кара-Китая». Кара-китайское государство действительно стало своеобразной стеной, отделившей исламский мир от небезопасного мира монгольских степей и дело здесь не в том, что у него была одна из самых могущественных армий в этом регионе. Само по себе молодое государство еще практически находилось в стадии становления, но его основатель Елюй Даши незримо объединил кочевой мир монгольских и тюркских племен.

В то же время и Восток считал их своими. «Ляо ши» фактически признает легитимность кара-китайской династии, описывая ее связь с Ляо, признанной и ортодоксальной династией. Считается, что в «Сокровенном сказании» слова «кидани» и «кара-китаи» используются как синонимы. Однако можно заметить, что в некоторых местах текста они таковыми явно не являются, например: «В это время на Китадцев вслед за Чжебе ударил с главными силами Чингисхан и погнал их. Он разбил самые лучшие части неприятельского войска (выделено нами $-\Gamma$. Π .), состоявшие из Хара - Китадцев, Чжурчедов и Чжуинцев». Если они входили в элиту чжурчжэньского войска, то можно предположить, что кара-китаи действительно пытались бороться с монголами и не только на своей собственной территории. Первым императорским титулом, принятым Елюй Даши, был титул Тянь хуанди (император [поставленный Небом). Он имел на него право, ибо был потомком первого киданьского императора Абаоцзи, а чжурчжэней воспринимал как узурпаторов. После победы над сельджукским султаном Санджаром меняет девиз правления с «покровительствуемый Небом» на «страна умиротворена».

Неудивительно, что кара-китаи усилили восприятие Центральной Азии мусульманами как части Китая. Мусульманские авторы, а также султан Санджар восприняли приход киданей (Си Ляо) как возвращение к прежнему китайскому господству и боялись этого, ибо местное население все еще тяготело к китайскому миру и восторгалось им.

Здесь можно видеть отголоски старого спора с китайцами за главенство в Центральной Азии и противопоставление себя мусульманам, стремление отстоять образовавшуюся диаспору и сделать ее плацдармом для контрнаступления на Восток. Хотя Восточный Туркестан, начиная с глубокой древности, был зоной контактов различных цивилизационных потоков, в то время эта территория все еще до известной степени тяготела к китайской цивилизации.

Однако, нужно иметь в виду, что «китайское», как в Восточной, так и Центральной Азии в это время не означает собственно «ханьское», связанное с династиями, существовавшими в центральном Китае (Суй, Тан, Сун), а является фактическим обозначением того общецивилизационного, что объединяло все народы к востоку от мусульманского мира⁶⁸, в том числе включавшего и такие элементы центральнокитайского культурного комплекса, как язык, идеологии, право, литература, властные модели и т. д. Разные государства, созданные китайцами, киданями, чжурчжэнями, тангутами, в равной мере пользовались этим богатством и, хотя готовы были и возглавить «китайский мир», но все же позиционировали себя как этническое образование. Так, например, Абаоцзи, основатель киданьского государства, обозначал его именно как «государство киданей» и пытался выстроить сложный и непротиворечивый синтез общемировой и киданьско-кочевой парадигм⁶⁹. Эта ситуация напоминает ситуацию в средневековой Европе, где вполне самостоятельные государства (Каролингская империя, Священная Римская империя, ранняя Византия и др.) в рамках т. н. «римской идеи» использовали латинский язык, римское право, греческие и

⁶⁸Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в средневековой Европе, где «романское начало» (латинский язык, римское право, античная культура, христианство) использовалось всеми народами и племенами континента.

 $^{^{69}{\}rm B}$ Европе в средние века мы тоже встречаем модели подобных синтезов: Священная Римская империя, Святая Русь.

римские античные сочинения и т. д. М. Биран предлагает говорить об идущей в Си Ляо «сино-киданьской трансформации», в рамках которой киданьский этнос сочетался с элементами китайской культуры. Остается только добавить, что этот процесс начался, конечно же, не в Си Ляо, а еще в восточном государстве и во многом даже в додинастический период киданьской истории. Оба киданьских государства были полиэтничными и мультикультурными объединениями.

Думается, в то же время, что использование в Си Ляо китайского языка на монетах, китайского календаря, китайской титулатуры и т. п. вряд ли можно однозначно считать использованием всего комплекса китайской культуры.

Кроме того, именно к XIII в. название «Китай» окончательно начинает применяться и по отношению ко всему северному сегменту восточноазиатского ареала, иначе говоря, окончательно складывается представление о двух «Китаях». Это возникло, прежде всего, на основе тех представлений, которые были широко распространены на самом китаеязычном востоке, где выделялись такие дихотомии, как «Китай и варвары» (хань и фань). Практически вся история традиционной Европы (античный и средневековый периоды) прошла под знаком противостояния «цивилизации» и «варварства», «Рима» и «варваров». В Восточной же Азии комплекс античного знания и его средневековой трактовки обозначался как «хань», а его интерпретация и практическое использование «северными» и прочими «варварами» – «фань». Мусульмане, очень внимательно следившие за ситуацией на востоке, не могли не заметить дуализма восточноазиатского мира. В 1206 г. Фахр ал-Дин Мубарак Шах назвал Китай частью Туркестана. Столица Си Ляо Баласагун считался китайским городом в литературе XII и последующих веков. Мусульманские авторы различали внутренний Китай на востоке и внешний. На монетах Караханидского каганата титул «Тамгач Хан» (китайский хан) значится как титул большинства правителей Западного Караханидского каганата, в частности, так был наречен в 1017 г. самаркандский хан Юсуф б. Хасан. У караханидских правителей был титул Малик аль – Машрик (аль – шарк) ва'ль – Син (повелитель Востока и Китая). Китай неоднократно распадался (например, период «пяти династий и десяти царств» в X в.) и государство кара-китаев мусульманами воспринималось как результат одного из очередных расколов.

Мы не знаем, как именно называли себя сами кара-китаи, однако, косвенные данные дают возможность высказать предположе-

ние, что свое государство они упорно продолжали называть Си Ляо. «Си Ляо» китайское наименование их династии, но, если учесть, что кидани упорно придерживались киданьско-китайской историко-политической доктрины, можно говорить, что они могли и на официальном уровне так именовать свое государство. В китайских источниках есть и другие обозначения центральноазиатских киданей, но все они, так или иначе, подчеркивают их связь с востоком: поздние кидани (хоу цидань), западные кидани (си цидань), кидани Даши (Даши цидань), государство Даши (Даши го), государство Даши-линья (Даши линья го), черные кидани (хэй цидань, хала кита). Если у них действительно была своя собственная династийная история, о чем сообщает Рашид ад-Дин, это почти стопроцентное доказательство существования именно этого официального названия. Никакое другое в данной ситуации и не могло возникнуть. Для мусульманских авторов их государство было нелигитимно, ибо не опиралось на исламские доктрины, и потому они просто указывали их инородность, именуя их «китайцами». Западнокиданьский остров, тем не менее, медленно, но неотвратимо погружался на дно исламского океана и другие народы, особенно мусульманские все чаще именовали их «черными» (кара) киданями⁷⁰. Не нашедшие себе места в новой этнополитической атмосфере, кидани и стали именоваться «западными» или «черными» (кара-китаи, кара-хитаи) в отличие от оставшихся на востоке («белых»). Отколовшиеся роды в Азии часто именовались «черными». Постепенно, однако, оформилось иное понимание термина «кара-китаи». Если исходить из того, что термин «кара» в тюркских языках имеет также значение «народ», «масса», то сочетание «каракитаи» стали объяснять, как «народ китаев». Киданьская имперская парадигма не могла долго сохраняться в диаспоре, а на востоке она уже стала забываться. Маленькая Кара-Кидания испытала судьбу всех территорий, куда переселялось излишнее население, и вынуждена была стать незаметной частью более обширного «мира». Разумеется, сказалось здесь и противоречивое сочетание разных культурных парадигм: монголоязычные кидани во главе с классическим монгольским ханом (гурханом) пытались создать киданьско-китайскую этатическую модель на окраине мусульманского

⁷⁰«[Ибо] *кара* по-тартарски означает на латыни *nigrum* (черный)» (Из «Истории тартар» брата Ц. де Бридиа: *Христианский* мир и «Великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 79, 102).

мира. Уже здесь заложена неизбежность временного существования этого феномена.

В связи со сказанным встает еще одна проблема: почему же китайская культура не прижилась на территории Средней Азии, ведь кидани принесли с собой очень мощную ее струю? Причин здесь тоже много, и они все разного характера.

При всех сохранявшихся по исторической инерции связях этой территории с восточноазиатским «миром», дальнейшая судьба ее, так или иначе, уже была связана с тюркско-мусульманским «миром». Си Ляо оказалось слабо связанным с далеким миром доминионом и связи эти все более и более слабели, что было заметно на протяжении истории этого государства. На Востоке усиливалась чжурчжэньская этнокультурная модель, а западные кидани естественно были ее противниками, и все еще придерживались киданьской культуры, надеясь, как это ни парадоксально, на реставрацию Ляо. Монгольские племена понимали, что Ляо умерла окончательно, ненавидели ее за прошлое и, разумеется, ясно видели военные успехи Цзинь, захватившей половину китайской империи Сун. К тому же чжурчжэни как бы приняли эстафету киданей и сдерживали экспансию Сун на запад, став буфером. С новой кочевой империей не только боялись портить отношения, но и в чем-то считали почти своей.

Поэтому-то киданей на восток не пускали, прежде всего, сами западномонгольские племена, которые выдавали его эмиссаров и поставляли чжурчжэням важную стратегическую информацию о кара-китаях. Да и сами кидани постепенно начали реально оценивать ситуацию. Хотя периодически они пытались узнать об отношениях чжурчжэней с кочевниками (1136, 1156, 1177, 1185–86, 1188–90), но вряд ли готовились к крупномасштабной агрессии и отваживались лишь на отдельные набеги (обыкновенная тактика соседствующих народов). Да и нападали-то они не на Цзинь, а на монгольские племена, которых продолжали считать предателями. Все же надо отметить, что киданьские эмиссары провоцировали достаточно серьезные беспорядки на западной границе империи Цзинь и в 1188 г. чжурчжэнями был даже принят план сдерживания кара-киданьской активности.

Сохранение в государстве киданьской парадигмы было связано и с тем, что кидани не выступали против ислама как религии, по крайней мере, до конца династии. Кара-китаев часто воспринимали как тюрок, не принявших ислам. Джузджани прямо говорит о них, как «тюрках из Кара-Китая». Кара-китаи в данном случае

применили ляоский принцип использования разных законов для разных народов. Это было не свойственно исламу, при котором шариат был обязателен для всех.

Одновременно пришельцы с востока находились уже под сильным влиянием буддизма, который неизбежно привнесли в центральноазиатскую культурную среду. В то же время ислам, хотя и был еще молод, сумел пустить свои глубокие корни. Естественно, что в этих условиях конфликт двух столь мощных мировых религий был не только неизбежен, но и силен.

Сам Елюй Даши получил конфуцианское образование. Ибн аль-Асир называет его манихеем. Свои послания к мусульманским правителям гурхан предварял исламской формулой: «Во Имя Бога, милостивого, милосердного». Однако известно, что незадолго до смерти Елюй Даши перед своими войсками приносил жертву Небу, Земле и предкам. В. В. Бартольд высказал в свое время предположение о высокой веротерпимости Елюя Даши, который и не мог быть проповедником одной какой-либо религии, ибо перед ним стояла задача обеспечить мир в полиэтнической и многоконфессиональной империи. Первые гурханы, по свидетельству Джузджани, «обращались с мусульманами с великим почтением». Мусульманские авторы дружно хвалят справедливость гурханов и их уважение к исламу.

Основная масса кочевого населения, особенно иранцы и тюрки, также Караханиды, Хорезм и подвластное киданям население в центре были мусульманами. Ислам активно распространяется среди тюрок. Он возник в кочевой среде, поэтому легко распространялся среди кочевников и тюркский шаманизм хорошо сочетался с суфизмом. Для них важна была уже в большей степени религия, а не этническая идентичность. Перед нами ситуация «мира», когда конфессионем важнее этнонима, и кидани, кроме последнего правителя Кучлука, это учитывали. Одной из самых важных причин уничтожения Кучлука было то, что он начал гонения на идеологию метарегиона. Этого ему не простили не только мусульмане, но и кидане. Чем и воспользовались монголы, ибо мусульмане не сами уничтожили Кучлука, а просто не стали его защищать, сдали его монголам. Кидани по указанным причинам долго не могли принять ислам. Их и не заставляли это делать, лишь позволили занять определенную территорию. Причины для этого разные. Прежде всего, в мусульманском «мире», как и в любом другом, существовала по сути мультикультурная ситуация. Исламизация подразумевала, по крайней мере, на первых порах, согласие на

принятие общецивилизационной парадигмы, а непротиворечивый синтез конкретной культуры и этих догматов, как правило, был процессом, занимавшим не одно столетие (это хорошо известно на примере Европы и России). Как в целом в традиционном обществе, в средневековом «мире» от этноса требовали придерживаться определенного места пребывания и определенной культуры. Тогда с ними и выстраивали соответствующие отношения. Кроме того, веротерпимость — одна из обязательных характеристик мировой религии, ислама, быть может, в особенности.

Видимо, кара-китаи «уважали» ислам не только из политических или конъюнктурных соображений. Среди пришельцев было много христиан, близких к мусульманам по вере.

Хайдер Рази приводит любопытное сообщение о том, что первый гурхан признавал общность имущества и женщин. В этом плане он сравнивает его с маздакитами.

В государстве существовала типичная для Восточной Азии ситуация религиозного синкретизма⁷¹, где сосуществовали и причудливо переплетались элементы самых различных религиозных верований (несторианство, буддизм Махаяны, манихейство, тенгриизм, конфуцианство, ислам). Как сообщает Ауфи, среди киданей встречались все религии, кроме еврейской. Несторианский патриарх Илья III (1176–1190 гг.) даже основал митрополию в Кашгаре, а кашгарский митрополит носил титул «митрополита Кашгара и Невакета». В 1142 г. состоялось примирение несториан и яковитов (монофизитов) на территории государства западных киданей. Имя сына Елюй Даши (Или-Илья), возможно, действительно было связано с христианством. По свидетельству Джузджани, кидани покровительствовали всем религиям и в этом плане поступали справедливо.

Еще В. В. Бартольд в свое время говорил о «некотором христианском элементе» в среде киданей. Сам Елюй Даши поддерживал христиан-несториан, но делал это не по личной симпатии к чужеземной религии, а по государственным соображениям. Лично у него была склонность к буддизму, но отношение несториан к новоявленному государству было для него небезразличным. Последователи иудаизма и несторианства контролировали значительную часть торговли в Среднеазиатском регионе. Кроме того, уйгуры, среди которых тоже было немало христиан-несториан, в свое время

⁷¹Все империи, и Си Ляо не исключение, фактически создавали синкретическую культуру, лишь по названию остававшейся этнической.

приняли беглого киданьского вельможу в своей столице Бешбалыке и обеспечили всем необходимым для похода на Запад. Делали они это, естественно, не без корысти, ибо хотели нанести удар по мусульманам, контролирующим караванную торговлю среднеазиатских регионов со Средиземноморьем. Как предположил в свое время Л. Н. Гумилев, западные кидани выполнили «заказ» своих друзей и нанесли мощный удар по правителям Самарканда, Ферганы, Кашгара, Хотана и, самое главное, сокрушили владычество «последнего великого сельджука» султана Санджара. Вскоре после Катванской битвы начинается подъем торговли и расцвет уйгурских городов Бешбалыка, Кучи, Аксу и др.

Кидани все же достаточно искусственно переносили в Степь такую концепцию государственного строительства и межгосударственных отношений, которая характерна для оседлого мира и практически только там эффективна. Кара-китайская держава — модель переноса восточноазиатской, а не кочевой парадигмы на запад, в мусульманский мир. Это основная причина недолгого существования ее.

Монархическая модель общества отодвигает на задний план предка (деда, прадеда), и государство становится отчизной. Таковой оно начинает восприниматься и подвластными народами. Император начинает рассматриваться как отец всех и вся. Оборотной стороной, естественно, станет самовластье императоров конца империи. В значительной мере по этой причине западно-монгольские племена отказались присоединиться к плану члена императорского дома Елюй Даши реставрировать киданьскую империю, перенеся ее политический и сакральный центр в западные регионы. Это еще одна из причин наличия крайне скудной информации об истории и предельно китаизированной культуре западных киданей. В китайской историографии о западных киданях долго сообщали лишь отдельные сведения или, в крайнем случае, использовали энциклопедический жанр бэнь мо — краткие заметки о том или ином сюжете.

Китайское представление о правителе, получающем мандат от Неба на управление практически всей ойкуменой, находилось в явном противоречии с представлениями кочевых народов о том, каким должен быть хан. Речь идет о том, что фактически до Чингисхана кочевники не видели для своего правителя необходимости действовать за пределами своего социума. Главные функции, которые он должен исполнять, — мироустроительная и регулирующая: «ханы, происшедшие от могущественного Тэнгри, хорошо

поддерживают и помогают своей защитой тому, чтобы исчезли и уничтожились болезни, голод, помехи, время смерти, чтобы умножились семена и зерно, чтобы прибавились годы и добродетели. Пусть наступит благополучие, здоровье, спокойствие, блаженство и подобно живительному дождю счастье и благоденствие». Хан обязательно является сыном Неба (тэнгрийн хевгун) и от него получает способность к мироустроению («хуч» – «сила»). Его харизма («суу», «суу заль») связана с Солнцем и находится в голове правителя. Благодаря ей, «когда он /хаган/ там жил, то среди народа не было ни болезней, не было ни падежа скота, ни гололедицы, ни голода». На тот же универсальный уровень, что характерен для китайской парадигмы, монгольские представления выходят, вероятно, не раньше времени Чингисхана. Именно Чингисхан, у которого «во взгляде — огонь, а лицо что заря», впервые заявил: «Небо пожаловало /мне весь/ мир от восхода до заката». Здесь фактически проводится мысль о том, что в монгольском социуме традиционно и изначально существовало разделение функций «правителя как сына Неба (тэнгрийн хевгун) для дальнего социума и «хаган» — для ближнего, что аналогично китайским «тянь цзы» и «хуанди».

Одной из причин исчезновения китайской цивилизационной парадигмы на западе можно считать и достаточно глубокое в то время противоречие между менталитетом киданей и восточно-азиатской «мировой» идеологии. Оба киданьских государства, восточное и западное, исчезли в силу ряда вполне объективных причин, и одной из них было то, что химерическая киданьская, кочевая по происхождению и сути, интерпретация китайской «мировой» парадигмы не была воспринята ни оседлыми, ни кочевыми племенами.

Быть может, поэтому у западных киданей был реализован фактически еще один исторический вариант выживания. В условиях экономической разнородности и культурной пестроты судьба западнокиданьской государственности была в чем-то аналогична судьбе древнеизраильского «избранного народа». Основная масса киданей оставалась на востоке, и перебираться на запад естественно и не собирались.

В результате форма государственного устройства постепенно эволюционировала от централизованной империи к каганату. По форме правления его можно назвать военно-деспотической монархией. Разложение империи имело одним из своих обязательных последствий процесс этнического распада. Не успевшие слиться в

один этнос роды и племена, населявшие государство, в условиях нарастающего политического хаоса и стабильной экономической стагнации, которая сама была следствием складывания на территории империи так называемой «феодальной» экономики, по определению предельно автаркизованной и локальной, вынуждены были «выживать» самостоятельно. Все же можно утверждать, что оно стремительно скатывалось до уровня каганата. Каган традиционно воспринимался как избранный Небом для определенной цели боевой вождь. Никакая империя по эту сторону пустыни Шамо (Гоби) фактически была не нужна. Каганат был вполне удачной формой выживания, недаром киданьское западное государство не только просуществовало до прихода отрядов Джучи, но и вполне удачно справлялось с серьезными врагами, типа последнего Великого Сельджука Санджара, хорезмшахов Текеша и Мухаммеда, киргизских племен, найманского царевича Кучлука.

Каракитайская династия «благополучно и счастливо правила в течение трех карнов и пяти лет 72 , в течение которых никакая беда не коснулась подола их удачи».

Мусульмане рассматривали западных киданей как стену против монгольских племен, учитывая проблемные отношения пришельцев с востоком и надеясь на их военную мощь. В то же время его явно побаивались после победы в битве в Катванской степи, когда за кара-китаев так или иначе вступились многие и тюркские племена. Побаивались его и монгольские племена, которые отваживались лишь на отдельные набеги. Только, когда монголы создадут более мощное культурное и военное объединение, судьба этого эфемерного государства будет безжалостно решена.

Специфика экономического развития государства кара-китаев.

Территория Си Ляо была зоной, где доминировала внешняя торговля, хотя существовали и земледельческие, и скотоводческие районы. Эти районы не были объединены в цельное экономическое пространство, поскольку характер развития региона определяла все же именно внешняя, а не внутренняя торговля. К тому же

⁷²Современное значение слова «карн» «столетие». Отсюда в переводе текста Рашид ад-Дина Березиным ошибочно указывается «триста пять лет» (*Березин И. Н.* Рашид-Эддин. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины // Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб. 1888. Ч. XV. С. 80). В те времена это слово означало тридцатилетний период. Следовательно, кара-китаи правили меньше столетия, точнее 89 солнечных лет (Чингисхан. История завоевателя мира... С. 618).

эта зона была периферийной, как по отношению к Центральной Азии, так и, тем более, к Восточной Азии. По этой причине вряд ли можно обвинять западных киданей в том, что они что-то «разрушили», скорее, наоборот, именно они, установив общий и максимальный контроль, способствовали, как минимум, экономическому самоопределению региона в условиях пошатнувшейся внешней торговли.

Территория Восточного Туркестана относится к так называемым маргинальным районам, где возможны оба неразрывно связанных с историей кочевых обществ процесса — седентаризации и номадизации. На территории обитания западных киданей существовал комплекс самых разнообразных природно-климатических условий, что давало возможность развивать комплексную экономику. В источниках говорится и о широком распространении земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел и есть все основания говорить о важной роли скотоводства в государстве Западное Ляо, но отнюдь не о ведущей. Уже ко времени Махмуда Кашгарского (ХІ в.) о скотоводстве в окрестностях Баласагуна говорили, как о подсобной отрасли хозяйства в отличие от прежнего времени.

Нужно учитывать и то, что непосредственно перед образованием западнокиданьского государства в течение практически шестисот лет происходил «чрезвычайный по широте и глубине процесс массового перехода скотоводов к ведению комплексного земледельческо-скотоводческого, а затем земледельческого хозяйстсопровождавшийся ростом очень больших ремесленноземледельческих поселений и городов (с площадями в десятки квадратных километров), занявших все районы, пригодные для земледелия». Период же упадка городов и оседло-земледельческой культуры начинается с XIII в. и был связан не с изменениями естественно-географических условий, а с монгольским нашествием и в особенности войнами Чингизидов друг с другом. Г. Рубрук, посетивший эти места в 1253 г., писал: «На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами (монголами), чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища». Получается, что кидани попали в Среднюю Азию в промежуточный, землекоторый располагался дельческий период, между двумя «скотоводческими».

Большого развития достигло в государстве земледелие. В состав империи западных киданей входили территории с давней

земледельческой традицией, часть киданьских родов, пришедших на территорию Средней Азии, тоже начала переходить к оседлому образу жизни. В китайских и мусульманских источниках есть много сведений о выращиваемых культурах (просо, ячмень, пшеница, дыни, лук, конопля, хлопок, арбузы, рис, плодовые деревья, тутовые), ирригационных сооружениях, развитии шелководства, виноградарства. Правители государства видели выгоды земледелия и стремились взять его под свой контроль. Земля уже могла свободно продаваться и покупаться состоятельными людьми. Большую роль в государстве играло церковное землевладение.

Своеобразием отличались города на территории обитания кара-китаев. Абулгази-хан Хивинский сообщает, что столица западных киданей была «великим городом», а жители страны «лицом так же смуглы, как индийцы».

По сообщению А. Н. Бернштама, возле Баласагуна был пристроен «киданьский квартал» (назван так археологами), который и был при кара-китаях «центром жизни города». Здесь были найдены постройки XII в. В 1896 г. некий Ровнягин писал: «Представляется, что "Бурана" была аристократической частью города, а "Ак-Пейшин" собственно городом».

По его мнению, в культуру Киргизстана «включилась новая весьма мощная струя буддизма. Но эта струя буддизма важна тем, что она впитала в себя среднеазиатскую культуру и создала новые шедевры культуры. Культуры Дальнего Востока и Средней Азии были соединены в городах древнего Киргизстана. Снова пришли сюда мастера Восточного Туркестана и Северного Китая для создания центров буддийской пропаганды, – храмов и монастырей. И снова исследователь здесь найдет опытную руку каменотеса, искусно высекающего статуи Будды по классическим образцам из Хэнани (Китай), кисть мастера росписи, воспроизводящего рисунки из монументальной живописи Кара Ходжо (Восточный Туркестан), скульптора, лепящего из глины статуи по воспоминаниям прекрасных фигур из Мирана (южная часть Восточного Туркестана), резчика по глине, гравирующего ветку священного буддийского дерева «Хинка билоба», которое осталось жить только в некоторых частях Китая и Японии.

Строители зданий запечатлели свое происхождение надписями на черепице на уйгурском языке и санскрите, своими орнаментами дальневосточного и среднеазиатского происхождения».

Выявлены так называемые «длинные» оборонительные стены — валы вокруг городищ, которые окружали поля. Город здесь

можно назвать аграрным, ибо у него нет присущей большинству городов на востоке сельскохозяйственной округи в виде рустаков. За длинными стенами города сосуществовали административный центр, ремесла, земледелие и даже элементы скотоводства. Некоторые исследователи даже предлагали называть такое поселение «урбанизированной деревней» или «городом сельского типа».

Дальнейшее развитие в государстве западных киданей получили различные ремесла. В источниках отмечается, что значительного развития достигло изготовление стеклянных изделий, оружейное дело, строительство укреплений и городов, разработка месторождений каменной соли, серебра.

В Западном Ляо чеканилась собственная монета по ляоскому образцу. Сунский ученый Хун Цюань (1149) упоминает в своей работе монету, выпущенную вдовой Елюй Даши. Есть мнение, что монета, подписанная «Кан-го Тун-бао», изготовлена при самом основателе династии кара-киданей. В последние годы в районе столицы Си Ляо найдено несколько монет, выпущенных при Елюй Или.

государстве существовала обширная внутренняя, и внешняя. Почти повсеместно торговля шла на деньги. Через всю страну проходили торговые караванные пути, связывавшие между собой все крупные города империи. Через Восточный Туркестан проходил «Ат йоли» («Алтун йол», конный или золотой путь). Из Хотана в Северный Китай вел Нефритовый путь. Центральная Азия и Южная Сибирь были связаны с Китаем и Юго-Восточной Азией Западным меридиональным путем (через Ордос, Ганьсу, Шаньси в Бирму). Великий Шелковый путь шел от Средиземноморья, Передней Азии и Ближнего Востока в Китай и кидани контролировали его восточный участок в современной провинции Ганьсу. По территории Си Ляо тоже пролегали значительные его участки. Период с X по XII вв., правда, иногда рассматривается как время упадка Шелкового пути, причины чего видят в развале Танской династии, с одной стороны, и медленной дезинтеграции восточных провинций Аббасидского халифата, с другой..

Известными были и локальные торговые артерии из Самарканда в Балх, из Балха через Бадахшан, Яркенд в Кашгар, из Герата в Самарканд, из Самарканда через Исфиджаб, Тараз в Баласагун и оттуда далее на восток в Уйгурию, Китай, из Хотана в Китай. Торговали самыми разнообразными товарами: оружием, рабами, парфюмерией, шелком, посудой, драгоценными камнями,

украшениями, лошадьми, верблюдами, быками, овцами, шерстью, кожами и т.д. Цзиньские и сунские ремесленные изделия были обнаружены в Баласагуне и Самарканде. В Самарканде восточные ворота города назывались «киданьскими». Юсуф Баласагунский в «Книге счастья» («Кутадгу билиг», 1069): «Если бы кытайские караваны уничтожили бы свои торговые знамена (вывески), то откуда явилось бы множество товаров?». Вино кара-китаев было известно на рынках Цзинь. По сообщениям «Цзинь ши», мусульманские купцы с территории кара-китаев, хоть и не регулярно, но появлялись на этих рынках.

Известными были и локальные торговые артерии из Самарканда в Балх, из Балха через Бадахшан, Яркенд в Кашгар, из Герата в Самарканд, из Самарканда через Исфиджаб, Тараз в Баласагун и оттуда далее на восток в Уйгурию, Китай, из Хотана в Китай. Торговали самыми разнообразными товарами: оружием, рабами, парфюмерией, шелком, посудой, драгоценными камнями, украшениями, лошадьми, верблюдами, быками, овцами, шерстью, кожами и т.д. Цзиньские и сунские ремесленные изделия были обнаружены в Баласагуне и Самарканде. В Самарканде восточные ворота города назывались «киданьскими». Юсуф Баласагунский в «Книге счастья» («Кутадгу билиг», 1069): «Если бы кытайские караваны уничтожили бы свои торговые знамена (вывески), то откуда явилось бы множество товаров?».

Множество оазисов, городских и ремесленных центров могли в достаточном объеме обеспечить потребности оседлого и кочевого населения в продуктах земледелия и ремесла. В этом регионе шел интенсивный рост городов, растущие потребности городов в рынках сбыта своей ремесленной продукции, повышение спроса на сырье, производимое лишь скотоводческим хозяйством, служили мощным стимулом втягивания кочевников в орбиту товарноденежных отношений с земледельческими районами. Следствием этого явился быстрый рост товарности скотоводства, что стимулировало кочевников увеличивать пастбища. Еще с конца VII века тюркские правители чеканили собственную монету; были, например, города Тараз, Суяб, Отрар, где чеканились такие монеты. В результате тюркскую экономику и культуру нельзя представлять себе только в виде кочевой.

Скотоводство сохраняло значительные позиции еще и потому, что в эту область периодически перемещались родоплеменные группы скотоводов из сопредельных областей. Это замедляло процесс уменьшения удельного веса скотоводческого хозяйства среди

местного населения. Поскольку с киданями пришли значительные группы скотоводов, то и им приписывали реанимацию скотоводства в Чуйской долине, что противоречит сведениям из письменных источников и данным археологии.

Кара-кидани разводили огромные стада лошадей, овец, быков, верблюдов и, по свидетельству мусульманских источников, очень заботились, чтобы «скот рос упитанным». Подвластные территории платили кара-киданьским гурханам дань не только деньгами и товарами, но и скотом. Продолжали они заниматься и охотой, но фактически лишь ради тренировки, хозяйственное же ее значение падает. Это началось еще на востоке.

Одной из мер, демонстрирующих кочевые происхождение и природу нового государства и неблагоприятно сказавшихся на развитии городской экономики, было введение хорошо знакомой киданям классической восточноазиатской подворной подати. Вероятно, предвидя все же возможные неблагоприятные последствия этого шага, гурханы, начиная с Елюй Даши, одновременно старались поддержать ремесла и торговлю, если уж не стимулируя их развитие, то хотя бы не устанавливая тяжелый налоговый гнет.

Заключительный этап истории государства кара-китаев и причины его гибели.

Все же западнокиданьское государство умерло не своей смертью. Так называемый «предмонгольский» период является одним из самых интересных и, в то же время, малопонятных периодов в истории Центральной и Восточной Азии. Для него характерно как никогда прежде сильное противоборство и смешение различных этносов. Если обратить внимание на то, что аналогичный период был и на Западе, где в XI—XII вв. происходит особенно много разного уровня конфликтов (файд), то есть смысл в этом особом сгущении кросскультурных контактов увидеть, прежде всего, особый этап развития евразийского сообщества народов в целом. XIII век вообще стал несчастливым и для кочевников, которых «монгольский буран» разметал по земле.

Именно приход в начале XIII в. к власти найманского хана Кучлука знаменовал собой начало заключительного этапа в истории западнокиданьского государства, когда оно, раздираемое внутренними противоречиями, расшатанное борьбой среднеазиатских народов за свержение ига киданей, потерпевшее ряд крупных неудач на внешнеполитической арене (войны с гуридами, хорезм-шахами и т. д.), ослабленное в результате недальновидной внут-

ренней и внешней политики найманского вождя, быстро шло к печальному финишу. Новый правитель проявил себя неспособным политическим деятелем. Его политика гонений на мусульман вызвала всеобщую ненависть населения. Кучлук, по сообщению Джувейни, сам носил одежду киданей и требовал этого от мусульман.

Полную биографию Кучлука восстановить практически невозможно и уже этот факт можно считать одним из первых доказательств сознательного редактирования истории его жизни. Практически были убраны все факты, связанные с его детством и жизнь этого «мятежного царевича» превратилась в часть грандиозного «романа» о Чингис-хане, в написании которого приняли участие, как монгольские авторы, так и представители литератур других народов. Одним из этих персонажей и стал хан Кучлук, с именем которого до сих пор употребляются такие эпитеты, как «бездарный», «злокозненный», «злодей», «авантюрист», «узурпатор», «враг Ислама» и т. п. Считается до сих пор, что «этот дикий потомок алтайских кочевников не обладал ни единым качеством, сколь-либо полезным для управления тюрками, в значительной мере уже оседлыми». Если учесть, что самому Кучлуку так и не было дано ни единой возможности высказаться в свою защиту (нет ни одного сочинения, где бы он рассматривался как фигура положительная), то все обвинения в его адрес можно рассматривать как результат очень мощной пропагандистской кампании, проведенной против него фактически объединенными силами монгольских и мусульманских историков XIII в. и доверия к этим оценкам, существовавшего на протяжении последующих столетий как в Азии, так и в Европе.

Кучлук принадлежал к племени найманов. Их этническая принадлежность и вопрос о ранней истории до сих пор является предметом дискуссий. Рашид ад-Дин говорит, что «их обычаи и привычки были подобны монгольским». Действительно, из географического положения мест, занятых найманами, видно, что они почти все время жили в среде монголов. И название племени монгольское, однако, в племенной титулатуре было много тюркских элементов, поэтому предполагается их пограничное положение и связь с обоими мирами, что и давало Кучлуку впоследствии некоторое право претендовать на власть не только над монгольскими родами, но и над тюрками. Его имя, переводимое как «сильный» (он получил от последнего киданьского гурхана Чжулху титул «Кучлук-хан» — сильный хан), явно тюркское, на что указывает даже суффикс «луг», характерный для архаических диалектов

тюркского языка. Вполне возможно, что они имели смешанный этнический состав. Тесные этнополитические и культурные связи отмечались у найманов со многими окружающими их кочевыми и оседлоземледельческими этносами. Во владениях найманов проживали отдельные группы канглы и кыпчаков.

Образование государства найманов было следствием изменения ситуации в Монголии при чжурчжэньской династии Цзинь. Она была вынуждена проводить несколько иную политику в Степи, чем киданьская империя Ляо. Если последняя проводила более или менее эффективную политику сдерживания кочевников, то Цзинь уже не могла в той же степени влиять на положение в Монголии. Чжурчжэни были выходцами с самой восточной окраины кочевого мира и фактически принадлежали к иной племенной и языковой группе. Им еще предстояло доказать свое право возглавить кочевой восточноазиатский мир. К тому же они по сравнению с киданями гораздо глубже вошли в пределы оседлой зоны Восточной Азии и все их внимание так или иначе было сосредоточено на отношениях с Южной Сун и Западным Ся. Чжурчжэни старались не заходить в Монголию. В результате монгольские районы, которые раньше контролировались Ляо и пресекались ею малейшие попытки усиления здесь какой-либо власти, теперь оказались вакуумом. Это означало фактически, что значительная часть Монголии оказалась вне контроля со стороны оседлого государства, каковым являлась чжурчжэьская империя. Более того, чжурчжэни же не были в состоянии осуществлять контроль над этими районами в той форме, какая была во времена Ляо и для сдерживания вынуждены были применять репрессивные меры. Цзиньский император Ши-цзун (1161—1189) как-то сказал: «Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!». Фактически начала осуществляться политика геноцида под циничным наименованием «сокращение численности совершеннолетних». Монгольские народы оказались перед угрозой истребления. По слухам, эта агрессия началась после того, как какой-то гадатель предсказал чжурчженьскому императору гибель его державы от кочевников.

Процессы консолидации различных родоплеменных групп в этносы значительно ускорились, свидетельством чего и является формирование среди прочих и конфедерации найманов. В итоге в монгольских степях, как сообщают цзиньские источники, сложилось «40 государств», одним из которых стало возрожденное Темуджином Хамаг Монгол. Естественно, резко усилилась возможность усиления монгольских племен. Складывалась ситуа-

ция перенаселения, а уходить излишкам населения было практически некуда. Их не могли забирать ни Восток, где располагались достаточно враждебные по отношению к «варварам» империи Цзинь, Сун и Ся, ни Запад, представленный Си Ляо и набирающим силу Хорезмом.

Роль государства Си Ляо в этом плане становится любопытной. Оно пыталось удержаться на окраине мусульманского мира, но все больше и больше втягивалось в орбиту этого мира. Получается, что именно напряженные каракиданьско-чжурчжэньские отношения стали еще фактором среди тех, которые способствовали тому, что всего за одно столетие окончательно сформировался еще один крупнейший очаг государствообразования.

Зимой 1203—1204 гг. правитель Найманского ханства Таянхан собрал воедино силы найманов, джаджиратов во главе с Джамухой и татар, кереитов, дорбэнов, катакинов, салджиутов, ойратов и меркитов во главе с Тохтоа-беки и приготовился к битве с «четырьмя псами, питающимися человеческим мясом» (Джебэ, Хубилай, Джелмэ, Субэдэй) Темуджина. Найманы оказались разбиты в бою у подошвы Хан-хайских гор в 1204 г. В 1208 г. на берегах Иртыша Чингисхан разбил соединенные силы найманов и меркитов и в конечном итоге Кучлук бежал к кара-китаям в государство Си Ляо.

На исходе первого десятилетия XIII в. государство каракитаев оказалось в сложном положении. Разгром найманов, как и походы монголов на Си Ся, побудил уйгуров, давно враждовавших с тангутами и страдавших от засилья кара-китаев, принять сторону Чингисхана. Идикут (правитель) уйгуров Барчук, приняв такое решение, сначала направил Чингисхану послание, в котором писал, что «ненавидит киданей и уже давно имел желание подчиниться». Кара-киданьский наместник Шаукем, который «простер десницу притеснения на Идикута, начальников и племена уйгуров, требовал неподобающего добра», был убит восставшими. В 1211 г. идикут лично прибыл в Монголию на берега Керулена, где получил аудиенцию у Чингисхана. Его акция была весьма важной для монголов, под контроль которых без войны переходил богатый и стратегически важный регион. Идикут был обласкан. За то, что «идикут первым выразил покорность», Чингисхан приказал, чтобы «он по рангу был первым среди ванов». Его объявили «пятым сыном» Чингисхана, отдали в жены дочь Чингисхана Ал-Атуну. Подчинение уйгуров было очевидным и крупным внешнеполитическим успехом Чингисхана. В своих владениях уйгурские идикуты сохраняли самостоятельность (в первое время к ним не назначались монгольские наместники — даругачи), но они помогли монголам в завоевании тангутского государства, а позже участвовали в войнах против хорезмшаха.

Мятеж идикута явился сигналом к началу освободительного движения мусульман Восточного Туркестана. В том же, 1211 г. Чингисхану также добровольно подчинились тюрки-карлуки, кочевавшие по рекам Или и Чу, у оз. Балхаш. Отряд монголов, который разгромил Кучлука, двигался к владениям карлуков. Правитель карлуков Арслан-хан принял решение подчиниться добровольно и приехал в Монголию, его подчинение было принято. Вместе с ним был Озар, правитель Алмалыка. Как и уйгуры, карлуки оказывали монголам содействие в их завоеваниях.

Средняя Азия оказалась поделена между тремя крупными державами: султанатом Гуридов, государством кара-китаев и Хорезмом. Кара-китаи вынуждены были обратить большее внимание на запад, откуда опасность для киданей неуклонно росла. Особую опасность для них начинает представлять Хорезм, правители которого начинали собирать под свою руку различные степные племена и фактически создавать антикиданьскую коалицию. Кидани оказались один на один с мусульманским валом. Киданьский «анклав» оказался идеологически чуждым, особенно к началу XIII в. Помощи от Китая киданям ждать не приходилось. Китайская культурная экспансия на запад практически сошла на нет, вектор экономической активности китайского мира разворачивался на океан. Как и другие цивилизации, восточноазиатская становилась «океанической». Киданьская «Австралия» должна была выживать сама. По жестокой прихоти истории Си Ляо оказалось последним китаизированным государством на Западе, которой исламский океан, в конце концов, поглотил.

Начинается противостояние с Хорезмом. 3 июля 1200 г. (19 рамазана по Джувейни, 20 рамазана — по Ибн ал-Асиру, 596 г. х.) умер хорезмпах Текеш б. Атсиз. 3 августа состоялось провозглашение хорезмпахом его второго сына Мухаммеда, получившего прозвание Ала ад-Дина. Он помнил завет своего отца «доставлять ежегодно (кара-китаям — Γ . Π .) 30 тысяч золотых динаров», ибо «гурхан есть крепкий оплот и за ним сильные враги находились, т. е. племена монгольские, найманские и другие почтенные тюрки».

Сначала хорезмшах Мухаммед, воспользовавшись благоприятной обстановкой, активно включился в борьбу с Гуридами на

стороне кара-китаев. В 1203 г. он вернул себе свои хорасанские владения и приступил к их расширению. Кара-китаи оказали ему помощь, но это были их последние крупные военные успехи. Мусульманские владения одно за другим освобождались от их власти. В 1204 г. произошло восстание жителей Кашгара против каракитайского владычества, но оно было подавлено. Сын кашгарского хана попал в плен.

Летом 1205 г. правитель Балха эмир Имад ад-Дин Омар ибн ал-Хусайн захватил Термез, принадлежавший кара-киданям, который «стал областью ислама и одной из неприступнейших и сильнейших крепостей». На следующий год и Балх, и Термез оказались уже в руках хорезмшаха Мухаммеда.

Сведения источников о борьбе между кара-китаями и хорезмшахом Мухаммедом достаточно противоречивы. Только у Джувейни приведено две версии этих событий. Они изложены в различных главах: «О завоевании Мавераннахра», «О вторичном возвращении султана для войны с гурханом» и «О кара-китайских ханах, об обстоятельствах их появления и истребления». Некоторые подробности и изменения добавляют Ибн ал-Асир, Мирхонд, Нершахи.

Усилившись, хорезмшах не захотел больше оставаться вассалом киданей, а для поддержания авторитета принял на себя роль освободителя мусульман. Борьба началась в 604 г. х. (1207—1208) походом на кара-китаев сына хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. К хорезмийцам присоединился самаркандский правитель.

Мухаммед окончательно перестал платить дань кара-китаям. Гурхан послал в Хорезм своего визиря Махмуд-бая, чтобы потребовать уплаты долга. Мухаммед в это время готовился к походу на кипчаков, поэтому не стал ссориться окончательно с кара-китаями. Он поручил ведение переговоров своей матери Туркан-хатун, та с почетом приняла Махмуд-бая, полностью уплатила долги и отправила к гурхану послов с извинениями и выражением покорности. Однако Махмуд-бай передал гурхану свое мнение о том, что хорезмшах надежным данником быть не может. Действительно, одержав победу над кипчаками и вернувшись в Хорезм, Мухаммед вступил в сговор с другими мусульманскими правителями. Когда в 605 г. х. (1209) в Гургандж за ежегодной данью явился представитель гурхана Туши, Мухаммед, воспользовавшись тем, что он нарушил этикет, нагло усевшись рядом с хорезмшахом, разорвал с киданями отношения. Туши и его спутники были изрублены в куски и брошены в Джейхун.

В 606 г. х. (1209—1210) объединенное войско хорезмпаха и правителя Самарканда отправилось в поход на киданей. В 1210 г. в борьбе с найманами пресеклась восточная караханидская династия. А в 1212 г. Хорезм-шах Мухаммед убил последнего западного кагана Османа из Самарканда, вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов.

Любопытно, что впоследствии один из мусульманских религиозных деятелей садр-и-имам Шамс ад-Дин Али б. Мухаммед был очень недоволен победой хорезмийцев над кара-китаями в начале XIII в. и предвидел впереди большие беды: «дальше за этими тюрками живет народ, непреклонный в своей мстительности и ярости и превышающий Гога и Магога своей численностью и множеством. И китайский народ в действительности был стеной Зу-л-Карнайна между нами и ими. И вряд ли теперь, когда стена исчезла, сохранится мир в этом государстве и вряд ли хоть один человек сможет почивать в покое и неге. Сегодня я скорблю по исламу».

Именно в это время и появился в государстве Си Ляо Кучлук. Существует версия, что Кучлук пытался силой проникнуть в Уйгурию, но был отброшен идикутом. Д'Оссон даже считает, что он бежал через Бешбалык в Кучу. Г. Е. Грумм — Гржимайло справедливо замечает, что бегство его «через Уйгурию представляется крайне неправдоподобным». Рашид ад-Дин сообщает лишь об отправлении посла Букана к идикуту, который приказал умертвить его и послал донесение Чингис-хану.

У Джувейни приводятся два предания о появлении Кучлука в Западном Ляо.

Логичнее предположить, что он не сразу попал к западным киданям, а сначала направился к своим соплеменникам. Довольно значительная часть их вместе с Елюй Даши переселилась на запад и могла составлять вторую по численности этническую группу, после киданей. Участие найманов в этом переходе тоже вносит свой вклад в понимание того, что план Елюй Даши для спасения империи Ляо привлечь северные и западные окраины был вполне перспективен. Найманов довольно много оказалось и на территории государства Си Ляо (1128–1218).

После ухода Елюй Даши из Монголии начался важнейший этап их истории, когда они, уже избавившись от влияния киданей, сделали решительный рывок в своем развитии. Они уже не могли удовлетвориться «покорностью» по отношению к другим, ибо были более развиты.

В результате Кучлук потерпел поражение в Монголии, но продолжил борьбу, уйдя туда, где найманы уже участвовали в жизни западнокиданьского государства. Если Елюй Даши выдавили в Восточный Туркестан, то Кучлук не «бежал» туда, а ушел к своим.

На территорию Центральной Азии и раньше уходили многие роды, и даже племена с востока. Их часто и называли «китаями», т. е. выходцами с территории Китая. Речь идет не о ханьском Китае, а территории к северу от Великой стены, которую и назвали-то собственно Китаем по имени народа киданей (китай, цидань), который играл важнейшую роль в истории этого региона. Среди этих выходцев были и найманы.

Представляется ложным утверждение персидскомусульманской историографии о том, что он бежал к каракитайскому гурхану за помощью. В источниках нет информации о том, чтобы он такую помощь просил. Он, видимо, хотел по соседству с Си Ляо создать с помощью своих соплеменников свое собственное государство. Это видят и персидские историки, которые сообщают, что он первым делом возглавил «разбойников». Во дворец к гурхану он попал уже позже.

Кидани и найманы, действительно, были двумя основными силами, которые пришли с Востока и играли системообразующую роль в истории западной империи. В источниках, благодаря фигуре Елюй Даши и тому, что формально во главе государства стояли кидани, больше говорится о «кара-китаях». Вероятно, в ходе кризиса во время правления Чжулху и благодаря приходу в Си Ляо Кучлука, найманы в государстве существенно усилились.

В итоге можно выделить два периода истории этого государства:

- 1) киданьский от Елюй Даши до Елюй Чжулху,
- 2) найманский при Кучлуке.

Попутно можно поставить вопрос: почему же найманы в массе своей пошли сначала с Даши, а потом и с Кучлуком? Вероятно, потому, что они на протяжении нескольких столетий с большим трудом пытались создать свою собственную государственность, в борьбе с соседними племенами и использовали для этого все возможности.

В отличие от основателя западнокиданьского государства Елюй Даши Кучлук пришел не во главе регулярной армии, ядро которой («кара»), составляла киданьская элита, а практически в одиночестве, сопровождаемый лишь группой своих дружинников. С точки зрения тогдашней политики, он был «никто» — и это первое, что подчеркивали мусульманские историки того времени. Для них, он не переселился, а «бежал». На этом слове всегда делали акцент. Его воспринимали неудачником, проигравшим, что тогда не прощалось. Но был ли он на самом деле изгоем и бродягой?!

По одному свидетельству, Кучлук явился к гурхану добровольно, а по другому — был взят в плен киданьскими войсками. Второе предание находит косвенное подтверждение у Рашид адДина. Как бы то ни было, Кучлук нашел хороший прием у гурхана Чжулху: «гурхан назвал его сыном своим и вступив с ним в родство, увеличил его могущество». Вероятно, гурхан намеревался использовать остатки найманов для борьбы против непокорных вассалов. Нуждаясь в войсках, он поручил Кучлуку навербовать воинов из найманов и меркитов, снабдил его оружием и деньгами. И «орды его отца стеклись под его знамена; к нему присоединился и глава меркитов, бежавший от войск Чингисхана; его войска обогатились от наделов в Кара-Китае, и надежда на добычу привлекла к нему новые банды».

Кучлук быстро разглядел слабость государства: «Кушлук по той причине, что он был свидетелем слабеющего положения Гурхана, и видел, что старшие князья, находившиеся в восточных пределах, производили восстания и прибегали к покровительству государя миродержца Чингис-хана, и также по той причине, что многие из князей Гур-хановых были с ним заодно, и он слышал, что беки отца его Таянг-хана, и старинные слуги их все еще скрываются, был обеспокоен грубой жадностью и думал, что, если он соберет остальное войско отца, то он может вести управление по обычаю, возьмет владение Гур-хана с помощью того войска и войска Гур-ханова, которое было с ним заодно, будет силен и справится с делами всех». Напуганный мятежом, гурхан обратился за помощью к хорезмшаху.

Кучлук, в свою очередь, тоже просил помощи у Мухаммеда и соглашался удовлетвориться «теми местами, в которых селились они (хитаи)». Не дожидаясь подхода хорезмийских и самаркандских войск, Кучлук захватил в Узгенде казну гурхана и пытался взять Баласагун, но был разбит войсками киданей.

В это время на территорию государства вторглась объединенная хорезмийско-самаркандская армия. В начавшейся битве войска Кучлука стали теснить кара-китаев, и в это время «хорезм-шах напал (на них) и принялся убивать, брать в плен и грабить и никому из них не оставлял возможности спастись». Предательство

представителя хорезмшаха Буртаны и мазандеранского испехбеда Кебуд-джаме привело к тому, что кара-китаи смогли выровнять ситуацию. Войска смешались. Начался грабеж обоих лагерей.

Сражение это состоялось в августе — сентябре 1210 г. Его результат оказался неопределенным, но командующий каракиданьским авангардом Таянгу попал в плен, и это внесло разброд в ряды киданей, которые поспешно отступили на соединение с главными силами. Битва 1210 г. имела особое значение для судьбы западных киданей. В одном из мусульманских текстов есть сообщение о том, что «великий султан Мухаммад б. Текеш полностью истребил их и отобрал у них все клады на земле. Та сторона очистилась от них, так что вокруг не встретишь ни одного мужа — [кара]-китая». Возможно, во время войн Хорезма с кара-китаями в начале XIII в. шел настоящий геноцид, ибо киданей стремились уничтожить полностью и можно предположить, что практически полностью были уничтожены представители правящего рода Елюй. Некоторые мусульманские авторы прямо говорят, что китаи как этнос перестали существовать именно с этого времени. Все кара-китаи, упоминающиеся после гибели государства, были всего лишь выходцами с его территории.

Киданьские войска стали отступать к Баласагуну, грабя и опустошая собственную страну. Жители Баласагуна закрыли перед гурханом ворота и защищались в течение 16 дней в надежде, что хорезмшах Мухаммед придет к ним на помощь. Когда подошли все отряды киданей, гурхан предпринял решающий штурм, после которого устроили в городе трехдневную резню. Было убито по различным данным, не совсем точным, от 7 до 47 тысяч чел. Стены и укрепления города были разрушены, «войско гурхана сильно разбогатело от обилия добычи». Везирь Махмуд-бай посоветовал гурхану заставить войска возвратить в казну то, что они взяли из сокровищ, захваченных Кучлуком. В армии вспыхнуло недовольство. Этим воспользовался Кучлук и, устроив засаду, захватил гурхана на охоте. Он не расправился с гурханом, вероятно, не только потому, что кидани составляли значительную часть его войска. Он учитывал авторитет кара-китайских гурханов среди тюркских племен.

Гурхан Чжулху получил титул Тай шан хуан (верховный император), а его мать — хуан тай хоу (вдовствующая императрица). Кучлук «стоял среди его хаджибов и действовал как его управляющий, постоянно консультировался с гурханом во всех делах, но редко следовал его советам». Через два года (1213) гурхан умер, возможно, не своей смертью. «Ляо ши» (30 цз.) на этом заканчивает

историю киданьского государства: «Когда Чжулху умер, Ляо перестало существовать». Ан-Нисави рассказывает, что султан Мухаммед потребовал от Кучлука выдачи гурхана с дочерью и сокровищами. Хотя Кучлук и признавал некоторое время свой долг перед хорезмшахом, выдать гурхана он все же отказался, во-первых, потому, что гурхан сам умолял не отсылать его в Хорезм, а, вовторых, «опасался, что если выдаст его султану, то на него перед тюрками ляжет позор, вред от которого не дешев и пыль которого он не сотрет с лица».

Мусульманские авторы сообщают, что он-де узурпировал власть в Си Ляо, свергнув гурхана Чжулху. Однако, основную массу кара-китаев истребили в битве 1210 г. и Чжулху, таким образом, остался без своей элиты, а за каждым тогдашним лидером должен был стоять этнос. В итоге Чжулху ведь отдал власть не мусульманам, влияние которых при его дворе все более усиливалось, а ставленнику θ торой силы в государстве, вождю найманов Кучлуку.

Вероятно, именно известия о борьбе Кучлука с хорезмшахом породили слухи о «царе Давиде, который идет на помощь христианам с востока». Слухи взбудоражили Европу. Епископ Акки палестинской Яков де Витри в своих письмах, написанных в 1221 г., рассказывает о попытке багдадского халифа, враждовавшего с хорезмшахом, через посредство несторианского патриарха вступить в переговоры с царем Давидом. С этой целью халиф, похоже, действительно отправил посла в Среднюю Азию.

Таким образом, приход в начале XIII в. к власти Кучлука знаменовал собой начало заключительного этапа в истории западнокиданьского государства, когда оно, раздираемое внутренними противоречиями, расшатанное борьбой среднеазиатских народов за свержение ига киданей, потерпевшее ряд крупных неудач на внешнеполитической арене (войны с гуридами, хорезмшахами и т. д.), ослабленное в результате ошибочной внутренней и внешней политики найманского вождя, быстро шло к печальному финишу. Именно Кучлуку суждено было привести его к гибели.

В исторической литературе при анализе политической ситуации в Средней Азии накануне монгольского вторжения государству кара-киданей обычно уделяется немного внимания. Воссоздается на основе тех или иных источников история взаимо-отношений местного мусульманского населения с киданями, преследований Кучлуком ислама, жестокого подавления народного недовольства и лишь коротко сообщается о захвате государства

войсками монголов. На наш взгляд, эта страница истории заслуживает большего внимания и детального освещения – сопоставление и анализ различных источников позволяет это сделать. К тому же все еще встречается достаточно нелепое мнение, что успех монгольского нашествия объяснялся громадным численным превосходством завоевателей, этой «трехсоттысячной выражению Н. М. Карамзина, которая выпивала реки на своем пути, сравнивала с землей города и превращала населенные земли в пустыни. Разумеется, необходимо учитывать талант полководцев Чингисхана, превосходство монголов в организации войска, в стратегии и способе ведения войны, невозможность раздробленных государств противостоять объединенной армии. Но особенно заметна здесь гениальная стратегия Чингисхана, краеугольным камнем которой является изоляция врагов и разгром их поодиночке. Она исключала бессмысленные с военной точки зрения походы. Завоевания Чингисхана и его преемников были осуществлены силами немногочисленного народа. Население Монголии того времени насчитывало по различным оценкам от 1 до 2,5 млн ч. Поэтому их удары были всегда хорошо продуманы и подчинены общестратегическим целям войны. Монголы избегали ненужного расширения конфликта и вовлечения новых противников пока не уничтожены старые. Они никогда не начинали вторжения, не подготовив его разложением противника изнутри, не использовав до конца внутренний кризис во вражеском лагере, измену и предательство. Все это наидет отражение и в кампании против Кучлука.

Край был истощен войнами и усобицами. Население продолжало надеяться на то, что кара-китаи снова наведут порядок. Известна анонимно отчеканенная в Узгенде монета с надписью «Хан ханов пусть живет тысячу лет, пока голодная страна не станет сытой!». Она скорее всего отражает ситуацию в Фергане 610 г. х. / 1214 г. н. э. Население уже не надеялось на хорезмшаха Мухаммада, а уповали на кара-китайского «хана ханов» (hanan han)⁷³.

На западных границах усиливался хорезміпах Мухаммед, на далеких восточных — Чингисхан, кровный враг Кучлука. Любопытно, что борьбу с Кучлуком Темуджин усилил сразу же после того, как у истоков р. Онон в год Барса (1206 г.) на курултае воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли его Чингисханом. Чингис-хан не был расположен оставлять своего старинного врага в покое. Первая попытка отряда Хубилай-нойона вторгнуться в

Annharanterraciasis avarran nana sahan sah yuru

 $^{^{73}}$ Морфологический аналог перс. sahan sah или араб. sultan as-salatin.

1211 г. через северную часть Семиречья в государство Кучлука закончилась, по всей вероятности, поражением. По свидетельству Хондемира, «Чингиз-хан, начав с ними войну, один раз был обращен в бегство».

Брожение в Монголии стало сказываться на Си Ляо уже в самом начале XIII в. Многие племена, проживавшие на территории государства, боялись ползучей исламизации. Они старались не выходить за пределы своего мира. Более того, наблюдается явное стремление обитателей монгольской диаспоры вернуться на восток. Туда уходят отдельные семьи и целые роды. Кара-китаи оказались между двух огней. Хорезмшах Мухаммед мог осуществлять экспансию только на Восток, ибо западные мусульманские правители все еще настороженно относились к новообращенным центральноазиатским мусульманам, а самого Мухаммеда из-за его ссоры с халифом воспринимали как схизматика. На восток же он мог «нести истину».

Весьма характерно, что в то самое время, когда войска Чингисхана опустошали Северный Китай, хорезмшах, заканчивая завоевание Мавераннахра, тоже мечтал совершить поход на Китай и потому искал повода для войны с государством Кучлука, преграждавшим ему путь туда. Историк Джузджани (XIII в.) свидетельствует, что хорезмшах имел намерение совершить поход в Китай и Монголию. Узнав, что Чингисхан «завоевал» Китай, он послал к нему посольство. Чингисхан предложил посланцам хорезмшаха начать торговлю, а также признать его, Чингисхана, владетелем «Востока», а хорезмшаха — владетелем «Запада».

Кучлук, понимая, что опасность со стороны монголов менее актуальна и с целью восстановления могущества кара-китайского государства, предпринял ряд завоевательных походов на запад. Он послал хорезмшаху «требование о разделе страны хитаев». В ответ хорезмшах начал совершать набеги на пограничные территории и, по сообщению Ибн ал-Асира, «приказал жителям Шаша, Ферганы, Исфиджаба, Касана и других городов вокруг них — более здоровых и более процветающих (городов) в этом мире не было — выселиться из них и присоединиться к мусульманским областям; затем он их (города) все разрушил».

Начавшаяся в 1211 г. война монголов с чжурчжэнями отвлекла внимание Чингисхана от Средней Азии, и Кучлук воспользовался этим для того, чтобы вернуть отложившихся вассалов и упрочить свое положение. Несколько раз совершал он походы про-

тив алмалыкского хана Озара, захватил его в плен на охоте и приказал умертвить.

О том, какую роль в борьбе с Кучлуком и в искажении информации о нем сыграла информационная борьба, свидетельствует обвинение его в «суровых гонениях» на мусульман.

В данном случае необходимо отметить следующее. Многие племена, проживавшие на территории государства Си Ляо, боялись ползучей исламизации. Они старались не выходить за пределы своего мира. Более того, наблюдается явное стремление обитателей монгольской диаспоры вернуться на восток. Туда уходят отдельные семьи и целые роды. Кара-китаи оказались между двух огней. Хорезмшах Мухаммед мог осуществлять экспансию только на Восток, ибо западные мусульманские правители все еще настороженно относились к новообращенным центрально-азиатским мусульманам, а самого Мухаммеда из-за его ссоры с халифом воспринимали как схизматика. На восток же он мог «нести истину».

Главную угрозу своему царствованию Кучлук видел в мусульманском движении. Для его волнения основания действительно были. Первые столетия II тыс. были временем становления тюркского ислама и образования на этой территории исламских государств. Хорезм был исламским государством и претендовал на объединение всех мусульман. Кара-китаи, найманы и другие выходцы из восточноазиатского региона не могли рассчитывать на помощь ни от чжурчжэней, ни от Китая.

Любые попытки выступать против кара-китаев в самом мусульманском мире воспринимались достаточно негативно. В целом все правители Си Ляо и Кучлук, думается, в том числе, относились к исламу с уважением. Это не диктовалось только политическими соображениями. Среди жителей Си Ляо было немало христиан, почти близких по вере мусульманам. Первый гурхан Елюй Даши понимал, что с исламом как идеологией общирного региона бесполезно бороться силой и предпочел остаться в пределах китаизированного района, потребовав основательно мусульманских правителей практически лишь формального подчинения, беря лишь клятву в знак покорности. политическая «справедливость», которую дружно отмечают все мусульманские авторы, пропагандистским стала мощным средством. «Гнет неверных» фактически отсутствовал до конца династии. Любые попытки выступать против кара-китаев в самом

мусульманском мире воспринимались достаточно негативно. Не было, по крайней мере, до правления Кучлука, осознанной киданизации или синизации. Это уважительное отношение к чужой культуре способствовало тому, что авторитет Си Ляо, как некогда и авторитет Ляо, на территории Восточного Туркестана был достаточно высок. К тому же общая политика кара-китаев (завоевание без разрушения, веротерпимость, представление автономии, ограничение финансовых требований и т. д.) стала для мусульманского мира признаком цивилизации, а не поведением варваров — кочевников.

Главной целью политики Даши было восстановление киданьской империи или хотя бы сохранение нового киданьского «острова». Однако восточноазиатская, в основе своей китайская, культурная экспансия на восток была резко свернута. Си Ляо оказалось «Австралией», которая должна была выживать самостоятельно. По жесткой логике истории это государство оказалось последним китаизированным государством на Западе, который в конечном итоге был все же поглощен исламским океаном. Все, что могли делать первые гурханы в своей религиозной политике, это противопоставить суннизму оппозиционные течения в исламе шиизм), чтобы расколоть (суфизм, единый враждебный мусульманский лагерь.

В то же время, несмотря на восхваляемую мусульманскими авторами веротерпимость кара-киданей и довольно широкое распространение в их среде мировых религий, в отношении большинства из них можно говорить о существовании особой, близкой к монотеизму веры, которую некоторые специалисты обозначают термином «тенгриизм», оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований (тотемизма, шаманизма). Главой и первосвященником этой религии был сам гурхан. Киданьская религиозная система — химерична, ибо не принимает до конца почти монотеистическую идею единого Неба. Кидани фактически обожествляли природу. Для номада Небо, Солнце, Луна, звезды, животные, растения, огонь, земля, воздух, вода — первоначала.

По мере вовлечения западных киданей в общие для Средней Азии социальные и культурные процессы, их собственная религиозная система стала испытывать влияние мировых религий в гораздо большей степени, нежели во времена Ляо. В результате можно говорить о существовании в государстве ситуации информационного хаоса, из которой можно было в тех условиях

выйти только с помощью ислама. И этот процесс шел достаточно широко.

Кучлук, не понимая этого, пытался реанимировать восточноазиатскую парадигму и стремился остановить исламизацию кара-китаев вплоть до использования традиционных для восточноазиатского мира методов гонений. Но, если там это иногда проходило 74 , то здесь ожесточило мусульман. Их возмутило не только количество жертв, но и сам метод. Мусульмане предпочитали споры, а не резню.

Кара-китаи очутились в ином цивилизационном ареале, поэтому антикофуцианская составляющая киданьской культуры у них резко идет на убыль. С целью противостояния иной культуре они пытаются сочетать киданьскую и китайскую культуру, но это не давало прежнего эффекта. Китайцы в мусульманском мире именовались идолопоклонниками и, может быть, указание мусульманских авторов на то, что гурханы впали в «идолопоклонство», есть свидетельство попыток правителей государства опираться на конфуцианскую традицию. Конфуцианство не прижилось у киданей до конца, да и отрицало кочевую культуру, а Кучлук действовал именно внутри кочевой цивилизации.

В Си Ляо собирались все недовольные уже не чжурчжэнями, а монголами, поэтому Кучлук и пытался ликвидировать идейную дезинтеграцию и объединить всех не только политически, но и идейно. Ислам не мог помочь не только потому, что уводил в другой мир, мусульмане еще не понимали опасности со стороны монголов. Буддизм, тоже распространенный среди кочевников, делал излишний для них акцент на индивидуализме, этике любви, а не силы, текстовости.

Здесь особенно важно, однако, отметить, что эти самые «гонения» осуществлялись Кучлуком на территории именно своего государства, а не в землях других владык. Он имел на ограничение распространения ислама полное право как руководитель государства. К тому же он не сразу прибегал к жестким мерам, а сначала предложил серию дискуссий. На них его обвинили в том, что он не разбирается в тонкостях ислама, а ведь он предлагал спор «тонкостях», a o недозволенных распространения этой религии в чужом государстве. Судя по описаниям этих дискуссий, мусульмане намеренно вели себя агрессивно, «оскорбляли» непосредственно самого хана. Думается,

.

⁷⁴ В 845 г. так пытались остановить в Китае распространение буддизма.

«суровые наказания» были не столько несдержанности Кучлука, сколько соответствовали юридическим нормам того времени. Кучлук предпринял самые жесткие меры против ислама. В течение двух — трех лет он опустошал поля возле Кашгара и вынудил его жителей подчиниться. Взяв Хотан, ислама и выбрать либо предложил жителям отречься от христианство, либо буддизм. Публичные мусульманские богослужения были запрещены. Кучлук размещал своих воинов по домам мусульман и позволял всячески притеснять население. По сообщению Джувейни, он сам носил одежду киданей и требовал этого от мусульман.

В результате можно говорить о существовании в государстве ситуации информационного хаоса, из которой можно было в тех условиях выйти только с помощью ислама. И этот процесс шел достаточно широко. Гурханы активно использовали на службе образованных мусульман. Джузджани сообщает, что когда кара-китаи «возвысились, главными людьми (министрами?) у них, подряд друг за другом, было несколько человек, и среди тех, кто жил приблизительно в мое время и о которых я слышал от рассказчиков, были Има, Сункам, Арбаз, Юма и Банико (из Тараза)». Представителем гурхана Елюй Даши в Бухаре был мусульманский тюрок Атматигин. Визирем последнего гурхана был мусульманский купец Махмуд Тай, лейб-медиком — мусульманский судья (кади) Шамс ад-Дин Мансур б. Махмуд ал-Узганди. Баскаком в Кэсане в конце династии был Измаил, после падения государства возглавивший составленный из кара-китаев десятитысячный корпус. Арабский язык использовался параллельно киданьскому как язык общения и политики. Все шире используется мусульманское право. Киданьское же право практически ограничено кругом киданей, да и оно все чаще использует нормы из шариата. Налицо ситуация аналогичная той, что была в Ляо, где использовались китайцы. Каракитаи пытались по аналогии с Южной Администрацией создать Западную. В Ляо это было возможно, ибо кочевой север и оседлый юг в империи были близки, а здесь монгольский запад и мусульманский восток во многом антагонистичны. Сохранялся ляоский принцип использования разных законов для разных народов, он распространялся теперь и на мусульман. Исламу такой подход не свойствен и шариат принимали даже кочевники.

Но Кучлук, не понимая этого, пытался реанимировать восточноазиатскую парадигму и стремился остановить исламизацию кара-китаев вплоть до использования традиционных для восточно-

азиатского мира методов гонений. В 845 г. так пытались остановить в Китае распространение буддизма. Но, если там это иногда проходило, то здесь ожесточило мусульман. Их возмутило не только количество жертв, но и сам метод. Мусульмане предпочитали споры, а не резню. Кучлука и в наше время считают неплохим полководцем, но плохим политиком, который позволил несторианам и буддистам начать гонения против мусульман. В Си Ляо собирались все недовольные уже не чжурчжэнями, а монголами, поэтому Кучлук и пытался ликвидировать идейную дезинтеграцию и объединить всех не только политически, но и идейно. Ислам не мог помочь не только потому, что уводил в другой мир, мусульмане еще не понимали опасности со стороны монголов. Буддизм, тоже распространенный среди кочевников, делал излишний для них акцент на индивидуализме, этике любви, а не силы, текстовости.

Чингисхан не был расположен оставлять своего старинного врага в покое. Первая попытка отряда Хубилай-нойона вторгнуться в 1211 г. через северную часть Семиречья в государство Кучлука закончилась, по всей вероятности, поражением. По свидетельству Хондемира, «Чингиз-хан, начав с ними войну, один раз был обрашен в бегство».

Окончательная война монголов с кара-китаями началась в 615 г. х. (1218 г.) вторжением двух туменов под командованием Джэбэ-нойона. Чингисхан, посылая против кара-китаев Джэбэ, утверждал, что их государство стало центром заговора против монголов, а, судя по сообщениям Абулгази, государство Си Ляо было одним из крупнейших центров сопротивления Чингис-хану, ибо Кучлук «собирал к себе тех из монголов и татар, которые были во вражде с Чингисханом». Как показывает анализ источников (Абулгази, «Юань ши», «Синь юань ши») государство было завоевано монголами не сразу, как долго считали исследователи, а лишь спустя два года (к 1220 г.). Надо отметить, что два года воевать против монголов было не так уж просто.

Сам Чингисхан считал опасность с этой стороны для себя очень большой: «Чингиз-хан, известясь об этом, сказал, «когда столь опасный враг явился на одной стороне моего царства, то мне нельзя пускаться в далекий поход», потому отложил экспедицию на Китай». По «Юань ши» (цз. 149, л. 12а) и «Синь Юань ши» (цз. 146, л. 6904). Чингисхан лично возглавил кампанию против каракитаев и впоследствии советовал своим полководцам не кичиться победой над столь могущественным врагом, как Кучлук.

Джэбэ объявил, что каждый может «остаться в своей вере и сохранять путь отцов и дедов». Жители Кашгара тотчас подняли восстание и перебили всех воинов Кучлука. На сторону монголов встали и уйгуры Восточного Туркестана.

О битве монголов с киданями упоминают еще некоторые китайские источники. В «Юань ши» (цз. 149) и «Синь Юань ши» (цз. 146) рассказывается, что некий Го Баоюй участвовал в битве с остатками кара-китаев, во время которой была разгромлена 30-тысячная армия киданей и захвачены Бешбалык и Самарканд. Это произошло в 1219 г. — вся кампания заняла целых два года. Оба источника говорят, что войска монголов возглавлял сам Чингисхан, а он действительно в начале 1219 г. был в Каракоруме, в 6-м месяце на военном совете на реке Иртыш, а в 9-м месяце уже на пути в Бухару.

Третий сын Кучлука Чан-вэнь, как сообщает «Юань ши» (цз. 121), умер вскоре после бегства отца на запад. Его вдова, принадлежавшая к императорскому клану, вместе с двенадцатилетним сыном Да-лу Найманом и кормилицей пряталась от монголов, но в конце концов «отдалась под покровительство» третьей жены Чингисхана. Дата этого события в «Юань ши» не указывается, но, если исходить из того, что Да-лу Найман родился в 1205 г., оно должно было произойти в 1217 г. Этот факт может служить еще одним подтверждением того, что война монголов с Кучлуком и каракиданями была довольно длительной и во время нее могла произойти, по крайней мере, хоть одна серьезная битва.

Наконец, есть вполне определенное сообщение Плано Карпини о том, что «Найманы так же, как и Кара-Китаи, т. е. Черные Китаи, равным образом собрались напротив в огромном количестве в некую долину, сжатую между двух гор, через которую проезжали мы, отправляясь к их императору, и завязалось сражение, в котором Найманы и Кара-Китаи были побеждены Монголами, и большая часть их была убита, а другие, которые не могли ускользнуть, были обращены в рабство».

Облегчила продвижение монгольских войск и продолжавшаяся борьба кара-киданей с Хорезмом. Сын хорезмшаха Джелал ад-Дин Манкбурна нанес им удар с востока и «запугав их, искоренил и заставил тех из них, кто скрывался, искать себе убежища в отдаленных уголках Китая».

По сообщению Рашид ад-Дина, кыргызы и другие племена Южной Сибири приняли активное участие в борьбе Кучлука с монголами: «После того, как найманы и кереиты были разгромле-

ны в районе верхнего Иртыша, Чингисхан послал свои войска в пограничные районы Туркестана для отражения племен киргиз и тумат и захвата Кушлука и Куду — сыновей государя меркитов, образовавших после своего поражения и бегства враждебное сборище». С киргизами воевал корпус старшего сына Чингисхана Джучи.

Отсюда видно, что Кучлук предпринял попытку образовать союз племен для отражения монгольской опасности, куда входили и некоторые южносибирские племена. Известно, что и захвачен в плен Кучлук был во владениях тяньшаньских киргизов.

Кучлук после поражения пытался скрыться. Вот как описывает Абулгази конец Кучлука: «Чепе-нойян, настигнув его, сразился с ним, разбил его. Кючлюк бежал с немногими людьми; остальных Чепе-нойян истребил, семейства их взял в плен, обратил в рабство, и преследовал Кючлюка. Через несколько дней, настигнув его, он истребил его нукеров, и Кючлюк с человеками тремя убежал в Бедехшан, на долину Саригкольскую. Чепе-нойян, отправясь вслед за ним, на пути сколько ни искал его и сколько о нем не расспрашивал, не мог сыскать его. Наконец попавшийся ему человек, который гнал пару коней, на расспросы его сказал: «три человека с теми приметами, которые тобою сказаны, ушли в эту сторону». Чепе-нойян, получив эти известия, ускорил преследование, поймал Кючлюка и, отрубив ему голову, возвратился к хану, которым щедро был награжден и удостоился быть любимцем его». Кучлука схватили местные охотники на Памире (Сарыкол или Сариг Чопан в Бадахшане). В «Юань ши» сообщается, что Джэбэ велел наместнику Кэсана Измаилу объехать с головой Кучлука его владения и тогда такие города, как Кашгар, Яркенд, Хотан, сдались при первом приближении монголов. Когда Измаил обошел с головой Кучлука «все его земли... все те, кто держали нос по ветру, покорились и присоединились»

Как видим, западнокиданьские города сдались лишь после предъявления им головы убитого Кучлука. Пока он был жив, они оборонялись — и против Хорезма, и против монголов. Значит, жители надеялись на Кучлука, а не боялись его, как пишут мусульманские историки. Авторитет государства Си Ляо в целом, и Кучлука в частности, был весьма высок, а это означает также, что и самобытность региона уже была глубока. Он в своем развитии шел собственным путем, не хорезмийским и ни монгольским. А между тем деятельность Кучлука персидские историки свели лишь к его гонениям на мусульман.

Такова оказалась короткая, но яркая и печальная судьба одного из противников «покорителя Вселенной». Кучлук был явно незаурядной личностью. Это одна из самых ярких исторических фигур периода образования монгольского государства. На протяжении своей жизни он проявил себя как талантливый полководец и смог, возглавляя найманское ханство и кара-китайское государство, около двух десятилетий вести борьбу с Чингисханом.

Он явно из того же ряда, что и другие незаурядные политические деятели Азии, такие, как основатель киданьской империи Абаоцзи и основатель западнокиданьского государства Елюй Даши, первый чжурчжэьский император Агуда и первый монгольский правитель Чингисхан. При иных обстоятельствах он тоже смог бы основать обширную и могущественную державу. Он также обладал явной харизмой, но не мог переступить через кочевые традиции, которым остался верен. Как и Чжамуху, его можно считать идеологом конфедерации монгольских племен. В то же время он явно не простой полевой командир, налицо признаки государственного деятеля более широкого масштаба. Кучлук хотел спасти кочевников от чингисова милитаризма и в этом плане пошел дальше своего отца. Поэтому Чингисхан и боялся его больше Таянхана. Если Чингисхан предлагал в качестве средства решения всех проблем по сути грандиозный грабеж соседей, то Кучлук выступает за сохранение статус кво в Монголии и фактически интенсивный вариант развития страны, в чем выходит за пределы кочевого идеала. Эту же идею очень красочно и афористично выскажет впоследствии советник Чингисхана Елюй Чуцай: «завоевать империю, сидя на коне, можно, но управлять ею, сидя на коне, невозможно».

Кучлук оказался и последним из монгольских претендентов за господство в Степи (Ван-хан, Таян-хан, Чжамуха, Кучлук). Разгром Кучлука означал конец борьбы за объединение Степи. Отныне у Чингисхана остались только оседлые враги. Следующим этапом в истории складывания монгольской сверхдержавы станет борьба с чжурчжэньской империей Цзинь и тангутским государством как внекитайскими государствами. На третьем этапе настанет очередь классических оседлых государств Сун и Хорезма. После этого останется лишь война на запад от Степи. Поэтому-то Чингисхан и советовал Джэбэ не сильно гордиться своими успехами.

Кучлук, несомненно, был талантливым государственным деятелем. Сам Чингис-хан указывал, что при нем государство «усилилось», т. е. возродилось и стало серьезным «очагом опасности» для монголов. Впрочем, и для мусульман тоже. Оно

стало более консолидированным, т. е. ведущую роль в нем играли не кидани, и в какой-то степени найманы, а только найманы, ставшие основной и чуть ли единственной силой. Они же представляли собой и серьезную военную силу, ведь недаром монголы несколько лет боялись начать против них военные операции. Для монголов особенно важно было, что Кучлук «усилился».

Все же он был опасен не только в военном, но и в идейном отношении, ибо собрал вокруг себя всех «недовольных», объединил их политически, т. е. в государстве, доказал возможность развития этого государства как империи. Он не упразднил ни название, которое, правда, не указывается в мусульманских и монгольских источниках, ни его форму.

Судьба Си Ляо в какой-то мере была предрешена, ибо оно оказалось между молотом и наковальней. Кучлук же не строил никаких планов войны, ни на Востоке, ни на Западе. Он хотел, как некогда и Елюй Даши, жить и дальше в пределах Си Ляо. Он не нападал, а оборонялся! У него был не экспансионистский, а мироустроительный вариант развития государства. Даже «грабительскими набегами» он не занимался.

По сути, он придерживался программы Елюй Даши, хотя и с опорой уже не на киданей, а на найманов. Иначе говоря, при нем найманы пытались создать свою империю. Сначала это мыслилось тоже, по аналогии с ситуацией при Елюй Даши, как своего рода государство «в изгнании», тем более, что основная масса найманов из Монголии уже ушла в Си Ляо. Потом они рассеялись по всей Евразии, но в Монголию практически не вернулись. Они заменили в управлении кара-китаев, но не успели укрепить государство. Вопрос о ликвидации Си Ляо уже был в планах Хорезма и Чингисхана.

О том, что авторитет Кучлука на территории Си Ляо был достаточно высок, говорит многое. Хорезм выиграл битву 1210 г., но не смог уничтожить само государство Си Ляо. Разумеется, это был смертельный удар, который привел к тому, что кидани фактически потеряли власть в государстве. Однако «знамя» подхватил Кучлук. Хорезмийцы пытались бороться и с ним, но уничтожили его только монголы, с помощью мощного концентрированного удара, пропаганды и физического устранения лидера Кучлука.

Негативный образ Кучлука во многом был результатом и непонимания обществом его программы и сознательного искажения

фактов. Уже одно то, что он оказался неудачником, позволяло описывать его деятельность тенденциозно и негативно. Такие выдающиеся государственные деятели средневековья, как Карл Великий и Чингисхан, тоже неоднократно терпели поражения, но это все же не сказывалось на их имидже, ибо в итоге они оказались победителями.

Монголы боялись, что Кучлук приведет в Монголию мусульман и потому за ним тщательно следили и фактически сразу же начали информационную войну против него. Поскольку Чингисхан был избран верховным правителем, все его противники автоматически становились «мятежниками». Если кара-китайские правители и Кучлук носили титул «гурхан» (хан ханов Монголии), то титул «Чингис» фактически обозначал хана всех людей «от рассвета до заката», а не только обитателей данной зоны. Одно это резко понижало статус всех реальных и потенциальных противников Темуджина.

Особо необходимо отметить роль в «освещении» этих событий мусульманских и монгольских историков. Нужно учитывать и то, что тексты писали враги Кучлука и враги весьма талантливые. Бесстрастных и беспристрастных историков в то время не могло быть, но эти историки (неизвестный автор «Сокровенного сказания», авторы «Юань ши», Джувейни, Рашид ад-Дин, Ибн аль-Асир) были профессионалами экстра-класса. Они все в той или иной степени уже принадлежали к оседлым культурам и любого защитника кочевых идеалов воспринимали как дикаря. Уже потому, что Кучлук пытался опираться на кочевую парадигму, его правление и не считается кара-китайским. Кучлука и мусульманские и китайские миры не считали легитимным правителем. Не надо забывать, что сам образ кочевника как дикаря четко сформировался именно в китайской культуре. Си Ляо же после Джамухи стало центром степной оппозиции. Само это государство стало одним из государств конфедеративно-оборонительного типа в регионе и представляло серьезную опасность сначала для чжурчжэней, а потом и для монголов.

Уже потому, что Кучлук пытался опираться на кочевую парадигму, его правление и не считается кара-китайским.

Монголы подавали Кучлука и как человека, который «уничтожил» законную династию кара-китаев, тесно связанную с монгольским миром (титул «гурхан» монгольский). Персы писали свои труды именно в период деятельности Кучлука. Это были фактически пропагандистские вещи, которые потом вставили в истории и, тем самым, оболгали Кучлука.

Нужно учитывать, что завоевание Си Ляо было фактически первым опытом борьбы монголов с мусульманским миром. Они только учились воевать с оседлыми народами, что давалось им с изрядным трудом. Поэтому основной акцент был на дипломатии и стравливании врагов друг с другом. Хорезмийцы охотно поддержали монголов, ибо это снимало с них вину за смертельный удар по тюркам кара-китаям в 1210 г. От них это перешло к мусульманским историкам, которые и обосновали это «историческим материалом». Может быть, одной из причин кучлуковских гонений на ислам было и то, что мусульмане начали против него активную пропагандистскую кампанию. Кучлук попал под двойной пропагандистский натиск.

Тем не менее, борьба кара-китаев и найманов с монголами не была напрасной. Даже дальнейшее завоевание державы хорезмшахов не привело к полному покорению всех тюркских народностей — значительная часть канглийских и кипчакских племен оказали монголам ожесточенное сопротивление.

Из кара-китаев был создан десятитысячный корпус, который шел в авангарде монгольских войск (сначала корпуса Джэбэ). Судя по «Юаныши», отряд возглавил один из ближайших сановников последнего гурхана Чжулху, наместник города Касан (Кэ-сань). Хэсы-май-ли (Измаил) был родом из Гу-цзэ-ва-р-до, столицы каракитаев в Си-юй (Туркестан). Он был приближенным Ко-р-хань, а затем правителем городов Кэ-сань и Ба-сы-ха. При приближении монгольских войск перешел на их сторону. Джебе доложил об этом Чингисхану, и тот повелел Измаилу находиться в авангарде.

Именно Измаил убил Кучлука и по приказу Джебе объехал территорию Си Ляо, после чего Кашгар, Яркенд и Хотан сдались монголам.

Затем он участвовал в походе на Нишапур, настиг Джелаль ад-Дина в А-ла-хэй, разгромил его при горе Ту-ма-вэнь. Воевал против курдов, Ширваншаха, грузинских правителей, участвовал в казни русского князя Мстислава. «Измаил явился к Чингису в то время, когда тот ходил на Ордос. Государь пожаловал Измаилу из привезенных драгоценностей столько, сколько он мог взять, и дал звание битхэши.

После того, как сдались войска чжурчжэньской династии, Измаил за свои подвиги во время похода на запад был пожалован в чжа-лу-хуа-чи со званием гуй-си-юй-да-шуй — полководца, покорителя Западных стран, и в год под циклическими знаками

гэн-цзы, т. е. в 1240 г. в да-лу-хуа-чи провинций Хуай-мын и Хэнань. Сыновья его за заслуги отца были также награждены».

Этот отряд отличился в боях под Нишапуром, Самаркандом, нанес поражение отрядам грузинских князей, «при горе Тер» разбил «ва-ло-сы» (русских), захватил в плен Ми-чжи-сы-ла (русского князя Мстислава). За участие в боях против чжурчжэней Измаил получил звание «гуй-си-юй-да-шуй» (покоритель западных стран).

В империи Чингисхана именно кидани взяли на себя роль переводчиков в администрации и армии монголов. Ряд исследователей (Л. Лигети, Л. Л. Викторова) считают, что именно язык семиреченских киданей (кара-китаев) лег в основу литературного языка и письменности монголов XIII в. Именно западные кидани, по их мнению, впервые широко применили к монгольскому языку уйгурскую графику. Вассалы киданей найманы перенесли это письмо в монгольское государство. Есть предположение, что уйгурское письмо было давно известно киданям. По мнению Л. Л. Викторовой, переселение киданей на запад «могло оживить традиции малого письма», которое, по ее мнению, было основано на уйгурской графической основе. Некоторые кара-китаи были проданы в качестве наемников и попали даже в делийский султанат, около 70 тыс. их влились в армии Хорезма.

О том, какую опасность в деятельности и потенциях киданей и найманов видели монголы, свидетельствует то, что они сделали с этими двумя народами. Кидани и найманы были самыми опасными среди западномонгольских и восточнотуркестанских племен и потому их фактически рассеяли. Это был сознательный демонтаж складывающегося этноса.

Восстановить картину последующего расселения западнокиданьских родов, хотя и далеко не полную, можно с помощью этнонимики. Их следы прослеживаются в существовании этнонима катай (ктай, кытай, китай, хтай, хытай), который хорошо известен по историко-этнографической литературе. Рашид ад-Дин сообщает, что кара-китаи, найманы и другие племена отныне с гордостью именовали себя монголами.

Оставшиеся в живых найманы были мелкими группами поделены между вассалами Чингисхана. Европейские путешественники П. Карпини и В. Рубрук, проезжая спустя 30 лет после описываемых событий по территории найманов, говорят о полном уничтожении этого народа. Родовое название найман встречается в родоплеменном составе всех тюркских народов мира. Последней «страной черных киданей» было царство в Кермане, основанное «камергером» гурхана Борак-хаджибом. Одним из последних кара-китаев, живших после похода Чингисхана, был Кундукай, который при Хубилае, по словам Рашид ад-Дина, занимал должность казначея.

Любопытно, что с этого времени мусульманские авторы называют кара-китаями не только западных киданей, но и восточных, что явно говорит о понижении статуса этноса. Если в период их господства киданей часто называли просто «ляо», то теперь лишь «народом китаев». Изменение наименования могло говорить об изменении «политического веса» государства или его частей.

Как этнос кара-китаи перестали существовать. Этому способствовали удар Хорезма и то, что монголы включили их в свои армии и увели за пределы Си Ляо. Но параллельно шел и естественный процесс ассимиляции киданей местным населением. Подверглись ей еще кидани, переселившиеся на запад до Елюй Даши. Начало этого процесса тюркизации еще в XI в. подметил Махмуд Кашгарский: «Хитай имеет отдельный язык и письменность. Тюркским языком они владеют не полностью». А конец этого процесса застал, пожалуй, Угусунь Чжундуань, сообщивший, что «в настоящее время осталось мало жителей, они переняли обычаи и одежду хуэйхэ (мусульман).

Восстановить картину последующего расселения западнокиданьских родов, хотя и далеко не полную, можно с помощью этнонимики. Остатки кара-китаев разметало по огромной территории от Китая до Европы. Они вошли в состав казахов, узбеков, ногайцев, каракалпаков, башкир и других народов. Их следы прослеживаются в существовании этнонима катай (ктай, кытай, китай, хтай, хытай), который хорошо известен по историко-этнографической литературе. В состав казахов Среднего Жуза входил род кытай или ктай-аргын. Кара-Китай (Кара-Кытай) – название населенного пункта в Южной Молдавии. Означает «черные кытаи» или северные кытаи, часть рода Кытай. Вероятным отголоском истории киданей, восточных и западных, является существование названия карахытаи, которое применялось жителями Кульджи по отношению к тайпинам, поднявшим в середине XIX в. восстание против маньчжур. В основном же «они растворились среди монголов и населения Северного Китая, как ложка молока расходится в стакане чая». Рашид ад-Дин сообщает, что кара-китаи, найманы и другие племена отныне с гордостью именовали себя монголами. Пару столетий еще находились отдельные люди, гордившиеся своим

происхождением от кара-китаев, но их становилось все меньше и меньше.

Именно осложнение трансрегиональных торговых связей самым существенным образом повлияло на судьбу западных киданей. Их государство недолго смогло контролировать товаропотоки, поскольку дальше к востоку складывалась очень сложная ситуация. Территория монгольских племен была охвачена усобицами. Империя Цзинь основным вектором своей экономической активности избрала Китай, а западное направление не пользовалось достаточной популярностью.

В результате торговля в зоне обитания западных киданей сокращалась, и экономическая роль Си Ляо становилась менее значимой. По сути, государство эволюционировало в каганат, основным достижением которого стала защита исламских районов от нашествий выходцев из Монголии. Необходимость в наличие именно западнокиданьской «стены» сокращалась и мусульманские владения усилили натиск на восток, почему западным киданям в конце династии пришлось активно воевать почти исключительно с ними. Если борьбу с Гуридами они выиграли, хотя и с немалым трудом, то с Хорезмом борьба затянулась и на ее продолжение у Си Ляо практически не оставалось сил. Одних людских ресурсов здесь было мало, а экономика государства заметно слабела.

Фактически государство не было нужно ни мусульманам, ни монголам. Без договоренности они все же, по сути, совместными усилиями добили его. Особенно смертельную опасность представляли хорезмийцы, что прекрасно понимал Кучлук, пошедший на крайние меры для ее отражения (смещение вялого и неумелого Чжулху, зачистка информационного пространства государства от ислама, привлечение на свою сторону «свободных людей» с востока, попытка военных реформ, использование в качестве образа врага Чингисхана, попытки улучшить диалог с Хорезмом и др.).

Государство Си Ляо — обширно, сильно, хотя и не выходило за пределы региона. Как и все государства, оставалось в пределах своей зоны. Утверждения о его экспансионистской сущности — миф. В то время часто встречаются экспансионистские цели и идеалы, но Си Ляо — стационарное государство. Миф о его бандитском характере создавали мусульмане, которым было необходимо забыть позор Катванской резни, и чжурчжэни, стремившиеся понизить градус любых претензий на реставрацию Ляо.

Положение Си Ляо гораздо сложнее, чем это выглядит подчас в литературе (М. Биран). Нахождение между Востоком и Запа-

дом лишь символично и абстрактно, ведь в тех местах ни Запада, ни Востока как таковых не было. Были две части бывшего тюркомонгольского мира, которые стали жить самостоятельной жизнью, особенно после широкого распространения ислама. В этом плане здесь образовалось несколько дихотомий:

- 1. тюрки монголы;
- 2. ислам восточноазиатский религиозно-философский мир;
 - 3. арабский мир китайская цивилизация;
- 4. монголы, представленные киданями, и тунгусоманьчжуры, представленные чжурчжэнями;
- 5. здесь проходили важные торговые пути, движение по ним тормозилось из-за этих конфликтов и проблем.

Иначе говоря, на самом деле здесь зона разлома между двумя «мирами», которые, правда, вряд ли стоит именовать традиционными маркерами «Восток» и «Запад».

Не могу не заметить очевидное. Кытай и найманы, хотя и стали рассеянным этносом, все же сохранили память о прошлом. Их объединяет сейчас не культура, а именно историческая память, что само по себе имеет огромное значение для возрождения этноса и его культуры. Монголы сломали государство, убили Кучлука, но жива до сих пор (почти тысячу лет!) память о Си Ляо, Елюй Даши, Кучлуке. Собственно, из этой эпохи до сих пор помнят именно Даши и Кучлука. Именно монголы разделили единую историю Си Ляо на два диаметрально противоположных периода: законный — Даши-Чжулху, незаконный — Кучлук. Между тем, они представляют собой два закономерных этапа истории Си Ляо.

21. Киданьская идея государственности и феномен киданей в истории Центральной и Восточной Азии

В 1128-1218 гг. на территории Центральной Азии существовало государство Си Ляо (Западное Ляо), основанное группой киданьской элиты, ушедшей из Восточной Азии после гибели киданьской империи Ляо (Серебряная, 907-1125). Этой странице центрально-азиатской истории традиционно уделяется поверхностное внимание, поскольку исторический материал скуп, тенденциозен и ограничен в большей степени политической сферой. Тем не менее, он достаточен для того, чтобы увидеть в Си

Ляо феноменальное явление. Можно говорить о киданьском феномене в истории обоих регионов.

Коротко это утверждение можно проиллюстрировать следующими тезисами.

Выделение восточноазиатской и центрально-азиатской цивилизационных зон есть результат многовекового совместного сотрудничества разных народов. Из монголо-язычных народов активную роль в истории их эволюции сыграли именно кидани.

Кидани первыми из монголоязычных этнических групп полностью прошли весь путь от случайного осколка прежнего метаэтнического конгломерата до почти полноценного народа и стали первым средневековым народом в истории двух цивилизационных зон — восточноазиатской и центральноазиатской.

Киданей можно назвать первым на территории Монголии максимально сформировавшимся «на-родом». Они «народились», т. е. стали развиваться естественно на искусственной основе. Этот процесс активно продолжался и в Центральной Азии. Это говорит о медленно формирующемся чувстве своего рода «избранного народа».

Кидани первыми объединили большое количество монгольских племен и создали на этой основе первое собственно монгольское государство, логичным продолжением которого стало западное государство.

Кидани создали первую монгольскую кочевую империю, которая станет впоследствии образцом для государственных образований в этой зоне — чжурчженьского, монгольского, маньчжурского. Империя сначала была экстраординарным проектом, но потом стала жить своей жизнью. Этот процесс продолжился в западной зоне.

Благодаря киданьской элите, которая строила свои государства, начала разрабатываться идея государственности. Одним из основополагающих понятий ее был «народ». Для киданей это был не просто нарост (на-род), а источник государственности на земле. Он — этнополитическое сообщество, стратифицированное, с горизонтальной гентильной организацией и включает племена, роды, большие отцовские семьи, которые достаточно автономны, и имеют своих глав, знамена, отряды. Об идее государственности у киданей свидетельствует ее богоданность (происхождение от Неба), сакральность, признание народа ее носителем, допущение элементов федерализма, отсутствие четкого размежевания функций и сфер власти, категорическое требование

законности и справедливости. Можно говорить, что благодаря киданям в монголоязычной зоне впервые происходит появление феномена развитой политической власти. Эта тенденция получила развитие на Западе и активно участвовала в его этнополитической жизни.

Империи Ляо и Западное Ляо можно считать апогеем этатического развития восточноазиатских кочевников. территории и степени внешнеполитической активности они уступали Монгольской империи, а в чем-то и империи Хунну, однако, если главным в имперской конструкции считать не «захватническую деятельность», а переформатирование этнополитического пространства и регулирование социокультурных и макроэкономических процессов внутри государства, поскольку империя не просто форма государства, а своеобразный механизм формирования цивилизации и сопротивления военному и культурному натиску извне, апогей цивилизационного государства, то кочевая цивилизация на Востоке Азии вышла на этот уровень именно к рубежу тысячелетий. Строго говоря, киданьская «идея», если так можно выразиться, и сводилась к строительству самобытного государства, а не завоеваниям земель соседей. В ее принципиальный четко виден внешнеполитической экспансии и акцент на мироустроении, что и привело, как в случаях с другими классическими империями (Римская, Каролингская, Священная Римская), к перманентной слабости.

Киданьские империи Ляо и Си Ляо — цивилизационнокультурный феномен. Они уникальны, как любая другая империя, и, в то же время, их складывание и существование является самым главным признаком формирования цивилизации («мира»). Это свидетельствует о том, что кочевники выходят на этот уровень одновременно с оседлыми народами, а отнюдь не являются «тупиковым вариантом развития».

Империи демонстрируют становление территориальноэтнического сознания, перерастающего в национальное.

Кидани первыми обозначили государственность как перспективную цель развития всех монголов. Они начали государствообразующий процесс в собственно монгольской зоне, который с перерывами и трагедиями идет до сих пор. Этот процесс внес свой вклад в развитие государственности в средневековой Центральной Азии.

На апогее своего развития кидани контролировали огромную территорию, которая по размерам не уступала ранней

монгольской империи. Они навели порядок, успокоили народы и, по сути, организовали концерт этих народов, хотя и не оркестр еще. Четко выделяется руководящий домен («киданьская земля»). В Си Ляо аналогичный домен (Чуйская долина) получил у его основателя Елюй Даши наименование «страна». Центром Монгольской империи будет «Каракорум». Таким образом, складывание моноцентричной территориальной конструкции у кочевников Восточной Азии начинается фактически с киданей.

Кочевые империи киданей были специфичны по своей структуре. Ядром их были территории, где проживала основная часть этноса-лидера («киданьская земля»). Границы их определяли активности сферу их этнополитической или стабильных экономических связей. Это своего рода модель «клетка – протоплазма». Это уже не ханство, а империя. «Щупальца» это «осьминога» протянулись далеко – от территории Ляо до Самарканда, Кореи, Китая, тангутского государства Западное Ся (Си Ся), Сибири, Амура. Активность Си Ляо простиралась до Западной Монголии и Арала.

Кидани сыграли особую роль в развитии Восточной Азии. Они значительно усилили монгольский элемент и создали возможности для более ровного общения тюркской и монгольской зон, без перекоса в ту или иную сторону. По сути, если употребить современную лексику, создалась база для «братских» отношений этих двух частей тюрко-монгольского мира. В тюрко-монгольском мире окончательно оформляется равновесие составляющих. Каракитаи создали в Центральной Азии монгольский эксклав с огромной тюркской составляющей. Он оказался вполне жизнеспособным.

Кидани создали в монголоязычной зоне первую централизованную макроэкономическую систему, которая стала одним из важнейших центров всей Восточной Азии. Этот опыт был активно использован в экономической жизни Центральной Азии. Кидани первыми проводили сознательную макроэкономическую политику и создали эффективные стартовые возможности для развития в будущем самодостаточной монгольской экономики.

Кидани первыми синтезировали монголоязычную культуру того времени и этот синтез стал фундаментом будущей общемонгольской культуры. Он был осуществлен на базе киданьскомонгольской ментальности и восточноазиатской культуры в целом. Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, — один из редких в истории Восточной Азии практически

чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на основе ментальной культуры. Кидани впервые произвели оригинальный культурный синтез — они активно подключили китайскую культуру к своей, «варварской», а не наоборот, как это сделали европейцы в раннее средневековье.

Киданьская культура в некотором смысле не просто выражение специфики истории этноса, это и реакция много выстрадавшего народа, попытка выстроить свое государство, используя те идеи, которые связаны с народной ментальностью.

Это был первый кочевой народ, который предложил своего рода футурологический подход к своей культуре и стал не просто «следовать заветам предкам», т. е. традициям, но и строить новое государство. Сочетание традиций, основанных на ментальной культуре (фань как степные традиции), с искусственной идеологией имперского государства родом из Хань (гу вэнь), разумеется, было не простым, но перспективность этого подхода возможна даже сейчас.

Западные кидани соединили в своем историческом сознании все времена — есть общее прошлое, есть смысл в настоящем и есть цель в будущем. Переход киданей на Запад еще раз четко поставил перед ними вопросы: кто мы? откуда мы? зачем мы? кто такие другие? Как жить между Западом и Востоком?

Кидани разработали первую в истории зон общерегиональную программу культурного развития. В киданьской культуре и практике явственно виден акцент на идеях мирного сосуществования различных народов и равных прав для них в истории.

Киданьская культура стала неотъемлемой частью культуры Восточной и Центральной Азии и Сибири и важной страницей ее истории. Это первый кочевой народ, который стал своеобразным мостом между Сибирью, Центральной и Восточной Азией. Елюй Даши незримо объединил кочевой мир монгольских и тюркских племен. Империя Западное Ляо — межцивилизационное образование.

В Восточном Туркестане существовала в то время динамичная ситуация, обусловленная передвижениями племен, войнами, широким распространением ислама. Огромную роль в возникновении и существовании государства играла история. Как известно, культурная память «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институции». В Си Ляо, естественно, ее складывание шло, но следы этого процесса не сохранились. О ее

существовании свидетельствуют данные письменных текстов об исторической памяти. Был создан идеальный образ киданьского прошлого («родина»). Она во многом воспринималась такой, какой должны была быть, а не являлась в период своей агонии. Елюй Даши увел своих сподвижников на Запад во многом не только потому, что не мог удержаться на Востоке, но и потому, что хотел вернуться в славное прошлое империи Ляо. Недаром он постоянно вспоминает основателя государства Елюй Апоки, создавшего идеальную конструкцию, со временем испорченную отдельными излишне окитаившимися представителями элиты.

Тем самым была задана легитимность нового государства и общества, формировалось чувство гордости за принадлежность к данной «мы — группе», которая ощущала свое единство, формировались соответствующие идеалы и ценности. Это было особенно важно и эффективно, ибо разорваны связи с Востоком, ограничена свобода доступа к родной цивилизационной информации.

Даже мусульмане с пониманием отнеслись к этой парадигме, все мусульманские историки говорят об Елюй Даши, как великом человеке.

Эта традиция сохранялась и при Кучлуке. Его имя, переводимое как «сильный» (он получил от последнего киданьского гурхана Чжулху титул «Кучлук-хан» — сильный хан), явно тюркское, на что указывает даже суффикс «луг», характерный для архаических диалектов тюркского языка.

Обоснованным кажется вывод о том, что «период господства киданей в Центральной Азии способствовал сближению оставшихся там тюркских племен с монгольскими и подготовил почву для формирования этих разнообразных племен в единую народность».

Этому в тот период способствовало наличие общих задач каракитаев и тюрок: военные действия (защита территории, совместные походы), решение актуальных для обеих сторон внутренних проблем. Важно, что стратегические цели кара-китаев и тюрок во многом совпадали, как совпадали и насущные нужды. Пришедшие с киданями тюркские и монгольские роды целиком зависели от них, ибо в одиночку либо бы погибли, либо попали под гнет чжурчжэней (тунгусов). На этой территории все же проживали близкие по культуре роды. Это не только монголы, но и тюрки. Как свидетельствуют источники, тюрки при кара-китаях жили свободнее, чем при сельджукском султане Санджаре.

Разговоры о «гнете» киданей – продукт информационной борьбы с Кучлуком. Суть установленной системы взаимоотношений отметили мусульманские формирования авторы В момент империи. западнокиданьской K TOMV же тюрки заинтересованы в защите от западных монгольских племен. Даже уйгуры не хотели иметь дело с этими племенами, которые часто поступали в интересах чжурчжэней.

Произошло своеобразное разделение сфер Каракитайская элита получила общеполитическую власть, как и в Ляо, и верховную собственность, за что им, собственно, и платили «дань», т. е. «аренду», «зарплату». Низы общества, тюрки и пришедшие рядовые соплеменники, налаживали совместное принципиально проживание. V кара-китаев была лишь политическая власть, а социальные и экономические проблемы решались местной знатью и аристократией. Эта практика сложилась задолго до киданей, была веками отработана и не требовала вмешательства извне. Иначе говоря, решались две раздельные задачи: кидани формированием и развитием «империи», тюрки обеспечивали преемственность жизни.

В империи Чингисхана именно кидани взяли на себя роль администрации и армии переводчиков в монголов. Ряд исследователей (Л. Лигети, Л. Л. Викторова) считают, что именно язык семиреченских киданей (кара-китаев) лег в основу литературного языка и письменности монголов XIII в. Именно западные кидани, по их мнению, впервые широко применили к монгольскому языку уйгурскую графику. Вассалы киданей найманы перенесли это письмо в монгольское государство. Есть предположение, что уйгурское письмо было давно известно киданям. По мнению Л. Л. Викторовой, переселение киданей на запад «могло оживить традиции малого письма», которое, по ее мнению, было основано на уйгурской графической основе. Именно каракитаи давали ханскому советнику Елюй Чуцаю инструкцию, как переводить киданьский текст, что означает то, что они сохранили киданьское письмо, которое уже исчезло на территории Ляо, иначе бы Елюй Чуцай знал его хорошо. Не исключено, правда, что в языке кара-китаев уже появились некоторые отличия по сравнению с классическим киданьским письмом. В любом случае это связано с тем, что жители Си Ляо

мало общались и с Западом, и с Востоком и сохраняли киданьский язык почти нетронутым.

Роль государства Си Ляо становится любопытной еще в одном отношении. Оно пыталось удержаться на окраине мусульманского мира, но все больше и больше втягивалось в орбиту этого мира. Получается, что именно напряженные каракиданьско-чжурчжэньские отношения стали еще фактором среди тех, которые способствовали тому, что всего за одно столетие на территории Западной Монголии окончательно сформировался еще один крупнейший очаг государствообразования. Племена этой зоны, лавируя в сложной этнополитической ситуации, получили возможность более или менее свободно определять свою судьбу. Борьба кара-китаев и найманов с монголами не была напрасной. Даже дальнейшее завоевание державы хорезмшахов не привело к полному покорению всех тюркских народностей – значительная часть канглийских и кипчакских племен оказали монголам ожесточенное сопротивление. Некоторые кара-китаи были проданы в качестве наемников и попали даже в делийский султанат, около 70 тыс. их влились в армии Хорезма.

Комплекс Ляо — Си Ляо занимает то же место в трансформации прежних обществ в феодализм, как и комплекс Каролингской и Священной Римской империи в средневековой Европе. В обеих зонах (не считая собственно Китая) это была первая форма феодального общества.

Более основательно восточноазиатский вариант изучается на материале классических монголов. Между тем, монгольская империя Юань есть результат сотрудничества и кочевых, и оседлых народов. Комплекс же Ляо — Си Ляо, несмотря на наличие на их территориях определенных масс оседлого населения, демонстрирует форму развития феодального общества собственно кочевников. Несмотря на то, что феодализм на вершине своего развития представляет собой метарегиональное явление, синтез различных экономик, этносов, культур, в X-XIV вв. кочевники, определяли вектор развития по сути, восточноазиатской цивилизационной зоны и максимально эффективно влияли на эволюцию Центральной Азии. После ликвидации собственно китайской империи Мин маньчжуры уже использовали китайскую модель, где кочевники все же сохраняли значение, хотя и в знаменателе. В Центральной же Азии кочевники и их потомки определяли развитие до XIX-XX вв., потом ушли в своеобразные гетто, отдельные районы.

В целом после интересующего нас времени на тюркомонгольском пространстве идут более сложные цивилизационные процессы, которые позволяют говорить, что предмонгольский период завершился и оказался определенной страницей истории. Эта страница оказалась необходимой обеим частям этого мира, ибо главным в этой истории было освоение «мирового» опыта, т. е. евразийского. Это осуществлялось двумя разными способами. Одновременно начала вырисовываться далекая цель этого процесса — выстраивание собственной цивилизации.

Заключение

Если раньше перед исследователями разных эпох стояли две задачи — реконструкция истории киданей и создание определенного их имиджа в угоду тем или иным злободневным задачам, то сейчас, пожалуй, впервые появляется возможность не ограничиваться этим, а начать глубокий, всесторонний и, главное, свободный от разного рода предрассудков анализ киданьского материала.

Мы можем говорить об уникальном в средневековой истории не только Востока, но и всего мира, одновременном существовании в рамках одного государственного образования двух различных хозяйственных укладов — кочевых скотоводов и оседлых земледельцев.

В империи киданей шли сложные экономические и политические процессы, следствием которых было разрушение локальных социально-экономических организмов и очень медленное складывание организма регионального. Империя и была формой контактов разных регионов и освоения пространства. В этом смысле киданьская империя внесла существенный вклад в трансформацию восточноазиатской экономики. При ней существенно увеличились темпы перехода от присваивающей экономики, производящей что-то для лишь для себя, к производящей товары на любой рынок.

Анализ киданьских и китайских исторических текстов позволяет сделать четкий вывод о том, что именно реновационный характер киданьской культуры способствовал достаточно массовому созданию культурных ценностей внутри государства, активному участию этих ценностей в создании и регламентации деятельности имперских социальных институтов, оказывал определенное влияние на темпы и направление развития народов и племен внутри страны, развитию международных коммуникаций, ретрансляции созданной в культурных центрах информации, цивилизационно-культурному экспансионизму и, в то же время, складыванию привлекательного «имиджа» имперской культуры для других народов, не только «соседних», но и отдаленных.

В то же время киданьскую культуру можно образно назвать безмолвствующей. В результате «сотрудничества» Европы и Китая ее история оказалась полна множества штампов и предстает в виде серии образов, совокупность которых фактически ставит вопрос о том, что мы практически не знаем ее. «Голос» киданей не дошел до

нас. Можно утверждать, что киданьская культура воспринималась, прежде всего, такой, какой должна быть, а не такой, какой являлась. Отсюда чаще всего крайне негативное отношение к ней и лишь изредка ее идеализация, что, в свою очередь, тоже было крайностью.

Это не означает, что изучение было не эффективным и оно бесперспективно, просто надо учитывать, что история кочевников изучалась, не менее тенденциозно, чем история оседлых сообществ, что и кочевники проходили через многочисленные мировоззренческие и идеологические «фильтры» оседлых цивилизаций.

Если сами кидани когда-то искали свое место на карте «мира», то теперь стоит задача найти ей место уже на карте «истории», не только региональной, но и всемирной.

Нуждаются, тем не менее, в дальнейшем исследовании еще многие проблемы киданьской истории, в том числе проблемы про- исхождения киданей, их цивилизационной принадлежности, про- исхождения династии, соотношения экономических и политических факторов и их роли в становлении и развитии киданьской социальной структуры, места киданьской «кочевой» империи в системе макроэкономических отношений восточноази- атского метарегиона, наличия и специфики «киданьского ренессанса», отношения к «чужим» в киданьской культуре, причин гибели империи, причин передвижения восточноазиатских родов на Запад, специфики экономического развития государства каракитаев, причин его гибели.

Новый свет на историю киданей может пролить решение важнейших общеметодологических проблем: о возможность употребления понятия «кочевая цивилизация», «империя» как феномен евразийской истории, «кочевая империя», кочевая империя как восточноазиатский феномен.

В целом все же можно говорить о том, что киданьские государства занимали определенное место в истории противостояния двух тенденций «мироустроения» — кочевой и оседлой. Со времени начала «осевого» цикла это был уже второй этап противостояния двух общественно-экономических систем. Первый связан был с постепенным вытеснением индоевропейских номадов из зоны контактов с оседлыми народами, второй — тюркоязычных народов.

Подводя формальный общий итог, есть смысл еще раз обратить внимание на то, что был предложен ряд тезисов, как общетеоретического и методологического характера — от понимания территории, контролируемой империей Ляо, как особой

цивилизационной зоны, где в этот период идет формационное структурирование земель в особую зону, на специфику которой указывают язык, культура, этнос, до рассмотрения механизма этого структурирования, запущенного в действие именно киданями. В силу этого, естественно, фактический материал расположен, что называется, вертикально, т. е. излагается как иллюстративный в отношении этих тезисов.

Изложенное в данном пособии понимание истории киданей и их элиты не является некоей ниспровергающей концепцией, ибо принципиально не отрицает всех иных подходов, а, наоборот, во многом используя их, старается увидеть новый, наиболее оптимальный и максимально непротиворечивый ракурс аналитического рассмотрения. Принципиальное несогласие следует выразить лишь в отношении мировоззренческо-методологических основ исторического анализа ряда сложившихся концепций, основанных на утрировании оседлоцентризма, европоцентризма и др. стереотипов. Пособие не претендует на девственную научную чистоту и новизну, а сознательно продолжает уже сложившиеся за последние десятилетия исследовательские традиции, считая, разумеется, и весь опыт сложившейся историографии. Все это, правда, структурируется по-новому, отсюда, кстати, и акцент на методологической и аналитической составляющих исследования. Работа намеренно опирается на широкий фактический материал, ибо только так можно не просто четко сформулировать основные положения, но и убедительно их проиллюстрировать. Использован также широкий круг литературы и источников, что позволяет еще раз обратить внимание на их обязательное и комплексное использование. Многие сформулированные тезисы, особенно частного характера, должны быть осмыслены тщательно и не раз, вероятно, даже проверены в последующих исследованиях (такая задача ставится самим автором на будущее), что следует делать в первую очередь на изданиях, оценивающихся исследователями как высококвалифицированные и вошедших в широкий научный оборот.

Приложения

Краткая хронология истории киданьских государств

235 г. — распад сяньбийского государства на две большие группы — северные и южные (племена Юйвэнь, Кумохи, Муюн, Кидань).

233–237 гг. — киданям нанесен ряд поражений, их вождь Бинэн убит китайским губернатором Ван Сюном, правителем области Ючжоу. Кидани оттеснены в сторону Лын-хин-шань (хребет Сойорул-ола в Восточной Монголии)

304–399 гг. — «эпоха пяти варварских племен», образование государства Тоба-Вэй.

388 г. — разгром тобасцами киданей и кумоси. Мужун Юаньчжэн, великий шаньюй сяньби и основатель династии Ранняя Янь (349–370) «разделил их кочевья, которые стали называться юйвэнь, кумоси и цидань». Принятие киданями в качестве этнонима имени «цидань», бегство Си на запад.

440 г. – кидани стали данниками династии Вэй.

466 г. – первое посольство киданей в государство Тоба Вэй.

 $479\ {
m г.}-{
m «цидань»}$ впервые упоминается в качестве племенного названия.

Середина VI в. — усиление в степях Монголии тюркских племен во главе с тюркютами. Кидани входят в состав государства тюрков, часть их эмигрирует на территорию Кореи.

517 г. — кидани совершают набег на жужаней.

553 г. — кидани вторгаются в империю Бэй-ци, но были наголову разгромлены и потеряли только пленными около 100.000 чел. Около 10.000 семейств бежали в Корею.

555 г. — тюркюты и кидани разгромили жужаней. Кидани вошли в состав Первого Тюркского каганата (550-630 гг.).

584 г. — киданьский предводитель Мохэфо лично прибыл к китайскому двору.

585 г. – кидани подчинились Китаю.

Конец VI в. — восточные роды киданей попадают в зависимость от корейского государства Гаоли.

593 г. — возрождение тюркского каганата и подчинение ему западной части киданьских племен.

80-х гг. VI в. — 716 г. — правление у киданей рода Дахэ, «имеют 43 тыс. превосходных воинов. Народ делится на восемь кочевий».

611 г. — кидани вновь отправили посла к китайскому двору «с данью из местных произведений».

Начало VII в. — начало значительного усиления киданей, номинально находившихся под властью Восточно-Тюркского каганата.

- 628 г. киданьский Мохой подчинился Китаю.
- 644 г. кидани выступают на стороне китайцев против Кореи.
- 646 г. «Кугэ с своим поколением поддался Китаю; почему учреждена Сунмоская область».
- 80–90-е годы VII в. кидани принимают активное участие в войне с тюрками, начавшими в 679 г. восстание против китайского господства.
- 695 г. киданьский правитель Ваньюн покорил соседние племена и вскоре нанесла поражение китайской армии.
- 696–697 гг. Ли Цзиньчжун объявил себя *ушан каганом* («непревзойденным каганом»).
- 698-926 гг. государство Бохай (корейск. Пархэ) на территории современных России, КНР и КНДР (Маньчжурия, Приморье, Северная Корея).
- 714 г. заключение союза Китая и киданей, скрепленного политическим браком.
- 716 г. создание отдельного киданьского корпуса, разделение восьми племён киданей были по округам.
- 720 г. нападение киданьского предводителя Кэтуюя напал на пограничные китайские земли.
 - 732—745 гг. киданьское восстание против Китая.
 - 745 г. кидани разбиты Ань Лушанем.
- $755-757\,$ гг. восстание в Китае Ань Лушаня, в котором приняли активное участие и кидани.
 - 745—850 гг. около 30 киданьских посольств в Китай.
 - 842 г. разгром киданей уйгурами.
- 880-е гг. походы киданей на татабов, шивэй и другие племена, северные границы Китая.
 - 872 г. рождение Елюй Апоки.
- 903–904 гг. Апоки совершает ряд удачных набегов на северо-восточную границу Китая.
- 905 г. Апоки с 400 тыс. воинов покоряет девять больших китайских городов.
- 907 г. Елюй Апоки избирается главным вождем восьми киданьских кочевий.

907 г. – начало противостояния киданей с Бохаем.

907-960 гг. — период Пяти династий и десяти царств на территории Китая («поздние» династии Хоу Лян (907-923), Хоу Тан (923-937), Хоу Цзинь (936-946), Хоу Хань (947-950), Хоу Чжоу (951-960) и царства в Южном Китае (в бассейне р. Янцзы и к югу от нее), которые возглавлялись некоторыми мятежными цзедуши).

907-1125 гг. – киданьское государство, империя Ляо.

911 г. — восстание против Елюй Апоки младших братьев.

13 октября — 12 ноября 912 г. — новое восстание братьев.

915 г. – сооружение в столице храма Конфуция.

9 апреля 916 г. — принятие Апоки титула «Великого священномудрого и Великого просвещённого небесного императора» с девизом царствования — «Шэньцэ» («Пожалование божеством грамоты на титул»). Объявление наследником старшего сына Елюй Туююя.

920 г. – создание большого киданьского письма.

Конец 916 г. — захват Елюй Апоки юго-восточной части современной Монголии и прилегающих областей автономного района Внутренняя Монголия КНР.

924 г. — западная экспедиция киданьской армии и подчинение Западной Монголии, окончательное завоевание киданями Центральной Азии.

1 января 926 г. — издание киданьским императором манифеста о начале войны с Бохаем.

24 февраля 926 г. — начало осады столицы Бохая.

26 февраля 926 г. — капитуляция бохайского правителя Иньчжуаня. Переименование государства в Дундань и назначение его правителем Елюй Туюя с титулом «жэньхуанван» («царственный ван народа»).

16 августа 926 г. — смерть Елюй Апоки в возрасте 54 лет. Провозглашение императрицы Шулюй регентшей, с правом решать государственные гражданские и военные дела.

938 г. — основание Южной (Наньцзин или Яньцзин) столицы, на месте современного Пекина.

944 г. — вторжение Тайцзуна (Дэгуана) на территорию Поздней Цзинь.

946 г. – начало нового киданьского похода в Китай.

947 г. — провозглашение Дэгуана китайским императором в Кайфыне, столице Хоу Цзинь.

953-968 гг. – правление Муцзуна.

960 г. — провозглашение Чжао Куаниня императором (960-976) новой династии Сун.

960-1279 гг. – китайская империя Сун.

969–983 гг. — правление Цзинцзуна.

Весна 975 г. — заключение договора с Китаем о дружбе и установление официальных дипломатических отношений.

979-989 г. – киданьско-китайские конфликты.

982 г. — официальное вхождение в состав Ляо бывшего государства Бохай (Дунданьго — Восточно-киданьское государство).

983-1031 гг. – правление императора Шэнцзуна.

1004 г. — Шаньюаньский мир с Китаем.

1055–1101 гг. — правление Даоцзуна.

1087 г. — рождение будущего основателя государства западных киданей Елюй Даши, потомок Елюй Апоки в восьмом поколении.

1115 г. – получение Елюй Даши степени цзиньши.

1115 г. — Елюй Даши становится цзедуши (генералгубернатором) тоусячжоу (вверенной области) Ляосин (современная провинция Шаньси).

1115 г. — провозглашение дубоцзиле (верховным вождем) чжурчжэней Агудой чжурчжэньского государства и принятие императорского титула.

1115-1234 гг. – государство чжурчжэней, империя Цзинь.

1116 г. — захват чжурчжэнями Восточной столицы и всей территории прежнего Бохайского королевства.

1118 г., 1120 г. — соглашения между Цзинь и империей Сун о совместной борьбе с киданями.

6-й месяц 1122 г. — разгром Даши сунской армии под Сюнчжоу.

1122 г. – Елюй Даши попадает в плен к чжурчжэням.

1124 г. (?) — бегство Елюй Даши на запад империи.

2-й месяц 1124 г. — Елюй Даши объявляет себя императором с почетным титулом Тянь-юй, появление государства Бэй Ляо (Северное Ляо).

? — курултай в старинном уйгурском городе Бэйтин (Бешбалык), организация союза монгольских племен для обороны от чжурчжэней.

Весна 1129 г. — карательный поход на запад 20-тысячного корпуса под руководством Елюй Юйду, находившегося на службе у чжурчжэней.

13 марта 1130 г. — начало киданьского ухода на запад, «к дашы» (арабам).

? — попытка вторжения киданей на территорию обитания кыргызов.

1132 г. — возвращение киданей в Турфанское княжество и затем переселение в район Имиль (Чугучак), где «основали город».

1127 г. – захват киданями Баласагуна.

1134 г. — восточная экспедиция под командованием Сяо Валила, формально с целью восстановления империи Ляо.

Рамадан 531 г. х. (май-июнь 1137 г.) — разгром киданями правителя Самарканда хакана Рукн ад-Дин Махмуда ибн Мухаммеда.

5 сафара 536 года хиджры (9 сентября 1141 г.) — битва на Катванской равнине, расположенной между Ходжентом и Самар-кандом и разгром киданями армии султана Санджара.

Раджаб 537 г. х. (20.01-18.02. 1142 г.) — смерть Елюй Даши.

1142 г. — примирение несториан и яковитов (монофизитов) на территории государства западных киданей.

1143–1151 гг. — реальное правление вдовы Елюй Даши Табуян в качестве регентши при сыне Илии.

1151-1161 гг. – правление Елюй Или.

1151 г. – перепись населения в государстве.

1161-1177 гг. — правление дочери Елюй Даши по имени Елюй Пусувань.

1177 г. — переворот Сяо Валила и приход к власти второго сына Илии — Елюй Чжулху.

1176-1190 гг. — митрополия несторианского патриарха Ильи III в Кашгаре.

1177-1211 гг. – правление Елюй Чжулху.

1188 г. — принятие чжурчжэнями особого плана сдерживания кара-киданьской активности.

604 г. х. (1207–1208) — поход на кара-китаев сына хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада.

605 г. х. (1209) — разрыв хорезмийцами отношений с киданями.

Август — сентябрь 1210 г. — разгром кара-китаев хорезмийцами.

1211-1218 гг. — правление последнего кара-китайского правителя, найманского царевича Кучлука.

1213 г. – смерть Елюй Чжулху.

615 г. х. (1218 г.) — окончательная война монголов с каракитаями, вторжение двух туменов под командованием Джэбэнойона.

1211-1220 гг. — государство Восточное Ляо, основанное тысячником чжурчжэней Елюй Люгэ.

Список источников и литературы

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историкокультурные связи. — Л.: Наука, 1971. — 403 с.

Авакьянц Г. С. Киданьские тексты как историко-культурный источник (Этносимеотический анализ киданьских текстов). Автореф. дисс... какд. ист. наук. — Л., 1987.

Aгаджанов С. Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. - М.: Наука, 1991. - 303 с.

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX – XIII в. – Ашхабад, 1969.

 $A\partial \textit{жи}$ М. Европа, тюрки, Великая Степь. — М.: Мысль, 1998. — 334 с.

Акимбеков С. М. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. — Алматы: Центр Евразии, 2011.

Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. — М.: Наука, 1982. — 535 с.

Ан-Нисави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. с араб. Буниятова З. М. — Баку, 1973. — С.45.

Армянские источники о монголах. — М., 1962.

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. — Алматы, 1995.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Соч. — М., 1968. Т. 5. — С. 17–192.

*Бартольд В. В. Ис*тория Туркестана в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. — Москва : Издво вост. лит., 1963.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. — М., 1963. — С. 21–101.

Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. — 2-е изд. — Π ., 1925.

Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) / пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова. — СПб., 2009. — 248 с.

Беляев В. А., Сидорович С. В. Обнаружение монет Западного Ляо и уточнение названия девиза правления императора Елюй Или // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 4). — С.267–278.

Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. — Фрунзе, 1941.

 $\begin{subarray}{ll} \it Eернштам & \it A. H. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — М., Л., 1952. \end{subarray}$

 $\mathit{Бира}\ \mathit{Ш}.\ \mathsf{Монгольская}\ \mathsf{историография}\ (\mathsf{XIII-XVII}\ \mathsf{вв.}).\ -\ \mathsf{M}.:$ Наука, 1978.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ред. текста, вступит. статья, коммент. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. — М.-Л., Т. І-ІІІ. 1950–1953. — 985 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / Сост. Л. Н. Гумилев и М. Ф. Хван. — Чебоксары: Чебоксарское книжное изд-во, 1960. — 386 с.

Буниятов 3. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. — М.: Наука, 1986. — 248 с.

Буровский А. М. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // Цивилизации. Вып. 3.-M., 1995.-C. 151-164.

 $\it Bасилевич \Gamma. M. \ K$ вопросу о киданях и тунгусах // Советская этнография, 1948, № І. — С. 18–26.

Васильев В. П. Записка о монголо-татарах. — СПб., 1886.

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах // Труды Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. — СПб., 1859, Ч. IV. — С.1–235.

Викторова Л. А. Ранние формы религии киданей // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск, 1974.

Bикторова Л. Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII—XIII в.) // Языки народов Востока. — Л., 1961.

Викторова Л. Л. Кочевой уклад в Киданьской империи. (Доложено на заседании отделения 22 октября 1958 г.). — Материалы по этнографии. — Л.: Наука, 1961, Вып. 1. — С.31–36.

Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980.-223 с.

 $Bикторова \ \Pi.\ \Pi.\ O$ расселении монгольских племен на Дальнем Востоке // Ученые записки $\Pi \Gamma Y$, 1958, № 252.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. — М., 2002.

Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. — М.: Наука. 1983. — 367 с.

Bоробьев М. В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времён до IX в.). — Владивосток: Дальнаука, 1994. — 408 с.

Bоробьев M. B. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.) (Исторический очерк). — M.: Наука, 1975. — 448 с.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — Π ., 1926. — 896 с.

Груссе Р. Чингисхан. Покоритель Вселенной. — М., 2000.

Тумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). — М.: Наука, 1970. — 328 с.

Д'Оссон. История монголов. От Чингисхана до Тамерлана. Т. І. Чингисхан / Пер. и предисл. проф. Н. Козьмина. — Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1937. — 328 с.

Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — 201 с.

Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. - XVI в. н. э.). - М.: ИВ РАН, 2014.

Думан Л. И. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Ученые записки института Востоковедения. Т. XI. Китайский сборник. — М., 1955. — С. 1-36.

Думан Л. И. Отношения Китая с киданями // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. — М.: Наука, 1976. — С. 113–128.

Думан Л. И. Проблемы внешней политики киданей в VII-X вв. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1986. — С. 121–126.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. − М.: Наука, 1979. − 607 с.

Зайцев В. П. Идентификация киданьского исторического сочинения в составе рукописной книги-кодекса Nova H 176 из

коллекции ИВР РАН и сопутствующие проблемы // Acta linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Том XI, часть 3. — СПб.: Наука, 2015. — С. 167–208, 821–822 (аннотация), 850–851 (summary).

Зайцев В. П. Рукописная книга большого киданьского письма из коллекции Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока, № 2(15), осень—зима 2011. — М.: «Наука», Издательская фирма «Восточная литература», 2011. — С. 130—150.

3алкинд E. M. Кидани и их этнические связи // Советская этнография. 1948. № 1. — С. 26–38.

История Железной империи: пер. и комм. Л. В. Тюрюминой. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. — 356 с.

История и культура Китая. Сб. памяти акад. В. П. Васильева / отв. ред. Л. С. Васильев. — М.: Наука, 1974.

История монгалов, именуемых нами татарами / Пер. А. И. Малеина. — СПб., 1911.

История монголов по армянским источникам. Перевод К. П. Патканова. — СПб., 1874. Вып. 1–3.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. — М.: Наука, 1986. — 580 с.

История Небесной империи. Т. 1. История первых пяти ханов из дома Чингисова. — Новосибирск: ИАЭТ, 2011. — 220 с.

 $\mathit{История}$ отечественного востоковедения с середины 19 века до 1917 года. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997. — 536 с.

Кара Д. Книги монгольских кочевников. — М., 1972.

Караев О. К. История Караханидского каганата. — Фрунзе, 1983.

Кафаров П.И. (Палладий). Путешествие даоского монаха Чанчуня на запад («Си-ю-цзи» или описание путешествия на Запад) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866.

 $\it Китайский$ источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая / Перевод Н. Ц. Мункуева. — М.: Наука, 1965. — 213 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. — Спб.: СПбГУ, 2005. — 346 с.

Книга Марко Поло. — М.: Гос. изд-во геогр. л-ры, 1956. — 312 с. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо. — М., 2014. — 351 с.

Кычанов Е. И. Властители Азии. — М.: РАН, 2004. — 631 с.

 $\mathit{Kычано6}$ Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М., 1997.

 K ычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. — М.: Наука, 1968. — 261 с.

Kычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. — М., 1995. — 271 с.

 $\mathit{Кычано6}$ Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). — СПб., 2010. — 364 с.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Наука, 1961. — 312 с.

Mаля β кин A. Γ . «Цзиньши», гл. 1. Пер. с кит. // сб. научных трудов пржевальцев. — Харбин, 1942. — С.41—58.

Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования) Отв. ред. Ю. М. Бутин. — Новосибирск, 1982.

 $\it Малявкин A. \Gamma.$ Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. // История и культура Востока Азии. — Новосибирск: Наука, 1974. Т.II. — 210 с.

Манвэнь лао дан. Старый архив на маньчжурском языке. — Новосибирск: ИАЭТ, 2013. — 276 с.

Марко Поло. Книга о разнообразии мира. — М., 2005.

Мартынов А. И. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. 1. — Улан-Удэ, 2000. — С. 80–84.

Mартынов A. U. Модель цивилизационного развития в степной Евразии // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). — Кемерово, 2003. — C. 7-15.

Мартынов А. И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989. — С. 284–291.

Мартынов А. И. Первичные цивилизации и скифо-сибирский мир (система взаимоотношений) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул. 1999. — C.115-118.

Mартынов A. U. Скифо-сибирский мир — степная скотоводческая цивилизация — V-II вв. до н. э. // проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): тез. докл. Всесоюзн. научн. конф. — Кемерово, 1989. Ч. I. — C. 5–12 = C. 7–11.

Мартынов А. И. Степи Евразии в истории человечества // Проблемы археологии Степной Евразии. — Кемерово, 1987. Ч. І. — С. 3-8.

Mатериалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Пер. с кит., введение, комментарии и приложения В. С. Таскина. — М., 1984. — 486 с.

Mатериалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. — М.: Наука, 1973.

Mатериалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 2. Цзе. - М., 1990.

Материалы по истории кочевых народов в Китае. III-V вв. Вып. 3. Мужуны / Пер. с кит., предисловие и комментарии В. С. Таскина. М., 1992.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / введ., пер. и прим. В.С. Таскина. — М., 1968. Вып. 1. — 239 с.

 $\it Mamepuaлы$ по истории сюнну (по китайским источникам) / введ., пер. и прим. В.С. Таскина. — М., 1973. Вып. 2. — 250 с.

Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII в. Тексты. Перевод. Комментарий. — М.: Наука, 1979.

Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о Полку Игореве». — Л.: Наука, 1979.

Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях // Записки ИРГО. Т. XXIV. — СП., 1895.

Mэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. — М., 1975. (Памятники письменности Востока; 26). — 287 с.

 Π алладий. Старинное китайское сказание о Чингис-хане // Восточный сборник. — СПб., 1877. Т. 1.

 Π иков Γ . Γ . «Кочевая империя» как феномен Восточноазиатской истории // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции (Улан-Батор, 05–09 сентября 2012 г.). Т. 2. — Улан-Батор, 2012. — С. 420–426.

Пиков Г. Г. «Возрождение» как особенность развития евразийской культуры // История и теория культуры в вузовском образовании. — Новосибирск: НГУ, 2003. — С. 59–77.

- Π иков Г. Г. Архимандрит Петр (Каменский) как один из пионеров монголоведения // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы Третьей Межрегиональной конференции. Новосибирск: НГУ, 2006. 310 с. С. 281–292 (в соавторстве Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В.)
- Пиков Г. Г. Безмолвствующая культура киданей // ALTAICA X. Сборник статей и материалов. М.: ИВ РАН, 2005. 278 с. С. 141-168.
- Π иков Г. Г. Западные кидани. Новосибирск: НГУ, 1989. 196 с.
- Π иков Γ . Γ . Из истории исторической науки: Карл Август Витфогель // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 54—77.
- Π иков Г. Г. Из истории названия «Китай» // Чингисхан и судьбы народов Евразии 2. Материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2007. 584 с. С. 111–123.
- *Пиков Г. Г.* К вопросу о роли маньчжурских исторических текстов в изучении Восточной Азии в средние века // Вестник НГУ. 2009 г. № 4. Серия История, филология. С. 67–72.
- Пиков Г. Г. Карл Август Витфогель и «восточный деспотизм» // История через личность. Историческая биография сегодня. Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 390-412.
- Пиков Г. Г. Киданьский «ренессанс» // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. 358 с. С. 269—281.
- Пиков Г. Г. Кочевая империя Ляо (907–1125). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. Т. 1. Методологические, историографические и исторические аспекты. 605 с., Т. 2. Социокультурные аспекты. 617 с.
- Пиков Г. Г. Между мусульманским Востоком и монгольским Западом (судьба киданьского анклава в Средней Азии) // Медиевистика XXI века: Проблемы методологии и преподавания. Вып. III. Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития. Кемерово, 2007. $268 \, \mathrm{c.}$ $C. \, 218 254.$
- Π иков Г. Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «Кочевая империя» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 19–32.

Пиков Г. Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «Кочевая цивилизация» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1.- С. 4–10.

Пиков Г. Г. Памяти хана Кучлука (из истории становления монгольской империи // Вопросы всеобщей истории и историографии. Сборник научных статей памяти профессора А. В. Эдакова. — Новосибирск: НГПУ, 2006. — 290 с. — С. 171—216.

 Π иков Г. Г. Представления о монголах в Европе XIII в. // Сакральный образ правителя: Сборник научных статей. — Кемерово: Издательство Кемеровского государственного университета, 2011. — 268 с. — С. 219–249.

Послания из вымышленного царства. — СПб., 2004.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. А. И. Малеина, под ред. Н. П. Шастиной. — М.: Географгиз, 1957.

Пэн Да-я, Сюй Тин. Хэй-да шилюе (Краткие известия о черных татарах) / пер. Р.П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники. — М., 2009. — С. 27-120.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. Т. 1, кн. 1.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского О. И. Смирновой, редакция проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. Т. 1, кн. 2.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. Т. 2.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Перевод А. К. Арендса. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946. Т. 3.

Родословная туркмен, пер. А. Г. Туманского, — Асхабад, 1897.

Родословное древо тюрков, пер. Г. С. Саблуковой // Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 21, в. 5–6. — Казань, 1905–1906.

Розов Г. М. История Золотой империи / Под ред. В. Ларичева. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1998. Коммент. А. Г. Малявкина.

Pубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. — М.: Мысль, 1997. — 102 с.

 $\it Pydob~ \Pi.~ H.~$ Кидани // Дальний Восток. Сборник статей по филологии, истории, философии. — М., 1961. — С. 158–172.

Рудов Л. Н. Проблемы киданьской письменности // Советская этнография. 1963. № 1. С. 87–98.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. — М.: Наука 1977. — 503 с.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана / 2-е изд., доп. — СПб., 2013. — 384 с.

Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием «Юань чао би ши», русский перевод С. А. Козина, т. І. — М.-Л., 1941.

Старинное монгольское сказание о Чингизхане. Перевел с китайского с примечаниями архимандрит Палладий // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. — СПб., 1866, Т. IV. — С. 3–258.

Стратанович Г. Г. К вопросу о наименовании государства Кидань и Ляо // Топонимика Востока: новые исследования. — М., 1964.

Татаро-монголы в Азии и Европе. — М.: Наука, 1977.

Томилов Н. А. Сибирская культурная провинция и ее место в российской и мировой цивилизациях // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. II. — Улан-Удэ, 2000. — С. 339-347.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. — М., 1993.

Tюрюмина Л. В., Ларичев В. Е., Лебедева Е. П. Гибель империи Ляо // Бронзовый и ранний железный век Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 225–260.

 $\it Xasaho 6 A.M.$ Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. — СПб., 2008. — 512 с.

 $\it Xазанов \ A.M.$ Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. — М., 1975. — 343 с.

Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения АН КазССР. — Алма-Ата, 1959. Т. I.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. — М., 2004.

Xрапачевский $P.\Pi.$ «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX-XII веков по китайским источникам. Материалы китайских

Сведения об авторе

Пиков Геннадий Геннадьевич родился 30 июня 1951 г. в Новосибирске. В 1974 году закончил гуманитарный факультет НГУ, по специальности «История».

В данный момент — Заведующий Кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского Государственного Университета.

Преподаватель высшей школы, ученый-историк. Доктор культурологии. Доктор исторических наук.

Пиков Геннадий Геннадьевич — специалист в области истории средневековой европейской культуры и истории кочевой цивилизации. В центре научных интересов — вопросы соотношения христианской религии с другими сферами средневековой европейской культуры, а также некоторые проблемы истории монголоязычных народов в Средневековье, прежде всего киданей и их государственных образований Ляо (907-1125) и Западное Ляо (1125-1218).

Изучение преимущественно данных письменных источников европейского, китайского и мусульманского происхождения позволило поднять ряд важнейших в методологическом отношении проблем:

- взаимоотношения религии и культуры, религии и общества (на средневековом европейском материале),
- специфика развития кочевых государственных образований Восточной Азии, а также реконструировать и во многом по-новому осмыслить историю одного из выдающихся восточноазиатских народов киданей.

Автор уделяет большое внимание изучению проблем истории востоковедения и христианской философии истории.

Как ученого Геннадия Геннадьевича отличает вдумчивое отношение к источникам, их скрупулезный анализ в широком компаративистском контексте.

Пиков Геннадий Геннадьевич

Тени минувших веков (очерки из цивилизационной истории восточноазиатского кочевого мира)

Учебное пособие

Ответственный редактор *С. Краснова* Верстальщик *С. Мартынович*